

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ДРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

ЗА 1971 ГОД

Основан в 1957 г.

академиком М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1972

«Археографический ежегодник за 1971 год» включает статьи и материалы по вопросам археографии и источниковедения, обзоры и публикации архивных документов.

В подготовке к печати «Ежегодника» принимали участие сотрудники Археографической комиссии Ю. В. Андриюшайте, Н. А. Долдобанова, В. Б. Павлов-Сильванский, И. Е. Тамм.

Редакционная коллегия:

С. О. ШМИДТ (ответственный редактор),
Ю. В. АНДРИУШАЙТИТЕ, С. Н. ВАЛК,
Н. А. ДОЛДОБАНОВА (ответственный секретарь),
В. А. ДЬЯКОВ, Б. Г. ЛИТВАК

8(п)

A-87

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ АН СССР

66903

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

С. Н. Валк

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ «ЛЕГЕНДА»

Нужды развивающейся исторической науки давным-давно потребовали размножения находившихся в разбросанных по разным хранилищам исторических документов. Сперва это делалось в виде рукописных копий, затем — в виде печатных воспроизведений, наконец, в наши дни — в непрерывной смене в виде все более усовершенствуемых фотомеханических приемов воспроизведения рукописей. Однако ни рукописное, ни какое-либо другое, кажущееся даже совершенным для данного времени, воспроизведение документа не может быть воспринято критически настроенным историком без знания того, что представлял собой воспроизведенный текст в его подлинном виде, какие изменения он претерпел при воспроизведении, каков был во всем его целом тот документ, текст которого воспроизведен. Эта неизбежная во всяком издании документа объяснительная его часть получила в русской, а затем и в советской археографии терминологическое название «легенда».

Термин «легенда» имеет весьма широкое распространение в научной разноязычной литературе. Достаточно заглянуть в предназначенные даже для общего употребления словари, чтобы его обнаружить. Он присутствует, к примеру, в известнейшем французском словаре «Petit Larousse», предназначенном «pour tous», где «légende» связана с латинским «legenda» и переведена как «то, что должно быть прочтено», и далее определяется: «разъяснение, сопутствующее фотографии, рисунку, плану или географической карте, дабы облегчить их понимание»¹. То же самое найдем и в распространенном немецком современном употреблении этого термина². Наконец, в нашем новейшем «Словаре современного русского литературного языка» найдем для «легенды» аналогичное пояснение: «совокупность условных знаков или пояснительный текст к плану, рисунку, карте и т. п.»; это пояснение сопровождается тем же указанием на латинское «legenda»³. Наиболее обстоятельное разъяснение должного содержания легенды приводит в своем предназначенном для историков источниковедческом труде о значении для них географической карты новейший немецкий автор Р. Огриссек. Он определяет легенду как «сводное качественное и количественное разъяснение всех использованных на карте графических элементов»⁴.

Итак, не только общенаучное, но и общеупотребительное значение

¹ «Petit Larousse», 14^e tirage. Paris, 1963, p. 595.

² «Lexicon A—Z in einem Band». Leipzig, 1955, S. 585: «Erläuterung auf Landkarten».

³ «Словарь современного русского литературного языка», т. 6. М.—Л., 1957, стб. 101.

⁴ R. Ogrissek. Die Karte als Hilfsmittel der Historikers. Leipzig, 1968, S. 63: «Die Zeichnerklärung oder Legende... ist in der Kartographie definiert als zusammenfassende qualitative und quantitative Erläuterung aller auf einer Karte benutzter graphischen Elemente».

этого международного, как видим, термина сводится к тому, что он применяется к любому документу, будь то картина, будь то карта или что-либо иное, но во всяком случае что-то такое, которое требует предварительного пояснения для того, чтобы изучаемый документ мог быть надлежаще понят.

Применительно к археографии, с которой навряд ли были знакомы составители отмеченных словарей или иных аналогичных пособий, термин «легенда» вошел давно в употребление в русской археографической литературе для тех же пояснительных целей: мы находим его примененным в одном из самых ранних документов Археографической комиссии почти полтора столетия лет тому назад⁵. После знаменитого археографического путешествия П. М. Строева, обследовавшего хранилища северной и средней России, Археографическая комиссия, как отмечено в ее протоколе от 20 января 1836 г., предположила направить старшего учителя Астраханской гимназии С. И. Матвеева в «археографическое путешествие» по юго-восточному краю России. Я. И. Беренников составил для руководства Матвееву в этом, так и не состоявшемся, путешествии соответствующую инструкцию. Параграф 5 этой инструкции касался приемов снятия Матвеевым копий; в частности, он устанавливал: «В конце актов составлять описание оных (легенду), т. е. показывать: материал, на чем акт писан, формат, подписи, справки, пометы, надписи на пакетах, приписки, печати и пр.»⁶ В какой мере «легенда» явилась впоследствии для нашей дореволюционной археографии термином, практически ясным и в своем значении не требующим никаких особых разъяснений, можно судить по тому, что в столь продуманных и точнее разработанных, составленных академиком А. С. Лаппо-Данилевским дореволюционных «Правилах издания Сборника грамот Коллегии экономии» (Пг., 1922), где легендам отведено целых 19 параграфов, не понадобилось никаких разъяснений, что же разуметь под «легендой».

Едва ли не первым в советской археографической литературе опытом разъяснения на основе отечественной практики, какое значение должен иметь термин «легенда» именно в археографии и каков обычный ее состав при издании документов, явились соответствующие параграфы в составленном С. Н. Валком «Проекте правил издания трудов В. И. Ленина» (М.—Л., 1926). В качестве общего определения здесь было указано, что археографическая легенда имеет в издании «значение контрольно-редакционного аппарата»; здесь же определялся, применительно к тем особым требованиям, которые предъявлялись к данному изданию, и состав такого «контрольно-редакционного аппарата». Именно он должен был включать археографические сведения о документе, обосновывать его редакционную обработку и сообщать данные его печатной истории.

А. А. Сергеев, первый преподаватель археографии в образованном в 1931 г. Московском историко-архивном институте (тогда еще Институте архивоведения), был человеком широкого кругозора и являлся вместе с тем обладателем весьма значительного и разнородного археографического опыта, связанного с его ведущей работой в «Красном архиве».

⁵ Термин «легенда» до сих пор употребляем только в нашей археографии. Недавно лишь его стал применять польский историк С. Калябиньски (в свое время он защитил кандидатскую диссертацию на заседании Ученого совета исторического факультета Ленинградского университета). З. Колянковски в своих суждениях по вопросам архивной терминологии признает, что новый для польской археографии термин «легенда» удобнее, чем существующие описательные ее обозначения, и считает, что употребление этого термина в польской литературе «не должно вызвать каких-либо оговорок» (*Z. Kołankowski. O przyszłej instrukcji wydawania źródeł historycznych XX wieku. — «Studia źródłoznawcze», IV. Warszawa, 1959, str. 137—138.*)

⁶ «Протоколы заседаний Археографической комиссии 1835—1840», т. 1. СПб., 1885, стр. 30.

Он успел из-за, к сожалению, преждевременной своей смерти напечатать только в виде статьи части подготовляемого им руководства по археографии, скромно названного им «популярной брошюрой». А. А. Сергеев коснулся легенды сперва в этом систематическом изложении вопросов археографии, а затем в составленном им «Проекте правил издания документов ЦАУ СССР». Общее определение легенды было дано А. А. Сергеевым в статье в виде знакомой нам уже формулы с некоторым, однако, в ней изменением. Легенда содержала для А. А. Сергеева те же «контрольные» данные, но далее они определялись не как «редакционные», а как «археографические» данные («контрольно-археографические данные»). Точно так же в подробном, расчлененном по параграфам, изложении «Проекта правил» мы найдем у А. А. Сергеева те же знакомые нам составные части легенды с особо развитым перечислением должествующих быть в легенде «моментов редакторской работы»; в составе последних легенда должна была содержать: обоснование выбора текста для печати, «мотивы» установления авторства, обоснование редакционной датировки, объяснение причин издания документа в извлечениях, а не полностью, обоснование причин повторного издания данного документа⁷.

Составленные в 1936 г. Историко-археографическим институтом Академии наук СССР «Правила издания документов XVI—XVII вв.» отмечали в своем предисловии, что «Правила издания Сборника грамот Коллегии экономии» «не могли удовлетворить Историко-археографический институт, стремящийся выработать приемы издания документальных текстов гораздо более разнообразного содержания, но «явились до известной степени основой и отправным пунктом» вновь составляемых правил. Далее давалось определение легенды, именно говорилось, что «к каждому документу приводится легенда, служащая для исследователя контрольно-справочным аппаратом». В дальнейшем (§ 94) указывался и аналогичный предшествующему «Проекту правил» состав легенды: место хранения, шифр, объем; археографические сведения; предшествующие издания; обоснование редакторской обработки текста⁸.

А. А. Шилов, один из замечательнейших наших археографов, сочетавший в своих трудах накопленный им выдающийся опыт советских изданий документов нового времени с научными навыками, приобретенными им при многолетних занятиях в дипломатическом семинарии А. С. Лаппо-Данилевского, дважды касался определения легенды. Раз совершенно мимоходом в составленных им «Правилах издания документов нового времени» А. А. Шилов говорил лишь о «легенде, т. е. редакционном примечании археографического характера, помещаемом после текста документа». Вторично в своем очень известном, блестящем по ясности мысли и стилистической точности изложения «Руководстве» А. А. Шилов отвел легенде сравнительно значительное место. Здесь А. А. Шилов отмечает «сведения», которые «археограф-историк обязан сообщить» «исследователю» для того, чтобы тот смог «в случае надобности, при обращении к оригиналу документа проверить проделанную археографом работу». «Такие сведения, — определяет А. А. Шилов, — имеющие по существу контрольный характер, называются легендами и должны сопровождать каждый издаваемый документ». Не внося существенно нового в установление состава легенды, А. А. Шилов, как и его предшественники, отмечает включение в ее состав «мотивировки редакторской обработки документа», а также то, что состав легенды и ее размеры (она «может быть расширена и до размера нескольких страниц») зависят

⁷ А. А. Сергеев. Методология и техника публикации документов. — «Архивное дело», 1932, вып. I—II (30—31), стр. 83; *он же*. К вопросу о разработке правил издания документов ЦАУ СССР. — Там же, 1935, вып. I (34), стр. 68—69, § 16—27.

⁸ «Проблемы источниковедения», сб. 2. М.—Л., 1936, стр. 315—316, 327.

«от характера издаваемых документов и от работы, проделанной над ними археографом»⁹.

Преемником А. А. Сергеева и А. А. Шилова по работе в Центрархиве и по преподаванию в Историко-архивном институте явился П. Г. Софинов. Составленные им «Основные правила публикации документов Государственного архивного фонда Союза ССР», над которыми он тщательно работал, содержат раздел о легендах, однако никаких общих определений легенды П. Г. Софинов не установил. Для последующей же истории легенды оказалось существенным, что П. Г. Софинов упростил предлагаемый им состав легенды: он включил в него лишь ограниченный круг таких данных, как шифр, характер¹⁰, внешний вид издаваемого документа и библиографию, но исключил имевшиеся во всех предшествующих правилах требование обоснования редакционной работы археографа. П. Г. Софинов, таким образом, исключил из состава легенды именно ту важнейшую ее часть, которая, о чем далее, является основным звеном ее научно-критического значения¹¹.

Хотя археографическая деятельность П. Г. Софинова продолжалась не столь уж долгое время, она оставила значительный след в последующей литературе. Не касаясь здесь вообще того влияния, которое оказали взгляды П. Г. Софинова на последующие труды по археографии, как в теоретическом, так и в практическом ее ответвлениях, обнаруживаем, что в вопросе именно о легенде его взгляды нашли дальнейшее обостренное развитие.

Как сообщает в своей обстоятельной статье Е. М. Тальман, кафедра теории и практики архивного дела проявила «инициативу» и вопрос о «легенде» был подвергнут ею решительному пересмотру, который привел кафедру даже к замене этого термина другим, именно «контрольно-справочными сведениями»¹².

Именно кафедра нашла, что «все» существующие правила издания документов дают «нечеткое толкование назначения легенды и определение ее состава». Это сказалось в том, что рассмотренные кафедрой правила «рекомендуют» включать в состав легенды такие сведения, как обоснование датировки. В изложении Е. М. Тальман место обоснованию датировки не в легенде, а в текстуальных примечаниях, так как оно «тесно связано с текстом документа» (91).

Заметим, однако, что текстуальными примечаниями мы называем те примечания к издаваемому тексту, которые или являются вариантами

⁹ «Правила по подготовке к изданию документов нового времени XIX—XX вв.» — В кн.: Г. А. Князев. Теория и техника архивного дела. Л., 1935, стр. 115 (об авторстве А. А. Шилова, при ближайшем участии В. К. Лукомского, см.: «Архивное дело», 1935, № 4 (37), стр. 52, прим. 2); А. А. Шилов. Руководство по публикации документов XIX в. и начала XX в. М., 1939, стр. 69—71.

¹⁰ К сожалению, в нашей археографической литературе нет общего установившегося термина для обозначения того, в каком отношении данный текст документа относится к своему подлиннику. «Правила издания исторических документов в СССР». М., 1969 (§ 156) обозначают соответствующие отношения «подлинностью». Но в то же время разновидностью этой «подлинности» является «подлинник» же, а затем копия и т. д., которые никак не являются разновидностью «подлинности». В текущей археографической литературе мы встречаемся с рядом терминологических попыток определения искомого отношения. Так, встречаем: «характер подлинности» («Методическое пособие по археографии». М., 1958, стр. 177); «характер источника текста: является ли он подлинником или позднейшей копией» (А. А. Зимин. Методика издания древнерусских актов. М., 1959, стр. 38); «характер: оригинал, список, копия» («Смоленские грамоты XIII—XIV вв.» М., 1963, стр. 7). По-видимому, именно термин «характер», повторяющийся в разных сочетаниях, и явился бы наиболее удобным для обозначения отношения данного текста к его подлиннику.

¹¹ «Основные правила публикации документов Государственного архивного фонда Союза ССР». М., 1945, стр. 21—22, § 117—124.

¹² Е. М. Тальман. Археографическое оформление документов при их публикации. — «Труды МГИАИ», т. VIII, 1957, стр. 66—94 (далее в тексте в скобках указаны соответствующие страницы этой статьи).

текста, или содержат новые чтения, предлагаемые редактором издания взамен неисправных чтений рукописи. Обоснование же датировки, которое предлагается отнести в текстуальные примечания, является отнюдь не текстом документа, а редакционным текстом, притом таким, который относится не к какому-либо определенному месту документа, а к документу в его целом. Самым отчетливым показателем отношения обоснования датировки к тексту документа может послужить случай обоснования датировки такого документа, который вообще не имеет в тексте никаких хронологических обозначений. Итак, обоснование датировки никак не может оказаться в составе «текстуальных примечаний».

При том же рассмотрении «всех» правил Е. М. Тальман обнаружила и другое «нечеткое» толкование легенды. Оно состоит в том, что эти правила рекомендуют включать в состав легенды пометы и резолюции. По мнению Е. М. Тальман, пометы и резолюции являются «составной частью» документа и потому их надо помещать не в легенде, а под текстом документа (91). Для разъяснения последующего воспользуюсь примером. Существует лист бумаги, на котором М. М. Сперанским написаны «Примечания» о Сенате. На поле против одного места «Примечаний» Сперанского А. С. Воронцовым сделана помета, предлагающая Сперанскому изменить эту часть текста¹³. Является ли эта помета «составной частью» текста Сперанского? Действительно, и «Примечания» Сперанского, и помета Воронцова являются в архивном своем облике составными частями одного архивного документа, так называемой одной «единицы хранения». Однако в редакционном понимании оба они являются разнородными авторскими документами: один — Сперанского, другой — Воронцова¹⁴. Поэтому категорическое решение Е. М. Тальман вопроса о месте таких помет в издании (именно бесспорно помещать их под текстом документа) подлежит весьма большому сомнению: есть разные виды помет, и могут быть разные приемы того, как поступать с ними. Так, опытейший археограф А. А. Сергеев в своей «Методологии и технике публикации документов», перечисляя то, что «в легенде должно быть указано», включает в этот состав также «текст резолюций и важнейших делопроизводственных помет»¹⁵. То же видим в издании Института марксизма-ленинизма «Декреты Советской власти»: пометы здесь помещены именно в составе легенды.

Однако наряду с такими частными критическими замечаниями и доказательствами «нечеткостей», обнаруженных Е. М. Тальман в установлении состава легенды, мы встречаемся с гораздо более существенным для общих судеб легенды мнением М. С. Селезнева. В противоположность положениям о легенде как одной из основных частей издания М. С. Селезнев видит в легенде «такие элементы, которые... не в первую очередь могут интересовать каждого читателя»¹⁶. М. С. Селезнев в дальнейшем полагает, что «ознакомление с легендой приносит читателю лучшую пользу тогда, когда он сначала прочтет сам источник и разберется в его содержании»¹⁷. Однако, какая же цель обращаться к легенде или заменяющим ее контрольно-справочным сведениям, когда без помощи содержащихся в легенде сведений читатель уже сделал самое важное, т. е. разобрался в содержании изданного документа, — ведь теперь ему открыт путь к желанному исследованию изучаемого им предмета.

Отвергнув предшествующее понимание легенды, кафедра предложила новое ее содержание и соответственно с новым содержанием предложила

¹³ М. М. Сперанский. Проекты и записки. М.—Л., 1961, стр. 73.

¹⁴ Там же.

¹⁵ А. А. Сергеев. Методология и техника публикации документов, стр. 83.

¹⁶ М. С. Селезнев. Законодательные акты начального периода развития Советского государства. — «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, 1958, № 7, стр. 105.

¹⁷ Там же.

и новое соответствующее новому содержанию ее название: «контрольно-справочные сведения».

В изложении Е. М. Тальман оно таково:

«Контрольно-справочные сведения являются важной составной частью археографического оформления документов при их публикации. Они создают возможность удостовериться в наличии оригинала публикуемого документа, проверить всю работу археографа, начиная от выявления и отбора документов для публикации и кончая научно-справочным аппаратом к изданию документов. В этих целях они включают указания на место хранения публикуемого документа и его шифр» (здесь и далее подчеркнуто нами. — С. В.) (87). Наряду с этой «функцией» «контрольно-справочных сведений», Е. М. Тальман отмечает и их «другое назначение»; оно состоит в том, что сведения эти должны содержать «указания на степень подлинности документа, его внешний вид (сохранность, способ воспроизведения, если он имеет особенности); указание на предыдущие издания» (87—88).

Добавочно к этому определению состава «контрольно-справочных сведений» следует принять во внимание категорическое требование, что «комплекс контрольно-справочных сведений должен быть строго ограничен вышеотмеченными элементами, дающими возможность последним выполнить свое назначение» (91).

Обращаясь к этому определению «контрольно-справочных сведений», нельзя не отметить, что трудность его усвоения обусловлена смешением в нем двух археографически разнородных частей издания. Одна из них — это археографическое предисловие, которое обосновывает работу издателя в отношении состава всего сборника документов и их особенностей, другая — предлагаемые кафедрой «контрольно-справочные сведения», каждое из которых должно составляться применительно к особенностям каждого отдельного из входящих в состав сборника документов. Отмеченная в вышеприведенном определении «вся работа», начиная от выявления и отбора документов и кончая научно-справочным аппаратом к изданию, явственно относится к составу не «контрольно-справочных сведений», а к сборнику документов. В то же время указания на место их хранения и шифр могут быть отнесены только к каждому отдельному документу. Таким образом, только вышеподчеркнутые нами элементы определения образуют в своей совокупности устанавливаемый новым определением «комплекс контрольно-справочных сведений».

Новое в приведенном определении состояло в том, что «неопределенная» легенда, которая «укрепилась в археографической практике», заменялась новым «точным определением — контрольно-справочные сведения», со строго ограниченным составом сведений.

Обращаясь к вышеизложенному, мы находим, что сам термин «контрольно-справочные сведения» не нов, а является точным повторением уже известного нам «контрольно-справочного аппарата», термина, который в 1936 г. употребил Историко-археографический институт для разъяснения термина «легенда»; однако, приведя это разъяснение, институт оставался при традиционном определении состава легенды, отнюдь не считая, что этот термин требует какого-либо изменения состава легенды.

В то же время определение состава «контрольно-справочных сведений» соответствует тому уже отмеченному ограничению состава легенды, которое мы наблюдаем в установленном П. Г. Софиновым ее составе, т. е. в исключении из состава легенды отчета археографа относительно итогов научной подготовки им документа к изданию. Однако это изменение состава легенды не явилось для П. Г. Софинова побуждением к замене самого термина каким-либо другим. П. Г. Софинов, меняя состав

легенды, оставлял ее старое название. Итак, мы видим, что новое кафедральное определение явилось соединением термина, заимствованного у Историко-археографического института (но оторванного от вкладываемого институтом в этот термин традиционного содержания), с составом содержания, заимствованным у П. Г. Софинова (но оторванного от сохраненного им традиционного термина «легенда»). Так термин одной теории, будучи сочетаем с содержанием другой теории, создал новую, третью теорию «контрольно-справочных сведений», со «строгим» составом сведений.

Во всех вышеприведенных опытах определения легенды одна часть составного ее определения оставалась неизменной при всяких возможных терминологических изменениях другой. Такой неизменной явилась первая часть, определяющая «контрольный» характер легенды. В то же время вторая часть определения легенды оказывалась то «редакционной» (С. Н. Валк), то «археографической» (А. А. Сергеев), то, наконец, «справочной» (кафедра археографии). Нас не должно удивить, что признак контрольности присутствует везде при непримиримости определений и «неточной» легенды и «точных» контрольно-справочных сведений. По старому-престарому суждению «человеку свойственно ошибаться», и что бы этот человек ни делал, проверять его всегда должно. Это положение применительно к легенде впервые было введено еще в 1926 г. в «Проекте правил издания трудов В. И. Ленина» и затем переходило в последующие определения легенды. Так же и Е. М. Тальман, подчиняясь этому общеобязательному, конечно и для археографа, контролю, полагает, что контрольно-справочные сведения «создают возможность ... проверить всю работу археографа» (87). Надо признать совершенное излишество включения этого общего и специально археографически бессодержательного признака в состав определения легенды и «контрольно-справочных сведений». Лишь вторая часть определения легенды или «контрольно-справочных сведений» содержит уже определенное указание, что именно подлежит контролю. Так как термин «редакционный» и «археографический» являются тождественными по своему содержанию частями легенды, то нам придется иметь в дальнейшем суждения о значении различия между «редакционной» (или «археографической») частью легенды и «справочной» частью «контрольно-справочных сведений».

Справочны ли на самом деле включаемые в их состав сведения? Определение «степени подлинности» является в археографии на самом деле ответственной научной задачей. Сама Е. М. Тальман подсказывает нам, что «в зависимости от того, является документ подлинником, копией (какой копией), черновиком, отпуском, у читателя будет складываться то или иное отношение к изучению документа» (88). Установление этой стороны документа, ее характера, является поэтому одной из настоятельнейших отнюдь не справочных задач археографа, а делом очень сложной научной работы, итог которой сообщается в легенде ученому, который будет данным документом пользоваться в своем исследовании. А к каким огорчениям приводит научное неразличение стадий изготовления документа, тому может послужить случай, происшедший в авторитетном издании, которое ведет Министерство иностранных дел под названием «Документы внешней политики СССР». Среди документов первого тома находим всем хорошо известную «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Первые же строки изданного здесь текста начинаются словами: «Учредительное собрание постановляет», и аналогичные формулы употребляются на всем протяжении издания этого акта. Однако ведь известно, что «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» была актом не Учредительного собрания, а была она утверждена III Всероссийским съездом Советов. Именно легенда, содержащая ссылку на сочинения В. И. Ленина (изд. 4), вскрывает характер редакционной,

а не справочной работы издателя этого текста Декларации; он включил в данное издание вместо утвержденного официального текста Декларации принадлежащий В. И. Ленину ее проект¹⁸.

Приведем еще пример того, какое редакционное, а не справочное значение имеет легенда для понимания изучаемого текста. Примером этим нам послужит письмо В. И. Ленина, написанное им в июле 1902 г. И. И. Радченко, известному деятелю Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в то время члену Организационного комитета по созыву II съезда РСДРП. Письмо это в целях конспирации должно было содержать, конечно, некоторые зашифрованные места текста. Действительно, в письме все время идет речь о неких «Ване», «Соне» и «Мане». Однако читатель будет весьма удивлен, что при первых упоминаниях «Вани», «Мани», «Сони» В. И. Ленин тут же раскрывает, кто такие эти «Ваня», «София» и «Маня», именно он пишет: «Ваней (Петербургским Союзом)», «Мане = рабочей организации», «Соней (русской организацией „Искры“)¹⁹». Только итог «редакционной» работы археографа, установившего, что издаваемый печатный текст является текстом чернового автографа В. И. Ленина (а не отправленного конспиративно подлинника), будучи предварительно сообщен в легенде читателю, сделает для него понятным текст, к чтению которого он приступает. Как видим, легенда является и здесь никак не средством контроля или справки, а служит необходимой частью редакционной работы археографа, без отчета о которой в легенде, в особенности «каждый читатель», никак не сможет приступить к изучению содержания документа.

В состав «контрольно-справочных сведений» кафедра включает и «внешний вид» документа. Нечего доказывать, что для исследователя едва ли первым шагом к изучению документа является изучение его внешнего вида. Он счастлив, если работа его происходит в архиве над подлинником, но тем требовательнее он относится к легенде, если ему приходится иметь дело только с имеющимся в ней описанием незнакомого ему подлинника. Ведь именно для удовлетворения этой потребности исследователя возникали и продолжают возникать так называемые вспомогательные исторические дисциплины, как, например, палеография и др. Одно определение в легенде, что документ написан на бумаге с такой-то филигранью, являясь итогом ученых розысков археографа, становится важным звеном в последующих суждениях исследователя-историка. Да и шифр является для исследователя отнюдь не простым справочным показателем, каков он для разыскивающего его в хранилище архивариуса. Одно ли значение имеет для исследователя копия письма партийного деятеля, в зависимости от того, укажет ли легенда, что копия эта обнаружена в партийном архиве, или же что она извлечена из перлюстрации Департамента полиции?

Однако задачи археографа, готовящего издание, не исчерпываются данными, предлагаемыми «контрольно-справочными сведениями»; более того, последние оставляют без внимания самую сложную часть работы археографа, обуславливаемую общими требованиями исследователя, стремящегося получить издание в виде, пригодном для того, чтобы непосредственно приступить к исследованию. Историк несомненно потребует, дабы документ был уже обработан археографом так, чтобы не пришлось каждому, им пользующемуся, устанавливать самому характер текста, место, дату, автора этого документа. На деле мы видим, что действительно выполнение этих и тому подобных требований столь настоятельно, что они включаются традиционно во все существующие правила издания до-

¹⁸ «Документы внешней политики СССР», т. I. М., 1957, стр. 85; ср. «Декреты Советской власти», т. I. М., 1957, стр. 314—323 и 341—343.

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 192—197.

кументов. Однако, если выполнение этого требования столь очевидно, то ведь археограф должен представить позднему потребителю этого издания и убедительные доказательства правильности принятых им решений. Уже двести лет тому назад (1768 г.) один из основателей новой исторической критики Август-Людвиг Шлёцер²⁰ написал не устаревшие до наших дней слова, что «добросовестный, критически настроенный, по выражению некоторых педантичный, историк не принимает ни одного слова на веру». Мы видели, что П. Г. Софиновым эти доказательства, являющиеся обоснованием принятых археографом решений, не вносились в состав легенды. Согласно теории «контрольно-справочных сведений», обоснование археографом итогов его научной работы тоже «не может отвечать назначению» этих сведений.

Отрицание обязанностей археографа дать отчет о своей работе никак не соответствует ни требованиям научной исторической критики, ни практической совести виднейших советских археографов. Так, навряд ли кафедра станет отрицать археографический авторитет Л. В. Черепнина, осуществившего ряд первостепенной важности публикаций, и в том числе драгоценнейшее по своему научному значению издание «Духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XVI вв.» (М.—Л., 1950). Здесь в предисловии Л. В. Черепнин отмечает, что «основания для датировки каждой отдельной грамоты коротко указаны в сопровождающей его легенде» (5). И мы действительно находим в составе каждой легенды поставленное даже на первом месте «основание для датировки». Возьмем для примера другое издание, которое останется, как говорили древние греки, «достоянием на века» в нашей археографии, — достопамятное издание «Актвов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.» (т. I—III. М., 1952—1964), в состав которых вошли все приведенные в известность к тому времени наши древнейшие акты вплоть до 1505 г. Издание это — итог многолетних и самоотверженных трудов И. А. Голубцова, совершенно изумительной по разносторонней тщательности историко-археографической работы, образец продуманного и во многом совершенно нового в своих решениях археографического труда. И здесь мы читаем в «Археографическом введении» то же самое обязывающее заявление, что «все соображения С. Б. Веселовского, относящиеся к датировке недатированных актов, были использованы в соответствующих частях легенд» (I, 23). Можно указать для иного примера обширное издание «Памятников по истории еретических движений XIV—начала XVI в.»²¹, в котором составители (А. А. Зимин, Я. С. Лурье, А. И. Клибанов и Н. А. Соколов) в обстоятельных легендах к отдельным памятникам обосновывают прежде всего сложную текстологическую работу над использованными списками сочинений.

Вопрос о месте легенды в издании вызвал в последние годы в нашей археографической литературе некоторые разногласия. Со времени первых случаев ее применения в изданиях досоветской археографии легенда обычно следовала за текстом издаваемого документа (в порядке: заголовок — текст — легенда). В некоторых изданиях Историко-археографического института (теперь Института истории), Института марксизма-ленинизма и др. легенда появилась вслед за заголовком, предшествуя издаваемому тексту. В западноевропейской археографической практике мы видим также двойственное решение этой задачи: в одних изданиях легенда предшествует тексту, в других текст документа предшествует легенде.

²⁰ Напомним, что А. А. Шахматов начал свои знаменитые «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (СПб., 1908, стр. III) словами о «великом Шлёцере».

²¹ Они изданы в качестве приложения к исследованию Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье «Антифеодальные движения на Руси XIV—нач. XVI в.» (М.—Л., 1955, стр. 227—523).

Первым, выступившим против изменения отношения к месту легенды в составе издания, был А. А. Шилов в своем упоминавшемся уже «Руководстве». В особом разделе «Место легенды» А. А. Шилов признал, что в этом вопросе археография «до сих пор не выработала единообразных приемов». При установлении своего решения А. А. Шилов исходил из понимания легенды только как «контрольного аппарата». В таком случае, конечно, надо было сперва знать то, что понадобится «контролировать», т. е. текст документа, «а затем уже дополнять полученные сведения и, в случае надобности, контролировать проделанную археографом работу». Естественно, что при таком понимании легенды А. А. Шилов считал «более правильным и логически последовательным» помещать легенду «непосредственно вслед за текстом документа». А. А. Шилов приводил и другие соображения в подтверждение своего взгляда, в частности и впоследствии употребляемый аргумент, что помещение легенды перед текстом «нарушает целостность представления о содержании документа, отрывая заголовок от текста самого документа»²². Е. М. Тальман сочла данную А. А. Шиловым мотивировку «неправомерности» (ее термин) помещения «контрольно-справочных сведений» после заголовка и перед текстом «недостаточно убедительной» и дополнила ее в качестве «главного аргумента» соображением, что помещенные таким образом контрольно-справочные сведения «мешают заголовку выполнить его важную функцию» (92).

М. С. Селезнев, мнение которого полностью было приведено ранее, отнеся, как мы видели, отрицательно к помещению легенды перед текстом документа. Д. А. Чугаев писал, что о месте легенды «можно спорить» и что это вопрос «формальный»²³.

Тем отраднее, надо признать, что в новых «Правилах издания исторических документов в СССР» (1969 г.) отчетливо сказалось, как это и должно было бы быть всегда, воздействие практики на решение вопроса о месте легенды. Именно в соответствующем параграфе (161) мы читаем после правила, определяющего, что «легенда помещается вслед за текстом документа», дополнение, согласно которому «в изданиях научного типа легенда может быть помещена после заголовка документа».

Однако при наличии возражений мы не встречали доводов, которые разъяснили бы целесообразность того, чтобы предложить читателю сперва прочесть легенду, а затем уже приниматься за чтение самого текста документа.

Полагаем, что вопрос о месте легенды в научном издании находится в известной мере в зависимости от самого предмета издания. Пишущему эти строки пришлось приготовить к изданию в одном и том же учреждении (Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б)) на протяжении двух рядом следующих лет два сборника документов. В одном из них легенда предшествовала тексту документов («Декреты Октябрьской революции». М., 1933), а в другом легенда следовала за текстом документов («Листовки Петербургского „Союза борьбы за освобождение рабочего класса“. 1895—1897». М., 1934). В первом случае текст издаваемого декрета должен был быть устанавливаем на основе нескольких источников, рукописных и печатных. Во втором случае в основе установления текста листовки лежал, как правило, весьма редко нарушаемое, единственный, уже изданный в свое время нелегально, текст.

Для наглядного выяснения, где целесообразно печатать легенду, в первом случае приведем отрывок текста Декрета о запрещении сделок с недвижимостью, печатая декрет в порядке: редакционный заголовок, текст декрета, легенда. Он будет тогда читаться:

²² А. А. Шилов. Руководство по публикации документов XIX в. и начала XX в., стр. 76—77.

²³ Д. А. Чугаев. Археография и источниковедение. М., 1969, стр. 40.

Запрещение сделок с недвижимостью

1. С 18^а декабря 1917 года ввиду предстоящего обобществления^б городской земли приостанавливаются какие бы то ни было сделки по продаже, покупке, залогу и т. п. всех недвижимостей и земель^в в городах^г.

Подлинник.

Известия. . . Газета. . .

Приступая к чтению декрета, изучающий в первой же строке текста наталкивается на требующие разъяснения буквенные обозначения сносок. Не будь предварительной разгадки этих значков, читателю пришлось бы ее разыскивать, прерывая чтение и всякий раз переходя от текста к легенде и возвращаясь вновь затем к тексту. Чем сложнее состав источников текста, тем, конечно, будет настоятельнее предварительное знакомство с его особенностями.

В случае, когда для установления текста документа имеется лишь один источник, вопрос о месте легенды менее сложен, но следовало бы и здесь применить тот же прием расположения легенды. Сошлюсь еще раз на мнение Е. М. Тальман, полагающей, что «в зависимости от того, является документ подлинником, копией (какой копией), черновиком, отпуском, у читателя будет складываться то или иное отношение к изучению документа» (88). Таким образом, и здесь уместно, чтобы читатель был предупрежден до того, как он начнет читать, что он будет читать, текст, воспроизведенный по подлиннику, по копии или еще как-нибудь иначе.

Наконец, здесь уместна аналогия, которую можно провести между изданием сборника документов и единичным документом. Всякому сборнику документов предшествует так называемое археографическое предисловие (или введение); его обязательной задачей является разъяснение состава ли, других ли археографических особенностей данного издания, необходимых для изучения включенных в его состав документов. Никто, полагаем, не предложил бы заменить такое археографическое введение археографическим заключением, мотивируя это тем, что исследователю гораздо больше будет пользы, если он сначала изучит включенные в состав сборника документы, а затем ознакомится с тем, каковы эти документы, почему они были объединены в общий сборник. Но ведь легенда имеет в издании единичного документа то же объяснительное значение, какое предисловие имеет в сборнике документов.

Вышеизложенные замечания позволяют в своем итоге сделать некоторые выводы о положении легенды в составе издания документа и об ее значении для будущего исследователя издаваемого документа. Издание документа, как правило (конечно, подобно всем правилам, оно требует гибкого к себе отношения), обычно складывается из трех частей: заголовка, текста документа и легенды. В свою очередь заголовок включает данные о происхождении документа (дату, автора и т. д.), а также изложение содержания его. Текст документа в научном издании предстает в критически уже обработанном виде. И первое, и второе не дано в самом документе, а являются работой издателя документа. Поэтому исследователь не сможет пользоваться таким изданным документом, если не будет

^а 18 надписано в подлиннике над зачеркнутым: 15.

^б предстоящего обобществления исправлено в подлиннике Г. И. Петровским из первоначального: предстоящей социализации.

^в и земель вставлено Г. И. Петровским.

^г Далее зачеркнут пункт, бывший вторым.

убедительно обосновано предлагаемое издателем происхождение документа, то, каковы источники текста и каким образом на их основе получился предлагаемый исследователю текст документа. Из указанного сжатого перечня вопросов, требующих объяснений со стороны издателя документа, явствует, что это вопросы, которые по старому, но вполне не устаревшему еще обозначению входят в состав так называемой внешней исторической критики. Разъясняемое именно легендой решение вопросов этой критики служит для исследователя показателем того, что изданный археографом документ является вполне пригодным в качестве прочной опоры для последующих самых успешных исследовательских изучений. Таковы в итоге обязанности легенды, таково и ее научное значение²⁴.

²⁴ Нельзя не отметить, что в «Методическом пособии по археографии» (М., 1958), изданном Московским государственным историко-архивным институтом, и в новейших «Правилах издания исторических документов в СССР» (М., 1969) научно-редакционная работа по составлению заголовков и легенд объединена под не соответствующим ни научной, ни редакционной работе археографа термином «оформление», который вообще неизвестен в источниковедческой литературе.

В. И. Буганов

ОБ ИЗДАНИИ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ *

Издание и изучение русских летописей давно стало особой отраслью исторической науки, в частности источниковедения и археографии. К настоящему времени список изданий летописных текстов и исследований о них насчитывает многие сотни названий¹.

Акад. М. Н. Тихомиров, указывая на большое значение русских летописей для гуманитарных наук (истории, литературоведения, лингвистики, фольклористики), писал более 10 лет тому назад, что «проблема издания и изучения русских летописей — это... комплексная проблема, имеющая громадный интерес для истории мировой культуры»². Далее автор пишет о необходимости большего внимания к указанной проблеме и отмечает, что первым шагом в этом направлении явилось создание (в 1959 г.) летописной группы Института истории АН СССР³. Ее возглавил М. Н. Тихомиров, а после его кончины в 1965 г. — акад. Б. А. Рыбаков.

Группа по изданию «Полного собрания русских летописей» (ПСРЛ) существует в Институте истории СССР АН СССР 12 лет. Она является своего рода центром, где ведется работа по подготовке к печати продолжения знаменитой серии, начатой более столетия за четвертью назад. В этой работе, помимо сотрудников Группы, принимают участие специалисты из следующих научных учреждений — Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР, ГИИ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Опыт работы Группы по изданию ПСРЛ и, более широко, работы по изданию и изучению русских летописей, которая проводится в нашей стране в течение более двух столетий, требует подведения итогов с целью выяснения назревших задач в этой важной отрасли научного знания. Конечно, в полном объеме выполнение этой работы требует больших коллективных усилий по изучению историографии русского летописания, истории летописной археографии. Цель настоящей статьи более скромная. В ее задачу не входит рассмотрение историографических итогов источниковедческого изучения русских летописей XI—XVII вв., а также итогов

* В основу статьи положен доклад, прочитанный на заседании секции Ученого совета Института истории СССР по истории СССР дооктябрьского периода 20 мая 1971 г. При его подготовке к печати учтены замечания Л. Г. Бескровного, Л. Л. Муравьевой, В. Т. Пашуто, С. О. Шмидта, сделанные во время обсуждения доклада.

¹ Р. П. Дмитриева. Библиография русского летописания. М.—Л., 1963. Сюда включены работы до 1959 г.

² М. Н. Тихомиров. Русские летописи, вопросы их издания и изучения. — «Вестник АН СССР», 1960, № 8, стр. 71.

³ Там же, стр. 73.

всей работы по публикации летописных текстов, которая была проведена начиная с XVIII в.

Но, поскольку основное содержание работы Группы связано с изданием серии ПСРЛ, имеет смысл кратко остановиться на истории летописной археографии.

В XVIII в. были изданы некоторые ценные летописи, например Новгородская I, Никоновская, Царственная книга, Степенная книга, Двинский, Устюжский, Новый летописцы и др.

Археографическая комиссия, основанная в 1834 г., провозгласила одной из своих целей издание «Полного собрания русских летописей». В 1841—1846 гг. вышли в свет первые три тома. До 1917 г. было опубликовано 23 тома ПСРЛ⁴, включающие ценнейшие в научном отношении летописные памятники: т. I — Лаврентьевская и Троицкая; т. II — Ипатьевская, т. III—IV — новгородские и Псковская I; т. V—VI — псковские, Софийская I и Софийская II; т. VII—VIII — Воскресенская; т. IX—XIII, 1-я половина — Никоновская; т. XIII, 2-я половина — Царственная книга; т. XIV — Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича, всея Руси, Новый летописец; т. XV — Тверская; т. XVI — Летопись Авраамки; т. XVII — западнорусские летописи; т. XVIII — Симеоновская; т. XIX — История о Казанском царстве; т. XX — Львовская; т. XXI — Степенная книга; т. XXII — Русский хронограф; т. XXIII — Ермолинская.

Издатели первых томов ПСРЛ (Я. И. Бередников и др.), находясь под влиянием идей А.—Л. Шлёцера, клали их в основу археографической подготовки летописных текстов. Я. И. Бередников, издавая Ипатьевскую летопись, изъясил из нее Повесть временных лет, так как считал последнюю пригодной лишь для подведения вариантов к Повести же в более древней Лаврентьевской летописи (тем самым он исходил из мысли Шлёцера о возможности восстановления «очищенного» текста Несторовой летописи путем подведения вариантов из более поздних списков к древнейшему из списков — Лаврентьевскому).

В первой половине XIX в. велись жаркие споры между сторонниками «буквального» и научно-критического приемов издания летописей. Они привели к торжеству второго из них. Р. Ф. Тимковский, П. М. Строев, Н. Г. Устрялов разработали тогда же основные элементы правил научно-критического издания летописей⁵. Методы, предложенные Н. Г. Устряловым⁶, предназначались для издания «Полного собрания русских летописей». Но впоследствии эти правила видоизменялись различными редакторами, вносящими субъективное начало в археографическую подготовку изданий отдельных летописей.

Труды А. А. Шахматова обозначили рубеж не только в исследовании русских летописей, но и в подходе к их изданию. Исходя из сущности шахматовского метода, публикация летописных текстов должна быть итогом огромной предварительной работы по изучению состава рукописей и текста списков, привлекаемых к изданию. Теперь становилось недопустимым подведение вариантов к основному списку летописи из другого списка, относительно которого устанавливалось, что он отражает другую редакцию той же летописи в сравнении с основным списком. Между тем такой метод практиковался издателями летописей (так, текст Радзивилловской летописи использовался для подведения вариантов к Лаврентьев-

⁴ ПСРЛ, т. I—XXIII. СПб.—М.—Пг., 1841—1914.

⁵ П. Г. Софинов. Из истории русской дореволюционной археографии. М., 1957, стр. 72—73, 94—97, 110—111.

⁶ Н. Устрялов. Предположение об издании русских летописей и государственных актов, рассмотренное и одобренное Археографической комиссией. — ЖМНП, 1837, № 2.

ской, хотя они относятся к разным редакциям, отразившим историю владимирского летописания).

Впрочем, методы А. А. Шахматова применительно к летописной археографии не получили до революции достаточно широкого распространения; более того, их подчас игнорировали — акад. Е. Ф. Карский в повторном издании Лаврентьевской летописи⁷ по-прежнему использовал Радзивилловскую летопись для подведения вариантов к Лаврентьевской.

После Октябрьской революции 1917 г. в серии ПСРЛ было издано несколько памятников, подготовленных к печати до революции: Ипатьевская⁸, Новгородские IV и V⁹, Рогожский летописец¹⁰, Типографская летопись¹¹, упоминавшаяся выше Лаврентьевская в издании Карского.

К 1920-м годам было издано 24 тома ПСРЛ, причем некоторые из летописей, вошедших в эту серию, публиковались по два-три раза (Лаврентьевская, Ипатьевская, Новгородская IV, Софийская I), не считая отдельных изданий (тех же Лаврентьевской и Ипатьевской — в последней трети XIX—начале XX в.). На этом издание серии ПСРЛ прервалось. Правда, в 1920—30-е годы появились публикации небольших летописных источников в научных журналах и сборниках (М. Н. Тихомиров и др.).

Возобновление издания серии ПСРЛ по инициативе акад. М. Н. Тихомирова началось более двух десятилетий спустя после появления в свет издания Карского и почти три десятилетия спустя после появления т. XXIV. В 1949 г. М. Н. Тихомиров опубликовал Московский свод конца XV в.¹² Выход следующего тома, включавшего Вологодско-Пермскую летопись¹³, совпал с образованием специальной Группы по изданию ПСРЛ. В вышедшей вскоре статье М. Н. Тихомиров обосновал необходимость продолжения издания русских летописей, выявления новых их списков, писал о планах на последующие годы, археографических правилах публикации летописных текстов¹⁴.

За прошедшие годы опубликовано шесть томов серии «Полного собрания русских летописей», в которые вошли важнейшие исторические источники: в т. XXVI — Вологодско-Пермская летопись, в т. XXVII — Никаноровская, сокращенные своды конца XV в., в т. XXVIII — своды 1497 г. и 1518 г., в т. XXIX — Летописец начала царства царя Ивана Васильевича, Александро-Невская, Лебедевская, в т. XXX — Владимирский летописец, Новгородская вторая (Архивская), в т. XXXI — Мазуринский летописец, Летописец 1619—1691 гг., летописное сказание П. Золотарева¹⁵. Том XXVIII ПСРЛ подготовлен в ЛОИИ АН СССР. Ответственным редактором пяти из этих томов был академик М. Н. Тихомиров. Начиная с т. XXXI ответственным редактором серии является акад. Б. А. Рыбаков. В подготовке текстов принимали участие многие специалисты: в т. XXVI — В. И. Буганов, Т. Н. Протасьева, М. Н. Тихомиров, М. В. Щепкина; в т. XXVII — Н. Н. Улащик, С. М. Каштанов, В. А. Кучкин; в т. XXVIII — К. Н. Сербина; в т. XXIX — М. Е. Бычкова, А. А. Зимин, А. Г. Кузьмин; в т. XXX — М. Н. Тихомиров, Л. Л. Муравьева, Л. И. Ивина; в т. XXXI — В. И. Буганов, Ф. А. Грекул, В. И. Корецкий, Л. З. Мильготина. Редакторами отдельных томов выступали: в т. XXVI — М. Н. Тихомиров, т. XXVII — А. Н. Насонов, т. XXVIII —

⁷ ПСРЛ, т. I, вып. 1—3, изд. 2. Л., 1926—1928.

⁸ Там же, т. II, вып. 1, изд. 3. Пг., 1923.

⁹ Там же, т. IV, ч. I, вып. 2. Л., 1925; ч. II, вып. 1. Пг., 1917.

¹⁰ Там же, т. XV, вып. 1, изд. 2. Пг., 1922.

¹¹ Там же, т. XXIV. Пг., 1921.

¹² Там же, т. XXV. М.—Л., 1949.

¹³ Там же, т. XXVI. М., 1959.

¹⁴ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 72—73.

¹⁵ ПСРЛ, т. XXVI—XXXI. М., 1959—1968.

К. Н. Сербина, т. XXIX — А. А. Зимин, Н. Н. Улащик, т. XXX — М. Н. Тихомиров, т. XXXI — В. И. Буганов.

Подготовлены к печати еще два тома ПСРЛ. Один из них (т. XXXII) включает три белорусско-литовские летописи, другой (т. XXXIII) — Холмогорскую летопись и Двинский летописец (К. Н. Сербина, ЛОИИ СССР АН СССР).

Фотогипическим методом переизданы тома ПСРЛ, давно ставшие библиографической редкостью: Лаврентьевская, Ипатьевская, Никоновская, Новый летописец, тверские летописи¹⁶. Издание осуществлялось под наблюдением акад. М. Н. Тихомирова.

Н. Н. Улащик перевел на русский язык одну из белорусско-литовских летописей, которая была издана под редакцией М. Н. Тихомирова¹⁷.

Сотрудники Группы опубликовали в различных журналах, сборниках тексты небольших по размеру летописцев или отрывков из них. Так, В. И. Буганов и В. И. Корецкий издали недавно московский летописец 1630-х годов, содержащий интересные сведения о царствовании Ивана IV Грозного, В. И. Корецкий опубликовал летописные отрывки, рассказывающие о восстании И. И. Болотникова¹⁸.

В Группе были подготовлены к печати и изданы три монографии, посвященные русскому летописанию. В книге М. Н. Тихомирова приведено описание многочисленных рукописей из московских архивохранилищ, содержащих летописные тексты; оно сопровождается историко-лингвистическим исследованием ряда памятников¹⁹. Посмертно изданную книгу Н. Г. Бережкова подготовил к печати Н. Н. Улащик. Автор, исследовав тексты важнейших летописей (особенно Лаврентьевскую, Ипатьевскую и Новгородскую I), установил, что их составители использовали разные стили летосчисления (мартовский и ультрамартовский). Именно этим объясняются их расхождения в датировке одних и тех же событий (от нескольких дней до нескольких лет)²⁰. В книге о рязанском летописании А. Г. Кузьмин показал, что летописные записи в Рязани велись еще в XII в., последний же подъем летописного дела относится к концу XV в., когда, по мнению автора, в Рязани была составлена первоначальная редакция Никоновской летописи²¹.

Ценные исследования о начальных этапах русского летописания принадлежат нынешнему руководителю Группы акад. Б. А. Рыбакову. В его книгах выдвинуты интересные и плодотворные идеи, касающиеся вопросов о начале ведения летописных записей на Руси в IX в., первом летописном своде конца X в., летописных центрах в XI в., княжеских и боярских летописях XII в. и др.²² В недавно опубликованной книге автор детально исследует Киевский летописный свод конца XII в., сохранившийся в Ипатьевской летописи^{22а}.

Следует упомянуть также о статьях по истории русского летописания, опубликованных или сданных в печать сотрудниками Группы. Они, как правило, явились результатом работы по подготовке томов ПСРЛ. Статьи

¹⁶ ПСРЛ, т. I—II. М., 1962; т. IX—XV. М., 1965.

¹⁷ «Хроника Быховца». М., 1966.

¹⁸ В. И. Буганов, В. И. Корецкий. Неизвестный московский летописец XVII в. из Музейного собрания. — «Записки Отдела рукописей» ГБЛ, т. 32. М., 1974; В. И. Корецкий. Летописец с новыми известиями о восстании Болотникова. — «История СССР», 1968, № 4; он же. Новое о крестьянском закрепощении и восстании Болотникова. — «Вопросы истории», 1971, № 5.

¹⁹ М. Н. Тихомиров. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962.

²⁰ Н. Г. Бережков. Хронология русского летописания. М., 1963.

²¹ А. Г. Кузьмин. Рязанское летописание. М., 1965.

²² Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963; он же. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.

^{22а} Б. А. Рыбаков. Русские летописцы эпохи «Слова о полку Игореве». М., 1972.

посвящены анализу таких летописей, как Вологодско-Пермская (В. И. Буганов), московские и Владимирский летописец (Л. Л. Муравьева), Никаноровская и белорусско-литовские (Н. Н. Улащик), славяно-молдавские (Ф. А. Грекул). В. И. Корецкий является автором исследований о летописях как источнике по истории событий классовой борьбы начала XVII в., о летописных источниках «Истории Российской» В. Н. Татищева, В. И. Буганов — исследований о летописях как источнике по истории московских восстаний второй половины XVII в., обзора советской историографии о русском летописании. Сотрудники Группы являются членами авторского коллектива сборника статей «Летописи и хроники», сданного в Издательство «Наука».

Научная продукция Группы получала положительную оценку научной общественности. Тома ПСРЛ рецензировались в советской печати, а также в научных журналах ГДР, Польши, Румынии, Англии, ФРГ. В одной из рецензий, опубликованной за рубежом, ее автор Э. Кинан, характеризуя т. XXVI—XXX ПСРЛ, выпуск которых в свет он приветствует, высказывает общие соображения о типе этого издания. Он считает, что «московские хроники», как он называет русские летописи XV—XVI вв., следует публиковать не в том виде, в каком они сохранились в известных науке списках, а в виде реконструкций. Поскольку эти летописные своды представляют собой компиляции, то нужно, выявив их составные части (т. е. более ранние своды, летописи, повести и т. д.), издавать эти последние. Э. Кинан предлагает далее другое название для ПСРЛ — «Полное собрание записей и повестей в летописях»²³. Думается, что подобные предложения не могут быть приняты, во-первых, потому, что задачей летописной археологии является введение в научный оборот летописных памятников как единого целого; их же источниковедческое, текстологическое исследование, разложение на составные части — задача не археолога, а исследователя — источниковеда, текстолога; во-вторых, опыт развития самого летописеведения показывает, что выявление источников, составных частей сохранившихся летописных сводов зачастую не может быть исчерпывающим, доведенным до конца, поскольку огромное количество летописных памятников не сохранилось; исчезло большое число «промежуточных звеньев», и поэтому в ряде случаев история складывания тех или иных летописных сводов не может быть выяснена с достаточной полнотой. Нельзя же из-за этого издавать летописные тексты не полностью, выборочно (опубликовать, к примеру, только летописные записи, повести, сказания данного летописного свода, которые удается точно выделить, определить, а остальное опустить и т. д.).

Подготовка и издание продолжения серии ПСРЛ в течение 1971—1975 гг. будут являться по существу выполнением плана, намеченного еще покойным М. Н. Тихомировым. Ответственным редактором подготавливаемых к печати томов этой серии является акад. Б. А. Рыбаков, заместителем ответственного редактора — В. И. Буганов. В подготовке текстов, помимо сотрудников Группы, будут принимать участие специалисты из других научных учреждений (Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР, Сибирское отделение АН СССР, Пушкинский Дом, ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Институт литературы АН БССР).

Совместно с сотрудниками Института истории, филологии и философии СО АН СССР, Отдела рукописей ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде готовятся к изданию два тома сибирских летописей (т. XXXIV—XXXV; составители — Н. А. Дворецкая, Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская, Е. И. Скоп-Дергачева; члены редколлегии — акад. А. П. Окладников, Н. Н. Покровский). К изданию привлечено много по-

²³ «Kritica». Cambridge Mass., 1966, vol. 3, N 1, p. 1—13.

вых списков, ранее неизвестных; общее их количество — более 100, в то время как Л. Н. и В. В. Майковы для своего издания привлекли 34 списка²⁴. Издание этих летописей в серии ПСРЛ будет отражать новую классификацию редакций сибирских летописей, установленную в результате их тщательного текстологического изучения в процессе подготовки к публикации. Исследователи, в частности, выделили из известных в науке Есиповской и Строгановской летописей древнейшие редакции (Румянцевская и Афанасьевская), первичные по отношению к бывшим основным редакциям.

Том XXXVI составят северо-восточные летописи (составитель и редактор — К. Н. Сербина).

В т. XXXVII ПСРЛ войдут летописцы XVI—XVII вв. (в том числе Пискаревский летописец, до сих пор полностью не опубликованный, а также ряд кратких летописцев). Этот том продолжает подготовку и введение в научный оборот памятников позднего русского летописания (составители — В. И. Буганов, В. И. Корецкий, Н. Г. Савич, С. О. Шмидт; редактор тома — В. И. Буганов).

Том XXXVIII ПСРЛ составят южнорусские и славяно-молдавские летописи (составители — Ф. А. Грекул, А. Н. Казакевич; редактор тома — В. И. Буганов). Сейчас ведется выявление новых списков, причем относительно славяно-молдавских летописей, которые в нашей стране не издавались ни разу (они публиковались в Румынии), можно сказать, что к изданию будет привлечено немало новых списков.

Том XXXIX ПСРЛ будет включать белорусско-литовские летописи (продолжение т. XXXII, уже подготовленного к печати) (составители — Н. Н. Улащик, В. А. Чемерицкий; редактор тома — Н. Н. Улащик).

В т. XL войдут Новгородская Хронографическая и Новгородская Карамзинская летописи (составители — Я. С. Лурье и Б. М. Клосс; редактор тома — акад. Д. С. Лихачев).

В т. XLI предполагается издать летописец Еллинский и Римский второй редакции (составитель — О. В. Творогов; редактор тома — акад. Д. С. Лихачев).

В более отдаленной перспективе планируется подготовка к изданию других памятников, в частности неизданных летописей и хронографов XV—XVII вв., а также подготовка на новых основаниях (привлечение неизвестных списков, уточнение взаимоотношений редакций, классификации и др.) таких летописей, как тверские, Воскресенская, Новый летописец и др.

Продолжается подготовка к изданию Ипатьевской летописи (комментированное издание), не входящему в серию ПСРЛ.

По плану исследовательских работ завершается работа над монографией «Историография русского летописания» (авторы — В. И. Буганов, А. Г. Кузьмин, объем — 25 п. л., срок окончания — 1972 г.). В 1971 г. началась разработка четырех поисковых тем по истории русского летописания: «Очерки по истории летописания Северо-Восточной Руси XIV—XV вв.» (Л. Л. Муравьева), «Русское летописание конца XVI—первой половины XVII в.» (В. И. Корецкий), «Белорусско-литовское летописание» (Н. Н. Улащик), «Славяно-молдавские летописи» (Ф. А. Грекул). Через некоторое время предполагается запланировать специальную работу «Археография русских летописей» (В. И. Буганов). Особое внимание будет уделяться изучению неизвестных летописных известий в «Истории Российской» В. Н. Татищева, которое успешно проводится в последнее время Б. А. Рыбаковым²⁵.

²⁴ «Сибирские летописи». СПб., 1907.

²⁵ Б. А. Рыбаков. Татищев и летописи XII в. — «История СССР», 1971, № 1.

Работа по изданию русских летописей ставит в повестку дня ряд важных научных вопросов, требующих рассмотрения. К их числу принадлежат такие, как план издания ПСРЛ, терминология русских летописей, правила их публикации и др. Эти вопросы уже поднимались в научной печати²⁶.

Издание ПСРЛ, явившееся результатом разыскания в архивах и научного исследования русских летописей, показало, что оно, с одной стороны, играло и играет большую положительную роль в истории отечественной науки (введение в оборот большого количества уникальных летописных текстов, исключительно важных для изучения истории русского феодализма), а с другой — сопровождалось некоторыми ошибками объективного и субъективного характера. Летописи издавались по мере их обнаружения учеными; нередко более ранние по времени происхождения летописи публиковались после более поздних летописных памятников (например, Симеоновская, Типографская, Московский свод конца XV в. — после Никоновской, Степенной книги, Нового летописца и др.). Некоторые публикации объединяли воедино различные редакции летописей (объединение Лаврентьевской и Радзивилловской летописей и т. д.). Летописям давались и до сих пор даются названия по именам владельцев списков или рукописных собраний, месту нахождения (Никоновская — по владельцу рукописи патриарху Никону, хотя летопись составлена при Иване Грозном; таковы же названия: Ипатьевская, Лаврентьевская, Типографская, Пискаревский летописец и др.). В тех случаях, когда летописям давались правильные названия, исходя из места их составления (псковские, новгородские и т. д.), к этому названию добавлялись дополнительные обозначения (первая, вторая и т. д.); но и здесь более детальное исследование устанавливало нередко ошибочность таких наименований. Изучение новгородских летописей привело к выводу, что Новгородская II и III летописи, возникшие в конце XVI—XVII в. и названные так издателями XIX в. потому, что они располагались в т. III ПСРЛ следом за Новгородской I летописью XIV в.²⁷, имеют ряд предшественников — новгородские летописи XV—XVI вв.

Единого плана издания русских летописей практически не существовало, да это и трудно было ожидать от летописеведческой науки по крайней мере до появления основных работ А. А. Шахматова.

В 1936 г. крупнейший знаток истории русского летописания М. Д. Приселков предложил единый план нового издания «Полного собрания русских летописей»²⁸. В этом проекте все русские летописи разделены на 13 разделов, по которым, очевидно, автор и предлагал издавать летописи: летописание владими́ро-суздальское, киевское, Новгорода Великого, Пскова, Твери, Ростова Суздальского, Москвы, хронографы, Степенная книга, краткие летописи (с пометой: «разные, подлежат выявлению»), летописные записи («то же»), московские летописи XVII в., наконец, местные летописи. Внутри этих разделов размещены сами летописи, которые в ряде случаев получают новое название.

²⁶ С. Н. Валк. Советская археография. М.—Л., 1948, стр. 139—144; М. Н. Тихомиров. Русские летописи, вопросы их издания и изучения, стр. 72—73; Д. С. Лизачев. Текстология. М.—Л., 1962, стр. 497 и сл.; В. И. Буганов. Русское летописание в советской историографии. — «Вопросы истории», 1966, № 12, стр. 152; Я. С. Лурье. Изучение русского летописания. — «Вспомогательные исторические дисциплины», I. Л., 1968, стр. 10—13, 15—19; В. И. Буганов. О некоторых вопросах издания русских летописей. — «Конференция по вопросам археографии и изучения древних рукописей. Тбилиси, 3—5 ноября 1969 г. Тезисы докладов». Тбилиси, 1969, стр. 5—6.

²⁷ ПСРЛ, т. III. СПб., 1841.

²⁸ С. Н. Валк. Указ. соч., стр. 139—141, прим.

Проект М. Д. Приселкова отличает строго научный подход к изданию русских летописей в целом, но, с другой стороны, нельзя не видеть больших трудностей, которые возникнут в случае его реализации.

В самом деле, исследование русских летописей, особенно труды А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, А. Н. Насонова, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, Д. С. Лихачева, Л. В. Черешнина и других ученых, привело к выяснению основных узловых моментов истории русского летописания XI—XVII вв. Выводы отечественного летописеведения первой половины нашего столетия могли бы, без сомнения, послужить фундаментом для издания на новых основаниях нового «Полного собрания русских летописей». В каком направлении могло бы оно пойти, показывает предпринятое А. Н. Насоновым переиздание псковских летописей. Заново проведенное им текстологическое исследование показало, что имеются не две, как полагали издатели XIX в.²⁹, а три псковские летописи. Оказалось также, что в издании 1848 г. при подготовке Псковской I привлечены списки двух разных летописей³⁰. Между прочим, некоторые летописи, давно изданные в ПСРЛ, также требуют повторного издания ввиду выявления новых списков (сейчас известно более 10 списков Воскресенской летописи, несколько десятков — Нового летописца и т. д.), появления исследований с новыми выводами.

С другой стороны, нельзя сбрасывать со счета и немалые трудности, которые неизбежно появятся в случае подготовки нового «Полного собрания русских летописей». Здесь и огромный объем, большая стоимость всего издания, которое по существу нужно будет начинать заново, и необходимость решения таких сложных вопросов, как состав и очередность томов, наименование и переименование ряда памятников, названия которых давно стали традиционными в научной литературе, единообразие в археографической подготовке и оформлении томов и многое другое. Кроме того, нужно иметь в виду, что в подобное издание войдут многие уже опубликованные, доступные исследователям летописные тексты. Новейший исследователь, говоря о необходимости создания «нового, систематического, до конца продуманного, точного научного издания русских летописей», отмечает неизбежность проведения огромной предварительной работы, в процессе которой придется решать такие проблемы, как наименование новонайденных летописей, переименование уже известных, тщательное текстологическое изучение издаваемых сводов, установление их редакций, точное определение отдельных этапов истории летописания³¹.

Наконец, нельзя забывать и о том, что до сих пор летописные тексты выявлены далеко не полностью. Это отметил в своем проекте М. Д. Приселков, когда писал о кратких летописях, летописных записях: «разные, подлежат выявлению»; то же можно сказать о московских летописях XVII в. и местных летописях, о которых упоминает автор. Конечно, в течение трех с половиной десятилетий, минувших с тех пор, найдено много новых текстов, но признать эту работу законченной отнюдь не приходится.

В настоящее время представляется целесообразным именно продолжение «Полного собрания русских летописей» путем подготовки для издания неопубликованных памятников, а также переиздания некоторых летописей с учетом достижений современного летописеведения, с привлечением новых рукописных списков. Вопрос о целесообразности подготовки и издания нового «Полного собрания русских летописей», на наш взгляд, может быть поставлен для обсуждения после проведения большой допол-

²⁹ ПСРЛ, т. IV—V. СПб., 1848—1851.

³⁰ «Псковские летописи», вып. 1—2. М.—Л., 1941—1955.

³¹ Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 17—18.

нительной исследовательской работы по источниковедческому изучению всех этапов истории русского летописания, выявлению новых списков летописей в хранилищах СССР и за рубежом, обобщению опыта изучения и издания летописных текстов, разработке новых правил их публикации. Все это — большая комплексная проблема, требующая для своего разрешения немало времени и коллективных усилий. Работа по указанным направлениям уже ведется в научных учреждениях нашей страны, в частности в Группе по изданию ПСРЛ (изучение отдельных этапов истории русского летописания, историографии вопроса, поиски новых текстов и др.).

Следующий важный вопрос — правила публикации летописных текстов. Немалый археографический опыт, накопившийся к настоящему времени, до сих пор не обобщен в научной литературе. Между тем назрела необходимость изучения методов издания текстов, применявшихся и применяющихся в различных публикациях летописей.

Летописи издавались и до сих пор издаются по-разному различными редакторами и составителями отдельных изданий. Единых правил издания летописных текстов с учетом времени написания их списков не существует. Некоторые методы явно устарели. До сих пор в издаваемых томах ПСРЛ мы сталкиваемся даже при публикации сравнительно поздних списков летописей (XVII и даже XVIII вв.) с употреблением при наборе буквы Ъ; в большинстве случаев в этом нет необходимости. То же можно сказать о написании наименований народов, жителей различных областей с большой буквы (Поляки, Можайчи, Серпуховичи и т. д.), хотя это можно понять только в тех случаях, когда название народа может означать название страны («в Греки», «в Ляхи» и т. д.). Столь же неоправданно прямая речь начинается со строчной буквы, не ставятся вопросительный и восклицательный знаки в бесспорных случаях и т. д. В применении синтаксических правил наблюдается большая разногласия.

В последнем из изданных томов серии редакция и составители ввели некоторые новые элементы в археографической подготовке летописных текстов, отказавшись от указанных выше устаревших правил издания³². Предварительно были проведены консультации по этому вопросу с лингвистами, филологами из Института русского языка АН СССР.

Напрашивается вывод о желательности подведения итогов в области летописной археографии (как в серии ПСРЛ, так и в многочисленных отдельных изданиях), выработки новых единых правил издания применительно к разным периодам истории русского летописания, поскольку приемы издания летописных (как и других) текстов должны иметь свои особенности в зависимости от времени написания списков³³. В этом плане важное научное значение могла бы иметь разработка названной выше темы «Археография русских летописей». В такой работе можно было бы изучить с археографической точки зрения дореволюционные и советские публикации летописных текстов в серии ПСРЛ и вне ее, правила их археографической подготовки, начиная от поисков и выбора списков и кончая оформлением научно-справочного аппарата. В этом деле необходимо продолжить сотрудничество с филологами, историками русского языка и литературы, которое уже имело место при подготовке т. XXXI ПСРЛ и имеет место сейчас в работе над сибирскими летописями.

Дальнейшая работа по изданию летописных текстов должна опираться на выявление возможно большего количества рукописей в советских и зарубежных архивохранилищах, собраниях, коллекциях, их научное описание и источниковедческое, текстологическое исследование.

³² ПСРЛ, т. XXXI. М., 1968.

³³ См., например: Д. С. Лихачев. Текстология, стр. 501 и сл.

В последние десятилетия проведена большая работа по выявлению и описанию летописного материала, в первую очередь следует назвать работы А. Н. Насонова и М. Н. Тихомирова³⁴; немало ценных описаний, обзоров рукописей, в том числе содержащих летописные тексты, помещено в таких изданиях, как «Труды Отдела древнерусской литературы» Пушкинского Дома АН СССР (ТОДРЛ), и др. Эту работу необходимо продолжать, так как ряд летописных текстов еще не найден и не описан. Археографические поиски последних лет, предпринятые сотрудниками Группы по изданию ПСРЛ, привели к находкам ряда новых и ценных рукописей с летописными текстами, которые привлекаются к подготовке очередных томов серийного издания (некоторых русских летописцев XVI—XVII вв., белорусско-литовских хроник, славяно-молдавских летописей и др.). В этом плане нерешенной задачей еще остается подготовка и издание по возможности полного описания рукописей, содержащих летописные тексты; в нем можно было бы показать соотношение опубликованного и неопубликованного летописного материала.

Столь же важной задачей является составление справочника-указателя к опубликованным летописным текстам, многие из которых (не только публикации в журналах, сборниках, но и даже некоторые из томов ПСРЛ) не имеют именных и географических указателей. Вопрос о необходимости подготовки такого справочника вставал вскоре после организации Группы по изданию ПСРЛ, начался даже сбор материала для него, но недостаток сотрудников не позволил Группе эту работу продолжить. Менее объемной, но весьма желательной работой является составление библиографического перечня публикаций и исследований по истории русского летописания (продолжение названного выше труда Р. П. Дмитриевой); такая работа проводится сейчас в Группе по изданию ПСРЛ.

Фототипическое переиздание некоторых томов серии ПСРЛ, давно ставших библиографической редкостью, желательно продолжить. Необходимо переиздать подобным же образом Симеоновскую, Типографскую, Ермолинскую летописи и, возможно, другие. Требуют еще одного переиздания Лаврентьевская и Ипатьевская летописи, первое переиздание которых (1962 г.) имело небольшой тираж (по 1100 экз. каждая).

Исключительной по своему значению (и по трудности) является задача по изданию факсимильного воспроизведения некоторых важнейших летописей, в первую очередь Радзивилловской (оригинал которой находится в угрожающем состоянии), Лицевого летописного свода XVI в. Лицевой свод — своего рода «историческая энциклопедия», содержащая огромный комплекс сведений по всеобщей и особенно русской истории начиная с древнейших времен и кончая XVI столетием (русской истории посвящены семь из десяти томов свода). В нем помещено более 16 тысяч рисунков-миниатюр, сопровождающих летописный текст на всем его протяжении³⁵.

К рукописным оригиналам отдельных томов Лицевого летописного свода часто обращаются советские и зарубежные исследователи различных специальностей — историки, языковеды, филологи, искусствоведы и т. д., по ним запрашиваются различные справки (об основании русских

³⁴ А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). — «Проблемы источниковедения», т. IV, М., 1955; *он же*. Материалы и исследования по истории русского летописания. — Там же, т. VI, М., 1958; М. Н. Тихомиров. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962.

³⁵ См., например: А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944; О. И. Подобедова. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1964; *она же*. Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972.

городов, о внешнем виде старинных зданий и других сооружений, о предметах культуры и быта и многим другим). Его издание удовлетворило бы насущную потребность большого количества научных работников в самых разных областях знания и широкого круга любителей отечественной истории и культуры. Заметим, что такие факсимильные издания, как «Новгородская харатейная летопись» (М., 1964) и «Мерило Праведное» (М., 1964), опубликованные тиражом в 1500 и 2000 экз., разошлись очень быстро. Несомненно, подобное издание будет встречено с большим интересом и за рубежом. В связи с этим важно отметить, что за границей, например в социалистических странах, в последнее время появляется много факсимильных изданий памятников национальной истории и культуры.

Несмотря на большие успехи в исследовании истории русского летописания и в издании летописных текстов, достигнутые дореволюционной буржуазной исторической наукой и в советское время, летописеведение по-прежнему остается в центре внимания ученых, работающих в области источниковедения истории СССР феодального периода. В схему истории русского летописания, созданную усилиями нескольких поколений ученых, до сих пор вносятся и, несомненно, будут вноситься и в дальнейшем коррективы. Разработка некоторых вопросов принимает дискуссионный характер (это касается вопросов о первых этапах русского летописания конца X—XII в., Никоновской летописи, позднем летописании и др.). Кроме того, ряд проблем истории русского летописания до сих пор явно недостаточно или совсем не исследован. Такова проблема истории московского летописания XIV—XV вв. (этапы его складывания, его значение в идеологическом обосновании «собрания земель» в единое государство вокруг Москвы). Сделаны только первые шаги в исследовании истории позднего русского летописания второй половины XVI—начала XVIII в. Здесь предстоит изучить и реконструировать исчезнувшее митрополичье и патриаршее летописание второй половины XVI—начала XVII в., летописные своды XVII—начала XVIII в., а также многочисленные краткие летописцы обоих указанных столетий. Именно с необходимостью решения некоторых из этих назревших проблем связана постановка указанных выше поисковых тем по истории русского летописания XVI—XVII вв.

Сложной задачей является изучение русских хронографов, сохранившихся в многочисленных списках.

Следует продолжить и расширить работу по изучению некоторых областных центров летописания (южнорусские, западнорусские, северорусские, сибирские, славяно-молдавские).

Немаловажное значение для ознакомления широких читательских кругов имели бы подготовка и издание переводов летописей на современный русский язык (типа «Хроники Быховца», см. выше), на иностранные языки, издание в русском переводе летописей, хроник народов СССР, отдельных зарубежных хроник и т. д.

По-прежнему большим местом остается малый тираж публикаций летописей, которые довольно быстро раскупаются и становятся библиографической редкостью. Поэтому ряд важных летописных изданий не доходит до многих читателей в СССР и за рубежом.

Наконец, следует иметь в виду необходимость подготовки к изданию еще не опубликованных трудов известных ученых — специалистов по истории русского летописания — А. А. Шахматова, М. Н. Тихомирова, а также переиздания ряда их работ, ставших давно библиографической редкостью. Кое-что в этом плане делается уже сейчас — подготавливается том трудов М. Н. Тихомирова по истории русского летописания, в который, помимо опубликованных в различных журналах и сборниках исследований, включен большой не публиковавшийся до сих пор труд о начальном периоде летописания.

Выполнение указанных выше задач в предстоящие годы потребует немалых усилий со стороны специалистов. Группа по изданию ПСРЛ, как отмечалось выше, планирует на 1970-е годы большой объем работы по изданию и изучению русских летописей, однако одних ее сил, конечно, мало, чтобы решить многие сложные вопросы, поставленные выше. В этом важном деле необходима координация деятельности разных учреждений. Как и ранее, Группа будет продолжать научное сотрудничество с ЛОИИ СССР АН СССР при подготовке северо-восточных летописей, с СО АН СССР и ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина при подготовке сибирских летописей. Планируется совместная с Институтом литературы АН БССР работа по подготовке к изданию белорусско-литовских летописей. Необходимо расширять связи со специалистами в смежных науках (археологии, лингвистики, истории литературы и др.), а также с коллегами из социалистических стран (Румыния, Польша, Болгария и др.). Совместные усилия советских ученых, несомненно, продвинут вперед издание и изучение русских летописей — важнейших памятников мировой истории и культуры.

Р. П. Дмитриева

МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ —
ИЗДАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Серия монографических исследований — изданий памятников древнерусской литературы, задуманная Сектором древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, начала свое существование с 1954 г. выходом в свет книги «Казанская история», подготовленной Г. Н. Моисеевой. В дальнейшем тематика серии стала шире, в ее сферу вошли произведения и других славянских народов. (Ведется, например, подготовка текста Хроники Константина Манассии М. А. Салминой совместно с Институтом болгарской литературы Болгарской Академии наук.) Поэтому правильнее назвать ее серией монографических исследований — изданий памятников древнеславянских литератур. К настоящему времени в этой серии издано 17 книг¹.

Примыкают к этой серии публикации древнерусских произведений, осуществляемые Группой по изучению древнерусской литературы Института мировой литературы АН СССР им. А. М. Горького². Однако работа над подготовкой текстов в этих монографиях несколько отличается от задач, поставленных в серии монографических исследований — изданий, о чем будет сказано ниже.

¹ «Казанская история». Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Моисеевой. М.—Л., 1954; Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955; «Сказание Авраамия Палицына». Подготовка текста и комментарии О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. Под редакцией Л. В. Черепнина. М.—Л., 1955; В. И. Малышев. Повесть о Сухане. М.—Л., 1956; «Сочинения Ивана Пересветова». Подготовил текст А. А. Зимин. Под редакцией члена-корреспондента АН СССР Д. С. Лихачева. М.—Л., 1956; «Артаксерово действо. Первая пьеса русского театра XVII в.». Подготовка текста, статья и комментарии И. М. Кудрявцева. М.—Л., 1957; Н. А. Мецкерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958; Г. Н. Моисеева. Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI века. М.—Л., 1958; «Повести о житии Михаила Клопского». Подготовка текстов и статья Л. А. Дмитриева. М.—Л., 1958; «Послания Иосифа Волоцкого». Подготовка текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.—Л., 1959; Н. Ф. Дробленкова. Новая повесть о преславном Российском царстве и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.—Л., 1960; Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960; «Повести о начале Москвы». Исследование и подготовка текстов М. А. Салминой. М.—Л., 1964; «Повести о споре жизни и смерти». Исследование и подготовка текстов Р. П. Дмитриевой. М.—Л., 1964; «Повесть о Дракуле». Исследование и подготовка текстов Я. С. Лурье. М.—Л., 1964; Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.—Л., 1965; «Повесть о Дмитрии Басарге и о сыне его Бораосмысле». Исследование и подготовка текстов М. О. Скрипица. Л., 1969.

² О. А. Державина. Фацеции. Переводная новелла в русской литературе XVII века. М., 1962; В. Д. Кузьмина. Девгениево деяние. М., 1962; она же. Рыцарский роман на Руси. Бова, Петр Златых ключей. М., 1964; О. А. Державина. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965; И. М. Бадалич, В. Д. Кузьмина. Памятники русской школьной драмы XVIII в. М., 1968.

Научные цели и правила издания, предпринятого Сектором древнерусской литературы, были сформулированы в нашей статье «Проект серии монографических исследований — изданий памятников древнерусской литературы»³. Приступая к этому изданию, Сектор древнерусской литературы Пушкинского Дома ставил перед исследователями, работающими над отдельными литературными произведениями для серии, неизменным условием проведение полного текстологического анализа изучаемого произведения. Принципы и законы текстологического анализа изложены в книге Д. С. Лихачева «Текстология», где одним из основных выводов является тезис о том, что текстологическое исследование служит тем «фундаментом, на котором строится вся последующая литературоведческая работа»⁴. Серия монографических исследований — изданий преследует цель строго научной и полной подготовки текстов древнерусских памятников, что возможно только на основании текстологического изучения произведений. Следует подчеркнуть, что именно в этом заключается принципиальное отличие данного издания от предыдущих публикаций. На протяжении веков произведения древнерусской литературы переживают значительные изменения под влиянием соавторов и редакторов. В результате возникают новые редакции и различные варианты внутри редакции одного и того же произведения. Чтобы выявить первоначальный текст и проследить последующие этапы жизни произведения, необходимо сопоставить сохранившиеся списки. Только тогда можно установить зависимость редакций, последовательность изменения текста и выявить первоначальный авторский вариант произведения. Только в результате текстологической работы можно подготовить к изданию текст по всем редакциям с правильным выбором основного списка внутри редакции.

Серия монографических исследований — изданий имеет большие перспективы в отношении ее программы. До сих пор обнаруживаются новые неизвестные произведения древнерусской литературы как в результате археографических экспедиций, так и в результате более тщательного обследования собраний рукописей в архивах и рукописных отделах. Но кроме того и главным образом поэтому требуют переиздания многие древнерусские произведения, открытые и изданные еще в XIX в. Как правило, публикации их сделаны по случайным отдельным спискам, попавшим в руки издателей, текст которых иногда оказывается далеко отстоящим от оригинала. Издание по отдельным случайным спискам не может дать точного представления о первоначальном виде произведения и о его дальнейших изменениях. Вновь обнаруживаемые списки требуют дополнительных публикаций. При наличии разрозненных публикаций одного и того же произведения некоторые изменения текста от оригинала к последующим редакциям остаются неясными.

Примером, показывающим, как легко впасть в ошибку при публикации текста без текстологического анализа всех сохранившихся списков, является издание текста «Сказания о князьях владимирских» И. Н. Ждановым⁵. Он посвятил этому произведению специальное исследование, и тем не менее издание текста оказалось неудачным. Дело в том, что, издавая текст «Сказания» по списку первой редакции, он внес в него дополнения по другому списку. И. Н. Жданов не понял, что эти дополнения являются чтениями второй редакции, а не пропуском в тексте издаваемого списка. Фактически получилось так, что исследователь свел воедино две редакции, издал текст «Сказания» в таком виде, в каком он никогда

³ Р. П. Дмитриева. Проект серии монографических исследований — изданий памятников древнерусской литературы. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 491—499.

⁴ Д. С. Лихачев. Текстология. М.—Л., 1962, стр. 26.

⁵ Ив. Жданов. Русский былевой эпос. Исследования и материалы. СПб., 1895, стр. 588—602.

не существовал. Задачи, поставленные в серии монографических исследований — изданий, исключают подобные ошибки и всякий элемент случайности при подготовке текстов к изданию.

Многие древнерусские произведения ждут выяснения истории их текста и полного научного издания. Поэтому программа публикаций в этой серии долго еще не будет исчерпана.

Теперь следует остановиться на том, как решены перечисленные задачи в осуществленных публикациях древнерусских произведений. Идеальным является издание текста по всем редакциям с подведением различий по всем спискам внутри редакций. Если обратиться к изданным выпускам серии, то можно обнаружить случаи отклонения от этого идеала. Причина отклонения — сложность бытования отдельных произведений в составе циклов произведений или большая изменчивость текста от списка к списку. Полностью по всем редакциям с подведением различий по всем известным спискам опубликованы в этой серии следующие произведения: цикл повестей о начале Москвы, «Повесть о Дракуле», «Прение живота и смерти», сочинения Вассиана Патрикеева, послания Иосифа Волоцкого, Житие Михаила Клопского, сочинения И. Пересветова, «Сказание о князьях владимирских». Однако можно полагать, что обнаружение новых списков всех этих произведений едва ли потребует нового текстологического исследования и переиздания текстов. В основном они будут легко включаться в число списков уже имеющихся редакций, подтверждая тем самым проведенное текстологическое исследование. Не исключена возможность обнаружения новых редакций этих произведений, но и тогда общая схема взаимоотношения текстов не будет разрушена, новая редакция займет соответствующее ей место в существующей схеме.

Иначе обстоит дело с изданием произведений, которые сохранились в малочисленных списках. «Девгениево деяние», известное по трем спискам, издано В. Д. Кузьминой в виде реконструкции с сопровождением фототипического воспроизведения двух полных списков обеих редакций. «Новая повесть о преславном Российском царстве» издана в серии по единственному сохранившемуся списку, в приложении опубликованы грамоты, имеющие отношение к содержанию повести. «Повесть о Сухане» также опубликована по единственному списку, обнаруженному в 1948 г. В. И. Малышевым. Поступивший в Рукописный отдел Библиотеки им. В. И. Ленина в 1953 г. список пьесы «Артаксерксово действо» издан И. М. Кудрявцевым в сопоставлении со вторым известным Лионским списком пьесы. Безусловно, публикации эти и своевременны и необходимы, хотя и не исключено, что в случае обнаружения новых списков этих произведений может потребоваться новое издание их.

С некоторым отступлением от требуемых правил изданы в серии тексты «Повести о Дмитрие Басарге», «Валаамской беседы» и «Сказания Авраамия Палицына». В данном случае исследователями были учтены и сопоставлены все сохранившиеся списки произведений и проведена текстологическая работа, но при издании в различиях учтены были не все списки.

Не идеальным оказалось издание текста «Казанской истории» в первом выпуске серии. Г. Н. Моисеева опубликовала только первую редакцию этого произведения и дала лишь перечень списков второй редакции, разбитый на группы, но без описания особенностей и зависимости текстов между группами. В отличие от издания Г. З. Кунцевича (ПСРЛ, т. XIX) здесь текст первой редакции опубликован по более раннему и исправному списку с некоторой правкой, внесенной по другим спискам этой редакции. Текст отсутствующих четырех глав в издаваемом списке (как и в списке, положенном в основу издания Г. З. Кунцевича) включен по одному из шести других известных списков первой редакции. Отсутствие четырех

глав в двух наиболее ранних списках не объяснено исследователем. Различия по другим спискам не учтены в публикации. (Однако преимущество этого издания перед изданием Г. З. Кунцевича заключается в том, что выбор текста для издания сделан на основании сличения всех известных списков первой редакции «Казанской истории».) Вторая редакция осталась неопубликованной.

Особенности бытования древнерусских произведений в рукописной традиции создают иногда весьма сложные условия для текстологического изучения и издания текстов. Это относится к тем случаям, когда древнерусские произведения существуют иногда циклом или включаются в состав другого более обширного по объему произведения. К числу таких сложных для изучения и издания текстов относится «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, опубликованная в этой серии Н. А. Мещерским. Русский перевод «Истории Иудейской войны» дошел в двух редакциях — хронографической и отдельной. По мнению Н. А. Мещерского, хронографическая редакция является не только более полной, но и более ранней. Поэтому он посчитал необходимым в первую очередь издать текст «Истории Иудейской войны» по хронографической редакции. Для сравнения в вариантах были использованы чтения отдельной редакции. Следует отметить, что текст «Истории Иудейской войны» хронографической редакции переписывался в составе хронографа в соединении с другими произведениями, включенными в хронограф. И по существу он должен был бы быть издан вместе с текстом хронографа. В данном случае в виде исключения текст «Истории Иудейской войны» был извлечен из хронографа и опубликован без сопровождающих его хронографических статей.

В серии монографических исследований — изданий предусмотрен такой вариант, когда необходимо издавать не отдельное произведение, а целый цикл произведений, что определяется несколькими причинами. В одном случае объединение произведений делается исследователем на основании изучения определенного ряда произведений, связанных тематикой и временем создания. Так изданы сочинения одного автора (имеются в виду книги «Послания Иосифа Волоцкого», «Вассиан Патрикеев и его сочинения»). В других случаях вместе издаются произведения, не только близкие по тематике и по времени создания, но объединенные вместе уже древнерусским читателем. К числу таких выпусков серии относится цикл повестей о начале Москвы, опубликованный М. А. Салминой. Трудными для подготовки к изданию являются те произведения, которые существовали в рукописной традиции в составе определенного цикла. Для того чтобы установить историю текста произведения, исследователь должен установить состав цикла и провести текстологическую работу над интересующим его произведением непременно в составе всего цикла, с которым связано существование произведения. Происходящие изменения в тексте интересующего произведения связаны с характером работы редакторов и переписчиков над всем циклом в целом. Такими сложными для издания оказались произведения, автором которых был Иван Пересветов. Изучение этих сочинений единым комплексом, как подсказала этот путь рукописная традиция, позволило А. А. Зимину установить редакции и этапы существования цикла сочинений Пересветова, точно определить круг его произведений. Только в результате такого подхода А. А. Зимин установил редакторскую работу Пересветова над «Повестью о создании и взятии Царьграда». Предыдущий исследователь творчества Пересветова В. Ф. Ржига не включал эту повесть в число его произведений.

Монографические исследования, посвященные отдельным произведениям древнерусской литературы, издаваемые Институтом мировой литературы, также включают публикации текстов. Однако в этих изданиях

не предусматривается, как обязательное условие, полное издание текстов, обоснованное текстологическим исследованием. В книге В. Д. Кузьминой «Рыцарский роман на Руси. Бова, Петр Златых ключей» дана характеристика отдельных списков разных редакций Повести о Бове-королевиче, но текст повести не издан. Повесть «Петр Златых ключей» издана здесь по одному списку первой редакции. В. Д. Кузьмина делит списки на редакции, дает характеристику редакций, при этом признает, что «трудности выбора списка для текстологического анализа обуславливаются плохой сохранностью ранних списков»⁶. В монографии описаны различия между группами списков, но не дано анализа истории изменения текста на основании сопоставления списков. Безусловно, публикация текста «Петр Златых ключей» имеет большое научное значение. До сих пор был опубликован только текст краткого позднего пересказа лубочной сказки. Однако монография В. Д. Кузьминой не снимает необходимости подготовки полного издания текстов «Бовы» и «Петр Златых ключей».

О. А. Державина посвятила две монографии весьма сложным по составу произведениям XVII в. — циклу рассказов, объединенных под названием «Великое Зерцало», и сборникам фацеций. Исследователем сделан большой вклад в изучение этих произведений. Трудности в проведении текстологического анализа, встретившиеся при исследовании этих циклов, позволяют считать работу над ними не вполне законченной, а публикации их текстов — предварительными. По существу в данном случае опубликованы выборки произведений. Это признает и сама О. А. Державина. О сложности и трудности изучения состава сборника «Великое Зерцало» в ее исследовании сказано следующее: «Учесть количество рассказов „Великого Зерцала“, вошедших в различные сборники, ходившие по рукам в XVII и XVIII вв., пока невозможно. Ясность в этот вопрос можно будет внести лишь тогда, когда будет известно (т. е. расписано на карточки) содержание сборников и будут детально изучены и доступны обозрению все 850—860 новелл русских списков „Великого Зерцала“»⁷. В археографическом комментарии отмечены три типа сборников «Великое Зерцало», в свою очередь каждый тип сборников подразделен на несколько групп. Опубликованный О. А. Державиной текст сборника «Великое Зерцало» принадлежит к первой группе второго типа. По мнению исследователя, этот тип сборника представляет собой второй перевод, к которому были присоединены новеллы из первого перевода. Разночтения при издании подведены по двум спискам. Трудно судить, насколько опубликованный список отражает наиболее типичные черты второго перевода; исследователь делает замечание, что «списки, содержащие второй перевод, неоднородны — трудно установить, сколько было переведено новелл во втором переводе»⁸.

Не менее сложно обстоит дело с публикацией сборника новелл под названием «Фацеции». О. А. Державина установила, что было сделано несколько переводов полного сборника фацеций. При переписывании состав сборников то сокращался, то пополнялся шутливыми и нравучительными рассказами из других сборников, иногда фацеции передельвались. Изучив состав 26 сборников фацеций, О. А. Державина посчитала необходимым издать текст второго перевода, так как этот перевод оказался более распространенным среди читателей XVIII в. О том, как тексты других переводов были использованы в издании, сказано в археографическом обзоре: «Ввиду того, что в издании необходимо было показать историю текста фацеций на русской почве, для разночтений были

⁶ В. Д. Кузьмина. Рыцарский роман на Руси. Бова, Петр Златых ключей, стр. 173.

⁷ О. А. Державина. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве, стр. 54—55.

⁸ Там же, стр. 48.

привлечены тексты, представляющие первый и третий переводы *фацеций*⁹.

Подробно об особенностях издания текстов в перечисленных монографиях В. Д. Кузьминой и О. А. Державиной сказано здесь для того, чтобы читателю были ясны отличия этих публикаций от требований публикаций в серии монографических исследований — изданий. В монографиях, посвященных древнерусским произведениям, издаваемых Институтом мировой литературы, главное внимание уделено исследованию литературной истории произведений. Публикуемые в них тексты некоторых редакций этих произведений являются как бы приложением.

Серия монографических исследований — изданий древнерусских произведений ставит жесткие условия в отношении публикации текстов, но одновременно допускает и поощряет любой аспект исследования. Поэтому нередко издаваемые в серии тексты произведений сопровождаются статьями специалистов разных направлений, что, безусловно, делает эти монографии более интересными. В монографию, посвященную Пересветову, были включены статьи трех исследователей, освещающие творчество Пересветова в разных аспектах: А. А. Зимина «И. С. Пересветов и его сочинения», в которой дана характеристика сочинений Пересветова в условиях конкретной исторической обстановки; Д. С. Лихачева «Иван Пересветов и его литературная современность» и Л. Н. Пушкарева «И. Пересветов и его связи с русской литературной традицией». Издание текста «Сказания Авраамия Палицына» сопровождается исследованиями Л. В. Черепнина «Общественно-политические взгляды Авраамия Палицына» и О. А. Державиной «Сказание Авраамия Палицына и его автор». В монографии, посвященной посланиям Иосифа Волоцкого, творчество его рассмотрено двумя специалистами с разных точек зрения: в статье И. П. Еремина дан тонкий анализ писательской манеры Иосифа Волоцкого, статья Я. С. Лурье «Иосиф Волоцкий как публицист и общественный деятель» освещает творчество Волоцкого в условиях конкретной политической борьбы того времени. Эта традиция привлечения специалистов разных областей науки, усвоенная в ранних выпусках серии, в последних изданиях перестали встречаться. Как раз выпуски, в которых принимают участие исследователи разных специальностей, оказались наиболее интересными. Следовало бы возродить эту традицию.

В зависимости от характера издаваемого памятника и условий его существования в рукописной традиции текст в отдельных выпусках сопровождается разного рода вспомогательными статьями — текстологическим обзором, археографическим обзором, комментариями, указателями. В книги «Послания Иосифа Волоцкого» и «Повести о начале Москвы» включены указатели шифров использованных рукописей. Такие указатели следовало бы внести в будущие выпуски в тех случаях, когда в издании используется и упоминается большое количество рукописей.

Выход в свет выпусков серии монографических исследований — изданий древнерусских произведений был встречен одобрительно в научных кругах как в нашей стране, так и за границей. Все первые выпуски получили положительные рецензии в наших периодических изданиях («Исторический архив», «Вопросы истории», «Известия Отделения литературы и языка АН СССР» и др.). Краткие отзывы на выпуски серии регулярно печатались в «Revue des études slaves».

Как уже упоминалось выше, серия монографических исследований — изданий имеет большую программу дальнейших публикаций. Очень многие произведения древнерусской литературы ждут своей очереди тщательного и полного издания текстов. Следует обратить внимание, что

⁹ О. А. Державина. *Фацеции*. Переводная новелла в русской литературе XVII века, стр. 102.

полного научного издания не имеют такие выдающиеся художественные произведения, как Повесть о Фроле Скобееве, Повесть о Тверском Отроче монастыре, Рассказ о последних днях Пафнутия Боровского, «Повесть о старце, просившем руки царской дочери», «Повесть об Акире Премудром» и многие другие.

К настоящему времени в этой серии подготовлена к изданию Повесть о жизни боярыни Морозовой (А. И. Мазуниным) и вышла в свет книга О. А. Белобровой, посвященная циклу древнерусских произведений, связанных с Кипром¹⁰. В Секторе древнерусской литературы ведется работа над следующими произведениями: циклом сказаний о Вавилоне-граде, Повестью о Петре и Февронии, Хроникой Константина Манассии, Вертоградом многоцветным Симеона Полоцкого.

Как уже упоминалось выше, неизменным условием плодотворности работы исследователей при подготовке текстов в этой серии является наличие исчерпывающей полноты списков издаваемых произведений. Возможности быстрого обнаружения основной массы сохранившихся списков того или иного древнерусского произведения находятся в полной зависимости от состояния описаний рукописных фондов в библиотеках и архивах и информации об этом. Поэтому поднимаемые на страницах «Археографического ежегодника» вопросы об организации и усилении работы по выявлению, описанию и систематизации рукописного наследия древней Руси имеют принципиально важное значение и для серии монографических исследований — изданий памятников древнерусской литературы. Таким образом, для успешного осуществления дальнейшей программы публикаций в этой серии важно, чтобы в подготовке изданий отдельных выпусков принимало участие большее число специалистов, занимающихся в области древнерусской культуры, а также дальнейшее расширение всех видов археографической работы.

¹⁰ О. А. Белоброва. Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л., 1972.

Л. В. Черепнин

ПУБЛИКАЦИИ РУССКИХ АКТОВ XIV—XVI ВВ., ОСУЩЕСТВЛЕННЫЕ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Еще в дореволюционное время был накоплен значительный опыт в области публикации актового материала русского средневековья. Различные издания памятников прошлого были связаны с задачами, встававшими перед русской исторической наукой на разных этапах ее развития. В очень интересной, сейчас, к сожалению, почти забытой статье С. Н. Валка хорошо показано, что «издание тех или иных групп исторических источников» было «результатом господства то одних, то других исторических теорий»¹.

Задачи изучения социально-экономической истории, особенно отчетливо выявившиеся на рубеже XIX и XX вв., породили интерес к актам, преимущественно частным, в обилии сохранившимся в фонде грамот Коллегии экономии Московского архива Министерства юстиции (ныне — Центральный государственный архив древних актов). Академия наук поставила вопрос о подготовке этого фонда к публикации, которую было решено провести в соответствии с последними достижениями в области археографии не только в России, но и в Западной Европе. Для ознакомления с постановкой дела издания документов за границей в 1900 г. ездил в Австрию и Пруссию А. С. Лаппо-Данилевский. Для разработки общих принципов и технических правил, которые следует положить в основу серии, задуманной под названием «Сборник грамот Коллегии экономии», была образована специальная комиссия из крупнейших историков и филологов. Редактором «Сборника» был назначен А. С. Лаппо-Данилевский; в целях же соблюдения филологических требований, предъявляемых к передаче текстов, предполагалось поручить чтение одного листа каждой корректуры А. А. Шахматову и А. И. Соболевскому.

Подготовительные работы начались с 1901 г. Прежде всего было важно выяснить состав фонда грамот Коллегии экономии, ибо отдельные его части оказались оторванными от основной массы, хранившейся в Московском архиве Министерства юстиции, и попали в другие собрания. Принадлежность тех или иных документов к коллежскому собранию устанавливалась по архивным описям XVIII в. и по некоторым внешним признакам, присущим грамотам этого фонда.

Были разработаны правила печатания «Сборника», причем некоторые спорные вопросы требовали длительного обсуждения: например, порядок расположения грамот (по разновидностям, по монастырям или по уездам в хронологической последовательности), вопрос о передаче текстов (полностью или в сокращенном виде) и т. д.

¹ С. Н. Валк. Сборник грамот Коллегии экономии (Историографические заметки). — «Борьба классов». Л., 1924, кн. 1—2, стр. 228.

Печатание «Сборника» началось в 1909 г. и велось очень медленно в силу сложности издания. Достаточно сказать, что первые листы, где напечатаны наиболее трудные для передачи тексты, выдерживали по пять-шесть и даже больше корректур².

Первый том «Сборника» (содержащий грамоты Двинского уезда до Соборного уложения 1649 г.) вышел в 1922 г., второй (где помещены грамоты Двинского уезда от Уложения до XVIII в., а также документальный материал Кольского, Кеврольско-Мезенского и Важского уездов) — в 1929 г. В выборе для начала издания северных уездов сказались интересы «школы» А. С. Лаппо-Данилевского к частным актам, которые здесь играли большую роль, чем в других частях Руси, ибо, как пишет С. Н. Валк, «на севере лишь поздно и постепенно стало сказываться давление княжеской и царской власти на установление, либо даже на утверждение гражданских прав»³.

Уже первые два тома давали представление о грандиозности замысла всего издания, которое должно было составить около 30 томов⁴ и включить свыше 15 тысяч грамот⁵. Давая оценку научного значения «Сборника», С. Н. Валк указывает, что его следует поставить «в ряд крупнейших предприятий всей нашей археографии», что он «обозначает ее новый этап», «впервые выводящий нашу русскую археографию... на путь передовых общеевропейских достижений». По словам С. Н. Валка, выход «Сборника» и «Правил» его издания «знаменует переход от кустарного донаучного периода к научной археографии»⁶.

Последнее, конечно, надо понимать условно, ибо вряд ли можно оценивать дореволюционные издания Археографической комиссии или «Собрание государственных грамот и договоров» как донаучные и кустарные. Но С. Н. Валк прав в том, что «Сборник грамот Коллегии экономии» поднял на новую ступень русскую археографию. Высокий научный уровень труда определили такие принципы, как отказ от выборочного метода опубликования документов и публикация целого фонда; использование таких приемов передачи текстов, в силу которых изданием могут пользоваться в исследовательских целях не только историки, но и филологи; предварительное сличение грамот в целях перекрестных ссылок; продуманные и последовательно проводимые приемы описания печатей, составления заголовков, легенд, примечаний; расчленение текста актов посредством знаков препинания в соответствии с дипломатическими формулярами и т. д. Большим совершенством отличается аппарат: указатели, справочные таблицы⁷.

Однако два тома «Сборника», явившиеся вершиной развития дореволюционной археографии, стали не просто образцом для археографии советской, а поставили перед ней ряд вопросов. Продолжать ли далее дело А. С. Лаппо-Данилевского? На его завершение потребовались бы многие годы. Даже приблизительно, вероятно, трудно было бы указать дату окончания труда. Недаром С. Н. Валк закончил свой отклик на выход первого тома «Сборника» словами: «Однако, когда наступит то время, что на книжной полке исследователя-историка будут находиться все тома „Сборника“?»⁸.

² «Сборник грамот Коллегии экономии», т. I. Грамоты Двинского уезда. СПб., 1922, стр. I, II, VI, VII, X, XII.

³ С. Н. Валк. Сборник. . ., стр. 241.

⁴ Там же, стр. 228.

⁵ «Сборник грамот Коллегии экономии», т. I, стр. VI.

⁶ С. Н. Валк. Сборник. . ., стр. 228.

⁷ «Правила издания Сборника грамот Коллегии экономии». Пг., 1922; С. Н. Валк. Советская археография. М.—Л., 1948, стр. 44.

⁸ С. Н. Валк. Сборник. . ., стр. 245.

Но дело было не только в затрате времени и сил, в сроках, потребных для работы. Вставал вопрос и о том, насколько правильно выбран фонд для издания. Так, С. Н. Валк писал, что «фонд грамот Коллегии экономии строгий архивист отказался бы назвать „фондом“. Это чисто механическое соединение массы некогда самостоятельных архивных фондов монастырей и церковных учреждений обязано было своим происхождением не их функционированию, а наоборот, их гражданской смерти»⁹. А если так, не правильно ли пойти по пути публикации архивов отдельных монастырей, лишь часть которых попала в состав грамот Коллегии экономии, а часть осталась в монастырях?

Вставал и другой вопрос: об ограничении издания актового материала более узким хронологическим отрезком; именно таким, для которого акты являются основным видом источника, причем число сохранившихся до нашего времени актов не столь велико, что дает возможность подготовки всех их к печати в сравнительно не очень растянутые сроки. В качестве такого отрезка времени археографы естественно выбрали XIV—XV вв. — один из важнейших периодов в истории Руси, время образования Русского централизованного государства. Для этого времени акты (наряду с летописями) — главный источник, и задача их разыскания и публикации полностью казалась вполне осуществимой. Намечались три типа публикаций: 1) по фондам; 2) по разновидностям документов; 3) по территориально-политическому признаку.

Начнем с характеристики первого типа. Октябрьская революция широко открыла исследователям монастырские архивы. Там оказалось большое количество актов (как в подлинниках, так особенно в сборниках копий), в свое время (после секуляризации монастырских имуществ) не сданных, вопреки правительственному распоряжению, в Коллегию экономии. Стала очевидной неполнота монастырских фондов, отложившихся в Коллегии экономии, и необходимость публикации коллежских грамот вместе с актовым материалом, хранящимся в архивах отдельных монастырей или попавшим в частные руки. Но к реализации этой задачи во всей ее полноте подошли не сразу. Ее решению предшествовали опыты издания, носившие выборочный характер. Так, В. Г. Гейман опубликовал 25 актов 1552—1595 гг. вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря из собрания И. К. Зинченко, попавшего в Государственную Публичную библиотеку имени М. Е. Салтыкова-Щедрина¹⁰. Это заемные и служилые кабалы и крестьянские порядные записи. Н. С. Чаев напечатал по подлинникам и спискам 67 грамот XV в. Соловецкого, Николаевского, Вяжицкого монастырей и др.¹¹

С 1925 г. начал свои изыскания в архиве б. Троице-Сергиевой лавры С. Б. Веселовский. В 1929 г. он выпустил совместно с А. И. Яковлевым в издании Центрархива «Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв.» В первую часть этого труда вошли 247 жалованных и указных грамот XIV—XV вв. Троице-Сергиеву монастырю. Полностью даны тексты 176 грамот, из них 120 опубликованы впервые, 56 были известны и ранее, но издавались неисправно. В отношении 71 грамоты, опубликованной в предшествующих изданиях исправно, даны только заголовки. Большинство грамот взято из копийных книг, тексты 107 из них проверены по подлинникам, хранившимся

⁹ С. Н. Валк. Сборник . . . , стр. 240. Об этом же см. в предисловии к первому тому «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.» (М., 1952, стр. 3).

¹⁰ В. Г. Гейман. Несколько новых документов, касающихся истории сельского населения Московского государства XVI столетия. — «Сборник Российской Публичной библиотеки», т. II. Материалы и исследования, вып. 1. Пг., 1924, стр. 276—294.

¹¹ Н. С. Чаев. Северные грамоты XV в. — «Летопись занятий Археографической комиссии за 1927—1928 годы», вып. 35. Л., 1929, стр. 121—164.

в ряде рукописных собраний. Большую ценность представляют примечания С. Б. Веселовского к актам, уточняющие встречающиеся в них географические названия и дающие сведения об упоминаемых в текстах лицах.

Продолжая свои работы над актовым материалом Троице-Сергиева монастыря, С. Б. Веселовский к 1940 г. подготовил их собрание, первая часть которого (акты XIV—XV вв.) была позднее опубликована в серии «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XV—начала XVI в.».

Подготовка всей указанной серии велась длительное время сначала в Историко-археографическом институте, а затем в Институте истории Академии наук СССР. В этом деле принимали участие В. Е. Сыроечковский, С. С. Гадзяцкий, А. И. Андреев, А. А. Новосельский, И. А. Голубцов, А. А. Зимин, Л. В. Черепнин. Составителем первого тома, вышедшего в 1952 г. под редакцией Б. Д. Грекова, явился С. Б. Веселовский, составителем второго (1958) и третьего (1964) томов, выпущенных под редакцией Л. В. Черепнина, — И. А. Голубцов. Наибольшая доля работы над всей серией принадлежит последнему.

И. А. Голубцов разработал правила издания актов, используя опыт публикации грамот Коллегии экономии, но введя в них много нового. Согласно этим правилам акты располагаются не по уездам (как в «Сборнике грамот Коллегии экономии»), а по монастырям, к которым они относятся, в пределах же монастырских собраний — в хронологическом порядке. В составе монастырских собраний публикуются и оказавшиеся там в связи с поступлением земельных вкладов акты, фиксирующие предшествующие земельные сделки светских вотчинников между собой. В первый том вошли (учитывая и литерные номера) акты Троице-Сергиева монастыря (660 номеров), во второй — акты монастырей Кирилло-Белозерского (316 номеров), Ферапонтова Белозерского (22 номера), московского Симонова (98 номеров), суздальского Спасо-Евфимьева (67 номеров). Некоторым своеобразием отличается третий том (519 номеров), включающий, помимо актов ряда менее значительных духовных корпораций, документы частных лиц, с монастырскими феодалами не связанных; особый раздел тома составляют акты на холопов.

Публикация актов по подлинникам или древнейшим спискам сопровождается указанием в легендах на другие важнейшие списки, из которых приводятся и варианты, имеющие смысловое значение. Акты, не сохранившиеся в самостоятельном виде, а включенные в другие, более поздние, грамоты, изымаются из них и печатаются отдельно, под своими датами, затем вторично воспроизводятся в составе этих позднейших документов, под их датами.

В издании описываются, а в ряде случаев воспроизводятся водяные знаки бумаги, печати, монограммы писцов, дьяков. Результатом большой работы, проведенной И. А. Голубцовым по датировке грамот, явились приложенные им к каждому тому «хронологические справки», в которых даются поправки к известному указателю П. М. Строева «Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви» (СПб., 1877). Богатый материал (палеографического, дипломатического, генеалогического, историко-географического характера) содержится в примечаниях. Во всех трех томах имеются статьи, характеризующие публикуемые акты как источник по социально-экономической и политической истории. К каждому тому приложены указатели трех типов: личных имен, географических наименований и предметно-терминологический.

Характер издания «Актов социально-экономической истории...» хорошо определен А. Т. Николаевой: «Это не обычная публикация источников, а публикация-исследование», причем «исследовательская доля

в нем явно перевешивает публикаторскую». Приемы подготовки актов к печати, пишет А. Т. Николаева, «настолько разнообразны и филигранны, что заслуживают специального обобщения для того, чтобы они стали достоянием широких кругов научных работников как образец тонкого источниковедческого анализа»¹².

В процессе подготовки издания серьезному обсуждению подвергся вопрос о транскрипции актов. Пришли к выводу о необходимости передачи текстов древнейших подлинных документов (до 1505 г.) с сохранением всех особенностей орфографии и графики. В то же время было решено несколько отступить от правил издания грамот Коллегии экономии, с тем чтобы сделать публикацию более доступной для пользования. В «Сборнике грамот Коллегии экономии» тексты XIV—XV вв. печатались буква в букву, со всеми сокращениями и без добавлений. Сохранялись надстрочные знаки — буквы, титла, точки, напоры, придыхания и т. д. Знаки препинания передавались посредством точек, помещенных в тексте грамот в середине строки. Публикация выглядела архаичной, и ее восприятие затруднялось. По правилам, принятым И. А. Голубцовым для публикации подлинников, выносные буквы вводились в строку и передавались курсивом, титла раскрывались, а восстановленные при этом буквы заключались в круглые скобки, знаки препинания расставлялись так, как это принято теперь, допускалось деление текста на абзацы. Особыми знаками отмечались границы строк оригинала. Таким образом, графические и лингвистические признаки актов сохранялись и в то же время издание становилось доступнее для восприятия. Списки актов, написанные после 1505 г., издавались по упрощенным правилам.

Однако не все археографы были согласны с принципами передачи текста, принятыми в «Актах социально-экономической истории...». Некоторые считали их излишне сложными для историков, которым якобы неважны выносные буквы, титла и прочие особенности письма, и недостаточными для филологического исследования, возможного лишь по оригиналу или фотокопии. «Нельзя отрицать, — пишет Е. М. Тальман, — что в типографском комбинированном издании видно, скажем, наличие выпешших из употребления букв, их положение в словах, сочетание разных букв (дублетных) и т. д. с другими; видны сокращаемые под титлами буквы, выносные буквы, также сочетание их с другими буквами, путем их восстановления в строке в круглых скобках и курсивным шрифтом. Но наблюдение над этим в обычном типографском издании не в полной мере помогает палеографам и лингвистам в изучении языка и письма, в то время как фотомеханическое издание источников в большей мере отвечает задачам палеографического исследования»¹³.

Сторонники упрощения правил транскрипции указывали, что благодаря этому текст становится доступнее широким кругам читателей: «...Ведь в задачу археографии входит максимальное приближение источника к читателю, облегчение использования источника»¹⁴.

В настоящее время среди археографов все более завоевывает признание мысль, что правила издания исторических памятников не могут быть всегда одинаковы; они меняются в зависимости от типа источников, характера публикации, ее задач¹⁵. Правила печатания «Актов социально-экономической истории...» выполнили свою роль в создании полно-

¹² А. Т. Николаева. Рецензия на второй том «Актов». — «История СССР», 1959, № 6, стр. 172, 173, 175; см. также она же. Рецензия на первый том «Актов». — «Вопросы истории» 1953, № 3, стр. 108—113.

¹³ Е. М. Тальман. О передаче текста исторических источников. — «Исторический архив», 1956, № 5, стр. 184.

¹⁴ Там же.

¹⁵ А. А. Зимин. Методика издания древнерусских актов. М., 1959, стр. 23.

ценной источниковедческой основы для исторических и филологических исследований и внесли большой вклад в советскую археографию.

Параллельно с «Актами социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.» готовилась и выходила другая трехтомная серия — «Акты феодального землевладения и хозяйства». Она тоже содержит документы архивов церковных корпораций, подобранные по фондовому признаку, однако носит своеобразный характер по сравнению с «Актами социально-экономической истории...».

План публикации «Актов феодального землевладения и хозяйства» создавался постепенно, в ходе издания, и на первый взгляд может показаться, что он не отличается четкостью. В действительности это не так. В первой части, вышедшей в 1951 г. (составитель — Л. В. Черепнин, ответственный редактор — С. В. Бахрушин), было решено напечатать целиком какую-нибудь копиянную книгу грамот, поскольку в «Актах социально-экономической истории...» документальный материал, извлеченный из целого ряда сборников копий, давался в общей хронологической последовательности и представление о каждой копиянной книге как целостном источнике утрачивалось.

Для публикации выбрали книгу митрополичьей кафедры (рукопись Синодального собрания № 276, хранящаяся в Государственном историческом музее) по двум причинам. Во-первых, это один из наиболее интересных сборников грамот по истории землевладения; во-вторых, подлинники этих грамот утрачены. Основная часть сборника доходит до времени митрополита Даниила (1522—1539), далее идут случайные и неполные приписки второй половины XVI—XVII в. В первой части было решено напечатать рукопись № 276 в ее основном разделе, составленном при митрополите Данииле. Акты опубликованы в той последовательности, в которой они расположены в самом сборнике, — по уездам, а в пределах уездов — по земельным владениям. Но для удобства читателя грамоты перенумерованы (316 номеров) и к каждой из них дан заголовок (курсивом). Для сличения с рукописью № 276 были привлечены другие сборники митрополичьих и патриарших земельных документов, на которые в публикации даются ссылки.

К изданию дан разветвленный научный аппарат в виде шести указателей: 1) грамот, ранее опубликованных; 2) разновидностей актов; 3) хронологический; 4) географических названий; 5) личных имен; 6) предметно-терминологический. При территориально-географической системе расположения актов материала особое значение приобретает хронологический указатель, позволяющий исследователю легко выделять источники интересующего его времени.

Непосредственное продолжение материалов митрополичьего землевладения дано в части третьей (составитель — Л. В. Черепнин), вышедшей в 1961 г. Здесь опубликованы документы митрополичьей, а затем патриаршей кафедры с 20-х годов XVI в. по 20-е годы XVII в. Таким образом, хронологический охват документации значительно шире, чем в «Актах социально-экономической истории...».

Поскольку для указанного периода у составителя не было компактного сборника копий грамот типа синодальной рукописи № 276 (в ее основной части), а сохранились лишь отдельные списки и поуездные копиянные книги, но зато имеется ряд подлинников, материал этот (66+10 номеров) расположен в издании в хронологическом порядке. Это отнюдь не отступление от системы первой части, а результат своеобразия источников. Особое место среди документации третьей части серии занимает памятник специального назначения — записная книга помещенных дач митрополичьим и патриаршим служилым людям 1582—1622 гг. (359 номеров). В данном случае, несмотря на то, что хронологическая последовательность записей часто нарушается, книга (рассматриваемая

как целостный источник) публикуется в дошедшем до нас виде, с выделением в ее тексте курсивными заголовками отдельных документов и сведений о них.

Во вторую часть серии, подготовленную А. А. Зиминим (1956), вошли акты Иосифо-Волоколамского монастыря 1450—1612 гг. (436 номеров). От XV в. документов этого монастыря дошло слишком мало, поэтому казалась целесообразным продолжить публикацию актового материала, относящегося к монастырскому землевладению и за последующее столетие.

Справочный аппарат во второй и третьей частях серии в основном такой же, что и в первой. Правила транскрипции отличаются от тех, которые приняты в издании «Акты социально-экономической истории...» для грамот XIV—XV вв. Приемы публикации подлинников и списков XVI и следующих веков (а именно этот материал фигурирует в основном в «Актах феодального землевладения и хозяйства») более простые. Буквы, исчезнувшие из употребления, заменяются равными им по значению знаками современного алфавита. Выносные буквы вносятся в строку, а титла раскрываются без каких-либо указаний на это в тексте. Но обязательно сохраняются фонетические и морфологические особенности документов.

Документы определенной разновидности положены в основу выпущенного в 1950 г. издания «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» (составитель — Л. В. Черепнин, ответственный редактор — С. В. Бахрушин). Однако здесь соблюден и фондовый принцип, так как княжеские духовные и договорные грамоты представляют собой существенную часть московского великокняжеского архива, складывавшегося в период образования Русского централизованного государства. Духовные и договорные грамоты уже давно введены в научный оборот. Они печатались в «Древней российской вивлиофике», издававшейся Н. И. Новиковым (изд. 1, ч. 8 и 9. СПб., 1775; изд. 2, ч. 2 и 3. СПб., 1788), в «Собрании государственных грамот и договоров» (ч. I. М., 1813) и в других изданиях. Значение советского издания заключается в том, что, во-первых, все эти документы (104 номера) собраны вместе; во-вторых, воспроизведены все их особенности (например, пометы, сделанные в разное время разными почерками); в-третьих, приведены первоначальные черновые проекты, до сих пор в печати неизвестные. Дано описание водяных знаков бумаги и печати при документах. В приложении помещены извлечения из описей архива Посольского приказа 1614 и 1626 гг., содержащие описание духовных и договорных грамот (сохранившихся и не сохранившихся до нашего времени).

Датировка документов, не имеющих в тексте указаний на дату своего возникновения, произведена в соответствии с выводами монографии Л. В. Черепнина «Русские феодальные архивы XIV—XV веков» (ч. I. М.—Л., 1948). В специальной таблице, в конце книги, приведены другие датировки, дававшиеся прежними издателями или исследователями грамот.

В связи с моим изданием А. А. Зимин написал специальную статью¹⁶. Он оспорил некоторые мои датировки и предложил вместо них свои. Здесь не место разбирать все его конкретные суждения и замечания. Гораздо важнее привести общие, принципиальные соображения А. А. Зимина по поводу методики установления дат. Я думаю, вряд ли кто-либо станет возражать против положения: «...Датировки недатированных актов должны основываться в первую очередь на фактах, хотя и мелких, но твердо установленных хронологически; гипотезы общего характера

¹⁶ А. А. Зимин. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. — «Проблемы источниковедения», вып. VI. М., 1958, стр. 275—321.

не могут быть положены в основу точных датировок». Бесспорно и другое замечание: «При невозможности точной датировки духовной или договорной грамоты следует прежде всего твердо установить хронологические рамки, во время которых она могла быть написана, и уже затем связывать составление документа с тем или иным конкретным событием»¹⁷. Я не сомневаюсь, что любой исследователь предпочтет факт гипотезе, каждый стремится к точности, но на пути к достижению желаемого бывают и удачи и неудачи. Это относится и ко мне, и к А. А. Зимину. Поэтому я никак не могу согласиться с тем, что «гипотетическая датировка» (т. е., очевидно, основанная на знании фактов, доступных пока не полностью) может породить у читателя впечатление, что даты ряда опубликованных документов уже окончательно установлены¹⁸. Если бы составитель хотел внушить читателю подобную уверенность, он, конечно, не стал бы указывать применительно к каждому документу, помимо даты, предложенной им самим, еще до 14 дат, имеющих в литературе. И не стал бы каждый раз давать в легенде точную ссылку на страницы своей монографии в обоснование предложенной датировки.

Правила транскрипции духовных и договорных грамот в основном таковы же, что и «Акт социально-экономической истории...»; готовились эти издания одновременно, параллельно, составители делились опытом, и принципы, коротко изложенные в предисловии к первой публикации, были подробно разработаны (с некоторыми вариантами) в предисловии ко второй. В изданиях духовных и договорных грамот и подлинники, и списки печатались одинаково, с максимальным приближением к оригиналу. Интересен отклик на публикацию «Духовных и договорных грамот» языковеда П. Я. Черныха. Он, во-первых, подчеркивает разницу в понимании «точности» передачи текста историками и филологами. «Точным мы, языковеды, считаем издание памятников письменности, которое воспроизводит не только все особенности орфографии древнерусских текстов; но и все другие особенности письма, в том числе и знаки препинания, а также надстрочные знаки, может быть, и не имеющие существенного значения для понимания текста». Однако, отмечая, что «специальные интересы филологических наук» в издании духовных и договорных грамот «учтены только относительно», П. Я. Черных считает, что «тем не менее новым изданием... в течение долгого времени будут пользоваться и историки древнерусской литературы, и историки русского языка, ... аспиранты, а также студенты филологических факультетов...»¹⁹.

Территориально-политический принцип лежит в основе подбора документов для публикации «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» (1949). Сборник этот (348 номеров) подготовила к печати группа ленинградских ученых — В. Г. Гейман, Н. А. Казакова, А. И. Копанев, Г. Е. Кочин, Р. Б. Мюллер, Е. А. Рыдзевская, под редакцией С. Н. Валка. Критерием включения документов в издание были: для государственных актов — происхождение от той или иной новгородской (вечевой, княжеской или владычной) власти; для частных грамот — принадлежность предмета сделки к территории Новгородского или Псковского государств. Правда, некоторые исключения из этих общих правил допущены. Принципы комплектования сборника нашли одобрение в печати. Так, А. А. Зимин писал: «Принципиальное значение издания „Грамот Великого Новгорода и Пскова“ заключается как раз в том, что его соста-

¹⁷ Там же, стр. 321.

¹⁸ Там же.

¹⁹ «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», т. X, вып. 5. М.—Л., 1951, стр. 504, 507.

вители отбросили формальный подход к подбору и публикации древнерусских актов, приняв за основу не наличие того или иного документа в фондах, собранных в XVIII—XIX вв., а единственно правильный критерий — публикацию полного собрания грамот, отражающих важнейшие проблемы истории Великого Новгорода и Пскова»²⁰.

Возражения со стороны А. А. Зимина встретила систематизация актового материала, построенная на сочетании трех принципов: тематического, хронологического, географического. Применительно к новгородским грамотам составители выделили четыре тематические рубрики: «Грамоты отношений Великого Новгорода с князьями», «Грамоты отношений Великого Новгорода с Западом», «Грамоты внутреннего управления Великого Новгорода», «Частные грамоты Великого Новгорода». В пределах первых трех рубрик акты расположены в хронологической последовательности, в последней имеются еще дальнейшие подразделения по территориальному признаку (Новгород, Двина, Волга, Обонежье) и внутри каждого подразделения — своя хронология. Псковские грамоты (и публично-правовые, и частноправовые) даны все вместе в хронологической последовательности.

А. А. Зимин считает такую систематизацию слишком дробной, нечеткой, лишней единства. Так, по его мнению, «выделение третьего раздела непонятно, поскольку грамоты отношений с князьями посвящены в значительной мере внутреннему управлению Великого Новгорода». «С другой стороны, акты, помещенные в разделе грамот внутреннего управления, вряд ли целиком могут быть так названы, ибо в основном они состоят из жалованных грамот, которые неправильно рассматривать как „акты внутреннего управления“». Сам А. А. Зимин считает, что более целесообразно было бы введение двух разделов: «Акты социально-экономической истории» и «Акты внешней и внутренней политики Великого Новгорода»²¹. В этом есть своя логика, хотя любая классификация — дело условное, и против соображений А. А. Зимина можно тоже привести доводы. Например: правильно ли объединять две первые рубрики: «Грамоты отношений Великого Новгорода с князьями» и «Грамоты отношений Великого Новгорода с Западом»? Содержание этих рубрик все же разное.

Ряд возражений со стороны А. А. Зимина вызвала датировка договоров Новгорода с князьями²², но это вопрос столь же сложный и спорный, сколь и датировка духовных и договорных грамот великих и удельных князей.

Составители отказались от воспроизведения текста документов по типу «Сборника грамот Коллегии экономики» или даже «Актов социально-экономической истории...». Были приняты облегченные приемы транскрипции. Объясняют это составители тем, что две значительные группы грамот — договоры Новгорода с князьями и двинские акты — были изданы с соблюдением самых строгих филологических требований А. А. Шахматовым в трудах: «Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV вв.» (СПб., 1886) и «Исследование о двинских грамотах XV в.» (СПб., 1903), а ряд новгородских документов воспроизведен фотомеханически. Может быть, это объяснение и заслуживает внимания, но все же жаль, что новгородские и псковские подлинники акты XIV—XV вв. не получили такого же воспроизведения в советской печати, как акты Северо-Восточной Руси. Если бы это было сделано, то мы могли бы сказать, что все документы до XVI в. имеют издания, ко-

²⁰ «Советская книга», 1949, № 11, стр. 67—70.

²¹ Там же, стр. 69; см. также мою рецензию («Вопросы истории», 1949, № 11, стр. 158—161).

²² А. А. Зимин. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв. — «Проблемы источниковедения», вып. V. М., 1956.

торами можно пользоваться не только для исторических, но в какой-то (пусть не в полной) мере и для филологических изысканий.

В сборник новгородских и псковских документов вошел ряд немецких текстов, касающихся дипломатических и торговых сношений Новгорода с Западной Европой. Большинство этих текстов представляют собой немецкие переводы того времени русских грамот, в настоящее время утраченных. Составители, давая обратный перевод с немецкого на русский язык, стремились придерживаться той русской терминологии, которая употреблялась во время возникновения документов. Таким образом, эти переводы, по существу, представляют собой реконструкцию пропавших русских текстов. Это очень интересный методический прием.

После выхода в свет указанных выше сборников актового материала в них стали обнаруживаться пробелы. Отдельные историки находили и публиковали новые акты XIV—XV вв. или их лучшие списки.

Были опубликованы подготовленные И. А. Голубцовым и В. Д. Назаровым 16 документов 1428—1492 гг. из копийной книги Богоявленского монастыря конца XVII в. (фонд Синода Центрального государственного исторического архива в Ленинграде), из коллекций дворянских родов Кулибакиных (копии XVII в. — фонд Н. П. Лихачева в Ленинградском отделении Института истории) и Масловых (перепечатка из публикации Ю. В. Арсеньева, который извлек эти документы из архива московского дворянского собрания XVIII в.)²³.

84 грамоты (тексты, упоминания о них и варианты к напечатанным грамотам) из архивов Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского, Павло-Обнорского, Серпуховского владычного, Железнодорожского, Спасо-Прилуцкого монастырей, Казанской епархии напечатал С. М. Каптанов в своей книге «Очерки русской дипломатики». Это приложение представляет собой «опыт реализации некоторых принципов грамматически-дипломатического подхода к актам и их классификации». Грамматически-дипломатический подход выражается «в интерпретации текста в форме разделения его на слова, элементы, обороты, предложения и статьи, фиксирующие определенные нормы права». Детализирующая классификация сводится «в значительной мере к установлению сочетания в одном акте „чистых“ разновидностей. Продуктами этой классификации являются заголовки документов. Кроме того, делается попытка разъяснения реалий (имен, реке — географических названий)»²⁴.

В. Б. Кобрин издал пять грамот (за период не ранее 1340-х годов — не позднее 1492 г.), извлеченных им из копийной книги Кирилло-Белозерского монастыря 30-х годов XVII в., хранящейся в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Эта книга была использована при подготовке к печати второго тома «Актов социально-экономической истории...», но документы, публикуемые В. Б. Кобриным, были составителем в то время пропущены. Среди них древнейший акт Кирилловского архива: докладная купчая Павла Харитоновна на вотчину — село Вашки (с отводом) 40-х—70-х годов XIV в.²⁵

Находки последних лет значительно дополнили актовый материал, содержащийся в издании «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». Замечательную находку сделал В. И. Корецкий. Он обнаружил новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю 1146—1155 гг., в котором имеется формула, отсутствующая в списке, опубликованном в сборнике «Грамоты Великого

²³ И. А. Голубцов и В. Д. Назаров. Акты XV — начала XVI века. — «Советские архивы», 1970, № 5, стр. 74—89.

²⁴ С. М. Каптанов. Очерки русской дипломатики. М., 1970, стр. 341—484.

²⁵ В. Б. Кобрин. Грамоты XIV—XV вв. из архива Кирилло-Белозерского монастыря. — «Археологический ежегодник за 1968 год». М., 1970, стр. 406—410.

Новгорода и Пскова»: «А смердам витославицам не потянути им ни ко князю, ни к епискупу, ни в городцкий потуги, ни к смердом ни в какии потуги, ни иною вивирицою, а потянути им ко святому Пантелемону в монастырь к игумену и к братьи»²⁶. Совершенно по-новому зазвучал документ, в силу дефектности которого был утрачен, а теперь вновь обретен самый интересный в социальном отношении текст. Исследователи получили новый источник по истории смердов, о которых так мало даных.

Продолжая свои поиски, В. И. Корецкий извлек из судебного земельного дела Палеостровского монастыря (ЦГАДА, фонд Новгородской приказной избы) списки ряда документов XV в., которые требовались суду. 9 грамот (данные, духовная, купчая, жалованная) были Корецким напечатаны²⁷. Из других дел XVI—XVII вв. того же фонда Корецкий взял для публикации 12 списков новгородских и псковских грамот XIV—начала XVI в.²⁸ Наиболее старинная из них — ободная Луки Варфоломеева на Тайбольскую землю 1333—1342 гг. — представляет собой один из ранних образцов древнерусского частного акта. Этот акт, так же как другие — духовная Орины второй половины XV в., представляют собой документы из архива новгородского боярского рода Мишиничей-Онцифоровичей. Из этого же архива уцелели до нашего времени и некоторые берестяные грамоты. Совместное изучение всего этого комплекса может дать плодотворные результаты.

Подавляющее большинство актов, введенных в научный оборот В. И. Корецким, — новгородского происхождения. Но заметно пополнилось и число известных нам псковских грамот. С. Н. Валк опубликовал по списку XVII в. данную посадничьего сына Карпа Михайловича Введенскому псковскому монастырю XV в.²⁹ Внимательный источниковедческий анализ, проведенный в связи с обстоятельствами судного дела, в котором она фигурировала, заставил С. Н. Валка высказать сомнения по поводу того, что список снят с подлинного акта. Данная или подделана, или интерполирована. Но при всех случаях образцом для ее изготовления служил какой-то подлинный акт, и список дает возможность о нем судить.

Громадное научное значение имеет находка новых псковских грамот XIV—XV вв., обнаруженных в фондах Поместного приказа и Поместного стола Псковской приказной избы Л. М. Марасиновой. До ее открытия было известно 15 псковских земельных актов этого времени. Она нашла еще 30 (одна — в подлиннике, 29 — в копиях, причем четыре списка — это копии грамот, которые ученые знали и ранее по другим спискам). Таким образом, новых документов 26. Но в свое издание Л. М. Марасинова включила также акты, изданные ранее в трудах, ставших теперь библиографической редкостью и не вошедших в сборник «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». Поэтому ее публикация насчитывает 35 документов.

Труд Л. М. Марасиновой — это публикация-исследование. В нем тексты актов занимают меньше всего места. А ряд разделов книги содержит развернутые комментарии — палеографический, дипломатический, хронологический, географический, анализ актов в качестве исто-

²⁶ В. И. Корецкий. Новый список грамот великого князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю. — «Исторический архив», 1955, № 5, стр. 204.

²⁷ В. И. Корецкий. Новгородские грамоты XV века из архива Палеостровского монастыря. — «Археографический ежегодник за 1957 год». М., 1958, стр. 437—450.

²⁸ В. И. Корецкий. Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV—XV вв. — «Археографический ежегодник за 1967 год». М., 1969, стр. 275—290.

²⁹ С. Н. Валк. Псковская данная (XV в.?). — «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». Сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961, стр. 214—217.

рического источника. Даны также указатели к текстам: именной, географический, предметно-терминологический³⁰.

Ценные документы извлечены из Рижского городского архива (ныне — Центральный государственный архив Латвийской ССР). Н. Д. Боголюбова и Л. И. Таубенберг дали описание древнейших актов XIII—XIV вв. (смоленских, полоцких, новгородских), хранящихся в этом архиве, а также фотокопии и транскрипции ряда текстов³¹. В. Л. Янин опубликовал по подлинникам Рижского городского архива две грамоты первой четверти XV в. Великого Новгорода в Ригу по поводу жалоб новгородских людей³². 19 новгородских, смоленских, полоцких актов XIV—XV вв. из фонда внешних сношений Рижского магистрата напечатаны А. Л. Хорошкевич³³.

С. Н. Валк издал по спискам Таллинского городского архива три грамоты начала XV в., касающиеся взаимоотношений Новгорода и Пскова с городами Прибалтики (Юрьевом, Ригой, Кольванью)³⁴.

Особо следует упомянуть издание «Смоленские грамоты XIII—XIV веков», подготовленное к печати Т. А. Сумниковой и В. В. Лопатиным, под редакцией Р. И. Аванесова (1963). Собраны все известные тексты (их восемь). Они хранятся в Рижском государственном городском архиве, в Центральном государственном архиве древних актов в Москве, в Ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР, в Польской Народной Республике — в Народном музее г. Кракова. По отдельности грамоты неоднократно публиковались, но их издания давно уже стали библиографической редкостью. Рассматриваемая публикация рассчитана на филологов; в соответствии с этим разработаны и правила передачи текстов. Так, сохраняется пунктуация подлинника, сохраняются титла, но надстрочные буквы вносятся в строку и передаются курсивом. К грамотам приложены: комментарии, словоуказатель, фотокопии.

Гораздо меньше сделано в области издания актов XVI в. Публикаторская работа и здесь началась еще в довоенное время. А. А. Введенский выпустил новые акты по истории хозяйства Строгановых³⁵. Н. С. Чаев напечатал Двинскую уставную таможенную откупную грамоту 1560 г., извлеченную им из собрания Постоянной историко-археографической комиссии Академии наук³⁶. И. И. Смирнов издал жалованную грамоту князя Владимира Андреевича Старицкого А. А. Карачеву 1544 г. на вотчину³⁷. Ценные материалы по истории опричнины собраны П. А. Садиковым³⁸.

³⁰ Л. М. Марасинова. Новые псковские грамоты XIV—XV веков. М., 1966.

³¹ Н. Д. Боголюбова и Л. И. Таубенберг. О древнерусских памятниках XIII—XIV вв. Рижского городского архива. — «Ученые записки Латвийского государственного университета имени Петра Стучки», т. XXXVI, вып. 6. Рига, 1960, стр. 7—22.

³² В. Л. Янин. Две неизданные новгородские грамоты XV в. — «Археографический ежегодник за 1959 год». М., 1960, стр. 333—339.

³³ А. Л. Хорошкевич. Новые грамоты XIV—XV вв. — «Археографический ежегодник за 1963 год». М., 1964, стр. 264—276; она же. Русские грамоты 60—70-х годов XV в. из бывшего Рижского городского архива. — «Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966, стр. 325—341.

³⁴ С. Н. Валк. Новые грамоты о новгородско-псковских отношениях с Прибалтикой в XV в. — «Исторический архив», 1956, № 1, стр. 232—234.

³⁵ А. А. Введенский. Торговый дом XVI—XVII веков. Л., 1924.

³⁶ «Двинская уставная таможенная откупная грамота 1560 г.». Сообщил Н. С. Чаев. — «Летопись занятий Постоянной историко-археографической комиссии за 1926 г.», вып. 1 (34). Л., 1927, стр. 199—203.

³⁷ И. И. Смирнов. Жалованная грамота князя Владимира Андреевича Старицкого А. А. Карачеву. — «Исторический архив», т. 2. М.—Л., 1939, стр. 51—59.

³⁸ П. А. Садиков. Из истории опричнины XVI века. — «Исторический архив», т. 3. М.—Л., 1940, стр. 115—303; он же. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 418—530.

В последнее время публикация актового материала XVI в. усилилась. И. А. Голубцов воспроизвел фоторепродукцию и транскрипцию и дал источниковедческий анализ двух грамот Костромскому Ипатьевскому монастырю³⁹. В. А. Кучкин издал жалованные грамоты Ивана IV епископу коломенскому и каширскому Вассиану Топоркову 1538 г.⁴⁰ и Тверскому Афанасьевскому монастырю 1555 г.⁴¹ С. М. Каштанов подготовил (совместно с А. Н. Робинсоном) две жалованные грамоты псковским монастырям⁴². Ему же принадлежит опыт публикации-реконструкции жалованной обельно-несудимой грамоты 1550 г. Ивана IV игумену Троице-Сергиева монастыря Серапиону⁴³. В. Б. Кобрин напечатал две жалованные грамоты 1564—1566 гг. Чудову монастырю⁴⁴ и десять документов 1555—1589 гг. по истории феодального землевладения в Юрьев-Польском уезде, извлеченных из копияной книги Спасо-Евфимьева монастыря XVIII в.⁴⁵ С. О. Шмидт обнаружил в Государственном архиве Архангельской области и опубликовал восемь актов (1523—1592 гг.) из фонда Михайло-Архангельского монастыря⁴⁶. Ряд документов второй половины XVI—XVII в. ввел в научный оборот В. Д. Назаров⁴⁷.

Большой интерес представляет издание оброчных и порядных записей XVI—XVII вв. (1579—1700 гг.) из архива Антошицево-Сийского монастыря, осуществленное Г. Н. Образцовым⁴⁸, и записной книги старых крепостей 1598 г., подготовленное А. И. Копаневым⁴⁹.

Благодаря А. А. Зимину⁵⁰ и С. М. Каштанову⁵¹ увидели свет ценные документы по истории центрального и местного управления в России в середине XVI в.

³⁹ И. А. Голубцов. Две данных грамоты XV—XVI вв. Костромскому Ипатьевскому монастырю. — «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». М., 1961, стр. 229—236.

⁴⁰ В. А. Кучкин. Жалованная грамота 1538 г. на две слободки в Коломне. — «Археографический ежегодник за 1959 год». М., 1960, стр. 340—343.

⁴¹ В. А. Кучкин. Жалованная грамота Тверскому Афанасьевскому монастырю 1555 г. — «Исторический архив», 1960, № 1, стр. 222—224.

⁴² С. М. Каштанов. Две жалованные грамоты 1510 г. псковским монастырям. — «Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 24. М., 1961, стр. 221—258.

⁴³ С. М. Каштанов. Общие жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю 1550, 1577 и 1578 гг. на все вотчины (соотношение текстов). — «Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 28. М., 1965, стр. 138—142; *он же*. Чертеж земельного участка XVI в. — «Труды МГИАИ», т. 17, 1963, стр. 429—436.

⁴⁴ В. Б. Кобрин. Две жалованные грамоты Чудову монастырю (XVI в.). — «Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 25. М., 1962, стр. 283—322.

⁴⁵ В. Б. Кобрин. Несколько документов по истории феодального землевладения XVI века в Юрьев-Польском уезде. — «Археографический ежегодник за 1957 год». М., 1958, стр. 467—477; *он же*. Из истории земельной политики в годы опричнины. — «Исторический архив», 1958, № 3, стр. 155—156.

⁴⁶ С. О. Шмидт. Неизвестные документы XVI в. — «Исторический архив», 1961, № 4, стр. 149—158.

⁴⁷ В. Д. Назаров. Из истории аграрной политики царизма в XVI веке. — «Советские архивы», 1968, № 3, стр. 106—114; *он же*. Из истории государственного аппарата России в конце XVI — начале XVII в. — Там же, 1969, № 2, стр. 96—112. В. Д. Назаровым же подготовлены к печати две грамоты, опубликованные в приложении к книге А. А. Зимина «Опричнина Ивана Грозного» (М., 1964, стр. 481—483).

⁴⁸ Г. Н. Образцов. Оброчные и порядные записи Антошицево-Сийскому монастырю XVI—XVII вв. — «Исторический архив», VIII, 1953, стр. 180—197.

⁴⁹ А. И. Копанев. Материалы по истории крестьянства конца XVI и первой половины XVII в. — «Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР». М.—Л., 1966, стр. 143—186.

⁵⁰ А. А. Зимин. Из истории центрального и местного управления в первой половине XVI в. — «Исторический архив», 1960, № 3, стр. 143—150; *он же*. К истории таможенной реформы середины XVI в. — «Исторический архив», 1961, № 6, стр. 133; *он же*. Новые документы по истории местного управления в России первой половины XVI в. — «Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966, стр. 342—353.

⁵¹ С. М. Каштанов. Ценное свидетельство о земской реформе середины XVI в. — «Советские архивы», 1968, № 5, стр. 49—54.

Особо следует упомянуть многотомное издание «Памятники русского права». В его первых четырех выпусках⁵² содержатся юридические материалы (в том числе и акты) до начала XVII в. Основная роль в их подборе и подготовке к печати принадлежит А. А. Зимину (для первых двух выпусков он является единственным составителем). В издании помещены документы, и известные ранее в печати, и публикуемые впервые. «Памятники русского права» по идее представляют собой хрестоматию, но эта хрестоматия подготовлена на высоком научном уровне, является плодом большой исследовательской работы. Сейчас «Памятники» вполне заменили весьма популярную в свое время и имевшую большое научное значение «Хрестоматию по истории русского права» М. Ф. Владимирского-Буданова.

Наряду с публикациями актового материала, следует назвать перечни документов той или иной разновидности или какого-то архивного фонда. В 1903 г. по инициативе А. С. Лаппо-Данилевского группой его учеников начал составляться каталог частных актов. Работа эта не была доведена до конца и в целом света не увидела. Но были опубликованы материалы по трем актовым разновидностям, касающимся истории холопства: список известных в печати полных, докладных, служилых кабал XV—XVII вв.⁵³ Список полных и докладных грамот не ранее 1420—1600 гг. напечатала также Е. И. Колычева, привлекая архивные документы и уточнив датировку и место происхождения ряда актов⁵⁴. А. А. Зимин дал хронологический перечень актов архива Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря (1506—1612 гг.)⁵⁵. С. М. Каштанов составил хронологический указатель иммунитетных грамот XVI в.⁵⁶, дополненный затем им при участии В. Д. Назарова и Б. Н. Флоры⁵⁷. Продолжение работ подобного рода желательно и перспективно.

Сейчас Институт истории СССР Академии наук СССР поставил перед собой большую задачу — издание новой серии актового материала, непосредственно продолжающей трехтомную публикацию «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.». Это «Акты Русского государства XVI в.». Основу для первых томов составит собрание грамот Троице-Сергиева монастыря, подготовленное С. Б. Веселовским. Издание готовится совместно с филологами — работниками Института русского языка. Работа над «Актами Русского государства» — одна из основных задач на ближайшие годы в области археографии памятников средневековой истории⁵⁸.

⁵² «Памятники русского права», вып. I—IV. М., 1952—1956.

⁵³ «Каталог частных актов Московского государства». — «Проблемы источниковедения», сб. 2. М.—Л., 1936, стр. 333—379.

⁵⁴ Е. И. Колычева. Полные и докладные грамоты XV—XVI веков. — «Археографический ежегодник за 1961 год». М., 1962, стр. 41—81.

⁵⁵ А. А. Зимин. Хронологический перечень актов архива Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря (1506—1612 гг.). — «Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1963, стр. 366—396.

⁵⁶ С. М. Каштанов. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. — «Археографический ежегодник за 1957 год». М., 1958, стр. 302—376; то же за 1960 г. М., 1962, стр. 129—200.

⁵⁷ С. М. Каштанов, В. Д. Назаров, Б. Н. Флоря. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в., часть третья. — «Археографический ежегодник за 1966 год». М., 1968, стр. 197—253.

⁵⁸ Благодарю С. М. Каштанова за ряд ценных замечаний и библиографических указаний, полученных мною от него при работе над этой статьей.

З. Г. Самодурова

ОБ ИЗУЧЕНИИ ГРЕЧЕСКОГО РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ В СССР (1945—1971 гг.)¹

Одной из главных задач, поставленных перед созданными в нашей стране научными центрами по изучению истории Византии: византийской группой в Ленинграде при Ленинградском отделении Института истории АН СССР (начала работать во второй половине 1939 г. под руководством профессора М. В. Левченко) и группой византиноведения в Москве при Институте истории АН СССР (была образована в ноябре 1943 г. во главе с академиком Е. А. Косминским) — было обследование рукописных фондов СССР с целью разностороннего их изучения, выявления и издания неопубликованных византийских источников, хранящихся в отечественных собраниях².

Однако в период Великой Отечественной войны группы не смогли широко развернуть эту работу. Не хватало квалифицированных кадров. Крупнейший советский византинист-палеограф М. А. Шангин, написавший первый в русской научной литературе труд по греческой палеографии «Византийское книжное письмо», умер в 1942 г. в г. Махач-Кала³.

Заслуга в подготовке специалистов-палеографов принадлежит доктору филологических наук Е. Э. Гранстрем. Начиная с 1948 г. и по настоящее время Е. Э. Гранстрем ведет практические занятия по греческой палеографии со студентами V курса кафедры истории средних веков исторического факультета Ленинградского Государственного университета. Одновременно она читала курс и проводила семинары по греческой палеографии с аспирантами Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, сотрудниками Института рукописей им. К. С. Кекелидзе АН ГрузССР, студентами и аспирантами из Киева и Свердловска. Со второй половины 50-х годов развертывается интенсивная подготовка кадров византинистов-палеографов. Е. Э. Гранстрем руководит работой аспирантов (З. Г. Самодуровой, И. Н. Лебедевой, Б. Л. Фонкича, Е. Н. Мещерской), специализирующихся в области греческой палеографии.

В Москве ученик Е. Э. Гранстрем Б. Л. Фонкич начиная с 1968 г. и по настоящее время читает курс лекций по греческой палеографии для студентов II—V курсов кафедры классической филологии филологического факультета Московского государственного университета. Под его

¹ В данной статье не учтены работы по папирологии, поскольку автор не является специалистом в этой области.

² М. В. Левченко. Задачи современного византиноведения. — «Византийский сборник». М.—Л., 1945, стр. 5; *он же*. В византийской группе Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР. — «Византийский временник», I (XXVI), 1947, стр. 378; З. В. Удальцова. Византийская группа Института истории АН СССР. — Там же, стр. 373; *она же*. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, стр. 41—43.

³ Б. Т. Горянов. М. А. Шангин. (Некролог). — «Византийский временник», I (XXVI), 1947, стр. 381—385.

руководством студенты пишут курсовые и дипломные работы, базирующиеся на рукописных источниках, хранящихся в собраниях Москвы. Осенью 1970 г. Б. Л. Фонкич прочитал курс лекций по греческой палеографии для студентов III—V курсов кафедры классической филологии филологического факультета Тбилисского государственного университета.

Однако это только первые шаги, по-прежнему ощущается нехватка кадров византистов-палеографов. Исторические факультеты крупнейших университетов страны вообще не готовят специалистов данного профиля. Для исправления создавшегося положения необходимо наряду с введением особой специализации по греческой палеографии на кафедрах истории средних веков исторических факультетов Московского и Ленинградского университетов (и в некоторых других высших учебных заведениях, где это возможно) расширить подготовку византистов-палеографов через аспирантуру исторических институтов АН СССР.

Недостаток в квалифицированных кадрах палеографов затрудняет дальнейшее развертывание работы по описанию, исследованию и публикации греческих манускриптов из книгохранилищ нашей родины.

Греческие рукописные фонды СССР принадлежат к числу крупнейших мировых собраний. В библиотеках и архивах разных городов Советского Союза: Ленинграда, Москвы, Киева, Еревана, Одессы, Тбилиси, Харькова, Жданова (Мариуполя), Загорска, Иванова, Казани, Калинина, Пскова, Саратова, Смоленска, Ярославля — находится более двух с половиной тысяч греческих кодексов. Древнейшие из них относятся к IV—VI вв., самые поздние — к началу XX в. Наиболее богатыми являются коллекции Москвы и Ленинграда. По своему содержанию фонды греческих рукописей Советского Союза весьма разнообразны. В них содержится немало замечательных памятников классической литературы Греции (списки поэм Гомера, Гесиода, трагедий Эсхила, Софокла, Еврипида, сочинений Эзопа, Пиндара, Менандра, Феокрита, Плутарха, Диогена Лаэртца и др.), произведения византийской письменности: исторические, хронографические, медицинские сочинения, сатира, агиография, апокрифы, грамматические трактаты, разнообразные лексиконы, памятники народной литературы, византийского искусства, гражданского и канонического права, документы⁴.

Первоочередной задачей, стоявшей перед византистами-палеографами, было ознакомление советских историков с богатейшими фондами греческих средневековых рукописей нашей страны. В послевоенные годы выходят в свет обзоры отдельных коллекций Москвы, Ленинграда, Тбилиси и ряда других городов Советского Союза. В них давалась характеристика состава собраний, выяснялась история их образования, отмечались наиболее замечательные кодексы, важные для изучения социально-экономических отношений в Византии, истории византийской литературы, живописи, палеографии.

Большая работа по выявлению греческих рукописных фондов СССР проведена Е. Э. Гранстрем. Она обследовала греческие манускрипты Ленинграда, Тбилиси, Еревана, Иванова, Калинина, Киева, Москвы,

⁴ О собраниях греческих рукописей Советского Союза см.: С. Д. Сказкин, Н. А. Сидорова, А. Д. Люблинская, А. И. Неусыхин, Э. В. Удальцова, Е. Э. Гранстрем, В. Л. Романова, З. Г. Самодурова. За развитие вспомогательных исторических дисциплин в области изучения западноевропейского и византийского феодализма. — «Вопросы истории», 1961, № 4, стр. 71—72; Е. Э. Гранстрем. Греческие средневековые рукописи ленинградских хранилищ и проблемы истории письма и книги в Византии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Л., 1969, стр. 11—14; Б. Л. Фонкич. Греческая кодикология (на материале рукописей X—XVII вв. собраний Москвы и Ленинграда). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1969, стр. 6—8; Э. В. Удальцова. Советское византиноведение за 50 лет, стр. 300—305.

Пскова, Ярославля⁵. Наиболее подробно ею были описаны собрания Отделов рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина⁶, Библиотеки Академии наук СССР⁷ и Государственного музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа⁸. В изданных ею обзорах были приведены сведения по истории названных книгохранилищ, перечислены собрания, поступившие в них, охарактеризован их состав, подсчитано общее число манускриптов, описаны наиболее достопримечательные памятники, отмечено количество бумажных и пергаменных кодексов, помещены данные по библиографии рукописей.

Суммарное описание греческих рукописей из коллекции Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина дал А. П. Каждан. Он привел сведения об общем числе кодексов, хранящихся в ГБЛ, кратко охарактеризовал их содержание и перечислил наиболее интересные и редкие манускрипты⁹.

Греческие рукописи собрания А. С. Норова, входящего в состав фонда ГБЛ, более подробно описаны И. М. Кудрявцевым, который не только привел данные о времени написания и месте приобретения рукописей, но и проанализировал их содержание и отметил значительную научную ценность некоторых из них¹⁰.

Сведения о греческих рукописях Синодального собрания, а также об отдельных греческих кодексах из собраний Успенского собора, Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, Музейского, А. И. Хлудова, Е. В. Барсова помещены в работе М. В. Щепкиной и Т. Н. Протасьевой¹¹. В книге кратко говорится об истории создания Синодального собрания греческих рукописей, переданного Государственному историческому музею в 1920 г., приведен перечень наиболее важных манускриптов и печатных описаний их и дана оценка этого собрания, пользующегося мировой известностью.

Не учтенные в справочной литературе (ни в «*Répertoire des bibliothèques et des Catalogues de manuscrits grecs*». Paris, 1958 М. Ришара, ни в сводном каталоге Е. Э. Гранстрем) 18 греческих рукописей Библио-

⁵ Е. Э. Гранстрем. Греческие средневековые рукописи в Ленинграде. — «Византийский временник», VIII, 1956, стр. 192—207; она же. Греческие рукописи в собраниях Советского Союза. (Дополнительные сведения). — Там же, XI, 1956, стр. 285—294. Авторефераты этих работ напечатаны в «*Bibliotheca classica orientalis*», Berlin, 1958, № 3, S. 130—131. Упоминания о наиболее замечательных греческих рукописях из собраний СССР см.: Е. Э. Гранстрем. Источники по истории Византии. — В кн.: А. Д. Люблинская. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955, стр. 357.

⁶ Е. Э. Гранстрем. Греческие рукописи Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — «Труды ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», II (V). Л., 1957, стр. 211—236. Автореферат статьи напечатан в «*Bibliotheca classica orientalis*», Berlin, 1962, № 6, S. 326—327. О греческих рукописях, принадлежавших П. П. Дубровскому, см.: Т. В. Луизова. Собрание рукописей П. П. Дубровского в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — «Вопросы истории», 1952, № 8, стр. 150—154.

⁷ Е. Э. Гранстрем. Греческие рукописи Библиотеки Академии наук СССР. — В кн.: «Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук», вып. II. XIX—XX века. М.—Л., 1958, стр. 272—284.

⁸ Е. Э. Гранстрем. Греческие рукописи Государственного музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа. — «Вестник Государственного музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа», т. XX-V. Тбилиси, 1959, стр. 191—194.

⁹ А. П. Каждан. Греческие рукописи библиотеки им. В. И. Ленина. — «Вопросы истории», 1946, № 10, стр. 107—108. А. П. Кажданом составлено описание греческих рукописей ГБЛ, но оно не было опубликовано.

¹⁰ И. М. Кудрявцев. Рукописное собрание А. С. Норова. — «Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 18. М., 1956, стр. 53—56.

¹¹ М. В. Щепкина и Т. Н. Протасьева. Сокровища древней письменности и старой печати. Обзор рукописей русских, славянских, греческих, а также книг старой печати Государственного Исторического Музея. Под ред. академика М. Н. Тихомирова. М., 1958, стр. 14, 16, 19, 21, 24, 26—30, 41—42, 47, 54.

теки им. М. Горького Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова перечислены в статье М. Ф. Тонберг¹².

Греческие рукописи, хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов, упомянуты в «Путеводителе» по архиву, в обзорах, составленных В. Н. Шумиловым, и в работе Г. А. Дреминой и А. В. Чернова¹³.

Греческие кодексы из областных музеев и архивов перечислены в описании славяно-русских рукописей этих книгохранилищ¹⁴.

Сведения о греческих рукописях Матенадарана приводит Л. С. Хачикян в своем обзоре армянских манускриптов¹⁵.

Названные обзоры греческих кодексов не охватывали всех рукописных богатств, хранящихся в архивах и библиотеках Советского Союза. Они содержали самую общую информацию и краткую характеристику собраний с выделением наиболее достопримечательных памятников. Кроме того, эти описания разбросаны по различным изданиям, что затрудняет розыски сведений об отдельных рукописях и препятствует обозрению коллекции в целом. Сведения о ряде манускриптов в печати вообще не появлялись. Дальнейшее развитие советского византиноведения потребовало создания подробных каталогов рукописей наших собраний, которые давали бы достаточно полное представление о всех средневековых греческих рукописях СССР.

В настоящее время завершена работа над первым сводным каталогом греческих манускриптов Ленинграда — итог многолетнего труда Е. Э. Гранстрем. Опубликованный отдельными выпусками в «Византийском временнике» «Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ» охватывает манускрипты IV—XV вв. и имеет огромное значение для дальнейшего научного исследования наших фондов. До появления указанного «Каталога» специалисты не располагали каким-либо подробным и точным описанием богатейших ленинградских собраний. В «Каталоге» наряду с внешней характеристикой (материал, дата, тип письма, число и размер листов) подробно описано содержание кодексов и указано печатное, как правило, критическое, издание текста, а также помещены детальные сведения по истории и библиографии рукописи. В работе

¹² М. Ф. Тонберг. Греческие рукописи Библиотеки им. М. Горького Ленинградского ордена Ленина Государственного университета им. А. А. Жданова. — «Византийский временник», 31, 1971, стр. 128—131.

¹³ «Центральный государственный архив древних актов, Путеводитель», ч. I. Под ред. С. К. Богоявленского. М., 1946, стр. 134, 137—138; «Обзор документальных материалов Центрального государственного архива древних актов по истории СССР периода феодализма XI—XVI вв.». Сост. В. Н. Шумиловым. Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1954, стр. 34; «Обзор документальных материалов Центрального государственного архива древних актов СССР по истории г. Москвы с древнейших времен до XIX в.». Сост. В. Н. Шумиловым. Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1949, стр. 40; Г. А. Дремина, А. В. Чернов. Из истории Центрального государственного архива древних актов СССР (Государственное древлехранилище хартий и рукописей и Московский архив Коллегии иностранных дел). М., 1959, стр. 16, 59.

¹⁴ О. П. Бугаева. Рукописи Смоленского областного краеведческого музея. — «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XV, 1958, стр. 424—425; В. И. Малышев. Собрание рукописей Псковского областного краеведческого музея. — Там же, т. XI, 1955, стр. 478; В. В. Лукьянов. Рукописные собрания Ярославского областного архива и Ярославского педагогического института им. К. Д. Ушинского. — Там же, стр. 467; И. Ф. Голубев. Собрание рукописных книг г. Калинина. — Там же, стр. 442, 459; Н. П. Жинкин. Краткие сведения о рукописях Центральной научной библиотеки Харьковского Государственного университета им. А. М. Горького. — Там же, т. X, 1954, стр. 471; Н. П. Рождественский. Отчет об археографической командировке в г. Иваново. — Там же, стр. 486; М. М. Копыленко, И. Л. Портной, М. В. Рапопорт. Заметки о документах и архивах, I (Об отделе редких изданий и рукописей Одесской государственной библиотеки им. А. М. Горького). — «Исторический архив», 1955, № 4, стр. 244.

¹⁵ Л. С. Хачикян. Сокровища Матенадарана. — «Вопросы истории», 1951, № 12, стр. 199.

Е. Э. Гранстрем учтены не только цельные кодексы, но и фрагменты и смытые тексты в палимпсестах. Всего в «Каталоге» описано 636 памятников византийской письменности, из них около 250 выявлено, описано и отождествлено впервые Е. Э. Гранстрем. Рукописи в «Каталоге» расположены в хронологическом порядке, Е. Э. Гранстрем начинает с описания кодексов IV в. и заканчивает описанием датированных кодексов середины XV в. В последний, 8-й выпуск, включены пропущенные ранее манускрипты ГПБ и Ленинградского отделения Института истории АН СССР, приведены перечни номеров описаний по выпускам «Каталога» и шифров по собраниям, указатели к изданию (общий, именной, предметный и географический)¹⁶.

Подробное научное описание четырех греческих манускриптов, принадлежащих Научной библиотеке Московского государственного университета, составил Б. Л. Фонкич. Наряду с детальной кодикологической характеристикой он дал тщательный анализ содержания рукописей, отождествил тексты с печатными изданиями, выяснил судьбу исследуемых кодексов и привел полную библиографию их. Он убедительно доказал, что рукопись XV в., в состав которой включены речи аттических ораторов, преимущественно Лисия (Греч. 3), была скопирована копистом Иоанном Фессалийцем Скутариотом. В предисловии, предпосланном каталогу, Б. Л. Фонкич кратко рассказал об истории образования рукописной коллекции Научной библиотеки МГУ¹⁷.

Каталог греческих рукописей БАН подготовлен И. Н. Лебедевой. Она описала около 300 кодексов византийского и послевизантийского периода. В настоящее время каталог находится в печати.

Работу по составлению научных описаний греческих кодексов отечественных хранилищ необходимо продолжать, так как большинство собраний еще не каталогизировано. Отсутствуют печатные каталоги греческих рукописей, находящихся в местных архивах. Некоторые из существующих каталогов, составленные ранее, устарели и не отражают всего богатства рукописных фондов. В них встречаются ошибки в датировке письма, неточности в кодикологической характеристике и в описании содержания манускриптов, многие тексты не отождествлены. В связи с этим одной из главных задач, стоящих перед византинистами-палеографами, является подготовка и издание печатных каталогов греческих рукописей из собраний Советского Союза.

Богатый материал по созданию подлинно научного каталога греческих рукописей московских коллекций (Синодального собрания ГИМ и ЦГАДА) собран Б. Л. Фонкичем. Он всесторонне изучил и подробно описал значительное число как отдельных кодексов, так и целых рукописных комплексов. Наряду с детальным кодикологическим и палеографическим анализом и обстоятельным описанием содержания манускриптов Б. Л. Фонкич раскрывает конкретные условия возникновения и жизни рукописной книги, определяет в большинстве случаев владельцев, и там, где это возможно, скрипторов. Большая работа проведена им над рукописями гуманистического периода, содержащими произведения античных авторов.

¹⁶ Е. Э. Гранстрем. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ, вып. 1. Рукописи IV—IX веков. — «Византийский временник», XVI, 1959, стр. 216—243; вып. 2. Рукописи X века. — Там же, XVIII, 1961, стр. 254—274; Вып. 3. Рукописи XI в. — Там же, XIX, 1961, стр. 194—239; вып. 4. Рукописи XII века. — Там же, XXIII, 1963, стр. 166—204; вып. 5. Рукописи XIII века. — Там же, XXIV, 1964, стр. 166—197; XXV, 1964, стр. 184—211; вып. 6. Рукописи XIV века. — Там же, XXVII, 1967, стр. 273—294; XXVIII, 1968, стр. 238—255; вып. 7. Рукописи XV века. — Там же, 31, 1971, стр. 132—144; вып. 8. Добавления, поправки и указатели. — Там же, 32, 1971, стр. 109—130.

¹⁷ Б. Л. Фонкич. Греческие рукописи Библиотеки Московского университета. — «Вестник древней истории», 1967, № 4, стр. 95—103.

Б. Л. Фонкич обследовал хранящийся в ЦГАДА знаменитый кодекс XV в., один из лучших представителей рукописной традиции гомеровских поэм и гимнов. Основное внимание в статье уделено выяснению судьбы рукописи и личности ее владельца, иеромонаха Дионисия из Янины. Им было доказано, что Дионисий был близок к окружению иерусалимского патриарха Досифея во время его жизни в Константинополе. На наш взгляд, Б. Л. Фонкич вполне справедливо отождествляет учителя иеромонаха Дионисия из Янины с учителем Дионисием, о котором идет речь в грамоте Досифея к московскому патриарху Адриану. Очень убедителен вывод автора о приобретении кодекса Гомера Дионисием в Италии, где, по-видимому, и была скопирована во второй половине XV в. эта рукопись, представляющая собой типичный образец работы греческих каллиграфов эпохи Возрождения¹⁸.

Б. Л. Фонкичем написана и статья о начальном периоде жизни и дальнейшей судьбе кодекса, содержащего «Историю» Фукидида, из Синодального собрания ГИМ. На основании исследования рукописной традиции этого сочинения было установлено, что московский манускрипт принадлежит к обширной группе рукописей Фукидида, родоначальником которой был список, привезенный на Крит из Константинополя Михаилом Апостолисом. Детальное кодикологическое и палеографическое изучение манускрипта подтвердило эту точку зрения. Анализ почерков рукописи и сличение их с образцами письма, опубликованными М. Виттеком в «Album de paléographie grecque» в 1967 г., позволили Б. Л. Фонкичу отождествить двух основных копиистов рассматриваемого кодекса: один из них — Михаил Лигизос, второй — Фома Вициманос, бывшие членами гуманистического кружка, основанного в 50-х годах XV в. на Крите Михаилом Апостолисом, по изучению и переписыванию произведений древнегреческой и византийской литературы. Б. Л. Фонкич восстанавливает и дальнейшую судьбу манускрипта. Ее владельцем во второй половине XVI в. был Максим Маргуний, уроженец Крита, который завещал большинство своих греческих рукописей Иверскому монастырю на Афоне, где она и была куплена Арсением Сухановым. В заключение Б. Л. Фонкич дал подробное описание рукописи Фукидида¹⁹.

История трех рукописей Синодального собрания ГИМ, содержащих произведения Гесиода: № 469, 470, 471 (по Владимиру) — прослежена Б. Л. Фонкичем. Автор привел их детальное описание. На основании палеографического и кодикологического анализа Б. Л. Фонкич доказал, что все три рукописи созданы в Италии в XV—XVI вв. греческими каллиграфами, работавшими по заказу итальянских гуманистов (одна из них — кодекс № 470 — написана Иоанном Фессалийцем Скутариотом), и что в первой половине XVII в. эти манускрипты входили в состав коллекции Иверского монастыря на Афоне, где в 1654 г. были приобретены Арсением Сухановым²⁰.

Б. Л. Фонкичем исследуется также уникальный кодекс ГИМ, греч. 436 (298/ССLXXXV), содержащий единственный список этого памятника византийской культуры X—XI вв. Текстологическое и кодикологическое изучение позволило автору выяснить историю текста «Стратегикона» Кекавмена с XI по XIV в. По мнению автора, рукопись XIV в. была скопирована с автографа Кекавмена (70-е годы XI в.) со следами работы «издателя» конца XI—начала XII в. (он написал пролог и дал нумерацию параграфов текста) и составителя оглавления второй поло-

¹⁸ Б. Л. Фонкич. О судьбе знаменитой рукописи Гомера. — Там же, 1966, № 1, стр. 142—144.

¹⁹ Б. Л. Фонкич. Московская рукопись Фукидида. — Там же, 1969, № 3, стр. 150—152.

²⁰ Б. Л. Фонкич. Московские списки поэм Гесиода. — Там же, 1970, № 3, стр. 167—171.

вины XII в. (ему принадлежит полный пинакс, помета о лакунах в прологе и тексте и заметка о взятии Константинополя латинянами в 1204 г.). Б. Л. Фонкич полагает, что кодекс XIV в. точно передает все особенности протографа, уже утратившего последний лист пинакса в момент переписки. Наряду с восстановлением истории текста «Стратегикона» Кекавмена Б. Л. Фонкич выясняет и историю рукописи с XIV по XVII в., которая представляет собой конволют из двух самостоятельных манускриптов, написанных двумя разными копиистами. По его мнению, оба сборника с момента своего появления на свет в XIV в. были связаны единой судьбой, они были созданы одновременно в среде монахов-книжников в пределах Трапезундской империи. В конце XVI—начале XVII в. они уже находились в Иверском монастыре на Афоне, где Арсений Суханов и приобрел их уже в виде конволюта и привез в Москву²¹.

О судьбе греческого манускрипта XV в. ГИМ, греч. 284 (462/t. II, XLIX qu.), принадлежавшего митрополиту киевскому и всея Руси Фотию (1409—1431 гг.), идет речь в другой статье Б. Л. Фонкича. Автору удалось уточнить дату появления кодекса на основании помещенной в нем пасхалии, начинающейся с 6917 (1409) г., в сочетании с данными филиграней (1398—1399 гг.). По мнению исследователя, он был написан в Константинополе до пасхи 1409 г. Анализируя многочисленные пометы и записи манускрипта, Б. Л. Фонкич утверждает, что в течение всего XVI в. рукопись находилась в Кремле и даже входила в состав библиотеки, создававшейся митрополитом Макарием²².

По поручению Археографической комиссии при Отделении истории АН СССР Б. Л. Фонкич изучал греческие манускрипты собраний Киева, Одессы, Харькова.

Им был впервые описан хранящийся в Киеве древнейший датированный список 1021 г. греческой версии «Варлаама и Иоасафа». По кодикологическим и палеографическим данным Б. Л. Фонкич предположительно отнес кодекс к афонским рукописям конца X—начала XI в. Однако вопрос о месте написания киевского манускрипта остался открытым. Исследователь затрагивает и проблему авторства романа. Он полагает, что в пользу авторства Евфимия Святогорца (начало XI в.) больше аргументов, чем в пользу авторства Иоанна Дамаскина (первая половина VIII в.). Тем не менее Б. Л. Фонкич не считает эту проблему окончательно решенной²³.

Выяснена была им и судьба киевских глаголических листков. Изучив дневник архимандрита Антонина Капустина, начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме, он привел новые доказательства в пользу высказанного прежде мнения Н. В. Гешпенера о том, что Киевские глаголические листки были приобретены русским археографом в 1870 г. во время посещения им монастыря св. Екатерины на Синае²⁴.

Два фрагмента греческого унциального Евангелия, обнаруженные в 1964 г. при реставрации одной из книг БАН, исследованы И. Н. Лебедевой. Она провела сопоставление фрагментов БАН с другими известными фрагментами сходного типа. Ей удалось найти среди греческих рукописей ГПБ еще один фрагмент (ГПБ, греч. 279) того же самого кодекса, к которому некогда принадлежал и фрагмент БАН. На основании

²¹ Б. Л. Фонкич. О рукописи «Стратегикона» Кекавмена. — «Византийский временник», 31, 1971, стр. 108—120.

²² Б. Л. Фонкич. Греческая рукопись митрополита Фотия. — В сб.: «Рукописная книга» (в печати).

²³ Б. Л. Фонкич. Древнейший датированный список греческой версии «Варлаама и Иоасафа». — «Тезисы докладов. Конференция по вопросам археологии и изучения древних рукописей». Тбилиси, 1969, стр. 62—63.

²⁴ Б. Л. Фонкич. О судьбе киевских глаголических листков. — «Советское славяноведение», 1972, № 2, стр. 82—83.

сравнения рассматриваемых отрывков с уже известными унциальными манускриптами: Александрийским кодексом, кодексом Безы, пурпурным Сармисахлийским евангелием (кодексом N) и знаменитым Венским Диоскоридом 512 г. — И. Н. Лебедева датирует их второй половиной V в. и высказывает мнение, что они были написаны на Синае, откуда и были привезены в Россию. Изучение текста фрагментов позволило автору отнести их к хорошо известному типу, возникшему в результате шедшего совместно проникновения чтений редакции койне в первоначальные чистые тексты Гезихиевой редакции²⁵.

О судьбе четырех греческих рукописей, привезенных с Афона и хранящихся в БАН, идет речь в другой работе И. Н. Лебедевой. На основании изучения помет рукописей она доказала, что два из рассматриваемых ею кодекса были приобретены Арсением Сухановым в Ватопедском монастыре на Афоне, а два других, принадлежавших раньше Иверскому монастырю, были доставлены в Москву в XVII в. Дионисием, архимандритом этого монастыря²⁶.

Принадлежащая Отделу рукописей ГБЛ знаменитая греко-сиро-арабская полиглотта, найденная А. С. Норовым в 1834 г. во время его путешествия по Ближнему Востоку и привезенная в Россию, была предметом тщательного изучения члена-корреспондента АН СССР Н. В. Пигулевской. Она дала подробное описание этой псалтыри, определила время и место ее написания. Н. В. Пигулевская считает, что кодекс был создан в середине IX в. в скриптории монастыря Саввы Освященного близ Иерусалима. Исследование текста полиглотты показало, что ее греческий текст ближе всего к александрийской греческой традиции, в основе сирийского текста лежит сиро-гексаплярный перевод с изменениями, которые имели целью приблизить сирийский к греческому, арабский же текст является особым самостоятельным переводом, но в нем заметно влияние греческого и сирийского текста. Значение полиглотты, замечательного памятника, свидетельствующего о высоком развитии филологических штудий на Ближнем Востоке в середине IX в., заключается, по мнению Н. В. Пигулевской, в том, что она проливает новый свет на научную и учебную деятельность лавры св. Саввы в Палестине²⁷.

О судьбе греческого кодекса XIV в. (ГПБ, греч. 115) и сборника бесед Василия Великого, хранящегося в Институте рукописей им. К. С. Кекелидзе в Тбилиси, и их владельцев идет речь в статьях Е. Э. Гранстрем²⁸.

(Окончание в следующем томе.)

²⁵ И. Н. Лебедева. Неизвестные фрагменты греческого евангелия в собрании Библиотеки АН СССР. — «Палестинский сборник», 15 (78), 1966, стр. 117—129.

²⁶ И. Н. Лебедева. Греческие рукописи с Афона в собрании Библиотеки АН СССР. — «Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению», II. Л., 1970, стр. 268—278.

²⁷ Н. В. Пигулевская. Фрагменты полиглотты. — «Рабочая хроника Института востоковедения за 1943 год». Ташкент, 1944, стр. 17; она же. Греко-сиро-арабская рукопись IX века. — «Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов». М., 1954, стр. 5—12 (имеется англ. перевод, стр. 15—22); она же. Греко-сиро-арабская рукопись IX в. — «Палестинский сборник», 1 (63), 1954, стр. 59—90.

²⁸ Е. Э. Гранстрем. Чернец Малахия Философ. — «Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1963, стр. 69—70; она же. Неизвестный греческий сборник бесед Василия Великого. — «Маце» — Вестник АН ГрузССР, серия языка и литературы. Тбилиси, 1971, № 1, стр. 173—178.

М. И. Автократова, К. И. Рудельсон, Л. И. Сесина

РАЗРАБОТКА ОСНОВ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ НАУЧНО-СПРАВОЧНОГО АППАРАТА К ДОКУМЕНТАЛЬНЫМ МАТЕРИАЛАМ В СОВЕТСКОМ АРХИВОВЕДЕНИИ

Проблема создания научно-справочного аппарата к документальным материалам в советском архивоведении требует не только историографического освещения, но и критического осмысливания соответствующего научного наследия. Изучение предшествующего опыта имеет большое значение для архивной практики и для дальнейшего развития теоретических основ Единой системы научно-справочного аппарата (ЕСНСА). Авторы статьи ставят своей задачей проследить эволюцию взглядов на роль и назначение основных видов научно-справочного аппарата на различных этапах архивного строительства, наметить перспективы дальнейшей работы в этой области.

Уже в 1919—1920 гг., когда перед архивами стояла большая и сложная задача концентрации и учета документальных материалов Единого государственного архивного фонда, была предпринята попытка научной разработки методов и приемов описания документальных материалов. Идея двух видов описей к материалам, заимствованная из дореволюционного архивоведения, нашла отражение в инструкции петроградских архивистов по описанию дел декабристов, а также воззваний, прокламаций, листовок¹. Созданная на ее основе Главархивом специальная комиссия в 1920 г. разработала «Правила составления описей и описаний архивного материала и указателей к ним»². Краткие инвентарные описи предназначались для справочных и учетных целей, а подробные научные — для исследовательских целей. Однако наличие огромной массы не приведенных в порядок материалов резко ограничивало возможности подробного описания, поэтому на первый план объективно выдвигалась задача составления кратких описей. На этом этапе архивного строительства сотрудники архивов совершенно правильно видели свою главную задачу в разработке методики создания основного справочника к документальным материалам — описи.

Вместе с тем в эти годы ставится вопрос о необходимости создания комплекса справочников (описей, обзоров, фондовых картотек) к документам, получивший свое развитие на 1-й Всероссийской конференции архивных деятелей в 1921 г.³ На конференции была сделана попытка установить единые принципы научного описания документальных материалов дореволюционного периода, имеющих особое историческое значение (XVI—XVII вв.). Предлагался проект формы описей. Однако к общему мнению прийти не удалось. Конференция приняла резолюцию

¹ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 1, д. 62, лл. 13—18; д. 22, л. 23.

² Там же, д. 6, л. 140; д. 12, л. 11 об.

³ Там же, д. 4а, лл. 46—47; д. 18, лл. 113—121; д. 19, лл. 116—127; «Архивное дело», 1923, вып. I, стр. 122—123.

о создании единых правил научной и технической обработки архивных материалов. В ноябре 1921 г. Главархив поручил своему Научно-теоретическому отделу создать комиссию для разработки инструкции по составлению описей и описаний⁴. В июле 1922 г. Коллегия Центрархива утвердила подготовленное комиссией «Руководство по приему, размещению и составлению описей архивного материала», которое вводило единую форму инвентарной листовой описи («научное описание» также не отвергалось) и давало некоторые рекомендации по методике описания материалов дореволюционного периода⁵. «Руководство» использовалось в практической работе до 1925 г., когда были изданы «Правила постановки архивной части делопроизводства в государственных, профессиональных и кооперативных учреждениях и предприятиях РСФСР».

В 1922 г. ЦАУ РСФСР были подготовлены циркуляр и инструкция, на основании которых вводилась карточная форма учета фондов, положившая начало созданию центральных и местных фондовых каталогов⁶. Дальнейшее развитие получила мысль о подготовке обзоров документальных материалов, выдвинутая на 1-й Всероссийской конференции архивных деятелей. С. Н. Валк на основе наблюдений, сделанных в Петроградском историко-революционном архиве, наметил задачи, методику и технику составления обзоров, дающих возможность, по мнению автора, устранить «дефекты» описей и научных описаний, в частности — краткость и ограниченность заголовков⁷. Таким образом, научная мысль архивистов ставила актуальные для своего времени вопросы создания научно-справочного аппарата и предлагала их теоретические решения. В некоторой степени она даже обгоняла реальные возможности неокрепших архивов.

Несмотря на принятую упрощенную систему описания, приведение в порядок документальных материалов значительно отставало от их концентрации. Так, в 1924 г. только в московских архивохранилищах примерно из 2 млн. единиц хранения было описано всего 150 тыс.⁸; аналогичное положение наблюдалось на местах. Вопрос об описании документальных материалов, в том числе в ведомственных архивах, приобретал особую остроту. Поэтому циркулярное письмо Центрархива «О приеме материалов от учреждений в надлежащем состоянии» (1924 г.) обязывало губернские архивные бюро, архивные управления автономных республик и областей принимать материалы от учреждений подшитыми в обложки, со сдаточными описями⁹. Это указание можно рассматривать как первое руководящее требование по созданию научно-справочного аппарата к материалам советского периода.

Естественно, что 1-й съезд архивных деятелей РСФСР (1925 г.) также обсуждал вопросы создания научно-справочного аппарата и одобрил (впоследствии утвержденные Центрархивом) «Правила постановки архивной части делопроизводства в государственных, профессиональных и кооперативных учреждениях и предприятиях РСФСР», вводившие единую форму сдаточной описи¹⁰. Эти «Правила» явились основой для разработки ряда методических пособий последующих лет. Внимание участников съезда привлек также доклад М. С. Вишневого, в котором рассмат-

⁴ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 1, д. 17, л. 49; д. 46, лл. 108—109.

⁵ Там же, д. 25, л. 20; д. 46, лл. 109—110; см. также М. Н. Шобузов. Составление и издание описей документальных материалов в архивах СССР. М., 1959, стр. 13—15.

⁶ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 1, д. 110, лл. 8—9; «Архивное дело», 1925, вып. II, стр. 97—100.

⁷ С. Н. Валк. Архивные обзоры. — «Архивное дело», 1923, вып. I, стр. 54—62.

⁸ А. В. Чернов. История и организация архивного дела в СССР. М., 1940, стр. 152.

⁹ «Архивное дело», 1925, вып. II, стр. 108.

¹⁰ «Протоколы 1-го съезда архивных деятелей РСФСР». М., 1926, стр. 241—243, 265—272, 304; «Архивное дело», 1925, вып. III—IV, стр. 122—141; ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 1, д. 46, л. 104.

ривался вопрос о создании, в числе других справочников, путеводителей по архивам.

Развернувшееся в стране социалистическое строительство предъявило более высокие требования к использованию документальных материалов в научных, народнохозяйственных и политических целях. В этой связи возросли требования к научно-справочному аппарату архивов с точки зрения полного и глубокого раскрытия содержания документальных материалов. Имеющиеся описи, качество которых в целом было невысоко, не могли удовлетворить этим требованиям. В связи с этим ставится вопрос о новых, более эффективных типах и видах научно-справочного аппарата, о расширении круга архивных справочников. В январе 1928 г. Центрархив обратился к Е. В. Тарле с просьбой оказать помощь в разработке методических вопросов создания тематической картотеки, которая «явится мощным орудием по вскрытию содержания материалов фондов и сыграет исключительную роль в деле быстрого и максимально полного удовлетворения требований учреждений и работников»¹¹. В 1929 г. Е. В. Тарле совместно с Центрархивом была разработана форма карточки для тематического описания материалов.

В 1928 г. на 1-й Тульской губернской архивной конференции, на совещании архивистов в г. Ленинграде¹² большое внимание было уделено составлению путеводителей и тематических указателей к фондам.

Вместе с тем методика создания путеводителей в тот период не была выработана, и лишь в 1932 г. руководство Центрального архивного управления издало методические указания по этому вопросу¹³.

Следует отметить, что в архивах конца 1920—начала 1930-х годов создается довольно широкий круг справочников. Первый «Пятилетний план работы центральных архивохранилищ на 1928—33 гг.» предусматривал описание, инвентаризацию единиц хранения, составление кратких и распространенных описей, исправление, дополнение и редактирование описей, составление обзоров, характеристик, алфавитных и других указателей, картотек фондов, путеводителей, каталогизацию документальных материалов¹⁴.

При этом в практике работы архивистов РСФСР применялось три вида описей (суммарные, инвентарные, распространенные), а Украины — четыре (четвертый — «распространенное описание», с пересказом и цитированием отдельных документов)¹⁵. Каждый из видов описания носил временный характер, предусматривал постепенный перевод материалов из одной формы описания в другую, более совершенную.

Большое значение в обобщении и дальнейшем методическом развитии вопросов создания научно-справочного аппарата сыграл 2-й съезд архивных работников РСФСР (1929 г.)¹⁶. Съезд уделил много внимания анализу различных видов описей, применявшихся в архивах, однако воздержался от конкретных предложений по их «рационализации», рекомендовав ЦАУ и местным архивным учреждениям «проработать... выдвинутые в докладах положения по отношению к определенному, конкретно взятому материалу»¹⁷. Следует отметить, что выдвинутая в одном из выступлений¹⁸ «заманчивая» на первый взгляд идея выбороч-

¹¹ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 1, д. 280, л. 1.

¹² «Архивное дело», 1928, вып. III (16), стр. 75—76; вып. IV (17), стр. 94.

¹³ С. В. Нефедова. Из истории создания первого путеводителя по ЦГВИА СССР. — «Научно-информационный бюллетень» ГАУ СССР, 1958, № 9, стр. 76.

¹⁴ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 1, д. 238, л. 10.

¹⁵ И. А. Голубцов. О типах и формах архивных описей. — «Архивное дело», 1928, вып. IV (17), стр. 29—36.

¹⁶ «Бюллетень 2-го съезда архивных работников РСФСР». М., 1929; «2-й съезд архивных работников РСФСР». Резолюции. Изд. ЦАУ РСФСР. [М.], 1929.

¹⁷ «Архивное дело», 1929, вып. II (19), стр. 18.

¹⁸ Там же, 1929, вып. III (20), стр. 17.

ного описания типовых фондов, обусловленная большим объемом архивных материалов, требующих приведения в порядок, не получила поддержки в практике последующей работы архивных учреждений.

Определенной вехой в развитии методики научно-справочного аппарата явилась постановка на съезде вопроса о характере путеводителя¹⁹. Был рекомендован примерно тот вид справочника, который получил распространение в государственных архивах в 1940-х годах. Однако на съезде предлагался и другой вид путеводителя, получивший позднее применение в архивной практике под названием «краткого справочника». Так, по мнению Г. А. Князева²⁰, справочник по архиву должен быть перечнем архивных фондов с самыми краткими сведениями о каждом из них (за исключением наиболее важных в практическом и научном отношении фондов, к которым составляются небольшие характеристики).

Большое значение имели обсуждавшиеся на съезде вопросы создания тематических каталогов. Съезд нацелил архивные учреждения на тематическое описание архивных материалов, имеющих актуальное значение в соответствии с заданиями государственных учреждений и научно-исследовательских организаций. Предлагались разные формы этой работы — от составления карточных указателей по ряду актуальных тем до «тематической проработки фондов»²¹.

И, наконец, большое значение имело то обстоятельство, что на съезде в докладе Г. А. Князева впервые научно обоснованно был поставлен вопрос о том, что все отдельно существующие справочники должны составлять единое целое, быть согласованными между собой и дополнять друг друга, что необходимо использовать в архивах научно-справочный аппарат, поступающий из ведомственных архивов, т. е. по существу была выдвинута идея о взаимосвязанной системе архивных справочников. Однако в последующие предвоенные годы идея взаимосвязанной системы справочников не получила глубокого теоретического развития. Главное внимание в эти годы уделяется научно-исследовательской разработке отдельных видов архивных справочников. Так, в 1930 г. был издан первый нормативный документ ЦАУ РСФСР по методике каталогизации архивных материалов²², которым вводились единые приемы тематического описания выявленных документов.

Последующая практическая работа по каталогизации, построенная по методике так называемого «сплошного» выявления, показала, что ее научная основа не была достаточно глубокой. На данном этапе архивного строительства постановка вопроса о сплошной тематической разработке фондов была преждевременной, так как многие фонды не имели даже описей. Приемы каталогизации, заключающиеся в детальном описании каждого документа без учета его научно-исторической значимости, привели к загромождению тематических картотек малоценными сведениями²³. В связи с этим в 1935 г. Постановлением Президиума ЦИК СССР «О мерах по улучшению архивного дела в СССР»²⁴ «сплошное выявление» было прекращено.

Методика проведения основных видов работ по составлению предметно-тематического каталога была определена «Правилами составления предметно-тематического каталога архивных материалов» 1936 г.²⁵

¹⁹ Там же, 1929, вып. IV (24), стр. 43—44.

²⁰ Там же, стр. 39—40.

²¹ Я. П. Жданович. Опыт организации использования архивных материалов в социалистическом строительстве. — «Архивное дело», 1931, вып. III—IV (24—25), стр. 18.

²² «Инструкция о тематическом выявлении и описании архивных материалов». — «Бюллетень ЦАУ РСФСР». М., 1930, № 7—8 (106—107), стр. 16—21.

²³ «Архивное дело», 1935, вып. 2 (35), стр. 2.

²⁴ Подробнее см.: К. И. Рудельсон. Каталогизация документальных материалов в архивах СССР. М., 1958, стр. 29—31.

²⁵ «Архивное дело», 1936, вып. 2 (39), стр. 115—125.

Необходимо отметить, что «Правила» явились основой дальнейшей методической работы в области каталогизации документальных материалов. Рекомендованная ими единая форма тематической карточки по существу не изменилась до наших дней.

В предвоенный период вопросы методики каталогизации нашли также отражение в работах М. С. Вишневого, который на основе анализа существующей практики тематического описания разработал принципы поединичной каталогизации документальных материалов в противовес практике составления карточек на отдельный документ, когда последний «абстрагируется от своей исторически первичной среды и в значительной мере вследствие этого обесценивается»²⁶.

В связи с усилением работы по использованию документальных материалов в целях социалистического строительства, а особенно после выхода Постановления ЦК ВКП(б) 1931 г. об издании «Истории гражданской войны» и «Истории фабрик и заводов» государственные учреждения испытывали большую нужду в справочниках общего характера, которые помогли бы ознакомиться с составом архивных фондов. Еще задания первого пятилетнего плана работы центральных архивохранилищ предусматривали в 1930—1932 гг. составление 12 путеводителей, а к 1933 г. — по всем основным архивохранилищам²⁷. Поэтому в 1932 г. ЦАУ подготовило «Методическое письмо о составлении справочников и путеводителей по архивохранилищам, отраслевых списков архивных фондов и их частей»²⁸, в котором обосновывались необходимость и своевременность проведения этой работы, ее организация, примерная структура и содержание указанных справочных пособий. Однако ввиду отсутствия развернутых методических рекомендаций, в практике проведения этой работы существовал большой разнород. Предпринятые ЦАУ попытки на основе анализа работы архивов по подготовке путеводителей дать архивным учреждениям обоснованные научно-методические указания по составлению этих справочников на том этапе не были завершены²⁹. Только в апреле 1941 г. ГАУ СССР издало циркуляр «О подготовке путеводителей по государственным архивам СССР», послуживший методической основой последующей работы по их созданию.

Каталогизация документальных материалов и подготовка справочников общего характера затормозили приведение в порядок документальных материалов.

В связи с этим ЦАУ была проведена большая работа по учету неразобранных и неописанных материалов и составлению описей. На 1 января 1935 г. в архивах СССР из 90 млн. единиц хранения было описано 54 млн. (60%)³⁰. Поэтому на описание архивных материалов необходимо было обратить самое серьезное внимание.

В Постановлении Президиума ЦИК СССР «О мерах по упорядочению архивного дела Союза ССР» (1935 г.) предлагалось принять срочные меры к надлежащей охране и полной инвентаризации материалов.

Расширение деятельности архивов по приведению в порядок документальных материалов сопровождалось оживлением теоретической и методической работы в области описания, особенно в отношении унификации принципов описания и методики создания описей. Если в конце 1920-х годов ставился вопрос о зависимости формы описания (в том числе описи) от характера документов, то теперь высказывалась точка зрения

²⁶ М. С. Вишневский. К постановке вопроса о научном описании архивных материалов XIX—XX столетий. — «Архивное дело», 1935, вып. 2 (35), стр. 44.

²⁷ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 1, д. 238, л. 9.

²⁸ «Бюллетень ЦАУ РСФСР». М., 1932, № 7 (122), стр. 10—15.

²⁹ Б. И. Анфилов. Архивные справочники. — «Архивное дело», 1935, вып. 2 (35), стр. 115—131.

³⁰ А. В. Чернов. Указ. соч., стр. 203.

о едином научно-инвентарном описании. Большое значение в разработке вопросов описания имели работы М. С. Вишневецкого, Н. А. Фомина, Г. А. Князева³¹. В 1938 г. ЦАУ были изданы «Правила оформления дел и других единиц хранения» и «Правила составления инвентарной описи», в которых сформулированы основные требования к раскрытию содержания документа, к элементам заголовка, составу описательной статьи. Серьезные исследования в области описания документальных материалов были также проведены И. Г. Варшавским, И. Ф. Колесниковым, С. Б. Веселовским³² и др.

Подводя некоторые итоги разработки вопросов описания в советском архивоведении, М. С. Вишневецкий писал, что в архивах СССР «создана довольно стройная система архивных описей. В эту систему входят: 1) архивно-инвентарные описи, 2) вспомогательные инвентарные описи: сдаточные, нумерные и суммарные, 3) тематические описи (имеются в виду тематические каталоги. — *Прим. авторов статьи*), 4) обзоры (по отдельным архивным фондам и тематике), 5) картотеки архивных фондов, 6) путеводители».³³

Таким образом, в предвоенные годы в советском архивоведении сложилось общее представление о системе действующих в архивах справочников; были обрисованы общие контуры системы, правда, без достаточно глубокой разработки ее внутренних связей, более того, на отдельные составные части системы (справочники) еще не было выработано единых взглядов с точки зрения целесообразности и методики их создания.

Уже в 1930-е годы появилось значительное количество различных обзоров фондов, но лишь отдельные из них по приемам обобщения содержания материалов были подготовлены на достаточно высоком уровне. Существовавшая тогда точка зрения, что именно обзоры фондов призваны вводить в научный оборот сведения о содержании неописанных материалов, не оправдала себя на практике. Обзоры не вызвали большого интереса исследователей. К тому же в методике и практике их подготовки существовал разнород.

Вместе с тем проведенная в предвоенные годы научно-методическая разработка вопросов справочного аппарата, заложенные основы понятия о системе справочников позволили в дальнейшем, особенно в 1950—1960-е годы, поставить и теоретически развить вопрос о Единой системе НСА ГАФ СССР. Этому также в значительной степени, способствовало проведенное в 40-е и 50-е годы теоретическое и методическое исследование вопросов составления таких справочников, как описи, путеводители, обзоры, каталоги. Немаловажная роль в этом принадлежала Главному архивному управлению, которое в 1944—1945 гг. издало методические указания по составлению обзоров фондов учреждений и личных фондов, что в некоторой степени восполнило пробел, существовавший в методической разработке основ создания этого справочника.

Наиболее глубоко были изучены вопросы систематизации и описания документальных материалов. В 1948 г. были введены в действие «Основные правила систематизации документальных материалов в госу-

³¹ М. С. Вишневецкий. Указ. соч.; Н. А. Фомин. К вопросу об описании архивных материалов. — «Архивное дело», 1935, № 4 (37), стр. 14—51; 1936, № 1 (38), стр. 56—65; № 3 (40), стр. 7—17; *он же*. Систематическая опись архивных материалов. — Там же, 1939, № 4 (52), стр. 36—57; Г. А. Князев. Теория и техника архивного дела. Л., 1935.

³² И. Г. Варшавский. Составление заголовков в областных и краевых архивах. — «Архивное дело», 1938, № 1 (45), стр. 17—36; И. Ф. Колесников. Столбцы (к методике работ по систематизации и описанию). — Там же, 1939, № 2 (50), стр. 28—59; С. Б. Веселовский. Вопросы научного описания писцовых, дозорных и переписных книг Московского государства XVI—XVII вв. — Там же, 1941, № 1 (57), стр. 20—35.

³³ М. С. Вишневецкий. Указ. соч., стр. 42.

дарственных архивах СССР», а в 1951 г. — «Основные правила описания документальных материалов в государственных архивах СССР».

Правила явились большим достижением в разработке методов описания и систематизации документальных материалов, так как в них был суммирован и творчески обобщен предшествующий опыт теоретической и практической работы в этой области. Основные их положения сохраняют актуальность до сегодняшнего дня. После выхода «Правил» вопросы описания документальных материалов получили отражение в работах М. Н. Шобухова, О. Е. Корнауховой³⁴ и др.

В эти же годы большое внимание было уделено разработке проблемы создания каталогов документальных материалов. Вышедшая в 1955 г. «Инструкция о порядке тематического выявления документальных материалов в государственных архивах СССР и организации научной информации планирующих, хозяйственных и научно-исследовательских учреждений» активизировала практическую и научно-методическую работу архивов в области каталогизации. Исследование методики составления различных видов каталогов и принципов построения их классификационных схем было проведено в ряде работ К. И. Рудельсон³⁵ и других авторов³⁶, изучавших приемы группировки сведений в изданных каталогах дореволюционных и в предметно-тематических каталогах советских архивов.

Для развития теории и практики создания каталогов большое значение имело решение Научного совета ГАУ от 31 марта 1959 г., в котором в числе актуальных проблем советского архивоведения были признаны вопросы классификации и каталогизации документальных материалов. Решение способствовало расширению теоретической работы в области каталогизации и классификации, что нашло отражение в ряде статей, докладов, методических пособий, подготовленных работниками архивных учреждений³⁷. Основное место в них было уделено характеристике систематического каталога, его преимуществам перед другими видами каталогов, особенностям построения схемы классификации систематического каталога.

Внимание к систематическому каталогу не было случайным. Имевшиеся в архивах описи, а также предметно-тематические каталоги по отдельным темам не удовлетворяли возросшим требованиям использова-

³⁴ М. Н. Шобухов. Описание документальных материалов в архивах дореволюционной России. М., 1955, стр. 67; *он же*. Основные принципы составления заголовков единиц хранения в госархивах СССР. — «Труды МГИАИ», т. XI, 1958, стр. 140—173; О. Е. Корнаухова. Из опыта редактирования описей документальных материалов в госархивах СССР. — «Исторический архив», 1955, № 2, стр. 198—203.

³⁵ К. И. Рудельсон. Предметно-тематический каталог документальных материалов в центральных государственных исторических архивах СССР. М., 1950. Автореферат кандидатской диссертации; *она же*. Из истории предметно-тематического каталога в советском архивоведении (1918—1941 гг.). — «Труды МГИАИ», т. V, 1954, стр. 185—212; *она же*. Каталогизация документальных материалов в архивах СССР. М., 1958; *она же*. Каталогизация документальных материалов. — «Труды МГИАИ», т. XI, 1958, стр. 236—268.

³⁶ М. Н. Шобухов. Система и методы описания документальных материалов в архивах дореволюционной России (XIX — нач. XX в.). М., 1951. Автореферат кандидатской диссертации; И. Ф. Петровская. Классификатор предметно-тематического каталога документальных материалов. — «Вопросы архивоведения», 1959, № 1.

³⁷ Д. З. Снетков. О разработке классификационной схемы тематической картотеки. — «Исторический архив», 1960, № 1; К. И. Рудельсон. Классификационная схема систематического каталога фотокинодокументов. — Там же, 1960, № 5; М. И. Автократова. К вопросу о каталогизации документальных материалов. — Там же, 1961, № 4; *она же*. О попутной каталогизации документальных материалов. — «Вопросы архивоведения», 1963, № 2, стр. 79—85; Б. Н. Богатов. О каталогизации документальных материалов в государственных архивах. — Там же, 1959, № 4, стр. 29—36; *он же*. Каталогизация архивных материалов — важнейшее условие их широкого использования. — Там же, 1962, № 2, стр. 3—10; Т. П. Коржигина. Каталогизация документальных материалов ЦГА РСФСР. — Там же, 1962, № 1; и др.

ния документальных материалов. Поэтому закономерно возник вопрос о создании справочника, способного в сочетании с другими видами научно-справочного аппарата, в первую очередь описями, раскрыть многообразие тематического содержания документальных материалов ГАФ СССР. Одновременно перед работниками архивных учреждений встала задача составления схемы единой классификации документальных материалов в систематических каталогах. В 1962 г. впервые в практике советского архивного строительства работниками Главного архивного управления была подготовлена и издана «Схема единой классификации документальных материалов в каталогах государственных архивов (советский период)» — СЕК и методические указания к ней, сыгравшие определенную роль в активизации и упорядочении работы архивов по созданию систематических каталогов и правильной их организации.

В ряде центральных и местных архивов на основе СЕК были созданы локальные классификационные схемы к материалам советской и дореволюционной эпох с учетом специфики документальных материалов и основных направлений их использования. В процессе создания каталогов в СЕК был внесен ряд изменений и дополнений. В настоящее время централизованное введение СЕК осуществляется ВНИИДАД.

В послевоенные годы продолжала развиваться методика подготовки путеводителей. Уже в 1946 г. Главное архивное управление издало приказ по этому вопросу, установки которого действовали около 10 лет, а затем были переработаны и дополнены методическим письмом «О подготовке к изданию путеводителей по фондам государственных архивов СССР» (1955 г.). Оба эти документа нацеливали работников архивных учреждений на создание детальных пособий с подробными историческими справками об учреждениях-фондообразователях и характеристиками документальных материалов фондов. Однако практика составления подробных путеводителей наряду с положительными моментами выявила и ряд отрицательных: их подготовка требовала много времени, а издание затягивалось на ряд лет. Вместе с тем путеводители не могли заменить исследователям описи и другие справочники с более конкретными сведениями о содержании и местонахождении материалов. Поэтому была пересмотрена точка зрения на содержание путеводителя. В 1959 г. архивным учреждениям было направлено указание об издании кратких справочников типа путеводителя по фондам, как более экономичных и оперативных при подготовке и издании и в то же время дающих необходимую информацию о составе и содержании архивных фондов³⁸.

Практика подготовки путеводителей, в частности архивными учреждениями Украины, Белоруссии и РСФСР, была обобщена в ряде статей, опубликованных в периодической печати³⁹.

В 1940—1950-е годы получила развитие не только методика создания отдельных видов справочников. Не менее важно и то, что справочники рассматривались в определенном комплексе. Еще в 1946 г. К. Г. Митяев по существу наметил принципы построения системы научно-справочного аппарата: единство описания, классификации и учета документальных материалов, взаимосвязь всех элементов системы⁴⁰. Позже вопрос о системе научно-справочного аппарата ставился в учебном пособии «Теория

³⁸ Архив ГАУ, 1959 г., оп. 3, д. 386, лл. 8—12.

³⁹ Л. М. Отливанова. Составление путеводителей по государственным архивам УССР. — «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР. Киев, 1947, № 1; Н. А. Павлова. Справочники типа путеводителей в архивах дореволюционной России. — «Исторический архив», 1953, № 5; Т. Г. Снытко. О методике составления путеводителей по государственным архивам. — Там же, 1957, № 4; А. А. Преображенский, Е. П. Воронин, Н. И. Шляпников, А. В. Снетков, В. И. Вельбель, Э. С. Паина, В. П. Баулина, Л. Л. Смотунович. О методике составления путеводителей по государственным архивам. — Там же, 1958, № 4; и др.

⁴⁰ К. Г. Митяев. Теория и практика архивного дела. М., 1946, стр. 163—165, 231—233.

и практика архивного дела в СССР» (М., 1958) и статье И. Ф. Петровской⁴¹, в которых система научно-справочного аппарата трактуется более широко, чем в архивоведческих работах 1930-х годов. Теперь в такую систему включаются: учетные справочники-описи, книги поступлений, списки фондов, листы фондов, топографические указатели, справочники по содержанию документальных материалов — описи, каталоги, тематические и фондовые обзоры, путеводители. К научно-справочному аппарату относятся даже научно-справочные библиотеки.

К началу 1960-х годов архивные учреждения страны располагали методическими разработками по всем основным направлениям их деятельности. В 1962 г. весь комплекс методических правил, указаний и других пособий был кодифицирован в «Основных правилах работы государственных архивов», изданных Главным архивным управлением и явившихся важной вехой в развитии архивоведения. Одно из центральных мест в них было отведено научно-справочному аппарату к документальным материалам. «Правила» официально закрепляли следующий состав научно-справочного аппарата: справочники по составу, содержанию и местонахождению документальных материалов (описи, каталоги, краткие справочники по фондам, обзоры документальных материалов, информационные документы, различные вспомогательные картотеки и указатели); учетная документация архива; методические пособия⁴².

«Правила» внесли много нового в разработку вопросов каталогизации документальных материалов. В них давалась характеристика видов каталогов, рассматривалась методика составления классификационных схем, определялись организация и методика каталогизации документальных материалов. Важным было, в частности, то, что эти «Правила» закрепляли переход архивных учреждений от выборочной каталогизации к детальной тематической разработке фондов и созданию систематических каталогов. В целом они явились квалифицированным методическим руководством по созданию и усовершенствованию основных видов научно-справочного аппарата.

Однако проблему научно-справочного аппарата документальных материалов еще нельзя было считать полностью решенной. Возрастание потока информации во всех сферах документационной деятельности обуславливало необходимость совершенствования постановки информационной службы в стране, а следовательно, и создания более рациональной системы научно-справочного аппарата на основе использования новой техники. Правила 1962 г., ориентируясь только на традиционные справочники, не ставили вопроса создания новых видов научно-справочного аппарата, основанных на использовании механизированных средств поиска информации, недостаточно акцентировали внимание на создании единой системы взаимосвязанных справочников, дополняющих друг друга. Поэтому интерес представляет критический анализ существующих видов научно-справочного аппарата, содержащийся в статье Д. А. Тебекина. К сожалению, позитивный момент — попытка определить рациональный круг необходимых справочных пособий — удался автору не столь успешно⁴³.

Недостатки системы научно-справочного аппарата государственных архивов подверглись критике на Всесоюзном совещании историков в декабре 1962 г. В докладе Б. Н. Пономарева отмечалось: «Во многих общедоступных архивах нет каталогов, там действует система описей

⁴¹ И. Ф. Петровская. Система научно-справочного аппарата к документальным материалам и пути ее усовершенствования. — «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, 1958, № 10, стр. 22—40.

⁴² «Основные правила работы государственных архивов». М., 1962, стр. 81.

⁴³ Д. А. Тебекин. Об основных проблемах научно-справочного аппарата государственных архивов. — «Вопросы архивоведения», 1962, № 3, стр. 3—13.

фондов, заведенная еще в XVIII в. Необходимо широко развернуть работу по созданию научно-справочного аппарата, который отвечал бы требованиям современной советской науки, народного хозяйства и культуры, внедрять в архивное дело новейшие технические достижения»⁴⁴. Решения, принятые совещанием, содействовали активизации работы архивных учреждений в области научно-справочного аппарата.

Общие задачи и необходимые методические установки были даны в решениях Научного совета ГАУ от 28 апреля 1963 г., в которых был поставлен вопрос о необходимости развития традиционной системы научно-справочного аппарата в сочетании с механизированными информационно-поисковыми системами (ИПС).

Улучшению практической, организационно-методической и теоретической работы архивов в области создания и усовершенствования научно-справочного аппарата особенно способствовали Постановление Совета Министров СССР от 25 июля 1963 г. «О мерах по улучшению архивного дела в СССР»⁴⁵ и Постановление ЦК КПСС от 22 августа 1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве»⁴⁶. Постановление СМ СССР от 25 июля 1963 г. выдвинуло в качестве одной из первоочередных задач разработку принципов построения Единой системы научно-справочного аппарата на базе единой классификации и внедрения средств механизации.

Несмотря на то, что в практике архивного строительства сложилась определенная система научно-справочного аппарата, а в ряде довоенных и послевоенных работ архивистов был высказан взгляд на имеющийся комплекс справочников именно как на систему описания документальных материалов, ни в одной из ранее написанных работ вопрос о принципах построения системы, взаимосвязи составляющих ее справочников, преемственности системы научно-справочного аппарата государственных и ведомственных архивов, внедрения механизированных ИПС и т. п. освещения не получил. Исследования 1940—1950-х годов были направлены преимущественно на разработку методики отдельных конкретных типов и видов справочников и почти не затрагивали системы научно-справочного аппарата в целом.

Только в первой половине 1960-х годов в практике архивного дела заметился комплексный подход к созданию системы научно-справочного аппарата к фонду, группам фондов, архиву, Государственному архивному фонду в целом. Такой подход был обусловлен тем, что Единая система научно-справочного аппарата, создание которой стало возможно в условиях централизации документальных материалов Государственного архивного фонда СССР, обусловила разработку единых принципов классификации, учета документов, составления комплексов справочников, дополняющих друг друга в раскрытии содержания документальных материалов, начиная от отдельных единиц хранения и кончая ГАФ СССР в целом. Система предполагает не только взаимодополнение и совершенствование различных ее звеньев и отдельных справочников, но и дифференцированную характеристику данных, содержащихся в документах, в зависимости от их научно-исторической ценности.

Важную роль в разработке принципов построения системы научно-справочного аппарата сыграли научные конференции архивистов се-

⁴⁴ Б. И. Пономарев. Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории. — В кн.: «Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам 18—21 декабря 1962 г.». М., 1964, стр. 41.

⁴⁵ «Собрание постановлений и распоряжений Совета Министров СССР». 1963, № 15, ст. 159.

⁴⁶ «Коммунист», 1967, № 13.

редине 1960-х годов (Москва, Киев, Ленинград, Куйбышев)⁴⁷, которые дали богатый фактический материал и конкретные методические заключения. В 1965 г. Главное архивное управление разработало и издало «Методическое письмо о Единой системе научно-справочного аппарата архивов», в котором сформулировано само понятие такой системы, принципы ее построения и названы основные звенья, а также установлен круг основных и дополнительных справочников, составляющих систему, указаны главные направления организационной и методической работы архивов по усовершенствованию этой системы и разработке механизированных информационно-поисковых систем⁴⁸. Подготовке «Методического письма» и внедрению в жизнь его положений сопутствовала большая научная работа, нашедшая отражение в ряде работ архивистов⁴⁹.

Постановка задачи создания системы научно-справочного аппарата выдвинула в числе других проблему взаимосвязи справочников, создаваемых в делопроизводстве и в архивах ведомств, с научно-справочным аппаратом государственных архивов.

В предвоенные и первые послевоенные годы методике создания научно-справочного аппарата в делопроизводстве и архивах ведомств уделялось мало внимания. Некоторое отражение эти вопросы получили в изданных в 1956 г. «Правилах работы архивов учреждений, организаций и предприятий». Проблема создания научно-справочного аппарата к документальным материалам ведомств была вновь поставлена после перестройки работы архивных учреждений в области комплектования⁵⁰.

Серьезным вкладом в разработку названных вопросов явились «Основные правила постановки документальной части делопроизводства и работы архивов учреждений, организаций и предприятий СССР» (М., 1963). В «Правилах» и ряде опубликованных в последнее время статей⁵¹ большое значение придается использованию в практике работы

⁴⁷ «Проблемы архивоведения и источниковедения». Материалы научной конференции архивистов Ленинграда. Л., 1964; «Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР», т. I—II. М., 1965; «Материалы научно-методической конференции архивистов РСФСР». М., 1965; «Друга республіканська наукова конференція з архівознавства та інших спеціальних історичних дисциплін», т. 2. Київ, 1965; «Материалы Всесоюзного совещания-семинара по вопросам создания и усовершенствования научно-справочного аппарата к документальным материалам». М., 1966; «Материалы совещания-семинара архивных учреждений РСФСР по вопросам создания и усовершенствования научно-справочного аппарата». М., 1967.

⁴⁸ «Методическое письмо» подготовлено авторским коллективом в составе: М. И. Автократовой, И. С. Назина, И. И. Носовой, К. И. Рудельсон, Л. И. Сесиной и Л. Л. Смоктуновича.

⁴⁹ М. И. Автократова, И. С. Назин, К. И. Рудельсон, Л. Л. Смоктунович. О создании Единой системы научно-справочного аппарата архивов СССР. — «Вопросы архивоведения», 1965, № 1; «Теория и практика архивного дела в СССР». М., 1966, стр. 162—370; М. И. Автократова, И. И. Носова, Л. И. Сесина. Усовершенствование системы научно-справочного аппарата. — «Советские архивы», 1967, № 6; Л. И. Сесина, И. С. Соколова. Планирование работы по созданию и усовершенствованию научно-справочного аппарата. — Там же, 1970, № 3; А. М. Блинов. Создание и совершенствование системы научно-справочного аппарата к документальным материалам ЦГАВМФ СССР. — «Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений». Л., 1970, стр. 76—84; Т. В. Комарова. К вопросу создания Единой системы научно-справочного аппарата в государственных архивах Белорусской ССР. — «Вопросы архивоведения и источниковедения в БССР». Минск, 1971.

⁵⁰ Е. И. Жарова, А. С. Малитиков. Научно-справочный аппарат архивов министерств и ведомств. — «Вопросы архивоведения», 1963, № 1.

⁵¹ Д. И. Сольский, А. Н. Сокова. Об использовании в архивах учреждений делопроизводственных учетно-справочных картотек. — «Вопросы архивоведения», 1963, № 2; Л. И. Ким. Каталогизация документальных материалов учреждений, организаций и предприятий. — Там же, 1964, № 3; И. И. Носова, Л. Л. Смоктунович, Д. И. Сольский. Научно-справочный аппарат к документальным материалам ведомственных архивов. — «Советские архивы», 1966, № 5; Л. И. Брагина. Картотеки в делопроизводстве и архивах. — Там же, 1970, № 5.

государственных архивов научно-справочного аппарата, создаваемого в делопроизводстве и архивах учреждений, организаций и предприятий, вопросам преемственности и взаимосвязи этих справочников.

Необходимость создания единой системы, основанной на взаимосвязи и взаимодополняемости сведений, обусловила различный подход к описанию содержания документальных материалов в справочниках в зависимости от их научно-исторической и информационной ценности. В этой связи много внимания в последние годы было уделено разработке методики дифференцированного описания документальных материалов⁵².

Методика дифференцированного описания материалов является одной из проблем, над которыми работает ВНИИДАД⁵³.

В последнее пятилетие исследование проблемы НСА шло по линии дальнейшей разработки вопросов создания и усовершенствования отдельных звеньев системы, в первую очередь описей и каталогов.

Положительную роль в развитии этих вопросов сыграли научные конференции архивистов Украины (г. Киев), Средней Азии и Казахстана (г. Душанбе), Прибалтики (г. Рига) и Ленинграда 1968 г., посвященные 50-летию архивного дела в СССР.

Поскольку архивы в основном завершили приведение в порядок документальных материалов, в работах, посвященных описям, основной упор делается на методику их переработки и усовершенствования⁵⁴. При этом существенное внимание уделяется вопросам повышения научного уровня описания, расширению информационных функций описей за счет составления различных указателей и другого «внутреннего» справочного аппарата.

Достигнутые результаты практической и научно-методической работы по каталогизации документальных материалов позволили перейти к обобщению накопленного опыта и рассмотрению в теоретическом плане таких вопросов, как взаимодействие элементов системы каталогов, методы создания именного и совершенствование принципов построения систематического каталогов и т. д.⁵⁵

Среди проблемных вопросов создания ЕСНСА исключительно важной является задача разработки классификации сведений, содержащихся в документальных материалах. Особую сложность она приобрела в связи

⁵² «Материалы семинаров совещаний работников архивных учреждений РСФСР по вопросам создания и усовершенствования научно-справочного аппарата и документальных материалов (гг. Калинин, Ростов-на-Дону, Томск, апрель—июнь 1966)». М., 1966, рогапринт; А. Е. Акильшина. Методика дифференцированного описания документов при каталогизации. — «Советские архивы», 1969, № 3; М. Е. Кучеренко, Г. М. Горфейн, Е. И. Хабалашвили. О дифференцированной каталогизации документальных материалов. — Там же, 1970, № 4; А. В. Елпатьевский. О некоторых вопросах описания документальных материалов государственных учреждений. — «Археографический ежегодник за 1968 год». М., 1970.

⁵³ «Дифференцированный подход к описанию документальных материалов (методические рекомендации)», вып. 1—2. М., 1969—1972.

⁵⁴ См., например: Р. Ю. Мацкина. Организационные основы и пути усовершенствования описей в ЦГИА СССР. — «Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений». Л., 1970; Л. Б. Потанина. Составление описей-указателей. — «Советские архивы», 1970, № 4; Р. Г. Миронова. Специфика усовершенствования описей на документальные материалы дореволюционного периода. — «Вопросы архивоведения и источниковедения в БССР». Минск, 1971.

⁵⁵ Т. В. Власова. Система каталогов в ЦГИА УССР в г. Киеве. — «Друга республіканська наукова конференція з архівознавства та інших спеціальних історичних дисциплін», т. 2. Київ, 1965; Г. М. Горфейн. Каталогизация документальных материалов ЦГИА СССР (основные этапы и направления). — «Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений». Л., 1970; К. И. Юдина. Из опыта работы по созданию схемы систематического каталога. — Там же; В. В. Резникова. Подocumentная каталогизация в Государственном архиве Харьковской области. — «Советские архивы», 1970, № 5; В. И. Пташникова. Методика организации именных каталогов в государственных архивах. — «Вопросы архивоведения и источниковедения в БССР». Минск, 1971.

с необходимостью использовать механизированные системы поиска информации. Классификация как метод организаций информации, содержащейся в архивных документах, устанавливает связи между фактами, событиями, явлениями, нашедшими отражение в документах. Являясь неотъемлемым компонентом ЕСНСА, она призвана обеспечить быстрый и точный поиск необходимой информации. СЕК в целом отвечает задачам систематической классификации документальных материалов государственных архивов, хотя ей и свойственны отдельные недостатки⁵⁶. Однако в механизированных и автоматизированных ИПС классификация сведений из документов видоизменяется. В этих системах отходят от иерархических однолинейных схем, каковой является СЕК, и переходят на схемы так называемого координатного индексирования, которые получили название списков дескрипторов и тезаурусов. В архивной практике сделаны первые шаги по изучению классификационных основ этих схем и выработки рекомендаций по их созданию и применению⁵⁷. Научный совет и Коллегия Главного архивного управления в 1963—1965 гг. неоднократно отмечали в своих решениях важность создания механизированных ИПС в архивах. Эти вопросы широко обсуждались на Всесоюзной научной конференции по вопросам архивного дела в СССР (1964 г.) и Всесоюзном совещании-семинаре в Москве по вопросам создания и усовершенствования научно-справочного аппарата (1965 г.).

Изучение механизированных систем поиска информации в архивах основывалось на опыте работы органов научно-технической информации. В этой связи появились статьи, популяризовавшие в среде архивистов теорию поисковых систем, принципы кодирования, средства и методы работы, применяемые в органах научно-технической информации⁵⁸. Намечилось два направления в изучении возможности применения механизированного поиска в архивах — «малая» и «средняя» механизация. Существенных практических достижений до сих пор еще не получено, но то, что сделано в области «малой» механизации (ЦГАНХ СССР, архивные управления Эстонии и Литвы) и «средней» механизации (Архив Министерства обороны, Архивное управление Белоруссии, Государственный архив Курской области), показывает, с одной стороны, практическую возможность функционирования механизированных систем поиска в архивах, а с другой — наличие ряда существенных специфических сложностей, которые могли бы стать предметом специального рассмотрения.

В настоящее время необходимо перейти к широкой экспериментальной работе по созданию действующих механизированных систем архивного поиска. В этом отношении большой интерес представляет работа ВНИИДАД, который осуществил во второй половине 1960-х годов исследование вопросов формирования в государственных архивах ИПС, использующих в качестве носителя информации суперпозиционные («просветные») карты, связанные со средствами «малой» механизации, а также

⁵⁶ Т. П. Коржигина. Каталогизация документальных материалов ЦГА РСФСР. — «Вопросы архивоведения», 1962, № 1; К. Б. Гельман-Виноградов, К. И. Рудельсон. Некоторые проблемы механизации информационных поисков. На примере архивных фондов. — «Научно-техническая информация», 1962, № 8; «Материалы Всесоюзного совещания-семинара по вопросам создания и усовершенствования научно-справочного аппарата к документальным материалам». М., 1966.

⁵⁷ Л. И. Сесина, К. Б. Гельман-Виноградов. О применении механизированных информационно-поисковых систем в архивах. — «Вопросы архивоведения», 1965, № 2; Г. Г. Воробьев, К. И. Рудельсон. Современные проблемы документной классификации и информации. — «Советские архивы», 1966, № 6.

⁵⁸ Л. И. Сесина. К вопросу о механизированном поиске информации в архиве. — «Вопросы архивоведения», 1963, № 3; Г. Г. Воробьев. Архивы и поиск научной информации. — Там же, 1964, № 4; он же. Задачи кибернетики в области архивной документации. — Там же, 1963, № 4; Г. Валейка. Разработка ИПС для архивных документов. — «Документалистика — 69», ч. II. Вильнюс, 1970.

ИПС «средней» механизации — на базе алфавитно-цифровых вычислительных перфорационных машин.

Носителем информации во втором случае избраны 80-колонные перфоркарты. Важным моментом этих исследований было изучение информационных запросов, поступающих в государственные архивы⁵⁹. На основе полученного материала исследований подготовлены методические пособия, издание которых существенно продвинет архивоведческую разработку проблемы информационного поиска.

Таким образом, в настоящее время ЕСНСА использует методы и средства научно-технической информации, что является следствием общих задач развития информационной деятельности в стране. В перспективе перед советским архивоведением стоит задача еще более глубокого использования понятий и методов современной и будущей науки об информации. Это особенно диктуется все большей унификацией и стандартизацией источников информации, образующихся в сфере управления и поступающих на государственное хранение, а также тем, что в СССР создана единая общегосударственная сеть информационных органов. Перспективным является использование достижений межнаучного системного подхода к проблематике ЕСНСА, что показал, в частности, теоретический семинар ВНИИДАД (июль 1972 г.)⁶⁰. Возникает необходимость разработки общей системы классификации произведений печати и документальных материалов⁶¹. Эта задача представляется особенно сложной именно потому, что она должна решить вопрос, каким образом в рамках общей классификации и, стало быть, общего методологического подхода отразить специфические особенности архивных документов как исторических источников. Несомненно, решение этой задачи требует серьезной и последовательной теоретической и экспериментальной работы.

Несмотря на важность и актуальность задачи по применению ИПС в системе архивного дела и сложность связанных с этим теоретических исследований, главные усилия архивистов должны быть направлены на дальнейшую разработку вопросов традиционной системы научно-справочного аппарата. Требуют теоретического обобщения и развития вопросы взаимосвязи элементов системы НСА и методы их усовершенствования, приемы дифференцированного раскрытия содержания документальных материалов различных фондов. В связи с интенсивным развитием каталогизации материалов за последние годы несколько ослабло внимание к разработке конкретной методики усовершенствования описей. Поэтому необходимо активизировать исследования приемов составления различных видов указателей к описям, определить необходимые критерии качественного уровня самих описей на фонды различной научно-исторической и информационной значимости. Ждут своего методического обобщения приемы подготовки описей к изданию. Наряду с этим должна быть продолжена разработка методов составления именованного каталога, приемов тематического описания документов при составлении каталогов и др.

Не исключено, что возрастающие требования использования и развития информационной деятельности архивов вызовут к жизни новые рациональные виды справочников, которые войдут составным элементом в Единую систему научно-справочного аппарата.

Комплексное развитие ЕСНСА на основе глубокой научно-методической разработки поднимает на более высокую ступень информационную деятельность советских архивных учреждений.

⁵⁹ *Е. С. Романов, О. С. Чукова*. К вопросу об изучении информационных запросов в центральных государственных архивах. — «Советские архивы», 1971, № 3.

⁶⁰ «Вопросы системного подхода к исследованиям в области документной информации». М., 1972.

⁶¹ Подробнее см.: *К. И. Рудельсон*. Современные документные классификации. — «Документалистика — 69», ч. II. Вильнюс, 1970.

А. В. Елпатьевский

О ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИХ И ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Среди вспомогательных исторических дисциплин генеалогия в недавнем прошлом развивалась значительно медленнее других. Более того, иногда отрицалась сама возможность развития этой дисциплины¹.

Вместе с тем ряд видных советских историков говорит о правомерности и нужности генеалогических исследований. Укажем на обзорную статью Л. В. Черепнина, посвященную развитию вспомогательных исторических дисциплин за 50 лет Советской власти, где названо в качестве актуальных решение генеалогических задач в области целого ряда исторических проблем. Н. И. Павленко, говоря о плане научно-исследовательских работ Сектора источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Института истории СССР на 1971—1975 гг., подчеркнул важность изучения родословных крестьян, рабочих, представителей буржуазии и дворянства для исследования социально-экономических процессов, политической и культурной истории страны и особое значение генеалогических изысканий для истории советского общества².

Интерес к серьезной генеалогической и историко-биографической проблематике отчетливо проявляется и за рубежом, о чем свидетельствует, в частности, тематика некоторых докладов на XIII Международном конгрессе исторических наук; большое внимание историко-биографической теме стали в последнее время уделять и советские исторические издания³.

В настоящей статье мы попытаемся дать в самом общем плане характеристику возможной проблематики современных историко-биографи-

¹ А. А. Введенский. Вспомогательные исторические науки в работе архивистов. — «Вопросы архивоведения», 1962, № 2, стр. 29.

² Л. В. Черепнин. Развитие вспомогательных исторических дисциплин за пятьдесят лет. — «Советские архивы», 1967, № 5, стр. 130—136; О плане научно-исследовательской работы Института истории СССР на 1971—1975 гг. — «История СССР», 1969, № 6, стр. 24; см. также Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв., т. I. М.—Л., 1949; С. О. Шмидт. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева. — «Ученые записки МГУ», вып. 167. М., 1954; он же. О дьячестве в России середины XVI в. — «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». Сб. статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М., 1963; С. С. Дмитриев. Личные архивные фонды. Виды и значение их исторических источников. — «Вопросы архивоведения», 1965, № 3; А. А. Зимин. Вспомогательные исторические дисциплины и их роль в работе историков-архивистов. — «Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР», т. I. М., 1965; и др.

³ См., например: О. М. Медушевская. Историческая наука и генеалогия (рецензия на статью М. Перонне «Генеалогия и история. Методические подходы»). — «Вопросы истории», 1970, № 2; «Биография как историческое исследование (обсуждение редакцией темы. Краткий отчет)». — «История СССР», 1970, № 4.

ческих и генеалогических исследований и основных групп документальных источников как базы для этого. Историография историко-биографических и генеалогических исследований требует самостоятельного изучения и нами не рассматривается. Упоминаемые в тексте и сносках работы приводятся лишь в качестве примеров, иллюстрирующих возможные аспекты проблематики, а также содержащих наиболее полные и обстоятельные определения задач генеалогии.

Марксистско-ленинский тезис о народе как творце истории не исключает, а предполагает изучение жизни и деятельности отдельных личностей⁴. В этой связи представляется совершенно справедливой высказываемая в последние годы точка зрения о необходимости при решении социальных и других вопросов исторического процесса исследовать индивидуальные действия, индивидуальные судьбы людей⁵.

В русской историографии предмет, проблематика и значение генеалогии в системе вспомогательных исторических дисциплин были разработаны для своего времени достаточно глубоко прежде всего Л. М. Савёловым. Несмотря на его идеалистическое мировоззрение и откровенно монархические, реакционные общественно-политические взгляды, нельзя не отметить его серьезный вклад в развитие теории и практики русской генеалогии. Им обстоятельно показано значение генеалогии для изучения быта и нравов народа, той среды, которая выдвинула тех или иных деятелей страны, важность изучения семьи в качестве условий для формирования исторических деятелей, которые тем или иным путем влияли на общий ход развития своей страны и своего народа⁶. В устах этого типичного представителя дворянского класса является весьма существенным замечание о «всословности» генеалогии: «Генеалогия возможна и без аристократического или просто сословного устройства и, по-видимому, служит не только для проявления барской спеси или для удовлетворения личных мелких инстинктов»⁷. Правда, Л. М. Савёлов, как и подавляющее большинство других его современников-генеалогов, изучали преимущественно роды и семьи, принадлежавшие к старой, знатной аристократии. Однако сводить на этом основании содержание предмета генеалогии лишь к генеалогии дворянской представляется нам принципиально неверным.

Л. М. Савёлов дает два определения генеалогии. В первом определении характеризуется процесс и результат конкретного исследования — «построенное на достоверных документах и других источниках доказательство родства, существующего между лицами, имеющими общего родоначальника или потомка, независимо от общественного положения этих лиц». Второе определение: «Генеалогия есть история того или другого рода во всех проявлениях жизни его представителей, как общественной, так и семейной»⁸. Это последнее определение, хотя оно и сводит генеалогию к истории конкретных родов, т. е. не содержит понимания генеалогии как научной дисциплины, тем не менее представляется нам в достаточной степени удачным, поскольку в нем отмечена необходимость изучения общественной жизни рода. Кроме того, в этой формулировке скрыта уже определенная системность, т. е. требование рассматривать жизнь каждого представителя рода не изолированно, а в комплексе («история...

⁴ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 3, стр. 440; т. 27, стр. 402—403; *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 159.

⁵ *В. Келле и М. Ковальзон*. Ленинские принципы классового анализа. — «Коммунист», 1968, № 18, стр. 63—64; *М. А. Виткин*. Естественное и общественное. — «Вопросы философии», 1969, № 4, стр. 150.

⁶ «Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом институте преподавателем института Л. М. Савёловым. Первое полугодие». М., [1908]. На правах рукописи, стр. 7.

⁷ Там же, стр. 10.

⁸ Там же, стр. 21.

рода во всех проявлениях жизни его представителей»). Это определение содержит в себе мысль о том, что именно генеалогия способна дать материал для выяснения роли и значения семейно-родственных связей и отношений в формировании исторической личности. В. Л. Янин, приводя вышеуказанное определение генеалогии Л. М. Савёлова, подчеркивает, что в начале XX в. «результатом ставшего теперь возможным обобщения явилось и новое более точное понимание предмета генеалогии, включающее в себя требование учитывать не только данные, необходимые для формальной реконструкции родословий, но и всю совокупность материалов, имеющих отношение к истории рода»⁹.

В одном из первых пособий по вспомогательным историческим дисциплинам, вышедшем в советское время, о предмете и задачах генеалогии сказано: «Задача науки генеалогии состоит, с одной стороны, в выявлении происхождения индивидов в преемственной их последовательности одного от другого и объединении их в семью, поколение и единый род; с другой стороны — в установлении влияния этого рода и его звеньев на общий ход исторического процесса народа или на отдельные моменты его исторической жизни»¹⁰. Там же указывается и на связь генеалогии с генетикой и приводится определение генеалогии, данное немецким историком О. Лоренцом: «Генеалогия — наука о развитии рода в его индивидуальных проявлениях... изучает причины и влияния, которые относятся к роду и происхождению индивида в его особенностях»¹¹.

Таким образом, социально-исторические моменты, объективно заложенные в самом предмете генеалогии, в разное время в той или иной степени осознавались исследователями. Довольно давно была подмечена и связь проблем генеалогии с генетикой. К сожалению, практические результаты и целенаправленность генеалогических исследований в прошлом во многих случаях определялись «реакционными тенденциями (культивирование дворянско-монархических связей, использование генеалогии при фашизме в расистских целях и др.)»¹².

Современная историография отмечает заслуги в разработке русской генеалогии Н. И. Новикова, Н. М. Карамзина, П. М. Строева, П. В. Долгорукова, А. Б. Лобанова-Ростовского, В. В. Руммеля, А. П. Барсукова, Н. П. Лихачева, Л. М. Савёлова, Г. А. Власьева, В. Л. Модзалевского, Н. Н. Кашкина, С. Б. Веселовского. К этому списку следовало бы добавить В. Е. Рудакова, Б. Л. Модзалевского, М. Т. Яблочкова, В. И. Чернопятова. Большинство названных исследователей разрабатывало источники по дворянской генеалогии. По отношению к их работам может быть поставлена задача, связанная с «новым прочтением тех источников, которые дворянско-буржуазными историками использовались лишь в свете их концепций»¹³. В генеалогических и историко-биографических исследованиях, опубликованных в советский период, подвергается анализу фактический материал о семейно-родственных связях русских писателей, ученых, композиторов, художников, общественных деятелей¹⁴; методы и данные генеалогии применяются к решению проблем общегеисторического и социаль-

⁹ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. 3. М., 1963, стр. 633.

¹⁰ А. М. Большаков. Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1924, стр. 173.

¹¹ Там же, стр. 180.

¹² «Советская историческая энциклопедия», т. 4. М., 1963, стр. 190.

¹³ М. А. Варшавчик. Вопросы логики исторического исследования и исторический источник. — «Вопросы истории», 1968, № 10, стр. 78.

¹⁴ См., например: А. С. Серебровский (по посмертным бумагам С. И. Гальперин). Генеалогия рода Аксаковых. — «Русский евгенический журнал», т. I, вып. 1. М., 1922; Н. П. Чулков. Род графов Толстых. — Там же, вып. 3—4. М., 1924; М. В. Волоцкой. Хроника рода Достоевского 1506—1933. М., 1933; Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933; и др.

ного характера¹⁵; не считаются снятыми с повестки дня и генетические аспекты генеалогии¹⁶.

Не ставя знака равенства между историко-биографическими и генеалогическими исследованиями, отметим, что биография предполагает обязательность определенных генеалогических изысканий; с другой стороны — генеалогия (в узком смысле этого слова) может быть рассматриваема и как система взаимосвязанных биографий членов одного рода.

Воспитательное значение биографий исторических деятелей ныне общепризнано. Важность генеалогических моментов находит понимание и в широкой общественной среде. В ряде популярного брошюр, газетных статей справедливо говорится о том, что преемственность поколений, осуществляемая через семейно-родственные связи, имеет серьезное воспитательное значение, что использование традиций семейной истории созвучно задачам сегодняшнего дня¹⁷. В этой связи представляется заслуживающим особого интереса опыт некоторых государственных архивов, осуществляющих в настоящее время соби́рание документов по истории рабочих династий.

Современные определения генеалогии далеко не отражают тех потребностей и задач, которые могли бы быть поставлены перед нею. «Советская историческая энциклопедия» дает генеалогии следующее определение: «Вспомогательная историческая дисциплина, занимающаяся изучением происхождения родов, фамилий и отдельных лиц, родственными связями, составлением родословий. Тесно связанная с геральдикой и другими историческими дисциплинами, генеалогия доставляет сведения биографического характера, помогает разбираться в имущественных, социальных и политических отношениях»¹⁸. На наш взгляд, некоторая неполнота этого и аналогичных определений¹⁹ состоит в том, что семейно-родственные отношения в качестве предмета генеалогии берутся сами по себе, в то время как главное — рассмотрение семейно-родственных отношений в их социально-историческом контексте. Для этого генеалогии и ее проблематику следует рассматривать не только как чисто прикладную дисциплину, не только как техническое средство или комплекс методов, а представить ее как дисциплину историческую по самой своей сути, данные которой являются необходимым элементом раскрытия исторического процесса. Это необходимо отразить и в ее определении.

Нам представляется, что предметом генеалогии является изучение семейно-родственных связей и социального происхождения конкретных исторических лиц. Проблему же генеалогии, ее задачи на современном этапе можно определить как выяснение через систему биогра-

¹⁵ *И. Е. Носов*. Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России («лучшие люди» и «торговые мужики» двинских актов XVI в.). — В сб.: «Вспомогательные исторические дисциплины», т. I. Л., 1968; *А. А. Зимин*. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.—Л., 1950; *он же*. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. Из работ этого же плана необходимо отметить исследования С. Б. Веселовского, относящиеся к несколько более ранним годам (статья «Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник», 1940 г., позднее включенная в книгу «Исследования по истории опричнины». М., 1963, стр. 323—478; ряд его работ 1930—1940-х годов, собранные под общим названием в книге «Исследования по истории класса служилых землевладельцев». М., 1969).

¹⁶ См. об этом: *Д. Беляев*. Генетика: история и день сегодняшний. — «Наука и жизнь», 1967, № 12, стр. 114.

¹⁷ См., например: *И. А. Трунов*. Комаровы — династия рабочая. Горький, 1968; *С. Богуславский*. А что ты знаешь о деде? — «Вечерняя Москва», 22 ноября 1968 г.; *С. А. Антонов*. Дети и отцы. — Там же, 13 февраля 1969 г.; *Ф. Кузнецов*. Дом на Лялином озере. — «Комсомольская правда», 2 октября 1968 г.

¹⁸ «Советская историческая энциклопедия», т. 4, стр. 190.

¹⁹ «Большая советская энциклопедия», изд. 2-е, т. 10. М., 1952, стр. 398; «Краткий словарь архивной терминологии». М.—Л., 1968, стр. 15.

фий этих лиц социально-исторического значения названных факторов (т. е. семейно-родственных связей и социального происхождения) в общем ходе исторического процесса. Под сказанным имеется в виду как лично-биографическая сторона исследований, так и более широкий, социологический их аспект. В первом случае основной целью явится выяснение происхождения и установление родственных связей исторической личности с одновременным показом значения этих факторов на формирование ее взглядов, на характер деятельности; во втором случае на базе изучения системы биографий может быть показано определенное социальное явление. В частности, изучая системы развернутых генеалогически биографий, можно будет установить изменения соотношений между отдельными социальными слоями, выяснить конкретные пути формирования общественных групп, сословий и классов, а для советского общества — пути стирания различий между классами, и этим способствовать решению задачи, которая, как указывают специалисты, до настоящего времени не может быть решена с помощью только статистических источников²⁰.

Масштабность проблемы делает правомерной постановку ее в нескольких планах. Так, представляется перспективным изучение дворянских родословных книг и других аналогичных документов с целью выяснения генезиса и становления дворянства как одного из источников формирования русской интеллигенции с конца XVIII до конца XIX в. Даже весьма приблизительный произведенный нами подсчет количества дворянских родов по 20 губерниям, в которых были опубликованы в конце XIX в. дворянские родословные книги, показывает, что примерно 30% внесенных в родословные книги дворян относится к выслужившемуся дворянству (внесено в третью часть книги), т. е., иначе говоря, отцы или деды этих 30% дворянами не были, а получили потомственное дворянство в результате государственной службы. Система же государственной службы в царской России, как указывает современный исследователь, «охватывала громадный круг людей самых различных групп: чиновников и военных, предпринимателей и благотворителей, деятелей искусств и ученых, врачей, педагогов, агрономов, инженеров и т. п.»²¹ Для исследователя конкретных путей становления этих и других групп и слоев русской интеллигенции изучение документов, фиксирующих генетические связи и биографии людей, несомненно, даст очень многое.

Процессы складывания некоторых социальных слоев и групп в истории русского государства в той или иной степени освещаются в ряде работ²². Однако эта проблема, конечно, еще не может считаться решенной. Относительно же проблем современной истории генеалогические аспекты окажутся необходимыми в решении вопросов, связанных со становлением советской интеллигенции, современного рабочего класса, приобщения национальных меньшинств к культурному и хозяйственному строительству и т. д.

Определенная подобным образом проблематика генеалогических и историко-биографических исследований, конечно, не является исчерпы-

²⁰ В. Е. Поletaев, Ю. А. Поляков, В. А. Устинов. История, конкретные социологические исследования, кибернетика. — «История СССР», 1968, № 4, стр. 8.

²¹ Л. Е. Шепелев. Проблемы архивной эвристики. — «Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX—начала XX в.» Сб. статей. Л., 1967, стр. 23.

²² С. О. Шмидт. Указ. работы; он же. Местничество и абсолютизм (постановка вопроса). — «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)». Сб. статей к семидесятилетию со дня рождения и сорокалетию научной и педагогической деятельности Б. Б. Кафенгауза. М., 1964; Н. Ф. Демидова. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII—XVIII вв. — Там же; М. М. Штранге. Демократическая интеллигенция России в XVIII веке. М., 1965; и др.

вающей. Вместе с тем нам представляются перспективными именно эти направления.

Ниже мы остановимся на характеристике современных делопроизводственных источников для историко-биографических и генеалогических исследований²³, не касаясь весьма обширного и крайне важного круга документальных источников личного происхождения (воспоминаний, дневников, записных книжек, автобиографий, семейной переписки и т. д.), которые должны стать предметом самостоятельного изучения, особенно применительно к современной эпохе.

Историко-биографическим, а следовательно, и генеалогическим источником может служить любой документ, содержащий какую-либо информацию о конкретном лице. Но существует целый ряд документов, целевым назначением которых при их создании является отражение (фиксация, закрепление), иначе — документирование, определенных взаимоотношений между личностью и обществом (государством). В последние годы в архивоведении эти документы получили родовое обозначение — «материалы по личному составу». Буквальное смысловое значение этого термина позволяет предполагать, что под ним понимались первоначально документы, отражающие собственно личный состав учреждений, т. е. круг лиц, коллектив, который работал в данном учреждении. Тот небольшой состав документов, который привлекался архивистами для выдачи справок о трудовом стаже и заработной плате, явился основой для формирования понятия. Однако довольно скоро его границы расширились, к документам по личному составу стали относить «различные виды документов, ... отражающих вопросы приема, перемещений, увольнения и учета рабочих и служащих, ... награждения, аттестации к квалификации», а также другие документы, которые «характеризуют правовые, трудовые, служебные и другие взаимоотношения отдельных лиц с государственными, общественными и кооперативно-колхозными учреждениями, организациями и предприятиями и подтверждают трудовой стаж, оплату труда, изменения в должностном и социально-правовом положении рабочих и служащих, получение образования учащимися и некоторые другие стороны жизни»²⁴. Такое расширительное толкование термина «материалы по личному составу» в настоящее время не оправдано. Для круга документов, отражающих взаимоотношения личности и общества, нужен другой термин (например, «историко-биографические материалы»). Сама же этимология понятия «личный состав» делает предпочтительным не расширение, а сужение термина до его конкретного содержания. Мы считаем, что к лич-

²³ Источники дореволюционного периода охарактеризованы в целом ряде работ русских генеалогов. Из современных исследований наибольший интерес представляет статья З. И. Малковой и М. А. Плюхиной «Документы высших и центральных учреждений XIX—начала XX в. как источник биографических сведений» («Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX—начала XX в.» Сб. статей). Авторы не только обстоятельно характеризуют документы, но, что не менее важно, излагают системы документирования отдельных сторон взаимоотношений личности и государства, основывая свой анализ значения документов на рассмотрении соответствующего законодательства о гражданской службе, на изучении истории и функций учреждений, ведавших гражданской службой. Краткая характеристика около ста видов и разновидностей документов историко-биографического значения содержится в «Методических указаниях го экспертизе ценности документальных материалов по личному составу учреждений бывшей царской России». [М.,] Главное архивное управление при СМ СССР, 1960, ротапринт.

²⁴ «Перечень документальных материалов по личному составу государственных, общественных и кооперативных учреждений, организаций и предприятий СССР с указанием сроков хранения материалов». М., 1963, стр. 3—4. Принимая участие в разработке этого перечня, мы, в основе, разделяли это определение, представляя себе его условность. Оно было повторено нами в 1966 г. («Советские архивы», 1966, № 4, стр. 17). Редакция журнала отметила недостаточность этого определения, но не высказала своей точки зрения по существу вопроса.

ному составу можно отнести не только администрацию, рабочих и служащих учреждения, но вообще тот четко, списочно определенный состав людей, работа с которыми является целью данного учреждения. С этих позиций нельзя отнести к материалам по личному составу документацию загсов, наградные материалы в органах, решающих вопросы награждения, судебно-следственные дела в органах суда и прокуратуры, документы нотариата, поскольку эти учреждения не определяют заранее персонального состава лиц, являющихся объектами их деятельности и, следовательно, объектами документирования. Поэтому под историко-биографическими источниками следует иметь в виду не только материалы по личному составу, а систему документов, возникающих в процессе документирования взаимоотношений государства (общества) и отдельных личностей. Таким образом, в определении и дальнейшем исследовании историко-биографических источников мы базируемся на современных документоведческих представлениях о документе, как средстве и результате целенаправленного отражения фактов, событий, предметов, явлений объективной действительности и человеческой деятельности.

Предлагаемая классификация историко-биографических документов построена на основе существенных различий в целевом назначении документов. Можно наметить пять крупных категорий (групп) документов, создающихся в процессе документирования:

- 1) гражданского состояния (акты гражданского состояния);
- 2) служебно-трудовых и других социальных взаимоотношений отдельных лиц и общества (документы по трудовому стажу, зарплате, награждениям, пенсионному обеспечению);
- 3) получения образования;
- 4) гражданства, социального положения, а также персонального учета отдельных групп населения;
- 5) установления опеки, патронирования, усыновления.

Ряд названных групп распадается на более мелкие подгруппы. В самостоятельную группу могут быть выделены также личные документы.

Указанной документацией, конечно, не может быть исчерпан круг основных историко-биографических источников. Мы исключаем из нашего очерка такие документы, как судебные и следственные дела, дела на заключенных, и другие документы, связанные с осуществлением репрессивных функций в отношении отдельных лиц; документацию о прохождении военной службы; материалы о наследовании имущества и другие документы нотариата; истории болезней и медицинские карты, и некоторые другие подобные документы — как в связи с их большой специфичностью, так и сложностью их исследования, вытекающей из того, что допуск современников к документам подобного рода по вполне понятным причинам сильно ограничен. Что же касается документов, относящихся к названным выше группам, то мы попытаемся кратко охарактеризовать их состав и тот объем целевой информации, который позволяет рассматривать их в качестве основных историко-биографических источников.

Едва ли не самой важной группой источников для исследований генеалогического и историко-биографического характера являются документы, создающиеся в процессе документирования гражданского состояния лиц, — одной из важнейших функций любого современного государства²⁵. Советские юристы отмечают большое значение записей актов

²⁵ Подробный очерк документации по ведению метрических записей в дореволюционной России см.: «Метрики (общие акты состояний) у православных (по ведомствам епархиальному и военно-духовному), инославных, старообрядцев, сектантов, евреев, караимов и магометан. Акты гражданского состояния в царстве Польском». Сборник

гражданского состояния для государства и граждан в качестве источника достоверных данных о естественном движении населения и основы правовых взаимоотношений государства и отдельных лиц²⁶.

В первые же месяцы существования Советского государства был издан ряд декретов, посвященных вопросам ведения записей актов гражданского состояния. Было установлено, что «акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью»²⁷, «метрические книги всех вероисповеданий за все года, почему-либо не изъятые до настоящего времени из духовных консисторий, духовных управлений, городских управ», требовалось немедленно передать в губернские (областные) отделы записей актов гражданского состояния. Метрические же книги «из городских и сельских храмов всех исповеданий» передавались местным (городским и волостным) органам загс²⁸.

Согласно первому советскому «Кодексу законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве»²⁹, местными отделами загс должны были вестись следующие книги: записи рождений, записи смертей, записи лиц, безвестно отсутствующих, записи браков, записи разводов, книга заявлений о происхождении зачатых детей, книга записи лиц, изменивших фамилии и прозвища, и алфавит к ней.

Формы книг записей браков, рождений и смертей были установлены еще декретом от 18 декабря 1917 г.³⁰ В книге записей браков фиксировались: дата заключения брака, фамилия, имя, отчество и род занятий жениха и невесты, их возраст, фамилия после брака, адрес постоянного местожительства. В книге записей рождений указывались: время рождения (день, месяц), пол, имя и фамилия ребенка, имя, отчество, фамилия и род занятий родителей, их постоянное местожительство. При записи смертей отмечались: дата смерти, пол, имя, фамилия и род занятий умершего, причина смерти, место погребения. В книге записей безвестно отсутствующих предусматривалась фиксация: имени, отчества, фамилии и рода занятий отсутствующего, последнего места его жительства, названия суда, постановившего «определение даты и номера постановления, основание для объявления отсутствующим (безвестное отсутствие, пропажа на войне, при несчастном случае)»³¹.

Вышеупомянутым «Кодексом» 1918 г. формы некоторых книг были несколько изменены. Так, в книгу записей рождений были добавлены сведения о месте рождения ребенка, возрасте родителей, сведения о том, каким по счету является родившийся ребенок у данных родителей. В книге записей смертей предусматривалась фиксация места смерти, фамилия, имя и местожительство врача, выдавшего свидетельство о смерти, и номер свидетельства, год, месяц и число рождения умершего, семей-

законоположений, церковных правил, распоряжений, разъяснений... Сост. Л. П. Новиков. СПб., 1907.

²⁶ «Юридический словарь». М., 1953, стр. 20. Под учетом естественного движения населения в юридической литературе понимается регистрация рождения, брака, расторжения брака, усыновления, перемены фамилии или имени, регистрация смерти (см. «Советское административное право (особенная часть)». [Л.], 1966, стр. 274). По нашему мнению, отнесение этих функций органов загс только к учету естественного движения населения является неполным и неточным. В результате работы органов загс фиксируется информация, необходимая для идентификации каждого отдельно взятого гражданина, т. е. создания как бы «поискового образа» личности путем фиксации имени, фамилии, места и времени рождения, указания родителей — необходимого минимума отличительных признаков, свойственных только данному лицу. Учет движения населения — вытекающая из этого, но не единственная задача регистрации актов гражданского состояния.

²⁷ «Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства», 1917, № 18, ст. 263 (далее — СУ).

²⁸ Там же, № 62, ст. 685.

²⁹ Там же, 1918, № 76—77, ст. 818.

³⁰ Там же, 1917, № 11, ст. 160.

³¹ Там же, 1918, № 56, ст. 624.

ное положение умершего, имя, фамилия и местожительство лица, сделавшего заявление о смерти. В книгу записей браков было добавлено: год, месяц и число рождения жениха и невесты, их семейное положение до брака. В книге записей разводов должны были указываться: месяц и число постановления о разводе, название суда, вынесенное постановление, и номер постановления, имена, фамилии и род занятий разводящихся, их местожительство, возраст, семейное положение, предшествующее расторгаемому браку, число детей, произошедших от расторгаемого брака, фамилии, которыми желают именоваться разводящиеся. Книга записи заявлений о происхождении внебрачных детей фиксировала: месяц и число заявления, имя, фамилию, род занятий и местожительство заявившей, время зачатия, имя, фамилию и местожительство отца. В книге записей лиц, изменивших фамилии и прозвища, отмечались: месяц и число записи, имя, фамилия и род занятий лица, меняющего фамилию или прозвище, его местожительство, год, месяц и число рождения, место рождения, семейное положение, имена и возраст детей до 14 лет, новая фамилия или прозвище, отметка о согласии супруга именоваться новой фамилией.

Постановлением Совета Министров СССР от 15 ноября 1968 г. были введены: новый вид записи гражданского состояния — запись установления отцовства и форма книги регистрации этого акта. В книге фиксируются следующие сведения: фамилия, имя, отчество, пол, время и место рождения ребенка, номер и дата записи акта о рождении, фамилия, имя, отчество ребенка после установления отцовства; фамилия, имя, отчество, время рождения, национальность, место постоянного жительства родителей, где и кем они работают, документы, удостоверяющие их личности, основание записи об установлении отцовства — совместное заявление родителей или решение суда³².

Постановлением Совета Министров СССР от 2 июня 1969 г. утверждены были «Основные положения, определяющие порядок изменения и восстановления записей актов гражданского состояния», порядок и сроки хранения актов книг; утверждены и введены в действие с 1 января 1970 г. формы книг регистрации актов гражданского состояния и формы соответствующих свидетельств. Подтвержден был 75-летний (начиная от года заполнения) срок хранения книг в архивах органов загс, после чего они должны передаваться на хранение в государственные архивы³³.

Таким образом, к настоящему времени можно считать принципиально решенным вопрос о необходимости постоянного хранения книг регистрации записей актов гражданского состояния и предшествующих им метрических книг, а также вопрос о порядке и источниках комплектования ими государственных архивов, что обеспечивает историко-биографические и генеалогические исследования источниками первостепенного значения.

Вопросы документирования трудовых отношений между трудящимися и социалистическим государством нашли отражение в советском законодательстве уже в первые годы Советской власти. Однако стабильные формы этого документирования были выработаны далеко не сразу. В 1920 г. была введена учрежденческая регистрация всех служащих путем составления на каждого служащего карточки-формуляра, на которой «делаются необходимые отметки о всех перемещениях по службе»³⁴; несколько раньше учреждены были трудовые книжки, затем расчетные

³² «Собрание постановлений и распоряжений Совета Министров СССР», 1968, № 22, ст. 161 (далее — СП СССР).

³³ Там же, 1969, № 16, ст. 85.

³⁴ СУ, 1920, № 16, ст. 96.

книжки, трудовые списки³⁵. Последние явились прообразом личных дел служащих и по существу заменили собой формулярные списки, существовавшие в дореволюционном делопроизводстве. С 1939 г. основным документом, служащим для подтверждения трудового стажа, стала трудовая книжка, введенная Постановлением СНК СССР от 20 декабря 1938 г.³⁶ В трудовую книжку вносились следующие сведения: фамилия, имя и отчество, возраст, образование, профессия, сведения о работе, о переходе в другие предприятия, о поощрениях и награждениях. Значение трудовых книжек было подчеркнуто Постановлением Совета Министров СССР и ВЦСПС от 9 августа 1962 г., где было предписано обеспечить «своевременное и правильное внесение в трудовые книжки записей о перемещениях по работе, изменениях тарифного разряда, должности, профессии, фамилии, о переименовании предприятия... о присвоении почетных званий, о поощрениях и награждениях, о внедренных изобретениях и рационализаторских предложениях, и о выплаченном за них вознаграждении...»³⁷ Таким образом, правильно заполненная трудовая книжка является в настоящее время сжатым, но достаточно полным и достоверным источником о трудовой биографии человека, правда, источником несколько односторонним, фиксирующим лишь положительные стороны этой биографии, так как в трудовую книжку не вносятся записи о взысканиях. Трудовая книжка — личный документ; следовательно, источником их комплектования для государственных архивов могут быть, как правило, личные фонды. Что же касается документов, фиксирующих трудовой путь личности и остающихся в документальном фонде учреждения, то их ведение пока слабо регламентировано и находится почти всецело в русле ведомственных традиций.

Как правило, «заклучение трудового договора с государственным, кооперативным или общественным предприятием (учреждением) оформляется приказом администрации предприятия (учреждения) о зачислении данного работника на работу (или приемной запиской администрации)... Приказ о назначении на работу является безусловно необходимым для возникновения трудового правоотношения в тех случаях, когда трудовая функция приглашаемого на работу лица будет связана с осуществлением тех или иных должностных распорядительных полномочий внутри предприятия (учреждения) или по отношению к организациям и гражданам... Равным образом приказ о назначении (или акт избрания) на соответствующую должность необходим и для тех должностных лиц, которые выступают в качестве органа юридического лица... Для некоторых должностных лиц установлен особый порядок утверждения их в должности вышестоящими органами государственного управления... Для замещения некоторых должностей интеллектуального или художественно-творческого труда требуется избрание по конкурсу на соответствующую должность компетентным органом»³⁸. В последние годы прием на работу всех категорий работников, за исключением руководящего состава, все чаще оформляется путем составления записок о приеме. На работников всех категорий заводится личная карточка; на работников, занимающих руководящие номенклатурные должности, и на научных работников кроме личной карточки заполняется личный листок по

³⁵ Там же, 1919, № 28, ст. 315; 1922, № 56, ст. 704; 1924, № 35, ст. 333; «Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР, издаваемое Управделами СНК СССР», 1926, № 66, ст. 502 (далее — СЗ).

³⁶ СЗ, 1938, № 58, ст. 329.

³⁷ СП СССР, 1962, № 15, ст. 116. Утвержденные 15 июля 1970 г. «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде» не внесли нового в систему документирования трудового стажа и заработной платы.

³⁸ Н. Г. Александров. Советское трудовое право. М., 1963, стр. 183, 190—193; см. также А. И. Столцева, М. В. Яковлев. Прием и перевод на другую работу. М., 1967, стр. 11.

учету кадров, а на научных работников — еще учетная карточка научного работника. Все эти виды документов заполняются на основе опроса работников и соответствующих документов: паспорта, трудовой книжки, диплома³⁹. Для оформления расчетов с рабочими и служащими по заработной плате составляются расчетно-платежные ведомости, в которых одновременно фиксируются как расчет заработной платы, так и факт ее выдачи, или самостоятельные расчетные и платежные ведомости⁴⁰.

Близко примыкают к документации, отражающей трудовой стаж, документы, в которых фиксируется оплата труда рабочих и служащих, денежные расчеты с другими категориями лиц (военнослужащими). К этой группе относится ряд документов системы бухгалтерского учета (расчетно-платежные ведомости, упоминавшиеся выше, лицевые счета, платежные ордера, окладные листы и т. п.). Личным документом трудящегося, получающего сдельную зарплату, является расчетная книжка, ведение которых возобновлено с 1947 г.⁴¹

Вопросы архивного хранения документов по личному составу (о трудовом стаже и заработной плате) не могут считаться в настоящее время решенными. Решением Коллегии Главного архивного управления от 11 апреля 1968 г.⁴² архивным учреждениям было предложено активизировать работу по отбору на государственное хранение документальных материалов по личному составу, имеющих научно-историческое значение и законченных делопроизводством до 1930 г. Тем не менее практики комплектования государственных архивов документами подобного рода пока почти нет, если не считать документации, принятой в 20-х годах, и эпизодических более поздних поступлений.

Документация, создающаяся в процессе награждения орденами и медалями, присуждения различных премий, присвоения почетных званий, имеет в качестве историко-биографического источника особо существенное значение, так как относится к наиболее ярким, выдающимся лицам. В качестве подсистем системы документирования заслуг и отличий можно рассматривать также документацию, создающуюся в ходе назначения персональных пенсий и увековечения памяти о лицах.

Наличие наград (даже так называемых «ведомственных») представляется достаточно бесспорным критерием для постоянного хранения определенного круга документов, относящихся к награжденному лицу⁴³.

Система награждений, существующая в настоящее время, может быть представлена следующим образом:

присуждение званий Героя Советского Союза, Героя Социалистического Труда; награждение орденами и медалями СССР;

присуждение Ленинских и других государственных премий;

присвоение почетных званий СССР, союзных и автономных республик (народный артист, народный художник, заслуженный деятель науки, заслуженный летчик-испытатель, «Почетный шахтер», «Почетный железнодорожник» и т. д.);

награждение почетными нагрудными знаками (знак «Шахтерская слава» и т. д.);

награждение почетными грамотами, нагрудными значками.

³⁹ «Расчеты с рабочими и служащими». Сб. официальных материалов. М., 1965, стр. 218—220.

⁴⁰ Там же, стр. 243.

⁴¹ «Сборник законодательных актов о труде». М., 1965, стр. 103.

⁴² «Советские архивы», 1968, № 4, стр. 122.

⁴³ В литературе уже указывалось на наличие наград и почетных званий в качестве объективной основы для определения круга лиц, личные фонды которых могут поступить на государственное хранение (Э. В. Колосова, В. В. Цапкин. Государственные архивы и документальные фонды личного происхождения. — «Вопросы архивоведения», 1965, № 4, стр. 17). Тем более это может быть основой для приема документов об этих лицах в фондах учреждений.

К награждениям могут быть отнесены также присуждения медалей, премий, знаков, грамот научными, культурными и иными организациями за достижения в области науки, искусства, а также по итогам конкурсов, и учрежденных в память выдающихся деятелей отечественной науки, техники, искусства. Перечисленные виды награждений с небольшими коррективами могут рассматриваться и в ретроспективе; при этом необходимо учитывать существовавшее законодательство, определявшее документацию, составляемую при подготовке награждения, и функции учреждений, ведавших этими вопросами.

Думается, не будет ошибкой отнести к наградам и медали для учащихся «За отличные успехи в учении, труде и за примерное поведение», впервые учрежденные Постановлением СНК СССР от 21 июня 1944 г. «Присуждение золотых или серебряных медалей выпускникам...», — говорилось в одном из последующих Постановлений, — является общественным признанием их успехов в обучении и труде»⁴⁴.

С составом наградных документов, образующихся в ходе присвоения почетных званий, можно ознакомиться на примере ведомств Министерства просвещения, Министерства высшего образования. Так, распоряжением Наркомпроса РСФСР от 9 февраля 1940 г. дело каждого учителя, представляемого к званию заслуженного учителя, должно было содержать следующие документы: обоснованное решение первичной организации (роно, РК Союза работников просвещения, городского Совета и т. д.) в форме протокола или полной выписки из него; к этому решению прилагались: автобиография, личный листок по учету кадров, характеристика за тремя подписями с места работы, две фотокарточки, а также мотивированное представление облизполкома и решение ЦК профсоюза. Характеристика на учителя должна была быть развернутая и отражать особо выдающиеся качества его учебно-воспитательной работы и активное участие в общественной жизни. Ходатайства о присвоении почетного звания могли возбуждать местные Советы депутатов трудящихся и их исполкомы, партийные, профсоюзные и другие общественные организации перед краевыми (областными) исполкомами Советов депутатов трудящихся, которые, в свою очередь, вносили свои предложения в Наркомпрос РСФСР. Аналогичным образом делались представления и о награждении медалью К. Д. Ушинского, которой награждает Министерство просвещения по представлению Академии педагогических наук⁴⁵.

В Министерстве высшего образования СССР в 40—50-е годы был принят следующий порядок оформления материалов на представляемых к правительственным наградам или присвоению почетных званий. Министру направлялось представление начальника главного управления или отдела министерства, где излагались краткие биографические данные кандидата, основные моменты его деятельности и подробная мотивировка заслуг или достижений в науке, на основании которых возбуждается ходатайство о правительственной награде. Там же указывалось, какие организации (партийные, советские, профсоюзные) поддерживают ходатайство; их решения присоединялись к представлению. Кроме того, прилагались: автобиография и личный листок по учету кадров, две фотокарточки, копии документов об ученой степени, список трудов, деловая и политическая характеристика, решение ЦК соответствующего профсоюза и справка по установленной министерством форме⁴⁶.

⁴⁴ СП СССР, 1959, № 17, ст. 132; 1962, № 15, ст. 117.

⁴⁵ «Народное образование, основные постановления, приказы и инструкции». М., 1948, стр. 424, 426—427.

⁴⁶ «Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции». М., 1957, стр. 277—278.

К числу документов, фиксирующих заслуги и отличия, следует отнести и документацию по установлению персональных пенсий, которые являются не только формой социального обеспечения в старости, но также и свидетельством признания обществом особых заслуг лиц. Последнее красной нитью проходит через все советское законодательство о персональных пенсиях⁴⁷. Действующий в настоящее время порядок обеспечения персональными пенсиями граждан, имеющих особые заслуги перед государством, определен Положением о персональных пенсиях, утвержденным Постановлением Совета Министров СССР от 14 ноября 1956 г. во исполнение ст. 60 Закона о государственных пенсиях⁴⁸. В соответствии с этим Положением ходатайства об установлении персональных пенсий союзного и республиканского значения возбуждаются министерствами и ведомствами СССР, союзных и автономных республик, исполнительными комитетами местных Советов, республиканскими, краевыми, областными, окружными и городскими партийными органами, ВЦСПС и ЦК профессиональных союзов. Ходатайства об установлении персональных пенсий местного значения (а в республиках, не имеющих областного деления, — также пенсий республиканского значения) могут возбуждаться городскими и районными советскими, партийными и профсоюзными органами. К ходатайству об установлении персональной пенсии прилагаются документы, подтверждающие заслуги лица, для которого испрашивается пенсия, личный листок по учету кадров, заверенный ходатайствующей организацией, или выписка из учетной партийной карточки и краткая биография (автобиография) этого лица, две фотокарточки, справка врачебно-трудовой экспертной комиссии об инвалидности, если лицо не достигло соответствующего возраста, сведения о семейном положении, справка о заработной плате или получаемой пенсии. Подготовка и оформление решений комиссии по установлению персональных пенсий осуществляется Управлением делами Совета Министров СССР (союзной республики), а персональных пенсий местного значения — соответствующими отделами социального обеспечения⁴⁹.

Пристальное внимание заслуживает и документация, отражающая увековечение памяти выдающихся лиц. Как правило, это документы, отлагающиеся в органах власти, управления, профсоюзных и других общественных организациях, создаваемые в связи с присвоением имен выдающихся лиц городам, поселкам, железнодорожным станциям, предприятиям; учреждением именных премий, стипендий, памятных медалей и т. п.

В первые годы Советской власти присвоение имен старых революционеров и других видных деятелей широко практиковалось решениями местных Советов. Эту документацию, начиная с решений общих собраний заводских коллективов, необходимо тщательно хранить, ибо именно эти документы могут способствовать выявлению впоследствии несправедливо забытых имен. В 1932 г. Постановлением ВЦИК всем местным органам Советской власти было категорически воспрещено производить переименования и наименования, с присвоением имен отдельных работников, городов, железнодорожных станций, районов, селений, предприятий и т. п., допуская эти переименования лишь в исключительных случаях с обязательным представлением во ВЦИК⁵⁰.

Решения об увековечении памяти выдающихся лиц (о сооружении памятников, учреждении медалей, премий, присвоении имени и т. д.)

⁴⁷ СУ, 1923, № 15, ст. 198; 1928, № 56, ст. 420; СЗ, 1928, № 35, ст. 315.

⁴⁸ СП СССР, 1957, № 2, ст. 8.

⁴⁹ Л. Д. Вайсфельд, В. В. Караваев. Законодательство о государственных пенсиях. М. 1958, стр. 298—300.

⁵⁰ СУ, 1932, № 6, ст. 23.

в настоящее время принимаются союзными и республиканскими правительствами, постановления которых по этим вопросам всегда публикуются. Представления соответствующих учреждений об увековечении памяти должны быть сохранены. Иногда в постановлении правительства прямо названо учреждение, по представлению которого принято соответствующее постановление. В других случаях такого упоминания нет. Но все документы, фиксирующие решения об увековечении памяти и документирующие формы этого увековечения, должны храниться постоянно. Логичным будет также признать наличие решения компетентного органа об увековечении памяти лица достаточным основанием для сохранения об этом лице документов по личному составу и других подобных документов.

Факт обучения лица в школе, точнее, окончания школы, бесспорно, может иметь важное историко-биографическое значение. В настоящее время документации, в которой фиксируется пребывание учащихся в школе, установлены длительные (50—75 лет) сроки хранения, в течение которых она может быть использована исследователями. Основным же документом, подтверждающим окончание школы, следует считать личный документ — свидетельство, аттестат зрелости. В своей основе действующее по настоящее время Положение об экзаменах на аттестат зрелости было утверждено Постановлением СНК РСФСР от 19 июня 1944 г.⁵¹ Экзаменационная комиссия ведет протокол хода экзаменов, который подписывается всеми членами экзаменационной комиссии. Все выдаваемые аттестаты зрелости регистрируются в особой книге, в которой записываются все сведения, содержащиеся в аттестате. Выдаваемые учащимся золотые и серебряные медали регистрируются в особой книге, где указывается: фамилия, имя, отчество, вид медали, год, месяц и число получения, расписка в получении медали⁵². Необходимо отметить, что названная книга — единственный школьный документ, для которого установлено постоянное хранение и обязательность передачи в государственный архив.

Постановлением СНК РСФСР от 8 июля 1925 г. «О государственных квалификационных комиссиях при высших учебных заведениях» было установлено, что окончившими вуз считались лица, выполнившие все требования учебного плана, прошедшие установленный практический стаж и защитившие квалификационную работу или проект. При вузах были образованы квалификационные комиссии, решениями которых защитившим квалификационную работу или проект присуждались соответствующие квалификации⁵³. В 1938 г. было утверждено Положение о Государственных экзаменационных комиссиях высших учебных заведений, согласно которому сдача государственных экзаменов и защита проекта должна была производиться в публичном заседании Государственной экзаменационной комиссии⁵⁴. Заседания комиссии протоколировались в специальной книге⁵⁵. Аналогичный порядок был установлен и для документирования деятельности государственных квалификационных комиссий техникумов⁵⁶. В 1956 г. Министерством высшего образования СССР была рекомендована следующая система основных унифицированных документов, отражающих обучение студентов в вузах:

⁵¹ «Собрание постановлений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР», 1944, № 9, ст. 48 (далее — СП РСФСР).

⁵² «Народное образование. . .», стр. 118—121, 228—230. В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 18 декабря 1968 г. выдача учащимся серебряных медалей отменена.

⁵³ СУ, 1925, № 49, ст. 381.

⁵⁴ СЗ, 1938, № 24, ст. 152.

⁵⁵ «Высшая школа. . .», стр. 138.

⁵⁶ «Народное образование. . .», стр. 372.

личная и учетная карточка студента;
дело студента, содержащее все документы, касающиеся студента;
книга учета окончивших вуз и регистрации выдачи дипломов, как основной документ, в который вносились все окончившие вуз студенты по годам выпуска с указанием дня выдачи диплома и его номера.

С 1936 г. существуют также единые студенческий билет и зачетная книжка студента, которые по окончании студентом вуза присоединяются к его делу⁵⁷. Постоянному хранению в государственных архивах подлежат протоколы заседаний государственных экзаменационных комиссий в вузах. Думается, что так же должны храниться книги учета окончивших вуз и регистрации выдачи дипломов.

Существовавшие в царской России ученые звания Советской властью были отменены. Постановлением Наркомпроса от 26 ноября 1921 г., утвердившем Положение о научных работниках высших учебных заведений, устанавливалось, что лица, занятые в вузах научной работой, носят название научных работников. Последние делились на три категории: профессоров, преподавателей и научных сотрудников. Достаточность научной подготовки определялась на основе научных трудов, читаемых курсов, практической деятельности соответствующими комиссиями при Государственном ученом совете⁵⁸. Ученые степени и звания были введены постановлением СНК СССР от 13 января 1934 г. Устанавливались ученые степени: кандидата наук, доктора наук, и ученые звания: ассистента или младшего научного сотрудника, доцента, или старшего научного сотрудника, профессора, или действительного члена научного учреждения⁵⁹.

В настоящее время принят следующий порядок хранения аттестационных дел соискателей ученых степеней и званий. Названные дела образуются в соответствующих учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях, т. е. по месту защиты диссертации или присуждения ученого звания; кроме того, эти же дела направляются в Высшую аттестационную комиссию при Министерстве высшего и среднего специального образования СССР. Постоянное хранение этих дел с последующей передачей в государственный архив установлено для экземпляров, которые находятся в Высшей аттестационной комиссии.

В качестве примера персональных званий, подчеркивающих квалификацию лица, укажем на пожизненные персональные звания: учитель начальной школы, учитель средней школы, заслуженный учитель школы, которые были установлены постановлением ЦИК и СНК СССР от 10 апреля 1936 г.⁶⁰ За более позднее время можно назвать такие решения правительства, как Постановление Совета Министров РСФСР от 10 ноября 1963 г., которым было утверждено Положение о порядке присвоения чабанам звания «Мастер овцеводства»⁶¹, или Постановление Совета Министров РСФСР от 17 октября 1968 г., которым устанавливались звания «Мастер высшего класса» и «Мастер первого класса» для отдельных высококвалифицированных рабочих предприятий службы быта⁶². Эти звания присваивались соответствующими министерствами (ведомствами) и облисполкомами по согласованию с ЦК профсоюзов. Из последних примеров видно, что присвоение квалификационных званий не всегда связано с получением соответствующего специального образования.

Существующими нормативными документами документация, отражающая квалификацию, отнесена к документам временного хранения

⁵⁷ «Высшая школа...», стр. 139—140, 163—164.

⁵⁸ СУ, 1921, № 80, ст. 695; 1924, № 7, ст. 44.

⁵⁹ СЗ, 1934, № 3, ст. 30.

⁶⁰ Там же, 1936, № 19, ст. 164, 167.

⁶¹ СП РСФСР, 1963, № 18, ст. 123.

⁶² Там же, 1968, № 21—22, ст. 112.

(до 25 лет), т. е. приравнена в этом смысле к документам по должностной аттестации. Думается, это приравнение мало оправдано, поскольку присвоение квалификационных званий, как правило, пожизненных, свидетельствует о более глубоких изменениях в судьбах отдельных личностей, а следовательно, в конечном счете, и в социальных отношениях, чем установление пригодности человека к занятию определенной должности (аттестация), носящее обычно временный, периодический характер.

Наименование граждан Российской республики было установлено для всего населения России декретом ВЦИК и СНК от 10 ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов»⁶³. Положением о союзном гражданстве, утвержденном ЦИК СССР 29 октября 1924 г., установлено было единое союзное гражданство для всех проживающих на территории СССР. Прием в гражданство иностранных граждан, проживающих на территории союзных республик, производился ЦИК республик; иностранных рабочих и крестьян, ищущих убежища, — местными исполкомами; других иностранных граждан — по особому законодательству ЦИК СССР⁶⁴. Положение о гражданстве, утвержденное Постановлением ЦИК и СНК СССР от 13 июня 1930 г., установило, что все иностранные граждане принимаются в гражданство СССР только по постановлению ЦИК СССР или ЦИК союзной республики⁶⁵. Таким образом, материалы о принятии в гражданство или лишении гражданства содержатся, в основном, в составе документальных фондов центральных (республиканских) и союзных органов власти; до 1930 г. материалы о приеме в гражданство могут быть обнаружены и в фондах местных исполкомов.

В настоящее время действует принятый 19 августа 1938 г. Закон о гражданстве СССР⁶⁶.

Документация, относящаяся к паспортной системе, строго говоря, не может быть отнесена к источникам историко-биографического характера, поскольку в силу ее специфических особенностей она практически не поступала и не поступает в государственные архивы. Исключение составляют книги прописки (домовые книги) — надежный и юридически достоверный источник о проживании такого-то лица по такому-то адресу тогда-то.

Вопросы патроната (устройства государством детей, оставшихся без родителей, на воспитание в другие семьи на определенный срок по договору) и опеки (попечительства) над детьми до 14 (и до 18) лет рассматриваются правоведами как примыкающие к системе материального обеспечения нетрудоспособных⁶⁷. Однако усыновление не может быть отнесено только к вопросам материального обеспечения, так как носит более глубокий правовой характер, а документирование усыновления по существу примыкает к документированию гражданского состояния, так как путем усыновления фиксируются юридические родители, могут измениться имя, фамилия, отчество усыновляемого. В первые годы существования Советского государства усыновление было отменено: «... Не допускается усыновление ни своих, ни чужих детей. Всякое такое усыновление не порождает никаких обязанностей и прав усыновителей и усыновляемых»⁶⁸. Однако с отменой аналогичных законов в отношении наследования усыновление было восстановлено; приняты были также законы, определяющие порядок опеки и патронирования. В 1928 г. было утверждено Положение об органах опеки и попечительства, которым

⁶³ СУ, 1917, № 3, ст. 31.

⁶⁴ СЗ, 1924, № 23, ст. 202.

⁶⁵ Там же, 1930, № 34, ст. 367; 1931, № 24, статьи 195—196.

⁶⁶ С. В. Черниченко. Международно-правовые вопросы гражданства. М., 1968, стр. 6.

⁶⁷ «Государственные пенсии и пособия». М., 1963, стр. 14.

⁶⁸ СУ, 1918, № 76—77, ст. 818.

устанавливалось, что этими органами являются президиумы губернских исполкомов, районные и волостные исполкомы, сельские советы в лице соответствующих отделов. Опека над несовершеннолетними, слабоумными и душевнобольными оставалась соответственно в ведении отделов народного образования и здравоохранения; опека над имуществом безвестно отсутствующих или умерших и попечительство над несовершеннолетними, не могущими самостоятельно защищать свои права, возлагалась на отделы социального обеспечения⁶⁹. Патронат был учрежден постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 28 мая 1928 г.⁷⁰

Вопросы патронирования, опеки и усыновления стали особенно острыми с началом Великой Отечественной войны. В соответствии с инструкцией, утвержденной СНК РСФСР 8 апреля 1943 г., передача детей на патронат (воспитание в семье трудящихся) должна была оформляться договором между соответствующим лицом и районным (городским) отделом народного образования или здравоохранения; в сельских местностях договор регистрировался в сельсовете. Названная инструкция предусматривала, что усыновление должно быть зарегистрировано в местном органе загс. Юридически усыновление оформлялось постановлением (решением) районного (городского) исполкома. Работу по оформлению усыновления проводили органы опеки (попечительства)⁷¹.

Существующие нормативные документы, определяющие документацию, подлежащую государственному хранению, не предусматривают документов по опеке, патронированию, усыновлению, за исключением книг (журналов) записи усыновленных детей, ведущихся органами опеки. Следовательно, главным источником остаются решения местных исполкомов.

* * *

Наш краткий очерк можно подытожить следующим образом. Во-первых, вопросы генеалогии сохраняют и в современных условиях свое значение в качестве весьма существенного звена общеисторических, историко-социологических и историко-биографических исследований. Во-вторых, круг и состав генеалогических и историко-биографических источников применительно к исследованиям современного периода существенно изменился по сравнению с источниками дореволюционной генеалогии, стал значительно богаче и шире. Вместе с тем источниковедческие и архивоведческие вопросы определения судьбы документов, создающихся в процессе документирования взаимоотношений личности и общества, еще далеко не решены. Практически почти нет сведений о количественно-качественном составе этой документации, хранящейся в государственных и ведомственных архивах страны, об интенсивности и характере ее использования. Не установились окончательно взгляды на характер и степень научной ценности многих видов этих документов. Думается, наша работа в какой-то мере привлечет внимание историков и архивистов к решению названных проблем.

⁶⁹ СУ, 1928, № 75, ст. 524.

⁷⁰ Там же, № 64, ст. 462.

⁷¹ СП РСФСР, 1943, № 3, стр. 24.

Н. В. Бржостовская

**ВОПРОСЫ АРХИВНОГО ДЕЛА
НА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СЪЕЗДАХ В РОССИИ
(1869—1911 гг.)**

Связь исторической науки и архивного дела в России в целом освещалась в архивоведческой и историографической литературе, но некоторые аспекты ее заслуживают дополнительного изучения, в том числе отношение к проблемам архивного дела научной общественности. Это отношение выразилось, в частности, в рассмотрении вопросов об архивах на археологических съездах. Данной темы в общих чертах касались в своих трудах А. В. Чернов¹ и И. Л. Маяковский² в связи с проектами архивных реформ.

Археологические съезды, собиравшиеся с 1869 г. по инициативе Московского археологического общества, были самым демократическим учреждением в исторической науке дореволюционной России. В них принимали участие наряду со столичной и провинциальной профессурой, сотрудниками научных учреждений также любители и знатоки местной старины из разных уголков страны. Главное место в работе съездов занимали вопросы изучения памятников материальной культуры, но в соответствии с бытовавшим тогда расширительным пониманием содержания археологии и разнообразием научных интересов участников немало времени посвящалось и другим видам исторических источников, в том числе архивным материалам.

Особенную заинтересованность в вопросах архивного дела проявляли, разумеется, представители учреждений, непосредственно имеющих дело с архивными материалами. На всех археологических съездах присутствовали делегаты от крупнейших ведомственных исторических архивов Москвы — Московского архива Министерства юстиции и Московского главного архива МИД. Менее регулярно были представлены на съездах Государственный и С.-Петербургский главный архив МИД и исторические архивы военного и дворцового ведомств. Активное участие в обсуждении архивных проблем принимал управляющий архивом Синода А. Н. Львов. Среди участников съездов были сотрудники Киевского и Виленского архивов древних актов, Петербургской, Киевской и Виленской археологических комиссий, члены ряда губернских статистических комитетов, зарекомендовавших себя на поприще изучения местной истории и разбора старых архивов (Нижегородского, Воронежского, Рязанского, Тамбовского и др.). После 1884 г. в работу съездов включались и делегаты губернских ученых архивных комиссий. Персонально комиссии нередко представляли те же люди, которые раньше приезжали от имени статисти-

¹ А. В. Чернов. История и организация архивного дела в СССР. М., 1940.

² И. Л. Маяковский. Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1960; *он же*. Н. В. Калачов как историк-архивист. — «Труды МГИАИ», т. 4. М., 1948, стр. 170.

ческих комитетов, как, например, А. С. Гацисский (Нижний Новгород), И. И. Дубасов (Тамбов), А. В. Селиванов (Рязань), А. К. Жизневский (Тверь), Ф. Ф. Лашков (Симферополь). К архивному делу проявляли устойчивый интерес преподаватели ряда университетов, особенно Киевского, Харьковского, Казанского и Варшавского, а также Демидовского юридического лицея в Ярославле. Нескольких представителей присылал Археологический институт.

Занятия археологических съездов, кроме пленарных заседаний, происходили по отделениям. На Первом съезде вопросы, касающиеся памятников языка и письменности, были отнесены к компетенции III отделения — «Русские древности». Но со Второго съезда уже действовало специальное (VI) отделение — «Памятники языка и письменности», на котором рассматривались как вопросы источниковедческого, филологического и палеографического разбора отдельных памятников, так и архивные сюжеты. Затем для этих последних, по предложению А. В. Селиванова и И. И. Дубасова, начиная с Восьмого съезда было создано новое (IX) отделение — «Памятники археографические». Наконец, с Двенадцатого съезда IX отделение получило название «Археография и архивоведение». В этой эволюции отделений отразился процесс становления специальных дисциплин в понимании представителей исторической науки.

Важнейшие проблемы, как, например, вопрос об архивной реформе, ставились обычно в числе «общих вопросов» на пленарных заседаниях, а представления на имя правительства принимались на Совете съезда.

Занятия съездов, касающиеся архивов (и отчасти археографии), можно разделить на две группы: 1) сообщения об отдельных архивах или комплексах документальных материалов и 2) обсуждение общих проблем организации архивного дела. Деление это отчасти условно, так как в прениях по докладам обе группы вопросов нередко переплетались.

Переходя к характеристике сообщений об отдельных архивах, следует напомнить, что, начиная с Третьего, археологические съезды приобрели региональную окраску. Собираясь поочередно в разных городах России, служивших историческими центрами определенных районов, они рассматривали прежде всего памятники истории соответствующего района. Подготовка к очередному съезду осуществлялась предварительным комитетом, имевшим обычно два центра: одним являлось Московское археологическое общество, а другой образовывался в городе предстоящего съезда на базе местных университетов, археографических комиссий и исторических обществ. Предварительный комитет организовывал к съезду работы по описанию памятников старины, археологические экспедиции и раскопки, готовил выставку. Кому-нибудь из местных историков поручался иногда и осмотр местных архивов или одного из них. В результате появлялся доклад или сообщение на съезде, порой часть материала публиковалась в «Трудах» предварительного комитета. Во многих случаях эти сообщения не отличаются глубиной или касаются небольших архивов второстепенного значения. Но в совокупности они представляют довольно любопытную картину состава и состояния разных категорий архивов и особенно ценны потому, что дореволюционная литература в общем небогата подобными сведениями, а некоторые из охарактеризованных архивов с тех пор понесли потери или вовсе не сохранились.

Иные сообщения были весьма обстоятельны. Так, в трудах Третьего археологического съезда в Киеве (1874 г.) напечатан обширный «Обзор славяно-русских памятников языка и письма, находящихся в библиотеках и архивах Львовских», подготовленный Е. И. Калужницким³.

³ «Труды III АС», т. II. Киев, 1878, Приложение, стр. 213.

На Четвертом археологическом съезде в Казани (1877 г.) был заслушан реферат И. Я. Порфирьева о содержании библиотеки Соловецкого монастыря, помещенной на хранение в Казанской духовной академии⁴. Кроме того, И. Ф. Токмаков представил съезду обзор материалов, относящихся к Казанской губернии и хранящихся в МГАМИД и его библиотеке⁵.

Пятый съезд, происходивший в 1881 г. в Тифлисе, был посвящен кавказским древностям, в ту пору еще мало изученным. На VI отделении был прослушан доклад А. А. Цагарели «Сведения о памятниках грузинской письменности»⁶. Но на съезде ничего не было сказано ни о богатейшем архиве Кавказского наместничества, ни о деятельности Кавказской археографической комиссии.

На Шестом съезде в Одессе (1884 г.), где главное внимание участников приковало к себе археологические памятники древней Таврии, по VI отделению рефератов также было немного. Региональная тема прозвучала в сообщении Ф. Ф. Лашкова «Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве» (по архивам Таврического дворянского собрания и губернского правления)⁷. Другой реферат — Я. Ф. Головацкого из Виленской археографической комиссии — был посвящен подготовке тома образцов деловой письменности Литовско-Русского княжества XV—XVI вв.⁸

В докладе об изучении истории Ярославского края на Седьмом археологическом съезде в Ярославле (1890 г.) Д. А. Корсаков остановился на ее источниках, отметив обилие древних письменных памятников в церквях и монастырях и коснувшись известных частных собраний И. А. Бахрамеева и В. И. Лествицына в Ярославле и А. А. Титова в Ростове⁹. Были заслушаны рефераты М. А. Колчина об актах архива Соловецкого монастыря¹⁰ и А. С. Верещагина о Вятском летописце¹¹.

На Восьмом археологическом съезде в Москве (1890 г.) большое место заняли сообщения, посвященные крупнейшим московским архивам, главным образом МАМЮ. В этом архиве тогда уже ощущались некоторые результаты реализации планов Н. В. Калачова, бывшего его управляющим в 1865—1885 гг., — все новые группы документальных материалов, разобранные и описанные, открывались для исследователей. Шла подготовка к изданию «Памятной книжки» МАМЮ, которая должна была познакомить читателей с его богатым содержанием. Составители ее спешили поделиться своими сведениями. На этом съезде, в частности, было положено начало сообщениям сотрудников МАМЮ о материалах архива по региональной истории. Такой характер носил доклад А. А. Гоздаво-Голомбиевского «Дела губернских и провинциальных присутственных мест, упраздненных в 1864 г., и дела старого городского управления Москвы, поступившие в Архив министерства юстиции»¹². В нем подводились итоги предпринятой по инициативе Калачова концентрации старейших материалов местных учреждений дореформенной России. К этому времени, по данным докладчика, в МАМЮ были сосредоточены материалы 1000 учреждений из 453 городов. Сведения, сообщенные в докладе, вызвали большой интерес. Ведь в документах, о которых шла речь, была отражена, как выразился один из слушателей, вся административно-судебная практика XVIII в. и содержался богатый материал

⁴ «Труды IV АС», т. II. Казань, 1891, стр. 1—2.

⁵ Там же, стр. 37.

⁶ «Труды V АС». М., 1887, Приложение, стр. 104.

⁷ «Труды VI АС», т. IV. Одесса, 1889, стр. 96.

⁸ Там же, т. II. Одесса, 1888, стр. 419.

⁹ «Труды VII АС», т. III. М., 1892, стр. 107.

¹⁰ Там же, стр. 50.

¹¹ Там же, т. I. М., 1890, стр. 117.

¹² «Труды VIII АС», т. IV. М., 1897, протоколы, стр. 105.

по XVII и даже XVI вв. Доклад Гоздаво-Голомбиевского и развернувшиеся по нему прения интересны еще и тем, что в них обсуждался вопрос о научно-справочном аппарате архива. Кроме того, по материалам МАМЮ были сделаны сообщения: А. А. Гоздаво-Голомбиевского «Столы Разрядного приказа в 1660—70 гг.»^{12а}, В. Н. Сторожева «Десятни как источник для изучения истории русского провинциального дворянства в XVI и XVII веках»¹³ и его же «Засечные книги как историко-географический и археологический материал»¹⁴. Материалы МГАМИД составили основу сообщений Ф. Ф. Лашкова «Крымские пертные грамоты XVI—XVII вв., хранящиеся в МГАМИД»¹⁵ и Ф. А. Бюлера «Сведения о прежних помещениях нынешнего МГАМИД»¹⁶. Было прочитано и несколько сообщений о местных архивах. Два реферата В. В. Птицына ознакомили слушателей с составом и печальным состоянием архивов в сибирских городах Киренске¹⁷ и Илимске¹⁸. Для спасения архивов Птицын предлагал своеобразный выход — поручить их упорядочение «интеллигентным государственным ссыльным», приведя пример Селенгинского городского архива, который, по его словам, с разрешения забайкальского губернатора был приведен в порядок «ссыльным Шамариным». Доклад А. А. Дмитриевского «Архив греческого Нежинского братства»¹⁹ тоже рисовал картину гибнущего архива.

Девятый археологический съезд происходил в 1893 г. в Вильне. Большая часть его заседаний была посвящена древностям «северо-западного края», т. е. литовских и белорусских губерний. На пленарном заседании 10 августа выступил Д. Я. Самоквасов, с 1890 г. управляющий МАМЮ, с докладом «Об организации и деятельности центральных архивов древних актов в западных губерниях»²⁰. Он сообщил о результатах работы комиссии, образованной с его участием в 1892 г. при Министерстве народного просвещения для обсуждения мер к улучшению положения западных архивов. Комиссия выработала для них «Правила», которые предусматривали увеличение штатов и уравнивание служащих архивов по положению с чиновниками ведомства народного просвещения. («Правила» были направлены на утверждение правительства, но это утверждение затянулось до 1902 г.) Первоочередной задачей архивов Самоквасов считал описание документов, которое он советовал осуществлять в два этапа: 1) инвентарное описание по отделам с алфавитными указателями и 2) систематическое научное описание по группам документов.

В остальных выступлениях на съезде характеризовались отдельные комплексы документальных материалов. Так, В. М. Плоцанский сделал доклад о содержании и значении древнейших актовых книг Виленского архива — гродских книг г. Холма XV—XVII вв.²¹ Священник Л. Паевский представил подробное сообщение об архивах г. Бреста и Жировицкого монастыря²². А. Н. Львов рассказал о так называемом «Архиве греко-униатских митрополитов», хранившемся в архиве Синода²³.

На съезде в Вильне был также прочитан доклад И. И. Васильева

^{12а} «Труды VIII АС», т. IV, протоколы, стр. 179.

¹³ Там же, стр. 70.

¹⁴ Там же, стр. 30.

¹⁵ Там же, т. II. М., 1895, стр. 191.

¹⁶ Там же, т. IV, стр. 198.

¹⁷ Там же, т. III. М., 1897, стр. 333.

¹⁸ Там же, стр. 331.

¹⁹ Там же, т. IV, стр. 178.

²⁰ «Труды IX АС», т. II. М., 1897, стр. 79.

²¹ Там же, т. I. М., 1895, стр. 154.

²² Там же, стр. 299.

²³ Там же, т. II, стр. 81.

«Архив упраздненного Рижского генерал-губернатора»²⁴. Этот доклад примыкал уже к тематике следующего, Десятого, археологического съезда, собравшегося в 1896 г. в Риге, на археографическом отделении которого шла речь об архивах и материалах по истории прибалтийских губерний. Еще в трудах предварительного комитета этого съезда были помещены статьи о прибалтийских архивах, как, например, статья Я. И. Лудмера о так называемом «герцогском архиве» в Митаве и перевод описи его документов²⁵. Об этом же архиве говорил на самом съезде Г. Дидерихс²⁶, член Общества истории и древностей Прибалтийского края, указывая на плохие условия хранения и царивший в архиве беспорядок. Он закончил свое выступление пожеланием, чтобы архив был передан курляндскому дворянству, т. е. ходатайствовал о передаче целого архива государственного происхождения в руки частной сословной корпорации. Такая постановка вопроса была вообще характерна для представлявшегося им ученого общества, выражавшего интересы немецко-дворянского элемента в Прибалтике. Возражая ему, Д. А. Корсаков настаивал на том, что архив должен оставаться в ведении государственного учреждения, но признавал необходимым приведение его в порядок и назначение туда ученого архивиста. По ходатайству съезда правительство приняло меры к улучшению положения «герцогского архива» в Митаве и «шведского архива» в Риге: им были предоставлены более удобные помещения и созданы комиссии для заведования ими с участием представителей местных историков и дворянства. Это был компромисс, сочетавший привычную для царского правительства уступку остзейскому дворянству с ликвидацией предлога для его притязаний на полное овладение архивами.

На Десятом съезде заслушаны были также доклады А. Н. Филиппова «Центральные русские архивы и их значение для истории Прибалтийского края в XVIII в.»²⁷ и Н. Ф. Беляшевского «Материалы по истории Прибалтийского края, хранящиеся в архивах бывшего финансового управления Царства Польского»²⁸.

В работах Одиннадцатого археологического съезда в Киеве (1899 г.) вопросы архивного дела заняли очень большое место. Им было посвящено 11 докладов, не считая многочисленных сообщений и выступлений в дискуссиях. Часть докладов и сообщений касалась архивов на территории Украины. Предварительный комитет съезда заранее поручил нескольким лицам обследование и описание архивов края. Так, например, М. М. Плохинский составил характеристику 20 архивов Черниговской губернии²⁹. В. С. Эйнгорну было поручено изучение архивов в Киеве, Чернигове и Харькове, А. В. Стороженко — описание Сулимовского архива, И. М. Каманину — осмотр частных архивов в пределах Волыни и Подолии. Не все эти задания были выполнены; то, что было сделано, нашло отражение в докладах и рефератах на съезде.

Д. И. Багaley выступил на съезде с докладом «О необходимости превращения Харьковского исторического архива в центральный архив»³⁰. Он рассказал историю этого архива, созданного трудами членов Историко-филологического общества при Харьковском университете при его личном участии и руководстве. Охарактеризовав содержание архива, заключавшего в себе ценные материалы по истории Левобережной и Слободской

²⁴ Там же, стр. 82; «Труды Московского предварительного комитета X АС», вып. I. М., 1895, стр. 71—76.

²⁵ Там же, стр. 77—81; вып. II. М., 1896, стр. 224.

²⁶ «Труды X АС», т. III. М., 1900, стр. 109.

²⁷ Там же, т. I. М., 1899, стр. 340.

²⁸ Там же, т. III, стр. 67.

²⁹ «Древности. Труды археографической комиссии имп. Московского археологического общества», т. I. М., 1898, стр. 1—190.

³⁰ «Труды XI АС», т. II, ч. I. М., 1902, стр. 12.

Украины, он обрисовал тяжелое положение, в котором архив находился ввиду недостатка помещения, материальных средств и отсутствия штатов. Багалея настаивал на том, что Харьковский архив, имеющий государственное значение, не может существовать на правах участного предприятия и должен быть превращен в центральный архив древних актов по образцу Киевского и Виленского, содержавшихся на государственной счет. Ходатайство Багалея было поддержано съездом.

Доклады О. И. Левицкого «Об актовых книгах, относящихся к истории юго-западного края и Малороссии»³¹, И. М. Каманина «О волынских и подольских архивах»³², Л. М. Савелова «Об архивах дворянских депутатских собраний»³³ сообщали сведения о происхождении и современном состоянии отдельных категорий архивов и документальных материалов. Д. В. Цветаев в докладе «Варшавские архивы»³⁴ дал краткий обзор материалов, хранившихся в ведомственных архивах г. Варшавы, остановившись подробнее на тех из них, которые содержали старинные акты. Он подчеркнул, что названные им архивы не нужны для текущей работы учреждений, и заключил доклад выводом о необходимости коренного преобразования варшавских архивов в связи с общей реформой архивов в стране. Предложения Багалея и Цветаева перекликались с принятыми съездом решениями по проекту архивной реформы (см. ниже).

К архивной тематике в определенной мере относились также доклады И. М. Каманина «Об экспертизе древних подложных документов»³⁵ (постановка вопроса об организационной стороне дела, вызвавшая оживленную дискуссию) и Е. Ф. Шмурло «Об учреждении русской исторической комиссии в Риме»³⁶ (предложение создать по примеру других стран постоянную комиссию в Риме для изучения материалов по истории России в открытой для исследователей части Ватиканского архива).

Региональная тематика определила содержание ряда сообщений и на Двенадцатом археологическом съезде в Харькове (1902 г.): М. Н. Бережкова «О рукописном собрании П. Я. Дорошенко в Глухове»³⁷, Н. И. Короленко «Войсковые архивы Кубанского казачьего войска»³⁸, Д. П. Миллера «Архивы Харьковской губернии»³⁹, В. В. Иванова «Об архивных материалах по Слободской Украине»⁴⁰, И. Катаева «Описание рукописного материала по истории Слободской Украины в Московском отделении архива Главного штаба»⁴¹. Большинство сообщений явилось результатом обследований, произведенных по поручению предварительного комитета съезда.

Эта традиция проявилась и при подготовке к Тринадцатому съезду 1905 г. в Екатеринославе. Теперь изучались архивы Новороссии и Крыма. В Москве к этому делу была привлечена группа студентов, работавших под руководством М. В. Довнар-Запольского. Среди них был В. И. Пичета, для которого участие в обследовании архивов было, по-видимому, одним из первых соприкосновений с архивным делом, которому он впоследствии отдал столько трудов. Черниговская архивная комиссия, принимавшая активное участие в подготовке съезда, положила в основу своей работы предложенную В. Н. Сторожевым программу выявления материалов для истории помещичьего крепостного хозяйства XVII—начала XIX в. Итоги

³¹ «Труды XI АС», т. II, ч. I, стр. 55.

³² Там же, ч. III, стр. 154.

³³ Там же, ч. I, стр. 27.

³⁴ Там же, стр. 48.

³⁵ Там же, стр. 38.

³⁶ Там же, стр. 18.

³⁷ «Труды XII АС», т. II. М., 1905, стр. 93.

³⁸ Там же, стр. 63.

³⁹ Там же, т. III. М., 1905, стр. 376.

⁴⁰ Там же, стр. 378.

⁴¹ Там же, т. II, стр. 14.

предварительных изысканий излагались на съезде в докладах и рефератах: В. А. Беднова «Краткие сведения об архиве Самарского Пустынно-Никольского монастыря»⁴², его же «Сведения об архиве Екатеринославской духовной консистории»⁴³, А. Богумила «Ордена кн. Потемкина по архивным документам»⁴⁴, В. И. Пичеты «Несколько данных по истории крестьянства и хозяйства в Екатеринославском уезде в начале XIX в.»⁴⁵, А. И. Маркевича «К истории крымских архивов»⁴⁶.

Д. Я. Самоквасов выступил на этом съезде с большим докладом, познакомившим слушателей с работой сотрудников МАМЮ, в частности, над сборниками «Архивные материалы». При этом он подверг резкой критике подготовку русских историков в области специальных исторических дисциплин и доказывал необходимость создания кафедр и школ архивоведения⁴⁷. На следующем, Четырнадцатом, съезде в Чернигове (1909 г.) он также сделал доклад, названный им «Документы МАМЮ»⁴⁸, в котором изложил историю складывания архива и вошедших в него комплексов документальных материалов.

На Пятнадцатом археологическом съезде в Новгороде (1911 г.) положение и состав некоторых архивов освещались в сообщениях И. Я. Стелецкого «К 10-летию комиссии по разбору и уничтожению дел Московского губернского архива старых дел»⁴⁹, А. А. Миронова «Несколько слов об архивах уездных дворянских учреждений»⁵⁰, А. Г. Фейерэйдена «О положении архивов в Прибалтийском крае»⁵¹.

Таким образом, на заседаниях археологических съездов мало-помалу вырисовывалась картина состава и состояния различных архивов России, дополнявшая подобного же рода сведения, все чаще появлявшиеся на страницах «Трудов» губернских ученых архивных комиссий, Археологического института и других изданий. Эта обстановка постепенно расширяющейся информации об архивах и растущего интереса к ним со стороны историков была тем фоном, на котором происходило обсуждение общих проблем организации архивного дела. Инициатором включения их в программу археологических съездов явился Н. В. Калачов — наиболее значительная и авторитетная фигура в русском архивоведении своего времени. На Первом съезде, как известный специалист по памятникам истории права, он был председателем отделения «Древности юридические» и выступал там с докладом. Но разговор о судьбе русских архивов он считал необходимым вынести на пленарное заседание. Работая в составе предварительного комитета по созыву съезда, он включил в перечень общих вопросов, предложенных к обсуждению, пункт, представляющий собой целую программу: «Архивы. — Какие документы должны составлять архив? Разделение архивов на частные и общественные, или правительственные. Какие должны быть постановлены правила при разборе документов с целью признания одних подлежащими хранению, а других уничтожению? Какие должны быть приняты способы хранения документов в архивах для предохранения их от сырости, огня и порчи? На какие отделы должны быть распределяемы и как должны быть размещаемы документы для занятия ими в архиве возможно меньшего пространства и для удобнейшего пользования ими? Какие реестры или другого рода описания должны быть им составляемы? Что из этих опи-

⁴² «Труды XIII АС», т. II. М., 1908, стр. 174.

⁴³ Там же, стр. 185.

⁴⁴ Там же, стр. 242.

⁴⁵ Там же, стр. 234.

⁴⁶ Там же, стр. 106.

⁴⁷ Там же, стр. 153.

⁴⁸ «Труды XIV АС», т. III. М., 1911, стр. 123.

⁴⁹ «Труды XV АС», т. I. М., 1914, стр. 145.

⁵⁰ Там же, стр. 165.

⁵¹ Там же, стр. 167.

саний подлежит изданию в свет и что должно быть предметом секретных отделов архива?..»⁵²

Сам же Калачов и изложил свои соображения по перечисленным вопросам в докладе на «общем собрании» участников съезда 27 марта 1869 г.⁵³ Образцу рационально организованного архива он противопоставил картину тяжелого состояния большинства русских архивов и высказал убеждение в необходимости реорганизации архивного дела в стране. Мысли Калачова нашли поддержку у всех выступающих по его докладу⁵⁴. Н. А. Попов говорил о необходимости создания в России сети центральных архивов, примерами которых он считал Киевский и Виленский архивы древних актовых книг. Отвечая ему, Калачов сообщил между прочим, что он говорил по поводу централизации архивов с гр. Блудовым и тот его якобы поддержал и готовил по этому вопросу доклад царю. В дальнейшем упоминаний об этом не встречается. Идея Калачова поддержал также А. С. Гацисский, говоривший от имени статистических комитетов, и А. А. Мартынов, подкрепивший мнение о необходимости реформы рассказом о бедственном положении архивов Московской губернии. Калачов рассчитывал, что съезд примет какие-либо рекомендации в смысле утверждения правил разбора и описания дел, но никакой резолюции по его докладу не было принято будто бы «за недостатком времени», но съезд, конечно, и не был подготовлен к решению таких специальных и сложных вопросов.

Поэтому Калачов решил вернуться к ним на следующем съезде, сосредоточив внимание на организационной стороне дела, т. е. централизации архивов. В программу Второго археологического съезда был внесен пункт «Обсуждение мыслей Н. В. Калачова об устройстве архивов». Снова участвуя в подготовке съезда, Калачов организовал специальную комиссию для составления коллективного доклада об основных положениях проекта архивной реформы. В нее вошло 20 человек; кроме Калачова и председателя подготовительного комитета В. В. Вельяминова-Зернова, это были представители нескольких ведомств, преимущественно начальники ведомственных архивов. Результаты своей работы комиссия изложила в докладе, положив в основу его принципы, предложенные Калачовым. Доклад был прочитан на заседании Второго археологического съезда 20 декабря 1871 г.⁵⁵⁻⁵⁶ Заключавшиеся в нем предложения представляли собой первый проект реорганизации архивного дела в пореформенной России. Его осуществление явилось бы логическим результатом и продолжением буржуазных реформ государственного аппарата и отвечало бы потребностям русской исторической науки. Идея централизации нашла свое выражение в создании Главной архивной комиссии и конституированном положении центральных исторических архивов. В проекте, однако, давали себя знать и ведомственные традиции: так, столичные центральные (т. е. исторические) архивы мыслились как ведомственные, находящиеся при министерствах, причем Главная архивная комиссия должна была сноситься с ними через соответствующие ведомства. Сомнение в возможности создать благоустроенные архивы на местах заставило Калачова предусмотреть центральные губернские архивы в виде каких-то промежуточных хранилищ, передающих ценные исторические материалы в Петербург или Москву. Этот пункт вызвал возражения при обсуждении доклада на съезде. При дальнейшей разработке проекта Калачова центральные архивы на местах выступали уже как хранилища с постоянным составом документальных материалов. На съезде

⁵² «Труды I АС», т. I. М., 1871, стр. XV.

⁵³ Там же, стр. 207.

⁵⁴ Там же, стр. LV—LVI.

⁵⁵⁻⁵⁶ «Труды II АС», вып. II. СПб., 1881, стр. 66

проект обсуждался недолго, что можно объяснить и тем, что большинство компетентных в архивных вопросах участников съезда входили в состав готовившей его комиссии. Правда, в ходе обсуждения обнаружились и иные точки зрения, выражавшие недоверие к правительственным мероприятиям по реорганизации архивов. М. О. Коялович выразил мнение, что «лучше было бы отдать архивы в распоряжение не чиновников, которые уж слишком часто обманывали возлагавшиеся на них надежды, а ученому ведомству»⁵⁷. В. И. Григорович, в свою очередь, предложил передать архивы земствам. Но их высказывания не были поддержаны. Все, имевшие на практике дело с архивами, понимали, что надежную правовую и материальную базу для исторических архивов в России в состоянии обеспечить лишь государство. Доклад комиссии Калачова был утвержден съездом и в числе других ходатайств представлен на рассмотрение правительства. Первоначально это представление не имело последствий, но позднее, благодаря личным хлопотам и влиянию Н. В. Калачова как сенатора и видного чиновника Министерства юстиции, в 1873 г. при Министерстве народного просвещения создалась «Комиссия об устройстве архивов». Ее история излагалась в архивоведческой литературе⁵⁸, и ниже мы остановимся лишь на некоторых моментах, не освещавшихся ранее и связанных с археологическими съездами.

С сообщением о деятельности этой комиссии Калачов выступил на заседании Третьего археологического съезда. Основное внимание он уделил предложениям комиссии по проекту устройства областных центральных, т. е. общих для учреждений всех ведомств, архивов в некоторых городах России, причем в каждом из них должны были концентрироваться документы из нескольких соседних губерний, связанных общностью исторических и географических условий. Для создания центральных архивов намечались города: Москва, Петербург, Киев, Варшава, Вильна, Архангельск, Новгород, Псков, Владимир, Ярославль, Нижний Новгород, Рязань, Пермь, Уфа, Саратов, Тифлис, Новочеркасск, Одесса и Кишинев⁵⁹. Проект устройства центральных архивов Калачов на этот раз дополнил предложением учредить при них исторические общества для научной разработки архивных материалов. Так в первый раз на археологическом съезде им была высказана мысль, воплотившаяся десятилетием позднее в создании губернских ученых архивных комиссий, на основах, однако, почти противоположных первоначальной идее, согласно которой исторические общества не должны были участвовать в создании архивов и управлении ими как правительственными учреждениями, но лишь принимать участие в изучении и опубликовании их документов. Идея создания исторических обществ в провинции возникла не случайно. Она была подсказана жизнью, тем возросшим интересом к местной старине, который был характерен для предреформенных и пореформенных лет. Во время археографических поездок, на археологических съездах, наконец, и как директор МАМЮ Калачов лично знакомился с местными историками, выслушивал их планы и сетования на трудности исторических исследований из-за недоступности и плохого состояния архивов. Ему были известны труды таких людей, как Н. И. Второв, собравший в Воронежском музее богатую коллекцию актов XVI—XVIII вв., А. С. Гацицкий, публиковавший на страницах «Нижегородского сборника» документы из местных архивов, тамбовский историк И. И. Дубасов и многие другие. Эти труды, знакомства и беседы убеждали его в том, что русская провинция богата силами, способными много сделать для изуче-

⁵⁷ Там же, стр. 67.

⁵⁸ *И. Л. Маяковский*. Очерки по истории архивного дела в СССР, стр. 262—266. Материалы комиссии 1873 г. см.: «Сборник материалов, относящихся до архивной части в России», т. II. Пг., 1917, стр. 436.

⁵⁹ «Труды III АС», т. I. Киев, 1878, стр. XXXVIII.

ния отечественной истории, тем более при наличии организующего центра и документальной базы в лице государственного архива, возглавляемого ученым архивистом.

Заседание съезда, выслушав Калачова, одобрило предложения комиссии, причем В. И. Григорович высказал пожелание, чтобы она занялась также и вопросом о сохранении и изучении частных архивов⁶⁰.

На Четвертом археологическом съезде в Казани Калачов выступил с рефератом «Некоторые данные о разработке материалов в наших архивах и об изучении нашего народного быта»⁶¹. К этому времени ему пришлось уже отказаться от надежды на скорую реализацию проектов создания Главной архивной комиссии и центральных архивов. Они были отклонены правительством под предлогом обремененности государственного бюджета в связи с войной, о чем и сообщил Калачов, говоря о результатах деятельности комиссии 1873 г. В конце своего реферата он снова вернулся к идее об организации местных исторических обществ, задачи которых он теперь значительно расширил, включив в них изучение памятников материальной культуры, сбор этнографического материала и даже распространение исторических знаний среди «простого народа». Говоря об обществах, Калачов вновь подчеркнул, что их создание «должно предшествовать учреждению центральных исторических архивов, где должны быть собраны официальные документы, а для заведывания ими должны быть поставлены уже приготовленные к делу архивисты». Но при сложившихся условиях, пока правительство отказывалось от осуществления архивной реформы, он выражал опасение, что «дело затянется», и, как временную меру для предотвращения гибели местных архивов, предложил казанским историкам сделать почин — найти в городе свободное казенное здание, собрать туда «излишние» документы и поручить надзор над ними любителям старины. В этом предложении, к которому съезд отнесся «благожелательно», уже ясно виден прообраз будущих губернских архивных комиссий. Положение о них 1884 г., составленное с участием Калачова, рассматривалось им как временный компромисс, вызванный затягиванием общего разрешения вопроса об архивной реформе. При подготовке проекта положения, как рассказывал позднее А. Н. Львов, постепенно убиралось все, на что заведомо не согласилось бы правительство.

В 1885 г. при личном участии Калачова открылись первые губернские ученые архивные комиссии — Рязанская, Орловская, Тамбовская и Тверская, за которыми последовали другие. Условия появления на свет его детищ были малоблагоприятны. Это был период политической реакции, когда власти косо смотрели на любые общественные начинания. Хотя предлагаемый состав комиссий «из образованных помещиков и чиновников» не должен был внушать правительству опасений, их деятельность была поставлена под строгий контроль губернаторов. Вместо того, чтобы развертывать научную работу на базе благоустроенных архивов, они должны были сами создавать исторические архивы буквально на пустом месте. Закон не обеспечивал их ни помещениями, ни средствами, ни определенными правами. Оставалась надежда лишь на бескорыстный труд и на «местные пожертвования в пользу науки». Деятельность губернских архивных комиссий можно рассматривать с двух точек зрения. Как местные исторические общества, какими они в сущности являлись по первоначальному замыслу Калачова и собственным взглядом на свои задачи, они представляли закономерное и положительное явление в культурной жизни провинции. Вне университетских центров других возможностей к объединению и организации работы любителей

⁶⁰ «Труды III АС», т. I. Киев, 1878, стр. XXXIX.

⁶¹ «Труды IV АС», т. I. Казань, 1884, стр. 19.

старшины и краеведов почти не было. Архивные комиссии привлекали в свой состав представителей местной интеллигенции, стремившихся трудиться в этой области. При всех недостатках их деятельность оставила немалые следы в собирании и разработке источников по местной истории и в этом смысле еще нуждается во внимательном изучении. Но как учреждения, призванные разрешить задачи упорядочения архивного дела, они заранее были обречены на неудачу⁶².

Калачову не пришлось увидеть результаты деятельности архивных комиссий — в 1885 г., когда она еще только начинала разворачиваться, он умер. Предполагалось, что комиссиями будет руководить Археологический институт, но после смерти Калачова институт ограничивался в основном лишь обобщением отчетов комиссий. Им приходилось до всего доходить самим, и поэтому большое значение приобретал обмен опытом. Благоприятный повод к этому давали археологические съезды. На многих съездах обсуждалось положение и деятельность комиссий.

Так, члены архивных комиссий, присутствовавшие на Седьмом съезде, устроили частное совещание «для решения некоторых общих вопросов», а именно: какие документы подлежат хранению и какими критериями пользоваться при разборе архивов, как возбудить интерес интеллигенции к работе комиссий и как поддерживать связь между комиссиями. По двум последним вопросам лучшими средствами было признано печатание «Трудов» комиссий и обмен ими. Первый вопрос представлял такие трудности для участников совещания, что, конечно, не мог быть разрешен сколько-нибудь определенно. Они лишь пришли к общему заключению, что, «чем больше будет сохранено материалов для истории, тем лучше, и поэтому не следует применять слишком строгой критики относительно достоинств разбираемых документов». При этом особенно подчеркивалась желательность сохранить документы, «в которых говорится о переходе владений от одних владельцев к другим, а также и такие, где упоминается родословная княжеских и дворянских фамилий»⁶³. В приведенных формулировках нашли отражение как теоретическая слабость, так и классовые интересы членов комиссий (заметим, что в данном совещании принимали участие главным образом представители комиссий центральных губерний, в которых дворянский элемент был преобладающим).

На заключительном заседании этого съезда И. И. Дубасов сделал сообщение о деятельности губернских комиссий, отметив неблагоприятные условия, с которыми комиссии уже столкнулись за недолгий период своего существования.

На Восьмом съезде с докладом под названием «О печальном положении наших архивов, преимущественно губернских, и о необходимости упорядочения всего архивного дела в России»⁶⁴ выступил А. Н. Львов, единомышленник и сотрудник Калачова по разработке его проекта архивной реформы. Рассказав о судьбе, постигшей этот проект, Львов перешел к оценке деятельности существующих учреждений — губернских архивных комиссий и Археологического института. Указав на недостатки в организации и работе архивных комиссий, он справедливо заключил, что они не могут обеспечить архивы от гибели. Что касается Археологического института, то Львов заметил, что при отсутствии широкой сети исторических архивов на подготавливаемых в нем специалистов почти нет спроса. Об архивах провинциальных учреждений он говорил, что «они горят, расхищаются, исчезают бесследно, наконец уничтожаются

⁶² Деятельность губернских ученых архивных комиссий по созданию исторических архивов освещалась автором в статье под тем же названием («Труды МГИИИ», т. V. М., 1954, стр. 79—118).

⁶³ «Известия Таврической губернской ученой архивной комиссии», вып. 2. Симферополь, 1897, стр. 2—3.

⁶⁴ «Труды VIII АС», т. III. М., 1897, стр. 274.

разными специальными комиссиями под видом дел „ненужных“. Львов упомянул о злоупотреблениях, о «массовом исчезновении из некоторых провинциальных архивов дел по известному вопросу или о пропаже дел, содержащих иногда юридические доказательства»⁶⁵. В заключение он предложил возбудить перед правительством новое ходатайство о пересмотре всего архивного законодательства и о приведении его в соответствие с тем значением, какое имеют архивы, и теми научными и практическими запросами, которые к ним предъявляются. Предложение Львова съезд принял. В примечании к тексту его доклада в «Трудах» съезда сказано: «По обсуждении общим собранием было постановлено просить Археологический институт в С.-Петербурге войти от имени съезда с ходатайством перед правительством по сему предмету. Ходатайство перед министерством народного просвещения было возбуждено директором Андреевским, но дело лежит до сей поры в министерстве без всякого движения»⁶⁶.

О положении губернских архивных комиссий на Восьмом съезде говорил председатель Таврической комиссии Ф. Ф. Лашков, предложивший свой проект преобразования комиссии⁶⁷, который он просил представить правительству от имени съезда. Проект сводился к следующим положениям: 1) архивные комиссии пользуются правом беспрепятственного доступа для занятий в архивах губернских и уездных учреждений, 2) в исторические архивы комиссий передаются целиком дела губернских и уездных учреждений до середины XIX в., 3) исторические архивы должны быть признаны официальными учреждениями, что необходимо для придания юридической силы выдаваемым ими справкам, 4) во главе исторического архива должен стоять ученый архивист, 5) губернские ученые архивные комиссии должны быть отделениями Археографической комиссии и получать небольшую государственную субсидию.

Это был первый из выдвинувшихся архивными комиссиями проектов их реорганизации. Положения, выдвинутые Лашковым, были довольно типичны и присутствовали в разных вариантах в других проектах. Проект Лашкова встретил немало возражений. Самое основательное принадлежало Львову, который считал, что вопрос должен быть решен общим правительственным постановлением о губернских архивах⁶⁸.

В истории архивного дела в России особое место принадлежит Одиннадцатому и Двенадцатому археологическим съездам. С ними связана наиболее активная и хорошо подготовленная попытка исторической общестственности воздействовать на правительство в направлении централизации архивов.

В программу Одиннадцатого съезда было внесено 17 вопросов, касающихся архивного дела (большая часть их — по предложению Львова). Центральное место занял вопрос об архивной реформе, проект которой поручили подготовить Д. Я. Самоквасову⁶⁹. Актуальность проблемы ощущалась большинством участников съезда, многого от него ожидавшим. Их настроение хорошо выразил Д. В. Цветаев в своей речи по случаю его избрания почетным председателем на одном из заседаний, посвященных архивам. «Дело это теперь у нас самое важное, жизненное и наиболее назревшее, — сказал он. — Направляясь на съезд, мы наперед знали и сознавали, что оно будет для нас центральным»⁷⁰. Зачинщиком дискуссии об архивах опять выступил А. Н. Львов. В докладе «Русское за-

⁶⁵ «Труды VIII АС», т. III, стр. 275.

⁶⁶ Там же, стр. 277.

⁶⁷ Там же, т. II. М., 1895, стр. 209.

⁶⁸ Там же, т. IV. М., 1897, стр. 182.

⁶⁹ О проекте Самоквасова см.: *И. Л. Маяковский. Очерки по истории архивного дела в СССР*, гл. XVII.

⁷⁰ «Труды XI АС», т. II, ч. III, стр. 90.

конодательство об архивах»⁷¹ он снова подверг очень резкой критике положение, сложившееся в архивах страны, устарелость, неполноту и противоречивость архивного законодательства. Он настаивал на необходимости еще раз возобновить ходатайство Второго съезда о коренной реформе всего архивного дела и предлагал избрать из представителей Одиннадцатого съезда специальную комиссию по образцу калачовской для подготовки доклада о проекте ее.

Доклад Львова и дополнивший его реферат А. С. Раевского «Что случилось с калачовской комиссией 1873 г.»⁷² вызвали оживленные прения, в которых проявились различные точки зрения. Большинство участников поддержали предложение создать комиссию при съезде, но некоторые, прежде всего представители Археологического института Н. В. Покровский и Н. Г. Николаев, уже выступавшие против проекта Самоквасова в ходе его предварительного обсуждения, стремились затянуть вопрос. Наконец, на специальном «административном заседании» археографического отделения решили комиссию при съезде создать. В нее вошли А. Н. Львов, Д. И. Багалей, Н. В. Покровский, М. В. Довнар-Запольский, П. В. Голубовский и представители губернских архивных комиссий В. Н. Поливанов (Симбирск), И. И. Дубасов (Тамбов), А. А. Савельев (Нижний Новгород) и С. Д. Яхонтов (Рязань).

Комиссия на трех заседаниях рассмотрела проект приехавшего на съезд позднее других Самоквасова и приняла его с некоторыми поправками, внесенными главным образом по настоянию представителей губернских архивных комиссий. Тем временем сторонниками реформы был организован на археографическом отделении доклад А. П. Воронова «Французские областные архивы»⁷³, который также должен был поддерживать идею централизации архивного дела опытом страны, к тому времени наиболее успешно ее осуществившей.

Свой проект с внесенными поправками Самоквасов доложил на заседании археографического отделения, предпослав ему реферат «Централизация государственных архивов в Западной Европе в связи с архивной реформой в России»⁷⁴, представлявший собой конспективное изложение его одноименного печатного труда. Основные положения предложенного проекта предусматривали создание в России системы специальных архивных учреждений, а именно: Архивного управления на правах самостоятельного ведомства, центрального исторического архива для материалов центральных государственных учреждений до 1825 г., двенадцати областных исторических архивов для материалов до 1775 г. и исторических архивов в губернских центрах с материалами после 1775 г. Все исторические архивы должны были действовать, как публичные, открытые для исследователей. Проект Самоквасова, как и проект Калачова, выражал идею буржуазной централизации архивного дела, ограниченной лишь сферой правительственных архивов. Но в проекте Самоквасова эта идея проведена более последовательно, особенно в отношении центрального органа управления архивами. Если Калачов и его комиссии предполагали создать этот орган в системе Министерства народного просвещения, то Самоквасов настаивал на необходимости его самостоятельного вневедомственного положения и прямого подчинения Государственному совету. Самоквасов предусматривал и гораздо более широкие права Архивного управления, непосредственно подчиняя ему все исторические архивы (правда, делалось исключение для некоторых «вполне благоустроенных» ведомственных архивов — тоже уступка ве-

⁷¹ Там же, ч. I, стр. 1.

⁷² Там же, ч. III, стр. 59.

⁷³ Там же, ч. I, стр. 43.

⁷⁴ Там же, ч. III, стр. 105—107.

домственным традициям), тогда как Главная архивная комиссия по проекту Калачова должна была сноситься с архивами через посредство соответствующих министерств. Осуществление проекта Самоквасова явилось бы крупным шагом вперед в развитии архивного дела в стране. Последовательное осуществление принципа публичности исторических архивов сделало бы возможным и более широкое использование их историками демократического направления (к которым сам Самоквасов не принадлежал).

Дополнения к проекту, принятые на заседаниях специальной комиссии при Одиннадцатом археологическом съезде, касались губернских ученых архивных комиссий, о которых в проекте Самоквасова вначале вовсе не упоминалось. Они сводились к следующему: комиссии «сохраняют самостоятельное значение местных ученых обществ по хранению и разработке местных древностей, приглашаются Центральным архивным управлением к содействию в централизации, издании и научной разработке архивов общественных учреждений, а также и частных в случае согласия владельцев этих последних», «для хранения своих исторических архивов пользуются особым помещением в здании губернского центрального архива, а для научных своих работ и издания исторических документов получают от правительства необходимую субсидию»⁷⁵.

Эти дополнения не были отступлением от принципа централизации, поскольку не предусматривали вмешательства комиссий в деятельность государственных архивов. Возложение же на них задач, связанных с общественными и частными архивами, можно считать довольно последовательным решением вопроса, так как эти задачи не входили в компетенцию государственных архивных учреждений. Правда, в решениях, принятых съездом, была еще формулировка, как бы предполагающая и иное разрешение проблемы: «Ходатайствовать перед правительством об оказании существующим губернским ученым архивным комиссиям пособия в размере 1500 р. ежегодно, ввиду того, что губернские архивные комиссии являются пока единственными учреждениями, на которые возложена правительством охрана и собирание древностей, как письменных, так и предметных, и на которые в будущем будет возложена важная задача при организации архивного дела в России»⁷⁶. И. Л. Маяковский придавал ей большое значение, как прецеденту для противопоставления проекту централизации архивов проекта организации архивного дела при помощи комиссий, который выдвигался в последующие годы Министерством внутренних дел, Русским историческим обществом и Археологическим институтом⁷⁷.

В ходе обсуждения проекта Самоквасова на съезде высказывались возражения по частным вопросам, но большинство участников съезда его поддержали. Особенно активно выступал в пользу проекта Д. И. Багалей. По предложению В. С. Иконникова проект был принят в целом, и съезд ходатайствовал перед правительством о его осуществлении. Кроме того, съезд просил правительство издать специальное распоряжение, запрещающее уничтожение документов в учреждениях, и предоставить губернским ученым архивным комиссиям упомянутую субсидию. Однако перечисленные ходатайства (а также ходатайство о превращении Харьковского исторического архива в государственный), поданные от имени съезда через Московское археологическое общество, не были удовлетворены.

Поскольку никаких сведений о судьбе проекта архивной реформы не поступало, в 1902 г. этот наболевший вопрос снова был поднят на Две-

⁷⁵ «Труды XI АС», т. II, ч. III, стр. 84.

⁷⁶ Там же, стр. 86.

⁷⁷ И. Л. Маяковский. Очерки по истории архивного дела в СССР, стр. 279, 281.

надцатом археологическом съезде. Докладчиком опять был Самоквасов, выступивший на заседаниях археографического отделения 23 и 26 августа. В первом выступлении он дал очерк истории русского архивного законодательства⁷⁸, вкратце пересказав содержание соответствующих глав своей книги «Архивное дело в России». На втором заседании он изложил проект реформы в новом, несколько упрощенном виде, предусматривавшем создание Центрального архивного управления, центрального исторического архива в Москве и 90 центральных губернских архивов⁷⁹. Кроме того, в нем говорилось о необходимости законодательного запрещения уничтожения дел в архивах всех ведомств, о строительстве специальных зданий для архивов и о создании кафедр архивоведения в Москве и Киеве.

Как и на предыдущем съезде, предложения Самоквасова вызвали возражения. Против отдельных положений его доклада выступали члены губернских архивных комиссий Л. М. Савелов (Воронеж) и В. С. Малченко (Пермь)⁸⁰. Они оспаривали даже утверждение, что бесконтрольное уничтожение документов в учреждениях ведет к гибели исторических памятников, и говорили, что уничтожаются лишь дела, не имеющие ценности, игнорируя многие общеизвестные факты, в том числе сообщенные П. С. Уваровой в отчете предварительного комитета съезда. Характерна еще одна точка зрения. «Централизация в архивном деле нужна, — говорил Малченко (кстати, один из самых деятельных и знающих членов Пермской архивной комиссии), — но зачем же непременно бюрократическая? Почему не заняться объединением и развитием трудов губернских ученых архивных комиссий, а непременно создавать чиновников?» Опасения, что централизация архивов приведет к насаждению в них бюрократических порядков, свойственных администрации царской России, разделялись как некоторыми реакционными элементами, так и частью прогрессивно настроенных членов архивных комиссий, считавших, что создание государственных архивов на бюрократической основе может затруднить доступ к документальным материалам и их научное использование.

В отношениях Самоквасова с архивными комиссиями давал себя знать и личный момент: члены комиссий считали себя оскорбленными критикой их деятельности в книге «Архивное дело в России», во многом справедливой, но односторонней и очень резкой по форме. Имело здесь место и некоторое психологическое противостояние — старые члены комиссий еще питались либеральными идеями 60-х годов, утверждавшими веру во всякого рода общественные начинания. Самоквасов принадлежал другому времени; буржуазный ученый консервативных взглядов, он с пренебрежением относился к общественной инициативе. Но он, разумеется, был прав в основном: централизация архивов была возможна только на государственной основе.

И на этот раз, несмотря на возражения, предложения Самоквасова были приняты. Совет съезда обратился к правительству с новым ходатайством, разделившим судьбу предыдущих.

И. Л. Маяковский в своей книге приводит важные подробности рассмотрения проектов реформы архивов в правительственных и ученых сферах. Думается все же, что он несколько преувеличил роль губернских ученых архивных комиссий в отклонении проектов (за редкими исключениями комиссии поддерживали идею централизации архивного дела), а также покровительственное отношение к ним царского правительства. Ведь даже просимой субсидии им в то время не дали; она была предо-

⁷⁸ «Труды XII АС», т. III, стр. 345.

⁷⁹ Там же, стр. 374.

⁸⁰ Там же, стр. 375.

ставлена им значительно позднее и не сыграла существенной роли в облегчении их положения.

После Двенадцатого съезда широкие проекты архивных реформ больше не выдвигались, хотя тяжелое положение архивов неоднократно было предметом обсуждения. На Тринадцатом и Четырнадцатом археологических съездах много говорили о частных архивах, необходимости их изучения и спасения от гибели, но действенные меры для этого предложить было трудно, и все кончалось разговорами.

Здесь уместно заметить, что в те же годы вопросы, касающиеся архивов, обсуждались и на областных археологических съездах, которые собирались в Ярославле (1901 г.), Твери (1903 г.), Владимире (1906 г.) и Калуге (1908 г.). На первых двух из названных съездов речь шла главным образом об ученых архивных комиссиях и рассматривались различные варианты их преобразования, мало отличавшиеся от предлагавшихся ранее. Но на Владимирском съезде был предложен один довольно интересный проект, не упоминавшийся еще в нашей архивоведческой литературе. Его автором был И. А. Тихомиров из Ярославской архивной комиссии. Он выступил с докладом «К вопросу об устройстве древлеведения в России»⁸¹, откликнувшись на вызвавшее тогда большой интерес в исторических кругах предложение о создании в России Комитета по охране древностей, проект которого готовила междуведомственная комиссия при Министерстве внутренних дел. Но проект Тихомирова отличается гораздо большей последовательностью. Вместо комитета с довольно расплывчатыми и ограниченными функциями (только охрана памятников) Тихомиров предлагал создание единой сети специальных учреждений, которые ведали бы историческими памятниками всех видов, в том числе и архивами, в самом широком смысле слова, т. е. не только их охраной, но и изучением, хранением, перемещением, реставрацией и т. п. Эти учреждения, которым он дал названия государственной и губернских «древностейных управ» (иначе — археологических управ или управ для правления древностями, изящное название ему не удалось придумать), выделяются в особое ведомство, а председатель государственной управы уравнивается в правах с министром. Губернские управы подчиняются государственной. Личный состав государственной управы должен был не назначаться правительством, но избираться «съездом ученых всей России». Члены губернских управ должны утверждаться государственной управой. Стремление к такой автономии вызывалось желанием уйти от контроля и вмешательства царской бюрократии.

По проекту Тихомирова, каждую отрасль «древлеведения», в их числе и архивным делом, должна заниматься в государственном и губернском масштабе отдельная группа специалистов. В их ведение должны быть переданы все государственные хранилища исторических памятников — архивы, музеи, галереи и т. п.

Судя по материалам Владимирского съезда, проект Тихомирова был просто заслушан без принятия какого-либо решения. Он не имел никаких последствий и остался как интересный документ, отразивший чаяния провинциального историка. Смелость проекта отражает обстановку в годы первой русской революции, давшей толчок многим прогрессивным идеям.

Если вопросы организации архивного дела заняли значительное место в работе археологических съездов, то этого никак нельзя сказать о вопросах научно-методического характера. Специальный доклад на тему такого рода ставился только один раз. Это доклад Г. Н. Шмелева «Теория и практика архивных описей» на Одиннадцатом съезде⁸². Однако

⁸¹ «Труды третьего областного историко-археологического съезда». Владимир, 1909, стр. 9.

⁸² «Труды XI АС», т. II, ч. I, стр. 30.

докладчику удалось лишь охарактеризовать встречающиеся в разных архивах типы описания документов. Обоснованные рекомендации и тем более теоретические обобщения в докладе отсутствовали, за что он подвергся критике со стороны слушателей. О методах описания архивных материалов говорилось и в прениях по некоторым докладам на других съездах, но дело не шло дальше рекомендации тех или иных видов или приемов описания, встречавшихся на практике. Ни разу не обсуждались вопросы научной классификации и систематизации документальных материалов, что свидетельствует об определенной незрелости дореволюционного архивоведения, для развития которого отсутствовали необходимые организационные предпосылки. Это понимали прогрессивные историки и архивисты, ставившие задачи научной работы архивов в связи с задачами их реорганизации.

* * *

Таким образом, материалы археологических съездов подтверждают, что русская историческая общественность неизменно проявляла большой интерес к проблемам архивного дела и живо ощущала необходимость его упорядочения и постановки на научную основу.

Наиболее смелые и последовательные проекты архивной реформы в стране исходили из среды археологических съездов и Московского археологического общества, что следует поставить им в несомненную заслугу.

Проекты централизации архивного дела встречали неизменную поддержку большинства деятелей, связанных с исторической наукой. Они получали также одобрение и подавляющего большинства губернских ученых архивных комиссий; попытки комиссий расширить свои права и получить субсидии не идут с этим вразрез: они, естественно, стремились улучшить свое положение как местные исторические общества, в качестве которых могли принести несомненную пользу (и приносили ее даже в тяжелых условиях). Хотя в составе комиссий были и представители реакционной идеологии, противившиеся всему новому, они не получали широкой поддержки.

В целом русская историческая интеллигенция была морально подготовлена к проведению централизации архивного дела. Виновником отставания архивного дела в дореволюционной России было царское правительство, и в этой области проявлявшее косность. Отказ его от реорганизации архивов в государственном масштабе объясняется как желанием сохранить их в монопольном распоряжении дворянской бюрократии, так и свойственным государственному аппарату царской России недостатком административной культуры. Ведь сама по себе централизация архивов не грозила его интересам. Перед ним был пример, скажем, Пруссии, где существовала централизованная система государственных архивов, оперативно обслуживавшая правительство и самую реакционную часть господствующих классов — прусское юнкерство, выполняя их социальный заказ, о чем свидетельствует хотя бы направление их публикаторской работы. Политика царского правительства находила отражение и в позиции наиболее реакционных научных учреждений типа Русского исторического общества, отвергавших проекты архивной реформы.

Реорганизация архивного дела в стране стала возможной только в результате революционного преобразования общества, уже в новых социальных условиях, исходила из совершенно иных теоретических и организационных принципов и по своим масштабам далеко превзошла все, о чем осмеливались мечтать самые решительные поборники централизации архивов в дореволюционной России.

М. И. Слуховский

ТЕРМИН «БИБЛИОТЕКА» В ФЕОДАЛЬНОЙ РОССИИ

Вопрос о развитии библиотечной терминологии у нас почти не ставился. Некоторое внимание было уделено определению основного понятия — библиотека; при этом наиболее известны работы С. А. Белокурова, Н. П. Лихачева, а также статья П. С. Кузнецова, посвященная этимологии данного термина¹. Еще более обильный фактический материал разбросан по общеисторическим публикациям. Настоящая заметка задумана в культурно-бытовом плане и ставит своей целью обзор материалов, известных в литературе, при максимальном приближении к первоисточникам.

Термин «библиотека», греческий по происхождению, на русской почве в сущности не привился вплоть до XVIII в. В древнюю пору в Византии применялось различное словоупотребление; в ходу было основное выражение «ἡ βιβλιοθήκη» («τὸ βιβλίον» — «книга», «ἡ θήκη» — «хранилище»). Студийский монастырский устав XI в.² знает для того же понятия выражение «ὁ τόπος τῶν βιβλίων»³ (буквально — «место для книг»). Предисловие к «Изборнику» Святослава 1073 г. гласит просто, что князь книгами «своя клѣти испълнь»⁴, т. е. библиотека отождествляется с комнатой. Позже промелькнуло слово «кнѣжнициѣ». На переводном «Хронографе» Иоанна Малалы в списке XV в. стоит выражение «въ соборнѣи книжнициѣ» («ἐν τῇ δημοσίᾳ βιβλιοθήκῃ»)⁵. Слово это также не привилось.

Неупотребление в среде русских книжников слова «библиотека» тем более примечательно, что византийско-православное влияние главенствовало в культурной жизни России. Католический Запад, откуда в Москву просачивались идеи Возрождения, применял греческую книговедческую терминологию. Россия же, соприкасавшаяся с государствами, где в ходу было слово «библиотека», у себя дома, как сказано, не при-

¹ С. А. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898; Н. П. Лихачев. Библиотека и архив московских государей в XVI столетии. СПб., 1894; П. С. Кузнецов. О форме слова «библиотека». — «Этимологические исследования по русскому языку», вып. 1. М., 1960.

² Это более поздняя редакция устава, принадлежащая перу патриарха константинопольского Алексия (1025—1043). Первичная редакция, связываемая с именем игумена Студийского монастыря Феодора (759—826), сохранялась преимущественно в устной традиции (И. Мансветов. Церковный устав (типик), его образование и судьба в греческой и русской церкви. М., 1885, стр. 83—120). Во всяком случае ранняя редакция устава начала IX в. не содержит сведений по нашему вопросу.

³ Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, пол. 2, изд. 2-е. М., 1904, стр. 620, прим. 2.

⁴ «Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года». СПб., 1880, л. 3.

⁵ И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1879, № LXXXIV, стр. 119; см. также П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 41.

няла этот интернациональный термин. Случаи его употребления крайне редки. Впервые он встречается в Геннадиевской «Библии» конца XV в., во второй главе «Второй маккавейской книги». Любопытно, что здесь он вошел в русскую речь не из греческого, а из латинского, передаточного, источника. «Маккавейские книги», излагающие библейские мифы с точки зрения интересов иудейского жреческого рода Маккавеев, переведены на русский язык с официальной католической «Вульгаты» («Vulgata versio») ⁶, в свою очередь переведенной около 400 г. с греческого языка на латинский блаженным Иеронимом. В Геннадиевской «Библии» читаем: «тако ж и како сътроащи библиотека събра ѿт странъ» ⁷. В оригинале «Вульгаты» здесь действительно сказано «bibliotheca» в винительном падеже («bibliothecam congregavit») ⁸.

Слово «bibliotheca», широко распространенное в западном средневековье, встречается уже у Цицерона и в христианской латыни. Как попало оно в новгородскую рукопись Геннадия? Наблюдения специалистов приводят к выводам любопытным. Прежде всегостораживает окончание на «а» («сътроащи библиотека») вместо «библиотеку» ⁹. Уклонение от обычного винительного падежа объясняется, возможно, тем, что переводчик был человеком нерусским и допустил опisku. В Погодинском списке «Библии», по тексту одинаковом с Геннадиевским, имеется помета, что «Маккавейские книги» по приказанию архиепископа новгородского Геннадия переведены в 7000 г. «от ... пресвитера пачеж мниха обители святого Домника именем Вениамина родом словенина, ведуща латинъскы язык и граматику ведуща ж отчасти и греческаго языка и фряжска...» ¹⁰.

Дополнительный анализ вскрывает личность упомянутого доминиканца, из католиков-хорватов ¹¹. Погодинский список «Библии» ранее датировался концом XV в., одновременно со списком Геннадиевским ¹². Недавно выяснено, что он относится к середине XVI в. ¹³, и помета Вениамина в нем есть копия с более ранней рукописи ¹⁴. С именем Вениамина связывается составление в конце XV в. публицистического трактата «Слово кратко» в защиту церковных имуществ ¹⁵. На рукописи творений Дионисия Ареопагита приписана в 1491 г. справка о дате захвата Константинополя турками и указан источник справки: «...а сказывал поп Веньямин, родом словенянин, а верою латынянин» ¹⁶. Наконец, установлено, что доминиканец в 1495 г., опять-таки по распоряжению Геннадия, «в дому архиепископли» выполнил еще перевод из католической

⁶ А. Горский и К. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отд. I. М., 1855, стр. 125.

⁷ П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 40.

⁸ «Biblia integra: summata: distincta: supemedata: utriusq[ue] testame[n]ti e[co]rdatijs illustrata». [Basilea, Joh. Froben de Hammelburck, 1491], liber machabeo[rum], [liber] II, правый столбец, у литеры D на полях. Из инкунабул, подобно этой, термин «bibliotheca» перешел и многократно встречается, наряду с термином «libraria», в позднейших переизданиях «Библии».

⁹ П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 40.

¹⁰ А. Горский и К. Невоструев. Указ. соч., отд. I, стр. 127, 128, прим.

¹¹ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. Библиографические материалы. СПб., 1903, стр. 255, 257, 258. Автор приурочивает работу Вениамина над «Маккавейскими книгами» не к 7000, а к 7001 г.

¹² А. Горский и К. Невоструев. Указ. соч., отд. I, стр. 127, 128, прим.

¹³ Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М., 1960, стр. 273.

¹⁴ Я. С. Лурье. К вопросу о «латинстве» геннадиевского литературного кружка. — «Исследования и материалы по древнерусской литературе», вып. 1. М., 1961, стр. 74, 76.

¹⁵ Там же, стр. 68.

¹⁶ «Слово кратко» в защиту монастырских имуществ». С предисл. А. Д. Григорьева. — «Чтения ОИДР», 1902, кн. 2, отд. II, стр. XXIV.

богословской литературы¹⁷. Таким образом, Вениамин, пришелец с Запада, активно участвовал в богословско-литературных работах геннадиевского кружка. Под пером Вениамина раннее появление термина «библиотека» на русской почве имеет наносный характер. Новизна термина потребовала расшифровки его для русского читателя: тут же на полях Погодинского списка «Библии» приписано толкование — «книжный дом»¹⁸. Наконец, характерен позднейший отказ от термина Вениамина и возврат к привычному словоупотреблению в печатной московской «Библии» 1663 г. В ней соответствующая фраза читается: «также строащи книгоположницѣ, собра также ѿ царѣхъ и прорѣцѣхъ»¹⁹.

Таким образом, наша отечественная библиотека упорно, на протяжении веков, чуждалась именованья себя библиотекой. Пожалуй, несколько чаще можно подметить фонетический «рейхлиновский» вариант этого наименования, с заменой «б» на «в» на основе «Речи тонкословия греческого». Так называлось руководство для разговора русских людей по-гречески, написанное в конце XV—начале XVI в., где даны транскрибированные русскими буквами слово «вивлиѡн» и производные от него²⁰. Отсюда родился вариант «вивлиофика». Опись имущества церкви Успения богородицы Львовского православного братства, составленная 12 марта 1637 г. писарем Константином Медзапетою, содержит раздел «Вивлиофика»²¹. Новый термин вошел в официальное употребление. «Привилегия» (устав) Славяно-латинской академии 1682 г., подписанная царем Федором Алексеевичем, именует библиотеку Печатного двора «государственную нашу вивлиофику»²².

Все же, за указанными исключениями, слово «библиотека» нашими предками почти не применялось. На коренной русской почве оно встречается всего однажды, едва ли не обмолвкой. Под 7110 (1602) г. Соловецкая летопись сообщает: «Построена у соборной церкви в паперти каменная палата для библиотеки»²³. По другим сведениям, названная соловецкая палата содержала в себе и оружие²⁴. Позднее слово «библиотека» встречается все чаще. В середине XVII в. Симон Азарьин упоминал «различные книги» «в библиотеке великой соборной церкви», т. е. кремлевском Успенском соборе²⁵.

¹⁷ Вениамином была переведена восьмая, последняя, часть литургического руководства французского канониста XIII в. Вильгельма Дуранда (Спекулятор) «Rationale divinum officiorum». Выбор Геннадия оправдан: это популярное пособие, составленное между 1286 и 1295 г., перепечатывалось до 1500 г. на Западе не менее 44 раз (В. Бенешевич. Из истории переводной литературы в Новгороде конца XV столетия. — «Сборник статей в честь А. И. Соболевского». Л., 1928, стр. 378—380).

¹⁸ Ф. Буслаев. Палеографические и филологические материалы для истории письмен славянских, собранные из XV-ти рукописей Московской синодальной библиотеки. . . — «Материалы для истории письмен восточных, греческих, римских и славянских. . .». М., [1855], (с отд. пагинацией) стр. 51.

¹⁹ «Библия сирѣчь книги ветхаго и новаго завѣта, по языку славенскѣ». [М., 1663], л. 390 об.; см. также П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 41.

²⁰ Н. Никольский. Речь тонкословия греческого. Русско-греческие разговоры XV—XVI вв. [СПб.], 1896, стр. 7: «Вивлиѡн, харти, книга», стр. 23: «Книги, вивлиѡ. Книг много, вивлиѡ пола. Книга едина, вивлиѡ ена [?]».

²¹ «Архив Юго-Западной России, издаваемый временною Комиссиею для разбора древних актов. . .», ч. I, т. X. Киев, 1904, № LXXVI, стр. 158—163.

²² «Древняя российская вивлиофика. . .», изд. 2-е, ч. VI. М., 1783, стр. 418.

²³ «Летописец Соловецкий, или краткое летописание. . .», изд. 2-е. М., 1821, стр. 30. Слово «паперть» имело двоякий смысл: внутренний притвор (ближайшая часть храма за входными дверями, иногда в виде галереи) и наружная площадка перед входом в храм, иногда обводящая храм круговую, иногда со ступенями. По-видимому, имеется в виду первое значение.

²⁴ [Д. Ровинский.] Виды Соловецкого монастыря, отпечатанные с древних досок, хранящихся в тамошней ризнице. СПб., 1884, стр. 1.

²⁵ [Симон Азарьин.] Житие преподобного отца нашего Дионисия, архимандрита Сергиевой лавры, радонежского чудотворца. Пер. с славянского. . . Сергиева лавра, 1908, стр. 57.

Таким образом, само понятие библиотеки издавна существовало в культурном обиходе. Однако ему соответствовало собственное русское наименование. На Руси прочно установился термин «книгохранительница»²⁶. Примеров его употребления известно множество. Будучи исконно национальным по составу, вполне правильным и очень распространенным, термин все же явился не оригинальным словообразованием, а калькированным переводом, в буквальной конструкции — именно «библиотека». Несмотря на длительное книжное воздействие со стороны Византии, русские книжники в данном случае упорно отстаивали собственное словоупотребление.

Термин «книгохранительница»²⁷, при некоторой громоздкости, держался в различных вариантах чуть ли не до войны с Наполеоном. Говорили на Руси также «книгохранилище»²⁸, «книгохранильница»²⁹, «книгохранилица»³⁰, «книгохранительня»³¹, «книгохранильня»³², «книгохранилия»³³, «книгоположница»³⁴, употребляли сочетания слов «книжная хранильница»³⁵, «книгохранительная казна»³⁶, «книжная казна»³⁷, «крепостная казна», даже «архива»³⁸. Зачастую говорилось просто

- ²⁶ Таково выражение в описи 1585 г. краснохолмского Николаевского Антониева монастыря: «Да у сиверских дверей в стене книгохранительница на крюках на железных» (*А. К. Жизневский. Древний архив краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. М., 1879, стр. 48*).
- ²⁷ Он применялся также к храмовым книжным собраниям, например, в описи XVII в. московского Успенского собора: «Да в той же соборной церкви в книгохранительнице книги всякие» («Русская историческая библиотека», т. 3. СПб., 1876, стр. 339; см. также *Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 44*).
- ²⁸ На «Пандектах» и «Тактиконе», списке XVI в. произведений Никона Черногорца, помечено: «Быти сей книги в книгохранилищи до скончания века» (*Леонид. Сведения о славянских пергаменных рукописях, поступивших из книгохранилища Свято-троицкой сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г., вып. II. М., 1887, стр. 261*).
- ²⁹ Прижизненный Никону печатный «Служебник» 1655 г. восхвалял деятельность патриарха, который «упраздился от всех и вложися в труд, еже бы стое писание рассмотреть, и входя в книгохранилищу со многим трудом многи дни в разсмотрении положи» («Предисловие к читателям», стр. 4 неум.).
- ³⁰ В начале сборника пособий по церковному пению XVI в. значится скорописью: «Чюдова монастыря ис книгахранилицы» (*М. Н. Тихомиров. Записи XIV—XVII веков на рукописях Чудова монастыря. — «Археографический ежегодник за 1958 год». М., 1960, стр. 34*).
- ³¹ На «Патерике скитском» XVI в. стоит помета: «Кирилова монастыря из книгохранительни» (*Амфилохий, архим. Описание воскресенской Новоиерусалимской библиотеки. М., 1875, стр. 173*).
- ³² На списке сочинений Иоанна Златоуста XVII в. помечено: «Книга Иван Златоуст была у дякона Гедеона, отдал в книгохранилну старцу Дорофею» (*Арсений. Описание славянских рукописей Свято-троицкой сергиевой лавры, ч. III. М., 1879, стр. 202*).
- ³³ Выражение в «Алфавите иностранных речей» XVII в. (*П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 41*).
- ³⁴ Из неустановленного документа до XVIII в.: «Книга хранима есть в книгоположнице у книг печатного дела» (*Евгений. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина. . . , т. I, изд. 2-е. СПб., 1827, стр. 182*).
- ³⁵ «Устав церковный» конца XVI—начала XVII в. предписывал: «. . . да не оставляют (пономарь и книгохранитель. — *М. С.*) книжные хранильницы отворяны на долже» (ГБЛ, ф. Троице-Сергиевской лавры, № 247, л. 175 об.).
- ³⁶ В расходных книгах Троицкой Герасимовой пустыни, что у Дорогобужа, 15 апреля 1587 г. значится: «Купил в монастырь в книгохранительную казну гловниц (т. е. закладки. — *М. С.*) книжных дестных и полуторных. . .» («Русская историческая библиотека», т. 37, вып. 1. Л., 1924, стр. 22; см. также *Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 45*).
- ³⁷ На «Патерике палестинском, или иерусалимском» стоит помета: «Соловецкого монастыря подписал лета 7169 [1661] году месяца августа в 20 день. Подписал книжной казны книгохранитель своею рукою» («Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии», ч. II. Казань, 1885, стр. 170).
- ³⁸ [*Арсений.*] Летопись наместников, келарей, казначеев, ризничих, экономов и биб-

«казна», в смысле имущества: «келейная казна», «книги казенные», «казна сгорела»³⁹. По-видимому, на языке XV—XVI вв. казна как собрание документов приравнивалась к архиву, а как собрание книг — к библиотеке⁴⁰. Отсюда родилось слово «казенка», обозначающее помещение для таких собраний. В Посольском приказе⁴¹ и на Печатном дворе⁴² комната, где находилась библиотека с архивом, называлась «казенкою». Уцелел архитектурный чертеж, который, по приказанию царя Алексея Михайловича от 1675 г., лег в основу сооруженного в конце XVII в. нового здания Посольского приказа. На чертеже обозначены наряду с большими «палатами» три «кладовых палаты»: одна называется «кладовой казенкой», другая — «казенкой тайных дел», третья осталась без особого именованья. Показана и четвертая небольшая кладовая размером 3×1½ аршина без названия⁴³. Какая-то из указанных палат предназначалась под библиотеку. На Патриаршем дворе под церковью соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия, сооруженной около 1566 г., была в 1631 г. устроена «казенка для соборных книг»⁴⁴. После смерти Никиты Ивановича Романова, последнего из нецарственной ветви бояр Романовых, его «книги церковные и немецкие и вотчинные» в 1655 г. были обнаружены «в сенях в казенке»⁴⁵. Книги богатейшего Троице-Сергиевского монастыря в «Описи книгам в степенных монастырях» указаны одновременно в «ризнице», «книгохранительнице» и «казне»⁴⁶. В позднейших документах объединение библиотечного фонда с прочим имуществом иногда порождало общий термин «казнохранилище».

Иногда вводилось дополнительно слово «палата»⁴⁷, «палатка»⁴⁸ в старом смысле комнаты. С XI в., от дней Ярослава Ярославича, держался термин «клеть». В доме уральских промышленников Строгановых в XVII в. имелась «книжная клеть»⁴⁹. В Соловецком монастыре существовала и просто «книжная палата», где книги переписывались на продажу⁵⁰. Позднее «палата», действительно, стала дублироваться словом

лиотекарей Свято-троицкой сергиевой лавры. — «Летопись занятий Археографической комиссии. 1865—1866», вып. IV. СПб., 1868, «Материалы», стр. 119.

³⁹ На «Псалтыри» XV в. Соловецкой (позднее — Синодальной) библиотеки надписано: «... ис казны ее не давати никому дръжати по келиям кроме игуменова благословения». На «Псалтыри» Иосифо-Волоколамского монастыря приписка от 1540 г. гласит: «Псалтыря старца Семиона крилошанина [причетник, поющий на клиросе. — М. С.] положена в казне у книгохранителя...» (Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 47—48).

⁴⁰ Там же, стр. 49, 58. См. также специально о термине «казна»: С. О. Шмидт. К истории Царского архива середины XVI в. — «Труды МГИАИ», т. XI, 1958, стр. 374—378.

⁴¹ С. А. Белокуров. О Посольском приказе. М., 1906, стр. 62—63.

⁴² В. Е. Румянцов. Древние здания московского Печатного двора. М., 1869, стр. 23, прим. 14.

⁴³ И. Бондаренко. Здания Посольского приказа. — «Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой». [М., 1916], стр. 102—104.

⁴⁴ Н. Скворцов. Московский Кремль. Упраздненные монастыри, соборы, церкви и подворья в Кремле. — «Русский архив», 1893, кн. III, стр. 16.

⁴⁵ «Чтения ОИДР», 1887, кн. III, отд. 1 стр. 42.

⁴⁶ Там же, 1848, кн. VI, «Смесь».

⁴⁷ «В книгохранительной полате монастырьских церковных книг» — и следует список (И. Шляпкин. Описание рукописей суздальского Спасо-Евфимиева монастыря. СПб., 1881, стр. 64). Это же словупотребление мы не раз встречаем применительно к типографской библиотеке.

⁴⁸ «... В книгохранительной палатке книг ныне на лицо» — и следует список («Роспись книгам святейшего патриарха Филарета Никитича, учинена по патриаршему приказу Павлом Ивановичем Вольтыским и дьяком Дементьем Образцовым 20 октября 7140 [1631] года». — «Временник ОИДР», 1852, кн. 12, «Смесь», стр. 1).

⁴⁹ П. Т. Алексеев. «Статир» (Описание анонимной рукописи XVII в.). — «Археографический ежегодник за 1964 год». М., 1965, стр. 92.

⁵⁰ А. И. Лилов. Библиотека Соловецкого монастыря. — «Православный собеседник». Казань, 1859, № 1, стр. 211.

«комната»⁵¹. Многокомнатное помещение называлось «книгохранительными палатками»⁵².

Описательные обороты обычно обнаруживаются ближе к XVIII в. Упомянутый термин «книжный дом» продолжал существование в «Азбуковнике» XVII в.⁵³ Под влиянием, очевидно, именованного московского Печатного двора в XVII в. слово «библиотека» однажды разъясняется как «двор печатных книг»⁵⁴. Это объяснение неправильно по узкому подходу к книжному фонду.

Впрочем, наименование не меняет сути. Тот или иной термин одинаково прилагался к книжному собранию, если оно было выделено в особое помещение, хотя бы в соединении с прочим имуществом. В крайнем случае опускалось слово «палата», «казна», «комната» и оставалась «книгохранительница» или просто «книгохранительная», по типу «гостинная», «кладовая», «столовая». Данное слово распространялось обобщенно на богатые и бедные фонды.

На Печатном дворе, перворазрядном государственном учреждении, бтовало слово «книгохранительная»⁵⁵, его же употребляли и применительно к мелким провинциальным книжным собраниям⁵⁶. В торжественных случаях оно превращалось в «многобогатную божественных писаний книгохранительницу», как именовали, например, в 1616 г. троице-сергиевскую библиотеку⁵⁷. А иногда, наоборот, снимали прилагательное «книгохранительная» и писали просто «палата»⁵⁸. Квалифицированные знатоки щеголяли иноземной терминологией, как «газофилякия» (греч. «τὸ γὰζοφυλάκιον» — «казноохранилище»), «либрария» (лат. «libraria» — «книгоохранилище»), «друк» (нем. «der Druck» — «печатание»)⁵⁹. В придворном быту термин «книгохранительница» переносился с помещения на библиотечное оборудование, ящик для книг⁶⁰. Наконец, в более широком смысле тер-

⁵¹ Описание библиотеки царя Федора Алексеевича заключала в себе «книги, которые . . . приняты из его великого государя комнаты книгохранительницы в его государеву мастерскую [швейную. — М. С.] палату у Петра Бисерова в нынешнем в 191 [1683] году апреля в 12 день» (*И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях*, ч. II. М., 1915, стр. 602).

⁵² «И всего в книгохранительных полатках и у братии по кельям отписано налицо новому книгохранителю старцу Тарасию Еремееву всех книг печатных и письменных 1897 книг» — так подытоживалась опись кирилло-белозерской библиотеки 1664 г. (*Н. Н. Розов. Из истории кирилло-белозерской библиотеки*. — «Груды ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», т. IX (12). Л., 1961, стр. 185).

⁵³ ГБЛ, ф. 178, № 4163, л. 62.

⁵⁴ *П. С. Кузнецов. Указ. соч.*, стр. 41.

⁵⁵ *В. Е. Румянцов. Указ. соч.*, стр. 34, прим. 81.

⁵⁶ В описании краснослободского Предтечева монастыря 1706 г. читаем: «В книгохранительной же четыре сондука окованы железом, в них книг. . .» (*Т. Н. Протасьева. Запись в «Хронографе» XVII в.* — «Новое о прошлом нашей страны». Сб. статей памяти акад. М. Н. Тихомирова. М., 1967, стр. 326).

⁵⁷ [*Арсений.*] Летопись. . . , стр. 122.

⁵⁸ «179 [1671] г. марта в 23 день. . . взято с Иверского подворья из полаты книг и отдано гаскому митрополиту Паисию. . .» (*С. А. Белокуров. О библиотеке. . .*, стр. 286).

⁵⁹ В особенности привилось подобное словоупотребление на западной границе России. Князь А. М. Курбский в эмиграции вспоминал рассказ Максима Грека о судьбе библиотеки византийских императоров: «А егда обстоен был Константинов град от безбожных турков и цесарь Константин [XI Палеолог. — М. С.] . . . царицу свою со всею казною, со газофилякиною книжною выпустил. . . в кораблях до Родиса и до Венадеи. . . Последи же патриарх от рук их утече. . . и с собою всю газофилякию (либрарию, або книгохранительницу) изнесе. Венеты. . . преложивше их [греческие духовные книги. — М. С.] на язык свой, дают в друк (на печатование) и размножают много. . .» («Сказания князя Курбского», изд. 3-е. СПб., 1868, стр. 273, 274). Когда в 1586 г. в Вильно печаталась «Граматыка словенска языка», то, согласно послесловию, рукописный оригинал для набора был взят «з газофилякии князя Константина Острожского (*А. С. Зернова. Типография Мамоничей в Вильне (XVII век)*. — «Книга. Исследования и материалы», сб. I. М., 1959, стр. 184).

⁶⁰ «. . . К великому государю царевичу и великому князю Алексею Петровичу. . .

мин «книгохранительница» создал родственные выражения, как «книгохранитель», в XVII в. — «книгохранительная служба» и др. Подобные выражения обозначали понятия иного характера — исполнителя, профессию.

Слово «библиотека» прочно укоренилось в русском обиходе лишь в XVIII в., вытеснив средневековые выражения. Наряду с ним слышалось некоторое время выражение «библиотечная контора», введенное Феофаном Прокоповичем для обозначения нового понятия — читального зала⁶¹. Бытовало и слово «вивлиофика», но уже значительно реже, пока не исчезло совсем. В отличие от первого термина слово «вивлиофика» применялось преимущественно при торжественном, архаизированном словоупотреблении. Например, так назвал Н. И. Новиков известный исторический журнал «Древняя российская вивлиофика». В сатирическом журнале 1769 г. писалось: «... Читал я в публичной вивлиоотеке...»⁶² Петербургский предприниматель Карл-Теодор Дальгрэн выпустил в 1783 г. каталог своей коммерческой «вивлиооики»⁶³. Характерно раскрывает бытовую распространенность смешанного термина читательская надпись на одном иностранном издании 1790 г.: «Из библиотеоики Соколовых перешла к Казанскому, а от Казанского ко мне, а от меня к кому?.. Бог весть! А ведь перейдет и будет переходить до своего уничтожения»⁶⁴.

Как всякая терминологическая задача, затронутый вопрос требует для своего решения широкой документальной базы. К счастью, археография представляет здесь обильный и разнохарактерный материал, который датируется надежно. Выводы приобретают потому внутреннюю устойчивость.

Приведенные наблюдения весьма интересны в том смысле, что спор о словах из области библиотечной технологии переходит в область общественно-культурной практики. Многообразие вариантов основного термина («книгохранительница») способствовало гибкому применению его в феодальном быту. Можно даже говорить о своего рода производственном жаргоне: столь пестро по ходу дней складывались отдельные лексические образования. Возникали они в зависимости от местных служебных условий, от индивидуальных особенностей работников.

в хоромы мама Прасковья Алексеевна Нарышкина приказала сделать книгохранительницу из липовых досок. . .» (*И. Забелин*. Указ. соч., ч. II, стр. 614).

⁶¹ Училищная «библиотека», предлагал Прокопович, «оучителем по вся дни и часы ко употреблению не возбранна, толко бы книг по келлиа[m] не разбирали, но чли бы оные в самой библиотечной канторе. А оученикам и прочим охотникам о[т]ворять библиотеку в оуреченные дни и часы. И ходили б в библиотеку, которые язык оумеют, в особенныя часы и дни по должеству, а в иные за охоту и в оурочное время» («Духовный Регламент. . .», изд. 2-е. М., 1722, Раздел «Домы оучилищныя», п. 8, л. 49 об., 50).

⁶² «Всякая всячина», [1769], стр. 315 (годовая пагинация).

⁶³ «Роспись книгам российской вивлиофики, заведенной ко всеобщему употреблению. . .». СПб., [1783].

⁶⁴ *H. Karpinski*. Compendium orthodoxae doctrinae. . . Editio altera. Lipsiae, MDCCCXC. Экземпляр Государственной исторической библиотеки (сообщено Е. В. Благовещенской).

Л. Л. Муравьева

ЗАМЕТКИ О ПЕРВЫХ МОСКОВСКИХ ЛЕТОПИСНЫХ ЗАПИСЯХ

Об исходных летописных записях, сделанных в Москве, высказаны разные точки зрения. Однако существует общее суждение, что они относятся к первой половине XIV в. А. А. Шахматов определил первые московские записи 30-ми годами, И. А. Тихомиров — 1326 г., М. Д. Приселков — 1317 г., В. С. Иконников — 1303 г. Первое и последнее мнения никто не поддержал, второе разделили В. Л. Комарович, третье — М. Н. Тихомиров и Д. С. Лихачев¹. А. А. Шахматов специально вопрос не рассматривал. И. А. Тихомиров поставил начальную запись в зависимость от основания патронального храма в Москве — Успенского собора; М. Д. Приселков и В. С. Иконников — от московских известий, помеченных точными датами.

В числе летописных записей о Москве обычно не учитывается сообщение 1261 (6769) г. о рождении у владимирского князя Александра Ярославича младшего сына Даниила — основателя московской династии князей. Это сообщение (без уточнения даты) дают большинство летописей, начиная с Лаврентьевской² и Троицкой (Симеоновской)³. Сведений о рождении первых трех сыновей у Александра Невского в летописях нет. Представляется, что это глухое известие можно отнести к первым московским летописным записям, составленным по припоминаниям.

Единственная запись Тверской летописи под 1288 (6796) г. переносит нас к событиям, в которых московский князь «Данила» вместе с «братъей», городецким, ростовским и другими князьями оказывается на стороне Переяславля против Твери⁴. Лаврентьевская летопись за 1288 г. дефектна. По другим летописям, например Троицкой, известен только факт похода великого князя Дмитрия на Тверь. По мнению А. Н. Насонова и М. Д. Приселкова, запись Тверской летописи — московская, а не тверская⁵. Это предположение следует принять.

¹ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 336; И. А. Тихомиров. Обзорение состава московских летописных сводов. — «Летопись занятий Археографической комиссии 1885—1887 гг.», вып. 10. СПб., 1895, стр. 4—6; М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 123; В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 2. Киев, 1908, стр. 1157; В. Л. Комарович. Летописание, гл. «Литература Москвы XIV в.» — В кн.: «История русской литературы», т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 69—70; М. Н. Тихомиров. Русская культура XI—XVIII вв. М., 1968, стр. 257; Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 294.

² ПСРЛ, т. I. М., 1962. Фототипическое воспроизведение текста издания 1926—1928 гг.

³ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950.

⁴ ПСРЛ, т. XV. М., 1965. Фототипическое воспроизведение текста издания 1863 г.

⁵ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 107.

В Симеоновской летописи и Владимирском летописце⁶ под 1296 (6804) г. дается сообщение о съезде русских князей во Владимире, в котором повествуется об активизации политической роли московского князя в Северо-Восточной Руси. Согласно показаниям этих летописных памятников, во время переговоров, с участием посла Неврюя, московский князь действует как главная фигура княжеской группировки, противостоящей великому князю. Настоящая запись точно не датирована; можно думать, что она несовременна. Версия ее сообщения московская. Известие 1296 г. о «нелюбии» между князьями-братьями читается в более короткой записи и другой редакции в Суздальской по Московско-Академическому списку⁷, Новгородской IV⁸ и других летописях. (В Лаврентьевской это известие отсутствует.)

В той же Суздальской летописи и летописных сводах конца XV в.⁹ под 1297 (6805) г. включена лаконичная запись о женитьбе в Ростове сына Даниила Александровича — Юрия, будущего первого великого князя Москвы. По своему характеру она перекликается с записью 1261 г. о Данииле, и обе вместе смыкаются с последующими записями о действиях московских князей. По данным Лаврентьевской, Троицкой (Симеоновской) и других летописей в 1301 (6809) г. Даниил Александрович Московский — участник нового княжеского съезда в Дмитрове. Автор склонен определить начало появления вышеупомянутых известий в записях не позднее первых лет XIV в. В. С. Иконников полагал, что «вообще за княжения Даниила и Юрия записей вошло в летописные своды не много и вошли они не все»¹⁰. В пользу мнения о ведении первых московских записей с княжений Даниила — Юрия говорит факт появления известий о Москве, имеющих точные даты и местный колорит с 1303—1304 (6811—6812) гг. В. С. Иконников считал «несомненно московскими» записи, начиная с 1303 г. К сожалению, свое положение о самых ранних московских записях он не раскрыл.

Неточность Лаврентьевской и Троицкой летописей в пределах последних лет свода 1305 г. касается непосредственно московских известий. Запись 1303 (6811) г. Троицкой (Симеоновской) о смерти переяславского князя Ивана Дмитриевича сделана под точной датой в более пространной редакции, объединена с сообщением, что московский князь занял переяславский стол. (В этом сообщении опущены слова Лаврентьевской летописи «на зиму».) Весь в целом данный материал имеет московскую интерпретацию («... и беяше чадь не имея, и благослови в свое место Данило, того бо любяще паче инех. И седе Данило на Переяславли, а наместници князя великого Андрея сбежали»). М. Д. Приселков признавал здесь московскую обработку.

Последним московским известием Лаврентьевской летописи является сообщение 1304 (6812) г. о смерти Даниила Александровича. Оно довольно подробно с открытой датой («месяца марта 5, на безъименной неделе, во вторник...»). В отличие от Лаврентьевской Троицкая (Симеоновская) летопись содержит дополнение к дате и лишние чтения, включая «положен бысть в церкви святого Михаила в Москве». Основное изложение двух московских известий 1303 и 1304 гг. совпадает в той и другой летописях, обе записи известий имеют местное значение. При разборе вспомогательных источников свода 1305 г. М. Д. Приселков обратил внимание на местный характер известия о смерти Даниила. Однако из-за уникальности записи московского известия 1304 г. в Лаврентьевской

⁶ ПСРЛ, т. 30. М., 1965.

⁷ Там же, т. I. М., 1962.

⁸ Там же, т. IV, ч. 1, вып. 1. Пг., 1915.

⁹ Там же, т. 27. М.—Л., 1962; т. 28. М.—Л., 1963; и др.

¹⁰ В. С. Иконников. Указ. соч., т. II, кн. 2, стр. 1157.

летописи он отказался считать его происхождение московским¹¹. Нам представляется этот довод не совсем убедительным, тем более что М. Д. Приселков отмечал большую редакторскую работу Лаврентия, в том числе по линии сокращения и пропусков текстов в своде.

В родственных с Троицкой (Симеоновской) летописью Владимирском летописи (и в поздних московских летописях)¹² сохранилось от 1304 г. еще два местных известия, которые излагаются как единый рассказ, слитый с сообщением о смерти Даниила («А по животе князя Данилове»). Они посвящены новому московскому князю Юрию Даниловичу и знакомят нас с действиями переяславцев, которые, желая оставить его на переяславском княжении, не пустили на погребение отца, и со взятием Юрием той же весной Можайска (Смоленское княжество), который завершился уводом в Москву можайского князя Святослава Глебовича.

Запись 1304 г. о княжеском съезде в Переяславле, собранном по случаю возвращения из Орды Андрея, в Троицкой (Симеоновской) летописи и Владимирском летописце носит общий характер и отмечает участие в нем Юрия Даниловича с братьями. Последней фразой текста оговорено, что «князь Юрий прия любовь и взя Переяславль». Таких данных нет в других и более поздних летописях. Этой фразой подчеркивается упорство московского князя в споре о владениях, в котором он, несмотря на ханские ярлыки, энергично отстоял богатое Переяславское княжение.

Точка зрения о начале ведения московских записей с первых лет XIV в. имеет подтверждение в летописном материале о Москве после 1304 г. Речь идет о местных известиях, связанных с действиями первого великого московского князя — Юрия Даниловича, в составе прежде всего одного из первых московских сводов — Троицкой (Симеоновской) летописи. Они следуют после 1304 г. до 1325 г. включительно, когда Юрий Данилович был убит в Орде, и касаются перипетий острой политической борьбы за первенство между Тверью и Москвой. С самого начала среди этих известий большое место занимают сведения о братьях Юрия Даниловича — Афанасии, Борисе, Александре и Иване. Кроме того, во многих записях о Юрии Даниловиче лежит печать их несовременности событиям и отмечается рука летописца времени Ивана Калиты («Юрий Данилович с братьями»). Вместе с тем в период княжения Юрия в летописях прослеживается непрерывная живая нить записей, современных первому великому князю Москвы. К ним следует отнести и тверские и новгородские тексты в московской обработке. М. Д. Приселков писал, что Троицкая летопись до 1328 г. является продолжением свода 1305 г., связанной с тверской обработкой. По его заключению, тверское повествование в Троицкой летописи характеризуется «сильной московской ревизией» и пополнением текста¹³. В этом объединенном и переработанном материале свода начала XV в. нелегко отслоить первоначальные московские записи. Для такого отсложения основным критерием не могут служить записи с точной датой; их мало в московских известиях XIV в. Фактическое отсутствие открытых дат, касающихся событий о княжении Юрия Даниловича, например упоминаний о времени получения им великого княжения и привоза его тела в Москву, позволило М. Д. Приселкову отнестись с большим сомнением к возможности ведения летописания в Москве в первые годы XIV в. Заявление историка об отсутствии в летописях точной даты погребения Юрия Даниловича основано на недоразумении. Эта дата читается в Новгородской I летописи старшего и младшего изводов и поздних московских сводах (например, Воскресен-

¹¹ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 108. Таким же образом он высказался и в отношении двух костромских известий.

¹² ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856; т. 25. М.—Л., 1949.

¹³ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 112.

ской летописи, своде 1480 г.) — первая неделя поста 1325 г. Почти весь материал о Москве до 1328 г. он относит к тверским записям, включая известие с точной датой о смерти Юрия Даниловича. Начало московскому летописанию, по его мнению, положил великокняжеский летописец 1328—1340 гг., который продолжил Тверской свод 1327 г. и использовал семейную хронику Ивана Калиты. Имея самые серьезные основания для выделения этой вехи московского летописания, М. Д. Приселков не был убедителен в вопросе о первоначальных московских записях при первых Даниловичах. Он непоследователен, когда заявляет, что известие 1317 г. о рождении у Ивана Даниловича сына Симеона является первым московским известием с точной датой и принадлежит к семейным записям Ивана Калиты в летописце 1340 г. Вспомним, что М. Д. Приселков присоединился к мнению А. Н. Насонова, что запись 1288 г. о походе на Тверь — московская, оставил открытым вопрос о происхождении отмеченного полной датой известия 1304 г. о смерти Даниила Александровича. Почему менее верно считать, что известие 1317 г. принадлежит хронике семьи Даниловичей. Юрий Данилович не имел сыновей. Другие три брата были бездетными¹⁴. Московская запись 1317 г. о рождении у Ивана Даниловича 7 сентября на память святого Савонта сына Симеона в Симеоновской не имеет полного совпадения с Троицкой летописью. Согласно показанию Н. М. Карамзина, последняя содержала пояснение: «у князя Иоанна Даниловича, брата Юрьева»¹⁵. Такое пояснение свидетельствует в пользу мнения о ведении записей семьи Даниловичей. В 1317 г. Юрию Даниловичу оставалось княжить еще восемь лет, в том числе четыре года в роли великого князя.

В наблюдениях М. Д. Приселкова о первоначальных шагах московского летописания, на наш взгляд, присутствует одна очень плодотворная мысль, что все-таки первые московские записи относятся ко времени княжения Юрия Даниловича. Возражение вызывает заявление историка, что в тверском материале московские записи 1317—1327 гг. связываются только с семейным летописцем Ивана Калиты. Более вероятным полагать, что московский материал с 1303 по 1325 г. принадлежит времени княжения Юрия Даниловича, который был подправлен и частично дополнен по припоминаниям в летописце 1340 г. В таком случае более логично решается вопрос с записью 1304 г. и некоторыми другими. Что касается замечания М. Д. Приселкова о точных датах, то необходимо отметить, что отличительной чертой всего текста (не только непосредственно московского) начала XIV в. Троицкой (Симеоновской) летописи является краткое изложение известий преимущественно без раскрытия дат событий. По сравнению с Тверской и Новгородской Троицкая (Симеоновская) летопись имеет не только более краткую редакцию передачи событий, но и некоторые их вариации. После известий 1304 г. о смерти Даниила Александровича и первых действиях Юрия Даниловича Троицкая (Симеоновская) летопись под 1305 (6813) г. сообщает о вражеской засаде в Суздале московскому князю, который направлялся за поддержкой в Орду, оставив в Москве брата Ивана. Эти сведения повторены уже в поздних московских сводах. Новгородская I летопись старшего и младшего изводов отмечает только факт спора о великом княжении между тверским и московским князьями, который вызвал «замятню в Суздальской земле»¹⁶. Запись 1305 г. Троицкой (Симеоновской) летописи имеет современную событиям мест-

¹⁴ А. В. Экамплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, т. I. СПб., 1889, стр. 71.

¹⁵ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IV. М., 1851, прим. 247.

¹⁶ «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М.—Л., 1950.

ную версию: «в Суздале переимали, да не изнимали. Он же с своею братьею проиде в Орду иным путем, а князя Бориса, брата своего, послал на Кострому и они его изымав да повели на Тверь». М. Н. Тихомиров видел в этой записи торжество современника, благожелательно настроенного к московскому князю¹⁷.

За 1306 (6814) г. летописи отмечают три события, связанные с Москвой: первое — о приезде Ивана Даниловича на стол в Переяславль; второе — об удачном для Москвы сражении переяславской и московской ратей во главе с Иваном Даниловичем под Переяславлем против «тверичей», которых привел тверской боярин Акинф (в отсутствие Юрия); третье — о возвращении тверского князя Михаила Ярославича из Орды и его походе на Москву против Юрия Даниловича и его «братья». Вторая запись подробная, возможно тверская в московской правке. Третье сообщение — тоже краткое, но сделано с акцентом на возвращение из Орды Михаила на великое княжение и записано, вероятно, в Твери (о приезде из Орды Юрия Даниловича в летописях сведений нет). Никоновская летопись подает третью запись 1306 г. уже как «Повесть о убиении Акинфове»¹⁸. В некоторых летописях (как, например, Софийской I) по этому известию имеется дополнительное чтение: «и взя с великими князи с Даниловичи мир»¹⁹. 1307 (6815) г. открывается в Троицкой (Симеоновской) летописи глухим местным известием о приезде князя Юрия «на Москву с Рязани». С ним перекликается другое известие, что Юрий убил рязанского князя Константина. В поздних сводах оно передается в иной редакции: «князь Юрьи Данилович повеле убити князя Константина Рязанского, его же поймал отец его на бою» (Воскресенская летопись)²⁰. Под 1307 г. находим короткое сообщение об отъезде от Юрия Даниловича из Москвы в Тверь его братьев Бориса и Александра. Под 1308 (6816) г. фиксируется «други» поход великого князя Михаила Ярославича «ратью, всею силою» на Москву, который окончился неудачей («не успевше ничто же, возвратишася»). Само сражение под Москвой помечено точной датой — на память святого апостола Тита. Осенью того же года определена смерть князя Александра Даниловича. С 1308 г. идет большой материал о митрополите Петре. В тесной связи с ним находится следующее известие о Москве 1311 (6819) г., касающееся сбора войск Дмитрием Тверским во Владимире для похода на Новгород²¹ против Юрия Даниловича. Поход, согласно показаниям летописи, не был благословлен митрополитом, и Дмитрий, простояв три недели, распустил рать и вернулся «в землю свою». В Троицкой (Симеоновской) летописи под 1314 (6822) г. передан в сокращении большой новгородский рассказ об изгнании тверских наместников и о столкновении новгородцев на Волге с Дмитрием Михайловичем, известный нам по Новгородской I летописи старшего и младшего изводов. Сохранен только последний эпизод, повествующий о признании новгородцами после примирения с Тверью на новгородский стол Юрия Даниловича. Московские летописи — свод 1480 г., Воскресенская, Никоновская и др. — передают известие 1314 г. в сходной с новгородской редакции. С подобным сокращением мы встречаемся и в пересказе известия 1315 (6823) г. о выходе Юрия Даниловича с новгородцами из Новгорода в Орду (с оставлением на новгородском столе брата Афанасия). По сравнению с Новгородской I летописью старшего и младшего изводов в Троицкой (Симеоновской) опущено упоминание, что московский князь был позван в Орду «цесарем», дата

¹⁷ М. Н. Тихомиров. Древняя Москва. М., 1947, стр. 26.

¹⁸ ПСРЛ, т. IX. СПб., 1862.

¹⁹ Там же, т. V. СПб., 1851.

²⁰ Там же, т. VII.

²¹ Во Владимирском летописце, Воскресенской, Никоновской и других летописях — «Нижнему Новгороду».

(15 марта, Лазарева суббота) и сведения о действиях Михаила Тверского против Афанасия Даниловича с новгородцами. Поздние московские летописные памятники, кроме того, дают уточнение, связанное с путем Юрия Даниловича, который лежал через Ростов, откуда он направился в Орду 15 марта. Далее, с 1317 по 1319 (с 6825 по 6827) г. в Троицкой (Симеоновской) летописи следует также новгородско-тверской материал в московской переделке с сокращением. Он начинается рассказом о возвращении Юрия, спустя два года, из Орды с ярлыком на великое княжение и в сопровождении татарского посла Кавкады, вслед за которым последовали новые столкновения с Тверью, убийство Михаила Ярославича в Орде. Полное повествование о событиях содержат в соответствующих редакциях Новгородская I старшего и младшего изводов и Тверская летописи (с отражением в поздних московских летописях). К пополнениям, связанным с московской обработкой текста, относим сообщение 1317 г. о посылке Юрием за помощью в Новгород своего брата Ивана. Оно читается только в Троицкой летописи^{21а} и Владимирском летописце. В Симеоновской его нет. Московские известия, читаемые в последних трех памятниках, о рождении у Ивана Даниловича сыновей Симеона (1317 г.) и Даниила (1319 г.) с точными датами имеют характер вставки в основной материал. Под 1320 (6828) г. внесены новые московские известия — о смерти Бориса Даниловича во Владимире, помеченное открытой датой (30 мая, на память святого отца Исакия), и о походе Ивана Даниловича в Орду без уточнения даты. Отметим не известные Троицкой (Симеоновской) летописи сведения о Москве за 1320 г.: в Суздальской летописи по Московско-Академическому списку о возвращении Юрия из Орды через Ростов в Новгород, в Новгородской I летописи младшего извода — о его походе на Рязань, в Тверской летописи — о женитьбе в Костроме князя Константина Михайловича на дочери великого князя Юрия Софье с венчанием «в святой Федоре». В литературе последнее известие не учтено, и поэтому Юрий Данилович ошибочно именуется бездетным²².

Троицкой (Симеоновской) летописи не известно и событие 1321 (6829) г., касающееся приезда Юрия Даниловича в Переяславль по случаю нового осложнения отношений с Тверью и когда был заключен «мир», что «княжения великого Дмитрию не подымати». Известие об этом событии содержится в Новгородской I летописи старшего извода и поздних московских сводах. За 1321 г. в своде 1409 г. (Симеоновской летописи) читается запись о приезде Юрия Даниловича в Новгород с припиской о его походе на четвертое лето в Орду через Великую Пермь. Данной припиской летописец опережает события, связанные с действиями Юрия Даниловича, которым посвящены затем краткие записи за 1324 (6832) г. До 1324 г. на два года известия непосредственно о Юрии пропадают.

Под 1322 (6830) г. имеется сообщение о приходе на Русь из Орды Ивана Даниловича с послом Ахмылом и татарской ратью, которая «много зла сътворися людям». (Время выхода на великое княжение тверского князя Дмитрия.) Из известных по Новгородской I летописи старшего и младшего изводов (и повторенных в поздних московских летописях) сведений 1322 г. о походах Юрия с новгородцами на Выбор и Урдому (с побегом в Псков) и смерти «брата Юрьева» Афанасия в Новгороде упомянуто только первое. Оно объединено под 1324 г. с данными о построении им города Орешек (Ореховец) и взятии Устюга. В Троицкой (Симеоновской) летописи опущены сведения о заключении Юрием договора со Швецией и о том, что его новый выход в Орду произошел

^{21а} Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. IV, прим. 227.

²² А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. I, стр. 71.

после взятия Устюга («из Заволочья по Каме реце» — Новгородская I летопись). Данную версию сохранил сходный с Троицкой Владимирский летописец. Последняя запись о Юрии Даниловиче — местная, от 1325 (6833) г., относится к его захоронению в Москве в церкви архангела Михаила (после убийства в Орде — 21 ноября на память честного Ведения святой богородицы). В отличие от Троицкой (Симеоновской) летописи поздние московские летописи более подробно освещают события, связанные с убийством и захоронением Юрия Даниловича в Москве (с точной датой), о которых первая сообщает Новгородская I летопись старшего и младшего изводов.

Большое сокращение московского материала в Троицкой (Симеоновской) летописи (например, объединение в одной статье событий разных лет) затрудняет решение вопроса о происхождении ее текстов. Необходимо учитывать также, что исследователь имеет дело, как правило, не с подлинным текстом свода 1409 г., а его производным — Симеоновской летописью (в списке первой половины XVI в.). Отмечая сокращение текстов о Москве за конец XIII—первую четверть XIV в. в Троицкой и родственных с ней летописях, следует обратить внимание, с другой стороны, на сохранность московских известий, в том числе в оригинальном варианте, за этот период в памятниках иных традиций или на более полное их изложение в самых поздних московских летописях.

Заключая обзор известий о Москве (до вступления на московский стол Ивана Калиты), подчеркнем право на существование точки зрения о начале ведения московских записей в форме летописца во время княжения Юрия Даниловича, не позднее чем с 1303—1304 гг. Первоначальные московские записи, по всей вероятности, не дошли до нас в полном объеме, и те, которые известны, не сохранились в оригинальном виде, на них лежат следы последующей московской обработки и сокращений (начиная с летописца 1340 г.). Представляется, что сначала их было немного, велись они не систематично. Известия этих записей и заметок не выходили еще за пределы чисто местных интересов, связанных главным образом с событиями из жизни княжеской семьи. Первые Даниловичи — одни из самых крупных и энергичных политических фигур Руси того времени. Естественно предположить, что в начале возвышения Москвы и первых успехов московских князей в борьбе с Тверью за политическое первенство был положен почин для возникновения московской летописи в виде летописца Даниловичей.

Я. С. Лурье

ИСТОЧНИК «СОКРАЩЕННЫХ ЛЕТОПИСНЫХ СВОДОВ КОНЦА XV В.» И УСТЮЖСКОГО ЛЕТОПИСЦА

Летописи, получившие в нашей археографии наименование «Сокращенных летописных сводов конца XV в.», относительно недавно вошли в научный оборот¹. До издания об этих летописях упоминали А. А. Шахматов, открывший первую из них (по спискам ГПБ, Погод. № 1409 и 2036)², А. Н. Насонов, обнаруживший несколько списков обеих летописей³, и С. М. Каштанов, установивший, что перед нами — два сходных, но различных памятника (Свод 1493 г. и Свод 1495 г.)⁴. Статья С. М. Каштанова была единственной работой, специально посвященной обоим «Сокращенным сводам».

Но, несмотря на малую исследованность «Сокращенных сводов» (далее — СС), связь их с другими памятниками русского летописания отмечалась в науке. Уже А. А. Шахматов обратил внимание на близость текста Погод. № 1409 за XV в. к тексту летописей, выражающих «независимое суждение о политике великого князя», среди которых он отводил главное место Ермолинской летописи. В основе всех этих летописей лежал, по его мнению, Ростовский владычный свод — летопись 70-х годов XV в., составленная при дворе ростовских архиепископов⁵.

Построения А. А. Шахматова относительно Ермолинской летописи и ее связей с другими памятниками летописания подверглись некоторому пересмотру в дальнейших исследованиях. А. Н. Насонов установил, в частности, что основная часть Ермолинской летописи (текст за XII—начало XV в.) не была ростовской обработкой «Полихрона» 1421 г. (как думал А. А. Шахматов и первоначально сам А. Н. Насонов), а восходила к особому своду 60-х годов XV в., так называемому Своду Феодосия — Филиппа, отразившемуся также в московском великокняжеском летописании (Свод 1479 г.). Что касается известий Ермолинской летописи за XV в., совпадающих с СС, то вопрос об их происхождении А. Н. Насо-

ПСРЛ, т. XXVII. М.—Л., 1962.

² А. А. Шахматов. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904, стр. 13; *он же*. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 237—238; *он же*. Статья «Летописи» из «Нового энциклопедического словаря». — В кн.: Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 370. В последней статье упомянут также летописный отрывок ГИМ, Уваровск. № 567, определенный впоследствии С. А. Левиной как отрывок из «Сокращенного свода 1495 г.» (см. ниже, сн. 10).

³ А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). — «Проблемы источниковедения», вып. IV. М., 1955, стр. 247—250.

⁴ С. М. Каштанов. О списках двух неопубликованных летописных сводов (1493 и 1495 гг.). — Там же, вып. VIII. М., 1959, стр. 460—463.

⁵ А. А. Шахматов. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод, стр. 12—15, 78—79. Ермолинская летопись издана в ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910.

нов оставлял открытым. Он указывал только, что Ермолинская летопись и СС имеют единый протограф — какой-то общерусский летописный свод⁶. В настоящее время мы можем определить ряд характерных черт этого протографа: анализ общих известий СС и Ермолинской летописи за 30—70-е годы XV в. позволяет утверждать, что в их источнике критические суждения о великокняжеской политике и деятельности московской военной администрации в середине XV в. читались в более развернутом виде и полнее, чем в дошедших до нас летописях. Ряд особенностей общего текста Ермолинской летописи и СС (отражение воспоминаний боярина Федора Басенка, сосланного в Кириллов монастырь, упоминание ряда лиц, имевших прямое и косвенное отношение к монастырю) позволяет связать его с летописанием Кирилло-Белозерского монастыря⁷.

Наблюдения над текстом Ермолинской летописи и СС открывают возможность реконструкции их общего источника — независимого общерусского свода 70-х годов XV в. Наиболее прочную основу для такой реконструкции дает текст Ермолинской летописи и СС (и некоторых совпадающих с ними летописей) за вторую и третью четверти XV в. Совпадают в Ермолинской и СС — и могут, следовательно, быть возведены к их общему источнику — и некоторые тексты начальной части (соответствующей Повести временных лет): известие о том, что вещей Олег умер, «уяден скорпиею из главы мертвого коня своего» (6420 г.), наименование посмертно окрещенных князей Ярополка и Олега «Владимировой братией» (6552 г.), упоминание о том, что Святослав «на войлоде спаше» (6472 г.) и о том, как волхвы губили людей, вынимая у них «жыта из закожия» (6579 г.)⁸. Но что представлял собой текст этого свода между XI и XV вв.? Ермолинская летопись, как мы уже знаем, не может помочь нам в его восстановлении — текст этой летописи до начала XV в. почти полностью идентичен тексту Московского свода 1479 г. Нельзя ли привлечь для такой реконструкции текст СС за XII—XIV вв.?

Как мы уже отмечали, «Сокращенными сводами конца XV в.» именуются две летописи, сходные в своей основной части, но имеющие разные окончания, — одна из них доведена до 1493 г. (Свод 1493 г., или Погодинская летопись), другая — до 1495 г. (Свод 1495 г., или Мазуринская летопись)⁹. В настоящее время нам известно три списка Погодинской и шесть списков Мазуринской летописей¹⁰. Тексты обеих летописей существенно расходятся между собой, начиная с 6982—6984 (1474—1476) гг.; окончание Погодинской летописи в основном совпадает с окон-

⁶ А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969, стр. 341. Продолжая, вслед за А. А. Шахматовым, отстаивать ростовское происхождение оригинала Ермолинской летописи, А. Н. Насонов приходил, однако, к заключению, что «Сокращенный свод» к этому оригиналу не восходил (там же, стр. 322, 346).

⁷ Это положение обосновано нами в статье «Летописание XV в. и Кирилло-Белозерский монастырь» (рукопись).

⁸ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 237. Ср. рукопись «Обозрения летописных сводов» (неизданный раздел) — Архив АН СССР, ф. 134, оп. 1, № 110/I—IV, лл. 121 об. и сл.

⁹ О названиях обеих летописей см.: Я. С. Лурье. Новые памятники русского летописания конца XV в. — «История СССР», 1964, № 6, стр. 118—119.

¹⁰ После издания были обнаружены четыре новых списка Мазуринской летописи: ГБЛ, Муз. № 5837 (определен Б. М. Клоссом); ГИМ, Уваровск. № 567, лл. 1—14 (определен С. А. Левиной); ГИМ, Синод. № 938 и ЛОИИ, ф. 11, № 249 (определены автором этой статьи) и один новый список Погодинской летописи — ГИМ, Щук. № 1171 (определен автором этой статьи). См. Б. М. Клосс. О времени создания русского Хронографа. — В сб.: «Древнерусская литература и русская культура XVIII—XX вв.» (ТОДРЛ, т. XXVI). Л., 1971, стр. 246; С. А. Левина. Тринадцатый список Воскресенской летописи. — «Археографический ежегодник за 1967 год». М., 1969, стр. 97, прим. 13.

чанием Московского свода конца XV в. (Уваровский список, изданный в ПСРЛ, т. XXV), окончание Мазуринской летописи — с Симеоновской летописью и Новгородской IV летописью по Хронографическому списку¹¹. Текст обеих летописей до 6982—6984 гг. в основном сходен; существенные расхождения обнаруживаются главным образом среди известий за X и XIV вв.¹² Анализ этих известий обнаруживает, что, расходясь с Мазуринской летописью, Погодинская обычно сходится с Московским сводом конца XV в.; можно предполагать, что в большинстве таких случаев первичен текст Мазуринской летописи, а в Погодинской он исправлен и дополнен по Московскому своду конца XV в.¹³

Что же представляет собой текст СС за XII—XIV вв.? Погодинская и Мазуринская летописи — своды конца XV в.; в их тексте отразилось уже влияние таких памятников общерусского летописания XV в., как Свод 1448 г. (общий текст Софийской I и Новгородской IV летописей) и московские великокняжеские своды 70-х годов XV в. Однако наряду с этим мы обнаруживаем в СС и ряд известий, не знакомых общерусским летописным сводам XV в. Так, под 6725 г. СС сообщают о победе в битве на Липице, одержанной ростовским князем Константином с помощью двух богатырей — Добрыни Золотого Пояса и Александра Поповича со слугой Торопом; под 6731 г. рассказывается о гибели Александра Поповича и других богатырей в битве «на Калках». Известие о гибели Александра Поповича и других богатырей на Калке читалось уже в Своде 1448 г., но об участии Александра Поповича, Торопа и Добрыни в битве на Липице летописи XV в. не знают¹⁴. Под 6868 г. в СС рассказывается о походе новгородского боярина Анфала Микитина на болгарский город Жукотин и о «проторах», понесенных русскими князьями из-за этого столкновения. Анфал Никитин — новгородский ушкуйник, яркая фигура в истории конца XIV—начала XV в.; рассказом о гибели Анфала в 6926 (1418) г. кончается общий рассказ Новгородской IV и Софийской I летописей. Но первые известия об Анфале относятся в новгородских и общерусских сводах к 6906 (1398) г., когда Анфал выступал уже как беглец из Новгорода и враг новгородцев; начало его карьеры не упоминается. Рассказ о походе Анфала в 6868 г. на болгар весьма интересен и согласуется с известием о том же походе (но без имени предводителя), читающемся в Рогожском летописце¹⁵. Под 6870 г. в СС помещено отсутствующее в Троицкой летописи, Своде 1448 г. и великокняжеских летописях известие о походе московских князей на князя Дмитрия Галицкого и его изгнании из Галича (присоединенного к великокняжеским владениям). Не известны общерусскому летописанию и следующие известия, связанные с Новгородом: о походе на Кострому и на Волгу «разбойника новгородского» Прокопия в 6883 г., о посылке московских бояр в Новгород в 6892 и 6898 гг. для взимания контрибуции — «черного бора», о споре новгородцев с митрополитом в 6893 и 6898—

¹¹ Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 121—125.

¹² С. М. Каштанов. Указ. соч., стр. 460—461.

¹³ Ср. Б. М. Клосс. Указ. соч., стр. 248, прим. 27. Вывод Б. М. Клосса может быть подрешен еще некоторыми наблюдениями. Например, в Погодинской летописи под 6872 г. читается сообщение о смерти суздальского епископа Алексея, явно несовместимое с помещенным под следующим 6873 г. известием об отнятии у того же епископа Алексея части его владений; в Мазуринской помещено только это последнее сообщение. Источник известия 6872 г. в Погодинской — это Московский свод конца XV в. (где не было известия 6873 г.); заимствовав известие 6872 г. из Московского свода, составитель Погодинской не заметил, что оно противоречит известию следующего года.

¹⁴ Ср. Д. С. Лизачев. Летописные известия об Александре Поповиче. — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 25—46. Упоминание Никоновской летописи XVI в. об Александре Поповиче, Торопе и Добрыне восходит, очевидно, к известию СС.

¹⁵ Ср. В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.—Л., 1961, стр. 39—40.

6899 г. из-за суда в Новгороде, о приезде новгородского владыки Иоанна в Москву к митрополиту Киприану в 6909 г. и «поимании» его, совершенном по повелению великого князя. Этого известия об аресте новгородского владыки нет ни в новгородских летописях, ни в общерусских (Троицкой, Своде 1448 г., великокняжеских сводах XV в.), но достоверность его подтверждается лаконичным сообщением всех этих летописей о возвращении в 6912 г. новгородского владыки после трехлетнего пребывания в Москве.

К какому же источнику восходят эти своеобразные известия? А. А. Шахматов, знавший текст СС по спискам Погод. № 1409 и 2036, считал основным его источником Хронограф, древнейшую редакцию которого он относил к середине XV в.¹⁶ Хронограф действительно сходен с СС на всем своем протяжении — с начала до 6959 г. (на котором заканчиваются известия Хронографа). Но следует ли считать текст Хронографа первичным по отношению к тексту СС? Исследования последних лет дают основания для противоположного вывода — текст Хронографа обнаруживает зависимость от текста СС, и конкретнее — от Мазуринской летописи¹⁷. Явную зависимость от текста СС обнаруживает и другая летопись, известия которой совпадают с СС с конца XIV—начала XV в., — Софийская I летопись по списку Царского (в отличие от Хронографа, она восходит не к Мазуринской, а к Погодинской летописи)¹⁸.

Более сложными представляются взаимоотношения СС с Устюжским летописцем (Архангелогородским летописцем, или Устюжским летописным сводом; далее — Уст.)¹⁹. Совпадения между ними начинаются с конца XII в. (6694 г.) и простираются до 6981 г. Откуда происходят эти совпадения? Относительно поздний характер Уст., доведенного до 1516 г. (а с приписками — и до 1598 г.), естественно вызывал у исследователей мысль о его зависимости от параллельных летописных текстов XV в. Отметив близость Уст. к летописи, читающейся в Погод. № 1409, и к новгородским летописям, А. А. Шахматов пришел к выводу, что именно «Сокращенный московский свод 1494 г.» (Погодинская летопись) и Новгородская I летопись младшего извода были источниками Архангелогородской летописи (Уст.)²⁰. В статье, специально посвященной Уст., К. Н. Сербина отметила также наличие в этой летописи ряда известий, связанных с Ростовом и сходных с Московско-Академическим списком

¹⁶ А. А. Шахматов. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод, стр. 13.

¹⁷ Уже М. Д. Приселков (История русского летописания XI—XV вв., стр. 148—149) пришел к выводу, что известия Хронографа за XV в. восходят к великокняжеским сводам второй половины XV в.; М. А. Салмина показала, что рассказ Хронографа о Куликовской битве представляет собой сокращенную версию рассказа СС («Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина»). — В сб.: «Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла». М.—Л., 1966, стр. 351—352). Вывод о зависимости Хронографа от Мазуринской летописи обоснован в указанной статье Б. М. Клосса.

¹⁸ Софийская I летопись по списку Царского до 6980 г. опубликована в разночтениях к Софийской I летописи (ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, стр. 81—275); после 6980 г. — отдельно (там же, т. VI. СПб., 1853, стр. 31—54). Совпадения с СС (и конкретно — с Погодинской летописью) начинаются здесь уже с известий конца XIV в. (6891—6904 гг.) и становятся почти сплошными, начиная с 6928 (1420) г. Совпадения с СС, начиная с середины XV в., обнаруживаются также в некоторых поздних новгородских сводах — в Новгородской IV (V) летописи по Хронографическому списку (ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848, стр. 146—165), Новгородском своде 1539 г. (там же, т. IV, ч. 1, вып. 2. Л., 1925; вып. 3. Л., 1929; т. VI, стр. 277—315) и в Новгородской IV летописи по Академическому и Голицынскому спискам (там же, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 454—462 и 463—466).

¹⁹ «Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец)». Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950.

²⁰ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 237—238; *он же*. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 372.

Суздальской летописи²¹; к числу источников Уст. она отнесла поэтому, наряду с СС, ростовскую компиляцию, представленную Московско-Академическим списком²². Что касается новгородско-псковских известий, то, указав, что «в результате нашего сличения текста Архангелогородского летописца с Новгородской IV совпадения текста обнаружено не было», К. Н. Сербина пришла к выводу, что новгородские, псковские и другие известия взяты составителем Уст. из «какого-то неизвестного еще, но несомненно общерусского летописного свода»²³.

Наблюдения К. Н. Сербиной заслуживают внимания; однако они нуждаются в серьезных уточнениях. Значительная часть известий о Новгороде, содержащихся в Уст.²⁴, отыскивается в Новгородской IV летописи (6701, 6860, 6878 гг. и ряд известий за XV в., о которых мы будем говорить дальше), Новгородской I летописи младшего извода (6723, 6738, 6916 гг.) или в обеих этих летописях (6880, 6905, 6906, начало 6909, 6915, 6917 и последующие годы). Но уже то обстоятельство, что известия эти совпадают с разными новгородскими сводами, позволяет предполагать, что источником Уст. была не Новгородская I младшего извода и не Новгородская IV летопись, а некий памятник, включавший известия, отразившиеся в обеих этих летописях. Это предположение подкрепляется и тем, что ряд новгородско-псковских известий, читающихся в Уст. (6746, 6773, 6777, 6785, 6854, 6868, 6883, 6892, 6893, 6898, 6905—6907 гг., продолжение 6909 г.), действительно отсутствует в дошедших до нас новгородских и великокняжеских летописях. То же можно сказать и о ростовско-суздальских известиях Уст. Ростовская компиляция, дошедшая до нас в Московско-Академическом списке, никак не может считаться источником Уст., ибо текст ее более узок по своему хронологическому охвату (с 6746 по 6927 г.), чем ростовские известия Уст.²⁵ Известия о Ростове, отсутствующие в других сводах, читаются в Уст. уже под 6523 (приход Бориса из Ростова), 6662, 6725, 6731, 6732 гг.; ряд уникальных ростово-суздальских известий, отсутствующих в Московско-Академическом списке, содержится и в дальнейшем тексте (6829, 6868, 6873, 6901, 6905, 6907 гг.).

Отражение в Уст. какого-то своеобразного свода (или сводов), содержащего известия о северной Руси (Новгород и «Заволжье»), позволяет поставить на новую почву и вопрос о взаимоотношениях между Уст. и СС. Выше мы отмечали своеобразные известия СС за XIII—XIV вв. — о богатырях, участвовавших в Липицкой битве, о первом выступлении ушкуйника Анфала, об аресте владыки Иоанна и др. Все эти известия, отсутствующие в новгородских и общерусских летописях, отыскиваются в Уст. и при этом часто в более подробном изложении, чем

²¹ К. Н. Сербина. Устюжский летописный свод. — «Исторические записки», т. 20. М., 1946, стр. 257, прим. 2—11. Отмеченные К. Н. Сербиной совпадения Уст. с Московско-Академическим списком за 6662, 6695, 6705, 6726 (т. е. до начала текста ростовского свода в Московско-Академическом списке), 6755, 6894, 6915 гг. не подтверждаются сравнением летописей; с другой стороны, в статье не отмечены существенные совпадения за 6754, 6760, 6870, 6896, 6918, 6919 и другие годы. Текст Московско-Академического списка см.: «Летопись по Лаврентьевскому списку». СПб., 1872 (текст, отличный от Лаврентьевской, см. стр. 465—512).

²² К. Н. Сербина. Указ. соч., стр. 256—260.

²³ Там же, стр. 258.

²⁴ Ср. там же, стр. 258, прим. 2 (известия за 6755, 6838, 6892 и 6893 гг., также названные в этом примечании, совпадают с СС).

²⁵ Как установил А. А. Шахматов, только последняя часть текста Московско-Академического списка, с 6746 до 6927 г., представляет собой текст ростовского свода (А. А. Шахматов. Обзорные русские летописные своды XIV—XVI вв., стр. 222—230). В этих пределах в Московско-Академическому списку близок обнаруженный А. Н. Насоновым краткий «Летописец русский» конца XV в. (А. Н. Насонов. Летописный свод XV в. — «Материалы по истории СССР», т. II. М., 1955, стр. 273—321). Характерно, однако, что Уст. совпадает с «Летописцем русским» и более ранними (6726, 6739 гг.) и более поздними (6936 г.) известиями.

в СС (под 6731 г. здесь, например, упоминается не только Александр Попович, но и Тороп; под 6901 г. сообщается о новом столкновении новгородцев с митрополитом), и в связи с иными, столь же своеобразными известиями, не попавшими в текст СС. Продолжая повествование о московско-новгородской борьбе под 6901 (военные действия из-за обиды митрополиту) и 6906 (война на севере) гг., Уст. сообщает под 6909 г. о захвате Торжка войсками великого князя — именно с рассказом о потере Торжка был связан в Уст. рассказ о посольстве владыки Иоанна в Москву и о его заточении. В СС известий об этих столкновениях и о завоевании Торжка нет, и поэтому сообщение об аресте Иоанна оказывается лишним мотивировки:

Уст.

«Того же лета владыка Иван Новгородский приеха на Москву к великому князю Василию Дмитриевичю бити челом о Торш[к]у, и Киприян митрополит, по великому князю слову, владыку поймал, да посадил за сторожи в Чюдовской монастыре за мисечной суд, что не дали».

СС

«Приеха владыка Иван Новгородский на Москву к великому князю и митрополиту, и Василий Дмитриевич владыку Иоанна велел поймати».

Если мы будем исходить из приведенного выше мнения исследователей о зависимости текста Уст. от СС, то нам придется предположить, что составитель Уст., использовав краткое и немотивированное сообщение СС, счастливо связал его с целой цепью предшествующих известий (спор новгородцев с митрополитом, завоевание Торжка). Гораздо более вероятным представляется иное предположение — о первичности текста в Уст. и его сокращении в СС.

Первичность ряда известий Уст. по сравнению с СС подтверждается отношением обоих памятников к новгородскому и ростовскому летописанию. Ряд известий Уст., как мы уже знаем, совпадает с новгородскими летописями и ростовским сводом, отразившимся в Московско-Академическом списке. Но некоторые из этих новгородских и ростовских известий отразились и в СС (например, известие 6870 г. об изгнании Дмитрия Галицкого и известия 6760 и 6830 гг., сходные с Московско-Академическим списком; известия 6878 и 6906 гг., сходные с новгородскими летописями), однако в несравненно меньшем количестве и в явно сокращенном виде. Так, рассказ Уст. о московско-новгородской войне на Двине в 6906 г. восходил, очевидно, к новгородскому летописанию (он частично совпадает с Новгородской I летописью), но был дополнен известиями, относящимися к северным землям и к ростовскому князю Федору, выступавшему в роли московского наместника на севере; в СС рассказ о событиях 6906 г. оказался весьма кратким, но в нем сохранился текст, явно восходящий к развернутому рассказу, читающемуся в Уст.: «Князя Федора Ростовского пограбиша новгородцы на Устюзе, а самого отпустиша»²⁶.

Нам представляется, таким образом, что в основе СС и Уст. лежал некий общий источник, в ряде случаев переданный в Уст. полнее, чем в СС. Конечно, мы не можем утверждать, что все своеобразные известия Уст. восходят к этому источнику — вполне возможно, что летописец XVI в., создавая окончательную редакцию этого памятника, вводил туда новые известия (в частности, о своем родном Устюге), но, очевидно все-таки, что уже оригинал Уст. и СС, отразившийся в сходных известиях

²⁶ В великокняжеских летописях (Свод 1472 г., Московский свод конца XV в.) в рассказе о событиях 6906 г. нет имени князя Федора Ростовского; следующее далее в СС известие о бегстве Анфала, плененного в 6906 г. и приведенного в Новгород, есть и в Московском своде 1479 г., но формулировка этого известия в СС свидетельствует об их связи с Уст. и новгородскими летописями (СС — «Анфал утече»; в Московском своде — «Анфал убежа с пути»).

этих летописей, был как-то связан с русским севером и содержал ряд своеобразных новгородских и ростовских известий.

Не отразился ли этот оригинал Уст. и СС и на последующем тексте СС за XV в. — тексте, совпадающем с Ермолинской летописью? Не был ли он, иными словами, идентичен упомянутому выше независимо общерусскому своду 70-х годов XV в., позволявшему себе «независимое суждение о политике великого князя»?

Критические суждения о политической и военной деятельности московских властей середины XV в., содержащиеся в Ермолинской и СС, в большинстве случаев отыскиваются и в Уст. Иногда они переданы сокращенно (опущены, например, подробности казни серпуховских бояр, окончание рассказа о ярославских чудотворцах), иногда, напротив, Уст. включает такие критические замечания о московских военачальниках, которых нет ни в Ермолинской, ни в СС, но которые с большой вероятностью могут быть возведены к их общему источнику, — например, известие об измене мезенского воеводы Григория Протасьева в 6946 г., согласующееся с сообщением Ермолинской летописи (никак не мотивированным) об ослеплении Протасьева по приказу великого князя в следующем 6947 г.²⁷, или известие о бегстве Григория Перхушкова во время казанского похода 6977 г. (в Ермолинской и СС сообщалось о предосудительном поведении того же Перхушкова в 6966 г.). Как и известия за XIII—XIV вв., текст Уст. за XV в. обнаруживает связь этой летописи с северным, в особенности новгородским, летописанием (ср., например, известия 6927, 6929, 6932, 6933, 6949, 6978 гг.). Обратившись же к сходным с Уст. известиям СС, а в ряде случаев и Ермолинской летописи, мы обнаруживаем, что тот же северный источник отразился и на общем оригинале всех этих летописей. Так, под 6934 г. Уст. рассказывает о войне Витовта с Псковом, согласившимся уплатить литовскому князю 1000 рублей (это известие совпадает с Новгородской IV летописью), и о трехнедельной осаде псковского города Вороноча литовцами (эта часть известия совпадает с Новгородской I летописью); оба эти известия с небольшими сокращениями читаются в СС. Под 6936 г. Уст., как и Новгородская IV летопись (в Новгородской I то же, но короче), сообщает о новом походе Витовта на Порхов — порховцы «добыша челом Витовту, дали за себя 5000 рублей», новгородцы также 5000 рублей, и «шестую тысящу рублей» дал архиепископ. Тот же текст обнаруживается и в СС и в Ермолинской летописи (в великокняжеских сводах — иной рассказ с иными цифрами). Как может быть объяснено соотношение между этими летописными текстами? Перед нами известие, связанное с Новгородом и явно восходящее к новгородскому летописанию. Но если это так, то следует признать, что Уст. дает более первоначальный текст известия 6936 г., чем СС и Ермолинская: в Уст. сохранились такие подробности рассказа, которые отсутствуют в этих летописях, но читаются в новгородских, — поход 6936 г. связывается с предшествующим походом (Витовт мстил за то, что во время прошлого столкновения «назвали мя есте изменником»), описываются поборы в новгородских волостях для уплаты дани и т. д.

Такое же соотношение наблюдается и в рассказе Уст., СС и Ермолинской летописи о засухе и море в 6939 г. Рассказ этот сходен с известиями Новгородской I и IV летописей за 6938 г., причем Уст. здесь опять оказывается ближе к этим летописям, чем СС и Ермолинская летопись:

²⁷ Известие об измене Протасьева, сходное с известием Уст., читается под 6945 г. в Софийской II и Львовской летописях, также восходящих, по нашим наблюдениям, к независимому летописному своду 70-х годов — источнику Ермолинской летописи и СС.

«Той же осени бысть вода мала велми, и земля и лесы горяху, и дым мног велми, иногда друга не видети, и с того дыма мряху рыбы и птицы, а рыба дымом во-няше и по два года...»

«Того же лета... засуха была; земля и болота горели и мгла; 6 недель люди солнца не видели; рыбы в дыму мерли; а что скот и птица, все дымом слышати...»

«Тогда же засуха была, земля и болота горели (в СС далее вставлено известие о смерти Фотия); мгла же стояла 6 недель, яко и солнца не видети, и рыбы в воде мерли (СС; и птицы на землю падали, не видели летати)»

Очевидно, что и это известие не могло быть заимствовано новгородскими летописями (одна из которых, Новгородская I младшего извода, даже по времени написания — не моложе середины XV в.) из Ермолинской летописи конца XV в. или из СС; очевидно также, что если рассказ 6939 г. восходит к новгородскому летописанию, то наиболее близко он передан в Уст.

Небольшое, но характерное совпадение между Уст., СС и Ермолинской летописями, с одной стороны, и Новгородской IV летописью, с другой, обнаруживается и под 6942 г. — здесь (в отличие от великокняжеских сводов) сообщается, что Василий Косой после победы Василия II ушел в Новгород, а уже оттуда — в Кострому. И, наконец, наиболее показательное соотношение между всеми этими летописями в рассказе о победе Ивана III над Новгородом в 6979 (1471) г. Текст, сохранившийся в Уст., представляет собой своеобразную обработку рассказа Новгородской IV летописи по Строевскому списку — последнего известного нам рассказа независимого новгородского летописания. Вслед за новгородской летописью текст Уст. повествует о том, как немецкий «князь местер» (магистр Ливонского ордена), не желая ссориться с великим князем, не дал Новгороду снестись с литовским королем, о том, как Иван III, узнав о новгородско-литовских связях, «разъгневался болми на Новгород» (в Новгородской IV: «болма разгневался») и казнил посадников, упоминается, что в городе «бысть на лучших людей молва, яко вы приведосте на Новгород великаго князя» и т. д. Но, в отличие от новгородской летописи, рассказ Уст. более подробно описывает войну на севере (в Двинской земле) и обнаруживает при этом совсем иную тенденцию — сочувствие великому князю: «Везде бо бог помогаше государю за его правду». Обратившись к СС и Ермолинской летописи, мы находим здесь сокращенное изложение того же рассказа, который читается в Уст. Здесь также сообщается о военных действиях на Двине, говорится, что «бог помогаше государю великому князю за его правду», а перед этим упоминается, что Иван III «разгневался (в Ермолинской: разъярився)» на новгородцев за их измену.

Предположение об идентичности свода, бывшего оригиналом СС и Уст. за XIII—XIV вв., и свода, служившего общим источником СС и Ермолинской, может быть подкреплено данными еще одного летописного памятника. Выше мы уже упоминали некоторые своеобразные известия X—XI вв., совпадающие в Ермолинской летописи и СС; в Уст. нет этих известий, ибо его начальная часть²⁹ (до XIII в.) не совпадает с СС.

²⁸ Так в Новгородской I младшего извода и в Новгородской IV (включая список Дубровского и Хронографический список); в позднем (середины XVI в.) Сокращенном Новгородском летописце по списку Н. К. Никольского под 6937 г. приводится еще более подробный рассказ, где употреблен термин «засуха», отсутствующий в остальных новгородских летописях, но других дополнительных совпадений с Уст., СС и Ермолинской здесь не обнаруживается (ПСРЛ, IV, ч. 1, вып. 3. Л., 1929, стр. 606).

²⁹ Об этой начальной части Уст. см.: А. А. Шахматов. О Начальном Киевском летописном своде. — Чтения ОИДР, 1897, кн. 3, стр. 53—56; М. Н. Тихомиров. Начало русской историографии. — «Вопросы истории», 1960, № 5, стр. 45—51; А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII в., стр. 24.

Но обратившись к так называемому Тверскому сборнику, или, точнее, к первой его части, доведенной до 6763 (1255) г. и не имеющей никакого отношения к Твери (вторая половина Тверского сборника, в отличие от первой, действительно связана с Тверью), мы находим там два известия X—XI вв., сходные с известиями Ермолинской летописи и СС («Владими́рова братия», «жыта из закожия»), и одно, сохранившееся только в Ермолинской (византийцы в 6414—6415 гг., желая помешать Олегу, «пропяша чепь» через море)³⁰. А в дальнейшей части Тверского сборника за XIII в. мы находим известия, отсутствующие в Ермолинской, но сохранившиеся зато в Уст. и СС: о сражении 6724 г. участием Добрыни, Алеши Поповича и Торопа (Уст. и СС под 6725 г.), о гибели тех же богатырей в 6732 г. на Калке (Уст. и СС под 6731 г.), а также несколько известий о Ростове и Новгороде, сохранившихся только в Уст. (6723, 6732 и 6739 гг.). Мы можем предполагать поэтому, что перед нами еще одно отражение того же источника СС, Уст. и Ермолинской летописи.

Материалы СС и Уст. (и отчасти Тверского сборника) существенно дополняют те данные о независимом общерусском своде 70-х годов XV в., которые могут быть получены в результате сопоставления Ермолинской летописи и СС. Мы уже отмечали, что тенденции этого свода и специальный интерес его составителя к лицам, группировавшимся во второй половине XV в. вокруг Кирилло-Белозерского монастыря, позволяет связывать свод 70-х годов с этим монастырем. Данные, извлекаемые из СС и Уст., подтверждают такое предположение. Перед нами памятник, связанный больше всего с северной окраиной древней Ростово-Суздальской земли. Фольклорные рассказы XIII в., сохранившиеся в Уст., Тверском сборнике и СС (более коротко), — это рассказы северного, ростовского цикла (о богатырях, сражавшихся за князя Константина Ростовского); характерно в связи с этим, что и составитель первой части Тверского сборника представлял себя читателю как житель «веси Ростовских областей»³¹. Но связь этого свода с Ростовской землей (в ее древних и широких границах, не совпадающих со скромными владениями ростовских князей в XV в.) вовсе не означала его принадлежности ростовской владычной кафедре. Мы уже отмечали крайнее невнимание общего источника Ермолинской и СС к ростовским архиепископам XV в.; столь же невнимателен к ростовским владикам XIII—XIV вв. и общий источник СС и Уст. — из 15 владык этого периода, перечисленных в Типографской летописи, Уст. называет только четырех, а СС — одного³². Составитель свода интересовался больше всего не Ростов и его владыки, а северные земли — Двина, Белоозеро, Устюг, Вологда. Излагая под 6897 г. завещание Дмитрия Донского, Уст. и СС специально добавляли, что северные владения Дмитрия — Белоозеро и Галич — были прежде «княжениями великими» (в Ермолинской, опирающейся в этой части на общий источник с Московским сводом, сохранилось здесь также характерное дополнение — оба эти княжества названы «опришными»); известие о последнем независимом князе Галицкого княжества приводилось в том же своде и под 6870 г.

³⁰ ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863 (фототипическое воспроизведение. — М., 1965); ср. А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 287. Наиболее полную характеристику первой части Тверского сборника см.: А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси Северо-Восточной». — «Отчет о сороковом присуждении наград гр. Уварова». СПб., 1899, стр. 93—109; см. также А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. — «Известия Академии наук СССР», VII серия. Отделение гуманитарных наук. Л., 1930, № 9, стр. 709—713.

³¹ ПСРЛ, т. XV, стб. 142.

³² В Уст. под 6796, 6798, 6901, 6904 гг.; в СС (Мазуринской) под 6904 г.; ср. ПСРЛ, т. XXIV. Пг., 1921, стр. 86, 87, 92, 98, 105, 107, 116, 118, 121, 136, 156, 160 и 165.

Предположение о кирилло-белозерском происхождении исследуемого свода наилучшим образом объясняют и его географический кругозор и политические тенденции. Широко привлекая новгородское летописание (в особой редакции, не всегда сохранившейся в дошедших до нас летописях), составитель свода вовсе не обнаруживал проновгородских тенденций — сочувствовал он не Новгороду, а тем северным землям, которые были предметом новгородской экспансии XIII—XIV вв. (с этим связано и его внимание к Анфалу Никитину — бывшему новгородскому ушкуйнику, порвавшему с Новгородом и ставшему двинским деятелем). Точно так же интерес составителя свода к Галичу никак не означал сочувствия галицким князьям в их борьбе с Василием II — как и кирилловский игумен Трифон, свод выступал в этом случае на стороне московского князя. Но отдавая должное этому князю, как «великому осподарю, во всей подсолнечной суцц», независимый монастырский летописец позволил себе весьма критическое отношение к конкретным путям московской политики. Отсюда целый ряд ярких и необычных известий, не попавших в великокняжеское летописание, но сохранившихся в СС, Уст. и Ермолинской летописью.

Н. В. Синицына

РАННИЕ РУКОПИСНЫЕ СБОРНИКИ СОЧИНЕНИЙ МАКСИМА ГРЕКА

(кодикологическое исследование)

Кодикологическое исследование наиболее ранних сохранившихся сборников сочинений Максима Грека (конец 40-х—первая половина 50-х годов XVI в.) имеет три основных аспекта.

Во-первых, установление в этих сборниках автографов Максима Грека (маргинальные глоссы разнообразного содержания, правка текста) позволяет говорить о непосредственном участии автора в составлении сборников сочинений, о том, что он придавал своим трудам политическое и культурно-просветительное значение. Наличие текстов, правленных рукой автора, создает надежную базу для публикации его сочинений и переводов, необходимость которой назрела уже давно.

Во-вторых, эта работа является исходным моментом источниковедческого исследования всего корпуса сочинений Максима Грека в его эволюции, всей его рукописной традиции.

Наконец, в-третьих, возникает задача выявления круга рукописей, родственных изучаемым, выяснение их связи с рукописной книжностью того времени с целью установления книгописного и — более широко — культурного центра (или центров), где рукописи возникли, что представляется нам важной задачей всякого кодикологического исследования. Решение этого вопроса способствовало бы более глубокому пониманию взаимоотношений Максима Грека с окружающей средой, обстоятельств его судьбы в последние годы жизни.

Четыре рукописных сборника сочинений Максима Грека являются прижизненными (до 1555 г.¹), так как в них имеются его автографы². Это следующие сборники: 1) ГБЛ, ф. 173, МДА Фунд. 42; далее — Иоасафовский сборник (И) или МДА 42; 2) ГБЛ, ф. 173. III, МДА 138; далее — Академический сборник (А) или МДА 138; 3) ГБЛ, ф. 37, Больш. 285; далее — Большаковский сборник (Б) или Больш. 285; 4) ГБЛ, ф. 256, Румянц. 264; далее — Румянцевский сборник (Р) или Рум. 264. К числу ранних сборников мы относим также сборник 1563 г. ГИМ, Хлуд. 73; далее — Хлудовский сборник (Х).

Владельцем сборника И был бывший московский митрополит Иоасаф,

¹ «Житие» Максима Грека датой его смерти называет декабрь 1555 г. (С. А. Белокурова. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, стр. LXXXI).

² Обоснованию отождествления мною посвящено специальное исследование. Почерк правки и глоссы в этих сборниках тождествен русскому почерку Максима Грека, установленному Б. Л. Фонкичем в составе рукописи, содержащей греческий автограф Максима Грека, — псалтырь, написанную им в Твери в 1540 г. (ГПБ, Соф. 78). Подробно см.: Б. Л. Фонкич. Новый автограф Максима Грека. — «Byzantinoslavica», 1969, № 1, стр. 80; он же. Русский автограф Максима Грека. — «История СССР», 1971, № 3, стр. 153—158.

о чем сообщает запись, сделанная на нижних полях лл. 4 об.—5 (это первые листы рукописи; лл. 1—2 — более поздние, л. 3 отсутствует): «митрополита Иасафа». Владельческие записи Иоасафа на других принадлежавших ему рукописях, аналогичные записи МДА 42, сделаны одним и тем же почерком, пером и киноварью и помещены всегда в одном и том же месте рукописи — на нижних полях лл. 1 об. и 2 основного текста (по современной пагинации номера этих листов могут быть различными). Рукопись МДА 42 была помечена после 1548 г., так как рассматриваемый прижизненный сборник содержит сочинения Максима Грека, датированные В. Ф. Ржигой 1548 г. и временем между 1548—1551 гг.³; он составлен, следовательно, после 1548 г.⁴ Запись о принадлежности рукописи МДА 42 Троицкому монастырю («Сиа книга троецкаа Сергиева монастыря»), находящаяся на л. 4 (так что владельческая запись Иоасафа является как бы ее продолжением, и обе записи опубликованы как одна⁵), сделана другим почерком, употреблена киноварь другого оттенка. Аналогичная запись (тем же почерком и киноварью) имеется и на других Иоасафовских рукописях (не на всех⁶); она сделана уже после смерти Иоасафа, когда его библиотека стала собственностью монастыря, где он провел последние годы жизни. Ныне рукопись также находится в составе Троицкого собрания ГБЛ, каких-либо записей о других ее владельцах не имеется; однако она хранит следы некоторой старообрядческой обработки. Орфография обоих писцов сборника имеет особенность, крайне редкую (если вообще существующую) в рукописях дониконовского периода XVI—XVII вв.: двойную форму сокращения слова «Иисус». Наряду с традиционным сокращением «ис», принятым в дониконовских рукописях, встречаем в сборнике форму «iис», которая позже была введена Никоном в соответствии с греческим Ἰησοῦς и против которой выступали старообрядцы⁷. В большинстве случаев в форме «iис» выскоблены с большей или меньшей степенью тщательности начальные знаки, так что получалось «iис» или «iс» (лл. 8, 72, 75 об., 90, 236 об., 289 и др.), но иногда форма «iис» оставалась незамеченной и неисправленной (лл. 75, 81, 83 об., 85 об., 88, 92, 100, 106, 201, 221, 260 об., 321 об., 376 об., 378 и др.).

В этой особенности орфографии следует видеть влияние оригинала Максима Грека, знатока греческого языка.

Рукопись в лист, написана двумя почерками (лл. 4—266 об. и 267—416). Первый писец написал 33 тетради и 1-й лист следующей; тетради по 8 листов, нумерация в центре нижнего поля на обороте последнего листа. 1-я и 22-я тетради содержат по 7 лл. Второй писец переписал 20 тетрадями (с 34-й по 53-ю), однако на большинстве тетрадями обозначения номеров срезаны, сохранились лишь на л. 345 (44-я тетрадь) и на л. 409 (53-я тетрадь), из чего можно заключить, что его тетради также были по 8 лл.: с л. 266 (л. 265 об. — конец 33-й тетради) до л. 345 — 79 листов, т. е. 10 тетрадями (один лист утерян) — с 34-й по 43-ю. Всего

³ В. Ф. Ржига. Опыты по истории русской публицистики XVI в. Максим Грек как публицист. — ТОДРЛ, т. I. Л., 1934, стр. 62, 72.

⁴ Сборник написан на бумаге без филиграней (что характерно для 40-х годов и середины XVI в.), за исключением лл. 204, 205, 308 (?), где филигрань типа Брике № 11004—1552 г., и лл. 202, 208 — рука в прямом рукавчике с сердцем на ладони, над пальцами корона, аналогичного знака в справочниках обнаружить не удалось.

⁵ Леонид. Сведения о славянских рукописях. . . находящихся в библиотеке Московской духовной академии, вып. 2. М., 1887, стр. 224—232. Здесь же перечень глав сборника.

⁶ Ср. ГБЛ, ф. 173, МДА Фунд. 207, лл. 1—2; ГБЛ, ф. 304, Троицк. 684, лл. 1—2.

⁷ См. [Димитрий Ростовский.] Розыск о раскольнической брынской вере. . . М., 1847, стр. 41—48.

в рукописи 416 лл. Второй писец нумеровал тетради в правом углу нижнего поля на первом листе.

Рукопись имеет не менее четырех слоев правки: 1) рукой писцов текста⁸; ими также написаны на полях толкования, пояснения, лексические замены, особенно многочисленные у первого писца⁹; 2) рукой Максима Грека (исправления ошибок писца, толкования, объяснительные замены слов и др.)¹⁰; о том, что эта правка делалась после того как киноварные толкования были уже написаны, свидетельствует, например, л. 197 об. (2-я киноварная строка верхнего поля, где Максим исправил слово «обычаю»); 3) рукой неизвестного писца¹¹; 4) правка более бледными чернилами (возможно, она сделана разными писцами и разновременно)¹².

Сборник состоит из предисловия («Предисловие, сказавшее вкратце силу книжки сеа», лл. 4—5 об.), оглавления («Сказание главам, яже суть в книзе сей», лл. 5 об.—7 об.), текста 47 глав (лл. 8—380) и дополнительных текстов, не обозначенных в оглавлении (лл. 381—416): «Пророчества Осиева» (выписки из пророков и отцов церкви); «Многоценных камней имена суть сия»; «От третьяго видения Даниилова»; «От видения осмаго Даниилова о Антихристе и страшном суде»; текст без заголовка, нач.: «Яко высота тела Голиафова бяше 6 локтей и пяди...»; «Канон молебн к божественному и покланяемому параклиту».

С Иоасафовским сборником сходен по составу Академический. В него входят (за некоторыми исключениями) те же сочинения Максима Грека, расположенные в той же последовательности, на полях помещены толкования слов и выражений, сделанные почерком рукописи или (реже) — почерком Максима Грека и совпадающие с МДА 42. Сборник в лист, содержит 236 лл., написанных одним характерным почерком, подражающим «греческому» письму («греческий» элемент более ярко выражен на лл. 29 об., 1—3-я строки сн., 156 об., 236 об., 1—5-я строки сн.; лл. 50, 91, 92, 215, 216, 225 и др., напротив, имеют более традиционный полууставный облик). По-видимому, именно почерк рукописи, с первого взгляда похожий на грецизированные почерки конца XVI в., заставил С. А. Белокурова датировать рукопись концом XVI—началом XVII в.¹³

⁸ См., например, лл. 13 об., 14, 20 об., 26 («да»), 29 об. («ва»), 30, 31, 31 об., 40 об. («ко», «присно»), 44 («ко»), 47 («нны») и далее с такой же частотой. У второго писца лишь следующие случаи: лл. 273 об., 275 об., 324 об., 330 об., 367 (верхняя глосса), 393.

⁹ Лл. 23, 26, 26 об., 27, 28 об., 29, 29 об. («стяжавати»), 37, 39, 41, 42 об.—48 об., 49 об.—55 об., 56 об., 57 об.—58 об. Затем перерыв до л. 152 об., далее — с прежней частотой. В тексте второго писца лишь один случай — л. 378 об.

¹⁰ См. лл. 27 (нижнее поле), 40 об. («божих»), 43 об. («въздааниу»), 49 об. («льжи мглу»), 77, 79 об. («глаголющем»), 80 об., 81 («свыше»), 81 об., 122 об. (нижнее поле), 123 об., 125, 145 об. (правое поле), 146, 178 («толк: сиречь законы»), 186 об. («Антоней»), 187 и об., 198 («толк: аггельских»), 208 об. (нижнее поле, верхняя глосса бокового поля), 346 об., 367 («зри прилежно и исправися»), 412, 413. Перечислены лишь некоторые случаи правки и глосс. А. И. Иванов ошибочно определяет как автографы сделанные преимущественно киноварью толкования некоторых слов и выражений, непонятных русскому читателю» (А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека. Характеристика. Атрибуция. Библиография. Л., 1969, стр. 22—23). Киноварные толкования написаны рукой первого писца. Многие автографы Максима Грека правильно увидел в рукописи Е. Е. Голубинский, хотя и писал об этом в вопросительной форме: на лл. 43 об., 49 об., 81 об., 107, 108, 122 об., 125, 129, 147 об., 152 об., 171, 178, 187, 187 об., 208 об., 346 об., 367; ошибочно указаны лишь лл. 54 об., 71, 104, 148 (Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, пол. 2. М., 1917, стр. 243).

¹¹ Лл. 4, 5, 8 об. (верхняя глосса), 9 (нижняя глосса), 15, 19 об., 24 об., 25, 29 об. («понеже»), 43 (нижнее поле), 45, 46 (нижнее поле) и многочисленные другие. У второго писца: 267 об., 276 об. (6-я строка сн.), 283 (11-я строка сн.) и некоторые другие.

¹² Лл. 8 об. (нижняя глосса), 9 (верхняя глосса), 16, 18, 78 об., 81, 83, 86 об., 87, 140, 147 (9-я строка сн.), 147 об. (нижнее поле), 148 (верхняя глосса). У второго писца нет.

¹³ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. CCLXVI, № 103.

Но филигрань рукописи (Брике № 2857, 1531—1548 гг. или Лихачев № 1726, 1727—1551 г.) и наличие в ней правки текста и маргинальных глосс, сделанных рукой Максима Грека, позволяют датировать ее приблизительно тем же временем, что и Иоасафовский сборник, — между 1548—1555 гг.

Начало сборника утрачено, на лл. 1—3 об. — конец 5-й главы. Отсутствуют (по сравнению с И) главы 20—25, 27, 37—39, 41; нумерация и последовательность наличных глав совпадают с МДА 42, нумерация сделана тем же почерком и киноварью, что и заголовки глав (рукой писца), и одновременно с написанием сборника. В отношении глав 20—25 мы не можем сказать, утрачены они или опущены при переписке; 19-я глава заканчивается на л. 177, оборот которого оставлен чистым, на л. 178 начинается 26-я глава (нумерация тетрадей, которая могла бы помочь восстановить первоначальный состав, отсутствует; возможно, она срезана при переплетении, так как поля рукописи были очень широкими; переплет XVII в.). Что касается остальных отсутствующих глав, то они были опущены при переписке: на л. 188 заканчивается 26-я и начинается 28-я глава; на л. 217 заканчивается 36-я и начинается 40-я; на л. 225 об. заканчивается 40-я и начинается 42-я глава.

Дополнительные тексты Иоасафовского сборника здесь отсутствуют. Этот сборник правлен Максимом Греком особенно тщательно, здесь содержится наибольшее количество его автографов по сравнению с другими рукописями¹⁴. Исправления ошибок писца непосредственно в строке, между строк, на полях встречаются почти на каждом листе рукописи; на полях сделаны различного рода толкования отдельных слов и выражений. Рукопись представляет значительный интерес для лингвистического анализа языка Максима Грека.

Орфография писца имеет ту же особенность, что и в Иоасафовском сборнике: написание как «ис», так и «иис» (в последнем случае выскоблено, см. лл. 3, 40 об., 50, 52, 54, 69 об., 80, 128 об. и др.). О том, что происхождение второй формы связано с влиянием Максима Грека, свидетельствуют глоссы на полях лл. 42, 43, сделанные его рукой. Писец написал в тексте «иисъ» (первая буква позже выскоблена, но ее можно разобрать). Максим Грек на поле напротив пишет другую, более правильную и соответствующую греческой форму «ӣӣс̄ъ».

Если рукопись МДА 138 еще не вошла в широкий научный оборот, о ней лишь кратко упоминали С. А. Белокуров и А. И. Иванов, то Иоасафовский сборник, напротив, неоднократно привлекал внимание исследователей.

Е. Е. Голубинский задавал вопрос, не списан ли этот сборник с собственноручной рукописи Максима, считал, что это — первое собрание сочинений в 47 глав, сделанное самим автором и представленное, помимо МДА 42, рукописями МДА 153 и Царск. 241—243 (шифры — ГБЛ, ф. 173, МДА Фунд. 153; ГИМ, Увар. 309, 310, 166). Е. Е. Голубинский считал также, что предисловие написано самим Максимом Греком¹⁵.

¹⁴ См., например, «толки», пояснения, синонимические замены на полях (первым цитируется слово или выражение текста, затем — маргинальная глосса): л. 7 «диком» (творит. падеж) — «толк камень обол»; л. 100 об. «герман» — «немцов»; л. 117 об. «все несомо» — «толк сиречь вся тварь»; л. 134 «Меонидом» — «Омиром»; л. 138 об. «земленое смещение» — «толк сиречь тело»; л. 146 «антихриста» — «сиречь противящагося евангельским заповедем»; л. 179 об. «Василиа» — «сиречь царство, а тлькуется утверждение людем» и ряд других. Исправления ошибок писца — почти на всех листах рукописи; см., например, л. 90, 8-я строка св., вставка пропущенных слова и слога; 5-я строка сн., замена «фиты» «фертом» в конце слова «философ», то же л. 91 об. (9 строка сн.); л. 97, вставка на поле пропущенного слова; л. 101 об., вставка пропущенной части фразы и др.

¹⁵ Е. Е. Голубинский. Указ. соч., т. II, пол. 2, стр. 242—243. Филарет (Гумилевский), напротив, полагал, что «собрания сочинений Максимовых все, какие есть, деланы

И. Денисов, предпринявший исследование генеалогии сборников с целью выяснения происхождения записи о месте рождения и родителях Максима Грека в сборнике ГБЛ, ф. 173, МДА Фунд. 153, не считал Иоасафовский сборник первоначальным собранием. По его мнению, это уже третий этап в составлении сборников трудов Максима Грека. Иоасафовский сборник был составлен, согласно его схеме, на основе более раннего сборника в 46 глав (утраченного), созданного в 1551 г., который, в свою очередь, возник из сборника (также не дошедшего до нас), содержавшего 25 глав и возникшего в 1547 г.¹⁶

Если мысль о наличии более ранних и более кратких по отношению к И собраний в основе своей верна, то введение второго этапа — собрания в 46 глав, отличного от МДА 42 и первичного по отношению к нему, является наименее удачной частью этого построения.

Рассмотрим аргументацию И. Денисова. Хотя он не считает Иоасафовский сборник первоначальным собранием, но уверен в том, что сборник списан с собственноручной рукописи Максима, которая более непосредственно отразилась в сборниках Царск. 241—242 (далее сокращенно Ц). Эти сборники, по И. Денисову, составлены из двух источников: 1) до 46-й главы — оригинала Максима Грека, родственного группе МДА 42 и МДА 153; 2) с 47-й главы — сборника 1563 г. (ГИМ, Хлуд. 73). Первый источник включал предисловие, 46 глав, названные в оглавлении, и дополнительную часть (appendice), содержащую «quelques poésies» Максима Грека (остается неясным, что при этом имеется в виду). Если дополнительная часть этого предполагаемого сборника совпадает с дополнительной частью МДА 42 (а лл. 381—416 МДА 42 и лл. 67—103 об. ГИМ, Увар. 310 (Ц)), следующие за 46-й главой, имеют одинаковое содержание), то состав Иоасафовского сборника (третий этап) оказывается полностью тождественным утраченному сборнику (второй этап). И. Денисов называет лишь следующие «усовершенствования» или «улучшения», которым после переписки подвергся Иоасафовский сборник (в сравнении с источником — собственноручной рукописью, непосредственно отразившейся в Ц): 1) оглавление И содержит 47 глав в отличие от 46 глав Ц; увеличение номеров — результат раздвоения 38-й главы; 2) «quelques poésies», находящиеся в Ц без нумерации, получили в И порядковые номера, так что их общее число возросло до 52-х; 3) в заголовки всех сочинений Иоасафовского сборника включено имя автора, отсутствовавшее в Ц. Вполне вероятно, что его не было и в источнике — в собственноручной рукописи.

Все три утверждения основаны на печатных описаниях, в ряде случаев неточных. Начнем с последнего. Имя автора отсутствует в заголовках лишь в описании П. М. Строева¹⁷, в рукописях Ц оно имеется. Далее. Первоначальное оглавление сборников Ц¹⁸ и И совпа-

не самим Максимом. Предисловие собирателя — не Максима» («Москвитянин», 1842, ч. VI, № 11, стр. 82—83). А. В. Горский и К. И. Невоструев считали, что предисловие «принадлежит современному собирателю слов» Максима Грека (А. В. Горский, К. И. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отд. II, ч. 2. М., 1859, стр. 520).

¹⁶ E. Denisoff. Maxime le Grec et l'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Paris—Louvain, 1943, p. 68—74. Изложение схемы И. Денисова см. также: С. М. Каштанов. Труды И. Денисова о Максиме Греке и его биографах. — «Византийский временник», т. XIV. М., 1958, стр. 289.

¹⁷ П. М. Строев. Рукописи славянские и российские, принадлежащие. . . И. Н. Царскому. М., 1848, стр. 200—211.

¹⁸ Рукописи Царск. 241—242 (ГИМ, Увар. 309, 310) не могут считаться единой рукописью, разделенной на два переплета, несмотря на то что первая содержит 1—34-ю главы, а вторая — 35—82-ю главы (в оглавлении Увар. 309 содержится 47 глав, пронумерованы 46). Рукопись ГБЛ, ф. 98, Егор. 869 написана тем же почерком

дает на протяжении всех 47 глав. В рукописях Егор. 869 и Увар. 309 пронумерована 46-я глава, а следующая за ней глава названа, но не пронумерована: «46. Сказ о птици неясити, в той же словеса возставлятелна к покаанию». То же читаем в оглавлении И¹⁹. Здесь к этому первоначальному оглавлению, написанному рукой первого писца, приписаны еще 4 главы — 48—51-я, и соответствующие номера проставлены (той же киноварью, что и приписка в оглавлении) в заголовках этих текстов в рукописи (лл. 377 об.—379 об.). Следовательно, новые номера — не результат присоединения новых глав к первоначальному составу, но лишь позднейшее²⁰ переосмысление замысла составителя, который считал 4 небольших текста частью 47-й главы. Составитель другого прижизненного сборника — Большаковского также поместил все тексты как единую 44-ю главу (лл. 58 об.—62 об.): «Словеса възставлятелна к покаанию, в той же главе 4 словца похвалны: о Иоанне тревеликом, о Фомаиде, мечем убитей от своего свекра, о Потамии, о древнем мучнице, его же имя неведомо». Именно эти 4 «словца» приписаны к первоначальному оглавлению и в качестве самостоятельных глав (48—51).

Что касается «раздвоения» 38-й главы и главы 52-й в построениях И. Денисова, то они основаны на неточностях или опечатках в описании Леонида (главы 52-й в рукописи нет, 38-я глава «раздвоена» той же рукой, которая сделала приписки к оглавлению (лл. 7, 7 об., 334 об.).

Итак, все вышеизложенное позволяет утверждать, что нет оснований выделять особое собрание сочинений Максима Грека в 46 глав, отличающееся от состава Иоасафовского сборника.

Третий сборник сочинений Максима Грека с его автографами — Большаковский. С. А. Белокуров считал, что он представляет собой вторую часть Хлудовского и написан, как и последний, в 1563 г.²¹ Сочинения, находящиеся в составе Большаковского сборника, пронумерованы как главы 26—72, нумерация сделана почерком рукописи; Хлудовский же сборник содержит главы 1—25, но имеет оглавление в 73 главы, на поле напротив названия 26-й главы помещена запись: «С сеа главы 26-я и прочая главы ищи во другой книзе»; именно эти главы и помещены в Больш. 285²². Однако сборники не являются частью единой рукописи прежде всего потому, что в Большаковском имеется правка Максима

и на той же бумаге, что Увар. 310. В Увар. 310 находятся те 35—82-я главы, которые перечислены в оглавлении Егор. 869. На последнем листе рукописи Егор. 869 (л. 329 об.) на нижней строчке начало заголовка 35-й главы «Того же инока Ма//»; продолжение — на л. 4 рукописи Увар. 310: «ксима сказание. . .». Рукопись Увар. 309 содержит 34 главы собрания в 47 глав (согласно ее оглавлению), а Егор. 869 и Увар. 310 — единая рукопись конца XVI в., разделившаяся в начале XVII в. на два переплета и заключающая собрание в 82 главы, основанное на присоединении к 47 главам других текстов. См. также ниже сноску 31.

¹⁹ Не вполне ясно, какой руке принадлежит номер главы 47-й: той ли, которая пронумеровала 1—46-ю главы или — 48—51-ю. В номере 47-й главы употреблена киноварь как будто того же оттенка, что в нумерации глав 1—46, но начертание «з» отличается от формы в числах 7, 17, 27, 37.

²⁰ Эти приписки сделаны тем же почерком, которым написана широко известная запись о месте рождения и родителях Максима Грека на первом нумерованном листе (охранном) уже упоминавшейся рукописи рубежа XVI—XVII вв. МДА 153, а также запись на последнем нумерованном листе этой рукописи (о Феодоре Твритине). Почерк приписок МДА 153 — другой, чем в рукописи, листы не имеют филигранны, но бумага (вержеры и понтюзо) — та же, что в основной части. В оглавлении рукописи МДА 153 (совпадающем с оглавлением Иоасафовского сборника) номера и названия 48—51 глав также приписаны, но другим, более поздним почерком. Записи МДА 153 иногда определялись как автографы Максима Грека; одна из них опубликована как автограф А. И. Ивановым (указ. соч., стр. 210; ср. стр. 24—25), несмотря на то что это отождествление решительно и справедливо отвергнуто И. Денисовым (*E. Denisoff*. Op. cit., p. 68).

²¹ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. ССXLVIII—ССXLIX.

²² Перечень глав оглавления и сборника см.: А. Понов. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, стр. 150—158.

Грека²³ и он составлен, следовательно, до 1555 г., а Хлудовский написан в 1563 г. (запись на л. 424 почерком рукописи). Сборники написаны на разной бумаге²⁴ и, вопреки мнению С. А. Белокурова, разными почерками²⁵.

Однако между ними есть и черты кодикологической общности. Как справедливо отметил С. А. Белокуров, обе рукописи имеют одно и то же число строк на странице (19), одну и ту же длину и ширину столбца письма. Что касается счета тетрадей, то этот вопрос несколько сложнее, чем в изложении С. А. Белокурова. Так, он отмечал, что Хлудовский сборник написан на 53 тетрадах; однако нумерация их в сборнике отсутствует, и их число устанавливается лишь путем расчета ($53 \times 8 = 424$; в сборнике 425 л.).

В Большаковском сборнике номера тетрадей сохранились не на всех листах рукописи, поэтому счет тетрадей и общее их количество определяется с помощью реконструкции. Здесь имеются две нумерации тетрадей. Одна из них (С. А. Белокуров называет ее «второй», но она сделана либо почерком рукописи, либо почерком, близким к ней) показывает, что на л. 60 об. заканчивалась 62-я тетрадь²⁶. Вторая (более поздняя) помечает каждые 10 тетрадей (л. 63 об. — 10; 142 — 20; л. 223 об. — 30; л. 300 об. — 40). С. А. Белокуров справедливо отметил, что в рукописи утрачено 17 листов: «в 10 тетрадах должно быть 80 листов, а не 63 листа; в 30 — 240, а не 223 листа». Однако исследователь исходил из того, что эти листы утрачены в начале рукописи, и, реконструируя счет тетрадей перед 62-й, пришел к выводу, что рукопись начиналась с 54-й тетради; при этом остались вне счета, лишними 5 лл.²⁷, и пришлось ввести предположение, что они были «заняты оглавлением или чем-либо другим тому подобным». Но если принять во внимание, что на л. 54 об. обрывается текст 38-й главы, 39—42 главы отсутствуют, а на л. 55 начинается 43-я глава, то становится очевидным, что утраченные 17 лл. (или их часть) находились между лл. 54 об.—55. Тогда 5 лл., лишние в подсчетах С. А. Белокурова, будут свидетельствовать о том, что Большаковская рукопись начиналась не с 54-й, а с 53-й тетради, а три листа в каких-либо из первых 10-ти тетрадей были утрачены к тому времени, когда делалась вторая нумерация.

Итак, можно сделать вывод, что протограф Хлудовского сборника был близок по формату к Большаковскому и что Хлудовский сборник

²³ На полях лл. 2, 2 об., 5, 6, 13 об. (верхняя глосса), 53, 74 об., 88, 118 об., 136, 154 об., 156, 173 об., 181 об., 182, 185, 186 об., 190, 199 (нижнее поле), 207, 209, 211, 218, 221 об., 227, 239 об., 242 об., 246 об., 249 об., 276, 288 об., 297, 302 об. и др. Исправления в строке и между строк — л. 55 об. (6 строка св.), 190 об. (3 строка св.) и др.

²⁴ В Большаковском сборнике филигрань Брике № 11032—1549 г. Хлудовский сборник написан на бумаге четырех сортов: 1) типа Брике № 11211 — 1555 г.; 2) Брике № 14007 — 1559—1562 г.; 3) Брике № 11248 — 1558 г.; Лихачев № 3084, 3085 — 1560 г., № 3142 — 1564 г.; 4) без водяных знаков (в конце рукописи).

²⁵ Основанием для различения почерков служат различные начертания таких характерных букв, как «ъ», «ѣ», «э», «в», «ж» (во всех вариантах этих букв), формы выносных букв и другие признаки. Орфография обоих писцов имеет ту же особенность, как в Иоасафовском и Академическом сборниках: наряду с написанием «йс» имеется «йс» (стертое). См. в Б лл. 154, 155, 224, 241 об., 243 об. и др.; в Х лл. 18, 19, 183 об., 195 об. и др.

²⁶ Последующие сохранившиеся номера продолжают именно эту сигнатуру: 63-я тетрадь (лл. 61—67), 64-я (лл. 68—75). Во времена С. А. Белокурова существовали еще номера 65-й тетради (на лл. 76 и 83 об.), 66-й (на лл. 84 и 91 об.), 67-й (на лл. 92 и 99 об.). Ныне они утрачены. Сохранился также номер 77-й тетради (л. 178 об.), 85-й (л. 242 об., у С. А. Белокурова не отмечен), 87-й (л. 258 об.). Утрачен также номер 81-й тетради (л. 210 об.). Всего в рукописи было, следовательно, 93 тетради (с л. 259 до л. 306 — 48 листов, 6 тетрадей, с 88-й по 93-ю).

²⁷ Девять тетрадей (с 54-й по 62-ю) должны занимать 72 лл., а подсчеты давали 77 (60 реальных и 17 утраченных).

повторяет формат своего протографа. К сожалению, не представляется возможным ответить на вопрос, не была ли протографом Хлудовского сборника непосредственно не сохранившаяся часть Большаковского. Неясно также и то, является ли Большаковский сборник результатом случайного разделения единой рукописи из 93 тетрадей на два переплета, из которых сохранился лишь второй, или же первые 25 глав были списаны с более раннего протографа, к которому присоединялись новые тексты. К постановке этого вопроса побуждает гипотеза И. Денисова, построенная на других основаниях, о существовании самостоятельного собрания сочинений в 25 глав²⁸. К этой гипотезе мы вернемся несколько дальше, теперь же отметим, что в последующей рукописной традиции две части собрания в 73 главы (1—25 и 26—73 главы) существуют самостоятельно²⁹ или разделены другими текстами. Так, путем присоединения к 73 главам 18-ти других сочинений и переводов Максима Грека возникло новое собрание его сочинений, причем составители поместили новые главы не в конце, а после текста 25-й главы, т. е. на границе между двумя частями³⁰.

В конце XVI в. появляются смешанные собрания, основанные на соединении Иоасафовского типа и второй части Хлудовско-Большаковского; первая его часть в них не отразилась. Так, в собрании, состоящем из 82 глав, в начале помещены главы Иоасафовского типа в том же составе (включая дополнительную часть) и в той же последовательности; затем помещены грамоты патриархов Иоакима и Дионисия о Максиме Греке, а после этого — главы второй части собрания в 73 главы (за исключением тех, которые уже были переписаны в первой, Иоасафовской части этого собрания)³¹.

Составители Соловецкого вида смешанного собрания³², наоборот, в полном составе и в той же последовательности переписали вторую часть Хлудовско-Большаковского типа (27—74 главы их собрания), а 1—25 главы взяли из Иоасафовского типа (следовательно, они не имели в своем распоряжении первых 25 глав собрания в 73 главы).

И. Денисов, как уже упоминалось, предполагал существование собрания в 25 глав, составленного в 1547 г. и снабженного предисловием. Это предисловие, которое предваряет оба собрания — и в 25, и в 73 главы, содержит характеристику предлагаемых читателю сочинений Максима Грека; И. Денисов видит в ней намеки на главы 5, 6, 8, 9, 13, 14, 17, 20, 21, 24, 25, а также предполагает, не это ли собрание входило в состав десяти «тетрадок», направленных Максимом митрополиту Макарию в 1547 г.³³ Об этом сообщают два послания — митрополиту и митропо-

²⁸ Можно предполагать наличие еще более кратко и раннего собрания в 12 глав, составленного в конце 30-х — первой половине 40-х годов XVI в. [Н. В. Симицына. Максим Грек и Савонарола (К вопросу о первом рукописном собрании сочинений Максима Грека). — «Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе». Сб. статей, посвященный Л. В. Черепнину. М., 1972, стр. 149—156]. Состав этого собрания совпадает с первыми 12-ю главами собраний в 47 и 73 главы. Совпадение продолжается дальше, вплоть до 18-й главы. Возможно, это также какой-то этап составительской работы.

²⁹ Вторая часть: ГБЛ, ф. 178, Муз. 3010; ГБЛ, ф. 209, Овчинн. 132.

³⁰ Известны следующие списки: 1) ГБЛ, ф. 199, Никифор. 79, вт. четв. XVII в. (до 1645 г.); 2) ЦГАДА, ф. 181, РО МГА МИД, № 585, сер. XVII в.; 3) ГПБ, Погод. 1144, 60-е годы XVII в.; 4) ГИМ, Щукинск. 537, кон. XVII—нач. XVIII в.; 5) ГБЛ, ф. 98, Егор. 1198, XVIII в.

³¹ Списки: 1) ГБЛ, ф. 98, Егор. 869, кон. XVI в.; 2) ГИМ, Увар. 310, кон. XVI в.; 3) ГБЛ, ф. 98, Егор. 207, XVII в.; 4) ГИМ, Увар. 166, XVII в.; 5) ГБЛ, Унд. 490, XVIII в. См. также сноску 18.

³² Списки: 1) ГПБ, ОЛДП, О. 178, кон. XVI в.; 2) ГПБ, Сол. 497/516, кон. XVI в.; 3) ГПБ, Сол. 496/515, кон. XVI в.; 4) ГПБ, Сол. 494/513, кон. XVI—нач. XVII в.; 5) ГПБ, Погод. 1140, XVII в.; 6) ГПБ, Соф. 1236, XVIII в.

³³ E. Denisoff. Op. cit., p. 72—73.

личьему казначею Алексею³⁴. Они были написаны Максимом Греком в ответ на послания к нему Макария и Алексея, переданные «служебником» Алексея Андреем Семеновым, который дополнительно что-то «сказывал пространне». Этими посланиями Максим Грек сопроводил «десять тетрадок» своих сочинений, направленных митрополиту Макарию по его просьбе или «повелению»: «хвалиши зело худых многих списаний и с зельным духовным желанием повелеваеши мне сия к тебе послати».

В послании митрополиту автор дает лишь самую общую характеристику посланных сочинений: «учение нужных догмат и словес душеполезных». Далее говорится об одном из них: «А о них же повелеваеши мне поведати, откуда достигшее нас³⁵ ныне нестроение, и что сему виновное, во втором слове еже на Моамефа при конце слова обрящеши... Сего ради, писати о тех же лишне разсудих»³⁶. «Слово на Моамефа»³⁷, о котором здесь идет речь, — 8-я и 9-я главы Хлудовско-Большаковского и Иоасафовского собраний сочинений Максима Грека.

В послании Алексею содержится более подробная характеристика содержания «десяти тетрадок»: «Аз же, отче, по твоей грамоте и тратку ту приготовил, по твоему приказу, да еще к той и ины тетратки 10 посылаю к государю нашему преосвященному митрополиту и к тебе; вещи, по моему суду, не худы: учение о нравех, и вооружение сильно на латинския ереси, и злочестивое упрямо еврейство, и на еллинскую прелесть, и звездочетие... А тетратка, в ней же главы 27, та мною списана мудро добре к самому великому властелю»³⁸.

«Тетратка» из 27 глав, как установил В. Ф. Ржига, это «Главы поучительны начальствующим правоверно», написанные для Ивана IV, — 25-я глава Хлудовско-Большаковского и Иоасафовского собраний. В. Ф. Ржига датировал это сочинение 1548 г.³⁹; на этом основании послания Макарию и Алексею также относятся к 1548 г.⁴⁰

«Вооружению на латинския ереси» соответствует 7-я глава обоих собраний («Обличение на латыньския три болшиа ереси»; «злочестивое упрямо еврейство» обличается в 5-й главе, «еллинская прелесть» — в 6-й («Слово обличительно на еллинскую прелесть»), «звездочетие» — в 13-й и 14-й главах; «учение нужных догмат», о которых Максим писал митрополиту Макарию, — первые четыре главы. Что касается «учения о нравех», то это — слишком широкая и обобщенная формулировка, которая может быть отнесена как к главам среди первых 25-ти (15—17, 21—23), так и к некоторым последующим.

Определенная близость между составом начальных глав и составом 10 тетрадей, безусловно, имеется; но при этом необходимо учитывать и то, что в Хлудовском сборнике (при формате в 4°) 25 глав занимают 53 тетради, в Иоасафовском (формат 1°) — 35 тетрадей. Поэтому вряд ли можно определять содержание «тетрадок» слишком широко. С другой стороны, 25 глав, появляющиеся при анализе разных источников, заставляют сохранить гипотезу о наличии самостоятельного собрания в 25 глав.

³⁴ Послание Макарию опубликовано Филаретом («Москвитянин», 1842, ч. VI, № 11, стр. 84—95). Рукопись, по которой осуществлена публикация, не указана, но очевидно, что это — Румянцевский сборник, уже упомянутый в начале нашей статьи (ГБЛ, Рум. 264, лл. 37—40 об.). Текст имеет собственноручную правку Максима Грека. Другие списки послания неизвестны. Послание Алексею см.: «Сочинения Максима Грека», ч. 2. Казань, 1860, стр. 382—386.

³⁵ Имеется в виду Византия.

³⁶ «Москвитянин», 1842, ч. VI, № 11, стр. 94—95.

³⁷ «Сочинения Максима Грека», ч. 1. Казань, 1859, стр. 131—150.

³⁸ Там же, ч. 2, стр. 383.

³⁹ См. ссылку 3.

⁴⁰ Ср. И. И. Смирнов. Максим Грек и митрополит Макарий. — «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». Сб. статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М., 1963, стр. 179.

Итак, рассмотренные сборники позволяют сделать вывод о наличии в конце 40-х—первой половине 50-х годов XVI в. двух собраний сочинений Максима Грека — Иоасафовского в 47 глав и Хлудовско-Большаковского в 73 главы (возможно, оно состояло из двух частей, 1—25 и 26—73 главы). Ни один из дошедших до нас ранних сборников не является протографом, о чем свидетельствует сличение их друг с другом и с более поздними списками. Иоасафовский, Академический, Большаковский сборники — списки с неизвестных нам протографов, правленные рукой автора.

Вопрос о том, какое из этих собраний является более ранним, сложен. Исследование их рукописной традиции не позволяет ответить на него с определенностью. Что касается текстологического анализа, то применительно к сочинениям Максима Грека он имеет одну специфическую сложность. Максим Грек неоднократно направлял свои сочинения разным лицам, допуская более или менее значительную вариацию текста, и в рукописную традицию попадали разные варианты, поэтому выбор «лучшего», «первичного» чтения в ряде случаев невозможен, так как оба чтения оказываются авторскими. На данной стадии изучения вопроса оба собрания представляются нам близкими по времени возникновения, хотя второе, как более полное, могло возникнуть позже.

Последний известный нам сборник с собственноручной правкой⁴¹ Максима Грека — Румянцевский. Он настолько интересен и сложен по своему составу, что ему должно быть посвящено специальное исследование, здесь же ограничимся лишь самыми краткими данными. Он составлен до 1555 г., после 1545 г., так как содержит грамоту александрийского патриарха Иоакима о Максиме Греке, датированную 1545 г. (л. 191 и об.). Многочисленные филигранные рукописи не позволяют сузить его хронологические рамки. Румянцевский сборник — третье прижизненное собрание сочинений автора; но он лишен парадности, законченности, отработанности состава и счета глав, которые характерны для сборников, рассмотренных выше. Сюда вошли по преимуществу те сочинения Максима Грека, которых нет в первых двух собраниях⁴². Этот сборник уникален по содержанию, во-первых, в том смысле, что его состав не повторен ни в одном из известных нам многочисленных более поздних сборников сочинений этого автора; во-вторых, здесь помещено значительное число сочинений и в особенности переводов Максима Грека, не известных в других списках. Некоторые из них опубликованы Филаретом, В. Ф. Ржигой, А. И. Клибановым, другие остаются неизданными.

Некоторые тексты помещены в сборнике дважды, причем в разных вариантах. Так, послание митрополиту Даниилу помещено на лл. 18 об.—22 (текст А) и лл. 127—131 (текст Б). Текст А ближе к тому посланию, которое непосредственно было направлено Даниилу. Так, он имеет приписку: «А я тебе, государю моему, много челом бью о земли. Многогрешный черноризец Максим святогорець»; в тексте Б она отсутствует. В тексте А Максим пишет о себе: «Наименший раб твой»; в тексте Б: «Наименший брат ваш» (превращение текста частного послания в публицистическое произведение). Другие примеры изменений: «священных книг» (А) — «священных писаней» (Б); «преводе книжном» (А) — «преводе псалтырном» (Б); «излишному питию» (А) — «излишному винопитию» (Б) и т. д.

⁴¹ См., например, написанные им заголовки некоторых сочинений: «Того же Максима Грека послание примирительно к бывшему митрополиту всея Руси Даниилу» (л. 127); «Сказание о хлебе причастия, откуда и како начя прия» (л. 11); см. также лл. 53, 85 об., 100, 122, 144 об., 241 и многочисленные другие.

⁴² Перечень глав см.: А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцеваго музеума. СПб., 1842, стр. 366—374.

Весь сборник написан одним почерком (иногда более тщательным, иногда более небрежным), за исключением следующих листов: 41—47 об., 122—126, 246—251, 316—321 об., 322.

Для нашего исследования в особенности важно, что тем же почерком, которым написан основной текст Румянцевского сборника, сделана правка в трех местах рассмотренного выше Академического сборника: вставки текста на полях лл. 50, 62 об., 67 об. Это свидетельствует о возникновении обоих сборников в одном книгописном центре. Определение этого книгописного центра (а также того или тех, где возникли остальные сборники) может быть осуществлено путем изучения рукописной книжности середины XVI в. и отождествлений почерков. Это задача следующего этапа исследования.

Р. Г. Кузеев

ШЕЖЕРЕ — ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ БАШКИРСКОГО НАРОДА

Шежере — своеобразные башкирские письменные памятники XVI—XIX, а иногда и более ранних веков. Слово «шежере» (*шәжәрә*) означает «родословная» или «родословие»¹. Однако такой перевод не исчерпывает значения, которое термин «шежере» имеет в действительности. В историко-краеведческой литературе XIX в. эти письменные памятники назывались по-разному — хроникой, преданием, летописью или просто исторической записью². Ни один из этих переводов нельзя считать точным. Строго говоря, точный перевод, видимо, невозможен, ибо сами шежере как по форме, так и по содержанию неодинаковы. Если одни шежере действительно являются родословными, другие — включают сведения, приближающие их к летописям. Тем не менее к большинству шежере, во всяком случае к наиболее ценным из них, на наш взгляд, правильно применять термин «генеалогическая летопись».

У башкир, как и у многих других в прошлом скотоводческих народов, издавна существовал обычай составлять родовые генеалогии. В них включались имена членов рода по мужской линии. Уже в период господства патриархально-родовых отношений шежере стали перерастать свое первоначальное назначение. Передаваясь от отцов к детям и внукам, родословные постепенно обрастали рассказами о событиях, которые происходили при жизни того или иного родового вождя — бия или вообще предка. Из поколения в поколение шежере вырастают в своеобразную историю рода или племени. В ней находили отражение представления башкир о происхождении своего племени или рода; события, связанные с историей их расселения; генеалогии родо-племенной знати; внутренняя структура родо-племенных организаций и т. д.

В XV—XVI вв. и позднее, когда шежере стали слишком громоздкими, чтобы удержаться целиком, без искажений в памяти отдельных людей, их стали записывать на языке «тюрки». Шежере племени юрматы, например, было написано под диктовку бия Татигаса муллою Бакыем в 972 г. хиджры (1564—1565 гг.). По имеющимся в нем сведениям видно, что Татигас-бий, диктуя мулле Бакыю содержание летописи, не только рассчитывал на свою память, но и пользовался другими, более

¹ «Башкирско-русский словарь». М., 1958, стр. 667.

² В. С. Юматов. Древние предания башкирцев Чубиминской волости. — «Оренбургские губернские ведомости», 1848, № 7, часть неофициальная; М. В. Лоссиевский. Из неизданных арабских и татарских хроник Оренбургского края. — «Справочная книжка Уфимской губернии», Уфа, 1883, отд. V; П. С. Назаров. К этнографии башкир. — «Этнографическое обозрение», 1890, № 1; Д. Н. Соколов. Опыт разбора одной башкирской летописи. — «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», вып. IV. Оренбург, 1898.

ранними письменными источниками. Это означает, что шежере, хотя и редко, записывались и раньше: в XV, возможно, в XIV вв. Превращение некогда устных родословных в письменные документы было связано с укреплением мусульманской религии и распространением арабской письменности в Башкирии в XIV—XV вв. До наших дней, однако, шежере дошли преимущественно в копиях XVIII—XIX вв., и только некоторые — в более ранних списках.

Шежере не есть явление, присущее только башкирам. На определенной стадии общественного развития, а именно в эпоху разложения родового строя и формирования классовых отношений, составление генеалогий имело место у многих народов. Устные шежере бытуют среди казахов, туркмен, киргизов, монголов и других народов³. Эти памятники древней и средневековой истории у различных народов могут называться по-разному (шежере, тайра, тарих и т. д.), но суть их остается примерно одинаковой, т. е. они включают генеалогию племени (рода) с более или менее подробным изложением выдающихся событий из жизни народа вообще или, чаще, данной родо-племенной группы. Древность и традиционность генеалогических летописей у тюркских и монгольских народов не вызывает сомнения. В сущности большинство выдающихся исторических работ средневековья, начиная от «Сокровенного сказания» (XIII в.) и кончая сочинениями Абу-л-Гази (XVII в.), в значительной части опираются на кодификацию родо-племенных генеалогий, из века в век устойчиво сохранявшихся в памяти народов⁴.

* * *

Родо-племенные шежере записывались многими поколениями, поэтому они представляли большую ценность, своеобразную реликвию, свидетельствующую о древности происхождения племени, о богатстве его истории и т. д. Рукописными шежере башкиры очень дорожили и с особым пристрастием их хранили. Хранителями обычно были мулла или один из наиболее авторитетных аксакалов рода. Они не только сберегали рукопись, но и записывали в нее события и имена людей, современниками которых являлись сами. Перед смертью аксакал или мулла передавал шежере своему преемнику, который обычно заново его копировал. Шежере строго охранялось, редко кому показывалось, и за пределами рода его местонахождение почти никому не было известно. Как это ни парадоксально, именно это обстоятельство, т. е. слишком бережное отношение к шежере, и явилось одной из основных причин того, что до нас дошло сравнительно мало этих ценных исторических источников.

Создание фонда шежере⁵, которым сегодня располагает научный архив Башкирского филиала АН СССР, заняло несколько десятилетий. Изучение и использование шежере в исторических исследованиях началось значительно раньше, более двух столетий назад. Впервые обратился к этим источникам П. И. Рычков. В «Истории Оренбургской» борьбу башкир с ногайским господством, некоторые моменты из истории присоединения Башкирии к Российскому государству П. И. Рычков описывает, опираясь на рассказ «башкирского старшины Кадряса Муллака-

³ М. Б. Ахинжанов. Этногенез казахского народа. — «Ученые записки Казахского государственного университета», т. XXXVIII, Серия историческая, вып. 4. Алма-Ата, 1959, стр. 199; А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.—Л., 1958, стр. 25; Б. Я. Владимирцев. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, стр. 46.

⁴ И. Петрушевский. Рашид-ад-дин и его исторический труд. — Вводная статья в кн.: Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I. М.—Л., 1952, стр. 27; А. Н. Кононов. Указ. соч., стр. 20, 25.

⁵ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 12, ед. хр. 36. Башкирские шежере.

ева»⁶. Кадряс Муллакаев, в свою очередь, сообщил П. И. Рычкову сведения, почерпнутые им из «татарской истории», которая, однако, во время башкирского восстания 1735—1740 гг. была утеряна. Сопоставление сведений, содержащихся в книге П. И. Рыčkова, с текстами башкирских шежере показало, что «татарская история» К. Муллакаева — не что иное, как шежере башкир племени мин⁷. В другой работе — «Введение к Астраханской топографии» — П. И. Рычков использует шежере башкир-кыпчаков⁸.

Некоторый интерес к башкирским шежере сохраняется и в XIX в. В 1848 г. В. С. Юматов впервые издал родословную башкир племени мин. В 1881 г. М. В. Лоссиевский опубликовал на страницах газеты «Оренбургский листок» другие варианты шежере башкир-минцев, перепечатанные позднее в «Справочной книжке Уфимской губернии». Там же М. В. Лоссиевский напечатал шежере племени юрматы и фрагменты из родословных других башкирских племен. В 1890 г. этнограф П. С. Назаров издал «историческую записку», сочетающую в себе тексты из шежере башкир племен мин и юрматы. Фрагменты или просто фактические материалы из неопубликованных башкирских шежере содержатся в работах известного историка и краеведа Р. Г. Игнатьева⁹.

В конце XIX и особенно в начале XX в. шежере становятся предметом внимания представителей формирующейся национальной интеллигенции¹⁰. В исторических сочинениях Шихабуддина Марджани, Мурада Рамзи, Хасан-Гата, Мухаметсалима Уметбаева и других при описании различных моментов древней и средневековой истории башкир довольно часто используются шежере¹¹. Это был период, когда формирующаяся татаро-башкирская национальная историография стремилась, наряду с традиционными (обычно мусульманско-богословскими) источниками, использовать и местные, а именно шежере, родо-племенные этнонимы, исторические предания, легенды и т. д. Особенно это характерно для такой крупной фигуры в истории татарской культуры XIX в., как Ш. Марджани, в архиве которого недавно обнаружено шежере башкир племени табын, посланное ему одним из его корреспондентов в Башкирии¹². Для М. Уметбаева шежере были объектом специального изучения; ему мы обязаны сохранением и публикацией в книге «Ядкар» полных текстов шежере башкирских родов кальсер-табын, кесе-табын и племени айле¹³. В сочинении М. Рамзи опубликованы фрагменты древнего шежере башкир племени бурзян. В 1913—1914 гг. в журнале «Шура» были опубликованы девять шежере (в подлинниках или в переложении).

Из упомянутых выше татарских и башкирских историков только Ш. Марджани попытался использовать генеалогические летописи для

⁶ П. И. Рычков. История Оренбургская (1730—1750). Оренбург, 1896, стр. 69.

⁷ «Башкирское шежере». Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р. Г. Кузеева. Уфа, 1960, стр. 50—52.

⁸ П. И. Рычков. Введение к Астраханской топографии. М., 1774, стр. 18—19.

⁹ В. С. Юматов. Указ. соч.; М. В. Лоссиевский. Указ. соч.; он же. Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам. «Справочная книжка Уфимской губернии». Уфа, 1883, отд. V; П. С. Назаров. Указ. соч.; Р. Г. Игнатьев. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии. — «Памятная книжка Уфимской губернии». Уфа, 1883; он же. Сказания, сказки и песни, сохранившиеся в рукописях татарской письменности и устных пересказах у инородцев-магометан Оренбургского края. — «Записки Оренбургского отделения РГО», 1875, вып. III.

¹⁰ Н. Ф. Катанов. Краткий обзор татарских исторических книг. Казань, 1912.

¹¹ Ш. Марджани. Мустафад-эль-ахбар фи ахваль Казан ва Булгар, ч. 1. Казань, 1885; ч. 2. Казань, 1900; М. Рамзи. Талфик-эль-ахбар ва талкихл-асар фи вакаири Казан ва Болгар ва мелекит-татар, т. I. Оренбург, 1907; Хасан-Гата. Муфассал тарихи кауми тюрки, т. I. Уфа, 1909; М. Уметбаев. Ядкар. Уфа, 1908.

¹² М. Усманов. Шәжәрәләр тарихенән сәхифә. — «Ағизел», 1966, № 3, стр. 82—83.

¹³ М. Уметбаев. Указ. соч., стр. 39—59.

обобщенного изложения истории башкир. В целом же уровень критического анализа источников типа шежере в исторических сочинениях конца XIX—начала XX в. был невысок: все сведения шежере воспринимались как достоверные и на их основе создавались громоздкие генеалогические схемы, имеющие целью доказать родство тех или иных башкирских племен с уйгурами или монголами, туркменами или каракалпаками и т. д. Эта же тенденция в интерпретации башкирских шежере сохраняется и в немногочисленных последующих публикациях¹⁴.

После Октябрьской революции и до конца 20-х годов сбором башкирских шежере занимались историки-краеведы и экспедиции, организованные как местными, так и центральными научными учреждениями. Собранные шежере сосредоточивались в Башкирском научно-исследовательском институте национальной культуры. Некоторые родословные были сданы в фонд института крестьянами, получившими эти рукописи в наследство от дедов. К сожалению, немало шежере было уничтожено в начале XX в. фанатиками родовых традиций, не желавшими последнюю память о давно прошедшей жизни дедов передавать в руки чуждой им по духу молодежи. Публикаций шежере в этот период было немного. В 1926—1927 гг. С. Мирасовым были опубликованы три шежере: племен юрматы, кыпчак и рода кара-табын. Наибольшего внимания среди них заслуживает шежере племени юрматы, опубликованное с сохранением особенностей текста оригинала.

В смысле выявления и накопления новых текстов шежере 1920-е годы были, пожалуй, наиболее плодотворными. В фонде Башкирского научно-исследовательского института национальной культуры было собрано несколько десятков шежере. Из-за небрежного хранения, однако, часть рукописей была утеряна. В 1951 г., когда, в связи с образованием Башкирского филиала АН СССР, были приведены в порядок и тщательно описаны рукописные фонды, перешедшие в научный архив филиала от других учреждений, башкирских шежере оказалось всего 36 единиц. Среди них, к счастью, сохранилось несколько старых текстов, ценность которых огромна; это шежере племен мин, кыпчак и некоторые другие.

Позднее шежере перестают быть объектом изучения. Влияние вульгарного социологизма в исторической науке сказалось и в недооценке источниковедческой базы исследований. Именно в это время появляется и надолго утверждается мнение, что шежере — это «сочиненные духовенством» родословные феодалов, преследующие узко классовые цели: доказать аристократическое происхождение того или иного лица и его право на привилегии¹⁵. При этом игнорировался тот очевидный факт, что шежере тюркских (и монгольских) народов, в принципе, могут быть поставлены в один ряд с такими общепризнанными памятниками, как «Шаджарә-и-түрк» и «Шаджарә-и-тәрақимә» Абу-л-Гази и многими фрагментами знаменитого труда «Джами ат'-таварих» Рашид-ад-дина.

В конце 1950-х годов вновь возрождается интерес к шежере и вообще к письменным источникам этого типа. Некоторые ученые, в частности А. П. Ковалевский, еще раньше настойчиво обращали внимание на неоправданность «пренебрежительного отношения к татарским письменным источникам»¹⁶. Многие исследователи согласились с тем, что шежере, несмотря на недостатки, связанные с легендарностью части сообщаемых ими сведений, могут при условии тщательного критического

¹⁴ С. Мирасов. Башкорттарзың борыңғы хәле, башкорт халқы. — «Башкорт аймағы», 1926, № 2; *он же*. Тәтәгәч бий шәжәрәсе. — Там же, 1927, № 2; *он же*. Башкорт шәжәрәләре. — Там же, 1927, № 4.

¹⁵ «История Казахской ССР», т. I. Алма-Ата, 1957, стр. 132.

¹⁶ А. П. Ковалевский. Чуваши и болгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана. Чебоксары, 1954, стр. 52.

анализа текстов на широком фоне других исторических данных оказаться ценнейшим источником по средневековой истории тюркских народов¹⁷.

Институт истории, языка и литературы БФАН СССР возобновил систематический сбор и изучение башкирских шежере в 1955—1956 гг. В 1957 г. впервые после долгого перерыва возобновились публикации текстов; с подробными комментариями были опубликованы транскрибированные на современный башкирский алфавит тексты шежере юго-восточных племен (бурзян, кыпчак, тамьян, усерган) и некоторые фрагменты из шежере племени мин¹⁸. Систематический характер принимает работа по выявлению и сбору новых текстов. В 1950-х годах удалось обнаружить и собрать, как в фондах института, так и во время полевых работ в районах БАССР, более 15 новых шежере, в большинстве случаев до сих пор не известных науке. В 1960 г. автором настоящей работы была опубликована книга «Башкирские шежере», которая обобщила всю собирательскую работу предшествующего периода. Уже в эти и последующие годы шежере довольно плодотворно были использованы для исследования политической истории башкир в XV—XVI вв. и истории культуры башкир в эпоху позднего средневековья¹⁹.

В книге «Башкирские шежере» опубликованы (с подробными комментариями) фотокопии, транскрипции и переводы на русский язык 25 шежере из известных 75. Тексты для публикации отбирались с таким расчетом, чтобы возможно шире представить историю различных башкирских племен. С выходом в свет книги работа по выявлению и сбору новых шежере не прекратилась. За истекшее десятилетие найдено и передано в архив ИИЯЛ еще 12 шежере. Наиболее интересны среди них шежере рода тюбеляс (или кувакан), западнобашкирских племен байляр и буляр, новый вариант шежере племени кыпчак и некоторые другие²⁰. Новые тексты подготавливаются в настоящее время к публикации.

* * *

О достоверности источников типа шежере высказывалось немало сомнений. На первый взгляд, они действительно имеют как будто некоторые основания. Шежере записывались (или, точнее, переписывались) муллами, которые обычно часть текста посвящали составлению генеалогии пророков аллаха, выдававшихся, согласно мусульманской традиции, за предков башкир. Иногда шежере начинаются с имени Чингисхана. Реальные исторические личности в этих случаях генеалогически связывались с легендарными героями мусульманской или тюрко-монгольской мифологии. Составители шежере таким путем стремились доказать «знатное» или даже «божественное» происхождение некоторых представителей башкирской родо-племенной знати. В этом нетрудно усмотреть классовую направленность шежере. В эпоху, когда в башкирском обществе укрепилась наследственная власть родо-племенной

¹⁷ С. М. Абрамзон. Киргизское население Синьцзян-уйгурской автономной области КНР. — «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. II. М., 1959; Т. А. Жданко. Проблема этногенеза каракалпаков. — «Краткие сообщения Института этнографии», № XXXVI. М., 1962; Г. П. Васильева. Этнографические данные о происхождении туркменского народа. (Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук.) М., 1964.

¹⁸ Р. Г. Кузеев. Башкортостандың Рус государствоһына кушылыуы тураһында башкорт шежерәләре. — «Әҙәби Башкортостан», 1957, № 6.

¹⁹ Р. Г. Кузеев. Башкирские шежере о присоединении Башкирии к Русскому государству. — «Советская этнография», 1957, № 4; А. Н. Усманов. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960; Г. Хөсәинов. Башкорт әҙәбиәте тарихенә карата. — «Башкортостан укытыусыһы», 1958, № 9; Ә. Харисов. Башкорт хылкының әҙәби мираһы. Өфө, 1965.

²⁰ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 11, ед. хр. 6.

аристократии, многие шежере стремились идеологически обосновать законность этой власти, законность наследственной преемственности власти биев. Утверждение этого принципа требовало, естественно, соответствующей аргументации. В представлениях феодализирующейся башкирской знати наиболее веским обоснованием «законности» власти было аристократическое происхождение, прямая генеалогическая связь их предков с наместниками бога на земле или с Чингис-ханом, его сыновьями, с Огуз-ханом и т. д. В этой части сведения башкирских шежере ничего общего с исторической действительностью не имеют.

Сказанное, однако, не должно ставить под сомнение достоверность основных фактов и сведений, содержащихся в шежере и во многих случаях поддающихся проверке на основе документальных или историко-этнографических источников. К тому же немало рукописей шежере вообще игнорируют представления корана или традиции тюрко-монгольской мифологии о происхождении народов. Эти шежере начинаются непосредственно с описания достоверных событий, а их генеалогии включают только реальных людей.

Ведя речь о достоверности башкирских шежере, надо иметь в виду, что они не являются плодом индивидуального творчества. Известны только четыре рукописи, у которых есть авторы: упомянутое шежере юрматынцев, продиктованное Татигас-бием мулле Бакью; шежере айлинцев, написанное Тажетдином Ялчыгуловым; два табынских шежере Мухаметсалима Уметбаева. Но и в этих случаях правильнее их считать не авторами, а составителями новых списков шежере, так как созданные ими тексты всегда опираются на факты и сведения, дошедшие до них в устной или письменной форме от предшественников²¹. Составители большинства шежере неизвестны. Это закономерно, так как в конечном итоге шежере — результат длительного (многовекового) и коллективного творчества. Составление родословной, начатое одним автором, продолжалось другим и завершалось третьим.

Почти в любом шежере, независимо от того, составлялось ли оно в каком-то варианте одним человеком или многими людьми, содержится переложение или пересказ более старых текстов, а также исторических фактов, сохранившихся в памяти народа. В этом смысле башкирские шежере донесли до нас не только родословные биев и «героические» описания их жизни, но и правдивые страницы летописи народной жизни. Следовательно, по социальному содержанию башкирские шежере также неоднородное явление. В создании шежере племени или рода участвовали, как указано, многие поколения и поэтому много людей. Среди них могли быть представители различных социальных групп башкирского общества. С другой стороны, большое значение имеет преемственность летописания; каждый новый список шежере содержал в себе копию предшествующего или же его синтезированное переложение. А в предшествующих текстах, в свою очередь, были сведения и факты, социальная природа и возраст которых были различны.

Принцип преемственности башкирских шежере исходит от самой природы их происхождения. Если в основе шежере была генеалогическая схема какого-либо рода, то при составлении нового текста предыдущий список служил основой. Так, передаваясь из поколения в поколение, рождались новые списки шежере, генеалогии которых постоянно пополнялись именами, а текстовые части — описаниями свежих событий. Отсюда видна относительность значения, которое приобретают понятия «оригинал», «копия» применительно к башкирским шежере. Каждая новая «копия» включала в себя имена и описания, которых не было и не могло быть в «оригинале». Параллельно шел другой процесс. «Копии», или,

²¹ «Башкирские шежере», стр. 169.

точнее, новые списки, хотя преемственно включали в себя материалы старого списка, однако они постепенно теряли некоторые факты и описания событий, содержавшихся в «оригиналах», или переходили к чрезвычайно краткому, фрагментарному их переложению. Какое-либо крупное событие, происшедшее в жизни народа, вытесняло при составлении новых текстов часть «устаревших» материалов. Таким, например, событием было присоединение Башкирии к Русскому государству. Описание присоединения содержится в шежере многих, если не большинства, башкирских племен. Недавние события заставляли постепенно забывать о далеком прошлом, записи о которых стали занимать в шежере второстепенное место.

Итак, башкирские шежере являются ценными историческими источниками. В то же время, как показывает наш анализ, в связи с историческими и социальными условиями их развития, в них, наряду со многими достоверными сведениями и фактами, содержатся и некоторые искажения. Эти особенности шежере указывают на необходимость внимательного и критического анализа текстов и строгой источниковедческой оценки содержащихся в них сведений. При этом условии шежере, как источники по истории башкирского средневековья, приобретают первостепенное значение.

Л. А. Никитина

«РУССКИЕ» ИСТОЧНИКИ И ПРИЕМЫ ИХ ОБРАБОТКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Т. НЭША

Многочисленным исследователям творчества Т. Нэша¹ давно было известно об интересе сатирика к «русской» теме². Отмечали даже один из источников его знаний о России³ — сборник Р. Гаклюйта, изданный впервые в 1589 г.⁴

Однако до сих пор не рассматривался вопрос о том, какие именно стороны русской действительности интересовали Т. Нэша. Не ставился вопрос о его отношении к России. Ничего не говорилось о методике работы сатирика с «русским» материалом. А между тем произведения Т. Нэша имеют немаловажное значение для историка англо-русских отношений. На все эти вопросы мы попытаемся ответить в данной работе.

Томас Нэш, сын священника из провинциального города Лейстоф, родился в 1567 г.⁵ Окончив Кембриджский университет в 1586 г., он поселился в Лондоне, где сблизился с демократическими кругами английской интеллигенции и принял активное участие в антипуританской полемике⁶. Борьба с пуритански настроенными городскими властями Лондона, происходившие в ходе этой полемики споры, привели Т. Нэша к столкновению с купцами Московской компании⁷. Это объяснялось близостью купцов Московской компании и лондонских магистратов. Сохранились современные свидетельства о проникновении членов Московской компании в магистрат английской столицы⁸.

Так, Нэш приходит к «русской» теме в своем творчестве. Интерес к «московским» купцам заставил писателя обратиться к русским источникам. Сам сатирик указывает на источники знаний о России.

¹ A. W. Ward. *English Dramatic Literature to the Death of Queen Anne*, vol. I. London, 1875, p. 199, 229—232, 252, 399, 551; E. K. Chambers. *The Elizabethan Stage*, vol. III. Oxford, 1923, p. 450; C. S. Lewis. *English Literature in the sixteenth Century Excluding Drama*. Oxford, 1954, p. 440—446; R. G. Howarth. *Two Elizabethan Writers of Fiction. Thomas Nashe and Thomas Delony*. Cape Town, 1956; G. R. Hibbard. *Thomas Nashe*. London, 1962; A. L. Rowse. *Christopher Marlow. A Biography*. London, 1964, p. 26, 44, 119, 121, 144, 173, 202—203.

² E. K. Chambers. *Op. cit.*, vol. III, p. 450; «Ben Jonson». Ed. by C. H. Hereford and P. Simpson, vol. I. Oxford, 1925, p. 216; «Шекспир и русская культура». Под ред. академика М. П. Алексеева. М.—Л., 1965, стр. 798.

³ «The Works of Thomas Nashe». Ed. from the Original Texts by R. B. Mc Kerrow, vol. V. Oxford, 1958, p. 125.

⁴ R. Hakluyt. *The Principal Navigations, Voyages etc. Traffiques and Discoveries of English Nation*, vol. I—III. London, 1903.

⁵ Биографию Т. Нэша см. в последнем издании его работ («The Works of Thomas Nashe», vol. V, p. 1—34).

⁶ *Ibid.*, p. 34—110.

⁷ *Ibid.*, p. 26.

⁸ T. S. Willan. *The Muscovy Merchants of 1555*. Manchester, 1953, p. 15.

Прежде всего это рассказы очевидцев-путешественников, моряков, купцов. Нэш писал об этом: «Я не совершал далеких путешествий..., хотя и совещался с (людьми. — Л. Н.), которые совершали далекие путешествия из нашего королевства»⁹.

Затем Нэш обращается к чтению «русской» литературы. Комментатор Нэша, Мак Керроу, отмечал, что только в памфлете «Have with you to Saffron-Walden?» сатирик более 20 раз берет сведения из сборника Р. Гаклюйта¹⁰. Больше всего он обращает внимание на разделы об английских путешествиях в Россию (рассказы Р. Ченслера, А. Дженкинсона и др.) и в Гвинею (Д. Локка)¹¹.

Как и других современников, прежде всего его интересуют природные условия далекой страны, столь не привычные для англичан XVI в. Огромные просторы России от побережья Северного Ледовитого океана до жаркого юга, видимо, поражали воображение не только английских путешественников, посещавших Россию, но и тех, кто слушал их рассказы или читал их записки. Этот интерес англичан к русской географии и отразился в работах Нэша.

Природа русского Севера описана сатириком в памфлете «Have with you to Saffron-Walden?»¹² Он, перефразируя рассказ Р. Ченслера о первом путешествии в Россию¹³, говорит об умах своих политических противников, купцов Московской компании, что они были «тупыми (псамурными — dull), замороженными и наполовину мертвыми (полумертвыми)»¹⁴. Р. Ченслер пишет о «полумертвых от страха» русских рыбаках, которые встретили его у берегов Северной Двины и упали перед ним на колени, увидев громадный английский корабль¹⁵.

Полемиста интересует не только север России. Он обращает взгляд и на южные ее области. Образ Каспийского моря, многократно описанного английскими путешественниками¹⁶, также появляется в памфлете «Have with you to Saffron-Walden?» Т. Нэш сравнивает с Каспийским морем свое красноречие. Оно, как море, «кажется, не имеет ни приливов, ни отливов, но сохраняет гладкую поверхность»¹⁷. Это изображение Каспийского моря заимствовано из рассказа Т. Бэнистера и Дж. Дэкета о путешествии в Персию в 1568—1574 гг.¹⁸

Описания нравов и обычаев русского народа в той форме, как они делались английскими путешественниками, побывавшими в России, также проникают в памфлеты Нэша. В памфлете «Пасхальная штучка Нэша»¹⁹, написанном в 1599 г., писатель рассказывает (опять-таки следуя сообщениям английских путешественников²⁰) об одном русском обычае, поразившем англичан: «В России нет других даров, кроме пищи и питья»²¹.

В памфлете «Have with you to Saffron-Walden?» встречается описание русского похоронного обряда, которое Нэш заимствовал из «Описания России, обычаев и нравов ее обитателей», сделанного неизвестным англичанином. «Русские, — по словам Нэша, — хоронят своих умерших в новых башмаках и с письмом к св. Петру»²². В сборнике Гаклюйта описа-

⁹ «The Works of Thomas Nashe», vol. III, 1958, p. 172.

¹⁰ Ibid., vol. V, p. 125.

¹¹ Ibidem.

¹² Ibid., vol. III, p. 1—139.

¹³ R. Hakluyt. Op. cit., vol. I, p. 274.

¹⁴ «The Works of Thomas Nashe», vol. III, p. 30.

¹⁵ R. Hakluyt. Op. cit. vol. I, p. 274.

¹⁶ Ibid., p. 255, 276, 398, 440, 444—446, 450, 460, 462, 464.

¹⁷ «The Works of Thomas Nashe», vol. III, p. 20.

¹⁸ R. Hakluyt. Op. cit., vol. II, p. 133; «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.» Перев. с англ. Ю. В. Готье. Л., 1937, стр. 261.

¹⁹ «The Works of Thomas Nashe», vol. III, p. 145—226.

²⁰ R. Hakluyt. Op. cit., vol. I, p. 421, 422, 427, 428.

²¹ «The Works of Thomas Nashe», vol. III, p. 150.

²² Ibid., p. 31.

ние русского похоронного обряда читается так: «Когда какой-либо мужчина или женщина умирает, то они вытягивают его и одевают новую пару башмаков ему на ноги, так как он собирается совершить великое путешествие, затем они завертывают его в саван, как делаем и мы, но они не забывают положить в его правую руку письмо (послание — a *testimonie*), чтобы свидетельствовать перед св. Николаем, что он (или она. — *Л. Н.*) умер как христианин или как христианка. И они всегда кладут труп в деревянный гроб, даже если очень бедны; и когда они идут в церковь, то друзья и родственники несут в руках маленькие восковые свечи, и они плачут и воют и очень долго оплакивают (умершего. — *Л. Н.*).

Если он (умерший. — *Л. Н.*) повешен или обезглавлен и т. п., то они не имеют с собой письма: удивительно, как их принимают на небесах без их паспорта!»²³

Таким образом, сопоставление обоих текстов не оставляет сомнения в заимствовании и переделке Нэшем рассказа английского путешественника, изданного в сборнике Гаклюйта.

Сообщает Нэш некоторые сведения и о порядках, существовавших при русском дворе. Персонаж памфлета «Have with you to Saffron-Walden?» — Respon — говорит другим действующим лицам: «А затем вы сами соберитесь вместе в кружок, а Великий Consiliadore (другой персонаж памфлета. — *Л. Н.*) будет вашим великим командиром молчания (дьяком, канцлером), что является главной должностью при русском императорском дворе»²⁴. Сравнение текста памфлета с рассказом Ченслера, записанным К. Адамсом, приводит к выводу о том, что Нэш именно оттуда заимствовал эти сведения о порядках, существовавших при русском дворе. Ченслер рассказывает, что на приеме в Кремле он был представлен царю, который восседал на троне, «с одной стороны от него стоял его главный секретарь, а с другой — the great Commander of silence (дьяк, канцлер), оба также одетые в золотую одежду...»²⁵

Нэш приводит в своих работах и некоторые русские слова и выражения. В памфлете, направленном против Габриэля Гарвея («Have with you to Saffron-Walden?»), Нэш говорит, что надеется дожить до тех пор, пока его враги «на коленях не станут просить его: „Помилуй нас!“ („Pomilui Nashe“), что на русском языке значит: „Имей милость к нам!“»²⁶ Эти фразы Нэш заимствует из «Описания России, обычаев и правов ее обитателей» (раздел «Об их монахах»). Сопоставление обоих текстов подтверждает это и дает представление о методике работы сатирика. В «Описании» этот отрывок читается так: «Все их богослужения идут (is) на русском языке, а они и простой народ не имеют других молитв, кроме этих „Господи Иисусе Христе, сын божий, помилуй нас (Chospodi Jesus Christos esine voze pomiloi nashe)“. Это значит: „О господи Иисусе Христе, сын божий, имей милость к нам“; и это является их молитвой, так что большая часть неграмотных не знает ни „Отче наш“, ни „Верую“, ни „10 заповедей“ и едва ли понимает половину их службы, которая читается в их церквах»²⁷.

Находит отражение в работах Нэша и описание стран, граничащих с Россией. Соседняя с Россией «Татария», столь часто упоминаемая в записках англичан, побывавших в России²⁸, фигурирует и в работах

²³ *R. Hakluyt. Op. cit., vol. I, p. 437.*

²⁴ «The Works of Thomas Nashe», vol. III, p. 32.

²⁵ *R. Hakluyt. Op. cit., vol. I, p. 280.*

²⁶ Непереводаемая игра слов, основанная на созвучии английского написания русского слова «нас» (nash) и произношении фамилии — «Нэш» (Nash, Nashe) («The Works of Thomas Nashe», vol. III, p. 40).

²⁷ *R. Hakluyt. Op. cit., vol. I, p. 433.*

²⁸ *Ibid., p. 255, 276, 294, 441, 461, 462.*

Нэша²⁹. Один из нагайских ханов, Смилл (Измаил — Smill), упоминается в памфлете «Пасхальная штучка Нэша»³⁰. Из «Описания» путешествия А. Дженкинсона в Россию в 1558 г. выявляется источник, из которого черпал на этот раз свои сведения Нэш. Нагайский хан Смилл (Измаил), союзник Ивана Грозного, дважды³¹ упоминается в «Описании». Очевидно, на Нэша произвел большое впечатление рассказ А. Дженкинсона об орде хана Смилла (Измаила). «Уехав из Переволока, — пишет А. Дженкинсон, — и имея по обеим сторонам пустыню, мы увидели огромную орду нагайцев, пасущуюся, как было выше сказано, и насчитывающую более тысячи верблюдов. ., которая издали, казалось, напоминала город. Эта орда принадлежала великому мурзе, называвшемуся Смиллом (Измаилом), величайшему князю во всей Нагайе, который убил и изгнал всех остальных, не пожалев собственных братьев и детей, и (теперь. — Л. Н.) заключив мир с этим императором России, он имеет то, что он хочет, и управляет один; так что теперь русские живут в мире с нагайцами»³².

Вопросы англо-русской торговли привлекают внимание полемиста, врага «московских» купцов. Он пишет о вывозе мехов из России³³, говорит о тюленьих шкурах³⁴ и китах³⁵, которых добывали английские предприниматели на севере России.

В памфлете «Пасхальная штучка Нэша» писатель рассказывает о предметах английского экспорта. Среди других товаров, упомянутых полемистом, и те, которые, как известно³⁶, вывозились в Россию (сукно, свинец, железо, олово)³⁷. Отмечает сатирик и выгоду англо-русской торговли (роскошь и могущество лондонских купцов, наживающихся на русской торговле)³⁸.

Интересует Нэша и история России. Он знает о существовании скифских поселений на древней территории Руси. Своего основного оппонента, пуританина Габриэля Гарвея Нэш насмешливо называет «скифским Габриэлем» («Scythian Gabriell») ³⁹. В одном из самых поэтических своих произведений — комедии «Последняя воля и завещание Лета» — Нэш снова говорит о скифах⁴⁰.

Итак, выявлены следующие источники, которыми пользовался Нэш для описания России.

Прежде всего рассказ Р. Ченслера, записанный К. Адамсом⁴¹, рассказ А. Дженкинсона о его путешествиях в Россию и Среднюю Азию⁴², включенные в сборник Р. Гаклюйта (1589 г.).

Можно предположить, что, живя в Лондоне, Нэш не только следил за всей новейшей литературой о России, но и видел русских послов и гонцов, приезжавших в Англию в 70—90-х годах XVI в.

Т. Нэш слышал, как он сам говорит, рассказы людей, совершивших путешествия в далекие страны⁴³. Не были ли то английские путешествен-

²⁹ «The Works of Thomas Nashe», vol. I, 1958, p. 165.

³⁰ Ibid., vol. III, p. 186.

³¹ R. Hakluyt. Op. cit., vol. I, p. 442—443, 445.

³² Ibid., p. 442—443.

³³ «The Works of Thomas Nashe», vol. I, p. 165.

³⁴ Ibid., vol. II, p. 316.

³⁵ Ibid., vol. III, p. 31.

³⁶ T. S. Willian. The Early History of the Russian Company. 1553—1603. Manchester, 1956, p. 132.

³⁷ «The Works of Thomas Nashe», vol. III, p. 178—179.

³⁸ Ibid., vol. I, p. 165, 199—200.

³⁹ Ibid., vol. III, p. 49.

⁴⁰ Ibid., p. 242.

⁴¹ R. Hakluyt. Op. cit., vol. I, p. 266—293.

⁴² Ibid., vol. I, p. 408—418, 438—464; vol. II, p. 9—29, 136—156.

⁴³ «The Works of Thomas Nashe», vol. III, p. 172.

ники, побывавшие в России? Нэш мог видеть и рисунки, привезенные ими из России. Близкое знакомство сатирика с лондонскими⁴⁴ и ярмутскими⁴⁵ купцами, а также с жителями острова Уайт⁴⁶ также могло дать ему необходимый материал для его русских высказываний и ассоциаций. И, наконец, полемика Нэша с лондонскими антиквариями⁴⁷ и литераторами⁴⁸, интересовавшимися развитием англо-русских отношений и писавшими о них⁴⁹, конечно, также расширяла сферу его русских наблюдений и интересов.

Иногда он почти дословно цитирует источник. В других случаях Нэш ограничивается кратким изложением⁵⁰ или упоминанием тех или иных событий и явлений, описанных английскими путешественниками⁵¹. Но чаще всего он поэтически обрабатывает свой материал, превращая его в оружие борьбы со своими литературными и политическими противниками. Нэш писал, что его излюбленным методом является перефразирование и пародирование текста⁵²⁻⁵⁴.

Тот же прием мы встречаем в рассказе Нэша о «замороженном», «тупом»⁵⁵ уме его политических противников, московских купцов.

Образ главного секретаря (дьяка) — «великого командира молчания»⁵⁶ — также становится оружием в руках Нэша, так как в другой работе он говорит, что молчание — это раб в цепях⁵⁷.

Писатель пользуется аллегориями для выражения своих взглядов. Так чрезвычайно ярок аллегорический образ Жадности, восседающей на троне в шапке, «отороченной кошачьими шкурками по московской моде»⁵⁸. Русская мода помогает сатирику воссоздать образ алчного английского купечества, «отцов» г. Лондона. В произведениях писателя есть и другие аллегории, связанные с развитием темы англо-русских отношений. В памфлете «Пирс безгрошовый» (1592 г.) Нэш создает образ Медведя, елизаветинского вельможи, покровителя монополистов из Московской компании⁵⁹.

Ясно предстает перед читателем язык (стиль) Нэша, лишенный риторических приемов, принятых в его время среди представителей «бесплодной учености»⁶⁰, когда он сравнивает свое красноречие с Каспийским морем, «не имеющим ни приливов, ни отливов»⁶¹, по мнению английских путешественников⁶².

Слова русской молитвы «Помилуй нас, господи!»⁶³, перефразированные Нэшем⁶⁴, используются сатириком для того, чтобы еще раз зло посмеяться над своими врагами.

⁴⁴ «The Works of Thomas Nashe», vol. III, p. 30, 44, sqq.

⁴⁵ Ibid., p. 147—226.

⁴⁶ Ibid., vol. V, p. 23—24.

⁴⁷ Ibid., vol. III, p. 277.

⁴⁸ «Pierce Penniless's Supplication to the Devil by Thomas Nashe». Ed. by J. Payne Collier. London, 1842, p. XI—XII.

⁴⁹ См., например: *John Stow. Annales or a General Chronicle of England*. London, 1631, p. 630 sqq.

⁵⁰ Описание русского похоронного обряда («The Works of Thomas Nashe», vol. III, p. 40).

⁵¹ Упоминание нагайского хана Измаила (ibid., vol. III, p. 186).

⁵²⁻⁵⁴ Ibid., vol. III, p. 123.

⁵⁵ Ibid., p. 30.

⁵⁶ Ibid., p. 32.

⁵⁷ Ibid., p. 43.

⁵⁸ Ibidem.

⁵⁹ Ibid., vol. I, p. 221—226.

⁶⁰ Ibid., p. 154.

⁶¹ Ibid., vol. III, p. 20.

⁶² *R. Hakluyt*. Op. cit., vol. II, p. 133.

⁶³ Ibid., p. 433.

⁶⁴ «The Works of Thomas Nashe», vol. III, p. 40.

Остроумен и рассказ Нэша о рождении его противника, пуританина Габриэля Гарвея. Здесь полемист использует даже вымыслы путешественников, чтобы нанести удар противнику. В час, когда родился Г. Гарвей, в его родном городе Сэфрон-Уолдене произошло чудо, которое Нэш толкует как дурное предзнаменование: родился теленок с длинными ушами, раздвоенным языком («with a dubble tongue») и «ногами, повернутыми задом наперед, наподобие того, как это бывает у некоторых народов из татар, которые тем не менее достаточно быстро двигаются»⁶⁵.

Таким образом, из сказанного очевидно, что уже через три года после появления книги Гаклюйта⁶⁶ и через 40 лет после первого путешествия англичан в Россию, сведения о стране, недавно еще совсем не известной, широко проникают в английскую полемическую литературу, органически в нее вливаются, становясь оружием сатирика в борьбе с его идейными врагами.

Работы Нэша, хорошо известные английским читателям XVI—XVII вв.⁶⁷, в свою очередь становятся еще одним каналом проникновения в Англию знаний о России.

Анализ отражения «русской» темы в произведениях писателя приводит нас к следующим выводам.

Прежде всего интерес Нэша к России не был случайным. Он отражает интерес английского общества конца XVI в. к развитию англо-русских отношений.

Далее, отражение «русской» темы в творчестве Нэша указывает на то, какие именно вопросы англо-русских отношений и какие черты русской природы интересовали в большей степени английское общество.

Проникновение «русской» темы в полемическую литературу указывает на значительную степень распространения знаний о России в Англии.

Кроме того, анализ русских высказываний Нэша показывает, что «русская» тема не является чем-то внешним, чуждым английской полемической литературе вообще и сатирику в частности. Она органически вплетается в его творчество. «Русские» образы стали оружием полемиста в его борьбе с политическими и литературными противниками.

И наконец, изучение «русской» темы в творчестве Нэша позволяет выявить те источники, какими он пользовался: записки иностранцев (собранные в издании Р. Гаклюйта) и сообщения очевидцев, рассказы участников событий.

⁶⁵ Ibid., p. 63.

⁶⁶ Она была издана в 1589 г., а памфлет Т. Нэша «Пирс безгрошовый», в котором впервые был использован сатириком сборник Р. Гаклюйта, появился в 1592 г.

⁶⁷ «Dictionary of National Biography» .ed. by L. Stephen and S. Lee, vol. XIV. London, 1949—1950, p. 103.

Я. Н. Шапов

**НОВЫЙ ДОКУМЕНТ ПО ИСТОРИИ МОЛДАВИИ
И МОЛДАВСКО-УКРАИНСКИХ СВЯЗЕЙ XVII В. —
«КАТАСТИХ» ВОЕВОДЫ СЕМЕОНА МОГИЛЫ**

Публикуемый документ представляет собой уникальную книгу записей («катастих») различных видов государственных податей, которые поступали в 1606 г. со всех административно-финансовых единиц Молдавии «в дом» господаря страны. В литературе «катастих» такого рода неизвестен; опубликованы «катастихи» 1591 г., содержащие не перечни денежных поступлений, а число крестьян и населения, принадлежащего к другим социальным группам, плативших государственные подати¹, и опись количества голов овец в различных цинутах (волостях) Молдавии². «Катастих» 1606 г. содержит ряд ценных сведений о социально-экономическом положении Молдавии начала XVII в. и ее административно-финансовом устройстве: о числе и размере городов, видах государственных податей, социальной дифференциации населения и др., а также новые данные по истории молдавско-украинских связей в начале XVII в.

Этот документ говорит о существовании следующей системы централизованного обложения податями в Молдавии: во-первых, «в дом» господаря шли поступления в виде налога «за пчел», безотносительно к сборам на местах, в цинутах; во-вторых, поступления, собиравшиеся по административно-территориальным цинутам (волостям), и, в-третьих, поступления от городов (тыргов). Все эти подати, несмотря на то что некоторые их названия указывают на натуральные формы сборов («за пчел», «за сулджу», т. е. за скот, мясо, «за работу»), по этому документу платились только в денежной форме: в угах (угорских золотых), талерах (серебряная монета) и потрониках (также серебряная, одна двадцатая часть уга).

«Катастих» содержит перечень 21 «волости» Молдавской земли, имеющих название большей частью по главным их городам. Этот перечень «волостей» в документе дается дважды, поскольку среди сборов с «волостей» различаются два вида поступлений: «пинези (деньги) за работу» и «пинези за сулджу». Публикуемая приходная книга господарского дома не закончена, в нее внесены далеко не все сведения, которые составитель предполагал зафиксировать в ней, о чем ниже. Так, в разделе [2], о сборах денег «за работу», из всех 21 «волости» записано только одно поступление в 300 талеров из Догохойского цинута от «пана Тоадера Могилы», одного из членов семьи Могил, бывшего пыркалабом — представителем центральной власти в цинуте и начальником гарнизона Дорохоя.

Перечень поступлений «за сулджу» предварен указанием на размеры этого вида податей применительно к каждой из трех групп платель-

¹ «Documente privind istoria României. A. Moldova», veacul XVI, vol. IV (1591—1600). [București], 1952 (далее — «Documente. . .»), p. 4—6, N 5.

² Ibid., p. 19—26, N 24.

щиков: «от истов по 30 потроник, от середник по 1 уг, от сирот по 12 потроник». Это важные сведения о социальном делении платящего податъ населения, в котором финансовые возможности крайних групп различаются в два с половиной раза. Очевидно, слово «истов» сокращенно передает молдавскую формулу «циране де истов», т. е. от полных царан, царан, плативших полное тягло. Фактические поступления «за сулджу» записаны также только по одному цинуту, от пыркалаба из Сороки. Общий размер собранных здесь денег (246 угов) говорит о том, что эта податъ в Сорокском цинуте была собрана примерно с 200—300 крестьян. Это, очевидно, только часть годовых поступлений с цинута: для сравнения укажем, что в 1591 г. там числилось 1714 царан «де истов» и 204 «сирачи»³, т. е., вероятно, «сирот» нашего документа.

«Катастих» содержит перечень 27 городов Молдавской земли, что значительно больше цифры 15 городов, известной для Молдавии конца XVI в. по другим документам⁴. Однако и этот перечень может быть не совсем полон в связи с утратой следующего за ним листа. Города также платили подати «за сулджу». В документе указаны поступления от четырех городов из 27: от «тырга» Оргей получено 100 угов, от «тыргов» Баков и Тотруш — по 30 угов, от «тырга» Красного — по 10 угов. В разнице размеров поступлений сказалось, очевидно, различное экономическое положение этих городов: город Оргей был одним из крупнейших в стране, маленький город Красный не являлся даже административным центром.

Обращает на себя внимание порядок перечисления городов (и «волостей») в их списках: от Сучавы, бывшей столицы государства, по периферии страны против часовой стрелки: крупные города — центры цинутов, находящиеся на пограничье с Трансильванией (Бая, Нямцу, Пятра, Роман, Баков, Тотруш, Аджуд) с Валахией (Текуч), с Буджаком (Бырлад, Васлуй, Хуш, Ланушна, Оргей) и с Украиной, входившей в состав Речи Посполитой (Сорока, Хотин, Тарасеуцы, Черновцы, Дорохой). Далее, после того как этот круг был замкнут, были перечислены другие, внутренние города (Штефанешты, Хырлов, Котнар, Красный, Шкея, Яссы, Цуцора). В других «катастихах» в основе порядка перечисления лежат другие принципы.

Документ написан на славянском языке молдавским скорописным почерком. Последняя запись (на л. 101) сделана кириллицей на молдавском языке⁵, тем же писцом. Сравнение этого почерка с почерками документов воеводской канцелярии начала XVII в., опубликованных фототипически, позволяет считать, что «катастих» написан писцом Драганом Таутулом, который писал документы 1606—1607 гг.⁶

Памятник сохранился в рукописи⁷ размером в лист, которая была озаглавлена на л. 1 и разделена на четыре части соответственно, очевидно, частям прихода бюджета молдавского господарского дома: на лл. 1—37

³ «Documente. . .», veacul XVI, vol. IV, p. 4.

⁴ И. А. Котенко, Н. А. Могов, П. В. Советов. О тенденциях роста населения Молдавии в эпоху феодализма. — «Ученые записки Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР», т. VI. Кишинев, 1957, стр. 61. Ф. А. Грекул считает, что ко второй половине XV в. на территории Молдавии насчитывалось до 30 городов (Ф. А. Грекул. Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV в. Кишинев, 1950, стр. 108).

⁵ «Остался должен [туркам] его господство Иеремия воевода из харача 2500 золотых [угов], он должен был их отдать на наем кораблей для перевозки хлеба; из них 1000 золотых были отданы, а 1500 золотых отдали мы». Благодарю Д. П. Богдана и Ф. А. Грекула за перевод молдавского текста и консультации при подготовке документа к печати.

⁶ «Documente. . .», veacul XVII, vol. II (1606—1610). [București], 1953, p. 362, 369, 375; 130; N 44, 63, 77, 128.

⁷ Центральная научная библиотека АН УССР в Киеве, Собрание Киево-Софийского собора, по описанию Н. И. Петрова № 367, лл. 1, 38—41, 75—85 об., 101.

должны были записываться поступления «за пчел», на лл. 38—41 — поступления от волостей «за работу», на лл. 75—80 — поступления от волостей «за судджу», на лл. 80 об.—85 и далее — поступления «за судджу» от городов. Распределяя таким образом приходную книгу, составитель ее сделал соответствующие заголовки в каждой части, а для записей поступлений от волостей и городов написал на каждой странице два или три названия с большими промежутками между ними (по полу- и трети страницы) для последующих записей количества «пинезей», поступающих с этих административных единиц. Кроме того, на л. 101 он записал долги, оставшиеся после смерти господара Иеремии, в том числе «долг» (контрибуцию) Турции, отданный уже после смерти Иеремии.

Заготовка «катастиха» была сделана в несколько приемов. Он был начат 1 июля 1606 г., на следующий же день после вокняжения (после смерти своего брата) господара Семеона Могилы, тогда же были выделены страницы для записей поступлений «за пчел» и «за работу» от волостей. 22 июля были записаны долги, оставшиеся после Иеремии. 29 июля были разграфлены страницы для записей поступлений «за судджу» от «волостей» и городов. Здесь, как было сказано, появилось только семь записей о таких поступлениях; одна из них, от города Оргея, датирована 23 августа. Большая часть граф (используя термин нашего времени) осталась пустой.

Чем можно объяснить это обстоятельство? Известно, что воевода Семеон Могила правил после смерти своего брата всего несколько более года — 14 сентября 1607 г. он погиб, отравленный своей невесткой Елизаветой, вдовой его предшественника, стремившейся оставить престол за своими малолетними сыновьями⁸. Была ли эта кратковременность правления Семеона причиной того, что заготовленная книга оказалась не использованной в полной мере? На это указывает как будто дальнейшая история рукописи, содержащей «катастих», о чем ниже. Однако похоже на то, что записи в приходной книге прекратились не осенью 1607 г., когда погиб Семеон, а вскоре после его вокняжения, еще в 1606 г., ибо там оказались записанными поступления менее чем с девяти процентов административно-финансовых единиц государства (с 6 объектов из 69). Большая часть рукописи, состоящей сейчас из 115 листов, осталась чистой, годной для любых других записей.

Это обстоятельство сыграло роль в дальнейшей ее судьбе. Тетрадь, содержащая «катастих» господара Семеона, в 1629—1633 гг. служила в Киеве книгой для личных записей его сына, Петра Могилы, в это время архимандрита Киево-Печерской лавры, затем, с 1631 г., киевского митрополита, известного церковно-политического и культурного деятеля Украины и писателя XVII в. Здесь рукой Петра и его писцами записаны слышанные им рассказы о событиях церковной жизни, немудреные воспоминания о поразивших его в детстве чудесных явлениях, сочиненные им каноны и другие песнопения, рассуждения об иночестве, хозяйственные заметки, каталог книг, купленных в Варшаве и Кракове, подписные листы на ремонт и восстановление киевской Десятишной церкви и Софийского собора. Очевидно, позже и другими лицами в эту рукопись были переписаны копии документов о положении православной церкви на Украине и в Литовском великом княжестве, среди которых уставная грамота князя Льва Даниловича галицкой кафедральной Успенской церкви в Крылосе с подтверждениями королей Стефана Батория и Сигизмунда III.

Каким образом книга из яской государственной канцелярии молдавского воеводы могла попасть в Киево-Печерский монастырь? Не может

⁸ С. Т. Голубев. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. (Опыт исторического исследования), т. I. Киев, 1883, стр. 35.

быть случайностью то, что эта книга принадлежала канцелярии Семеона, отца Петра. Отсутствие записей в ней, относящихся к 1608—1628 гг., говорит о том, что рукопись не сопровождала Петра в его переездах до того, как он окончательно осел в Киеве. Возможно, что эта книга была привезена в Киев вместе с какими-то вещами, принадлежавшими дому Семеона Могила, после его гибели кем-либо из его окружения. В Киеве Петр Могила вступил во владение этими вещами отца и, найдя среди них чистую тетрадь, использовал ее для своих записей. Возможно также, что в Киев после смерти Семеона поступили и другие его рукописи и книги, которые вошли затем в собрания Киево-Печерской лавры и Софийского собора и ждут еще своих исследователей.

И сам Петр Могила, и другие его современники писали на страницах книги, не обращая внимания на редкие узкие строки, писанные молдавским почерком и содержащие главным образом географические названия. Они лишь иногда зачеркивали эти строки, когда они мешали. Ряд страниц «катастиха» так и остался незаписанным позже. Исследователи, изучавшие деятельность и сочинения Петра Могила и использовавшие эту рукопись: Ф. А. Терновский⁹ и С. Т. Голубев (последний опубликовал большую часть рукописи, содержащую автографы и сочинения Петра¹⁰), так же как и Н. И. Петров, описавший ее среди рукописей Киевского Софийского собора¹¹, не обратили внимания на молдавский документ начала XVII в., сохранившийся на ее страницах.

Ниже публикуется текст «катастиха» 1606 г. в том составе, как его удалось восстановить под позднейшими записями. Текст набран современным гражданским шрифтом с сохранением отсутствующих в нем знаков, заимствованных из других шрифтов: ꙗ, а, ж, ѿ (шт), у (дж), та, ѡ. Буквой у передаются знаки v и 8, а буквой ѡ — знак, похожий как на ь, так и на ѣ. Буквы, вынесенные в рукописи над строкой, даются в издании без их выделения. Пропущенные буквы, в том случае, когда они вставляются публикатором, выделяются курсивом. Текст разделен на пять частей по смыслу. Окончания страниц указаны знаком ||. Утраченные части текста отмечены многоточием в квадратных скобках. Славянские цифры в издании заменены современными. Пунктуация текста дана публикатором.

л. 1 В лѣто 7114 мѣсеца юля 1. Катастих за приход ѡт пинѣзи за пчел, и за работу, и за илиш^а, да сѣ знает ѡт кто что приходит в дом господству си Іо Симиѡн М[огила]^б воевода.

[1]

— — + 1099 угъ 3 потроник пинѣзи за пчел ѡт Тоа[дер]^в и ѡт Манѣ митник г[...]^г. ||

[2]

л. 33 Зде пинѣзи за работу ѡт по всѣх волостѣях:

— — + волость Сучава

— — + волость Нѣмцу

— — + волость Роман ||

л. 38 об. — — + волость Бакѣу и Тотруш

— — + волость Путна и Азуд

⁹ Ф. А. Терновский. Киевский митрополит Петр Могила. — «Киевская старина», 1882, т. II, апрель, стр. 2—3.

¹⁰ «Архив Юго-Западной России, издаваемый Комиссиею для разбора древних актов состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе», ч. I, т. VII. Киев, 1887, стр. XIII, 49—189.

¹¹ Н. И. Петров. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве, вып. III. Библиотека Киево-Софийского собора. М., 1904, стр. 123.

^а далее лист поврежден, но текст как будто не утрачен ^б после буквы М лист с текстом поврежден, восстановлено по смыслу ^в далее лист с текстом поврежден, слово восстановлено по смыслу ^г далее лист с текстом поврежден

--+ волость Текуч	
--+ волость Ковурлую	л. 39
--+ волость Брълад	
--+ волость Тутова	
--+ волость Васлюю	л. 39 об.
--+ волость Фьлчюю	
--+ волость Кигѣч	
--+ волость Лапушна	л. 40
--+ волость Ёрхею	
--+ волость Сорока	
--+ волость Хотин	л. 40 об.
--+ волость Чернѣуц	
--+ волость Хрѣльу	
--+ 300 талер дал нан Тоадер Могила, волость Дорохуи	л. 41
--+ волость Ишь	
--+ волость Крълигѣтура	

[3]

В лѣто 7114 мѣсеца юля 29 послало сѣ възимать пинѣзи за сулгу: *wt* истов л. 75 по 30 потроник, *wt* середник по 1 уг, *wt* сирот по 12 потроник

--+ волость Сучава	
--+ волость Нѣмцу	
--+ волость Роман	л. 75 об.
--+ волость Бакѣу и Тотруш	
--+ волость Путна и Агуд	л. 76
--+ волость Текуч	
--+ волость Ковурлую	л. 76 об.
--+ волость Брълад	
--+ волость Тутова	л. 77
--+ волость Васлуи	
--+ волость Фьлчюю	л. 77 об.
--+ волость Кигѣч	
--+ волость Лапушна	л. 78
--+ волость Ёрхею	
--+ 246 уг дал Чолпанскїи прѣкалаб, волость Сорока	л. 78 об.
--+ волость Хотин	
--+ волость Чернѣуц	л. 79
--+ волость Хрѣльу	
--+ волость Дорохуи	л. 79 об.
--+ волость Ишь	
--+ волость Крълигѣтура	л. 80

[4]

Зде трѣгурь за сулгу:	л. 80 об.
трѣг Сучава ^ж	
трѣг Баа	
трѣг Нѣмцу	л. 81
трѣг Пѣатра	
трѣг Роман	л. 81 об.
трѣг Бакѣу -- + 30 уг <i>wt</i> шолтуз	
трѣг Тотруш -- + 30 уг <i>wt</i> шолтуз	л. 82
трѣг Агуд	
трѣг Текуч	
трѣг Брълад	л. 82 об.
трѣг Васлуи	
трѣг Хушь	
трѣг Лапушна	л. 83
трѣг Ёрхеи -- + 100 уг <i>wt</i> шолтуз августа 23	
трѣг Сорока	л. 83 об.
трѣг Хотин	
трѣг Тарасѣуц	
трѣг Чернѣуц	л. 84
трѣг Сирѣтскїи	
трѣг Дорохуи	
трѣг Шефанецъ	л. 84 об.
трѣг Хрѣльу	
трѣг Котнар	л. 85
трѣг Краснїи -- + 10 уг <i>wt</i> шолтуз	

^ж *адесъ и ниже строки со словом трѣг и названїем отчеркнуты: |трѣг Сучав|*

тръг Шкѣи ||
тръг Ишь
тръг Цоцора ||
[...]^о

л. 101 Зде длъги лѣхом и иним, что zostаль длъжень *господства* си упокоиннѣи брат *господства* ми Іw Ерeмїа Могила воевода и *имам* *господства* ми заплатити в лѣто 7114 мѣсеца юля 22

— — + 174 угъ ѡт финовскому писару, дало сѣ ему пинѣзи; а что сѣ не дало пинѣзи, дало сѣ ему печетлуит ѡт *господству* ми и тоти печетлуит ѡт *господства* си Ерeмїа воевода узѣлиса.

— — + 1000 талер сребро Сефтеревъ галену ради едни шарурь, что сѣ узѣли у Царьград бити до монастыр Сучевиць.

— — + 60 угъ кълърашом греком ѡт един печетлуит, что zostало им не плачено.

— — + 100 угъ дало сѣ за нѣем ради некое соль, что послало сѣ Альнаше ѡт *вкнж*.

— — + Фост-ау рѣмас *домнїа* са Ерeмїа воевода дин харачу 2500 де галбень ши ау фост сѣ-и дѣ сѣ фїе де нѣем де корабїи де сѣ дукж пѣнѣ дечь 1000 де галбени ау фост дат аръ 1500 де галбени аму дат пои.

^о далее лист утрачен

Н. Б. Шеламанова

ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ МЕЖЕВАНИЙ 30—40-х ГОДОВ XVII В.

В архиве Посольского приказа, точнее в той его части, которая ведала отношениями России с Речью Посполитой (современный фонд Сношений России с Польшей в ЦГАДА), сохранились документы деятельности межевых съездов, проводивших размежевание границы между этими странами после Поляновского мира. Посольские документы отношений России с Речью Посполитой XVII в. за небольшими исключениями не опубликованы и мало используются историками. Материалы съездов 1634—1648 гг. по межеванию границы Поляновского мира тем более заслуживают внимания, что, являясь подготовительной документацией официальных решений посольств и договоров, они сохранились с достаточной полнотой и позволяют восстановить не только ход дипломатических отношений государств, подробности работы самих межевых съездов и установленные ими границы середины XVII в., но и историю территориальных отношений России с Речью Посполитой в конце XVI в. с окончания Ливонской войны и периода интервенции начала XVII в., т. е. того времени, от которого многие источники утрачены.

Документы межевых съездов 1634—1648 гг. использованы в самой незначительной степени. Только польский историк Владислав Годзисhevский на основе официальных актов — межевых записей, хранившихся до второй мировой войны в Польше, определил границу Поляновского мира. Русские и польские историки обычно при изучении дипломатических отношений первой половины XVII в. берут сведения из обзора фонда Сношений России с Польшей, составленного Н. Н. Бантыш-Каменским преимущественно по посольским книгам и лишь отчасти по столбцам, а в картографических работах ограничиваются текстом Поляновского договора, в котором нет описаний границ. До сих пор исследователи не подозревают, какое богатство сведений содержится в материалах межевых съездов 1634—1648 гг.¹

По решениям Поляновского мира² предписывалось восстановление границ «по старым рубежам», по официальным актам — писцовым кни-

¹ *Wi. Godziszewski. Granica polsko-moskiewska wedle pokoju Polanowskiego, wytyczona w latach 1634—1648.* — «Prace Komisji Atlasu historycznego Polski», zeszyt 3. Kraków, 1935, str. 1—96; *Н. Н. Бантыш-Каменский. Переписка между Россиею и Польшею по 1700 г., ч. III.* М., 1863; им же составлены архивные описи фонда Сношений России с Польшей в ЦГАДА (ф. 79).

² Текст Поляновского мира 4 (14) июня 1634 г. и ратификация его Владиславом IV от 23 апреля (3 мая) 1635 г. см.: ЦГАДА, ф. 79 (Сношения России с Польшей), трактаты № 63, 67; кн. 43, лл. 876—924; 1634 г., д. 8. Здесь и далее ссылки на принадлежность документов к фонду Сношений России с Польшей не даются. Принадлежность документов к другим архивным фондам указывается.

гам, грамотам государей и по показаниям местного населения — «старожильцев». В ходе межевых работ была поднята вся «старина» государственных границ и частных владений, выявлены старинные границы уездов и волостей, захваты поляков в российских землях со времен Ливонской войны, указываются владельцы пограничных земель — государства, частные лица, черные крестьянские общины, монастыри. Данные межевых съездов могут быть использованы, таким образом, не только для изучения государственных границ, но и многих других вопросов исторической географии — административного деления, территорий пограничных волостей и уездов, местоположения населенных пунктов, дорог, природных условий, занятий населения. Есть здесь сведения по истории землевладения, можно сделать лингвистические и этнографические наблюдения. Материалы этих съездов сохранили списки многих документов — выписей из писцовых книг, отдельных грамот XV—XVII вв., которые не сохранились или не найдены.

Попытки установления прочной границы с Речью Посполитой делались Россией сразу же после окончания интервенции польско-литовских феодалов, после Деулинского перемирия 1618 г. Однако начатые на наиболее спорных участках границы — торопецко-витебском и великолукско-усвятском — в обстановке постоянно обостренных отношений в 1619 г., межевые съезды вскоре (1622 г.) прекратили свою работу, так ничего и не достигнув. Только после Смоленской войны необходимость иметь точно определенную спокойную границу привела правительства обоих государств к решению (Поляновский мир 1634 г.) проверить и установить окончательно и вновь образовавшиеся и ставшие спорными еще со времен Ливонской войны участки границы. В результате деятельности межевых пограничных съездов 1634—1648 гг. граница России с Речью Посполитой была установлена почти на всем ее протяжении. По решению Поляновского мира было создано пять межевых комиссий на участках: великолукском, торопецком, вяземском, брянском и путивльском. Межевания на торопецком участке закончены были в 1635 г., на вяземском — в 1637 г., на брянском и путивльском — 1647 г., на великолукском — только осенью 1648 г.³

Целью настоящей статьи является показать состав документальных материалов межевых съездов 1634—1648 гг.

Документы эти неоднородны. Официальные межевые записи, составленные на межевых съездах, сохранились по всем пяти участкам границы, подлежащим определению, в виде подлинных актов («трактатов», по терминологии архивного делопроизводства в позднейшем Архиве МИД), скрепленных подписями межевых судей-комиссаров и свидетелей-«старожильцев» обеих сторон и печатями, списков с них в посольских книгах и копиях в столбцах («делах»), сделанных в архиве МИД в XVIII в.⁴

³ Историю работы пограничных межевых съездов см.: *Wł. Godziszewski*. *Op. cit.*, str. 9—43.

⁴ Это межевые записи: 1) две на великолукском участке — от октября 1634—1635 гг. (кн. 48) и от 23 сентября (3 октября) 1648 г. (трактат № 92, кн. 75) о размежевании Луцкого и Пусторжевского уездов и псковских пригородов Опочки, Вельи, Вышгорода с польскими Усвятским, Невельским, Красногородским и Себежским уездами, 2) на торопецком участке — от 2 (12) ноября 1635 г. о размежевании Торопецкого, Ржевского, Зубцовского и Вяземского уездов с польскими Велижским и Бельским (трактат № 68, кн. 53); 3) на вяземском участке — от 17 (27) октября 1637 г. о размежевании Вяземского и Серпейского уездов с польскими Смоленским, Дорогобужским и Бельским (трактат № 70); 4) на брянском участке — от 10 (20) октября 1637 г. о размежевании Брянского уезда и Комарицкой волости с польскими Рославльским, Кричевским, Стародубским, Почепским и Трубчевским уездами (трактат № 69, в столбцах 1637 г. д. 12); 5) на путивльском участке — по участку Комарицкой волости с польским Новгород-Северским уездом три записи: от 12 (22) октября 1645 г. — о размежевании Трубчевска и комарицкого села Олешковичей с Новгородом-Северским (трактат № 83, в столбцах 1645 г. д. 18); от 13 (23) октября 1645 г. — о раз-

Но более интересны материалы, легшие в основу этих официальных актов. Следует заметить, что терминология, принятая в дореволюционном архиве МИД, которая существует до настоящего времени в описях ЦГАДА, вносит некоторую путаницу и неясность в характеристику «дел» — столбцов. По архивной терминологии дела, содержащие документы при посылке межевых судей на съезды, называются «отпусками», «отправлениями», «наказами» судьям, а донесения, отчеты, отправляемые судьями со съездов в Посольский приказ, — «отписками» или статейными списками судей. Между тем в подшивках всех этих дел встречаются одинаковые материалы, связанные с работой межевых съездов. В отписках и статейных списках судей в Приказ часто приводятся те же «наказы» и вся подготовительная документация о проведении границ на их участке, которые судьи получали при выезде из Москвы. И, наоборот, в «отпусках», «отправлениях» и «наказах» оказываются последующая переписка Приказа с судьями о ходе межевания, переписка Приказа и самих судей с пограничными воеводами касательно межевых дел, тексты ответов польских комиссаров, представленных ими документов и даже межевые записи, принятые на съездах, т. е. те документы, которые должны были бы быть помещены в статейных списках судей или их отписках. Более того, часть статейных списков в архиве разделена на несколько дел. Так что документы межевых съездов оказались распределенными в столбцах бессистемно. Сейчас неясно, что послужило этому причиной — смешение дел в самом Посольском приказе или позднее в архиве МИД. Обнаруживаются также ошибочные названия столбцов. Исследователю поэтому следует осторожно относиться к архивным названиям дел и проверять их содержанием документов.

Во всех «отправлениях» прежде всего приводятся царский приказ о посылке данных судей (двух судей и одного дьяка) на данный участок границы во исполнение решений Поляновского мира. Приводятся выдержки из самого Поляновского договора о размежевании границы на пяти участках, об условиях и порядке размежевания границ и спорных рубежей. Далее подробно указывается история данного участка границы, все споры, которые имели место в этом районе со времен Ливонской войны. Так как ожесточенные территориальные споры возникли сразу же почти на всех участках и работа межевых съездов неоднократно откладывалась на следующие годы, в «отпусках» 1635—1648 гг. повторяется история межевания данного участка границы с точными указаниями, в каком году что сделано, а что осталось неурегулированным, отмечаются все спорные территории с их описанием, определением площади, указанием количества населенных пунктов и населения, владельцев земель. Указывалась линия поведения судей по спорным вопросам: какие земли следует отстаивать «накрепко», что можно уступить или обменять, какова должна быть «мера» уступок по этапам. Что особенно важно — русским судьям давались подлинные документы, обосновывающие права России на пограничные земли: писцовые книги или выписки из них, царские грамоты, выписки из посольских книг XVI в. Судьям давались также копии документов, представленных польской стороной, — королевских грамот и частных актов (купчих, меновных) и др.

И еще одна, очень важная, группа документов, возникших в ходе работ межевых съездов или до их начала, — описания границ, проведенных российской и польской сторонами. Еще до отправления судей на съезды

межевании Комарицкой волости и Путивльского уезда с Новгородом-Северским (трактат № 84, в столбцах 1647 г. д. 7) и от 11 (21) ноября 1645 г. — о размежевании Трубчевска с польским Почепом (трактат № 85, в столбцах 1645 г. д. 21); от 13 (23) июля 1647 г. — об отмежевании к России пяти путивльских городищ и размежевании Путивля с Черниговским и Черкасским уездами (трактат № 89, кн. 73, в столбцах 1647 г. д. 8).

летом 1634 г. Посольский приказ обязал воевод пограничных городов — Пскова, Великих Лук, Торопца, Вязьмы, Брянска, Путивля — составить описание границ их уездов с Речью Посполитой. Росписи — «дозоры рубежей», присланные в Посольский приказ этими пограничными воеводами, были даны межевым судьям при их отъезде на съезды. Самим судьям до начала работы съездов предписывалось на месте проверить эти описания границ, объехав их вместе с представителями местного населения-старожильцами и составить карты-«чертежи» пограничной территории с показом спорных районов. «Дозоры рубежей» и описания границ и спорных областей, составленные межевыми судьями, включались в число обязательных документов, которые давались следующим судьям при всех повторных работах съездов. Укажем наиболее ценные документы межевых съездов.

По великолукскому участку. В «наказе» судье кн. Вас. Григ. Ромодановскому имеются подлинные, присланные из Великих Лук воеводой Петром Репниным «росписи рубежей» Великих Лук и Заволочья (Ржевы Пустой) с Невельским, Полоцким и Усвятским уездами от июня 1634 г. «дозора» писцов Петра Яковлевича Низовцева, Бориса Прокофьевича Валуева, Михаила Бухвостова и Дмитрия Косылина (д. 24, лл. 72—81, 82—85, 85а—89, 181б—190), «скаска» старожильца Ив. Каверзнева о захватах «литовских людей» в Луцком уезде при царе Федоре Ивановиче (лл. 96а—98). Здесь же росписи псковских рубежей — Опочки с Полоцком, Велейского и Вышегородского уездов с Красным и Ливонией, Изборска и Завелицкой засады с Ливонией — «досмотра» Клементия Еремеева, Кирилла Сумороцкого, Ивана Перетрутова и Александра Тимошева (лл. 109—122, 123—126, 160—172, 172а—181а), а также список с польского описания границ Усвята и Невля с Луками и Себежем (лл. 141а—142а). Следует отметить, что граница псковских земель с ливонскими городами Лудзой (Лужа), Вилякой (Влех), Новгородком (Нейгаузен) не была размежевана в 1634—1648 гг. из-за отказа польской стороны, которая считала эту границу «старой», т. е. не изменившейся по Деулинскому и Поляновскому договорам и не подлежащей поэтому межеванию. Тем ценнее сохранившиеся в материалах съезда 1634 г. описания псковско-ливонской «старой» границы, которые не попали в официальные акты межеваний.

В статейном списке В. Г. Ромодановского также содержатся межевые росписи границ Великих Лук и Ржевы Пустой с Невлем, где интерес представляют описания захватов поляков в великолукских Плавецкой и Жижецкой волостях еще со времен царей Федора Ивановича и Бориса Годунова⁵.

В «отправлении» В. Г. Ромодановского 1635 г. (июль) важен «сыск» о спорной пусторжевской Долысской волости, в котором содержится ее описание (по «скаскам» старожильцев) до захвата в начале XVII в. поляками (д. 13, лл. 181—185)⁶.

Результатом деятельности великолукского межевого съезда в 1634—1635 гг. была запись о размежевании Великолукского и Пусторжевского уездов с Невельским, кроме спорных районов, а также псковских Опочечного, Велейского и Вышегородского уездов с Себежским и Краснородским (кн. 48; ср. 1634 г., дела 25 и 36; 1635 г., д. 13).

⁵ Статейный список В. Г. Ромодановского в архиве разделен на два дела 1634 г. — № 25 и 36. Оба отрывка подписаны дьяком этого съезда Дм. Прокофьевым. Оба не имеют начала, поэтому, видимо, и оказались разрозненными. Дело 36 имеет ошибочное название: «Судное дело Луцкого и Невельского уезда о границах». Межевые росписи находятся в д. 36, занимая все дело, кроме первых четырех листов, где записаны захваты поляков.

⁶ «Отправление» В. Г. Ромодановского 1635 г. является по существу соединением «отпуска» и статейного списка. Здесь объединены «наказ» и переписка Приказа с судьями (июль—ноябрь). «Отписки» судей за сентябрь см. в д. 21 за 1635 г.

В делах следующего судьи — Вас. Ив. Нагого, — которому достались спорные участки великолукско-усвятского рубежа (1635 г., дела 10, 11; 1637 г., дела 9, 10), содержатся российский и польский варианты описания границы Плавецкой и Жижецкой волостей с Усвятом (1637 г., д. 9, лл. 30—32, 98) и описание рубежей Долысской волости (лл. 129—130, 150—151).

В «отправлениях» следующих судей — кн. Дм. Ив. Щербатого (1640 г., д. 4; 1642 г., д. 8), кн. Андр. Степ. Вельяминова (1645 г., дела 8—10; 1646 г., дела 17—19)⁷ — интересны только документы предшествующих съездов: «росписи межевые лутцкие, и пусторжевские, и опочетские, и псковские, каковы присланы к Москве от воевод 6142-го году» (1634 г.). Сыск и допрос Вас. Ромодановского 1637 г. про Долысскую волость и о землях в лутцких Плавецкой и Жижецкой волостях, «которые завладели литовские люди к Усвяту и к Велижу, дан ис Посольского приказу» и «2 листа белорусским письмом» об этих волостях, которые дал Ромодановскому литовский межевой судья Героним Теханович.

В документах последнего межевого съезда Петра Фед. Волконского (май—октябрь 1648 г.) содержится описание нового, компромиссного рубежа на великолукско-велижском участке (д. 5, лл. 166—169). Результаты размежевания всего великолукского участка границы были записаны в межевую запись от 23 сентября (3 октября) 1648 г. (трактат № 92, кн. 75; ср. 1634 г., дела 24, 35, 36; кн. 48; 1648 г., д. 5).

По торопецкому участку. От первого межевого съезда сохранился наказ судье кн. Петру Фед. Волконскому от августа 1634 г. (д. 23), в котором приведены документы несостоявшегося межевого съезда 1619—1620 гг. — описания торопецко-велижского рубежа польской (Адама Новодворского, л. 14) и российской сторон: росписи торопецкого рубежа досмотра Оката Скворцова, Мих. Роздеришина и Андрея Борисова 1618/19 г. и «росписи Торопецкого уезду Старцовой и Нежельской волости, что заходили литовские люди насилством», которые потом повторены в межевых росписях 1635 г. (д. 12). По этим росписям выясняются захваты поляков с конца XVI в. в этой области⁸.

Материалы следующего съезда тех же судей, завершившего размежевание торопецкого участка, содержат межевые записи разграничений Торопецкого уезда с витебским Велижем и Белой и Ржевского, Зубцовского и Вяземского уездов с той же Белой (1635 г., дела 11, 12). В «росписях» этого съезда (д. 12), кроме межевой записи, находятся уже упоминаемые «росписи» захватов поляков в Старцовой и Нежельской волостях 1618/19 г. и «Роспись обменной земле» в Ржевском уезде, которая обменивалась на земли в Бельском уезде (ржевский погост Николы в Котельне на Спасский погост на Березе). Текст этих межевых росписей оформлен как официальная «межевая запись» от 2 (12) ноября 1635 г. в трактате № 68 и кн. 53.

По вяземско-серпейскому участку. Документы сохранились хуже всего. От межевого съезда осени 1634 г. (август—октябрь) имеются и наказ и статейный список судьи кн. Никиты Мих. Мезецкого (дела 21, 22)⁹. В наказе приведены росписи рубежей Вязьмы с Дорогобужем,

⁷ Дела 1645 г. (№ 10) и 1646 г. (№ 19) являются списками со статейных списков А. С. Вельяминова.

⁸ Документы съезда 1635 г. находятся в трех делах: д. 11 — «отправление» судьи П. Ф. Волконского, состоящее из двух частей, которое по существу представляет собой объединение «наказа» и статейного списка; д. 12 — межевые росписи торопецкого, ржевского и вяземского рубежей из статейного списка Волконского; д. 25 — всего два листа, это письмо судей в Приказ о возможном переносе работы съезда из-за наступления зимы (без даты).

⁹ В архивной описи статейный список Н. М. Мезецкого неверно назван «Описью рубежей меж Вязьмы и Дорогобужа» (1634 г., д. 22). Дело это состоит из подлинного статейного списка судей с подписью дьяка Потапа Внукова (лл. 19а—68), в котором

присланные вяземским воеводой Мироном Вельяминовым от 8 июля 1634 г. (досмотры Кузьмы Вешковского и Петра Щелина — д. 21, лл. 115—119, 127, 145, 146—161), и Серпейска с Рославлем и Смоленском, присланные серпейским воеводой Осипом Кондратьевым (досмотр Путия Данилова); в статейном списке — описание вяземско-дорогобужской границы, установленной на съезде (д. 22, лл. 1—19 об., 25—68). Списки с воеводских досмотров вяземско-дорогобужского и серпейско-смоленского рубежей со «скасками» старожильцев не только о самой границе, но и о пограничных владениях, их размерах, хозяевах, угодьях собраны в отдельном деле (д. 34). Не сохранились материалы съезда 1635 г., а в материалах съезда 1636 г. нет официальных документов (1636 г., д. 8). Однако межевая запись от 17 (27) октября 1637 г. (трактат № 70) говорит о завершении межевания и воспроизводит не только описание всего вяземско-серпейского участка границы (рубежи вяземско-дорогобужский, серпейско-дорогобужский, смоленско-серпейский и рославльско-серпейский), но и историю межевания этого района.

По брянскому участку. В «отправлении» первого межевого судьи кн. Романа Петровича Пожарского (август—ноябрь 1634 г., дела 19, 20) имеются описания рубежей Брянского уезда с Трубчевском, Почепом и Стародубом (досмотр Владимира Небольсина) и рубежей Брянска с Кричевом, Рославлем и Смоленском (досмотр Ефима Потресова) от июля 1634 г., присланные брянским воеводой кн. Ив. Хилковым, подлинники со «скасками» старожильцев (лл. 78—84, 85—87, 88—102). В описании брянско-трубчевского рубежа интересен его участок по Комарицкой волости, столь знаменитой своей ролью в крестьянской войне начала XVII в., местоположение которой до сих пор точно не определено.

Документы съездов 1636 и 1637 гг. Григ. Гавр. Пушкина не сохранились. В статейном списке путивльского судьи кн. Фед. Ив. Волконского от сентября 1636 г. приводится, однако, текст «межевой росписи Комарицкой волости» Г. Г. Пушкина (д. 6, лл. 95—114). Официальная межевая роспись от 10 (20) октября 1637 г. закрепляет окончание межевания на участке: Брянск и Комарицкая волость — Рославль, Кричев, Стародуб, Почеп и Трубчевск, кроме спорного с. Олешковичи (трактат № 69, 1637 г., д. 12), которое было выделено в особый участок, так как находилось на стыке брянской и путивльской границ с Новгородом-Северским.

На участке с. Олешковичей межевание продолжалось в 1638—1645 гг. (в 1645 г. участок объединен с путивльским). В «отправлении» первого судьи Григ. Андр. Алябьева имеется «Сыск о селе Олешковичи Комарицкой волости Чемлижского стану» от 23 августа 1638 г. (д. 9, лл. 288—292) и подборка грамот и выписей из писцовых книг¹⁰. Результаты межеваний на участке Комарицкой волости (судья Замятня Леонтьев) записаны в межевых записях: от 12 (22) октября 1645 г. на участке Трубчевска и с. Олешковичей с Новгородом-Северским и от 13 (23) октября 1645 г. на участке Комарицкой волости с Новгородом-Северским (трактаты № 83 и 84, списки в деле 18 от 1645 г.).

По путивльскому участку. Самая обильная документация. В «отправлении» первого судьи Григ. Гавр. Пушкина (август—ноябрь 1634 г., д. 18) уже содержатся «память», составленная в Посольском приказе по сведениям путивльского воеводы Семена Волынского от июля, о захватах поляков в Путивльском уезде после заключения Поляновского

имеются описания вяземско-дорогобужского рубежа, и приказной копии с этого описания, которая помещена впереди статейного списка. Это, видимо, и вызвало ошибку составителя описи Н. Н. Вантыш-Каменского.

¹⁰ «Отправление» Г. А. Алябьева (д. 9 за август—ноябрь 1638 г., две части, 423 лл.) содержит все материалы съезда; это приказный список. Дело № 10 (54 лл.) — отрывки за сентябрь—ноябрь подлинных отписок судьи со скрепой дьяка Василия Яковлева.

мира (лл. 69—74), а также межевые росписи Путивльского уезда с Новгород-Северским (досмотр Ивана Черепова) и с Черниговским уездами («и с литовскою землею» (досмотр Микифора Яцына) от июля 1634 г. (лл. 100—105, 106—111). И составленные межевными судьями «Росписи заседалых мест в Путивльском уезде» с приложением «сказок старожильцев» (лл. 230—237, 238—239, 244—250). «Отпуск» этого же судьи в 1635 г. (д. 9), сохранившийся без конца, содержит сведения о дальнейших захватах поляков в 1634—1635 гг. в путивльских землях. В документах следующих судей 1636—1642 гг. кн. Фед. Фед. Волконского также содержится подборка актов о захватах подданными Речи Посполитой в Путивльском уезде с начала XVII в. В «наказе» и статейном списке 1636 г. (дела 5 и 6) имеется «Роспись Путивльского уезда с Новгород-Северским и с Черниговским уездом и с Литовскою землею» с «Росписью заседалых мест» в Путивльском уезде (д. 6, лл. 76—88, 93—94) и польский вариант путивльско-черниговского рубежа (лл. 89—92). Здесь же документы обеих сторон, подтверждающие их границы: выписи из русских писцовых книг, русские и польско-литовские грамоты. В материалах 1637 г. (дела 5 и 6) указаны первые уступки России в путивльских землях (по Удаю) и новый вариант границ поляков (д. 5, лл. 206—210, 283—293). А в материалах 1642 г. — уже третьи уступки (дела 6 и 7)¹¹. И, наконец, в документах последних межевых съездов судьи Замятни Леонтьева 1645 и 1647 гг., размежевавших путивльские земли с Новгородом-Северским, Черниговом и Черкассами, имеется описание новой границы (1645 г., д. 6, лл. 58—59; 1647 г., д. 9, лл. 7—9)¹². Эта граница зафиксирована в межевой записи 13 (23) июня 1647 г. (трактат № 89, кн. 73; 1647, д. 8).

Самостоятельную группу документов составляют выписи, копии-списки с подлинных актов, сделанные в Посольском приказе для внутреннего пользования. Имеются списки с тех подлинных описаний рубежей, которые присылались в Приказ воеводами пограничных городов. Таковы межевые росписи границ Великих Лук, Псковских земель, Заволочья с Полоцком, Невлем, Усвятом и Ливонией, присланные великолукским и псковским воеводами в июне 1634 г. (д. 35), подлинники которых были в «наказах» судье на этом участке В. Г. Ромодановскому (ср. 1634 г., д. 24); росписи вяземско-дорогобужского рубежа воеводы вяземского Мирона Кондырева и смоленско-серпейского рубежа серпейского воеводы Осипа Кондырева от июля (1634 г., д. 34). Здесь и списки с межевых росписей, сделанные на межевых съездах до окончательного размежевания границ, с указанием размежеванных участков и спорных мест. Это — «Роспись городам, в которых литовские люди стали селиться» в Путивльском уезде (1635 г., д. 23)¹³, присланная судьей Григ. Гавр. Пушкиным (ср. 1634 г., д. 9); межевые росписи Торопецкого, Ржевского и Вяземского уездов, составленные межевым судьей П. Ф. Волконским с повторением данных из «дозоров» торопецких Старицкой и Нежелской волостей 1634 г. (1635 г., д. 12)¹⁴; «Роспись немежеванным местом» в Пусторжевском, Опочецком и Вышегородском уездах из статейного списка В. И. Нагого от 25 августа 1637 (д. 10) с указанием польских захватов в этих российских землях и с «Росписью» и переписными книгами Долыс-

¹¹ Документы съездов 1637 и 1642 гг. сохранились плохо. Статейный список — 1637 г. (д. 6) и копия с него (д. 7) без конца, многие документы и без начала. «Отправление» 1642 г. (д. 6) — столбец «ветхий и гнилой» — по описи; статейный список (д. 7) не имеет начала и конца; оба дела очень перепутаны.

¹² Документы съезда 1647 г. сохранились также очень плохо: «наказ» З. Леонтьеву и его статейный список (беловик и черновик, дела 5, 6, 9) находятся в смешанном состоянии.

¹³ Это приказный беловик, начало утрачено, на л. 1 об. написано: «приказной».

¹⁴ В д. 12 1635 г. соединены вместе подлинные межевые росписи, присланные судьями в Приказ (за приписью межевого дьяка Ив. Внукова), и приказная копия с них.

ской волости и обмениваемого на нее Вязовского стана Невельского уезда «дозора» Л. Бешенцева и др. от сентября (лл. 22—27). Списки с межевых записей разграничения Трубчевского уезда с Новгородом-Северским, Комарицкой волости — с ним же и Трубчевска — с Почепом 1645 г. (дела 18, 21) межевания Замятни Леонтьева (ср. трактаты № 83—85) и межевых записей Путивльского уезда с Новгородом-Северским, Черниговом и Черкассами 1647 г. (дела 7, 8; ср. трактат № 89, кн. 73).

Для выяснения хода межевого дела в Приказе составлялись выписки за определенные сроки. Выписки за 1634, 1634—1635 и 1634—1642 гг. отражают положение дел на разных участках границы. Выпись 1634 г. (д. 28) касается путивльского участка. Выпись 1634—1635 гг. (1634 г., д. 29) подводит итог межеваниям по всей границе, выявив все спорные участки. Здесь повторяются сыски о Долюсской волости (повторение материалов великолукского съезда 1635 г., д. 13) и о захватах поляков в великолукских Плавецкой и Жижецкой волостях (см. 1634 г., д. 36).

Выписи 1634—1642 гг. (1634 г., дела 30 и 31) подводят итоги споров на трех участках, где межевание затянулось: путивльско-черниговском, великолукско-невельском и усвятском и с. Олешковичей Комарицкой волости с Новгородом-Северским. Здесь повторяются списки русских земель, захваченных поляками в Путивльском уезде до и после Смоленской войны, и описание «старинного Путивльского рубежа с литовскими городами» (д. 30, лл. 104—166; ср. 1634 г., д. 18). В д. 31 имеются приписки, показывающие «технику» составления выписок, последующего включения в текст описания хода межевания текстов документов. В описании путивльского съезда 1636 г. есть две приписки: «чаю тут вклеить росписи о литовских крепостях» и «тут вклеить те крепости» (лл. 20, 23).

С какими целями делались эти выписи, сказать трудно. Только на одной выписи от декабря 1634 г. (д. 28) есть указание, что составлялась она для доклада царю: выпись имеет заголовок «Написано в доклад», и составлена она в форме вопросов к царю, как поступить в сложившейся ситуации на четырех спорных областях путивльского рубежа. Остальные выписи представляют просто сводку событий на участках межеваний за несколько лет. Возможно, они тоже составлялись для докладов царю или при подготовке посольств «по обидным делам» в Польшу, а может быть, и для внутреннего делопроизводства. Выпись 1634 г. носит характер беловика, три остальные выписи — скорее черновики (на одном из них есть приписки). Для исследователя приказные выписи очень удобны своими обобщениями хода межевых дел на отдельных участках границы.

Большой интерес представляют «росписи при отдаче городов» по Полянскому миру. Сохранились такие росписи по Дорогобужу и Себежу (1634 г., дела 13, 15). В них содержатся описания самих городов, их укреплений, вооружения, пороховых и продовольственных запасов и дается перечень волостей, составляющих уезд города¹⁵.

При изучении работы межевых съездов могут быть привлечены «отписки пограничных воевод о порубежных делах» в Посольский приказ, которые не входили в документацию съездов, но по материалам которых из Посольского приказа межевым судьям давались «памяти» о состоянии пограничного района за предшествующее съездам время. Отписки пограничных воевод появляются с 1620 г., до 1634 г. они нерегулярны, а с 1634 г. поступали в Приказ ежегодно вплоть до 1700 г. Здесь сообщения «об обидах», причиненных поляками российскому населению: о захватах земель, ограблениях сел и деревень и торговцев

¹⁵ Аналогичное дело об отдаче по Деулинскому перемирию Речи Посполитой городов Новгорода-Северского, Трубчевска, Красного городища, Невля, Стародуба и Почепца см. 1619 г., д. 2.

в России и Речи Посполитой. Переписка воевод с польскими властями по этим «обидным делам», о размене пленных и пр. Здесь и «порубежные вести», т. е. сведения о положении в Речи Посполитой, привозимые из-за рубежа населением, торговцами и лазутчиками. Отписки воевод в архиве числятся под № 1 за каждый год, начиная с 1634 г. В 1646 г. межевым судьям на великолукском, вяземском, брянском, трубчевском и путивльском участках велено было одновременно разбирать и «обидные дела» (дела 14—19).

Таков состав документов межевых съездов 1634—1648 гг.: 9 межевых записей по разграничению границы, 4 книги, 64 столбца.

Особо остановимся на сведениях документов межевых съездов о писцовых книгах и грамотах XVI—XVII вв., так как многие из этих документов не сохранились.

На великолукском участке в распоряжении российских судей были следующие писцовые книги Великих Лук. Книга 1584/85 г. кн. Дм. Елецкого; ею пользовались на межевых съездах 1634—1645 гг.; вторая половина этой книги сохранилась до сих пор¹⁶. Книга 1593/94 г. писца Мих. Вельяминова, из нее приводились выписки о захваченных поляками землях в Плавецкой и Жижецкой волостях, количестве владений, величине дворов, пашни и угодий на съездах 1634—1648 гг.; книга эта не сохранилась, но сведения из нее имеются в позднейшей книге Великих Лук 1627—1629 гг.; о книге 1593/94 г. в литературе неизвестно¹⁷. Книга 1627—1629 гг. кн. Тимофея Бобарыкина также упоминается в делах 1645 г., из нее приводилась выпись 1638 г.; книга эта сохранилась¹⁸.

Упоминается несохранившаяся писцовая книга Невля, две выписи из которой Игнатия Зубова — 1582/83 г. на земли Ущенского монастыря и 1583/84 г. на земли Язенского монастыря в Вязовском стане — приводятся в делах 1645 и 1648 гг.¹⁹ Книга и выписи до сих пор неизвестны.

На торопецком и вяземском участках, хотя и писалось, что «писцовых книг на спорные рубежи... в Москве не сыскано», приводятся ссылки на торопецкую книгу Дм. Воейкова 1627—1630 гг.²⁰ и вяземскую книгу Вас. Вольнского 1593/94 г.²¹ (обе книги сохранились). Упоминаются две не сохранившиеся, но известные книги 1615/16 г. Микифора Шапилова и 1625/26 г. Юрия Мусина-Пушкина²². Приводятся выписки из переписной книги дворцовых слобод в Дорогобужском уезде Павлина Власьева 1633 г., которая не сохранилась и в литературе неизвестна²³. Упоминаются еще ржевские писцовые книги Иева Лачинова 1623—1625 гг. и приправочные Андрея Салтыкова 1584/85 г. (книги известны в списках). Подлинной последней книги в Поместном приказе не было уже

¹⁶ ЦГАДА, ф. 79, 1634 г., д. 30, лл. 43, 54, 122; д. 31, л. 90; 1635 г., д. 13, лл. 76, 141—150; 1637 г., д. 9, лл. 32—33, 58—62, 66—67, 97—98, 201, 205—206, 259, 275; 1642 г., д. 8, л. 92; 1645 г., д. 8, л. 60. В настоящее время кн. 244 в ф. 1209 (Поместный приказ). См. С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. 2. М., 1916, стр. 606.

¹⁷ ЦГАДА, ф. 79, 1634 г., д. 29, лл. 37—38; д. 30, лл. 43, 54, 122; д. 31, л. 90; 1635 г., д. 13, лл. 76, 147—150; 1636 г., д. 10, лл. 36—37, 59; д. 11, лл. 61, 83, 88; 1637 г., д. 9, лл. 32—33, 58—62, 66—67, 97—98, 201, 205—206, 259, 275; 1642 г., д. 8, л. 42; 1645 г., д. 8, л. 60; д. 9, лл. 122—124, 138, 141—142; 1648 г., д. 5, лл. 283—285.

¹⁸ Там же, 1645 г., д. 9, лл. 124, 159; ф. 1209, книги 599, 600, 8392. См. С. Б. Веселовский. Указ. соч., т. 2, стр. 606.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 79, 1645 г., д. 8, лл. 61, 71; 1648 г., д. 5, лл. 243—244.

²⁰ Там же, 1634 г., д. 23, л. 77; д. 21, л. 68; 1635 г., д. 11, л. 33. Торопецкая писцовая книга 1627—1630 гг. сохранилась в трех неполных списках (ЦГАДА, ф. 1209, книги 522, 8165 и 8166); пограничная Нежелская волость описана только в кн. 8165.

²¹ ЦГАДА, ф. 79, 1635 г., д. 11, л. 128; 1636 г., д. 8, л. 71; ф. 1209, книги 618, 619; частично опубликована Н. В. Калачовым («Писцовые книги Московского государства», т. I, отд. 2. М., 1879, стр. 567—831). См. С. Б. Веселовский. Указ. соч., т. 2, стр. 586.

²² ЦГАДА, ф. 79, 1636 г., д. 8, л. 71. См. С. Б. Веселовский. Указ. соч., т. 2, стр. 586—587.

²³ ЦГАДА, ф. 79, 1636 г., д. 8, лл. 67—70.

к 1635 г., судьям был выслан ее список²⁴. Упоминается также мешцевская писцовая книга 1626—1628 гг. кн. Тимофея Никитича Звенигородского (сохранилась)²⁵.

Брянские судьи пользовались межевыми книгами кн. Петра Звенигородского 1627—1629 гг. (сохранились)²⁶. Брянский Свинский монастырь представил выпись с писцовой книги Третьяка Вельяминова 1595 г. на земли по р. Таре (книга не сохранилась, но известна по этой выписи; выпись опубликована)²⁷. Упоминается писцовая книга Брянска Тимофея Конст. Хлуднева (до 1584 г.), до сих пор не известная²⁸.

Упоминается приправочная книга Новгорода-Северского 1551/52 г. Василия Борисова, с которой представлялась выпись Смерда Плещеева 1584/85 г. (книга и выпись не сохранились и до сих пор неизвестны)²⁹. Отрывки дозорной книги Комарицкой волости 1613 г., из которой делалась выпись о с. Олешкевичи (писцы Иван Ергольский и подьячий Смирной Максимов), сохранились в делах 1638 г.³⁰

Путивльским судьям дана была писцовая книга 1627/28 г. письма Петра Мусоргского (сохранилась)³¹. Путивльский Молчинский монастырь предъявил выпись из писцовой книги Захария Плещеева 1556/57 г. В делах 1636 г. находится список этой выписи (до 1606 г.). Путивльская книга 1556/57 г. не сохранилась и не была известна, как и выпись. Интересно, однако, что более поздние царские грамоты, подтверждавшие владения монастыря, — 1593, 1606 гг. и более поздние XVII—XVIII вв. — повторяют данные выписи из книги 1556/57 г.³² В материалах путивльского съезда не раз указывалось, что «путивльские книги сгорели в Путивльском разорении» (1611 г.).

Можно добавить еще сведения о неизвестных писцовых книгах псковских пригородов Себежа — 1567/68 г. и Красного — 1554/55 г. (Дм. Хвостова), упоминаемых в деле об отдаче городов по Деулинскому перемирию³³.

Привлечено было несколько царских грамот отдельным людям и монастырям. Упоминаются грамоты Ивана IV 1555/56 г. увятским и велижским детям боярским на земли в луцких Плавецкой и Жижецкой волостях, которые даны были на оброк временно во время Ливонской войны³⁴, и велижским жильцам 1556/57 г. на земли в торопецких Старцовой и Нежелской волостях³⁵. Грамоты ранее неизвестны. Оброчные грамоты Ивана IV брянчанам Якушу и Трофиму Федоровым на бортный Ивоцкий ухажай в Брянском уезде в Опяновской волости (без даты, за подписью дворецкого кн. Дмитрия Фед. Палецкого) и Федора Ивановича

²⁴ ЦГАДА, ф. 79, 1635 г., д. 11, лл. 296—298, 330; ф. 1209, книги 70, 833, 834. См. *С. Б. Веселовский*. Указ. соч., т. 2, стр. 621.

²⁵ ЦГАДА, ф. 79, 1634 г., д. 21, л. 79; 1635 г., д. 11, л. 356; ф. 1209, кн. 249.

²⁶ Там же, ф. 79, 1634 г., д. 19, лл. 2—3; д. 30, л. 93; 1635 г., д. 10, л. 27; 1638 г., д. 9, л. 14; ф. 1209, книги 10229, 10231, 10232.

²⁷ Там же, ф. 79, 1634 г., д. 30, лл. 94, 120; 1638 г., д. 9, лл. 343—344, 400; д. 10, лл. 14—15. Выпись Свинского монастыря см.: *С. Шумаков*. Сотницы, грамоты и выписи, вып. I. М., 1902, стр. 182—200.

²⁸ ЦГАДА, ф. 79, 1635 г., д. 10, л. 203.

²⁹ Там же, 1634 г., д. 30, лл. 92—93, 121; 1635 г., д. 10, л. 205; 1638 г., д. 9, лл. 328, 343—344, 396—398.

³⁰ Там же, 1638 г., д. 10, л. 1; 1634 г., д. 30, л. 118; 1645 г., д. 6, л. 54.

³¹ Там же, 1634 г., д. 18, л. 112; 1635 г., д. 9, л. 22; 1636 г., д. 5, л. 6; д. 6, л. 130; ф. 1209, кн. 10553. См. *С. Б. Веселовский*. Указ. соч., т. 2, стр. 620.

³² ЦГАДА, ф. 79, 1636 г., д. 5, лл. 203—204; д. 6, лл. 137—143; 1642 г., д. 6, л. 305. Грамоту 1593 г. см. у Палладия «Историко-статистическое описание Молчинской рожество-богородицкой печерской мужской Сафрониевой пустыни». М., 1895, стр. 14—15; грамоты XVII—XVIII вв. см.: «Труды Курского губернского статистического комитета», вып. I. Курск, 1866, стр. 562—578.

³³ ЦГАДА, ф. 79, 1619 г., д. 2, лл. 24, 42.

³⁴ Там же, 1634 г., д. 30, лл. 53—54; 1637 г., д. 9, лл. 261—265, 275.

³⁵ Там же, 1635 г., д. 12, л. 7.

1588 г. их внукам (за подписью писца кн. Фед. Андр. Звенигородского)³⁶ приведены в материалах брянского съезда. Грамоты неизвестны.

Новгород-Северский Спасский монастырь предъявил список с жалованной грамоты Ивана IV 1551/52 г., подтверждавшей грамоту Василия III (которая сгорела), и подлинную грамоту Бориса Годунова от 21 февраля 1602 г. на земли в Новгород-Северском и Путивльском уездах. Подлинная грамота Ивана IV сохранилась и опубликована, грамота Бориса Годунова — нет, в делах съезда остался ее список³⁷. На с. Олешковичи Комарицкой волости имеются две ввозные грамоты от 1614 и 1618 гг. и мировая запись Спасского монастыря с Гаврилой Пашковым 1618 г.³⁸ Эти грамоты также неизвестны.

На бортовые ужожи в путивльской Синецкой волости на Суле и ее притоках Лохвице и Сулице обнаружались купчая 1575/76 г. Ив. Гавр. Белова и Григ. Ив. Картавцева у Степана Жаденова Емаланова и переоброчная 1587/88 г. Ив. Картавцева, ранее неизвестные³⁹.

В делах путивльского съезда собраны сведения о некоторых польско-литовских грамотах XV—XVII вв. В 1636 г. упоминаются постановления варшавского сейма 1590 г. — «книга-купстотация» печатная, на которую ссылался И. Вишневецкий, представлявший сеймовое решение о подтверждении ему уступленных Мих. Байбузой земель по Суле. Затем 7 жалованных грамот великих князей литовских: грамота Казимира Ефиму Лопате 1448 г. на сщ. Поддубен на р. Сухом Ромне в волости Торговице; грамота Александра Казимировича Мих. Ив. Бойку 1502 г. на городище Самбор; грамота Стефана Батория Грибану Байбузе 1578 г. на земли на Суле, уступленные им потом А. Вишневецкому; 3 грамоты Сигизмунда III Федору и Юрию Проскурам 1626 г. на отделение их земель Глинска, Бельска и Лебединского городища на Ворскле от земель казаков-«черкасов»⁴⁰. Некоторые из этих грамот известны. Грамота Батория Байбузе 1578 г. и подтверждение уступки земель Байбузы А. Вишневецкому Сигизмундом III в 1590 г. обнаружены в Литовской Метрике Ф. Д. Николайчиком⁴¹. И 7 частных актов: «деловая запись» раздела Богдана и Григория Глинских 1498 г. их земель на Суле, Удае и Ворскле и судные грамоты княгинь Глинских 1498 г.; судная грамота Аграфены Глинской о приданом — половине Глинска зятю Мих. Ив. Грибунову 1537 г.; судная грамота киевских шляхтичей Станислава и Михаила Келбовских с Мих. Байбузой 1579 г. за «жребий» земель на Ворскле в Глинске; иск Проскур к Мих. Вишневецкому 1607 г. за захват их земель в Глинске и Бельске на Ворскле; судная грамота Федора и Юрия Проскур и кн. Мих. Вишневецкого 1613 г. о землях на Ворскле в Глинщине; иск киевского шляхтича Ив. Луцкевича к Федору и Остафию Байбузам 1616 г. об их «жребии» в землях на р. Ворскле и в Глинске. Часть этих документов упоминается в отрывке посольства С. М. Проестева от июня 1638 г., случайно попавшего в дела Разряда и опубликованного с ними в «Дворцовых разрядах»⁴². Это грамоты Казимира и Александра на волости Торговицу и Самбор, деловая грамота

³⁶ Там же, 1635 г., д. 10, лл. 202—204, 205, 283—284; 1638 г., д. 9, лл. 294—295, 312—313. Д. Ф. Палецкий был дворецким в 1537—1547 гг. За сведения о Д. Ф. Палецком приношу благодарность Б. Н. Флоре.

³⁷ Там же, 1638 г., д. 9, лл. 293, 296—306, 307—311. Грамота Спасскому монастырю опубликована Филаретом в «Историко-статистическом описании Черниговской епархии», кн. 3. Чернигов, 1873, стр. 116—122.

³⁸ ЦГАДА, ф. 79, 1634 г., д. 30, лл. 94—96, 118—119.

³⁹ Там же, 1636 г., д. 6, лл. 131, 143—148; 1642 г., д. 6, л. 305.

⁴⁰ Там же, 1636 г., д. 6, лл. 120—124.

⁴¹ Ф. Д. Николайчик. Материалы по истории землевладения князей Вишневецких в Левобережной Украине. — «Чтения в историческом обществе Нестора-летописца», т. XIV. Киев, 1900, отд. 3, стр. 85—87, 89—91, 92—97.

⁴² «Дворцовые разряды», т. 2. СПб., 1851, стр. 899—900.

раздела Богдана и Григория Глинских и судная княгиня Глинских 1498 г., грамота Аграфены Глинской о приданном М. И. Грибунову 1537 г. и иск Келбовских к Байбузе 1579 г.

В делах 1638 г. упомянуты еще грамоты: старосты черкасского М. Вишневецкого 1570 г. об освобождении северюков Байбузы на Ворскле от податей; судная Проскур с Байбузой о вотчинах на Ворскле 1590 г.; судная Григ. и Мих. Проскур о Глинске на Ворскле 1609 г. Выписи из люстрации Черкасского староства 1616 г. на вотчины Проскур и Клембовских на Ворскле в Глинске и Бельске и панны Сатевской на Глинщину на Ворскле — 1615 г. 26 поборовых описей с земель по Ворскле с Глинска и Бельска. Грамоты Сигизмунда-Августа 1571 и 1572 гг. и Стефана Батория 1576 и 1578 гг. Мих. Вишневецкому об охране границ Каневского и Черкасского староств и грамота 1578 г. об охране земель каневских мещан на Суле и Удае от Байбузы⁴³.

К этим сведениям о польско-литовских грамотах исследователю следует относиться осторожно. В материалах межевых съездов находятся не сами грамоты и даже не их списки, а изложение их содержания в трактовке польской стороны. Толкование же поляков их владений по этим документам часто не соответствует действительности. Так, подлинные решения сейма 1590 г. не содержат указаний на права поляков на «пустые» земли по всей Суле до верховьев, как это представляли польские судьи. Там записано разрешение осваивать земли, «лежащие за Белой церковью»⁴⁴. А подлинная грамота Батория Байбузе 1575 г. давала ему земли на Суле и ее притоках Удае и Солонице, т. е. ниже устья Удая на Суле, а никак не выше его. Тезис поляков — то, что им принадлежали земли по всей Суле, — не подтверждается документами Литовской Метрики. Так что, пользуясь изложением польско-литовских грамот, историку необходимо учитывать и контраргументы российской стороны, оспаривающей их данные, т. е. обратиться к неопубликованным материалам межевых съездов. Иначе картина территориальных владений сторон на юге в XVI—первой половине XVII в. может оказаться искаженной.

Для историка и этнографа может представить интерес практика межевания границ, признанная Поляновским договором.

Завершая обзор документов государственных межеваний 30—40-х годов XVII в., следует указать, что эти межевые работы явились большим этапом в истории западной границы России. Попытки межеваний этой границы делались в XVI в. — на себежском рубеже в 1542—1549 гг., на полоцком в 1566—1572 гг., на великолукском и торопецком в 1619—1622 гг., но в таком большом масштабе межевание границ до 1634 г. не проводилось. Необходимо отметить и еще одну особенность государственных межеваний середины XVII в.: во время этих работ были значительно нарушены «старые рубежи» уездов и волостей, вопреки решениям Поляновского мира эти рубежи восстановить и сохранить. Уступки, совершенные дипломатическим путем в 1644 г., также изменили территорию западных российских уездов в середине XVII в. по сравнению с XVI в. Это нужно ясно представлять исследователю при изучении западных территорий России, и не переносить данные XVII—XIX вв. на предшествовавшие столетия. Документы государственных межеваний после Поляновского мира позволяют как раз проследить те изменения в территориальном развитии западных областей России, какие имели место со времен Ливонской войны, интервенции начала XVII в., Смоленской войны и в ходе самих государственных межеваний 30—40-х гг. XVII в. В то же время они дают много данных для истории российских уездов последующего времени.

⁴³ «Дворцовые разряды», т. 2, стр. 901—903.

⁴⁴ «Volumina legum», t. 2. Petersburg, 1859, str. 317—318.

М. Н. Ларченко

ПЕРЕЧНЕВАЯ РОСПИСЬ ОРУЖЕЙНОЙ КАЗНЫ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА 1647 Г.

Среди архивных документов Оружейной палаты, в столбцах первой половины XVII в. сохранились три росписи оружия, находившегося в хранилищах Оружейного приказа. Две наиболее ранние из них относятся к периоду царствования Михаила Федоровича: одна из них составлена в 1639 г., другая — в 1643 г.¹ Обе сохранились частично. В них дано описание некоторых предметов вооружения «большого наряда» и парадного охотничьего оружия. В отличие от первых двух интересующая нас роспись 1647 г. сохранилась почти полностью, даже с подготовительными черновыми записями. Отдельные листы ее частично утрачены, оборваны и потерты. На оборотной стороне некоторых листов с черновыми записями имеется текст, являющийся дополнением, а иногда заменой зачеркнутому на лицевой стороне. Эта роспись дает нам достаточно полный перечень оружия, хранившегося в Московском Кремле в 1647 г. Приведенные в ней данные касаются не только оружия «большого наряда», но и того, которое содержалось в ведении Оружейного приказа для снабжения полков.

Ее полное название — «Роспись перечневая государеве, царе и великого князя Алексея Михайловича всея Руси оружейной всякой казне, что в Оружейном приказе, в Большой Казенной и в иных...»². Далее лист частично утрачен, но по отдельным сохранившимся словам можно предположить, что следовали названия палат и имена составителей, из которых сохранилось только имя «Михаил» и дата «155-го году февраля... 6...» Документ занимает 83 лл. обычного для столбцов архива Оружейной палаты размера. 48 лл. представляют чистовой вариант росписи, остальные 35 лл. — черновые наброски, очевидно, сделанные в процессе переписи наличия оружия в различных хранилищах Оружейного приказа.

Чистовая роспись состоит из двух больших разделов: раздел I — вооружение «большого наряда» и оружие, принадлежавшее собственно царю; раздел II в росписи озаглавлен следующим образом: «Да в розных полатах всякого росхожего ружья и ратной збруи», т. е. строевое оружие, предназначенное для вооружения войска.

Оба раздела росписи составлены по видам оружия. Раздел I начинается с сабель «большого наряда», их было 90 экземпляров. В росписи нет подробного описания каждой сабли. Эту задачу себе и не ставили составители, они создавали перечневую роспись, поэтому ограничивались перечислением сходных по отделке и ценности предметов. Вот образец

¹ ЦГАДА, ф. 396, д. 2948, 3226.

² Там же, д. 3594.

записи: «28 сабель с серебряною золоченою оправою бес камня. 22 сабли серебряные ж оправы белые. 2 сабли оправы шитые золоченым серебром. Сабля оправа костяная, врезывано в кость золото с камнями».

Сабли в этом разделе составляют самую многочисленную группу. Остальные виды клинкового и ударного оружия насчитывались единицами: 3 тесака, 4 палаша, 2 шпаги, 16 булав, 2 буздыгана, 2 перната, 3 чекана, 14 топоров, из них 8 — посольских. Особую группу составляли 29 ножей, треть из них с булатными клинками, яшмовыми и сердоликовыми рукоятями, с богатой отделкой драгоценными и полудрагоценными камнями и бирюзой.

Большое место в парадном вооружении занимали луки, стрелы и принадлежности к ним: саадаки, тахтуи, покровцы саадачные. В роспись перечислены 86 луков, «писанных золотом и серебром». Составители отмечают 52 лука «московского дела», остальные восточного происхождения: «турские», «кизылбашские», «бухарские», «крымские» и т. д. К ним было заготовлено 220 стрел: 23 гнезда северг, 6 гнезд срезней, 5 гнезд томариков и 5 гнезд свищей. Роспись не содержит точного описания различных типов стрел, но дает нам достаточно полное представление о том, из каких материалов они были сделаны. Здесь мы встречаем стрелы «яблоновые», «камышовые», «тростенные», «березовые», «кипрасовые», «чинаровые» и одно гнездо «сандальные». Железца у них были стальные, иногда булатные, у некоторых стрел железца позолочены. Для оперения применяли «перья хвостово и из крыл» гусиные, орлиные и, как написано в росписи, «жеравли» (журавлиные). У многих стрел ушки и наконечники — «рыбей зуб».

В состав «большого наряда» непременно входили саадаки. В росписи упоминается 18 саадаков, роскошно отделанных золотом, серебром, драгоценными камнями, шитые по гзу и бархату золотыми и серебряными нитями. В некоторых случаях описания сделаны настолько точно и так верно переданы основные характерные черты отделки, что позволяют отождествлять их с конкретными предметами собрания Оружейной палаты. Первым в группе саадаков описан «саадак большого наряда, оправа золотая чеканная на прорез на подзоре с финифты розными, подзор серебрян золочен, а в нем в золото вставлено камень: алмазы и яхонты червчатые и лазоревые, и изумруды, и лалы». В этом описании мы узнаем саадак Михаила Федоровича, сделанный в мастерской Оружейной палаты в 1627—1628 гг. (О. П. 6334). Далее следуют 22 «лубя саадачных», шитых золотом и серебром по бархату, атласу, гзу и «телятине», а также «чеканные черные и пошефраненные», 10 гахтуев и 5 саадачных покровцев из бархата, камки и атласа, украшенные шитьем и жемчугом.

Древковое оружие было представлено 32 рогатинами (одна — булатная, остальные — красного железа и стальные), двумя протозанами «цысарское да турецкое дело» и 4 копьями, два из них «московское дело». Кроме того, упоминаются 2 сулицы и 1 гротик.

Самострелов всего 8 экземпляров, о них написано, что они «розных дел»; к ним 8 «коловротов» и 24 гнезда «стрел самострельных», которые различаются по форме железа: четырехгранные, трехгранные и двоерожные, у одного гнезда «резаны травы на прорез».

Огнестрельное парадное и охотничье оружие разделено составителями росписи на пять групп: 46 одиночных и 4 пары пицалей, 14 и 2 пары карабинов, 29 пар пистолей (особо отмечены 8 одиночных пистолетов, они названы «розни», что подчеркивает необычность существования одиночных пистолей) и 3 тьюфяка «московского дела». Если при описании холодного и оборонительного вооружения составители, как правило, отмечают характерные черты отделки, то при описании огнестрельного оружия они прежде всего упоминают национальное происхождение, под-

разумевая, очевидно, связанные с ним особенности конструкции. Из 46 пищалей 29 «русского дела», 12 одиночных и 2 пары названы немецкими, 4 пищали и 1 пара турецкие, 1 пара кизылбашские и одна пищаль с литовским стволом. Карабины и пистолеты описаны по тому же принципу. Карабины представлены примерно в той же пропорции, что и пищали. Пистолеты преобладают западноевропейской работы. Их 14 пар, русских несколько меньше — 12 пар, турецких же всего 1 пара. Такое распределение вполне соответствует общему ходу развития оружейного производства. Но нужно отметить, что в составе всего огнестрельного оружия, принадлежавшего Алексею Михайловичу, больше половины (из 94 экземпляров — 53) было сделано местными русскими мастерами. Не лишен интереса тот факт, что в росписи конструкции двух пищалей московского дела описаны особо: «стреляют духом без пороху», т. е. составители подчеркивают как редкие экземпляры две пневматические пищали. Так же специально отмечены и два замка, хранившиеся отдельно, «немецкого дела колесные, колесо заводитца без ключа».

Роспись оборонительного вооружения начинается перечнем наголовий, все они объединены общим названием «шапки». Далее они разделены по видам: 8 шапок ерихонских, 7 «навожены золотом», а три, кроме этого, украшены камнями и жемчугом, 5 шапок немецких и калмыцких; 8 шоломов, украшенных золотом и серебром; 6 колпаков с позолотой; 2 шишака и 2 «черепа булатные мисюрские», т. е. мисюрки.

Интересно отметить, что отдельной группой записаны 15 лат немецкого и московского дела. Судя по Описи оружия 1687 г. и более ранним документам, латами в XVII в. называли полудоспехи и кирасы. Так, о полудоспехе (О. П. 4733) — здесь речь пойдет о доспехах, сохранившихся в Оружейной палате, — в документе, датированном 1639 г., мы встречаем: «... а пожаловал государь ево за то, что делал латы государю царевичу...»³ Об этом же полудоспехе в Описи 1687 г. сказано: «Латы маленькие черные...»⁴ Другой полудоспех (О. П. 4736) в Описи 1687 г. записан так: «Латы присинены с оплечком и с парамки»⁵. О кирасе (О. П. 4746) в документе 1614 г. сказано: «...присланы дары з государевыми послы Степаном Ушаковым да дьяком Семым Заборовским латы и шапочка...»⁶ В Описи 1687 г. эта кираса также названа латами⁷. Полные же доспехи в XVII в. чаще всего называли кирсами, в одном из документов полный доспех (О. П. 4323) назван сбруей⁸. В Описи 1687 г. этот же доспех записан как «кирис мерекляной»⁹. Все полные доспехи, хранившиеся в Оружейной палате с XVII в., в Описи 1687 г. записаны «кирсами». В интересующей нас росписи оружия 1647 г. мы этот термин не встречаем. Но в группе лат записано: «Да тех же лат 8 шапок да оплечь, 4 зарукавья, 7 полы, 2 наколенника». Среди отдельных частей оборонительного вооружения отмечены: «Пояс железный, наведен медью. Полы железные. 2 сапоги железные золочены места, да один сапог железной ж без наводу». Очевидно, ввиду того что полные доспехи не употреблялись в качестве вооружения, они в то время и не сохранялись как единое целое, а лежали разрозненно.

Более подробно и бережно описано оборонительное вооружение, которое использовали в середине XVII в. Это 2 зеркала, 2 юшмана, 2 бахтерца, 1 байдана, в описании которой не трудно узнать байдану царя Бориса Федоровича Годунова (О. П. 4560), 5 кольчуг, 6 куюков, 33 пан-

³ «Опись Московской Оружейной палаты. Броня». М., 1884, стр. 190.

⁴ Там же, стр. 191.

⁵ Там же, стр. 193.

⁶ Там же, стр. 203.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 175.

⁹ Там же.

циря и 12 наручей. Как видно из росписи, самое большое количество оборонительного вооружения составляли старые традиционные кольчужные доспехи.

Вместе с оружием в росписи упоминаются 18 знамен, хоругвь и прапор, наиболее ценные части эфесов и оправы ножен, камни, жемчуг и остатки тканей. В хранилищах Оружейной палаты помещалось также наиболее дорогое сырье для изготовления изделий из булатной стали: «булату 80 криц...», теникору полпуда, куплен в кизылбашех же для булатной сварки, заку пуд 14 гривенок, куплены в кизылбашех же для булатного припуску». Среди книг, хранившихся в Оружейной палате, упоминается «Книга ратного строя скорописная..., взята у князя Никиты Ивановича Одоевского».

Как видно из росписи, в оружии, принадлежавшем царю, и в вооружении «большого наряда» преобладали традиционные типы вооружения, уже не игравшие решающей роли в оснащении войска. Луки представлены почти в том же количестве, что и огнестрельное оружие. Очень много сабель; в то время, как мы увидим дальше, в строевом оружии преобладали шпаги. Значительное место занимало оружие восточных типов и восточного происхождения.

Раздел II росписи, как уже говорилось выше, освещает состав и количество «роскожного» строевого вооружения, хранившегося в ведении Оружейного приказа. Здесь представляется целесообразным рассматривать одновременно и чистовой и черновой варианты, так как по общему количеству строевого вооружения они совпадают, но черновой вариант дает более подробное перечисление различных групп и видов оружия. В чистовом варианте прослеживается количественное распределение различных видов вооружения по хранилищам и общее число его. Черновой же вариант позволяет судить, особенно когда речь идет об огнестрельном оружии, о происхождении и конструкциях замков, о соотношении различных типов.

Как и раздел I, раздел II начинается с росписи клинкового оружия, а именно сабель. Их упомянуто всего 9 экземпляров, далее следуют 5278 сабельных полос. Такое соотношение вызывает естественное недоумение. Пожалуй, единственное объяснение, которое можно дать, заключается в том, что в тот момент все готовые сабли были выданы в полки, в хранилищах остались только полосы, которые оснащали по мере необходимости. Это предположение подтверждается, на наш взгляд, следующим замечанием, сделанным в черновом варианте: «Из того числа в 148-м и в 149-м годах сделано в Оружейном приказе ко ржавым полосам 45 сабел на полское и на руское дело. И по государеву имянному указу и по памятям отданы в расход 36 сабел. А за тем в остатке 2 сабли на полское дело..., сабля полоса немецкая..., 6 сабел на руское дело... И всего 9 сабел». Из общего количества сабельных полос около 72% (3804) были немецкими, приблизительно 25% (1342) — русского дела, остальные — литовскими (132 штуки, или около 3%).

Предназначавшиеся для вооружения полков нового строя шпаги хранились в Оружейном приказе в большом количестве, их было 13 540. При этом большинство из них было немецкими — 12 424, т. е. около 92%; шпаг русского дела было 1116. Разделяя шпаги на немецкие и русского дела, составители, очевидно, имели в виду прежде всего тип шпаги, так как в росписи мы встречаем замечание: «...в деле у мастеров 50 шпаг русского дела да 200 шпаг немецких», т. е. русские мастера делали или по крайней мере оснащали привозные клинки и для немецких шпаг. И все-таки большинство шпаг были привозными. В черновом варианте выделено оружие, принятое «по уговору боярина князя Бориса Александровича Репнина со 147-го и по нынешний по 155-й год у иноземцов и что прислано ис приказов...» Здесь, помимо шпаг русского дела, упоми-

наются 12 224 пшаги. Этот факт приводится Ю. В. Арсеньевым¹⁰; правда, он называет цифру 12 578 пшаг с ножнами, но это расхождение нам кажется несущественным.

Роспись «росхожего» огнестрельного оружия дает нам возможность определить наиболее распространенные в русском войске, а также в полках нового строя виды огнестрельного оружия и типы замков на этом оружии. Первое место по количеству занимают мушкеты. В арсенале Оружейного приказа хранилось 9410 мушкетов. Среди них наиболее многочисленная группа мушкетов с русскими замками — 4586, т. е. около 49%, почти столько же — 4036 мушкетов — было с жаграми. Эти две группы составляют основную массу. Можно сказать, что русское войско в середине XVII в. было вооружено этими двумя видами мушкетов. Однако были известны и другие: роспись называет 741 мушкет с брабантскими («брабарскими») замками, 13 мушкетов с английскими замками и 1 — с колесным замком. Правда, запасные мушкетные замки хранились в несколько иной пропорции: русских — 606, брабантских — 696, английских — 167, шкоцких — 10. Фитильные совсем не упоминаются. Но, видимо, готовое оружие предпочитали первых двух типов.

Если мушкеты с колесными замками, как мы видим, в русском войске не употреблялись, то на карабинах и пистолетах колесные замки преобладают. Из 3492 карабинов, записанных в росписи, 1976, т. е. более 56%, были колесными. Несколько меньше карабинов было с русскими замками — 1288. Упоминаются еще карабины и со шкоцкими замками, но их совсем незначительная группа.

На строевых или, как их называли, «росхожих» пистолетах безраздельно господствовал колесный замок. Из 2339 пар пистолетов 2198 пар были колесными. Об остальных записано, что они были со шкоцкими замками.

Многие исследователи русской военной истории и русского оружия считали, что огнестрельное оружие с колесными замками не получило в России распространения или применялось в очень ограниченных размерах. Эту точку зрения мы встречаем как в работах дореволюционных авторов, так и в современных изданиях¹¹. Было высказано и противоположное мнение. С. К. Богоявленский писал: «Карабины часто снабжались колесными замками, но никогда не имели ни жагр, ни фитиля. Действительно, конному воину высекать огонь, раздуть фитиль и вставлять его в жагру было очень трудно»¹². Более подробно и основательно этот вопрос исследован Л. И. Тарасюком¹³. Автор высказал совершенно справедливую мысль, может быть еще и не имея развернутых и подробных доказательств, о том, что основное количество оружия конницы в XVII в., карабины и пистолеты, было оснащено колесным замком. Рассматриваемая нами роспись «росхожего» оружия, хранившегося в крупнейшем арсенале русского войска в середине XVII в., дает убедительные доказательства того, что большая часть оружия конницы имела колесные замки. Подавляющее количество пистолетов и половина карабинов были колесными. В росписи нет точных указаний на то, что колесные замки были сделаны русскими мастерами, но такая возможность не исключается. Документ дает множество свидетельств о том, что в мастерских

¹⁰ Ю. В. Арсеньев. К истории Оружейного приказа в XVII веке. СПб., 1904, стр. 4.

¹¹ С. А. Зыбин. История Тульского императора Петра Великого оружейного завода, т. I. М., 1912, стр. 5; Д. Н. Богомазов. Тульский музей оружия. Тула, 1962, стр. 24; Н. В. Гордеев. Оружейная палата. М., 1954, стр. 54; М. М. Денисова, М. Э. Портнов, Е. Н. Денисов. Русское оружие. М., 1954, стр. 100.

¹² С. К. Богоявленский. Вооружение русских войск в XVI—XVII вв. — «Исторические записки», т. IV, 1938, стр. 278.

¹³ Л. И. Тарасюк. Русское ручное огнестрельное оружие XVI—XVII вв. Л., 1965, стр. 94—116 (рукопись кандидатской диссертации).

Оружейного приказа оружие с колесными замками исправляли, ремонтировали в большом количестве. Упоминается 215 пар «пистолей колесных поделанных» и более 100 колесных карабинов.

Большинство вышеупомянутых исследователей русского вооружения неоднократно высказывало мысль о том, что значительное и даже подавляющее количество замков в России ввозилось из Западной и Северной Европы. Внимательное чтение росписи позволяет сделать иное предположение. Вполне возможно, что привозной была определенная часть колесных и фитильных замков или мушкетов с жаграми. Кремнево-ударные же замки были преимущественно русского производства, так как около 37% карабинов и 49% мушкетов были оснащены замками «русского дела», 56% карабинов были колесными, а 43% мушкетов с жаграми.

Привозные замки для мушкетов в росписи отдельно не упоминаются. Но встречается запись о том, что в хранилищах Кремля имелось в наличии «530 замков мушкетных на русское дело, взяты ис Стрелецкого приказу. 76 замков русского дела московских и городовых».

Кроме того, роспись позволяет предположить, что, видимо, из-за недостаточно развитой металлургической базы ввозилось большое количество стволов. В росписи встречаются такие пометки: «129 карабинов новых с русскими замки, деланы ложи и замки в Оружейном приказе к немецким уговорным стволам», «400 мушкетов новых с русскими замками, станки и замки деланы к немецким же уговорным стволам», «743 мушкета стволы немецкие, замки и ложи русское дело не в доделке». Подтверждает это и большое количество стволов западноевропейского происхождения, хранящихся и поныне в Оружейной палате. Ввоз стволов, очевидно, осуществлялся в основном Петром Марселиусом, в документе на это указывает такая запись: «Да по росписи Офонасия Копылова в домике на иноземце на Петре Марселисе вместо равных 199 стволов». Вероятно, количество ввозимых стволов было значительным, если забраковано было почти 200 штук. Но это вопрос отдельного самостоятельного исследования. При рассмотрении его нельзя только забывать о том, что часть из поставляемых Петром Марселиусом изделий могла быть изготовлена на тульских заводах, совладельцем которых Марселиус являлся с 1639 г.

До сих пор в нашей оружейно-исторической литературе нет абсолютно четкого представления о том, какой вид ручного огнестрельного оружия в XVII в. называли в России мушкетом. Наиболее определенные мнения по этому поводу приведены в уже упомянутых работах С. К. Богоявленского и Л. И. Тарасюка. Вот что писал С. К. Богоявленский: «Пищалью или самопалом называли всякое ружье, если оно не было мушкетного типа, а мушкетом называли длинное ружье большого калибра с прикладом, несколько отогнутым вниз и имеющим выемку для большого пальца»¹⁴. Л. И. Тарасюк дополняет эти сведения: «... Восприятие термина „мушкет“ специалистами (имеются в виду специалисты XVII века) свидетельствует прежде всего о том, что это оружие в середине XVII в. оснащалось, как правило, фитильными замками...» И далее: «Подавляющее большинство мушкетов, включая и изготовленные в России по иностранным образцам, оснащались фитильными замками, что также отличало их от пищалей, в которых с первой четверти XVII в. преобладали кремнево-ударные замки. Надо отметить, что широкое применение последних в России сказалось, в частности, в том, что некоторое количество мушкетов, возрастающее в течение XVII в., также снабжалось этими механизмами, хотя общее число такого оружия, судя по документам, не превышало 25% всех мушкетов даже к концу

¹⁴ С. К. Богоявленский. Указ. соч., стр. 274.

XVII в.»¹⁵ Как мы видим, основные критерии для определения термина «мушкет» уже намечены.

Рассматриваемая роспись, на наш взгляд, позволяет внести некоторые уточнения и исправления в эти определения. Несомненно, мушкет — это «длинное ружье большого калибра», но фитильный замок не является отличительным признаком мушкета ни в середине, ни к концу XVII в. Как уже говорилось, 49% мушкетов, хранившихся в Оружейном приказе в 1647 г., были оснащены кремнево-ударными замками «русского дела», именно кремнево-ударными, а не фитильными.

Роспись позволяет сделать вывод, что строевые («роскожие») ружья, в отличие от штучных охотничьих, называемых пищалами, независимо от типа замка именовали мушкетами. Это определение дополняют другие документы, из которых следует, что мушкеты предназначались для вооружения только полков нового строя. Оружие стрельцов и ополчения называли пищалами. В памяти, датированной 1649 г., царь указал «для солдацково строю из Оружейного приказу десять знамен тафтяных или дорогильных, каковы есть, тысячу мушкетов с замками, тысячу ж пшаг, столько ж банделеров» послать в Старорусский уезд в Сумерскую волость и в Ставрополье. И в том же 1649 г. указал государь рейтарскому полковнику Исаку Фанбуковену «для наученья отборным людем рейтарскому строю взять из приказа Оружейной палаты... 40 мушкетов с подсошки и з банделеры...»¹⁶. В этих документах, как мы видим, речь идет о полках нового строя и оружие их названо мушкетами.

А вот другие документы. В одном из них, датированном 1649 г., говорится о том, что государь указал взять в Оружейном приказе 152 пищали ручных со всем пищальным строением для посылки в «новой украинной город на Усмонь служилым людем». В другом документе 1650 г. государь указал взять «из Оружейного приказу 3200 пищалей з замки», послать те пищали «из приказа Казанского дворца по черте в города и остроги и по засечным крепостям служивым людем»¹⁷, т. е. здесь речь идет о стрельцах, их оружие названо пищалами¹⁸.

Помимо этого, в арсенале Московского Кремля хранились различные принадлежности, необходимые для солдат полков нового строя. Упоминается 317 лядунок, большей частью «оболоченых красною кожею», 2727 поясов «з банделеры з жестяными и з деревяными, обшиты трубки красным и черным бараном», т. е. кожей, «1170 фурм карабинных и мушкетных». Из чернового варианта росписи видно, что хранилась эта амуниция, видимо, небрежно, так как когда-то было «19870 банделеров с поясы и бес поясов и 350 ремней. И те банделеры, что лежат в Повареной полате, многие згнили в тлен, а которые выбраны лутче и высушены, и те все изо всех полат собраны в Набережные полаты».

В росписи не однажды встречаются подобные указания на то, что именно в 1647 г. было обращено внимание на приведение в порядок дел в хранилищах Оружейного приказа. Кстати, в этом же году было восстановлено и звание царского оружничего, упраздненное в период Смутного времени. Им был назначен боярин Григорий Гаврилович Пушкин.

В Набережных же палатах хранилось 6258 подсошных и 54 рога «английских пороховых» да 44 пики. Для младших командиров полков нового строя имелось 316 алебард и 90 протозанов. Большое количество (5808) было заготовлено «дерев станочных» кленовых и березовых.

Строевое оборонительное вооружение в росписи представлено также в значительном количестве: 3486 лат, 2226 «шапок латных с носами»,

¹⁵ Л. И. Тарасюк. Указ. соч., стр. 68 и 91—92.

¹⁶ Ю. В. Арсеньев. Указ. соч., стр. 29.

¹⁷ Там же.

¹⁸ «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век». М., 1955, стр. 439—441.

1850 рукавиц латных и 230 «наплечков латных». В черновой росписи упомянуто, что 1850 лат были привезены Петром Марселиусом, при приемке их испытывали стрельбой. Здесь мы встречаем такое замечание: «да тех же лат 120 стрельбою неопытываны». Ко всяким латам было по одной рукавице. Латы упоминаются немецкие, голландские и литовские.

Вместе с «росхожим» оружием в Поваренной палате хранилось 2883 пуда прутowego и дощатого железа. Для украшения изделий имелось 745 «раковин виницейских» и 880 «раковин белых морских», 266 «рогов волових». Кроме того, в Оружейном приказе был запас сусального золота 82 тыс. листов и некоторое количество красок.

Среди разных мелочей, отдельных недоделанных или испорченных вещей, записанных вместе с оружием, обращает на себя внимание одна, несомненно представлявшая большой интерес. Это — «пушка полковая на колесах о шти зарядех, заправливаеца с верху з зади, замок колесной попорчен». О ней написано: «И та пушка вынесена в Набережную полату для того, что попорчена вся».

Хочется еще отметить большой запас «колчеданов», ссыпанных в 20 мешков и одну кадку.

Роспись дает нам представление, где, в каких помещениях на территории Кремля хранилось оружие. Шпаги размещались в Верхних новых, в Задней, что была канительной, в Набережных и в Рудознатной палатах. Кроме шпаг, в Задней палате хранился только запас морских раковин. Видимо, лучшее новое и починенное оружие в основном находилось в Верхних новых палатах. Здесь были сабли, сабельные полосы, шпаги, большая часть карабинов, пистолей, мушкетов, лат, рукавиц и шапок к ним, а также алебарды и протозаны. В Набережных палатах были сложены недоделанные и починенные мушкеты, подшопки, банделеры, лядунки, некоторое количество оборонительного вооружения и старое ржавое оружие. Наименее ценные вещи, старые, требующие починки, находились в Рудознатной палате: карабины, замки, стволы и ключи карабинные, пистолеты, ржавые мушкетные замки, 786 лат, фурмы и запас колчеданов. В Передней палате в Оружейном приказе, вероятно, помещались те части, которые необходимы были для работы в мастерских: карабинные и мушкетные замки, стволы и рога воловыи. Запас железа был сложен в Поваренной палате, а «дерева станочные» — под церковью Сретения. Все оружие «большого наряда» и собственно царское находилось в Большой казенной палате.

Как мы видим, арсенал Оружейного приказа был достаточно многочисленным в середине XVII в., правда, не столь грандиозным, как об этом свидетельствует Павел Алеппский, посетивший Россию в 50-х годах. Со слов патриарха, он приводит колоссальные цифры: 50 тыс. ружей, полученных из Швеции, и 70 тыс. ружей, ежегодно изготавливаемых русскими мастерами. Очевидно, сказалось желание русских произвести сильное впечатление на иностранцев¹⁹. А возможно, здесь имелись в виду запасы оружия, находившиеся не только в Московском Кремле, но и в хранилищах других приказов и монастырей. Но тем не менее для своего времени Оружейный приказ обладал большим количеством вооружения, которое могло внушить иностранцам столь преувеличенные представления.

Перечневая роспись оружия царя Алексея Михайловича 1647 г. дает нам точное представление о количестве вооружения, хранившегося в Московском Кремле, о типах оружия, применявшегося в то время. Точнее, показывает тенденцию, определившуюся к середине XVII в. И если можно предположить, что виды вооружения, бытовавшие в русском

¹⁹ Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария. — «Чтения ОИДР», 1898, кн. IV, стр. 45.

войске этого времени, были представлены в несколько иных пропорциях, то, несомненно, в ближайшие годы они должны были измениться в соответствии с имевшимися запасами. Основное место в арсенале занимало огнестрельное оружие, количество его значительно превышало остальные виды вооружения. Огнестрельное оружие пеших войск наполовину оснащалось кремнево-ударными замками русского типа. Мушкеты с фитильными замками составляли менее половины ружей. В вооружении конницы широкое применение имели карабины и пистолеты с колесными замками. С каждым годом увеличивалось число полков нового строя, возрастало и количество пшпаг в арсенале, их становилось больше, чем сабель.

Роспись наглядно показывает соотношение привозного и изготовлявшегося в России вооружения. В нашей литературе часто высказывалась мысль о том, что большая часть оружия, особенно огнестрельного, в Россию ввозилась из европейских стран. В росписи мы находим точные цифры, свидетельствующие о том, что в России было вполне налаженное производство огнестрельного оружия, поставлявшее войску ружья и карабины с кремнево-ударными замками, составлявшие примерно 50% всего огнестрельного оружия.

Рассматриваемый документ дает возможность для уточнения оружейной терминологии, принятой в России середины XVII в.

Перечневая роспись 1647 г. полностью не была опубликована. Упоминание о ней встречается в двух работах Ю. В. Арсеньева²⁰ и в «Описи Московской Оружейной палаты»²¹. Ю. В. Арсеньев считал подлинник росписи 1647 г. утраченным. Но, видимо, какие-то части ее были ему известны, так как он приводил некоторые данные о закупке оружия в 1640—1647 гг., совпадающие с данными рассматриваемого нами документа. Автор трех томов, посвященных оружию, «Описи Московской Оружейной палаты» — Л. П. Яковлев²² делал ссылки на описание отдельных вещей из раздела I росписи 1647 г.

Представляется, что в ряду неопубликованных материалов из архива Оружейной палаты настоящая роспись является наиболее полным и подробным документом, освещающим состояние Оружейного приказа в середине XVII в.

²⁰ Ю. В. Арсеньев. Указ. соч.; он же. К истории древностей Оружейной палаты. М., 1902, стр. 3—7.

²¹ «Опись Московской Оружейной палаты. Броня».

²² Авторство Л. П. Яковлева было установлено Е. И. Смирновой (Е. И. Смирнова. К вопросу об авторстве Описи оружия Московской Оружейной палаты. — «Вторая Всесоюзная научная конференция оружейников. Тезисы». Тбилиси, 1969).

Б. Н. Комиссаров

СУДЬБА АРХИВА ПЕРВОЙ РУССКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В БРАЗИЛИЮ

Обращение советских исследователей к изучению истории, этнографии, географии, языков, культуры и природы Бразилии вызвало интерес к русским источникам, касающимся этой страны. Особенно важное значение среди них имеют документы экспедиции академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию в 1821—1829 гг. — первой русской экспедиции в Южную Америку. Об истории исследования этих документов нам уже приходилось писать¹, история же экспедиционного архива пока мало известна.

Григорий Иванович Лангсдорф (1774—1852) был человеком удивительной судьбы, больших и разносторонних знаний, незаурядных личных качеств. Лиссабонский врач, натуралист на кораблях И. Ф. Крузенштерна, спутник посла в Японию Н. П. Резанова, сотрудник «Комитета для внутреннего устройства Камчатской, Охотской и Якутской областей», активный член Петербургской Академии наук, наконец, российский генеральный консул в Рио-де-Жанейро и организатор большой научной экспедиции во внутренние районы Бразилии Г. И. Лангсдорф накопил огромный опыт исследователя и путешественника. Он оставил след в медицине и ботанике, минералогии и зоологии, этнографии и лингвистике, географии и истории.

Изучение Бразилии было подлинной страстью Г. И. Лангсдорфа. Он был тесно связан с этой страной и как ученый, и как дипломат, и как землевладелец-fazendeiro. Дом Г. И. Лангсдорфа в Рио-де-Жанейро и его поместье Мандиока являлись заметными культурными центрами Бразилии той поры. Ученый обладал в Бразилии широкими связями и был одним из крупнейших для своего времени знатоков бразильского мира.

Яркими, незаурядными людьми были и спутники Г. И. Лангсдорфа — морской офицер Н. Г. Рубцов, высоко ценимый Г. А. Сарычевым и В. М. Головинным, ученик Ж. Кювье и П.-А. Латрейля Э. П. Менетрие, художники М. Ругендас и Г. Флоранс, творчество которых вызывало восхищение А. Гумбольдта, Д. Ф. Сармьенто, Г. Бурмейстера, К. фон ден Штейнена, Т. Кох-Грюнберга и других выдающихся ученых и путешественников, художник А. Тонэй, ботаник Л. Ридель. По разносторонности поставленных задач, составу и подготовленности участников, сложности, новизне и протяженности маршрута экспедиция Г. И. Лангсдорфа занимает выдающееся место в истории изучения Бразилии. За восемь лет путешествий по провинциям Рио-де-Жанейро, Минас-Жерайс, Сан-Паулу, Мату-Гросу, Пара ее участники преодолели более 15 тыс. км и

¹ *Б. Н. Комиссаров*. Архив экспедиции Г. И. Лангсдорфа в Бразилию (1821—1829). — В кн.: «От Аляски до Огненной земли. История и этнография стран Америки». М., 1967, стр. 275—285.

собрали обширные зоологические, минералогические, этнографические коллекции, огромный гербарий, материалы по истории, экономике, этнографии, географии, фольклору, языкам индейских племен.

Часть коллекций и рукописных материалов экспедиции была отправлена в Петербург в 1822—1828 гг. на кораблях Российско-Американской компании и других судах². Их пересылкой руководил российский вице-консул в Рио-де-Жанейро П. П. Кильхен. В транспортировке экспедиционных материалов участвовали, в частности, корабли под командой известных русских мореплавателей М. П. Лазарева и Ф. П. Врангеля.

Весной 1828 г., спускаясь по р. Журуэна, Г. И. Лангсдорф и многие его спутники заболели тропической лихорадкой. Тяжело больной Г. И. Лангсдорф поручил Н. Г. Рубцову переправить оставшиеся материалы экспедиции в Россию³. Вскоре болезнь ученого осложнилась психическим расстройством, от которого он уже не смог оправиться. Экспедиция была прервана. В марте 1829 г. ее участники вернулись в Рио-де-Жанейро. В сентябре того же года Н. Г. Рубцов доставил в Петербург 32 ящика с коллекциями, рукописи, карты и т. д.⁴ О перевозке этих материалов сохранились сообщения русского министра-резидента в Гамбурге Г. А. Струве и консула в Любеке К. Шлепера⁵. В мае 1830 г. в Петербург отправился Л. Ридель. Он сопровождал коллекцию, занимавшие 84 багажных места⁶. Некоторые материалы экспедиции были доставлены в Россию с другими оказиями⁷. Лишенный возможности вернуться к научной работе, Г. И. Лангсдорф вышел в отставку и поселился в южногерманском городе Фрейбурге, где и умер в июне 1852 г.

Коллекции и документы экспедиции, доставленные в Петербург в 1822—1830 гг., составляли, конечно, лишь часть экспедиционных материалов. Часть их была потеряна во время путешествия или при пересылке из центральных районов Бразилии в Рио-де-Жанейро. Например, в начале 1828 г. в письме президенту провинции Мату-Гросу Жозе Сатурнину да Коста Перейра Г. И. Лангсдорф сообщал, что при переезде из г. Дамантину к берегам Рио-Прету пропало несколько ящиков, в одном из которых были географические карты, статистические таблицы, книги⁸.

Масштабы фазенды Г. И. Лангсдорфа Мандиока, его гостеприимный открытый дом в Рио-де-Жанейро, широкий круг знакомств ученого, проведенного в Бразилии 17 лет своей жизни, дают основания предполагать, что мог возникнуть значительный архив, в своей части, несомненно,

² *H. Florence. Viagem fluvial do Tietê ao Amazonas de 1825 a 1829.* São Paulo, 1948, р. 198; Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Административные дела, П-21, 1821 г., д. 5, лл. 40 об., 42—43 об., 48—51, 172—176, 227—228 об.; Ленинградское отделение Архива АН СССР (далее — ЛОААН), ф. 1, оп. 1а, № 34, § 372; № 35, § 151, 290, 382; № 36, § 233, 237, 276; № 37, § 306, 359; оп. 2, 1824 г., № 35, § 382; 1826 г., № 27, § 306; № 31, § 359; оп. 3, № 79, лл. 153—155, 185; ф. 63, оп. 1, № 41, лл. 1—11, 18—21; № 42; № 46, лл. 7—7 об., 28 об.—29, 34—45, 49—50, 62—63; № 47, лл. 3, 9; Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР (далее — ЦГАВМФ), ф. 402, оп. 1, д. 88, л. 12—12 об.

³ АВПР, ф. Административные дела, П-21, 1821 г., д. 5, л. 232 об.

⁴ ЦГАВМФ, ф. 406, оп. 2, д. 454, лл. 221—224; АВПР, ф. Административные дела, П-21, 1821 г., д. 5, л. 245; ЛОААН, ф. 1, оп. 2, 1829 г., § 622; оп. 1а, № 41, § 622; ф. 5, оп. 1, № 327, л. 16 об.

⁵ ЛОААН, ф. 1, оп. 2, 1829 г., § 530, 541; оп. 1а, № 41, § 530, 541.

⁶ *В. Л. Некрасова и А. В. Пруссак. К истории Бразильского филиала С.-Петербургского Ботанического сада (1831—1836 гг.) и бразильских коллекций Лангсдорфа и Риделя.* — «Ботанический журнал», 1957, № 5, стр. 806; АВПР, ф. Административные дела, П-21, 1821 г., д. 5, л. 244—244 об.; Архив Географического общества СССР, ф. 99, оп. 1, д. 42 (В. С. Хромченко. Записка о плавании корабля «Елена»); Центральный государственный исторический архив СССР, ф. 18, оп. 5, 1830 г., д. 1293.

⁷ АВПР, ф. Административные дела, П-21, 1821 г., д. 5, лл. 183—187, 202—205, 209—216 об., 229—231.

⁸ ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 46, лл. 110—111.

связанный с экспедицией. Упоминание о «бумагах, находящихся в Мандиоке», встречается в письме Г. И. Лангсдорфа П. П. Кильхену от 5 июля 1827 г.⁹ Кроме того, известно, что в поместье была большая библиотека, состоявшая, по замечанию русского мореплавателя А. П. Лазарева, «из книг, отборных по всем отраслям наук»¹⁰. Только весной 1822 г. ученый доставил в Бразилию из Европы более 500 томов¹¹. Библиотека могла включать и рукописные материалы.

О том, где сейчас книги и бумаги Г. И. Лангсдорфа, находившиеся в его фазенде и доме в Рио-де-Жанейро, нет каких-либо сведений. Во время длительных отлучек Г. И. Лангсдорфа Мандиокой и домом в бразильской столице управляли П. П. Кильхен со своим племянником, жена ученого Вильгельмина, его тетка Иоанна, двоюродный брат Генрих Лангсдорф, сын Карл¹². В поместье постоянно жили семейства немецких колонистов Якоба Вальтера и Вильгельма Мюллера, первый из которых, в прошлом майор, был земледельцем, а второй — предпринимателем, ведавшим хозяйством Г. И. Лангсдорфа¹³. Среди обитателей фазенды в разных документах упоминаются также некие Куртье, Кетлер и еще немало других лиц¹⁴. Все они могли быть причастны к судьбе архива и библиотеки путешественника.

В 1827 г. Мандиока была продана государству¹⁵. «Спасибо Вашему племяннику, — писал Г. И. Лангсдорф П. П. Кильхену 5 июля 1827 г., — что он продал Мандиоку и сохранил мне в ней квартиру»¹⁶. О сохранении за ним в его бывшей фазенде «квартиры» (по-видимому, это был отдельный дом) ученый упоминал и в следующем письме П. П. Кильхену — от 5 августа 1827 г.¹⁷ Однако из письма вице-консулу от 5 ноября того же года видно, что планы Г. И. Лангсдорфа относительно его будущего местожительства несколько изменились. «Хотя раньше чем через два года я не вернусь, — писал он, — было бы очень хорошо при случае снять усадьбу с жилым домом, где по возвращении я мог бы поместиться со всеми своими служащими. Хорошо было бы снять дом, в котором жил патер Леандр, так как в этом случае плата будет невелика. Мои коллекции занимают много места. Переезд произойдет не сразу, а постепенно»¹⁸. Судя по переписке путешественника, упоминавшийся им патер Леандр служил в ботаническом саду в Рио-де-Жанейро или, во всяком случае, имел к нему какое-то отношение¹⁹.

Выполнил ли П. П. Кильхен поручение Г. И. Лангсдорфа, остались ли книги и документы последнего в Мандиоке или были перевезены на новое место — неизвестно. Что случилось с библиотекой и частью архива после возвращения ученого из путешествия — тоже остается загадкой. При своем тогдашнем состоянии Г. И. Лангсдорф не мог заниматься

⁹ ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 46, л. 66.

¹⁰ А. П. Лазарев. Плавание вокруг света на шлюпе «Ладога» в 1822, 1823, 1824 гг. СПб., 1832, стр. 40.

¹¹ Arquivo do Ministério dos Relações Exteriores do Brasil, Rio de Janeiro, Palácio do Itamarati (далее — AMREB), Os offeitos de G. v. Langsdorff, que se achão à bordo do Gallera Doris de Bremen, fils. 1—3.

¹² ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 46, лл. 48, 66—75, 123—123 об.; AMREB, Lista dos colonos, que são transportados d'Alemanha para o Rio de Janeiro à custe de G. v. Langsdorff no anno 1822, fils. 1—2.

¹³ ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 46, лл. 46—47, 66—70, 123—123 об.; AMREB, Lista dos colonos. . ., fils. 1—2; P. A. Kielchen — Visconde de Inhambupe, Rio de Janeiro, 7 de Outubro, 1826, fils. 1—4.

¹⁴ ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 46, лл. 46—48, 66—72; Архив А. Е. Гайсиновича (Москва), Дневник Э. П. Менетрие, лл. 32 об., 35 об., 36 об.

¹⁵ ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 3, л. 133 об.; № 46, лл. 48, 123—123 об.; Arquivo Nacional (Rio de Janeiro), seção historica, documentos avulsos, doc. 3, fils. 1—3.

¹⁶ ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 46, лл. 66—69.

¹⁷ Там же, л. 70.

¹⁸ Там же, лл. 73—75.

¹⁹ Там же, лл. 66—69, 73—75.

научной работой, а следовательно, готовясь к отплытию в Европу, сам отобрать все наиболее важные бумаги. Если после отбытия ученого в Мандиоке и находились какие-нибудь его документы, то они вряд ли сохранились. По свидетельству английского путешественника Г. Гарднера, побывавшего в Бразилии в 1836—1841 гг., в фазенде Г. И. Лангсдорфа была размещена пороховая мануфактура²⁰. Каких-либо сведений о том, кто стал хозяином дома ученого в Рио-де-Жанейро, пока не обнаружено.

Правомерно, на наш взгляд, высказать предположение, что некоторые рукописи и книги Г. И. Лангсдорфа попали к П. П. Кильхену. Последний пользовался расположением ученого и сам собрал отличную библиотеку. Где искать архив П. П. Кильхена, сказать трудно. Уроженец Петербурга (родился в 1797 г.) и выпускник тамошнего коммерческого училища, вице-консул прослужил в Рио-де-Жанейро до 1832 г. В 1832—1841 гг. П. П. Кильхен был консулом в Бостоне, затем генеральным консулом в Нью-Йорке, Норвегии, а с 1843 г. — в «римских владениях»²¹.

На судьбе архива и книжного собрания Г. И. Лангсдорфа могли отрицательно сказаться его весьма сложные семейные обстоятельства. От первой жены Ф. Ф. Лангсдорф, дочери академика Ф. И. Шуберта, он имел двух дочерей — Вильгельмину и Елизавету, родившихся в Бразилии в 1815 и 1819 гг.²² С 1820 г. и до своей смерти в ноябре 1842 г. Ф. Ф. Лангсдорф жила с дочерьми в Петербурге²³. От второй жены — Вильгельмины Г. И. Лангсдорф имел девять детей, живших до его смерти во Фрейбурге²⁴. Кроме того, в Бразилии остался прибывший туда в 1822 г. еще один, по-видимому, внебрачный сын ученого, упоминавшийся выше Карл Лангсдорф. В 1827 г. он был определен в Военную академию в Рио-де-Жанейро и через пять лет, вероятно, стал инженер-капитаном²⁵. Раздел наследства Г. И. Лангсдорфа между таким числом претендентов мог привести к раздроблению его библиотеки и архива²⁶. Известно, что в Бразилии и ФРГ в настоящее время живут многочисленные потомки Г. И. Лангсдорфа, у которых, возможно, сохранились материалы, связанные с деятельностью ученого.

За пределами России осталась основная часть архивов Г. Флоранса (1804—1879), Л. Риделя (1790 или 1794—1861) и М. Ругендаса (1802—1858). Г. Флоранс и Л. Ридель жили и умерли в Бразилии, М. Ругендас после длительных путешествий по Латинской Америке — в Германии, в Вюртемберге. В Бразилии остались и материалы А. Тонэя (1802 или 1803—1828), погибшего во время экспедиции.

Упоминания об архиве Г. Флоранса встречаются в литературе. Бразильский историк Афонсу Таунай отмечал, что в рукописном наслед-

²⁰ G. Gardner. Travels in the Interior of Brasil. London, 1849, p. 399.

²¹ АВПР, ф. Департамент личного состава и хозяйственных дел, личные дела чиновников, оп. 464/2, д. 105, лл. 1—6.

²² ЛОААН, ф. 4, оп. 5, № 8, лл. 42—44.

²³ Там же, ф. 63, оп. 1, № 46, лл. 31—32; С. Аллер. Указатель жилых зданий в С.-Петербурге. СПб., 1822, стр. 421; «Петербургский некрополь», т. II. СПб., 1912, стр. 603. О младшей дочери Г. И. Лангсдорфа Е. Е. Лангсдорф упоминается в нескольких письмах Я. К. Грота П. А. Плетневу, относящихся к июню—августу 1848 г. («Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. III. СПб., 1896, стр. 261, 273, 281, 285—286, 288, 294). Старшая дочь ученого В. Е. Лангсдорф умерла в Петербурге в апреле 1888 г. («Петербургский некрополь», т. II, стр. 602).

²⁴ АВПР, ф. Главный архив, IV-8, 1852 г., д. 10, лл. 2—3; L. Langsdorff. Geschichte der Familie Langsdorff, t. 1—2. Naumburg a. S., 1928—1931, S. 62.

²⁵ ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 46, лл. 66—69, 73—75.

²⁶ О разделе наследства Г. И. Лангсдорфа см.: АВПР, ф. Административные дела, П-21, 1821 г., д. 5, лл. 290—295 об.; см. также АВПР, ф. Главный архив, IV-10, 1831 г., д. 10; II-7, 1852 г., д. 49; IV-8, 1852 г., д. 10; IV-8, 1852—1853 гг., д. 26; IV-8, 1853 г., д. 17, 20.

стве Г. Флоранса «много неизданных документов»²⁷. Есть сведения, что у Г. Флоранса осталось не менее 300 рисунков, выполненных в период экспедиции²⁸. Архив Г. Флоранса хранит его внучка Э. Флоранс, живущая в Сан-Паулу. Материалы художника находятся, вероятно, не только у Э. Флоранс. Это предположение покажется достоверным, если учесть, что от двух браков Г. Флоранс имел 21 ребенка. Несколько десятков рисунков Г. Флоранса попали в Национальную библиотеку в Париже²⁹.

В Бразилии, в архиве семьи Таунай — родственников А. Тонэя — имеются рукописи и рисунки этого художника. Некоторые из упомянутых материалов использовал писатель и историк Алфреду Таунай³⁰. Часть рисунков А. Тонэя, возможно, сохранилась в архиве Г. Флоранса.

Об архиве Л. Риделя пока сведений нет. Из беседы с бразильским журналистом Одорику Таваресем мы выяснили только, что потомки путешественника живут в настоящее время в Сан-Паулу.

М. Ругендас работал в составе экспедиции с марта 1822 по ноябрь 1824 г. Затем, поссорившись с Г. И. Лангсдорфом, он покинул своих спутников и, вопреки контракту, увез много законченных рисунков. В письмах главе ведомства иностранных дел К. В. Нессельроде и П. П. Кильхену Г. И. Лангсдорф квалифицировал поступок художника как похищение материалов экспедиции³¹.

18 декабря 1824 г. ученый сообщил К. В. Нессельроде, что среди рисунков, увезенных М. Ругендасом, были «этюды ежедневной бразильской жизни, композиции: бразильский танец батуке (на двух листах), прачки (на двух листах), доставка алмазов, похороны индейца племени пури», а также портреты индейцев племен пури, коропо, короато, ботокудов, «портреты представителей разных африканских племен» и много других ценных работ³². «Он отдал мне некоторые копии эскизов и неважные карандашные наброски, некоторые почти законченные. Хорошие и оригинальные рисунки он оставил себе», — отмечал Г. И. Лангсдорф³³. Ученый просил Нессельроде содействовать возвращению рисунков Ругендаса. «Потеря этих рисунков, — писал он руководителю Коллегии иностранных дел 25 апреля 1827 г., — составит большой пробел в описании нашего путешествия, они очень нужны для архива экспедиции»³⁴.

В сентябре 1825 г. Нессельроде пытался получить рисунки Ругендаса через дипломатические каналы³⁵, но это ни к чему не привело. Возвратившись в 1825 г. в Европу, Ругендас устроил в Париже выставку своих работ³⁶, а в 1827 г. в Мюльхаузене был опубликован альбом бразильских рисунков художника³⁷. С тех пор он неоднократно (в 1835, 1836, 1940, 1949 и др. годах) переиздавался.

Ругендас оставил огромное число работ. В 1848 г. баварский король Людвиг I купил коллекцию рисунков художника, насчитывавшую 3025 номеров. Однако она содержала не все произведения Ругендаса. Общая численность последних точно не установлена. По одним данным, их было 3339, по другим — 3353³⁸. В настоящее время основная часть

²⁷ *Afonso d'E. Taunay*. Duas palavras como prefácio para a 1ª edição. — In: *H. Florence*. Op. cit., p. 5—6.

²⁸ *Alfredo d'E. Taunay*. A expedição do consul Langsdorff ao interior do Brasil. — In: *H. Florence*. Op. cit., p. 18.

²⁹ *A. Florence*. Introdução. — In: *H. Florence*. Op. cit., p. 15.

³⁰ *Alfredo d'E. Taunay*. Op. cit. — In: *H. Florence*. Op. cit., p. 28—29.

³¹ ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 1, лл. 228—231 об.; № 46, л. 39.

³² Там же, № 46, лл. 18 об.—19.

³³ Там же, л. 18 об.

³⁴ Там же, л. 40—40 об.

³⁵ АВПР, ф. Административные дела, П-21, 1821 г., д. 5, лл. 168—169 об.

³⁶ ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 46, лл. 39—41.

³⁷ «Die malerische Reise in Brasilien von Mor. Rugendas». Mülhausen, 1827.

³⁸ *H. Ten Kate*. Sur quelques peintures-ethnographiques dans l'Amérique du Sud. — «L'Antropologie», 1911, t. XXII, p. 20.

рисунков художника хранится в библиотеках и музеях Мюнхена, Западного Берлина, Потсдама, Аугсбурга, Дрездена. Среди них, возможно, есть и оригиналы интересующих нас рисунков 1822—1824 гг. Следует учесть также, что ряд работ Ругендаса находится в частных собраниях³⁹.

Можно, на наш взгляд, предположить, что в 1827 г. были опубликованы не все бразильские рисунки, увезенные художником в Европу. Часть из них, по-видимому, остается неизвестной. Поиски этих рисунков следует вести в библиотеках, архивах и музеях ГДР, ФРГ, Франции.

История архива экспедиции, доставленного в Россию, весьма необычна. Словно предчувствуя, что с этим архивом должно что-то произойти, Г. И. Лангсдорф всегда беспокоился о его сохранности и будущем использовании. «Какова судьба рукописей, рисунков и географических карт? Что с ними будет?» — спрашивал он академика К. А. Триниуса в письме от 2 июня 1825 г.⁴⁰ Отсылая из города Куяба в апреле 1827 г. экспедиционные материалы, ученый писал К. В. Нессельроде: «Прошу определить, где настоящие рукописи и изображения, ровно как и прежде перелатанные карты, этюды и рисунки, будут сохраняться, чтобы я мог найти их, обработать и использовать при издании описания путешествия. С Вашего согласия можно было бы в архиве или в Академии наук указать определенное место, где они всегда могли бы храниться для обозрения и удовлетворения жаждущих знаний людей»⁴¹.

В жизни, однако, все оказалось по-иному.

Из-за болезни Г. И. Лангсдорфа рукописный архив экспедиции не был выделен из состава коллекций и перевозился в Россию вместе с ними. При упаковке рукописи было удобнее размещать вместе с гербарными папками.

Обладание огромным и чрезвычайно ценным для науки гербарием, составленным Г. И. Лангсдорфом и Л. Риделем и насчитывавшим свыше 100 тыс. образцов, стало предметом многолетнего спора между Петербургским Ботаническим садом во главе с Ф. Б. Фишером и Ботаническим музеем Академии наук, возглавлявшимся К. А. Триниусом. Ф. Б. Фишер доказывал, что экспедиция субсидировалась из бюджета ведомства иностранных дел и ее материалы не могут принадлежать Академии наук. К. А. Триниус утверждал, что они должны быть переданы музею, так как Г. И. Лангсдорф был академиком и получал во время экспедиции соответствующее жалование. Путаницу увеличивало то, что спорящие учреждения подчинялись разным министерствам. Ботанический сад с 1823 по 1830 г. находился в ведении Министерства внутренних дел, затем с 1830 по 1863 г. — Министерства императорского двора, а в дальнейшем — Министерства государственных имуществ. Ботанический музей, как и вся Академия наук, находился в ведении Министерства народного просвещения. Коллекции часто передавались из одного учреждения в другое. Спор и перемещения материалов породили обширную переписку⁴².

Обмен коллекциями был завершён лишь в конце января 1841 г.⁴³ Спустя три года умер К. А. Триниус. В 1854 г. умер Ф. Б. Фишер. После этого никто уже, видимо, не мог достоверно ответить на вопрос о том, где хранится экспедиционный архив.

³⁹ G. Richert. Johann Moritz Rugendas. Ein deutscher Maler des XIX Jahrhunderts. Berlin, 1959, S. 140.

⁴⁰ ЛОААН, ф. 62, оп. 2, № 60, л. 5 об.

⁴¹ Там же, ф. 63, оп. 1, № 46, лл. 40—41.

⁴² АВВР, ф. Административные дела, П-21, 1821 г., л. 5, лл. 246—283; ЛОААН, ф. 1, оп. 2, 1829 г., § 562; 1830 г., § 567; 1831 г., № 7, § 97; № 14, § 216; № 15, § 230; № 30, § 471; 1832 г., № 22, § 409; оп. 1^а, № 41, § 562; № 43, § 567; № 45, § 97, 216, 230, 471; № 47, § 409; ф. 46, оп. 1, № 83, лл. 9—10.

⁴³ ЛОААН, ф. 1, оп. 2, 1841 г., № 3, § 65; оп. 1, № 92, § 65.

Естественнонаучные и этнографические коллекции, собранные экспедицией, изучались слабо. Гербарий почти не обрабатывался. Этнографические предметы постепенно теряли этикетки, становились безымянными. Зоологические коллекции привлекали больший интерес. Некоторые из них изучал, например, австрийский путешественник И. Наттерер, побывавший в Петербурге⁴⁴.

Во второй половине XIX в. в России стал забываться сам факт экспедиции в Бразилию. Э. П. Менетрие (1802—1861) и Н. Г. Рубцов (1799—1874), хотя и жили в Петербурге, не смогли разыскать архив экспедиции, в которой они принимали участие в юности. Некоторые рукописные и картографические материалы, связанные со своей деятельностью в Бразилии, Н. Г. Рубцов в 1829—1831 гг. сдал в архив Гидрографического департамента Морского министерства⁴⁵. Упомянутые документы, несомненно, привлекли бы интерес Г. А. Сарычева и В. М. Головнина, рекомендовавших в свое время этого офицера Г. И. Лангсдорфу. Возможно, что изучение материалов Н. Г. Рубцова побудило бы их к розыскам всего рукописного архива экспедиции, однако оба мореплавателя умерли во время холерной эпидемии 1831 г. В судьбе экспедиционных материалов мог бы принять большое участие тесть Г. И. Лангсдорфа астроном Ф. И. Шуберт, но он скончался еще в 1825 г. К. В. Нессельроде же, хорошо осведомленного о ходе экспедиции и ее результатах, знавшего о существовании дневников Г. И. Лангсдорфа, весьма мало интересовали вопросы науки.

В 10-х годах XX в. некоторые рукописные и изобразительные материалы экспедиции обнаружил молодой русский этнограф Г. Г. Манизер. Он разыскал одну из рукописей Н. Г. Рубцова, отдельные связанные с деятельностью Г. И. Лангсдорфа документы академической конференции, часть рисунков художников экспедиции, хранившихся в Архиве Академии наук и Зоологическом музее⁴⁶. Все это, а также ряд печатных изданий и экспедиционные коллекции Г. Г. Манизер положил в основу своей книги о путешествии Г. И. Лангсдорфа. Однако в июне 1917 г. он умер, не дождавшись ее выхода в свет, и книга была опубликована лишь в 1948 г.⁴⁷

В 1930 г. научный сотрудник Архива АН СССР Л. Б. Модзалевский обнаружил в Ленинградском Ботаническом музее прекрасно сохранившийся обширный архив экспедиции Г. И. Лангсдорфа⁴⁸. Описанием этих материалов занялась М. В. Крутикова. В 1930 г. М. В. Крутиковой была составлена первая, еще в значительной мере суммарная опись обнаруженного архива. Позднее эта опись была использована В. Ф. Гнучевой для составления краткого описания архива экспедиции⁴⁹. В 50-х годах советский историк и этнограф Н. Г. Шпринцин совместно с М. В. Крутиковой переработали опись 1930 г., проделав большой труд по определению и систематизации разрозненных листов и документов.

В 50—60-х годах советские исследователи (Н. Г. Шпринцин, А. И. Алексеев, Л. А. Шур и др.) обнаружили в различных архивах СССР многочисленные рукописные и картографические материалы участников

⁴⁴ Ф. Ф. Брандт. Зоологический и зоотомический музей. — «Записки Академии наук», т. VII. СПб., 1865, стр. 24.

⁴⁵ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 243.

⁴⁶ См. «Отчет Академии наук за 1916 г.» Пг., 1917.

⁴⁷ Г. Г. Манизер. Экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию (1821—1828). М., 1948.

⁴⁸ «Вестник Академии наук СССР», 1931, № 2, стр. 52—53.

⁴⁹ «Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв. Хронологические обзоры и описание архивных материалов». Сост. В. Ф. Гнучева. — «Труды Архива АН СССР», вып. 4. М.—Л., 1940, стр. 167—171; см. также «Труды Архива АН СССР», вып. 1. Л., 1933, стр. 94; т. II, вып. 5. М.—Л., 1946, стр. 221.

экспедиции. Один из дневников Э. П. Менетрие оказался в личном архиве московского историка естествознания А. Е. Гайсиновича. В 1965 г. известный бразильский историк и этнограф профессор К. М. да Силва-Нигра привез в Ленинград фотокопии материалов экспедиции, выявленных им в архиве бразильского МИДа. В последние годы экспедиционный архив интенсивно изучался и стал предметом ряда исследований и публикаций⁵⁰. Он привлек к себе пристальное внимание и в Бразилии⁵¹.

Материалы экспедиции Г. И. Лангсдорфа, выявленные в настоящее время, многочисленны и разнообразны. Они хранятся в Ленинградском отделении Архива АН СССР, Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота СССР (Ленинград), Архиве внешней политики России (Москва), Центральном государственном историческом архиве СССР (Ленинград), Архиве Министерства иностранных дел Бразилии (Рио-де-Жанейро) и включают более 4000 страниц рукописей, сотни рисунков, десятки карт. Все известные ныне материалы экспедиции можно разделить на следующие основные группы и подгруппы: 1) дневники; 2) законченные труды; 3) материалы, собранные участниками экспедиции: а) рукописи, отражающие результаты экспедиционных сборов и наблюдений; б) неопубликованные и печатные материалы, изученные Г. И. Лангсдорфом; 4) карты маршрутов экспедиции и планы населенных пунктов; 5) рисунки; 6) материалы по организации и работе экспедиции; 7) переписка.

В первую группу входят дневники Г. И. Лангсдорфа, Э. П. Менетрие, список дневника Г. Флоранса, и она отличается сравнительной полнотой. Из еще не найденных дневников можно указать на «Географический журнал» Н. Г. Рубцова, представленный им в Морское министерство по возвращении в Россию, и ряд списков дневника Г. Флоранса, оставшихся в Бразилии.

Во второй группе, включающей очерк Г. И. Лангсдорфа о провинции Мату-Гросу, описание Н. Г. Рубцова «Путешествие Лангсдорфа в Южную Америку в 1820-х годах» и другие сочинения участников экспедиции, немало лакун. Многие работы Г. И. Лангсдорфа не попали в Россию⁵²,

⁵⁰ Об исследованиях и публикациях, изданных до 1966 г., см.: *Б. Н. Комиссаров*. Указ. соч.; из работ, вышедших позднее, можно указать: «Бразилия в описаниях участников русской экспедиции 1821—1829 гг.» Подготовка публикации, вводная статья, редакция переводов и примечания Б. Н. Комиссарова. — «Новая и новейшая история», 1966, № 3, стр. 115—127; *А. И. Алексеев, Б. Н. Комиссаров, Н. Г. Рубцов* и его роль в исследовании Бразилии. — «Известия ВГО», т. 98, вып. 6, 1966, стр. 500—506; *Б. Н. Комиссаров*. Материалы экспедиции Г. И. Лангсдорфа 1821—1829 годов как источник по истории Бразилии. — «Новая и новейшая история», 1968, № 1, стр. 139—150; *А. Е. Гайсинович, Б. Н. Комиссаров*. Новые бразильские рукописи Э. П. Менетрие. — «Известия ВГО», т. 100, вып. 3, 1968, стр. 249—251; *Б. Н. Комиссаров*. Бразильская фазенда первой трети XIX века в дневниках Г. И. Лангсдорфа и на картах Н. Г. Рубцова. — «Вестник ЛГУ», Серия истории, языка и литературы, вып. 2, 1969, № 8, стр. 62—70; *он же*. Материалы экспедиции Г. И. Лангсдорфа в Бразилию (1821—1829 гг.) как исторический источник. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1970; *он же*. Академик Г. И. Лангсдорф и бразильский ученый Ж. Виейра Коуту. — «Известия ВГО», т. 102, вып. 4, 1970, стр. 370—373; *Б. Н. Комиссаров, С. Л. Третьяков*. Материалы по статистике населения Бразилии первой четверти XIX века в архиве экспедиции Г. И. Лангсдорфа. — В кн.: «Исследования по новой и новейшей истории». Л., 1972, стр. 17—30.

⁵¹ *B. Schnaiderman*. Caminhos de compreensão. — «O Estado da São Paulo», 7.VII 1962; *idem*. Documentos russos sobre o Brasil. — «Revista de História», São Paulo, 1967, № 67, p. 215—228; *P. Calmon*. Do Tietê ao Amazonas. — «O Cruzeiro», 25.VIII 1962, p. 86; *O. Tavares*. Os russos arquivam O Brasil. — «O Cruzeiro», 19.XII 1964, p. 95—102; *idem*. Redescoberta nos arquivos do Russia do Brasil. — «Diário de Notícias». Cidade de Salvador, 16.V 1965.

⁵² Упоминания о них см.: ЛЮАН, ф. 63, оп. 1, № 1, л. 172—172 об.; № 2, л. 97 об.; № 4, л. 21—21 об.; № 5, л. 15; № 6, л. 20; № 7, л. 4.

но и из привезенных трудов ученого и других участников экспедиции многие пока не найдены. Среди них рукопись Г. И. Лангсдорфа о путешествии в швейцарскую колонию Нова-Фрибургу в провинции Рио-де-Жанейро в 1822 г., работы Н. Г. Рубцова «Описание рек от города Порто-Фелиз до порога Фурнас в реке Кошин», «Обсервации по инклинаториум», «Астрономические обсерватории», «Вычисления широт и долгот мест в трех книгах и в одной определении по барометрам высоты мест от моря», труды Л. Риделя «Описание растений в провинции Рио-де-Жанейро в 1822—1823 гг.» (совместно с Г. И. Лангсдорфом), «Заметки о флоре провинции Рио-де-Жанейро» и другие. Эти рукописи были представлены в Академию наук и Морское министерство.

Третья группа, несмотря на богатство ее материалов, касающихся целого ряда гуманитарных и естественных наук, тоже далеко не полна. Лучше сохранились материалы подгруппы «б», включающие в основном документы по истории экономики Бразилии и сведения о положении и численности различных слоев населения этой страны.

Если учесть, что Г. И. Лангсдорф переписывался со многими десятками людей, то группа эпистолярных материалов довольно бедна, хотя выявлено более 250 официальных донесений и частных писем самого Г. И. Лангсдорфа, а также депеш и писем, адресованных ученому, относящихся главным образом к 1821—1828 гг. Можно указать на отсутствие многих писем, сведения о которых встречаются в рукописях Г. И. Лангсдорфа и различных косвенных источниках⁵³. Из эпистолярных материалов других участников экспедиции мы располагаем лишь единичными документами. Составить относительно полное представление о переписке Г. И. Лангсдорфа и его спутников можно только после тщательного обследования ряда западноевропейских и бразильских архивов.

Коллекция картографических материалов экспедиции довольно полна. И все же несколько карт и планов, которые были посланы Г. И. Лангсдорфом в Петербург, пока не найдены. Некоторые картографические документы, о которых есть упоминания в рукописях ученого⁵⁴, видимо, не попали в Россию.

Весьма полна группа материалов об организации путешествия. Рисунки же по причинам, изложенным выше, в большей своей части находятся за рубежом. Однако и те из них, которые нам доступны, представляют несомненную ценность.

Поиски материалов экспедиции Г. И. Лангсдорфа и исследование уже найденных документов продолжаются. Архив Академии наук СССР подготовил к печати полное научное описание материалов первой русской экспедиции в Южную Америку. Ведется подготовка к публикации всех документов замечательного путешественника. Такая публикация будет иметь непреходящее научное значение, так как даст в руки специалистов многих отраслей науки обширные и в большей своей части ныне уже уникальные материалы для всестороннего изучения Бразилии начала XIX в.

⁵³ ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 1, лл. 21 об., 87 об., 96 об., 161 об., 211 об., 220 об., 250 об. — 251, 287 об., 291, 293, 306; № 2, лл. 11 об., 19 об., 28 об. — 29, 57—57 об., 70—70 об., 93 об., — 94, 97 об. — 98; № 3, лл. 9 об.—10 об., 14, 21 об., 44, 72 об., 76, 90, 130 об., 131 об., 133—133 об.; № 4, лл. 13, 21—21 об., 24 об.; № 5, лл. 1, 13, 31; № 7, л. 4; № 29, лл. 19—63; № 46, лл. 55, 62—75, 122; № 47, лл. 12—15, 21—22, 29—30, 32; Дневник Э. П. Менегрие, л. 52 об.; AMREB, P. A. Kielchen — Jose Bonifacio de Andrada e Silva, Rio de Janeiro, 28 Novembre, 1822, fol. 1; Г. Г. Манисер. Указ. соч., стр. 109.

⁵⁴ ЛОААН, ф. 63, оп. 1, № 1, лл. 40 об.—41; № 2, л. 33 об.; № 46, л. 7—7 об.

Л. Н. Петрова

К ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ ЛИСТОВКИ «К РАБОЧИМ И РАБОТНИЦАМ ФАБРИКИ ТОРНТОНА»

Одной из первых прокламаций, написанной В. И. Лениным, было воззвание «К рабочим и работницам фабрики Торнтон» по поводу стачки 500 ткачей, происходившей на фабрике 6—7 ноября 1895 г. под руководством петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Написанное после стачки, воззвание призывало рабочих продолжить борьбу за повышение расценок, за улучшение условий труда и быта ткачей.

Воззвание публиковалось во всех собраниях сочинений В. И. Ленина. Однако текст его, напечатанный в 4-м и 5-м изданиях, стилистически несколько отличается от печатавшегося в 1-м, 2-м и 3-м изданиях. В легенде под воззванием в 4-м и 5-м изданиях «Сочинений» В. И. Ленина сказано: «Написано в ноябре, позднее 7 (19), 1895 г. Напечатано на мимеографе листовкой. Печатается по тексту листовки, сверенному с текстом сборника „Работник“ № 1—2, 1896»¹. Источник публикации текста воззвания в первых изданиях «Сочинений» В. И. Ленина не указан, но в легенде говорится, что оно было «издано на мимеографе в ноябре 1895 г.» (в 1-м изд. — «на гектографе») ². Так как во всех этих случаях в качестве источника публикации указана одна и та же мимеографированная листовка, происхождение разночтений остается неясным.

Не вносит ясность и литература, в которой описывалась листовка.

В библиографических изданиях Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в подготовленном им же сборнике листовок петербургского «Союза борьбы» и в сборниках документов по истории рабочего движения XIX в. она определена как «гектографированная»³; в отчете Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина за 1963 г. — как «мимеографированная»⁴.

Произошла ли где-то ошибка в определении техники печатания или существовали разные варианты воззвания? Разобраться в этих противо-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 74, 574—575; см. также В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 2, стр. 70.

² В. И. Ленин. Собр. соч., изд. 1-е, т. I, стр. 292; В. И. Ленин. Соч., изд. 2-е, т. I, стр. 452; В. И. Ленин. Соч., изд. 3-е, т. I, стр. 478.

³ «Социал-демократические листовки 1894—1917 гг.» Библиографический указатель, т. II, ч. 1. Листовки петербургской большевистской организации РСДРП. Сост. Библиотекой Института Маркса—Энгельса—Ленина. М., 1934, стр. 5, № 2; «Листовки петербургского „Союза борьбы за освобождение рабочего класса“ 1895—1897 гг.» Сост. С. Н. Вадк. М., 1934, стр. 6—12; «Рабочее движение в России в XIX в.» Сб. документов и материалов, т. IV, ч. 1, 1895—1897. [М.], 1961, стр. 22—25; «Хронологический указатель произведений В. И. Ленина», ч. 1. М., 1959, стр. 15.

⁴ «Государственная ордена Ленина Библиотека СССР им. В. И. Ленина в 1963 г.» М., 1964, стр. 37.

речиях удалось лишь в ходе работы над «Сводным каталогом русской нелегальной и запрещенной печати XIX в.», составляемым крупнейшими библиотеками и архивами, в которых были выявлены и тщательно изучены сохранившиеся экземпляры воззвания.

Выяснилось, что воззвание «К рабочим и работницам фабрики Торнтон» издавалось отдельной листовкой дважды: на гектографе и мимеографе. Гектографированное издание, экземпляры которого хранятся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС⁵, а также в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР⁶, уже неоднократно описывалось в литературе и хорошо известно исследователям. Экземпляр мимеографированного издания был приобретен Государственной библиотекой им. В. И. Ленина в 1963 г. с книгами коллекции В. А. Десницкого⁷. Поскольку это издание до сих пор не было известно исследователям, приводим его подробное описание.

Мимеографированное издание листовки «К рабочим и работницам фабрики Торнтон» напечатано на трех страницах развернутого листа. Обращение «Рабочие и работницы...» не вынесено здесь в заголовок, как в его гектографированном варианте, а дано в строчку с основным текстом. Текст напечатан с машинописного трафарета: 59, 61 и 10 строк соответственно на каждой странице.

Кто мимеографировал воззвание, пока неизвестно. Свой мимеограф «Союз» пустил в ход в декабре 1895 г., хотя, по свидетельству М. А. Сильвина, какие-то опыты производились на нем уже в ноябре⁸. Среди лиц, у которых при обысках отбирались мимеографированные экземпляры воззваний, был П. Н. Лепешинский, при аресте которого жандармами взят был самодельный мимеограф⁹. В воспоминаниях П. Н. Лепешинского есть строки: «Чем особенно страдала и группа В. И. Ульянова, так это отсутствием печатной техники. Поэтому предпринятые мною самостоятельные шаги к постановке мимеографического дела были как нельзя более к стати»¹⁰. Но мимеографировал ли П. Н. Лепешинский данное издание «Союза», установить не удастся.

При сопоставлении текстов гектографированного и мимеографированного издания обнаруживается ряд различий:

Гектограф	Мимеограф
«...поднимутся ничего с ними не поделаешь...»	«...поднимутся и ничего с ними не поделаешь...»
«...они осуществили уже для ткачей...»	«...они уже осуществили для ткачей...»
«...если мы все останемся безучастны к судьбе ткацкого отделения, то мы выроем своими руками яму...»	«...если мы все останемся безучастны к судьбе нашего ткацкого отделения, то мы выроем своими собственными руками яму...»
«...в шерсть стали валить... пол-леса...»	«...в шерсть стали валить... пол-леса...»
«...чтобы ткач дольше и чаще возился с хлопотами по получению и заправки основ, за которые, как известно, не платят ни гроша...»	«...чтобы ткач почаще возился с хлопотами по получению и заправки основ, за которые, как известно, он не получает ни гроша...»

⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 73.

⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1741, д. 34722.

⁷ В настоящее время передан в ЦПА Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

⁸ М. А. Сильвин. Ленин в период зарождения партии. Л., 1958, стр. 103.

⁹ «Доклад по делу о возникших в С.-Петербурге в 1894 и 1895 гг. преступных кружках лиц, именующих себя „социал-демократами“». 17 дек. 1896 г. — В. И. Ленин. Собр. соч., изд. 1-е, т. I, стр. 526—528, 550.

¹⁰ П. Н. Лепешинский. На повороте. М., 1955, стр. 39—40.

«А если нет, *если*, наконец, не совсем окаменели ваши сердца к страданию таких же, как и вы, бедняков, *слотитесь* дружно около наших ткачей... и... станем отвоевывать *лучшую* долю у наших угнетателей».

«...свои 60—80 коп. *поденной*...»

«...не будьте *слепы*, не *попадайтесь* в хозяйскую ловушку...»

«Самым зорким образом *следите* за маневрами наших хозяев по части понижения расценок и мы *должны сопротивляться* всеми силами...»

«...количество в ней *поллеса*...»

«...должно быть *присчитано* время, идущее на подготовительную работу...»

«...в табели *расценок* за один и тот же сорт товара, но только с различными названиями, допускать двух различных цен».

«...а разве *по работе* не одно и то же *это?*»

«...одни наши *хозяева заботливые*...»

«А если нет, *если еще*, наконец, не совсем окаменели ваши сердца к страданию таких же, как и вы, бедняков, *слотитесь* дружно около наших ткачей... и... станем отвоевывать *себе лучшую* долю у наших угнетателей».

«...свои 60—80 коп. *поденных*...»

«...не будьте *слепыми*, не *попадайте* в хозяйскую ловушку...»

«Самым зорким образом *должны все мы следить* за маневрами наших хозяев по части понижения расценок и *сопротивляться* всеми силами...»

«...количество в ней *поллеса*...»

«...должно быть *просчитано* время, идущее на подготовительную работу...»

«...в табели *расценок* не должно за один и тот же сорт товара, но только с различными названиями, допускать двух различных цен».

«...а разве *по работе* это не одно и то же?»

«...одни наши *заботливые* хозяева...»

По логике подпольного издательства, мимеографированное издание было вторым: вряд ли имело смысл печатать листовку на гектографе (не более 100 отпечатков) после того, как она уже была размножена более совершенным способом (самодельный мимеограф дает 600—800 отпечатков). Текст его лучше отредактирован, снята опечатка в термине «поллес». Но являлось ли это издание авторизованным?

Известно, что в распространении прокламации В. И. Ленин принимал непосредственное участие. 12 ноября 1895 г. он и В. В. Старков посетили рабочего Н. Е. Меркулова и передали ему для распространения на фабрике отпечатанные экземпляры воззвания¹¹.

Из предписания директора Департамента полиции о производстве дознания по делу арестованных в ночь на 9 декабря 1895 г. членов петербургского «Союза борьбы» выясняется, что воззваний Меркулову было принесено «большое количество», распространяли же их на фабрике В. А. Шелгунов и В. М. Волынкин¹². Более подробно этот факт освещен в донесении петербургского градоначальника от 5 декабря, где сказано следующее: «Ульянов и Старков доставили Меркулову так много экземпляров этих воззваний, что Меркулов, передав большую часть на фабрику Торнтон через Волынкина и Василия Шелгунова, часть воззваний, около 100 экземпляров, уничтожил»¹³. Судя по числу воззваний, эти сведения могут относиться только к мимеографированному изданию. Наконец, в «Докладе по делу о возникших в С.-Петербурге в 1894 и 1895 гг. преступных кружках...» читаем, что «по обыску у Шелгунова оказалось: ...воспроизведенное на мимеографе воззвание, начинающееся словами: „Рабочие и работницы фабрики Торнтон“; это воззвание... и было разбросано на названной фабрике Шелгуновым»¹⁴.

¹¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 661.

¹² «Предписание директора Департамента полиции Н. Н. Сабурова начальнику Петербургского губернского жандармского управления В. И. Оноприенко о производстве дознания по делу о деятельности петербургского «Союза борьбы...» от 12 дек. 1895 г.» — «Рабочее движение в России в XIX в.», т. IV, ч. 1, стр. 38.

¹³ ЦГАОР СССР, ф. ДП, 3-е д-во, 1895 г., д. 684, л. 124.

¹⁴ «Доклад по делу о возникших в С.-Петербурге в 1894 и 1895 гг. преступных кружках лиц, именующих себя „социал-демократами“». 17 дек. 1896 г. — В. И. Ленин. Собр. соч., изд. 1-е, т. I, стр. 558—559.

Значит, 12 ноября 1895 г. В. И. Ленин принес на квартиру Н. Е. Меркулова и передал ему для распространения среди петербургских рабочих тираж mimeографированного издания.

В ноябре 1895 г. В. И. Ленин пересылает листовку за границу в редакцию сборника «Работник»¹⁵. Сохранились два его письма к члену редакции П. Б. Аксельроду. В первом В. И. Ленин сообщает: «Сейчас посылается... 3) описание фабрики Торнтон — из этого посылается пока только начало, около 1/4»¹⁶. Во втором: «Посылаю Вам конец Торнтон»¹⁷. Воззвание было напечатано в № 1—2 сборника «Работник»¹⁸. Сопоставление текстов показывает, что за границу В. И. Лениным тоже было отправлено mimeографированное издание¹⁹.

Следовательно, текст mimeографированного издания возвания «К рабочим и работницам фабрики Торнтон» не только хорошо был известен В. И. Ленину, но и рассматривался им как окончательный.

В первых собраниях сочинений В. И. Ленина воззвание печаталось по тексту сборника «Работник», а начиная с 4-го издания — уже по тексту гектографированной листовки (а не mimeографированной, как указано в комментариях) с частичным исправлением его по тексту сборника²⁰. Этим и объясняется происхождение разночтений в публиковавшихся в разных изданиях «Сочинений» В. И. Ленина текстах возвания.

¹⁵ «Владимир Ильич Ленин». Биографическая хроника, т. 1. М., 1970, стр. 108—109.

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 9.

¹⁷ Там же, стр. 10.

¹⁸ «Работник». Периодический сборник, № 1-2. Женева, 1896, стр. 28—31 (2-я паг.).

¹⁹ При перепечатке листовки в сборнике «Работник» допущены три опечатки: 1) «... поднимутся и ничего с ними не поделаешь» — союз «и», не отделенный интервалом от слова «поднимутся», был заменен в «Работнике» запятой; 2) «мюльно-прядильное отделение», напечатанное в листовке с ошибкой в первом слоге, превратилось в «льно-прядильное» (та же ошибка была и в гектогр. изд.); 3) в фразе «Самым зорким образом должны все мы следить...» переставлены слова: «... должны мы все следить...»

²⁰ В сборник «Листовки петербургского „Союза борьбы за освобождение рабочего класса“ 1895—1897 гг.» включен текст гектографированного издания листовки, а в сборник «Рабочее движение в России в XIX в.» — текст из «Полного собрания сочинений» В. И. Ленина (т. 2).

Н. Н. Розов

О ВОЗРОЖДЕНИИ ТРАДИЦИЙ АКАДЕМИКА В. Н. ПЕРЕТЦА В АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЯХ

Выступая на научной конференции, посвященной опыту организации археографических экспедиций в РСФСР, А. И. Копанев сказал: «За десять лет подобной работы у меня создалось впечатление, что преувеличивать значение археографических разысканий в настоящее время совсем не следует... Мы привозим последнее, что сохранилось еще у населения, не очень ценное»¹. И к голосу бывалого археографа следует прислушаться еще потому, что в последние годы заметно оживилась археографическая деятельность на местах, в том числе и собирательская. Об этом говорили на той же конференции представители краеведческих музеев, местных отделений Археографической комиссии, периферийных университетов. Отмечалось, что к экспедиционной работе привлекаются студенты, «получившие необходимую подготовку по архивному делу, палеографии и археографии. Но достаточно квалифицированно они могут работать только над материалами, начиная с XIX в.»². Наконец, говорилось о собраниях рукописной и старопечатной книги, а также архивных документов, находящихся в местных музеях, которые зачастую не обеспечивают их нормальное хранение, а главное — научное описание, что затрудняет использование этих материалов исследователями. «Особенную важность приобретает также работа по составлению описаний музейных и библиотечных собраний рукописей и публикация материалов о них», — говорится в решении конференции³.

Все сказанное заставляет вспомнить об опыте одного из зачинателей изучения древнерусской литературы в советском литературоведении акад. В. Н. Перетца, столетие со дня рождения которого было недавно отмечено.

Речь пойдет об археографических экспедициях семинария русской филологии В. Н. Перетца, организованных в 1910—1916 гг. в Полтаву, Екатеринослав, Житомир, Нежин, Киев, Москву, Петербург и Новгород. Хотя целью этих экспедиций было не собирание, а изучение уже хранившихся в местных хранилищах материалов, многое из их опыта пригодится современным археографам при работе в новых условиях завтрашнего дня, когда собирать и привозить в центральные книгохранилища уже будет нечего.

¹ «Тихомировские чтения 1970 года. Материалы научной конференции, посвященной опыту организации археографических экспедиций в РСФСР». М., 1970, стр. 176 (ротапринт).

² Там же, стр. 151 (выступление доцента Пермского государственного университета Е. Н. Лукьяновой).

³ Там же, стр. 194.

Результаты этих «филологических экспедиций»⁴ получились шире целей, с которыми они были задуманы⁵. И недаром почти все их участники в дальнейшем стали исследователями не только истории русской литературы — древней и новейшей, но и специалистами по изучению старинной книги — рукописной и старопечатной — во всем разнообразии ее формы и содержания.

Тематический и хронологический диапазон занятий семинария В. Н. Перетца был широк так же, как репертуар рукописной книги XI—XIX вв. Он охватывал историю русской литературы от сочинений митрополита Илариона до революционной поэзии К. Ф. Рыльева. Разнообразны были и жанры памятников письменности, изучавшихся участниками семинария, — от произведений народно-поэтического творчества до церковно-нравоучительной литературы, оригинальной и переводной. Исследовались также материалы истории педагогики, народного театра, искусства книги — рукописной и старопечатной. Разнообразие научных интересов обнаруживалось не только среди участников семинария в целом, но и у отдельных его членов. Так, например, С. И. Маслов изучал и списки сочинений Исаака Сирина (греческие, южнославянские, русские), и издания киевских типографий XVII—XVIII вв. вплоть до гравируемых листов Киево-Печерской лавры.

Важной отличительной чертой деятельности семинария В. Н. Перетца была незамедлительная информация о результатах работы. В киевских «Университетских известиях», а позднее и в столичной научной периодике регулярно публиковались Отчеты о выездных занятиях и исследования его участников, а также описания рукописных и старопечатных книг местных собраний. Уже в Отчетах о первых экскурсиях содержатся описания старинных книг малоизвестных собраний — монастырских, епархиальных, краеведческих обществ и частных. В них В. Н. Перетц опубликовал, например, обнаруженные Н. К. Гудзием вкладные записи запорожских казаков на двух рукописных Евангелиях XVI и XVII вв. из Полтавского епархиального древлехранилища наряду со своим подробным описанием Учительного евангелия 1592 г. из Екатеринослава.

Следует отметить, что через 50 лет аналогичные материалы стали печататься в «Археографическом ежегоднике». И первым было опубликовано «Описание собрания рукописей проф. И. А. Шляпкина, принесенного в дар владельцем Саратовскому государственному университету», автором которого был В. Н. Перетц⁶. За ним последовали публикации описаний аналогичных собраний в Казани, Риге и других городах, а также статьи о приписках на рукописных и старопечатных книгах⁷. Так уже возродилась в наши дни одна из традиций В. Н. Перетца.

Некоторые работы своих учеников В. Н. Перетц помещал в «критико-библиографические обзоры», публиковавшиеся им в тех же «Университетских известиях» и в «Журнале Министерства народного просвещения». Эти работы до настоящего времени сохраняют, кроме историко-литератур-

⁴ Так был назван один из докладов юбилейной конференции (см. Г. В. Маркелов. К 100-летию со дня рождения акад. В. Н. Перетца. — «Русская литература», 1971, № 1, стр. 225—226).

⁵ По словам учеников В. Н. Перетца, они устраивались «для психологического освежения и заострения научной пытливости и интереса участников» («Семинарий русской филологии акад. В. Н. Перетца. Участники семинария — своему руководителю». Л., 1929, стр. 30).

⁶ Археографические ежегодники за 1959 и 1960 гг.; это описание было завершено В. Н. Перетцем в последние годы его жизни.

⁷ Одним из первых авторов таких статей был акад. М. Н. Тихомиров. Им были написаны статьи о записях XIV—XVII вв. на рукописных книгах библиотеки Чудова монастыря, а также — в соавторстве с К. М. Асафьевым и Т. Н. Протасевой — на старопечатных книгах Исторического музея. За ним последовали Л. М. Костюхина, С. И. Сметанина, Н. А. Бакланова и др.

ного, справочно-археографическое значение; недаром они названы в главе «Общая библиография» «Справочника-указателя печатных описаний славяно-русских рукописей», изданном Академией наук СССР в 1963 г.

Посещая различные города, участники семинария выступали с докладами и рефератами в провинциальных краеведческих и столичных научных обществах, знакомились с учеными различных специальностей и их педагогической деятельностью⁸.

Уже в первый выезд — в 1910 г. в Петербург — в Обществе любителей древнерусской письменности выступил не только сам В. Н. Перетц, но и его ученики. А. С. Грузинский выступил с сообщением о южнорусских Евангелиях, хранившихся в украинских собраниях и в Вильно, где побывали участники семинария по дороге в столицу. Н. К. Гудзий информировал о своей работе над украинскими списками «Прения живота и смерти», С. А. Щеглова — о списках Пчелы в киевских хранилищах, И. И. Огиенко — о сочинениях Иоанникия Галатовского. В. П. Адрианова прочла извлечения из своего исследования о ценах на книги; опубликованная в «Памятниках древней письменности и искусства», эта работа до сих пор в равной степени необходима исследователям истории культуры и экономики нашей страны.

На следующий год участники семинария повторили свой выезд в Петербург, где, кроме Общества любителей древнерусской письменности, выступили в Неофилологическом обществе. Здесь Е. М. Шуляк выступила с докладом о любовной фразеологии у Петрарки. Таков еще один пример разнообразия научных интересов участников «филологического семинария».

Во время посещения участниками семинария г. Нежина в 1914 г. в местном Историко-филологическом обществе выступили с докладами и рефератами В. Н. Перетц (об истории славяно-русского Пролога), С. Ф. Шевченко — о латинских и польских изданиях Великого зеркала (в приложении к Отчету об этой экскурсии им был опубликован текст Предисловия к изданию 1611 г. «Magnum Speculum Exemplosum»), Л. Т. Белецкий (о Житиях литовских мучеников) и В. П. Адрианова — о Хождении игумена Даниила (в местных хранилищах она изучала список позднейшего памятника этого же жанра — Хождение Варлаама Линецкого XVIII в.).

В 1912 г. В. Н. Перетц отправился со своими учениками в Москву, где продолжались на новом материале исследования старых тем и начинались новые.

Например, И. И. Огиенко, продолжая изучать творчество Иоанникия Галатовского, начал подготовку издания сочинения Дмитрия Ростовского «Руно орошенное». Продолжая изучение Толковых евангелий, А. С. Грузинский заинтересовался в Москве старейшими памятниками оригинальной русской гимнографии, а также лицевыми списками сочинений о Смутном времени. А. А. Назаревский, занимаясь изучением списков «Слова о старом муже и молодой девице», обратил внимание на апокрифические сказания о Касьяне-Феостриксе. Последние послужили материалом для дальнейших многолетних исследований, завершившихся в наше время, через 50 лет, статьей: «Вий в повести Гоголя и Касьян в народных поверьях о 29 февраля»⁹. Таков пример «пожизненной при-

⁸ Один из участников семинария позднее вспоминал: «Во время наших экскурсионных поездок мы знакомились с выдающимися филологами. . . посещали очень интересный Пушкинский семинарий при Петербургском университете. . . В Москве мы познакомились с талантливыми молодыми фольклористами. . .» (Н. К. Гудзий. Автобиография. — В кн.: «Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии». М., 1968, стр. 135).

⁹ «Вопросы русской литературы», 1969, № 2/11, [Львов], стр. 39—46.

верженности» учеников В. Н. Перетца к изучению различных форм и фактов связей народного творчества с литературой, вплоть до классической, прошлого века. И вряд ли подобные и неоднократные случаи в научных исследованиях участников «филологических экспедиций» семинария В. Н. Перетца были бы возможны без их работы в провинциальных древлехранилищах, без общения с местными исследователями и краеведами. В этот раз участники семинария выступили на заседании Славянской комиссии Московского археологического общества.

На следующий год ученики В. Н. Перетца вновь поехали в Петербург, где опять-таки продолжали занятия по старым и начинали по новым темам, непрерывно расширяя привлекаемый к исследованиям материал. Пример подавал, как всегда, сам руководитель семинария, подготовивший к публикации, наряду с отдельными статьями из Пролога, Диалоги (пьесы) 20-х годов XVIII в. Литературу Петровского времени изучал в Петербурге и А. С. Грузинский, который продолжал изучение сочинений о Смутном времени и старейших памятников русской гимнографии. Для последней темы им изучался знаменитый Благовещенский кондакарь XII в., хранящийся в Публичной библиотеке, — старейший памятник редчайшей, так называемой кондакарной, музыкальной нотации. Так исследования одного из учеников В. Н. Перетца вышли за пределы литературоведения, в область истории искусства — изобразительного и музыкального.

О разнообразии тематики занятий семинария В. Н. Перетца свидетельствуют и выступления его участников в Обществе любителей древней письменности. А. С. Грузинский сделал доклад о духовных стихах, С. А. Богуславский — о Поучениях Луки Жидяты, Ф. П. Сушицкий — по поводу повестей о сивиллах, Л. Т. Белецкий — о Житии Меркурия Смоленского, В. М. Отроковский — по поводу повести о Басарге.

В 1915 г. состоялась восьмая и последняя экскурсия киевского семинария В. Н. Перетца — опять в Петербург (тогда уже Петроград). В связи с военным временем число ее участников уменьшилось, но тематическое разнообразие их занятий оставалось столь же широким, захватывая новые жанры и произведения. Так, например, С. А. Щеглова изучала вирши, сочиненные поклонниками и противниками Мазепы, А. В. Багрий занимался «русскими чудесами» св. Николая. С новыми темами докладов участники семинария выступили в Неофилологическом и Русском библиографическом обществах: В. П. Адрианова — по поводу легенды об Агасфере, С. А. Щеглова — о приписываемом митрополиту Макарию «Слове на победу русского войска в 1541 г.», В. М. Отроковский — об украинском переводчике и литературном деятеле XVII в. Тарасии Земке. Все эти, так же как и предыдущие, выступления учеников В. Н. Перетца имели не только научное, но и большое общественное значение. Они популяризировали всестороннее изучение рукописной и старопечатной книги, способствовали обмену информацией об этом изучении между столичными и провинциальными исследователями, привлекали внимание к мелким периферийным хранилищам старинной книги. И, конечно, не случайно первая экскурсия новых, петроградских, учеников В. Н. Перетца состоялась (в этом же году) в Киев.

Круг научных интересов новых участников «филологической экспедиции» В. Н. Перетца был столь же широк, как и у его киевских воспитанников. И недаром, например, С. Д. Балухатый — впоследствии известный советский литературовед, специалист по русской литературе текущего века — начал свои занятия в семинарии В. Н. Перетца с изучения апокрифов; тексты трех из них были опубликованы им в Отчете об этой экскурсии. Апокрифическим Житием Макария Римлянина занимался А. Н. Никифоров, опубликовавший в том же Отчете его текст. Список изучавшихся учениками В. Н. Перетца памятников русской агиографии

пополнился теперь житиями Авраамия Смоленского и Исидора Юрьевского, в которых отразилось внутривосточное положение этих порубежных русских городов в XIII и XV вв.; герой первого из них, кроме того, прославился как замечательный книжник и проповедник. Внимание участников экспедиции привлекли также памятники поздней старообрядческой литературы. Все они занимались, наконец, научным описанием рукописных книг — собрания Выдубицкого монастыря и двух сельских церквей, которое было опубликовано В. Н. Перетцем в том же Отчете. При этом каждое описание было отмечено инициалами его автора, чего раньше не делалось. Такой прием, повышающий ответственность каждого из участников коллективной работы, свидетельствует о том, что В. Н. Перетц постоянно заботился о совершенствовании не только методики руководства своими учениками, но и видов оформления их работ. Коллективное описание собраний рукописных книг местных древлехранилищ было предпринято и участниками десятой, последней экспедиции семинария В. Н. Перетца — в Новгород, в 1916 г.

Описание собраний рукописной и старопечатной книги, основанное на их всестороннем филологическом исследовании, остается крупным, неопенимым вкладом В. Н. Перетца в историю русской археографии. Тем более что многие из них, находясь на территории Украины, погибли во время первой мировой и Великой Отечественной войн. Еще большее значение имеют публикации некоторых текстов из этих исчезнувших книг (например, списка «Слова о законе и благодати» из Волынского епархиального хранилища), отчасти восполняющие утраченные рукописи.

Успех археографической деятельности семинария В. Н. Перетца, сумевшего за короткий срок — всего за семь лет — кроме публикаций исследований и текстов, выпустить научные описания многих периферийных собраний рукописной и старопечатной книги¹⁰, был обусловлен прежде всего тщательной подготовкой «филологических экспедиций». Как пишет В. П. Адрианова-Перетц, «занятия студентов палеографией он считал совершенно необходимым введением в изучение литературы феодального периода». «Особо требовательным был В. Н. Перетц к будущим участникам „семинария русской филологии“». На примере лучших печатных описаний рукописей обсуждались и устанавливались наиболее рациональные приемы их описания и раскрытия содержания»¹¹.

Последнее необходимо применять и в наши дни, пока не существует единой и обязательной для всех инструкции по описанию рукописной книги, а предстоит описание еще многих периферийных хранилищ. Необходимо также улучшить палеографическую подготовку будущих составителей этих описаний, чтобы они «достаточно квалифицированно» могли работать не «только над материалами, начиная с XIX в.», о чем говорилось в начале этой статьи. Надо изучать опыт «филологических экспедиций» В. Н. Перетца, сумевшего не только научить своих учеников в совершенстве владеть методами палеографии и археографии, но и передать им широту своих научных интересов.

В заключение приведу слова Владимира Николаевича, доказывающие, что археографом он стал смолоду и на всю жизнь не только по призванию, но в процессе формирования своего мировоззрения.

¹⁰ В Отчетах об экскурсиях семинария В. Н. Перетца, печатавшихся в киевских «Университетских известиях» и отдельными изданиями, были опубликованы описания следующих собраний: Волынского епархиального древлехранилища, Общества исследователей Волыни и местной духовной семинарии — в Житомире, музеев Скаржинской — в Полтаве и Поля — в Екатеринославе, Выдубицкого монастыря в Киеве, церквей в селах Лука и Белогородск Киевского уезда.

¹¹ В. П. Адрианова-Перетц. Археографические и источниковедческие труды В. Н. Перетца. — «Археографический ежегодник за 1968 год». М., 1970, стр. 276. Здесь же указывается, что описание рукописей новгородских хранилищ было подготовлено к печати, но осталось неопубликованным.

«Когда, в связи с естественным, хотя и неосозанным исканием мировоззрения, я увлекся народнической литературой, меня потянуло к народной словесности... Когда я увлекся марксизмом, вытеснившим народничество, — а это было приблизительно в 1892—[9]3 годах, — я пришел к выводу, что прежде чем приступать к изучению сказки, эпоса, народной драмы, пословицы следует приобрести знания в области письменной традиции. Так я стал постепенно переносить свое внимание на древнерусскую письменность... С ростом знаний, с начитанностью в памятниках д[ревней] русской письм[енности] росла и любовь к этой отрасли творчества древней Руси. И теперь эта письменность... составляет для меня неувядаемый источник научного интереса»¹².

¹² Из письма В. Н. Перетца к П. К. Симони от 26.XI 1928 г. (ГПБ, ф. 696, № 148, лл. 5—6).

Н. М. Михайлова

М. С. ОЛЬМИНСКИЙ О СОБИРАНИИ БИОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

В. И. Ленин еще в конце 1902 г. в связи с подготовкой докладов, комитетов и групп ко II съезду партии подчеркивал необходимость всестороннего изучения не только современного съезду состояния рабочего и социал-демократического движения в России, но и его истории; требовал копии даже частей этих докладов пересылать за границу, в «сохранное место». Он составил примерный список вопросов, который и сегодня может быть использован при изучении этого исторического периода, указал на доступные в ту пору источники его изучения: воспоминания участников революционного движения, партийную литературу и неопубликованные (конспиративные) сведения¹.

В дальнейшем В. И. Ленин уделял большое внимание собиранию и сохранению источников по истории партии и рабочего движения, созданию мемуаров и биографий революционеров. Известно, что уже в 1902 г. по настоянию В. И. Ленина написал воспоминания И. В. Бабушкин².

Под руководством и при непосредственном участии В. И. Ленина в 1904 г. были созданы библиотека и архив партии в Женеве, в которых удалось собрать материалы ЦК и многих местных организаций РСДРП, легальные и нелегальные издания, газеты, воспоминания и другие материалы. В. И. Ленин пожертвовал в библиотеку около 300 книг, передал в архив документы ЦК, переписку ЦК с местными партийными организациями и т. д., а в 1905 г. перед отъездом в Россию сдал на хранение свой личный архив³.

Отношение В. И. Ленина к собиранию и сохранению источников по истории партии, его личное участие в этом деле уже в то время оказали влияние на его соратников — историков-большевиков, в том числе на М. С. Ольминского.

В данной статье впервые предпринимается попытка на основании архивных и малоизвестных печатных материалов М. С. Ольминского охарактеризовать взгляды и роль этого видного деятеля большевистской партии в области собирания и создания биографических материалов революционеров.

М. С. Ольминский — один из инициаторов создания библиотеки и архива партии в Женеве, работал с В. И. Лениным в редакциях больше-

¹ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 72—73.

² «Воспоминания Ивана Васильевича Бабушкина». [М.], 1955, стр. 6.

³ *Н. С. Комаров*. К истории Института Ленина и Центрального партийного архива (1919—1931). — «Вопросы истории», 1956, № 10, стр. 182; «Фонд документов В. И. Ленина». М., 1970, стр. 19—42.

вистских газет «Вперед», «Пролетарий» и по его указаниям хранил оригиналы опубликованных в них в 1904—1905 гг. статей⁴.

Наиболее ранние высказывания М. С. Ольминского по вопросам собирания источников и изучения истории революционного движения России мы находим в его рецензиях 1906 г. Так, в рецензии на книгу Ю. Стеклова он писал, что «нет печатного материала, из которого исследователь мог бы почерпнуть необходимые данные» по истории революционного движения⁵. «Собирание материалов — это первоначальная подготовительная стадия работы по истории движения (революционного. — *Н. М.*) — стадия, без которой, однако, невозможны сводные работы»⁶, — писал он в рецензии на № 1 эсеровского журнала «Былое». Как один из недостатков этого номера журнала он отмечал, что в нем внимание уделено только отдельным видным личностям и крупным событиям революционного движения, но «еще не нашлось места для описания серой будничной работы маленьких людей — той работы, которая составляет основу движения»⁷.

В том же 1906 г. М. С. Ольминский, по его словам, «посоветовавшись с Лениным»⁸, начал публиковать свои воспоминания⁹. Они были насыщены ценными, в том числе биографическими, сведениями о членах «Группы народвольтцев», а также о лицах, привлеченных к суду по ее делу.

И в мемуарах М. С. Ольминский настойчиво проводил мысль о необходимости накапливать и публиковать источники по истории революционного движения и социал-демократии вообще, борьбе рабочих-революционеров в частности: «...Рабочая среда богата идейными борцами, которые в течение десятков лет „от колыбели до могилы“ не теряют энергии. Священная обязанность партии рабочего класса — хранить имена этих неутомимых борцов и публиковать сведения об их благородной деятельности»¹⁰.

В 1907 г. М. С. Ольминский издал сборник некрологов, сообщений и статей (с упоминаниями о погибших в 1905 г. революционерах), опубликованных в петербургских социал-демократических газетах 1905—1906 гг. Во вступительной статье «Вместо предисловия» он писал: «Краткие некрологи Баумана, Федора Афанасьева, Ольги Генкиной, — два-три и обчелся. Иногда краткие известия, затерявшиеся в корреспонденции. Сотни, может быть, даже тысячи брошюр, переведенных или пережевывающих всем давно известное, и ни одной биографии!»¹¹ Он подчеркнул, что биографии революционеров являются ценным историческим источником. «Ведь жизнь рабочего Федора Афанасьева за 20 лет, — писал М. С. Ольминский, — это история рабочего социал-демократического движения почти с момента его зарождения и до „дней свободы“... а Бауман — ведь это целая история зарождения и развития революционеров-профессионалов»¹².

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, ед. хр. 41, л. 2, «В ИМЭЛ» (Рукопись, написанная рукой М. С. Ольминского, без подписи и без даты. — *Н. М.*).

⁵ М. Ольминский. Ю. Стеков. Историческое приготовление русской социал-демократии. — «Былое», 1906, № 12, стр. 292.

⁶ М. Ольминский. «Былое» (Журнал, посвященный истории освободительного движения, № 1). — «Наша мысль», 1906, № 5, стр. 11.

⁷ Там же.

⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, ед. хр. 195, л. 34, «Материалы к биографии М. С. Ольминского» (им написанные. — *Н. М.*).

⁹ М. С. Александров (М. Ольминский). Группа народвольтцев. — «Былое», 1906, № 11, стр. 1—30; он же. Смерть Яновича. — Там же, № 12, стр. 97—104; он же. После одиночки. СПб., 1906.

¹⁰ М. С. Александров (М. Ольминский). Группа народвольтцев, стр. 8.

¹¹ М. Ольминский. Вместо предисловия. — «Памяти погибших». СПб., 1907, стр. 4—5.

¹² Там же, стр. 5.

Здесь же М. С. Ольминский говорил о необходимости собирания материалов для биографий: «Поразительная ограниченность, прямо-таки убожество материала является лучшим доказательством необходимости приложить особые усилия для собирания новых данных. Думаю, что найдутся люди, понимающие важность этого дела. Биографические и автобиографические сведения, рукописи и газетные вырезки, известия о жизни в тюрьме и ссылке, списки с возможно более подробными автобиографическими данными, фотографии (отдельных лиц, групп, ссыльных и заключенных, надгробных памятников и т. п.). Очерки из истории местного движения с указанием по возможности действующих лиц с их характеристикой могут быть присланы по адресу... для Ольминского. Все полученное подвергнется, в случае необходимости, обработке и будет издаваемо в свет по мере возможности»¹³.

Так М. С. Ольминский в 1906—1907 гг. не только поставил вопрос о необходимости создания и публикации биографий революционеров как важного источника для изучения истории социал-демократической партии и рабочего движения, но и указал те материалы, на основании которых они могут быть созданы, участвовал в их собирании и публикации.

В. И. Ленин рассматривал биографии рабочих — социал-демократов как важное средство опровержения кадетско-меньшевистских попыток искажения истории РСДРП, как ценный источник для ее изучения. «Без неустанной, — писал он, — геройски-упорной работы *таких* передовиков в пролетарских массах РСДРП не просуществовала бы не только десяти лет, но и десяти месяцев. Только благодаря деятельности *таких* передовиков, только благодаря их поддержке, РСДРП выросла в 1905 г. в партию, которая *неразрывно слилась* с пролетариатом в великие октябрьские и декабрьские дни...»¹⁴ В послесловии к написанному им некрологу «Иван Васильевич Бабушкин» В. И. Ленин подчеркивал необходимость издания сборника таких биографий и просил присылать материалы для него: «Мы обращаемся с просьбой к товарищам рабочим собирать и присылать нам воспоминания о тогдашней борьбе и дополнительные сведения о Бабушкине, а также о других социал-демократических рабочих, павших в восстании 1905 г. Мы намерены издать брошюру с жизнеописанием таких рабочих»¹⁵.

В дореволюционные годы на страницах большевистских газет и журналов было опубликовано большое количество биографических материалов о деятелях российского социал-демократического движения в виде воспоминаний, некрологов и т. п. В 1917 г. М. С. Ольминский оценивал эту работу как уже сложившуюся традицию¹⁶. Однако по-настоящему широкий размах эта работа приняла после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Все замыслы по написанию научной истории русского пролетариата и его партии получили возможность для их реального осуществления с созданием Комиссии по истории Октябрьской революции и истории Коммунистической партии (Истпарта), которую возглавлял М. С. Ольминский. Взгляды Ольминского по вопросам собирания историко-партийных источников отразились в его выступлениях, статьях, в решениях и документах Коллегии Истпарта.

Вспоминая о возникновении Истпарта, А. И. Елизарова писала, что осенью 1920 г. М. С. Ольминский говорил ей: «... Безусловно необходимо начать теперь же собирать материал по истории партии, как архивный, так и сохранившийся в памяти участников, ибо первый теряется и расхи-

¹³ Там же, стр. 9.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 81.

¹⁵ Там же, стр. 82—83.

¹⁶ М. Ольминский. О т. Ленине. — «Социал-демократ», 26 мая 1917 г.

щается вследствие небрежного обращения с ним, а второй исчезает со смертью его носителей. . . »¹⁷

М. С. Ольминский внимательно относился ко всем видам и разновидностям исторических источников¹⁸. Однако в силу целого ряда причин (недостаточного количества источников по истории партии, особенно за нелегальный период ее деятельности, их распыленности и других) он считал одной из важных задач Истпарта собирание, создание и публикацию мемуаров и биографий для восполнения пробелов в имеющихся источниках¹⁹.

Еще на первом заседании Истпарта 25 августа 1920 г. М. С. Ольминскому было поручено подготовить обращение к членам партии о необходимости писать мемуары²⁰; была создана мемуарная подкомиссия. Особое внимание на мемуарную литературу обращалось в статьях М. С. Ольминского²¹ и в редакционной статье «От Истпарта», написанной М. Н. Покровским²².

Однако было бы неправильным делать вывод о том, что М. С. Ольминский «считал мемуары основным источником по истории партии до 1917 г.», как это утверждалось в литературе²³. Такое утверждение базируется на публикации изложения доклада М. С. Ольминского на I Всероссийской конференции архивных деятелей²⁴.

Но в стенограмме доклада, найденной нами, этот вопрос излагается так: «Приготовлять материалы должны прежде всего партийные люди, знающие историю и понимающие ее ход. . . Теперь, поскольку речь идет об истории партии, нужно отметить одну характерную черту: для этой истории партии архивов почти нет. То, что для публики кажется ценным архивным материалом, с нашей точки зрения может служить только подсобным материалом, а не первоначальным. Мы жили все время в подполье, мы скрывали то, что мы делали. Возьмите любой судебный процесс. Может быть, для постороннего человека кажется, что это ценный документ, но мы, которые сами были подсудимыми, которые всячески изворачивались, врали и скрывали свою деятельность, знаем хорошо, что тут ничтожная доля правды.

Другой источник — подпольная печать, но в этой подпольной печати мы не могли печатать всего. Мы должны были избегать всего, что могло бы дать полиции руководящие нити для розысков и пресечений. Таким образом, этот материал у нас слишком ничтожен, поэтому мы

¹⁷ А. Елизарова. Ретроспективный взгляд на Истпарт и на журнал «Пролетарская революция». — «Пролетарская революция», 1930, № 5, стр. 156.

¹⁸ Подробнее об этом см.: Н. М. Михайлова. М. С. Ольминский об источниках по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции. — «История и историки. Историкографический ежегодник за 1972 г.» (сдано в Издательство).

¹⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, ед. хр. 45, лл. 73—80, «План Ольминского» (Сдан в Коллегию Истпарта 14.X 1920 г. — Н. М.).

²⁰ Н. С. Комаров. Создание и деятельность Истпарта. — «Вопросы истории КПСС», 1958, № 5, стр. 154—155.

²¹ М. Ольминский. О мемуарах. — «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“», вып. I. [М.], 1921, стр. 3—8; он же. От Истпарта. — «Бюллетень Истпарта», 1921, № 1, стр. 3—6.

²² «Пролетарская революция», 1921, № 1, стр. 8—9; об этом см.: В. С. Голубцов. Мемуары как источник по истории советского общества. [М.], 1970, стр. 4.

²³ А. А. Кулаков. Из истории создания и деятельности Истпарта (Комиссия по истории Октябрьской революции и истории Коммунистической партии) 1920—1928 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1967, стр. 4.

²⁴ «Первая Всероссийская конференция архивных деятелей». — «Архивное дело», 1923, вып. I, стр. 114: «. . . Во-вторых, все члены Истпарта перегружены работой и для истории партии пока собственных архивов не имеется. То, что для широкой публики кажется ценным материалом, то для истории партии является подсобным материалом, а не первоисточником. Жизнь партии протекала в подполье, партия избегала оставлять какой бы то ни было материал, могущий попасть в руки полиции и дать руководящие нити для розыска. Необходимо обратить внимание на мемуарную литературу, на живых людей, в целях создания мемуарной литературы. . . »

прежде всего обратили внимание на живой архив, тот, который легче всего истребляется в настоящее время, особенно архив коммунистической партии, — это живые люди. Наша партия так молода, что находится немного людей, которые принимали в этом деле участие с 70-х годов. Здесь мы главное внимание обратили на мемуарную литературу, на создание мемуарной литературы... Мы очень мало соприкасались и пользовались до сих пор архивными материалами. Некоторым исключением, в поле моего зрения по крайней мере, является работа в Ниж[нем] Новгороде, где наш товарищ (Илларионов. — *Н. М.*), представитель Истпарта, выпустил целый томик, на наш взгляд превосходной работы (Речь идет о сборнике «Материалы по истории революционного движения»²⁵. — *Н. М.*), где он сумел в несколько иной форме, но все-таки дать синтез и архивного материала и воспоминаний»²⁶.

Сооставление текста опубликованного изложения доклада М. С. Ольминского со стенограммой этого доклада приводит к выводу, что часть доклада М. С. Ольминского, касающаяся характеристики источников, в публикации опущена, а в другой — несколько не точно переданы формулировки, в результате чего отношение М. С. Ольминского к различным видам источников в опубликованном отчете искажено. Опущено также в этой публикации и указание М. С. Ольминского на необходимость использования архивного материала. Факт наличия искажения в публикации отчета о I Всероссийской конференции архивных деятелей говорит о том, что эта публикация не может служить достоверным материалом для изучения отношения М. С. Ольминского к историческим источникам.

В выступлениях на партийных съездах, конференциях, на I Всероссийской конференции архивных деятелей и в печати М. С. Ольминский систематически разъяснял необходимость скорейшего собирания и публикации мемуаров, дал оценку мемуарам как историческому источнику. Он считал, что отдельные воспоминания могут быть весьма субъективны и мало достоверны, но мемуары, собранные в большом количестве, по определенному плану, перекрестно проверенные, где возможно подтвержденные документами, опубликованные и таким образом проверенные еще раз, М. С. Ольминский рассматривал как источник, посредством которого можно восполнить пробелы в источниковедческой базе²⁷.

В. С. Голубцов отмечает, что в 20-х годах в ряде статей и рецензий предпринимались попытки определить значение мемуаров и методы работы с ними²⁸. Среди первых работ такого рода следует назвать уже

²⁵ «Пролетарская революция», 1924, № 1, стр. 280 (Сводка работы Истпартотделов за истекший 1923 г.).

²⁶ ЦГАОР СССР, ф. 5325 (ГАУ), оп. 25, д. 2, лл. 8—9, 12. Выступление М. С. Ольминского на конференции и возражения А. А. Шилова по вопросу о ценности полицейских, жандармских, судебных источников и мемуаров вызвали прения. Точка зрения А. А. Шилова была подвергнута критике выступившими в прениях В. И. Невским, В. И. Пичетой и Измestьевым. Мнение А. А. Шилова никто из принимавших участие в прениях не поддерживал. В публикации отчета прения опущены, а точка зрения В. И. Невского, В. И. Пичеты и Измestьева искажена формулировкой: «Среди поднятых вопросов обсуждался вопрос о значении мемуаров, архивов департамента полиции, жандармских для истории революционного движения, причем известная часть оппонентов выдвигала на первый план мемуары, несмотря на всю их субъективность» («Архивное дело», 1923, вып. I, стр. 116).

Особое внимание обращает на себя факт, что в публикации отчета, сделанного за подписью В. И. Пичеты, выступление В. И. Пичеты опущено, а приведенная формулировка искажает, таким образом, и взгляды самого публикатора.

²⁷ М. С. Ольминский. Доклад Комиссии по изучению истории партии. — «Правда», 29 сентября 1920 г.; «X съезд РКП(б)». Стенографический отчет. М., 1963, стр. 130; ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 25, д. 2, л. 10 (Доклад М. С. Ольминского об Истпарте 30 сентября 1921 г. на пленарном заседании [утро]); М. Ольминский. Работа для истории революции — работа для революции. — «Правда» 12 октября 1920 г.; *он же*. О мемуарах. — «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“», вып. I, стр. 3—4.

²⁸ В. С. Голубцов. Указ. соч., стр. 4—5.

упоминавшуюся статью М. С. Ольминского «О мемуарах» (1921 г.), наиболее полно излагающую его взгляды на воспоминания.

В статье «О мемуарах» М. С. Ольминский показал, какое значение имеют воспоминания для создания научной истории революционного движения и коммунистической партии. В ней определены хронологические пределы, в которых, по мнению Истиарта, должны собираться источники для изучения истории партии, и дана ее периодизация.

Учитывая необходимость максимально оперативного накопления фонда историко-революционных мемуаров, он предпочитал сбор воспоминаний, так сказать, «событийного» характера, посвященных отдельным событиям и периодам истории революционного движения. В то же время он считал важными и автобиографические мемуары — «жизнеописания». Но они требовали для своего создания гораздо больше времени. Особый интерес представляют предложенные М. С. Ольминским методика создания (он употреблял выражение «вызывать» мемуары)²⁹ и собирания воспоминаний и тот круг вопросов, который должен быть освещен в мемуарной литературе.

М. С. Ольминский отмечал важность написания воспоминаний видными деятелями партии и Советского государства. Но не менее важно, по его мнению, «чтобы писали и те, кто не играл тогда видной роли, с кем не удалось переговорить, чьи имена, может быть, даже неизвестны широкому кругу товарищей. Ведь в разных областях движения работали в то время тысячи рядовых, еще мало заметных рабочих: необходимо, чтобы как можно больше число их вспомнило эту недавнюю и славную старину»³⁰. Особо он подчеркивал, что «имена, фамилии, клички обязательно сообщать с возможной полнотой», и, поскольку память человека ненадежна, ей надо помогать, где возможно, письменными и печатными источниками³¹.

М. С. Ольминский говорил, что по разным периодам истории партии мемуары надо собирать различными методами, в зависимости от контингента еще живых свидетелей событий. Для наиболее раннего времени нужно разыскать старых революционеров — «участников движения. Обычно это рабочие, не привыкшие писать. Нужно приставить к ним человека, знающего эпоху (хотя бы по печатным источникам). Нужно суметь выспросить и тут же, на месте, записать»³². Для последующих периодов по отношению к малограмотным рабочим метод собирания воспоминаний оставался тот же, более грамотным людям предлагался «конспект-минимум для воспоминаний», который был опубликован как приложение к рассматриваемой статье³³.

В статье «О мемуарах» М. С. Ольминский называл имена людей, от которых можно получить ценные сведения, предлагал собирать и фиксировать данные о лицах, представляющих интерес как мемуаристы³⁴. Тут же перечислялись темы, которые следует осветить в воспоминаниях («Северный союз русских рабочих», «Благодеевская группа» (1884—1885), период перехода от нее к брусневской организации, начало пропагандистской и организационной работы среди пролетариата, рабочее движение 1911—1914 гг., деятельность «Звезды» и «Правды» и др.)³⁵.

Работа М. С. Ольминского представляет собой научно-методическое руководство для написания мемуаров, их собирания и использования при изучении истории партии и Октябрьской революции. Она содержит и

²⁹ М. Ольминский. О мемуарах, стр. 5.

³⁰ Там же, стр. 5—6.

³¹ Там же, стр. 7.

³² Там же, стр. 6.

³³ Там же, стр. 185 (Приложение).

³⁴ Там же, стр. 6.

³⁵ Там же, стр. 5—7.

ценные источниковедческие наблюдения. Мысли об изучении истории партии и путях развития историко-партийных исследований в тот период интересны для современного историографа.

Чтобы придать собиранию мемуаров организованный характер, Истпартом был издан первый выпуск сборника «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“», в который, кроме статьи «О мемуарах», вошли руководящие и методические документы Истпарта, работа М. С. Ольминского «Общий очерк эпохи» и воспоминания А. Винокурова. По словам М. С. Ольминского, сборник должен был «дать толчок к изучению эпохи, вызвать к писанию воспоминаний каждого, кто соприкасался с этой эпохой, кто рос политически в это время»³⁶. По поручению Истпарта был подготовлен Н. Н. Батуриным при участии М. С. Ольминского вышеупомянутый «Конспект-минимум для воспоминаний» (далее — «Конспект») ³⁷. Опубликован «Конспект» за подписью Н. Н. Батурина ³⁸.

«Конспект» содержал перечень нужных Истпарту сведений об авторах, пишущих мемуары по истории партии: кто, где, когда, в каких организациях работал, что делал, кто работал в них в это время, какую автор вел работу; кто из революционеров-профессионалов работал в организации и как. Автор мемуаров должен был сообщить сведения о структуре организации, ее размерах, в какой среде она вела работу, какая легальная и нелегальная литература издавалась, какая литература поступала из-за границы, как часто. «Конспект» отмечал важность освещения в ответах на вопросы характера пропагандистской работы, программ занятий, имен руководителей, названия наиболее популярной литературы, содержания агитационной работы, ее форм, тем. Предусматривалось освещение финансового положения организации, ее техники, результатов ее работы, и, особенно, выявления наиболее злободневных вопросов для данной организации (организационных, тактических, философских, программных), характеристика фракционной борьбы. «Конспект» обращал внимание на связи организации с ЦК, с заграничными центрами, с другими организациями; их формы; были ли областные конференции; как восстанавливались связи после провалов. От участников съездов «Конспект» требовал сведений о съезде, о встречах с видными партийными работниками. Пишущие воспоминания должны были рассказать о партийной работе в легальных организациях до 1917 г., после Февральской революции 1917 г., во время Октябрьской революции ³⁹.

Примечание к «Конспекту» требовало оговорить те случаи, когда «сведения об организации, хотя бы и самые достоверные, получены... не во время личного участия в ней...» ⁴⁰

Перечень таких вопросов заставлял каждого участника революционного движения не только рассказывать о своих переживаниях, связанных с его деятельностью в тот или иной период времени, а давать преимущественно фактические сведения. Этот фактический материал можно было проверить и уточнить посредством сравнения с воспоминаниями, документами и другими источниками. Накопленные в большом количестве сведения, перекрестно проверенные, безусловно позволяли восполнить пробелы в изучении истории партии, связанные с отсутствием документов.

В Истпарте считали, что при изучении фракционной борьбы в партии, борьбы между большевиками и меньшевиками, для уяснения причин и мотивов борьбы, психологии меньшевиков, отношения их к тем или иным

³⁶ Там же, стр. 5.

³⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, ед. хр. 45, лл. 91—92 об.

³⁸ Н. Н. Батурин. Конспект-минимум для воспоминаний. — «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“», вып. 1, стр. 185 (Приложение).

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

вопросам необходимы воспоминания не только большевиков, но и меньшевиков. В «Инструкции для местных бюро Истпарта»⁴¹, опубликованной также в качестве приложения к работе М. С. Ольминского «О мемуарах», в параграфе четвертом сказано, что на местные бюро Истпарта возлагается обязанность «разыскивания (главным образом по анкетам) и регистрации старых партийных работников (до 1917 г. как большевиков, так и меньшевиков), настойчивое приглашение их к составлению мемуаров, записывание в случае необходимости мемуаров с их слов»⁴².

Примечание к четвертому параграфу «Инструкции» вменяло в обязанность работников бюро Истпарта: «Мемуары, записанные самими авторами, должны быть просмотрены членами бюро и в случае существенных пробелов дополнены путем опроса автора. Конспект для составления мемуаров особо прилагается»⁴³. Примечание, следовательно, акцентировало внимание истпартовских работников не только на необходимость сбора мемуаров, но и получения нужных сведений в соответствии с вопросами «Конспекта».

Таким образом, «Конспект-минимум для воспоминаний» по истории партии направлял не только мысли мемуаристов, но и работу сотрудников Истпарта, что способствовало более быстрому собиранию воспоминаний.

Аналогичным «Конспекту» документом по конкретному периоду была «Анкета по истории Октябрьской революции». Она была издана как приложение к обращению «Ко всем членам партии» под грифом Истпарта, без указания автора, т. е. от имени Коллегии Истпарта. «Анкета» требовала от отвечающих на нее конкретных сведений об их личном участии в революции, о товарищах по борьбе, о событиях, происходивших на том участке, где работал отвечающий товарищ, о деятельности всей организации в этот период⁴⁴, т. е. «Анкета» была документом, с помощью которого работники системы Истпарта могли собирать по всей стране необходимые сведения для изучения истории Октябрьской революции.

Итак, Истпарт разработкой и публикацией вышерассмотренных и подобных документов придавал работе по собиранию и созданию мемуаров конкретный целенаправленный характер, что делало ее важным участком историко-партийной науки.

Для массового сбора воспоминаний М. С. Ольминский предложил проводить вечера воспоминаний⁴⁵. Им же были разработаны методика их проведения, план первого вечера, тематика последующих вечеров. Первый вечер Истпартом был проведен 7 ноября 1920 г. на тему: «Октябрьские дни 1917 г. в Петрограде, момент завоевания власти, образование Совнаркома»⁴⁶.

В обращении по поводу вечера М. С. Ольминский писал: «Товарищи! С целью воскресить в памяти участников и зафиксировать на бумаге главные моменты истории партии и Октябрьской революции 1917 г. Истпарт в виде опыта постановил устроить вечера воспоминаний»⁴⁷. Эти вечера предполагалось проводить по заранее намеченным темам. На них могли присутствовать только участники событий по данной теме и члены Истпарта. Принимавший участие в вечере должен был заранее «написать

⁴¹ «Бюллетень Истпарта», 1921, № 1, стр. 14—16.

⁴² «Инструкция для местных бюро Истпарта». — «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“», вып. I, стр. 187.

⁴³ Там же, стр. 188.

⁴⁴ «Ко всем членам партии». М., 1920, стр. 14—16 (Автором «Анкеты», судя по стилю, является М. Н. Покровский. — *Н. М.*).

⁴⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, ед. хр. 45, л. 72—72 об. (Обращение к участникам первого вечера написано рукой М. С. Ольминского. Регистрационная дата — 8 ноября 1920 г., регистрационный номер — «Вход. № 31»).

⁴⁶ Там же, л. 72 об.

⁴⁷ Там же, л. 72.

на отдельном листе главнейшее, — что он делал в эти дни, что подметил, свои впечатления, мысли — и при входе на вечер передать свои записки члену Истпарта»; также «записать в течение вечера, что найдет полезного, и вручить при уходе с вечера члену Истпарта», принести на вечер и передать работнику Истпарта документы, относящиеся к теме, с указанием, «что из принесенного отдается в Истпарт безвозвратно, что на хранение и что только для снятия копии»⁴⁸. Выступления участников вечера стенографировались.

При такой организации сбор воспоминаний на вечерах позволял провести уточнение фактов, перекрестную их проверку, получить по теме находящиеся на руках документы, подтверждающие данные воспоминаний, или их копии.

Предложенные М. С. Ольминским вечера воспоминаний оказались удачной формой сбора нужных сведений и широко использовались в системе Истпарта⁴⁹.

Мы видим, что М. С. Ольминский и другие деятели Истпарта (в частности, М. Н. Покровский, Н. Н. Батурий) рекомендовали, а Истпарт широко применил метод «вызывания» мемуаров по «Конспекту», анкетам, путем опроса, стенографирования устных воспоминаний по определенным темам. Здесь речь идет о новом явлении, не традиционном для мемуаристики, — о целенаправленном сборе информации личного происхождения, когда цель ставится извне, а не самим автором. По существу такой подход ближе к социологическим методам сбора информации. Позднее к нему обратились «Кабинет мемуаров» А. М. Горького, Комиссия по истории Великой Отечественной войны, стенографировавшие воспоминания по программе.

Воспоминания публиковались отдельными изданиями в журнале «Пролетарская революция», журналах Истпартотделов, местных партийных журналах и газетах и таким образом подвергались проверке читателей, которые посылали в редакцию письма с замечаниями. Первым выпуском из серии мемуаров был изданный в 1921 г. сборник «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“». В 1925 г. (по получении Женевского партийного архива) Истпарт издал отдельным выпуском находившиеся в архиве старой «Искры» «Воспоминания И. В. Бабушкина (1893—1900 гг.)».

Настойчивыми разъяснениями широкой общественности значения мемуаров, организацией работы по сбору и публикации мемуаров по всей стране Истпарт, возглавляемый М. С. Ольминским, добился больших результатов. Только Центральным Истпартом было собрано около тысячи единиц хранения⁵⁰, которые и поныне являются ценным источником для изучения истории партии, Октябрьской революции и первых лет советского строительства.

Настойчивость, с которой проводил М. С. Ольминский разъяснительную работу о необходимости быстрейшего собирания мемуаров по всей стране, определялась его стремлением накопить как можно больше фактического материала, пока живы знающие люди.

Мемуары являлись источником для создания биографий революционеров. Массовый их сбор позволил выявить большое количество участников революционного движения, собрать о них сведения. «Было бы желательно, — записал М. С. Ольминский в уже упомянутом „Плане“, — создание литературы биографической с характеристиками. . . , но вряд ли за скудостью источников удастся приступить к этому немедленно»⁵¹.

⁴⁸ Там же, л. 72 об.

⁴⁹ «Бюллетень Истпарта», 1921, № 1, стр. 1; 1924, № 2, стр. 10—13, 25, 33, 35, 36; В. С. Голубцов. Указ. соч., стр. 10.

⁵⁰ Н. С. Комаров. Созрание и деятельность Истпарта. — «Вопросы истории КПСС», 1958, № 5, стр. 163.

⁵¹ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, ед. хр. 45, л. 75, «План Ольминского».

В плане Комиссии по изучению истории партии (13 сентября 1920 г.) сказано: «Скудость или, вернее, отсутствие источников стоят на этом пути непреодолимым препятствием, с целью облегчения этой задачи по подготовке биографического материала немедленно же собрать сведения о жизни еще действующих товарищей по заранее выработанному плану (анкете)»⁵².

В ряде руководящих документов Истпарта содержатся указания работникам его системы — какую работу надо проводить в этой области. В инструкции «Собирание документов» (8 октября 1920 г.) записано: «В каждом городе необходимо собирать фотографии, снимки партийных работников с краткими сведениями о деятельности этого товарища: 1) до 1917 г.; 2) до октября 1917 г., после Октября и вообще с биографическими сведениями. Необходимо собрать материалы для биографии и изображения погибших товарищей, надо составить по губернии списки таких товарищей с приложением статей, заметок и прочее!»⁵³ В «Инструкции для местных бюро Истпарта» сказано, что работники бюро Истпарта должны собирать «анкетные листы членов партии, материалы по перерегистрации коммунистов», а также должны производить «собрание материалов о жизни и партийной деятельности выдающихся умерших членов местных организаций или участников местного рабочего движения путем розыска и опроса их родственников и знакомых, приобретения или воспроизведения их фотографий, записок, переписки и т. п.»⁵⁴

В Истпарте велась работа по выборке из всех социал-демократических процессов дат арестов, фамилий арестованных, приговоров и т. д.⁵⁵, собирались сведения о погибших уже товарищах у лиц, знавших их по совместной работе. Истпартом были разсланы письма коммунистам, работавшим на местах (по выявленным уже адресам), с просьбой дать сведения о жизни и деятельности того или иного погибшего революционера⁵⁶. М. С. Ольминский добился закрепления за Истпартом всех анкет, автобиографий, характеристик и других документов, связанных с чисткой в партии и переписью коммунистов, а также передачи ему аналогичных документов уже умерших товарищей⁵⁷. Сбор источников для создания биографий, таким образом, был организован Истпартом по всей стране. Собранные Истпартом материалы позволили приступить к изданию сборников воспоминаний и биографических справочников о деятелях революционного движения. М. С. Ольминский подчеркивал, что в создании биографии должен быть обязательно соблюден «принцип массовости, а не эсеровско-меньшевистский, мелкобуржуазный принцип великих людей и их „соратников“»⁵⁸.

Биографии издавались сборниками. В первом выпуске «Памятники борцам пролетарской революции до 1917 года» были опубликованы биографии (или биографические сведения) двухсот пятидесяти революционеров⁵⁹, во втором — «Памятники борцам пролетарской революции, погибшим в 1917—21 гг.» — около трех с половиной тысяч. М. С. Ольминский так охарактеризовал этот сборник: «В 1925 г. понадобилось уже третье издание. Было там немало фотографических снимков. К делу

⁵² ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, ед. хр. 45, л. 22 (члены комиссии: М. С. Ольминский, Н. Н. Батулин, В. И. Невский, Д. Б. Рязанов).

⁵³ Там же, лл. 69 (рукопись), 71 (машинописная копия).

⁵⁴ Из эпохи „Звезды“ и „Правды“, вып. 1, стр. 187.

⁵⁵ Там же, стр. 188—191; рукопись — ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, ед. хр. 45, л. 31 (Отчет Истпарта к 1.III 1921 г., составлен М. С. Ольминским).

⁵⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, ед. хр. 48, лл. 69, 70, 71, 73 и др.

⁵⁷ Там же, ф. 70, оп. 1, ед. хр. 94, л. 40; ф. 91, оп. 1, ед. хр. 48, лл. 43, 44.

⁵⁸ Там же, ф. 91, оп. 1, ед. хр. 41, л. 47 об. (Ответ М. С. Ольминского на «Тезисы по перестройке работы института Ленина в 1929—1930 гг.» — Н. М.).

⁵⁹ Там же, ед. хр. 37, л. 6.

были привлечены не только истпартовские работники, но и, можно сказать, вся партия. Получился том почти в 800 страниц. Были увековечены около трех с половиной тысяч погибших. Создан действительно памятник массового движения»⁶⁰.

Кроме того, Центральный Истпарт иногда публиковал биографии отдельными брошюрами, издавались они и местными бюро Истпарта. Например, Московское бюро выпустило издание — «Братская могила»⁶¹.

Подобная постановка вопроса о биографиях была обусловлена рядом обстоятельств: только при условии массового создания биографии могли стать источником для написания полной истории партии с именами участников революционного движения, с фактами деятельности местных партийных организаций по стране. Кроме того, «этот род литературы лучше всего запоминался читателям и был необходим для работы с массами»⁶². Читая память умерших борцов за революцию, по мнению М. С. Ольминского, надо успешной пропагандой идей, «связанных с жизнью и смертью товарищей»⁶³.

Массовое издание Истпартом биографий революционеров, партийных работников, деятельность М. С. Ольминского в Истпарте по организации создания источников — мемуаров и биографий, работа системы Истпарта по собиранию и публикации этих материалов — были претворением в жизнь идеи В. И. Ленина о восполнении пробелов в источниках по истории партии и рабочего движения по воспоминаниям участников, о необходимости издания сборников биографий рабочих-революционеров.

Разработанная М. С. Ольминским, Н. Н. Батуриным, М. Н. Покровским методика создания, собирания и проверки воспоминаний сыграла огромную роль в рассматриваемый период для пополнения источниковой базы по истории революционного движения, истории партии, Октябрьской революции и первых лет советского строительства. Она представляет, на наш взгляд, немалый интерес сегодня в связи со сбором мемуаров о социалистическом строительстве, Великой Отечественной войне и по другим периодам истории Советского общества.

Изучение взглядов М. С. Ольминского по этим вопросам интересно для современного исследователя тем, что они отражают уровень историко-партийной науки, советского источниковедения и археографии самого раннего периода. Без их анализа едва ли возможно достаточно обоснованное изучение и использование громадного фонда мемуарных источников, сложившегося в те годы. Не полна будет без этого и история советской мемуаристики, создание которой (истории) — актуальная задача источниковедческой и историографической науки.

⁶⁰ Там же, л. 28 (Письмо М. С. Ольминского без даты).

⁶¹ «Братская могила». Биографический словарь умерших и погибших членов Московской организации РКП(б), вып. I—II. [М.], 1922—1923.

⁶² ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, ед. хр. 45, л. 22.

⁶³ Там же, ф. 91, оп. 1, ед. хр. 37, л. 30.

Г. П. Махнова

У ИСТОКОВ СОВЕТСКОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

(о научной деятельности Н. Н. Авдеева) *

В 1969 г. исполнилось 90 лет со дня рождения Николая Николаевича Авдеева, историка первых лет Советской власти, одного из пионеров советского источниковедения.

Имя Н. Н. Авдеева было незаслуженно забыто советскими историками и архивистами. Правда, за последнее время появился ряд статей, в которых упоминается его фамилия в связи с развитием советского источниковедения 20-х годов¹ и анализируется его роль в развитии теории советского источниковедения².

Родился Н. Н. Авдеев в 1879 г. в г. Козлове (Мичуринске) в семье купца. После окончания гимназии в 1899 г. поступил в Харьковский университет на физико-математический факультет. Н. Н. Авдеев принимал активное участие в революционных выступлениях студентов, участвовал в организации нелегальной типографии, распространял листовки, состоял членом студенческого социал-демократического кружка. За свою революционную деятельность он неоднократно арестовывался, был выслан из Харькова, много раз сидел в тюрьме, откуда бежал. Еще в тюрьме Авдеев начинает серьезно заниматься историей, читает историческую литературу. В 1905 г. он работает пропагандистом-агитатором среди рабочих Екатеринославской железной дороги, становится большевиком. В 1907 г., не закончив Харьковского университета, поступает на историко-филологический факультет Московского университета. После окончания Московского университета в 1915 г. приезжает в г. Тюмень. Будучи преподавателем истории в частном коммерческом училище, он продолжает вести революционную работу среди учеников и преподавателей училища.

В 1917 г., после Великой Октябрьской социалистической революции,

* Подробнее о Н. Н. Авдееве см. в статье Г. Н. Махновой и З. И. Перегудовой «Об исторических работах Н. Н. Авдеева», включенной в сборник статей «Из истории марксистской историографии» (подготавливается к печати Сектором истории исторической науки Института истории СССР).

¹ В. П. Данилов, С. И. Якубовская. Источниковедение и изучение истории советского общества. — «Вопросы истории», 1961, № 5, стр. 19; С. И. Якубовская. Некоторые итоги развития теории источниковедения в советский период. — «Историография социалистического и коммунистического строительства в СССР». Сб. статей. М., 1962, стр. 193; И. А. Бульгин, Л. Н. Пушкарев. Источниковедение. — «Советская историческая энциклопедия», т. 6. М., 1965, стр. 599; О. М. Медушевская. Развитие теории советского источниковедения. — «Труды МГИИИ», т. 24, вып. 2, 1966, стр. 6.

² О. М. Медушевская. Теоретические проблемы источниковедения в советской историографии 20-х — начала 30-х годов. — «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». М., 1969, стр. 179—180.

Авдеев руководит изданием тюменской рабочей газеты «Наш путь», пользуясь большой популярностью среди рабочих и интеллигенции города. В декабре 1918 г., после захвата Тюмени колчаковцами, Н. Н. Авдеев был арестован как «вредное лицо», но вскоре освобожден. В марте 1919 г. во время восстания против колчаковского режима Авдеев, как один из его организаторов и активный участник, был арестован и в числе других пяти человек расстрелян. Чудом ему, тяжело раненному, удалось спастись от смерти³.

С 1921 г. Н. Н. Авдеев работает в Москве в Истпарте, одновременно являясь членом коллегии Центрархива от Истпарта, членом Литературного совещания при Истпарте, принимает участие в организации Общества историков-марксистов, входит в редколлегию журнала «Историк-марксист». В 1924—1925 гг. Н. Н. Авдеев работал в редакционной коллегии Всесоюзной Комиссии по подготовке к 20-й годовщине первой русской революции.

После Октябрьской революции перед молодой советской исторической наукой встала исключительно важная и ответственная задача написать подлинно научную историю нашей партии и Октябрьской революции. Еще в 1920 г. В. И. Ленин в беседах с М. Н. Покровским и В. В. Адоратским поставил задачу написания очерков по истории революции или хроники важнейших событий⁴. С образованием Истпарта и его органов на местах значительно возрос интерес к источниковедению. Большое число партийных работников приступило к собиранию и изучению материалов по истории большевистской партии и Октябрьской революции. Историки располагали обширным и разнообразным документальным материалом. Это были в основном фонды упраздненных учреждений царского и Временного правительств, личные фонды государственных и общественных деятелей, мемуарная литература и т. д.

Николай Николаевич предпринял попытку на основе марксистско-ленинского понимания истории применить достижения дореволюционного источниковедения к материалам по истории партии. Весной 1924 г. на совещании Истпартотделов СССР Авдеев выступил с докладом о методах собирания и обработки материалов по истории партии и Октябрьской революции. Доклад вызвал большой интерес. В решении совещания было записано, что его необходимо принять «к сведению и руководству и... напечатать... в одном из последующих номеров „Пролетарской революции“»⁵.

Уже в начале 1925 г. была опубликована работа Н. Н. Авдеева «О научной обработке источников по истории РКП и Октябрьской революции»⁶. Эта небольшая по объему статья сыграла очень важную роль в деле разработки основных приемов и принципов советского источниковедения.

В 20-е годы уже начинают появляться работы по специальным историческим дисциплинам. Некоторые из них касались частных вопросов, другие представляли собой общие очерки⁷. Но в них специально не рас-

³ Подробное описание этого периода жизни и деятельности Н. Н. Авдеева можно найти в его воспоминаниях (*Н. Авдеев*. В кровавом омуте (Воспоминания о лично пережитом). — «Молодая гвардия», 1923, № 4—5).

⁴ См. «Ленинский сборник», XXIV, стр. 291—292; *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 175—176; «Пролетарская революция», 1926, № 5, стр. 220; 1930, № 7—8, стр. 138.

⁵ «Вокруг органов истпартотделовской работы». Протокол 3-го совещания Истпартотделов СССР (составленный по стенограмме от 26—27/V 1924 г.). — «Пролетарская революция», 1924, № 8—9, стр. 446. Здесь же были опубликованы тезисы доклада Н. Н. Авдеева.

⁶ *Н. Н. Авдеев*. О научной обработке источников по истории РКП и Октябрьской революции. — «Пролетарская революция», 1925, № 1, 2.

⁷ См., например: *А. М. Большаков*. Вспомогательные исторические дисциплины. Тверь, 1922; *В. И. Пичета*. Введение в русскую историю. (Источники и историогра-

смагивался вопрос об источниковедческом изучении документов по истории партии и Октябрьской революции. В связи с этим интересно заметить, что С. Н. Валк, касаясь вопроса об определении подлинности документа и «правильности передачи копиистами отдельных мест подлинника», делает оговорку, что «развить подробнее эти случаи значило бы изложить одну из самых существенных страниц учения об общей критике исторических документов»⁸, и отсылает читателя к известной нам работе Н. Н. Авдеева.

Статья Н. Н. Авдеева состоит из четырех разделов. Уже первый раздел — «Понятие об исторической закономерности» — свидетельствует о том, что автор статьи — историк-марксист. Начинается этот раздел с тезиса, что научная история РКП(б) и Октябрьской революции ставит своей задачей не только описать революционные события, но и «выяснить, с марксистской точки зрения, причинную закономерность их исторического развития». И далее: «Нужно не только знать и понимать, что такое историческая закономерность событий и явлений, но и уметь обращаться с историческими материалами или источниками»⁹.

В следующих разделах — «Критика источников и фактов», «Исторические обобщения и построения» — Н. Н. Авдеев на основе марксистского понимания закономерностей исторического процесса излагает приемы источниковедческого анализа документов по истории партии и Октябрьской революции. Здесь изложены основные принципы научной критики источников, хотя автор и не вводит принятые в наше время понятия внешней и внутренней критики.

Если подойти к анализируемой статье с узко профессиональной точки зрения, то сразу бросится в глаза, что целый ряд определений, а также приемов изучения документов у Николая Николаевича заимствован из буржуазного источниковедения, о чем говорит и сам автор в начале статьи. Это не удивительно. В те годы советские историки использовали некоторые вопросы методики из опыта буржуазного источниковедения, подчиняя их новым требованиям и задачам. Вопрос о критическом освоении этого опыта Авдеевым и привнесении момента классового анализа специально рассматривается в вышеназванной статье О. М. Медушевской.

Н. Н. Авдеев подробно излагает в статье основные этапы «научной обработки источников». Положительным здесь является то, что он обращает внимание исследователя на необходимость применить к изучаемому источнику «приемы исторической критики, без которой история как наука не может правильно выяснить закономерность развития партийных и революционных событий»¹⁰. В понятие «историческая критика» Н. Н. Авдеев вкладывает прежде всего установление подлинности источника. Для этого необходимо обратиться к «методу сравнительного изучения». По мнению автора, пользуясь им, можно установить: 1) соответствует ли внешний вид¹¹ источника другим источникам, в подлинности которых существует необходимая уверенность; 2) соответствует ли содержание источника тому, что уже известно нам из подлинных источников¹²; 3) можно ли анализируемый источник включить в группу достоверных источников «по внутренней правдоподобности»;

фия). [М.], 1922; С. Н. Валк. О приемах издания историко-революционных документов. — «Архивное дело», 1925, вып. III—IV; и др.

⁸ С. Н. Валк. Указ. соч., стр. 74.

⁹ Н. Авдеев. О научной обработке. . . — «Пролетарская революция», 1925, № 1, стр. 149, 150.

¹⁰ Там же, стр. 150.

¹¹ Под внешним видом источника Н. Н. Авдеев понимал язык, шрифт, построение фраз и литературное оформление.

¹² Видимо, Н. Н. Авдеев имел в виду сопоставление фактического материала.

4) нет ли в содержании или форме источника «следов искусственной, искажающей работы»¹³.

Изложив признаки определения подлинности источника, Н. Н. Авдеев затем справедливо замечает, что иногда подлинность можно определить и по одному из указанных признаков. В подтверждение этого автор приводит ряд примеров из практики. Доказав «действительную» подлинность источника, он рекомендует вслед за этим установить его «оригинальность» (первоначальность), т. е. определить, является ли данный источник оригиналом (подлинником. — Г. М.) или представляет «копию, компиляцию с каких-либо других источников»¹⁴. Определить «оригинальность» источника или его «независимость», «первоначальность» автор предлагает путем «анализа источника». Под анализом источника он подразумевает сопоставление нескольких однотипных по содержанию источников. Безошибочно этим методом можно пользоваться, по мнению автора, «только путем практического упражнения»¹⁵.

Анализируя статью Н. Н. Авдеева, можно легко убедиться, что автор в основном касается всех тех моментов, из которых складывается понятие внешней критики источника, хотя и не всегда должным образом заостряет на каждом из них внимание исследователя. Как бы мимоходом он останавливается на необходимости установления времени и места происхождения источника. Если же документ не датирован и не известно место его возникновения, то тогда, по мнению Николая Николаевича, его «необходимо сравнить с источниками датированными и с обозначенным местом»¹⁶.

В некоторых случаях при определении даты «можно прибегать к предположению», но «делать» это надо «осторожно»¹⁷. Затем Н. Н. Авдеев указывает на такие случаи, когда в источнике нет данных о времени, месте и об авторе. При определении автора во избежание ошибок следует проводить не только сравнительный анализ с другими документами, автор которых бесспорно известен, но и обязательно привлекать мемуарную литературу, «навести справки у старых партийных работников», пересмотреть сохранившиеся архивные документы¹⁸. И опять вслед за теоретическими положениями автор приводит ряд конкретных примеров из собственной практики.

Хотя Н. Н. Авдеев и не употребляет термин «внутренняя критика источника», но многие ее элементы имеются в его статье. В настоящее время под внутренней критикой источника понимается изучение содержания документа, установление его фактической ценности и достоверности, определение точки зрения автора, т. е. классовый направленности документа. Внутренняя критика определяет полноту источника, выявляет намеренные искажения и неполноту фактов.

На эти вопросы и обращает внимание Н. Н. Авдеев. Так, он указывает, что после проведения критического отбора документов необходимо установить достоверность фактов. Каждый факт, сообщаемый в документе, по его словам, должен стать «предметом особого исследования»¹⁹.

В определении Н. Н. Авдеевым «внутренней достоверности источников» виден марксистский подход к историческим документам. Прежде всего автор советует обратить внимание на «характер источника», «вли-

¹³ Н. Н. Авдеев. О научной обработке. . . — «Пролетарская революция», 1925, № 1, стр. 154.

¹⁴ Там же, стр. 155.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, стр. 160.

¹⁸ Там же, стр. 157.

¹⁹ Там же.

ние времени, места и всей среды, к которой принадлежит»²⁰ он. Задача историка партии и революции, по мнению Авдеева, не может ограничиться только установлением достоверности исторических фактов, изложенных в источниках. Необходимо знать, нет ли в источнике, подлинность которого не вызывает сомнений, сведений о других исторических фактах, имеющих непосредственное отношение к истории РКП(б) и Октябрьской революции.

Мы видим, что Николай Николаевич рекомендовал исследователям критически относиться к сведениям, содержащимся в документах, тщательно проверять каждый факт, любую оценку людей и событий.

Н. Н. Авдеев, призывая критически относиться к историческим источникам, с особой силой подчеркивал необходимость осторожного подхода к документам, вышедшим из классово-враждебного лагеря (хотя такого выражения у него нет). Он отмечал, что в материалах судебных палат, царской охраны и жандармских управлений, в белогвардейских документах имеется много интересных и ценных сведений по истории партии и революции. Но «кто вздумает использовать их без проверки, всегда рискует наделать массу ошибок и написать не столько историю партии и революции, сколько историю и притом плохую — охранных, жандармских управлений и контрреволюции»²¹. Таким образом, Н. Н. Авдеев рекомендовал использовать документальное наследие подобного рода, предварительно критически его проверив.

Раздел «Критика источников и фактов» Н. Н. Авдеев заканчивает словами о том, что критическое отношение необходимо «ко всем историческим источникам, каково бы ни было их происхождение»²². В первую очередь это относится к мемуарной литературе, так как необходимо учитывать «промежуток времени между наблюдением и воспоминанием», личные «свойства» наблюдателя и т. д.²³ По мнению Н. Н. Авдеева, «воспоминания, собранные в массовом масштабе», имеют преимущество перед индивидуальными воспоминаниями, так как, будучи собраны вместе, они дополняют друг друга и помогают увидеть имеющуюся во всех мемуарах «поэзию»²⁴.

Заключительным этапом исторической критики Н. Н. Авдеев считает расположение полученных из источников данных «по теме, месту и времени», причем исследователь не должен забывать «об исторической закономерности явлений»²⁵. Эту мысль автор более подробно развивает в третьем разделе своей работы «Исторические обобщения и построения». Одну из самых ответственных задач, стоящих перед историками Октябрьской революции, Н. Н. Авдеев видит в использовании собранных источников и фактов «для правильного, научного описания событий и явлений и для обоснованных выводов об их закономерном развитии»²⁶. «Руководящей нитью для историка, — по его словам, — должен служить марксистский метод материалистического понимания истории»²⁷. В подтверждение своих мыслей автор приводит выдержки из произведений К. Маркса и В. И. Ленина, считая своим долгом заострить внимание исследователя на марксистском понимании истории.

По его мнению, историку партии и революции, сталкивающемуся с самыми разнообразными источниками, мало установить степень их «достоверности», но и необходимо разъяснить читателю смысл взятых из

²⁰ Н. Авдеев. О научной обработке ... — «Пролетарская революция», 1925, № 1, стр. 158.

²¹ Там же, стр. 158—159.

²² Там же, стр. 159.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, стр. 160.

²⁶ Там же, № 2, стр. 213.

²⁷ Там же.

них сведений, которые нужно предварительно критически изучить «с точки зрения их взаимосвязи»²⁸. Он пишет, что для правильного толкования источника следует принимать во внимание помимо особенностей языка и мировоззрения автора «круг знаний, уровень образования и классовые интересы той эпохи», которой принадлежит источник²⁹. И самое главное при заполнении «пробелов» в источниках — «научно соединить работу воображения с трезвым марксистским анализом»³⁰. Историк должен владеть не только марксистским методом, «но и отличаться способностью комбинировать, устанавливать между полученными фактами объективно существующую причинную связь»; кроме того, следует «воспроизвести (репродуцировать) весь ход событий в их причинной связи, в их возникновении и развитии в определенных условиях времени и места»³¹.

В качестве примера применения марксистского метода объяснения исторических явлений Н. Н. Авдеев приводит положение В. И. Ленина о том, что не всякая революционная ситуация заканчивается революцией.

В последнем разделе, названном «Изложение результатов исторического исследования», Авдеев выделяет следующие этапы работы: 1) выбрать из источников и изложить все главное, а все менее важное, как бы оно ни было интересно само по себе, отбросить; 2) множество фактов заменить единичными, но так, чтобы это не искажало хода событий; 3) не увлекаться «картинными выражениями и оборотами», а «правильно, без искажений сообщить читателю результаты исторического исследования»³².

В работе Авдеева при изложении теоретических положений в качестве примеров приводились выдержки из публикаций того времени, что превращало ее в незаменимое пособие для археографов тех лет.

Современники высоко оценили статью Н. Н. Авдеева. В отчете о работе Истпартотделов за январь—апрель 1925 г. отмечалось, что статья Авдеева очень актуальна и в подобных работах «в настоящее время (особенно на местах) большая нужда»³³. М. Н. Покровский считал ее «единственным в нашей историко-партийной литературе примером методологического руководства по данному вопросу»³⁴. Он предлагал к десятилетию Октября, когда будут готовиться сотни местных изданий, опубликовать ее в виде отдельной брошюры. К сожалению, это пожелание не было выполнено.

Примером кропотливого источниковедческого анализа является небольшая статья Авдеева «О происхождении „приказа № 2“»³⁵. В историко-партийной литературе долгое время не была установлена точная дата составления приказа № 2 Исполкома Петербургского Совета рабочих и солдатских депутатов. Историки датировали его по-разному. Путем сопоставления ряда источников Н. Н. Авдееву удалось установить дату приказа № 2 — 5 (18)—6 (19) марта 1917 г.

В качестве второго примера глубокого источниковедческого анализа можно назвать статью Н. Н. Авдеева «Первые дни Февральской революции»³⁶. Автором приводятся несколько выдержек из разных источников о дате начала Февральской революции. Сравнивая, критически анализируя имеющиеся в его распоряжении данные, Авдеев приходит к правиль-

²⁸ Там же, стр. 215.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, стр. 216.

³¹ Там же, стр. 216, 217.

³² Там же, стр. 220.

³³ «Работа Истпартотделов». — «Пролетарская революция», 1925, № 6, стр. 261.

³⁴ М. Н. Покровский. Н. Н. Авдеев как историк. — Там же, 1926, № 5, стр. 218—219.

³⁵ Н. Н. Авдеев. О происхождении «приказа № 2». — Там же, 1924, № 2.

³⁶ Н. Н. Авдеев. Первые дни Февральской революции. (Хроника событий). — Там же, 1923, № 1, стр. 19—20.

ному выводу, что Февральская революция началась 23 февраля (8 марта) 1917 г. Эта дата утвердилась в советской исторической литературе.

Творческое наследие Н. Н. Авдеева невелико. Помимо выше названных работ им опубликовано еще две статьи, несколько рецензий и подготовлены две публикации. Обе статьи³⁷ написаны на богатом документальном материале с привлечением воспоминаний участников событий. В работах мы видим не только последовательное изложение фактического материала, но и стремление автора дать ему оценку с марксистско-ленинских позиций.

Подготовленные Авдеевым публикации³⁸ могут служить образцом научного издания 20-х годов. Они снабжены предисловием, подстрочными примечаниями и комментариями. М. Н. Покровский высоко ценил подготовленную Авдеевым «Хронику событий революции 1917 года»³⁹, которую он не успел завершить. По словам М. Н. Покровского, автором была проделана самоотверженная, кропотливая работа по собиранию «мелочного фактического материала, тщательной его проверке и подборанию проверенного в хронологическом порядке»⁴⁰, без нее невозможно было написать историю Октябрьской революции. Трагическая смерть неожиданно прервала кипучую и деятельную жизнь Николая Николаевича Авдеева⁴¹. 18 апреля 1926 г. он умер от инфаркта в зале суда, выступая в качестве свидетеля на процессе по делу провокатора Серебряковой. М. Н. Покровский, хорошо знавший Авдеева по совместной работе в Истпарте и Центрархиве, писал в некрологе, что он отличался большими знаниями, владел марксистским методом и приемами исторического исследования⁴².

Несмотря на то что творческое наследие Н. Н. Авдеева невелико, ему принадлежит большая заслуга в разработке основных теоретических положений источниковедения истории большевистской партии и Октябрьской революции.

³⁷ Н. Н. Авдеев. Большевистская работа во флоте и армии накануне Февральской революции. — «Пролетарская революция», 1924, № 6; он же. Восстания на броненосце «Потемкин». — В кн.: «1905 г. История революционного движения в отдельных очерках», т. 2. «От января к Октябрю». М.—Л., 1925.

³⁸ «Вокруг „Гатчины“». Предисл. и сост. Н. Н. Авдеев. — «Красный архив», 1925, № 2; «Партизанщина в Тобольской губ. (Материалы по истории партизанского движения в Сибири при Колчаке)». Предисл. и сост. Н. Н. Авдеев и С. Пионтковский. — «Пролетарская революция», 1923, № 8.

³⁹ Н. Н. Авдеев. Революция 1917 г. (Хроника событий), т. I. «Январь—апрель»; т. II. «Апрель—май». М.—Пг., 1923.

⁴⁰ М. Н. Покровский. Н. Н. Авдеев как историк, стр. 220—221.

⁴¹ См. некрологи по поводу смерти Н. Н. Авдеева: Ем. Ярославский. — «Правда», 20 апреля 1926 г.; П. Нелидов. — «Историк-марксист», 1926, № 1; М. Н. Покровский. — «Пролетарская революция», 1926, № 5.

⁴² М. Н. Покровский. Н. Н. Авдеев как историк, стр. 217.

Д. М. Эпштейн

К ИСТОРИИ ПРЕПОДАВАНИЯ АРХЕОГРАФИИ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ИСТОРИКО-АРХИВНОМ ИНСТИТУТЕ

Преподавание специальной исторической дисциплины — археографии — ведется в институте с момента его образования в 1931 г.¹ Преподавание теснейшим образом связано с научно-исследовательской деятельностью педагогического коллектива, научной и воспитательной работой среди студенчества. В данном случае будут рассмотрены только вопросы развития археографии как учебной дисциплины.

В первые годы деятельности института археография сосредоточивалась на кафедре архивоведения. К преподаванию археографии в институте были привлечены квалифицированные специалисты-археографы, имеющие большой опыт публикаторской работы. Первым из них был известный историк-архивист, ответственный секретарь редакции журнала «Красный архив» А. А. Сергеев. Энтузиаст своего дела, А. А. Сергеев, по выражению А. И. Гуковского, «был прекрасным лектором, искренне стремившимся передать свои знания и опыт новому поколению»². Лекционный курс «Методика публикации исторических документов», составлявший часть курса «Архивоведение», читался Сергеевым по разработанной им программе, которая была утверждена на кафедре 15 октября 1931 г.³ Весь курс складывался из теоретической части и производственной практики. Теоретическая часть составляла всего 20 часов и посвящалась вопросам методики издания документов. Вопросы истории археографии в сжатом виде освещались во введении. В нем предусматривался обзор русских и зарубежных правил издания исторических документов и характеристика издательской деятельности главнейших археографических учреждений СССР. Этот лекционный курс не стенографировался. Однако опубликованные в 30-х годах в журнале «Архивное дело» работы А. А. Сергеева⁴ позволяют судить как о концепции автора, так и об основном содержании его курса. Работы его имели большое

¹ Об образовании и деятельности МГИАИ см.: А. С. Рослова. Московский государственный историко-архивный институт. — «Исторический архив», 1955, № 5, стр. 160—168; она же. 25 лет работы Московского государственного историко-архивного института. — «Труды МГИАИ», т. 11, 1958, стр. 3—51; А. С. Рослова, М. С. Селезнев. Задачи Московского государственного историко-архивного института в свете решений XXII съезда КПСС. — Там же, т. 15, 1962, стр. 5—14; С. И. Мурашов, В. И. Вяликов. 40 лет Московскому государственному историко-архивному институту. — «Советские архивы», 1970, № 5, стр. 20—28.

² А. И. Гуковский. Как я стал историком. — «История СССР», 1965, № 6, стр. 93.

³ Учебные программы института на 1931/1932 учебный год. — Архив МГИАИ, оп. 1, 1931 г., д. 4, лл. 30—32; 1932 г., д. 10, л. 6.

⁴ А. А. Сергеев. Методология и техника публикации документов. — «Архивное дело», 1932, вып. I—II (30—31); она же. К вопросу о разработке правил издания документов ЦАУ СССР. — Там же, 1935, вып. I (34).

значение в борьбе с буржуазной идеологией на археографическом фронте.

Преемниками А. А. Сергеева по чтению курса археографии в институте в 30-х—начале 40-х годов были опытные сотрудники системы Центр-архива: А. А. Покровский, А. А. Шилов, С. Ф. Айнберг-Загрязская. Каждый из них работал в институте сравнительно непродолжительное время. Тем не менее А. А. Шилов, обобщив свой педагогический и практический опыт публикаторской деятельности, оставил нам интересную и полезную книгу «Руководство по публикации документов XIX в. и начала XX в.», выпущенную МГИАИ в 1939 г. Книга долгие годы служила учебным пособием для студентов и настольной книгой практических работников архивов. Это был период, когда еще не были разработаны единые правила издания исторических документов, и «Руководство» А. А. Шилова получило общее признание, несмотря на определенные недочеты и некоторые спорные положения.

Основное место в преподавании археографии во второй половине 30-х годов занимали практические занятия, которые проводились по подлинным документам непосредственно в архиве. Лекционный курс, читавшийся С. Ф. Айнберг-Загрязской по истории археографии, занимал лишь несколько часов. Основное внимание было направлено на методику подготовки документов к печати. Работа по отбору документов, по передаче текста непосредственно в читальном зале архива вызывала большой интерес, воспитывала чувство ответственности. Однако подобная организация учебных занятий была возможна лишь при небольшом контингенте студентов, обучавшихся в 30-х годах.

В начале войны, когда институт переживал трудные дни и численность учащихся значительно сократилась, археография продолжала оставаться профилирующей дисциплиной. Характер преподавания несколько изменился, так как в условиях войны занятия в архиве не были возможны. Студенты осваивали приемы публикации источников при помощи археографического анализа документальных изданий.

С 1943 г. курс археографии стал читать воспитанник института, окончивший его аспирантуру и работавший начальником Научно-издательского отдела ГАУ СССР П. Г. Софинов. К проведению занятий по археографии были привлечены крупнейшие археографы страны А. И. Андреев и С. Н. Валк. Непродолжительная деятельность С. Н. Валка в 1943/1944 учебном году в институте произвела на студентов сильное впечатление и пробудила интерес к научной работе. П. Г. Софиновым была разработана новая программа лекционного курса из двух частей: 1) важнейшие этапы развития методов издания исторических документов в России и 2) основные принципы советской археографии. Программа была утверждена кафедрой в декабре 1943 г.⁵ В 1947 г. программа была доработана автором и предусматривала 66 лекционных часов. Лекционный курс, читавшийся П. Г. Софиновым, основывался на самостоятельной концепции и вызывал неизменный интерес у слушателей. Не все положения автора были бесспорны. Однако лекционный курс отличался оригинальностью и основывался на достаточно широкой исследовательской работе.

Результатом разработки П. Г. Софиновым лекционного курса явился выпущенный ГАУ СССР в 1957 г. краткий очерк «Из истории русской дореволюционной археографии». Эта небольшая, но насыщенная обильным фактическим материалом и написанная живым и ярким языком книжка служила в течение ряда лет учебным пособием для студентов. Таким образом, арсенал учебных пособий по археографии постепенно по-

⁵ «Программа курса археографии». ИАИ, Кафедра архивоведения. Стеклографир.-экз. М., 1946.

полнялся усилиями отдельных преподавателей. Правда, вышедшие в свет книги А. А. Шилова и П. Г. Софинова не охватывали всех вопросов программы археографии. Целые крупные разделы, и прежде всего история советской археографии, не были освещены⁶. Основным пособием для студентов продолжали оставаться лекции.

В конце 40-х годов руководство института взяло курс на создание собственного штата преподавателей-археографов из числа подготовленных через аспирантуру под руководством профессоров А. И. Андреева, И. Л. Маяковского, Л. В. Черепнина выпускников Историко-архивного института. Это решение было связано с ростом института, созданием и укреплением специальных кафедр по профилирующим дисциплинам. В 1946 г. произошло разделение кафедры архивоведения на две самостоятельные: кафедру теории и практики архивного дела, к ней была отнесена и археография, и кафедру истории и организации архивного дела.

В 1947 г. намечалось дальнейшее выделение самостоятельных кафедр, в том числе кафедры археографии⁷. 12 августа 1947 г. приказом № 1176 Министерства высшего образования была утверждена самостоятельная кафедра археографии. Однако реализация этого приказа была невозможна из-за отсутствия необходимых научно-педагогических кадров. В 1947 г. из института ушел основной лектор по археографии П. Г. Софинов.

Кафедре теории и практики архивного дела было поручено обеспечить подготовку преподавательских кадров по археографии из числа аспирантов. В 1951—1953 гг. защитили кандидатские диссертации по археографической тематике М. С. Селезнев, И. И. Корнева, Д. М. Эпштейн, Т. В. Батаева. Большая заслуга в повышении научной квалификации молодых преподавательских кадров принадлежала заведующему кафедрой И. Л. Маяковскому, который с большим вниманием, с тонким педагогическим тактом работал с каждым членом кафедры, не жалея сил и времени.

К началу 50-х годов археографию в институте преподавали И. И. Корнева, Д. М. Эпштейн, Е. М. Тальман, М. С. Селезнев, Т. В. Батаева и, несколько позднее, Л. И. Арапова. Названные преподаватели составили ядро будущей кафедры археографии и обеспечивали весь учебный процесс. Лекционный курс вместо П. Г. Софинова в 1947 г. было поручено читать Д. М. Эпштейн. К проведению лабораторных занятий привлекались все члены кафедры — археографы, а также имевшие опыт публической работы члены других кафедр Н. В. Бржостовская, О. М. Медушевская, из ГАУ А. И. Логинова.

Трудности и недостатки в работе молодых преподавателей, в частности в чтении лекционного курса, обусловленные отсутствием должного опыта, были предметом постоянного внимания кафедры и лично И. Л. Маяковского. С целью обучения педагогическому мастерству он сам прочитал один раз курс истории археографии. Вопросы методики преподавания археографии обсуждались на заседаниях кафедры, на производственных собраниях со студентами. Все это способствовало повышению качества преподавания. Упорный коллективный труд археографов кафедры постепенно совершенствовал процесс преподавания и поднимал научную квалификацию преподавателей.

Со временем в коллективе археографов, обслуживавших все звенья учебного процесса, сложились определенное разделение труда и специализация. На дневном отделении лекционный курс читали Д. М. Эпштейн и

⁶ Книга С. Н. Валка «Советская археография» (М.—Л., 1948) по замыслу не носила характера учебного пособия. Она широко использовалась аспирантами.

⁷ Архив МГИИ, оп. 1, 1947 г., д. 382, лл. 11—12.

Е. М. Тальман; на вечернем отделении — Т. В. Батаева и Л. И. Арапова; на заочном факультете — И. И. Корнева. Специальные курсы читали М. С. Селезнев и другие преподаватели. Лабораторные занятия, производственную практику и другие виды работ вели все преподаватели-археографы.

В составе кафедры теории и практики архивного дела, которой с 1953 г. руководила К. И. Рудельсон, была создана специальная методическая комиссия по археографии под председательством Д. М. Эпштейн. Комиссия занималась переработкой текстов программ, разработкой тематических календарных планов лекций и лабораторных занятий, подготовкой методических указаний и учебных материалов для проведения лабораторных занятий. Все эти материалы утверждались на заседаниях кафедры. Так постепенно в составе кафедры теории и практики архивного дела созрели условия для отпочкования кафедры археографии.

В 1957 г. по инициативе и под руководством М. С. Селезнева была создана кафедра археографии⁸. В центре внимания кафедры, как и прежде, находился лекционный курс. Постановка курса, его углубление и расширение на протяжении всей истории института нашли отражение в программах курса «Археография», которые периодически пересматривались и совершенствовались⁹. Пересмотру и уточнению подвергалась периодизация истории археографии, соотношение отдельных частей и др. Если в 1948 г. при обсуждении проекта программы на Ученом совете МГИАИ¹⁰ стоял вопрос о соотношении частей курса, об объеме исторической части, так как некоторые ученые считали, что историческая часть курса должна носить лишь характер введения, то в последующие годы работа шла по линии изучения и показа того, как зародились и развивались методы публикаторской деятельности в стране.

Существенные изменения введены в программу 1961 г. В разделе по истории дореволюционной археографии впервые были включены параграфы о публикации документов в революционно-демократической печати 50—60-х годов XIX в. Расширен раздел истории советской археографии. Предусмотрено освещение особенностей методики публикации специальных видов документов (технических, кинодокументов). Программа 1961 г. была самой широкой по количеству предусмотренных учебных часов: лекций — 80 и лабораторных занятий — 112 часов. По этой программе велось преподавание в течение 10 лет. Однако кафедра постоянно корректировала программу. В 1970 г. кафедра вновь переработала программу с учетом новейших достижений в теории и практике археографии и вновь вышедших «Правил издания исторических документов в СССР», в разработке которых члены кафедры принимали активное участие¹¹.

Кафедра неизменно развивает учебную дисциплину «Археография», исходя из задач советской исторической науки с учетом развития вспомогательных исторических дисциплин. Кафедра постоянно поддерживает связи с Институтом истории СССР АН СССР, Археографической комиссией, ГАУ СССР, центральными государственными архивами, ВНИИДАД и другими научными учреждениями.

⁸ «Десять лет работы кафедры археографии». — «Советские архивы», 1967, № 4, стр. 123—124.

⁹ «Программа курса археографии (Для МГИАИ) МВО СССР». М., 1948; Машинопис. экз.; «Программа курса „Археография“ (Для МГИАИ)» М., 1951; То же, М., 1954; 1957; 1961; 1970.

¹⁰ См. доклад Д. М. Эпштейн. — Архив МГИАИ, оп. 1, 1948 г., Ученый совет, д. 447, л. 5.

¹¹ Т. В. Батаевой подготовлена глава II, И. И. Корневой и Е. М. Тальман совместно с другими членами комиссии — главы III и IV, Д. М. Эпштейн — главы V† и IX «Правил издания исторических документов в СССР» (М., 1969).

Археографы института провели значительную работу по подготовке учебных пособий. Под руководством И. Л. Маяковского была подготовлена и в 1955 г. выпущена под редакцией проф. Г. Д. Костомарова «Хрестоматия по археографии»¹². В нее вошли важнейшие материалы, отражающие основные этапы разработки принципов и правил публикации документов в дореволюционный и советский периоды. «Методическое пособие по археографии» под редакцией М. С. Селезнева и Е. М. Тальман (1958 г.) помогло освободить лекционный курс от описательного материала, от деталей в приемах археографической работы и одновременно уделить больше внимания самостоятельной работе студентов (лабораторным, курсовым, дипломным).

В дальнейшем внимание кафедры было сосредоточено на подготовке учебных пособий по истории археографии. Вышли в свет под редакцией М. С. Селезнева два учебных пособия по истории археографии¹³. Это повлекло за собой дальнейшую перестройку лекционного курса — чтение лекций по проблемам. Помимо этого лекционные курсы по теории и методике археографии и по истории археографии стали читаться на стационаре самостоятельно разными лекторами (первый — М. С. Селезевым, второй — Д. М. Эпштейн), что позволило каждому лектору вести более углубленную разработку курса. Выход в свет учебных пособий способствовал улучшению преподавания археографии и самостоятельной работы всех студентов¹⁴, особенно на заочном факультете, где читаются лишь обзорные лекции. В 50—60-х годах членами кафедры были разработаны спецкурсы по актуальным темам советской археографии: «Документальные издания по истории Великой Октябрьской социалистической революции», «Публикации по истории рабочего контроля и национализации промышленности в СССР», «Публикации по истории рабочего класса в годы гражданской войны», «Археографическая деятельность Центрархива», «Археографическая деятельность ИМЛ при ЦК КПСС в годы после XX съезда КПСС» и др. В последнее время от основного курса отпочковались самостоятельные курсы: «Археография зарубежных стран» и «Археография научно-технических документов». Разработка названных курсов ведется новым пополнением кафедры кандидатами исторических наук Г. И. Королевым и В. А. Кондратьевым.

Большую роль в преподавании играют лабораторные занятия студентов. Организация лабораторных занятий на протяжении развития института претерпела существенные изменения и проводится сейчас по строго разработанному плану в специально созданной лаборатории. Создание в 40-х годах при кафедре теории и практики архивного дела учебной лаборатории¹⁵ потребовало от преподавателей и лаборантов больших усилий для создания необходимых учебных и наглядных пособий по археографии. Из документов, выявленных в архиве, были созданы подборки, имеющие не только учебное, но и большое воспитательное значение для студенчества.

Полученные на лабораторных занятиях навыки по методике публикации источников студенты закрепляют и расширяют в процессе производственной практики, которую они проходят в государственных архивах

¹² Отв. составители Е. М. Тальман и Д. М. Эпштейн. В составлении хрестоматии принимали участие кандидаты исторических наук Т. В. Ивницкая, И. И. Корнева, доц. М. С. Селезев, аспиранты Л. А. Гольденберг, В. А. Черных.

¹³ «История советской археографии». Учебное пособие под ред. М. С. Селезнева, вып. I—VI. М., 1966; И. И. Корнева, Е. М. Тальман, Д. М. Эпштейн. История археографии в дореволюционной России. Учебное пособие. М., 1969.

¹⁴ Правда, и ранее кафедра принимала меры для обеспечения заочников необходимыми пособиями. Для них стеклографическим путем размножались тексты лекций по основным темам истории советской археографии, специально написанные членами кафедры Т. В. Батаевой, И. И. Корневой, Е. М. Тальман, Д. М. Эпштейн.

¹⁵ ЦГА г. Москвы, ф. МГИАИ, оп. 1, 1949 г., Канцелярия, д. 506.

под руководством опытных и высококвалифицированных преподавателей архивов и преподавателей кафедры. Вновь переработанным учебным планом 1959 г. была предусмотрена 6-месячная производственная практика¹⁶. Два месяца в ней отводилось на археографию.

В процессе практики студенты непосредственно участвуют в производственной публикаторской работе, общаются с кадровыми научными работниками. Выполняя плановые задания архивов, студенты оказывают им посильную помощь. В многочисленных отчетах представителей архивов об итогах практики отмечается вклад студентов в выявление документов для подготавливаемых в печать сборников. Производственная практика оказывает благотворное воздействие на весь учебный процесс. Она помогает выявить промахи в преподавании, обогащает преподавателей знанием новых достижений практики, позволяет корректировать учебный процесс, помогает следить за тематикой публикаторской работы государственных архивов и в соответствии с ней выдвигать тематику курсовых и дипломных работ. Навыки самостоятельной исследовательской работы студенты получают на лабораторных занятиях, в спецсеминарах, в научном студенческом кружке при кафедре и, особенно, в процессе подготовки курсовых и дипломных работ.

Уже первым учебным планом 1931/1932 г. было предусмотрено написание дипломных работ. Выпускниками 1934/1935 учебного года в качестве дипломных работ были подготовлены публикации документов на тему: «Крестьянское движение в Московской губернии», «1905 год в Карелии» и др.¹⁷

За последние 20 лет по археографии студентами подготовлено и защищено более 500 дипломных работ. Из 119 студентов, защитивших дипломные работы по археографии в 1969 и 1970 гг., 43 получили отличные оценки, 64 — хорошие и 12 — удовлетворительные¹⁸. Профиль работ,готавливаемых на кафедре, достаточно разнообразен. Среди них имеются работы по истории и методике археографии, археографические анализы документальных изданий и собственно публикации, подготовленные студентами. Особое место занимают работы по анализу публикаций в органах периодической печати и составлению к ним систематических указателей. Дипломные работы являются определенным вкладом в научную и практическую деятельность государственных архивов, других научных учреждений и предприятий, с которыми связана их тематика. Такие архивы, как ЦГАОР СССР, ЦГАНХ, ЦГВИА, при подготовке сборников документов практически использовали документы, выявленные студентами. На основе работ студентов под руководством преподавателей кафедры подготовлены и вышли в свет документальные сборники: «Документы трудового энтузиазма» (М., 1960), «В кольце фронтов» (М., 1963), «Марш ударных бригад» (М., 1965). Работы студентов печатаются в «Трудах МГИАИ», исторических журналах, местной печати.

Некоторые дипломные работы используются преподавателями кафедры для учебного процесса. Работы студентов выдвигались кафедрой на конкурсы научных студенческих работ и на выставки, в том числе на ВДНХ. В 1969 г. 16 студенческих работ были отмечены грамотами на зональных смотрах, премиями на городских и республиканских конкурсах, удостоверениями ВДНХ. В 1970 г. из 32 работ, представленных на конкурс научных студенческих работ, посвященный столетию со дня рождения В. И. Ленина, медалями, дипломами, грамотами отмечены 22 работы.

Труд преподавателей Т. В. Батаевой, Е. М. Тальман, Д. М. Эпштейн по руководству студенческими работами был также отмечен соответ-

¹⁶ «Программа курса „Археология“. М., 1961, стр. 4.

¹⁷ Архив МГИАИ, оп. 1, 1935 г., Канцелярия, д. 55, л. 6.

¹⁸ Подсчет произведен по отчетным материалам кафедры археографии.

ствующими грамотами Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР и профсоюза.

За последние годы кафедрой было подготовлено несколько аспирантов, из которых успешно защитили диссертации под руководством М. С. Селезнева, Е. М. Тальман, Т. В. Батаевой шесть человек. В настоящее время кафедра имеет аспирантов лишь из числа прикрепленных. Подготовка новых педагогических кадров через аспирантуру является актуальной задачей кафедры.

Многие из выпускников института поддерживают связь с институтом, руководя производственной практикой студентов, участвуя в совместной разработке правил издания исторических документов и др. работе. За последние годы состав кафедры значительно обновился. Он пополнился уже преподавателями, имеющими большой опыт археографической работы и ученые степени. Улучшению учебных занятий должно способствовать и создание специальной археографической лаборатории, оснащенной необходимой учебной библиотечкой, постоянной выставкой и комплектом учебных и наглядных пособий. Важное значение будет иметь комплектование фонда микроплёнок документов и приобретение аппаратов для их чтения с целью проведения занятий по подготовке сборников микрофото документов. Не менее важно — выделение самостоятельного кабинета археографии и налаживание библиографирования работ по археографии, а также организация научной информации. Ближайшей задачей кафедры является подготовка нового учебного пособия по теории и методике публикации документов и издание основных лекционных курсов.

Д. С. Лихачев

Н. И. КОНРАД КАК РУКОВОДИТЕЛЬ СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»*

Вопреки укоренившимся представлениям, текстология — очень широкая наука, охватывающая проблемы самого разнообразного диапазона от специально технических до связанных с общими воззрениями на судьбы человечества и смысл мировой истории.

Существуют, условно говоря, микротекстология и макротекстология: текстология, занимающаяся проблемами истории текста и имеющая «выходы» в технические приемы эдиционной техники, и текстология, изучающая характер и типологию движения текстов в различные эпохи, типы изменения текстов в доличностные и личностные эпохи, и практически влияющая на общие принципы издания текстов различных исторических периодов, на выбор и отбор памятников для издания в собраниях сочинений и многотомных сериях.

Академик Николай Иосифович Конрад как ученый был как бы призван руководить серией, охватывающей памятники мировой литературы в самом широком из всех известных до сих пор масштабе. Он был «макротекстологом» — ученым, способным осуществлять отбор памятников и устанавливать принципы их издания в мировом охвате.

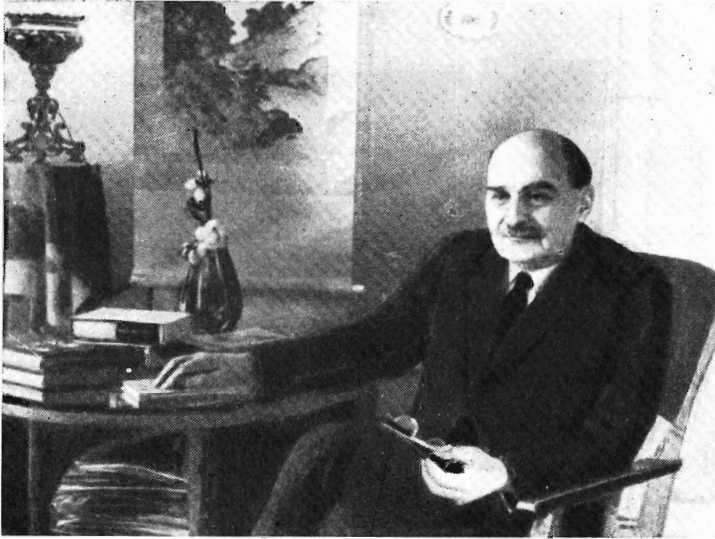
Этому способствовала не только его широчайшая образованность, позволяющая ему читать и знать в подлиннике, на их родном языке, памятники литератур — японские, корейские, китайские, английские, французские, немецкие и т. д., — но и его широкие исторические воззрения, в которых не было места для эпох и народов «любимых» и «нелюбимых», ценимых и произвольно сбрасываемых со счетов культурных ценностей человечества.

Н. И. Конрад считал, что творческое восприятие культурных ценностей мировой литературы возможно только через исторический подход к ним. Только исторический подход открывает их надисторические ценности, ценности, равно значимые для всех эпох и народов.

Отбору произведений для серии «Литературные памятники» послужило верную службу понимание Н. И. Конрадом общности культурно-исторического развития человечества, общности основных стадий и формаций в развитии народов: в первую очередь Античности, Средневековья и Возрождения. При этом Н. И. Конрад высоко оценивал не только Античность и Возрождение, но и Средневековье, что явилось принципиально важным положением его концепции общности мирового развития и культурной ценности всех эпох. «Марксистская историческая наука показывает, — писал Н. И. Конрад, — что переход от рабовладельческой

* 15.III 1971 г. состоялась сессия Научного совета по истории мировой культуры, посвященная 80-летию Н. И. Конрада (см. Т. Б. Князевская. Памяти Н. И. Конрада. — «Вестник АН СССР», 1971, № 8, стр. 126—129).

формации к феодализму в то историческое время имел глубоко прогрессивное значение. Это обстоятельство заставляет отнести к „средним векам“ иначе, чем относились к ним гуманисты. Отношение это было, как известно, отрицательным. Гуманисты видели в „средних веках“ время темноты и невежества, из которого, как им казалось, могло вывести человечество обращение к лучезарной „древности“. Мы не можем не видеть в наступлении „средних веков“ шаг вперед, а не назад. Парфенон, храмы Эллары и Аджанты — великие создания человеческого гения, но не менее великими созданиями человеческого гения являются Миланский собор, Альгамбра, храм Хорюдзи в Японии»¹.

Николай Иосифович Конрад

Н. И. Конрад придавал принципиально важное значение изданию памятников не поодиночке, а в серии, которая в своей основе должна охватывать памятники всех литератур. Обращаясь к смыслу отдельных исторических событий и отдельных культурных ценностей, Н. И. Конрад писал: «Можно ли понять все это, оставаясь в рамках истории одной какой-либо страны? ... Лишь всемирно-исторический аспект открывает природу исторических явлений во всей ее полноте и значении...»² И далее: «История человечества не какой-то безликий процесс; она очень конкретна и складывается из деятельности отдельных народов, имеющих каждый свое собственное лицо. Но в то же время как часто смысл исторических событий, составляющих, казалось бы, принадлежность только истории одного народа, в полной мере открывается лишь через общую историю человечества!»³

Настаивая на самом широком издании памятников всех литератур и всех исторических периодов, обладавших письменностью, Н. И. Конрад чувствовал себя представителем своей эпохи — эпохи, когда исторический процесс охватил собой весь земной шар, не оставляя белых пятен, и когда

¹ «„Средние века“ в исторической науке» — Н. И. Конрад. Запад и Восток. М., 1966, стр. 97.

² «О смысле истории». — Н. И. Конрад. Запад и Восток. М., 1966, стр. 474.

³ Там же, стр. 476.

понятие культуры перестало исключать какие бы то ни было культуры отдельных народов, как якобы незначимые.

Н. И. Конрад писал: «Движение истории открывает нам процесс неуклонного расширения географической и этнографической арены исторической жизни: в нее включаются все новые и новые народы и страны»⁴.

Нарисовав пространственное развитие истории и истории человеческой культуры, Н. И. Конрад утверждает: «Обрисованная картина наглядно свидетельствует, что исторический процесс имеет географическую направленность: с самого первого момента, который мы в состоянии установить, идет распространение исторической жизни на все расширяющееся пространство, пока наконец в общую историю не входят все части земного шара, где возможна человеческая жизнь. Столь же несомненно расширение масштаба и в этническом аспекте: на арену истории вступают все новые и новые части человечества»⁵.

Радуюсь возможности издать памятник, еще не представленный в серии страны или народа, Н. И. Конрад чувствовал себя как бы участвующим в процессе этого расширения культурного мира до всего пространства земного шара. В этом он как бы считал миссию серии, хотя бы и в незначительной степени, но все же участвующей в общем, направленном движении истории мировой культуры.

Отмечая различие между серией «Литературные памятники» и предшествующей — «Всемирной литературой» 20-х годов нынешнего столетия, Н. И. Конрад обращал внимание на значительное изменение понятия «классики» и на расширение состава мировых классиков за последние годы.

В своем предисловии к брошюре «Литературные памятники. Итоги и перспективы» Н. И. Конрад отмечал, что то, что считалось «классическим», — различно в различные эпохи. Под классическими понимались те памятники, которые стали «общим достоянием человечества», но это «общее достояние» по-разному понималось в отдельных культурных ареалах. У Европы был свой набор классиков. Свой состав классиков был у народов Среднего и Ближнего Востока, унаследовавших культуру индо-иранскую, арабскую и тюркскую. Свои классики были у народов Восточной Азии. Н. И. Конрад указывал, что в настоящее время наши представления об «общем достоянии человечества» охватывают весь земной шар. При этом нельзя навязывать свои представления, вкусы и оценки всем народам. Народы равноправны и равноценны. Каждый памятник должен оцениваться со своей точки зрения, изнутри представлений своего народа, своей эпохи и на основании принадлежащих им же критериев⁶.

Казалось бы, такой подход грозил опасностью релятивизма, но на самом деле это был единственно возможный и марксистски правильный исторический подход. В этом историческом подходе определилось и нечто всеобщее: общечеловеческие ценности, ценности, общие для всех эпох.

В определении того, что признавать классикой или литературой, в оценке произведений Н. И. Конрад предлагал придерживаться строго исторического принципа. Значительная часть его предисловия к брошюре, представляющей читателю итоги и перспективы серии «Литературные памятники», посвящена подробному объяснению именно этого исторического принципа в оценке, отборе и издании памятников мировой литературы. Н. И. Конрад призывает к необходимости гибкого подхода

⁴ «О смысле истории». — Н. И. Конрад. Запад и Восток, стр. 478.

⁵ Там же, стр. 487.

⁶ «От редколлегии». — «Литературные памятники. Итоги и перспективы серии». М., 1967, стр. 5.

к определению того, что признавать классическим произведением, и к необходимости учета мнений и оценок современников памятников, их представлений, всей созданной ими системы литературы своего времени.

Каждый литературный памятник для Н. И. Конрада — представитель своей эпохи, своего народа. Памятник окружен людьми: его создателями и читателями. Он сотворен людьми и для людей, он показатель автора, народа, эпохи. И эти люди представляют не меньший интерес, чем сам памятник. Памятник тем и значителен, что он раскрывает человека.

В конечном счете все памятники представляют собой все человечество, его тесные связи между собой, общность народов, общность эпох, неразделенность мира в его наивысших ценностях.

Воззрения Н. И. Конрада на задачи и характер серии «Литературные памятники» не были застывшими, раз навсегда установившимися, они росли и развивались вместе с ростом и совершенствованием самой серии.

Отводя особую роль историко-литературному аспекту издания памятников, Н. И. Конрад придавал значение и узко текстологическому: истории текста произведения. Правда, первоначально он ограничивал этот аспект по преимуществу памятниками известными, нуждавшимися в обновлении их восприятия. Он показывал это на примере «Тараса Бульбы» и «Капитанской дочки». Н. И. Конрад писал: «... Главное в нашем издании „Тараса Бульбы“ — сопоставление двух авторских редакций — ранней, с которой Гоголь начал свою работу над этим сюжетом, и окончательной, к которой он пришел»⁷. Далее он отмечал: «Все это имеет одну цель: сделать восприятие читателем этого замечательного произведения русской литературы XIX в. максимально полным, глубоким и историческим»⁸. Это положение Н. И. Конрада совершенно правильно: современный читатель должен знать не только классические произведения в их окончательной форме, но и тот творческий процесс, которым эти произведения создавались. Интеллигентный читатель интересуется теперь не только тем, что создано, но и как создано. Знание личности автора, его биографии, его творчества, самого процесса создания того или иного произведения освещают это произведение, углубляют его понимание. Современному интеллигентному читателю это знание совершенно необходимо. Интеллигентный читатель не может ограничиваться знакомством с одним окончательным видом классического произведения. Историю произведения восстанавливает текстолог. Насколько важно текстологическое раскрытие произведения, показывают такие издания серии «Литературные памятники», как издание «Воскресения» и «Анны Карениной», «Преступления и наказания» и памятников древнерусской литературы. За последнее время эта сторона изданий становилась все более и более необходимой даже при издании переводных произведений; при этом не только обращалось внимание на «творческую историю» иностранных произведений, но и на творческую историю их классических переводов на русский язык. Н. И. Конрад придавал этой стороне издания все большее и большее значение.

Н. И. Конрад скромно полагал, что серия «Литературные памятники» «может в какой-то степени показать материальную основу» предпринятого Институтом мировой литературы АН СССР многотомного издания «Истории мировой литературы»⁹. Однако практика показала, что руководимая им серия не только «обогнала» «Историю мировой литературы», но и дает самостоятельное отношение к сохранившимся памятникам, самостоятельную концепцию развития мировой литературы и ее ценностей. Отбор памятников в серии, статьи и комментарии, которые она дает, — шире тех

⁷ Там же, стр. 23.

⁸ Там же.

⁹ Там же, стр. 7.

задач, которые ставит себе «История мировой литературы». Серия подчеркивает не только историческое значение памятников, но в гораздо большем масштабе, чем это возможно в каких бы то ни было историях литературы, их «вечное» значение, их значение для нашего времени и их общегуманитарные ценности.

Серия — это не хрестоматия, хотя бы и самая грандиозная, а живое и действительно «материальное» воплощение мирового литературного процесса, учащее современного читателя уважению ко всем народам и ко всем эпохам, к их ценностям, сохраняющим свое значение и для нас.

Благодаря своему размаху, охватившему более тридцати веков человеческой культуры и все народы (если не все в осуществлении, то, во всяком случае, в мысленных целях редакции), серия учит ценить все то, что создано людьми, не замыкаться в достижениях одной только своей эпохи и своей страны, и демонстрирует нам величественное «шествие народов» (выражение Н. И. Конрада), несущих знамена своей культуры — свои лучшие литературные произведения.

Глубоко исторический подход к памятникам мировой литературы и, одновременно, философский взгляд на эти памятники с точки зрения судеб и смысла всего человечества — наиболее характерные и ценные черты Н. И. Конрада как руководителя серии «Литературные памятники».

Н. М. Дружинин

БОЛЬШЕ ТВОРЧЕСТВА И САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ*

Дорогие товарищи, юные мои коллеги! Я с удовольствием принял приглашение встретиться с вами и ответить на некоторые вопросы, связанные с опытом моей работы в архивах, с документальными историческими источниками.

Позвольте прежде всего сказать, что с Московским историко-архивным институтом меня связывает давняя и добрая дружба. Я всегда с радостью отмечал, что в стенах института воспитывается бережное отношение к документальным материалам как к вещественным памятникам прошлого и настоящего. Отрадно, что продолжается традиция приобщения молодежи к исследовательской работе через научные студенческие кружки, в том числе по проблемам археологии и источниковедения.

Моя работа с документальными источниками началась в своеобразной обстановке. Это произошло в бурном 1905 г. В то время за участие в революционном движении я был исключен из Московского университета и выслан в Саратов, где продолжал работу по заданию местного комитета РСДРП.

Вооруженного восстания в Саратове, к сожалению, не удалось организовать. Но известия о том, что происходило в Москве, доходили и до нас, правда, не всегда ясно и точно. И когда Декабрьское вооруженное восстание было подавлено, Саратовский комитет дал мне, как москвичу, партийное поручение — отправиться в Москву и постараться связаться с местными организациями (тогда в Москве существовали МК большевиков и Московская группа меньшевиков), достать в большевистском комитете документы, которые могли бы дать ясное представление о предпосылках и ходе восстания, а также узнать о том, как реагировали рабочие массы на это событие и какие последствия вытекали из этого. Мне дан был мандат с печатью Саратовского комитета, где говорилось о целях предпринимаемой поездки.

В Москву я приехал, когда город находился на военном положении, но это не помешало мне добраться до Румянцевской библиотеки (те-

* По просьбе студентов Московского государственного историко-архивного института академик Н. М. Дружинин 28 октября 1970 г. пришел на совместное заседание научных студенческих кружков по археологии и источниковедению истории СССР, проходившее под председательством ректора МГИИ проф. С. И. Мурашова. Ученый ответил на интересующие членов кружков вопросы: когда и как началась его работа с документальными источниками, какую роль играют эти источники в научных исследованиях, какие пожелания мог бы сделать академик начинающим молодым историкам-архивистам и над чем он сейчас работает?

Выступление Н. М. Дружинина было выслушано с большим вниманием обширной аудиторией студентов и преподавателей института.

Сокращенная стенограмма выступления подготовлена к печати В. А. Кондратьевым.

перь — Государственная библиотека имени В. И. Ленина) и получить партийную явку. Явившись в тот же день на условленную квартиру, я встретился с товарищем из МК. Он внимательно ознакомился с моим мандатом, потом с изумлением посмотрел на меня и сказал:

— Послушайте, у вас в Саратове совсем не соблюдают правил конспирации. Ведь в Москве идут повальные обыски, если бы нашли такой документ, вас расстреляли бы на месте.

Товарищ пообещал собрать для меня просимые материалы, оговорившись при этом, что сейчас Комитет не имеет еще всего того, что позволило бы выяснить с достаточной полнотой ход недавних событий. Мне был назначен срок, кажется, дня через два или три, и когда я снова пришел на эту квартиру, мне вручили пачку документов. То были, как оказалось, карандашные записки, присланные с баррикад с сообщениями о боевых действиях. Эти уникальные донесения были дополнены потом устными рассказами партийных товарищей — участников восстания, а также газетными сообщениями. Обобщив имеющиеся фактические данные, я смог вскоре составить доклад, чтобы представить его Саратовскому комитету.

Вы понимаете, конечно, что в то время я, двадцатилетний студент, да еще бывший, не мог чувствовать себя исследователем. И все же мой доклад практически стал едва ли не первым опытом исторического освещения важнейшего события по самым свежим его следам.

Рукописный текст доклада я представил Саратовскому комитету, где его внимательно прочитали, а затем вынужден был покинуть Саратов, поскольку на квартире, которую я снимал, в мое отсутствие был обыск и местная полиция имела приказ на арест «поднадзорного Николая Михайлова Дружинина». Много лет спустя мои коллеги по Институту истории сообщили мне о документе Департамента полиции, выявленном в фондах полицейских органов, который предписывал разыскать меня и указывал мои внешние приметы¹.

Следует добавить, что предоставленные мне материалы о восстании, наряду с другими, были позднее опубликованы в книге под редакцией Кохманского.

Впоследствии я вернулся к исследованию документальных источников уже в иной обстановке, в качестве студента Юридического факультета (экономического отделения) Московского университета. Меня интересовал тогда рабочий вопрос — система врачебной помощи фабричным рабочим, положение детей и женщин на фабриках царской России. Чтобы найти соответствующие источники, я отправился в Социальный музей имени А. В. Погожева. Музей, существовавший при Московском университете, располагался в небольшом здании на Страстном бульваре, там же, где помещалась и редакция реакционнейшей тогда газеты «Московские ведомости». В музее хранилась богатейшая коллекция рукописей и печатных изданий, собранная одним из фабричных инспекторов первого призыва — А. В. Погожевым, человеком радикальных демократических взглядов, много внимания уделявшим собиранию разнообразных материалов о положении рабочего класса России и обработавшим данные первой Всероссийской переписи населения 1897 г.; он был также прекрасным архивистом, и беседы с ним мне очень многое дали. В результате работы в музее я написал дипломное сочинение, которое было озаглавлено мною «Охрана женского и детского труда в фабричной промышленности России» и которое сыграло известную роль в моем формировании как историка.

Несмотря на изучение довольно широкого круга рукописных и печатных документов, я, надо признаться, не понимал еще всего значения

¹ «Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России». М., 1961, стр. 423.

исторических источников и того различия, которое имеется между историческим источником и исторической литературой. Впервые это понимание пришло ко мне на университетских занятиях большого мастера исторического анализа, превосходного педагога и руководителя семинаров Михаила Михайловича Богословского. В своих маленьких воспоминаниях² я писал об этих занятиях — о том, в какой степени они развивали самостоятельность каждого студента, насколько они помогли выработке навыков исследования, как сам руководитель своим осторожным и тактичным воздействием возбуждал самостоятельность мысли и насколько своими оценками он повышал значение творческого подхода к историческому источнику. В ходе занятий под руководством М. М. Богословского зародились, а затем и осуществились мои исследования о декабристах и прежде всего о конституции Никиты Муравьева. Занятия у М. М. Богословского запали в мою память на всю жизнь, и я с полным основанием могу сегодня сказать, что семинарские занятия, если в основу их кладутся исторические источники, служат основной школой воспитания у студенчества методики будущего исследователя.

В нашем институте, как мне известно, семинарским занятиям тоже уделяется значительное внимание, и это, разумеется, вполне правильно, тем более что историк-архивист, специалист по документоведению, является исследователем широкого профиля. От его подготовленности, от его действий подчас зависят не только использование, но и судьба самого исторического источника — будь то рукопись раннего времени или новейший документ на основе личных воспоминаний.

Наибольшее количество исторических источников, как известно, содержится в архивах: партийных, государственных, рукописных отделах музеев, библиотек и т. д. В нашей стране в соответствии с ленинским декретом от 1 июня 1918 г. создана стройная сеть архивов, бесценные богатства которых целиком поставлены на службу советскому народу, нашей исторической науке. Я счастлив, что мне пришлось немало поработать в архивах, принять посильное участие в разборке и описании ряда интереснейших архивных материалов.

Впервые архивной работой я занялся в начале 1919 г., когда меня, демобилизованного из армии и только что вернувшегося в Москву, приняли на должность архивариуса в бывший архив Министерства иностранных дел³. Наступил новый этап, если можно так выразиться, в моем росте как исследователя. Разбирая россыпи документов, написанных уставом, полууставом и скорописью, я открывал для себя страницы богатой многовековой истории России, все более чувствовал, что такое исторический источник, как следует его изучать, продумывать, комментировать, критически оценивать его содержание и внешнюю форму.

Соприкосновение с архивными источниками всегда производило на меня сильное впечатление. До сих пор помню то чувство, которое я испытал, когда наш руководитель, отличный знаток отечественной истории и архивных фондов Сергей Константинович Богоявленский со связкой ключей в руках открыл заветные двери так называемого Древлехранилища, ввел нас туда и стал показывать замечательные богатства этого отдела — различные древние рукописи с прекрасными миниатюрами и заставками. Такого собрания ценностей мне уже больше не приходилось видеть. Эта своеобразная демонстрация оказала сильнейшее воздействие на повышение моего исследовательского интереса к историческим памятникам прошлого.

² Имеется в виду книга: Н. М. Дружинин. Воспоминания и мысли историка. М., 1967, 114 стр.

³ Более подробно о работе Н. М. Дружинина в архивах см. в его интервью «Об архивах и архивистах», опубликованном в журнале «Советские архивы», 1966, № 1, стр. 25—30.

В течение нескольких месяцев мне и моим товарищам по работе приходилось разбирать содержимое больших деревянных ящиков, привезенных в Москву из архивов Петрограда. Из них извлекались дела и дневники с золотыми вензелями Александра I, Николая I, Николая II, рукописи из коллекций Зимнего дворца, Мраморного дворца и др.; мы знакомились с этими материалами, разбирали их, систематизировали по фондам. Эта работа была текущей, будничной, довольно утомительной, без какого-либо определенного исследовательского плана. И все же изо дня в день во мне развивалось чувство исторического источника, росла жажда познания документов, а через них — и событий минувшей жизни.

Обдумывая планы своей дальнейшей исследовательской работы, я остановился на теме — движение декабристов. Этому способствовали и 100-летний юбилей восстания, который широко отмечался в 1925 г., и прежние школьные интересы, и занятия в университетском семинарии, и работа над популярной брошюрой «Кто были декабристы и за что они боролись?», вышедшей из печати в канун юбилея и выдержавшей два издания. Я узнал также, что в Москву поступили материалы Муравьевых и Бибиковых, оставленные в Ростове-на-Дону потомками декабристов, бежавшими за границу с последними отрядами разбитого генерала Врангеля. Меня неудержимо влекло к этим материалам, которые, как я установил, еще никем не изучались.

Так я стал постоянным посетителем Центрального Архива Октябрьской революции, где хранились следственные дела декабристов и куда были сданы интересующие меня материалы Муравьевых и Бибиковых. В архив я приходил каждый вечер, после основной работы в Музее Революции, и окунался в содержание исторических документов. К сожалению, дела мне давали без описи, по частям, в разрозненном виде. В основном это была переписка дочери Никиты Муравьева, Софьи Никитичны, с ее мужем, письма говорили об интимных отношениях, о поцелуях ручек и ножек и никакого отношения к конституции Муравьева, к Северному обществу не имели. Настроение у меня падало. Наконец я взмолился: покажите опись, хотя бы на день. В то время, надо сказать, описи выдавались довольно редко — влияли напряжение классовой борьбы, неупорядоченность архивов, недостаток соответствующих кадров и т. д. Но вот опись у меня в руках, я поспешно выписал все дела, которые могли представить для меня интерес, а затем в течение года исследовал фонд дело за делом, страницу за страницей. Позднее, уже много лет спустя, когда архив переехал на Девичье поле, как тогда говорили (ныне Большая Пироговская, д. 17), я снова обратился к тем же фондам, и они были мне предоставлены совершенно свободно и в полном своем составе. Архивные изыскания по избранной теме были закончены в начале 1929 г., а вскоре состоялась публичная защита моей диссертации.

Как историка, специализировавшегося по XIX в., меня все больше привлекали документальные материалы, которые концентрировались в исторических архивах Ленинграда. Там тоже хранились некоторые материалы о декабристах, а главное, имелись фонды по истории государственных крестьян в России — по теме, которую я решил избрать в качестве монографического исследования. Приехав в Ленинград, я несколько месяцев затратил на то, чтобы просмотреть необходимые описи и выписать на карточки все дела, которые могли быть полезными для осуществления моей цели. Образовалась обширная картотека, помогающая мне и теперь, я ей очень дорожу, как ключом, который открывает дорогу для разрешения научных вопросов.

Занятия в ленинградском архиве мне всегда доставляли большое творческое удовлетворение. Лишь один раз, помню, я получил отказ на выдачу материалов с мотивировкой, что требуемая опись является секретной. Правда, потом выяснилось, что эта опись была засекречена еще

в первой половине XIX в. и хранилась с таким грифом сверххорож-ными архивистами до недавнего времени, хотя ничего секретного в ней сейчас, разумеется, нет.

Потом, на протяжении ряда лет, я с большим интересом работал вместе с публикаторами этого архива по подготовке многотомной серии сборников о крестьянском движении в России в XIX в. Мне как редактору этого издания пришлось разработать детальный план каждого тома серии, выяснить принципы построения серии, критерии выявления и отбора документов для печати и т. д. Трудолюбивый, сплоченный коллектив составителей — Э. С. Паина, З. В. Кушкова, Н. А. Мальцева и др. — развернул широкое выявление архивных первоисточников, обследовав с этой целью более 50 различных фондов и обеспечив тем самым огромный фактический массив разнообразной документации, освещавшей тему издания за целое столетие. Прделанная ленинградскими товарищами работа является заметным вкладом в нашу советскую археографию, а материалы, опубликованные в вышедших томах, дали важную источниковедческую базу для исследования роста классовой борьбы в деревне в предреформенный период, во время реформы 1861 года и после нее⁴.

Сейчас, разрабатывая историю русской пореформенной деревни, я с особым вниманием работаю над отчетами губернаторов о тогдашнем административном и хозяйственном положении губерний. Эти источники богаты сведениями, непосредственно относящимися к крестьянской жизни. Здесь, в частности, фиксировались численность и удельный вес крестьян по отдельным категориям, т. е. бывших помещичьих и удельных, а также государственных, — давалась характеристика местного хозяйства — по хлебопашеству, скотоводству, промыслам и т. д. Все эти данные выписывались под моим руководством на отдельные листки-карточки, а затем анализировались мною и сравнивались со сведениями печатных источников.

Для полноты исторической картины требовалось установить данные о почве и климате каждой губернии, знать характер фабрично-заводского производства, состояние торговли, транспорта, продовольственного дела и т. п. Эти данные извлекались как из губернских отчетов, так и из других источников. Важно представлять себе личность автора отчета, его взгляды и действия, поскольку это необходимо для критической оценки подбора и осмысления собранных фактов.

Подобными же приемами исследовались и другие виды исторических источников. При этом я стараюсь иметь под рукой максимально возможный комплекс документального материала, иначе нельзя будет подготовить систематизированные показатели о всех особенностях местной истории, а следовательно, о динамике общего исторического процесса.

Хочу обратить ваше внимание еще на то, как важно правильно определить и осуществить систему группировки выявленного фактического материала. Продуманное распределение выписок и копий документов в соответствии с планом исследования позволяет лучше понять имеющиеся факты, уточнить взаимную связь явлений, установить этапы последующей работы.

В исследовательской работе с документами я всегда старался охватить как можно больше архивных фондов и печатных источников по избранной теме. К сожалению, розыск документов — очень трудоемкое дело. Но надо все время стремиться к тому, чтобы справиться с этой задачей; здесь должны помочь знание путеводителей по архивам, описания рукописных собраний и печатных коллекций, справочники по исторической

⁴ В дополнение к сказанному см.: *Н. М. Дружинин. Крестьянское движение 1857—1861 гг. по документам центральных исторических архивов СССР.* — «Вопросы архивоведения», 1961, № 1, стр. 17—26.

библиографии; полезны беседы и консультации с архивистами, с исследователями старшего поколения.

Архивисты, с которыми мне довелось встречаться и вместе решать творческие вопросы, всегда были энтузиастами своей нелегкой работы. Они квалифицированно разбирались в сложнейших источниковедческих проблемах, и их советами я всегда дорожил и дорожу. Дружеские отношения со многими архивистами продолжаются у меня и поныне. Мне приходилось выступать с докладами перед моими коллегами из архивов, давать отзывы на их диссертации, документальные сборники и т. д. Меня очень тронула присылка недавно большой партии копий документов, в которых я так нуждался, из ЦГИА СССР. Пользуюсь случаем, чтобы еще раз поблагодарить моих ленинградских товарищей.

В поисках необходимых для исследования исторических источников я занимался также в ряде других государственных архивов: Центральном военно-историческом архиве, Центральном архиве древних актов, в Московском областном историческом архиве, в архиве Курской области, выписывал копии документов из Сызранского архива.

Чрезвычайно богатым и разнообразным представляется ЦГВИА, но я знаю этот архив меньше — здесь я работал во время Великой Отечественной войны, исследуя источники о Крымской войне 1853—1856 гг., о героизме русских солдат и матросов при защите Севастополя, о причинах поражения русского царизма в этой войне. В ЦГВИА, как и в других архивах, я встретил большую готовность его работников вооружить исследователя необходимыми историческими источниками, принять активное участие в разработке актуальных проблем отечественной военной истории.

Из областных архивов я лучше знаком с МОГИА, в котором мне пришлось много поработать в связи с подготовкой ряда глав для многотомной «Истории Москвы». В то время фонды архива были рассредоточены по нескольким зданиям, в основном по старым церквям, расположенным в разных концах города. Естественно, такое хранение материалов затрудняло доставку нужных дел, их изучение. Но все же результаты работы были хорошими, и в книги о Москве вошли ценные фактические данные, неизвестные ранее. Выявленные по этим фондам исторические источники позволили сотрудникам института раскрыть конкретную картину развития нашего великого города в XVIII—XIX вв., роста капиталистических отношений, формирования рабочего класса, выявить выдающуюся роль Москвы в экономической, политической и культурной жизни России.

Совсем недавно мне довелось снова побывать в МОГИА — теперь он занимает прекрасное новое здание на юго-западе столицы, в котором созданы все условия для сохранности документальных материалов. В МОГИА я попросил разрешить О. В. Свенцицкой изучить документы о деятельности одной из первых в Советской республике сельскохозяйственных коммун, которую возглавлял коммунист-интернационалист Фриц Платтен — тот самый, который сыграл большую роль при возвращении В. И. Ленина из-за границы в Петроград в апреле 1917 г. и был его верным соратником. Архивные материалы были получены очень быстро, в аккуратно оформленном виде, с хорошим научно-справочным аппаратом. На основе этих и сызранских материалов в одном из исторических журналов была напечатана написанная под моим руководством статья О. В. Свенцицкой, подготовлявшей подробную биографию Ф. Платтена⁵.

С чувством благодарности вспоминаю я занятия в рукописных отделах Государственного исторического музея и Государственной библиотеки имени В. И. Ленина. В эти хранилища я хожу с начала 20-х годов и

⁵ См. О. В. Свенцицкая. Швейцарские коммуны на Родине В. И. Ленина. — «История СССР», 1970, № 2, стр. 126—136.

с каждым приходом все больше убеждаюсь, как четко и внимательно организована здесь работа с исследователем; особенно радует детальная картотека хранящихся здесь исторических источников.

В 20-х годах мне пришлось исследовать маленький, но очень ценный фамильный архив — документальный осколок крепостнической, усадебной эпохи. Я говорю об архиве Голицыных, который сохранялся тогда в Никольском-Урюпине, недалеко от Москвы, почти рядом со знаменитым Архангельским, проданным Юсупову. Я приезжал туда поутру, усаживался на террасе старинной усадьбы, и мне показывали уникальные межевые документы, планы, чертежи, хозяйственные отчеты, воссоздававшие историю давно прошедшей эпохи. Этот маленький архив дал мне как исследователю очень многое. Жаль, что сейчас я потерял следы этого фонда.

Можно было бы рассказать и о работе в других архивах, но время нашей сегодняшней встречи ограничено, поэтому хочется отметить главное. Много воды утекло со времени первых шагов социалистического архивного дела. Давно уже собраны в одно место прежде разрозненные фонды, например, Межевой архив и ему подобные, выстроены новые современные здания архивохранилищ, в архивах трудятся новые, хорошо подготовленные кадры специалистов, повсюду созданы благоприятные условия для научно-исследовательской работы, в том числе и для студенческой молодежи, решившей посвятить себя благородному делу воссоздания правды истории.

Теперь позвольте, товарищи, перейти к третьему вопросу. Первое, о чем бы я хотел сказать, — как работать начинающему исследователю? Отвечу так: работать самостоятельно! Этим я не желаю умалить значение педагога, научного руководителя; нет, без педагога, без направляющей руки подготовленного историка-исследователя невозможно двигаться вперед. Но, поймите, лучшего пути для научного роста, чем самостоятельная работа, я себе не мыслю. Вот почему я всегда придавал очень большое значение кружковым и семинарским занятиям; роль последних, может быть, выше даже ряда лекций, которые часто воспринимаются и конспектируются механически, без творческого восприятия читаемого материала. Вот почему я ратую также за самостоятельные студенческие доклады, за курсовые работы и дипломные сочинения, в которых наиболее полно проявляется творческий характер начинающего исследователя.

Крайне важно правильно работать с книгой, с литературой. Для чтения литературы я всегда заводил тетрадки. Во время чтения книги или статьи я или критиковал прочитанное, или задавал вопросы, или подкреплял своими мыслями то, о чем писал автор. Такой метод усвоения печатных источников является, по-моему, самой ранней, зачаточной формой исследовательской работы, первым пробуждением самостоятельного суждения.

Предположим, вы выбрали тему семинарского доклада, возможно, вам предложили тему — последнее, как правило, всегда бывает оправданным. Прежде всего следует составить список необходимой литературы, изучить наиболее важные исследования и установить местонахождение исторических источников по теме доклада. Мне представляется, что выдачи студенту готовых списков литературы и источников, по возможности, нужно избегать — пусть все это выполнит он сам, ему следует только помочь остановиться на важнейших источниках, подсказать, что читать и в каком порядке, на что обратить главное внимание.

Я звал студентов, которые во время занятий то и дело обращаются к руководителю: «Что мне делать дальше? Все ли читать или что-нибудь можно пропустить?» и т. д. Из таких студентов вряд ли выйдут специалисты, не говоря уже о творческих работниках — исследователях. Нужно во что бы то ни стало добиться, чтобы студент превращался в мысля-

щего, пытливого, интересующегося предметом своих занятий человека. Задача эта довольно сложная, но ее выполнение окупит все заботы и труды.

Самостоятельность в работе с историческими источниками должна пробуждаться еще на первых курсах, особенно такого единственного в своем роде вуза, каковым является МГИАИ, и завершаться вполне заметными результатами при написании дипломного сочинения. Этим путем и идет учебная работа с будущими историками-архивистами, и немалую роль при этом играют ваши научные студенческие кружки, научные студенческие конференции, смотры лучших студенческих работ. Мне недавно подарили два сборника МГИАИ, целиком составленные из студенческих докладов и сообщений участников кружка источниковедения истории СССР. Это очень ценный для меня подарок, в нем я нашел много примеров самостоятельного творческого труда целого отряда будущих выпускников института⁶.

Говоря о ваших студенческих кружках, я вспоминаю такой случай. Как-то, работая в ЦГИАЛ, я листал очередное архивное дело. Рядом, за служебным столиком, сидела молодая сотрудница архива, навела, видимо, справку или выявляла документы для сборника. Наступила минута отдыха, я отдышал, и соседка тоже. Я поинтересовался:

— Давно работаете здесь?

— Уже несколько лет.

— Где Вы учились? Нравится ли Вам работа?

— Окончила Московский государственный историко-архивный институт, работа интересная, каждый день узнаешь что-нибудь новое.

— Скажите, пожалуйста, что же Вам дал вуз?

— Очень многое. Я занималась в студенческом кружке, которым руководил Николай Владимирович Устюгов, сейчас продолжаю разрабатывать тему, начатую еще в кружке. У нас в архиве несколько выпускников МГИАИ, все они с благодарностью вспоминают студенческие годы и тех, кто вооружил их необходимыми знаниями.

Потом мы перешли на научные проблемы, и я убедился, как широк кругозор моей собеседницы. Такие кадры, подумал я, должны быть в каждом архиве.

Итак, друзья, больше самостоятельности и творчества в повседневной научной работе, больше целеустремленности в достижении исследовательских задач. Успехов вам, товарищи! (*Бурные аплодисменты.*)

Все последние годы я занят подготовкой новой монографии, которая называется «Русская деревня на переломе». Основной замысел этого труда — показать влияние реформы 1861 г. на социально-экономическое развитие русского крестьянства в период так называемых «временнообязанных отношений». В ней анализируются документальные источники за период 1861—1881 гг. по всем русским губерниям Европейской России и Сибири, с охватом всех категорий крестьянства. Мне очень хочется довести это исследование до конца, но впереди еще — кропотливый и ежедневный труд.

Я принимаю посильное участие в написании некоторых коллективных исследовательских работ, в том числе и по проблемам отечественной истории XIX в.

А недавно я получил еще одно задание Института истории СССР Академии наук СССР. Оно заключается в следующем. В Германской Де-

⁶ См. «Материалы научной студенческой конференции [Московского государственного историко-архивного института]. Май 1970 г.», вып. I. «Источниковедение истории СССР»; вып. II. «Источниковедение историографии». М., 1970 (ротапринт); см. также А. А. Амосов. В Московском государственном историко-архивном институте (Деятельность научного студенческого кружка источниковедения истории СССР). — «Археографический ежегодник за 1970 год». М., 1971, стр. 398—399.

мократической Республике группа историков составляет пособие по истории нашей страны. Немецкие товарищи внимательно изучили историографию и справедливо заметили, что в нашей литературе по ряду вопросов имеются разногласия, например, в вопросах о периодизации и о генезисе капитализма в России. Вот мне и предстояло выступить с необходимыми разъяснениями.

Проблема генезиса капитализма в России относится к числу наиболее сложных. Важно, в частности, выяснить отличия генезиса капитализма в нашей стране по сравнению с генезисом капитализма в других странах. Эта проблема меня занимала давно, и вот я решил написать статью, в которой, опираясь на точку зрения В. И. Ленина о двух путях аграрно-капиталистического развития, — прусском и американском, — с использованием конкретного фактического материала, высказать свое понимание данной проблемы. Работа над статьей находится в самом разгаре, а что из этого получится, вы будете судить уже по напечатанному тексту⁷.

И еще одна работа, которая занимает меня в настоящее время. Года полтора тому назад в журнале «Вопросы истории» было опубликовано мое интервью по ряду вопросов редакции. Вопросы были разные и в том числе о коллективных научных трудах. Интервью вызвало отклики. Пришло письмо и из ГДР, от профессора Института германской истории Лейпцигского университета тов. Бензинга. Мой оппонент — в прошлом рабочий, который своей энергией, жаждой знаний и дарованиями добился признания в науке, — присоединился к большинству моих выводов, но в одном вопросе он был не согласен. У нас возникла дискуссия, мы обменялись письмами, причем состоялся полезный обмен мнениями, и наша переписка, по просьбе редакции одного из журналов, передана в печать. И с этими материалами вы можете, при желании, вскоре познакомиться⁸.

Должен сказать, что творческое обсуждение научных вопросов — очень полезная и активная форма совершенствования исследовательских работ. В обмене опытом научного исследования я вижу верный путь дальнейшего развития советской исторической науки. На этом разрешите мне закончить. (*Бурные аплодисменты.*)

⁷ Текст статьи готовится к печати в ГДР.

⁸ См. обмен мнениями между академиком Н. М. Дружининым и профессором М. Бензингом в журнале «Новая и новейшая история», 1971, № 1, стр. 129—139.

Э. С. Паина

Н. М. ДРУЖИНИН-АРХЕОГРАФ

В многообразной научной деятельности одного из крупнейших историков нашего времени академика Николая Михайловича Дружинина большое место занимают вопросы археографии и источниковедения. Это исследователь и сам отмечал в своей книге «Воспоминания и мысли историка».

Как известно, основные проблемы, которым уделял наибольшее внимание Н. М. Дружинин в своих исследованиях, — история общественного движения первой четверти XIX в. и социально-экономическая история русской деревни XIX в. Для Н. М. Дружинина археографическая работа неотделима от источниковедческих исследований.

Научные занятия Н. М. Дружинина в 20-х—начале 30-х годов были посвящены преимущественно изучению деятельности Северного общества декабристов, в первую очередь представителя умеренного крыла — Никиты Муравьева. Ученый подробно исследует происхождение и развитие всех вариантов его «Конституции». При этом Н. М. Дружинин производит сличение текстов по пунктам с применением разнообразных методов анализа документа — путем сопоставления содержания текстов, синтаксиса, орфографии, помет различных читателей на полях «Конституции» (карандашом, чернилами, кто предполагается автор, у каких пунктов «Конституции» они, пометы, сделаны)¹.

Работая над историей вариантов «Конституции» Никиты Муравьева, Н. М. Дружинин рецензирует сборник материалов², где им замечено вольное обращение с текстом одного из вариантов «Конституции». Он отмечает все искажения и пропуски, допущенные публикаторами, и показывает, как это извращает смысл рукописи, критикует комментарии.

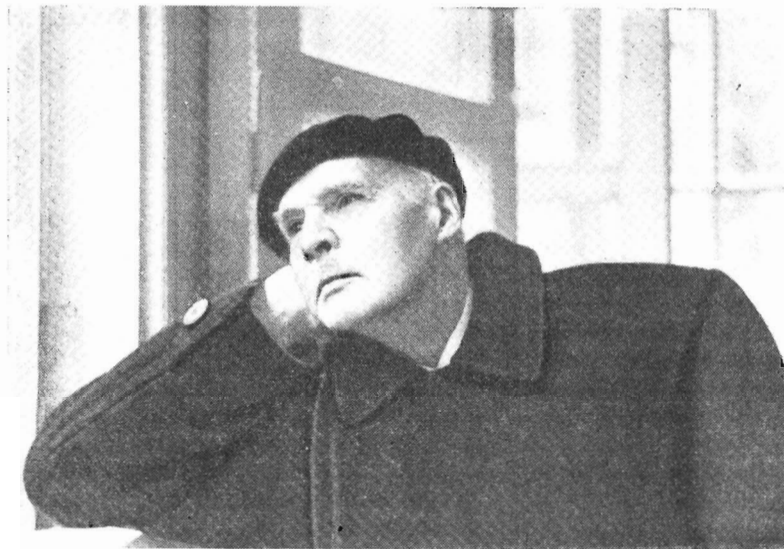
Анализируя источники программного документа Северного общества — «Конституции» Никиты Муравьева, — Н. М. Дружинин проделал сложнейшую работу по описанию библиотеки Муравьевых и выявил книги с пометами автора «Конституции», среди которых (книг) были изложения различных конституционных начал. В процессе этих занятий он доказал, что доложенная в секции по изучению декабристов рукопись «Записки Лаврентьевой», якобы относящаяся к 20-м годам XIX в., — искусная подделка. Графологическая экспертиза протокола литературного общества «Арзамас» позволила ученому установить, что под именем «Статного лебедя» скрывался Никита Муравьев³.

¹ Н. М. Дружинин. Конституция Никиты Муравьева (происхождение и варианты). — «Декабристы и их время», т. I. М., [1928], стр. 62—108.

² Н. Дружинин. «Декабристы». Сборник материалов. Л., 1926. — «Каторга и ссылка», 1927, кн. 7 (36), стр. 223—227.

³ Н. М. Дружинин. Воспоминания и мысли историка. М., 1967, стр. 101—103.

В монографии о Никите Муравьеве, помимо широкого историко-социального фона, существенное место отведено источниковедческому анализу трех вариантов «Конституции» Никиты Муравьева — первоначального, эскизного (1822 г.), найденного в бумагах С. П. Трубецкого, второго, наиболее законченного (1824 г.), хранившегося в бумагах И. И. Пущина, и третьего, собственноручно написанного Н. М. Муравьевым по памяти в каземате Петропавловской крепости в конце 1825 г. После описания внешнего вида каждой из рукописей, указания места ее хранения, графологической экспертизы и т. п. внимание автора было направлено на проверку их подлинности и определение их временной

Николай Михайлович Дружинин

последовательности путем сравнения соответствующих разделов этих вариантов.

Углубленное изучение различных аспектов декабристского движения вызвало необходимость расширить круг ранее известных источников. В ряде случаев ученый уточнил их авторство или заново атрибутировал, а также определил хронологические рамки составления тех или иных документов.

В плане разработки истории Северного общества Н. М. Дружининым была также подготовлена публикация «Записей С. П. Трубецкого»⁴. Со свойственной автору тщательностью и бережным отношением к тексту в примечаниях оговорены все текстологические разночтения, исследованы происхождение рукописи, обстоятельства, при которых она была написана, оговорены приемы передачи текста, а также прокомментирован ряд неясных или спорных мест документа. В статье «С. П. Трубецкой как мемуарист» подробно рассмотрены известные редакции воспоминаний С. П. Трубецкого, различие их содержания по тем или иным причинам (политическим, семейным и т. д.). Подводя итоги своему исследованию, автор приходит к важному выводу: «Критический анализ разновременных редакций убеждает нас, что мемуары Трубецкого — не объективные

⁴ «Записи С. П. Трубецкого». Подг. к печ. Н. Дружинин. — «Декабристы и их время», т. II. М., 1932, стр. 9—22.

и точные воспоминания участника, а тенденциозно-публицистическое произведение современника»⁵.

Исследуя источники по истории декабризма, Н. М. Дружинин написал статью о масонских знаках и документах П. И. Пестеля⁶. Изучив изъятые при обыске у автора «Русской Правды» упомянутые знаки и документы, ученый установил их взаимосвязь. В статье помещены фотографии этих знаков и опубликованы два масонских патента (1812 и 1817 гг.). Установление этой взаимосвязи является немаловажным условием успешного сравнительного анализа материалов масонских лож, отобранных у П.И. Пестеля, с документами следственных дел участников тайных обществ и восстания 14 декабря 1825 г.

В различных теоретических аспектах проблемы социально-экономической истории русской деревни в XIX в. Н. М. Дружинин является крупнейшим авторитетом. Не меньший вклад внес ученый и в разработку источниковедения и вопросов археографии документов по истории русского крестьянства в XIX в. в двухтомной монографии «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева»⁷. Во введении к монографии, в котором автор излагает проблематику своего исследования и делает историографический экскурс, специальный параграф посвящен общей характеристике источников, как архивных, так и печатных. На протяжении всего двухтомного исследования аргументация всех положений и выводов покоится на тщательном источниковедческом анализе, а ряд глав начинается со специальных параграфов: «Источники»⁸. Монографией введено в научный оборот огромное количество неизвестных и малоизвестных источников: использованы фонды, хранящиеся в ЦГАДА, ЦГИА СССР, бывш. ЦГИАМ (ныне — отдел ЦГАОР СССР), ЦГИА УССР, Государственном архиве Свердловской области, ЦГА г. Москвы, рукописных отделах Государственной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом), а также большое количество малоизвестных ведомственных изданий и печатных материалов⁹.

В приложении ко II тому монографии опубликованы два важных документа: «Ведомость № 1. Надельное землевладение государственных крестьян в 1843 г.» (отчет Министерства государственных имуществ за 1843 г.); «Ведомость № 2. Надельное землевладение государственных крестьян в губерниях, оставшихся на душевом оброке в 1856 г.» (отчет Министерства государственных имуществ за 1856 г.).

Расширяя круг источников по истории государственной деревни, Н. М. Дружинин одновременно работал над изучением ранее недоступных, малоизвестных или недостаточно эффективно использованных источников по социально-экономической истории помещичьей деревни, реализации реформы 1861 г. и аграрному вопросу.

⁵ Н. Дружинин. С. П. Трубецкой как мемуарист. — «Декабристы и их время», т. II, стр. 41—43.

⁶ Н. Дружинин. Масонские знаки П. И. Пестеля. — «Музей революции СССР», сб. 2. М., 1929, стр. 12—49; см. также Н. М. Дружинин. Об архивах и архивистах. — «Советские архивы», 1966, № 1, стр. 27.

⁷ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I. М.—Л., 1946; т. II. М., 1958.

⁸ Там же, т. I, стр. 299—310; т. II, стр. 80—179, 291—294.

⁹ Подробный анализ двух групп печатных источников Министерства государственных имуществ («Хозяйственно-статистические материалы, собираемые комиссиями и отрядами уравнивания денежных сборов с государственных крестьян», вып. I—II. СПб., 1857; «Материалы для статистики России, собираемые по ведомству государственных имуществ», вып. I—VI. СПб., 1858—1871) впервые был дан Н. М. Дружинин в статье «Государственная деревня центрально-промышленного района в 40—50-х годах XIX в.» («Доклады и сообщения Института истории АН СССР», вып. 11. М., 1956, стр. 3—24); эти источники использованы автором также в виде составленных на их основании таблиц в его работе «Государственная деревня центрально-черноземного района в середине XIX века» («Вопросы экономики, планирования и статистики». Сборник статей. М., 1957, стр. 199—218).

По данным нескольких сот тяжёлых дел, хранящихся в фонде Главного комитета об устройстве сельского состояния за 1861—1881 гг., Н. М. Дружинин написал исследование о купчих землях крепостных крестьян¹⁰. Отметив, что Главный комитет являлся при разрешении земельных споров между помещиками и бывшими крепостными высшей инстанцией, он указал на ряд недостатков этих дел — неполноту и краткость содержащихся в них сведений по сравнению с данными вотчинных и министерских фондов. Однако компактность и однородность этого источника, по справедливому мнению Н. М. Дружинина, представляет большие удобства для его использования — систематизации сведений по хозяйственно-экономическим районам и периодам. Это было осуществлено автором путем составления на основании указанных дел ряда таблиц. Автор заключает, что документы о купчих землях, хранящиеся в фонде Главного комитета, вскрывают не только процесс «возникновения буржуазной земельной собственности, но и те преграды, которые воздвигало перед ним феодальное землевладение»¹¹.

Поучителен источниковедческий анализ в статье Н. М. Дружинина о крестьянском вопросе в ранних записках и проектах М. М. Сперанского, опубликованных С. Н. Валком¹². Согласившись с группировкой документов, произведенной публикатором, Н. М. Дружинин показал, что каждая из групп названных документов отражает определенный этап формирования взглядов М. М. Сперанского по крестьянскому вопросу.

При источниковедческом анализе автор особое внимание уделяет сравнительному методу.

Рассматривая вопрос о реализации реформы 1861 г. в некоторых губерниях России, Н. М. Дружинин обратил внимание на материалы сенаторских ревизий 1860—1870-х годов как на один из важнейших источников для характеристики действий правительства¹³. В этой статье автор с успехом применяет метод сопоставления различных по происхождению (из разных ведомств) источников и приходит к выводу, что сенаторские ревизии раскрывают «самое существо внутреннего недуга, который разъедал экономику пореформенной России...»¹⁴

Н. М. Дружинин часто прибегает к приему обобщения статистических источников в виде таблиц. Наиболее выразительно это им сделано в одной из последних работ по обобщению результатов проведения реформы 1861 г.¹⁵ Таблицы [«Выкупные платежи бывших помещичьих крестьян, подлежащие внесению в казначейство в 1862—1882 гг. (в тысячах рублей)», «Крестьяне — собственники большепоместных имений (в процентном отношении к общему числу крестьян)» и «Недоимка крестьян по выкупным платежам в 1864—1882 гг.»] были составлены по опубликованным источникам.

Большой вклад внес Н. М. Дружинин в разработку археографии документов по истории крестьянского движения в России.

Усилиями Н. М. Дружинина, возглавившего коллектив составителей и редакторов, впервые в советской археографии было осуществлено изда-

¹⁰ Н. М. Дружинин. Купчие земли крепостных крестьян (по данным Главного комитета об устройстве сельского состояния). — «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». Сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961, стр. 176—189.

¹¹ Там же, стр. 189.

¹² Н. М. Дружинин. Крестьянский вопрос в ранних записках М. М. Сперанского. — «Исследования по отечественному источниковедению». Сб. статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. М.—Л., 1964, стр. 254—262.

¹³ Н. М. Дружинин. Сенаторские ревизии 1860—1870-х годов (К вопросу о реализации реформы 1861 г.). — «Исторические записки», т. 79. М., 1966, стр. 139—175.

¹⁴ Там же, стр. 175.

¹⁵ Н. М. Дружинин. Ликвидация феодальной системы в русской помещичьей деревне (1862—1882 гг.). — «Вопросы истории», 1968, № 12, стр. 3—34.

ние восьмитомного свода документов по истории крестьянского движения в России в XIX в., объемом 473 печатных листа (1864 документа)¹⁶.

Подготовка документов к изданию рассматривается Н. М. Дружининым не только как формальный акт, заключающийся лишь в передаче текста. Каждую публикацию Н. М. Дружинина отличает научно обоснованный отбор документов к изданию, их сравнительный анализ, археографическая характеристика документов, подробное комментирование содержания и тщательность передачи текста. Эти положения проведены ученым, как главным редактором, при подготовке к публикации серии документальных сборников «Крестьянское движение в России в XIX в.»

Начало археографической деятельности ученого в области истории крестьянского движения следует отнести к послевоенному времени¹⁷. В эти же годы, в течение длительного времени, Н. М. Дружинин возглавлял Комиссию по истории сельского хозяйства и крестьянства. «Моя основная работа в комиссии, — пишет ее председатель, — заключалась в редактировании серии документальных сборников „Крестьянское движение в России в XIX—начале XX века“ и в подготовке второго тома монографии „Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева“»¹⁸.

Мобилизовав свой многолетний опыт научно-исследовательской работы в архивах, Н. М. Дружинин тщательно продумал организацию подготовки этой серии документов к изданию. Прежде всего им был составлен «План серии документальных сборников „Крестьянское движение в России в XIX веке“», в котором изложены общие задачи серии («показать в документах классовую борьбу крестьян всех категорий всех районов России в XIX веке»¹⁹). В этом документе главный редактор серии обратил особое внимание на документальное освещение крестьянского движения в период революционных ситуаций и важнейших событий XIX в. (Отечественная война 1812 г., Крымская война, реформы управления государственной и удельной деревни, реализация крестьянской реформы 1861 г., аграрный кризис и контрреформы 80-х годов, голод 1891—1892 гг., подъем рабочего движения 90-х годов). Главный редактор указал, что в серии должно быть отражено, какое влияние на крестьянское движение оказали волнения в армии, революционные выступления рабочего класса, деятельность революционных организаций и революционных кружков. Он требовал от составителей и редакторов, чтобы в соответствии с социально-экономическими условиями каждого периода в сборниках были показаны характерные для него формы крестьянской борьбы; отказы от несения феодальных повинностей, порубки, потравы, отказы от подчинения властям, вооруженные сопротивления, восстания. Им также отмечалась необходимость сугубо критического отношения к донесениям официальных лиц. Внимание составителей и редакторов обращено было на чрезвычайно строгий отбор документов, в соответствии с целевыми установками серии, хотя допускалось, в редких случаях, и переиздание ранее опубликованных документов. «План» включал краткий проспект каждого из восьми намеченных к изданию томов серии, а также предусматривал характер научно-справочного аппарата к ним.

¹⁶ «Крестьянское движение в России в XIX—начале XX века», тома: 1796—1825 гг.; 1826—1849 гг.; 1850—1856 гг.; 1857—1861 гг.; 1861—1869 гг.; 1870—1880 гг.; 1881—1889 гг.; 1890—1900 гг.; М., 1959—1968; см. также Э. С. Паина. Источники по истории крестьянского движения в России XIX—начала XX в. Доклад о выполненных и опубликованных трудах, представленных по совокупности к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук (вместо автореферата). Л., 1969, стр. 7—20.

¹⁷ «Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права». Подготовил к печати проф. Е. А. Мороховец. Ответственный редактор член-корреспондент АН СССР Н. М. Дружинин. М.—Л., 1949.

¹⁸ Н. М. Дружинин. Воспоминания. . . , стр. 76.

¹⁹ Здесь и далее автор статьи использовал свой личный архив.

Помимо «Плана» серии, Н. М. Дружинин разработал «Инструкцию для составителей и редакторов серии», в которой четко сформулированы его взгляды на принципы выявления и отбора документов («отбору и публикации подлежат документы о массовых выступлениях (волнениях) крестьян всех категорий, если эти выступления объективно заключают в себе элементы социального и политического протеста», документы, исходящие из крестьянской среды, в серии должны были быть «использованы с максимальной полнотой»).

В «Инструкции» важное значение придавалось выбору текста: для печатания в сборнике следовало отбирать документы, наиболее достоверно, всесторонне и ярко освещающие крестьянское движение. В «Инструкции» подробно оговорены и приемы археографической обработки текста (сокращения в тексте допускались лишь в случае крайней необходимости — если часть документа не имела никакого отношения к теме сборника; предусмотрена была передача всех помет и резолюций; в заголовках — единообразная квалификация крестьянских выступлений, что оговаривалось в специальном приложении к «Инструкции»).

Однако составлением этих документов только начиналась трудная и сложная работа главного редактора серии. Поддерживая на протяжении всего времени подготовки и издания серии (с 1952 по 1968 г.) тесную связь с составителями и редакторами томов и с издательскими редакторами, главный редактор серии оказывал большое влияние на ее совершенствование. Ценные, конкретные замечания давал он составителям и редакторам после тщательного изучения каждого, уже, казалось бы, подготовленного тома. В ряде случаев анализ проделанной по сборнику работы и предлагаемые Н. М. Дружининым рекомендации носили более общий характер высказываний по тем или иным вопросам археографии, истории крестьянского движения. Так, в «Основных замечаниях» по сборнику «Крестьянское движение в России в 1850—1856 гг.» Н. М. Дружинин отметил, что материалы тома выявляют ведущую линию крестьянской борьбы накануне революционной ситуации 1859—1861 гг. и раскрывают связь крестьянского движения с ходом и завершением Крымской войны. Вместе с тем главный редактор рекомендовал поместить отчетные и сводные документы в этом томе в конце каждого года, весьма убедительно обосновав свою рекомендацию: «И в источниковедческом плане, и с точки зрения содержания эти материалы являются подведением итогов всей предшествующей информации местных органов; они знакомят с обобщающими итоговыми оценками правительства и предполагают предварительное знакомство читателя с более подробными и конкретными донесениями о тех же или иных подобных случаях. Помещая сводные документы в конце года, — замечает Н. М. Дружинин, — мы даем возможность читателю критически сопоставить эти отчеты со всею суммой предшествующего конкретного материала». Не менее внимателен был Н. М. Дружинин и к археографическому оформлению документов. «В основном составители последовательно применяли требования, выработанные Инструкцией, стараясь полнее охватить важнейшие стороны событий и освобождая формулировки от всяких архаизмов. Однако в ряде случаев... необходимо уточнить дату, название должностей и чинов и т. п. Особенно важно для сохранения единства серии сохранить принятую терминологию различных форм крестьянского движения», — писал он. В этих же замечаниях Н. М. Дружинин обратил внимание составителей на обязательность сохранения текста документов в неприкосновенном виде, давая исправления только в подстрочных примечаниях. В письме к автору в мае 1959 г. Н. М. Дружинин еще раз обратил внимание на необходимость «бережной передачи текста, в частности, прошений крестьян».

Главный редактор серии тщательно анализировал научно-справочный аппарат к каждому тому и присылал составителям свои постраничные замечания (впрочем, такие же замечания получали они и по составу сборника, и по тексту документов и их археографической обработке). Эти замечания отражают точку зрения их автора на характер научно-справочного аппарата как серийным изданиям подобного рода. «Необходимо исходить из установленного принципа — давать примечания только там, где этого требует неясность или недоговоренность текста», — писал Н. М. Дружинин составителям сборника «Крестьянское движение в России в 1850—1856 гг.» Вместе с тем главный редактор уделял много внимания редакции каждого примечания. Только после тщательного изучения комментариев к сборнику «Крестьянское движение в России в 1870—1880 гг.» главный редактор предложил дополнить ряд примечаний, уточнить терминологию, пояснить архаизмы в тексте.

Интересны также высказанные им соображения по поводу характера предисловия. В письме к автору данной статьи в декабре 1966 г. Н. М. Дружинин, касаясь вопросов, которые должны найти отражение в предисловии к сборнику «Крестьянское движение в России в 1870—1880 гг.», писал: «Характеризуя состояние деревни в 70-х годах (в частности, в период революционной ситуации), мы не можем ограничиваться статистическими показателями открытых выступлений, а должны учитывать и все другие источники. Обстановка после реформы 1861 г. была иному, чем в период крепостного права: крестьяне получили право жалоб на незаконные действия властей и право учинения исков против помещиков, нарушивших Положение 1861 г. Многие действия крестьян, которые в крепостную эпоху считались преступлениями против помещиков и государства, приобрели легальный характер и не влекли за собою ни арестов, ни военных экзекуций. Все это нужно указать в предисловии (его написал сам Н. М. Дружинин. — Э. П.), объясняя количественный спад открытых волнений и в то же время — многочисленные правительственные и частные показания о напряженном положении в деревне, а в известные годы — о повышении активности масс, выливавшейся в новые формы».

Н. М. Дружинин придавал серьезное значение и археографическому предисловию, в котором всегда приветствовал источниковедческий анализ отдельных групп документов.

Руководя работой над серией, Н. М. Дружинин посвятил специальную статью анализу подготовленного к печати сборника о крестьянском движении в период первой революционной ситуации²⁰. Он отметил, что в сборник входят по своему происхождению два типа источников — официальные и доставленные в центр крестьянские прошения. Первая группа, по мнению автора, важна «не выводами и оценками, отражающими реакционно-правительственную точку зрения, а богатыми фактическими данными, правда, требующими, как всегда, самостоятельной критики. Вторая группа — крестьянские прошения — отражает не только субъективные настроения крестьянских масс, но и реальную действительность крепостной деревни. Вместе с тем и по отношению ко второй группе документов автор остается верен своим основным требованиям источниковеда: «И здесь необходимо критически учитывать не только царистские иллюзии крестьян, но и влияние тех грамотеев из среды крестьян..., которые под диктовку сельских ходяков записывали жалобы и требования народных масс»²¹.

Документальная серия «Крестьянское движение в России в XIX—на-

²⁰ Н. М. Дружинин. Крестьянское движение 1857—1861 гг. по документам центральных исторических архивов СССР. — «Вопросы архивоведения», 1961, № 1, стр. 17—26.

²¹ Там же, стр. 18—19.

чале XX века» явилась существенным вкладом в советскую археографию²².

Приемы подготовки документов к изданию, примененные в этой серии, оказали большое влияние на многие местные документальные издания по истории дореволюционного крестьянства в России.

Выход в свет столь фундаментального издания по истории крестьянского движения в России в XIX в. дал возможность решить ряд вопросов по истории крестьянского движения, его динамике и своеобразии форм в течение целого столетия²³.

Крупный теоретик, академик Николай Михайлович Дружинин много сделал для разработки вопросов источниковедения и археографии отечественной истории XIX в., в особенности по истории русского крестьянства и крестьянского движения в России.

²² *Н. Н. Леценко*. Серийное издание документов о крестьянском движении в России в XIX веке. — «Советские архивы», 1970, № 6, стр. 106—110; *Б. Г. Литвак*. Серийное издание «Крестьянское движение в России в XIX—начале XX века» и его место в археографии и историографии. — «Тезисы докладов и сообщений XI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы» (Одесса, ноябрь, 1969 г.). М., 1969, стр. 323—325; *И. Д. Ковальченко, В. П. Крикунов*. «Крестьянское движение в России в 1870—1880 гг.» Сборник документов под редакцией П. А. Зайончковского. — «Вопросы истории», 1969, № 7, стр. 166—168; *Э. С. Паина*. Крестьянское движение в России в XIX—начале XX в. Обзор публикаций государственных архивов СССР. М., 1963, стр. 34—42, 65—77; *Н. А. Мальцева*. Особенности публикации документов о революционном движении в России в серийных сборниках. — «Материалы семинара-совещания по публикации документальных материалов 18—20 мая 1971 г.» М., 1971.

²³ *Б. Г. Литвак*. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России в XIX в. М., 1967.

И. А. Миронова, А. И. Юхт

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. В. НЕЧКИНОЙ В ОБЛАСТИ АРХЕОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Академик Милица Васильевна Нечкина, продолжая традиции выдающихся представителей дореволюционной и советской исторической науки, на протяжении всего своего творческого пути неизменно уделяла большое внимание разработке сложных и трудных проблем источниковедения, изданию документов и различных памятников.

Археографическая деятельность М. В. Нечкиной теснейшим образом связана с ее научными интересами и творческими планами, в центре которых всегда были две проблемы: история революционного движения России в XIX в. и история исторической науки¹.

Уже в первый период научной деятельности (1920-е—начало 1930-х годов) М. В. Нечкина, наряду с исследованием истории Южного общества и Общества соединенных славян, выступила и как публикатор декабристских материалов. Среди них особо следует отметить подготовленные ею к печати воспоминания члена Южного общества Н. И. Лорера. Впоследствии (1940—1950-е годы) М. В. Нечкиной были созданы такие фундаментальные работы о дворянских революционерах, как «А. С. Грибоедов и декабристы», «Восстание 14 декабря 1825 г.» и обобщающее двухтомное исследование «Движение декабристов», которое является крупной вехой и определенным итогом в развитии советского декабристского исследования. Работая над этими монографиями, она одновременно приняла самое деятельное участие в публикации следственных материалов, издание которых началось в 1925 г. в связи со столетием восстания 14 декабря 1825 г.²

После выхода в свет в 1925—1929 гг. семи томов (I—VI, VIII) известного издания «Восстание декабристов»³, далеко не исчерпавших богатейшие материалы следственного фонда по делу декабристов, публикация этих материалов надолго прекратилась. Издание возобновилось лишь спустя 20 лет по инициативе М. В. Нечкиной. Под ее редакцией в 1950—1969 гг. были опубликованы еще пять томов (VII, IX—XII) серии «Вос-

¹ Творческий путь М. В. Нечкиной охарактеризован в статье Л. В. Черепнина. — «Проблемы общественного движения и историографии». М., 1971.

² В настоящей статье рассматриваются только специальные источниковедческие работы М. В. Нечкиной. Приемы критики источников в ее исторических трудах — особая тема. Изложение в статье ведется не в хронологической последовательности появления в свет публикаций под руководством М. В. Нечкиной, а по проблемам.

³ В т. I—III вошли следственные дела членов Северного общества, в т. IV — членов Южного общества — П. И. Пестеля и С. И. Муравьева-Апостола, в т. V — членов Общества соединенных славян, в т. VI — материалы следствия и Верховного уголовного суда о восстании Черниговского полка, в т. VII предполагалось поместить «Русскую Правду» П. И. Пестеля, в т. VIII вошел известный «Алфавит декабристов».

стание декабристов». Взяв на себя руководство продолжением издания, М. В. Нечкина решила, во-первых, завершить подготовку к печати т. VII «Восстания декабристов» — «Русской Правды» П. И. Пестеля, публикация которой не была осуществлена в 1925—1929 гг., и, во-вторых, издавать материалы в том порядке, в каком они отложились в следственном фонде по делу декабристов. Прежние публикаторы и редактор М. Н. Покровский этого порядка придерживались только в первых трех томах издания.

Милица Васильевна Нечкина

В связи с тем, что приемы воспроизведения текста документов в издании «Восстание декабристов», выработанные в середине 20-х годов, устарели, публикаторы и редактор частично отказались от них. Переход полностью на новые правила публикации документов на завершающей стадии издания был невозможен. Начиная с т. XII, приемы передачи текста публикации приблизились к современным требованиям издания документов. Так, публикаторы отказались от воспроизведения случайных описок, ошибочной орфографии и пунктуации, которые затрудняли чтение подлинника.

В изданных IX—XII томах «Восстания декабристов» помещены в последовательном порядке 29 следственных дел членов Южного общества (№ 396—424). Вряд ли есть необходимость доказывать, что такой порядок публикации следственных дел несомненно предпочтительнее прежнего, при котором из общего ряда естественно отложившихся материалов выхватывались, хотя и наиболее важные, но все же отдельные следственные дела. Исследователи при этом не располагали всем комплексом документов по истории основных обществ тайной организации декабристов.

Новые тома плюс ранее опубликованный т. IV предоставляют в руки историков всю совокупность документов по истории Южного общества.

В предисловиях к т. IX—XII «Восстания декабристов» дан обстоятельный источниковедческий анализ публикуемых документов. М. В. Нечкина характеризует особенности следственных дел как исторического источника, их значение для исследования основных этапов десятилетней истории тайного общества и кардинальных проблем (идеология, программа, тактика и др.) декабристского движения.

Прекрасное знание источников и литературы позволяют М. В. Нечкиной показать то новое, что вносят в источниковедческую базу декабристского движения публикуемые следственные дела. Одновременно в предисловиях выдвигаются малоизученные проблемы, привлекается внимание исследователей к ним и к тому, что дают для их решения новые документы. Источниковедческий анализ М. В. Нечкина строит с учетом особенностей каждого следственного дела. Если речь идет о декабристе, сыгравшем крупную роль в движении, то она, как правило, кратко излагает основные этапы его жизненного пути, показывает его участие в деятельности тайного общества, что дает возможность выявить степень осведомленности, а значит, полноту и в известной мере достоверность сообщаемых сведений. Так поступает М. В. Нечкина при рассмотрении следственных дел М. П. Бестужева-Рюмина (в предисловии к т. IX дана наиболее глубокая в существующей литературе характеристика личности этого декабриста), М. И. Муравьева-Апостола, А. П. Юшневского, С. Г. Волконского, В. Л. Давыдова, А. П. Барятинского. В других случаях, например в предисловии к т. XII, М. В. Нечкина не рассматривает каждое следственное дело в отдельности, а останавливается лишь на том, что нового дают публикуемые документы для изучения основных проблем движения декабристов.

М. В. Нечкина детально проанализировала особенности таких сложных для исследования источников, какими являются следственные материалы вообще и следственные дела декабристов в частности. Для этих материалов, отмечает она, характерно то, что многие подследственные лица по понятным причинам пытаются скрыть улики, ведущие к отягощению их вины, преуменьшить факт участия в революционной деятельности, иногда доказать свою якобы более умеренную позицию по сравнению с другими участниками движения.

Для следствия по делу декабристов была характерна тенденция превратить первое революционное выступление в процесс против царевичей. Следствие было прежде всего сосредоточено на планах уничтожения царя и его семьи и упускало из виду многие важные стороны деятельности тайного общества. Царизм стремился затушевать по возможности основные лозунги движения — борьбу против крепостного права и самодержавия.

В т. XII «Восстания декабристов» опубликована инструкция следствию о том, как составлять итоговую записку о «силе вины» по каждому индивидуальному делу подсудимого, передаваемому в Верховный уголовный суд. Она случайно оказалась в деле Н. В. Басаргина и была составлена, по-видимому, по указаниям М. М. Сперанского. Проанализировав инструкцию, М. В. Нечкина отмечает, что она «явно показывает позиции следствия и самую „концепцию“ всех адресованных декабристам следственных анкет»⁴.

Исследователь, изучающий следственные дела декабристов, довольно часто встречается с фактами «раскаяния» со стороны подсудимых. Многие декабристы обращались к царю с просьбами о помиловании и выражали сожаление о своем участии в тайном обществе. Это свидетельство-

⁴ «Восстание декабристов», т. XII. М., 1969, стр. 10.

вало об отсутствии стойкости у большинства дворянских революционеров и объяснялось их оторванностью от масс. Однако эти бесспорные факты, подчеркивает Нечкина, не должны заслонять главного — объективного значения открытого революционного выступления против самодержавия и крепостного права.

М. В. Нечкина говорит о необходимости критического отношения к показаниям участников движения, проверки их достоверности и полноты путем перекрестного сопоставления и сравнения с другими источниками. Разработка М. В. Нечкиной методики и приемов научной критики следственных материалов в специальной работе, посвященной источниковедческому анализу следственного дела А. С. Грибоедова⁵, монографиях и статьях по истории движения декабристов, в предисловиях к вышедшим томам серии «Восстание декабристов», является крупным вкладом в конкретное источниковедение. Эти приемы могут быть использованы и по существу уже применяются исследователями при анализе других следственных материалов с учетом их особенностей и специфики.

В 1958 г. был опубликован т. VII «Восстания декабристов», в котором были помещены «Русская Правда» и другие сочинения П. И. Пестеля, тесно связанные с ней. Вопрос о научном, академическом издании «Русской Правды» ставился еще в годы первой русской революции, когда следственные материалы по делу декабристов впервые стали доступны исследователям. Первое издание «Русской Правды», вышедшее в 1906 г., несмотря на существенные недостатки, имело большое значение, потому что познакомило читателей с одним из важнейших памятников революционной идеологии и наиболее выдающимся программным документом движения декабристов. Это издание было подготовлено П. Е. Щеголевым не по подлиннику, а по копии, сделанной для официального историка генерала Н. Ф. Дубровина в 80-х годах прошлого столетия. В публикации 1906 г. имелись пропуски, ошибки в воспроизведении текста подлинника, а главное — первая и вторая редакции «Русской Правды» не были разделены и давались в виде одного сплошного последовательного текста. Издание не было сопровождено научным описанием рукописи, комментариями и вступительной статьей, в которой бы прослеживались основные этапы работы Пестеля над «Русской Правдой»⁶.

Подготовка к новому изданию памятника началась только в советское время. В работе на разных стадиях, начиная с 1924 г., принимали участие известные советские историки-декабристоведы С. Н. Чернов, Б. Е. Сыроечковский и др., а также архивист А. А. Покровский — прекрасный знаток следственных материалов, подготовивший к печати самостоятельно и совместно с Г. Н. Кузюковым большую часть томов серии «Восстание декабристов». С. Н. Чернов проделал основную работу по установлению точного текста и разграничению первой и второй редакций «Русской Правды», а также по изучению ее многочисленных вариантов.

В 1951 г. ответственным редактором издания была утверждена М. В. Нечкина, и ранее привлекавшаяся к консультированию и рецензированию, под руководством которой и проходила вся последующая работа по окончательной подготовке «Русской Правды» к печати. Главную задачу нового издания публикаторы видели в следующем: «Дать читателям возможность составить себе ясное представление о том, как последовательно слагался тот ряд сочинений Пестеля, последним, хотя и не вполне законченным звеном которого является „Русская Правда“, и дать самый текст „Русской Правды“ в процессе ее постепенного сложения»⁷.

⁵ М. В. Нечкина. Следственное дело о А. С. Грибоедове. М.—Л., 1945.

⁶ Крупные недостатки издания 1906 г. отметил в свое время В. И. Семевский, признав его неудовлетворительным («Былое», 1906, № 6, стр. 279—282). Однако и он не обратил внимания на существование двух редакций «Русской Правды».

⁷ «Восстание декабристов», т. VII. М., 1958, стр. 103.

Исходя из поставленной задачи, публикаторы четко определили состав и структуру тома. В издание были включены «Русская Правда» в двух редакциях, трактаты и статьи П. И. Пестеля, предшествующие этому памятнику, которые дополняют, разъясняют его. Другие сочинения Пестеля (значительная часть военных записок, отчеты по командировке в связи с греческим восстанием и т. д.), не имеющие прямого и непосредственного отношения к «Русской Правде», в том не вошли. Том состоит из двух частей: А. «Документальные тексты» и Б. «Пояснительные статьи, варианты и примечания к документальным текстам». Первая, основная часть делится на три раздела. В первый вошли вторая и первая редакции «Русской Правды». Такая последовательность объясняется тем, что, как установили публикаторы, начальная часть «Русской Правды» сохранилась только во второй редакции, а вторая часть — только в первой редакции. Сюда же включены два фрагмента, неразрывно связанные с «Русской Правдой», хотя формально и не входящие в ее текст, а именно — «Конституция государственный завет» и «Дележ земель». Во второй раздел включены произведения Пестеля, предшествующие появлению «Русской Правды», — это «Записка о государственном правлении», «Образование государственного приказа правосудия», «Социально-политический трактат» на французском языке. Третий раздел состоит из мелких заметок, набросков и проектов Пестеля, которые должны были, очевидно, послужить ему материалом для написания VI—X глав «Русской Правды». Кроме этих трех разделов, в первую часть тома вошли приложения, в которых публикуются главным образом некоторые военные записки Пестеля, касающиеся устройства вооруженных сил.

Вторая часть тома, как это видно из ее названия, состоит в основном из многочисленных вариантов и разночтений тех сочинений Пестеля, которые вошли в первую часть. Здесь же публикуются богато документированные комментарии, в которых детально прослеживается процесс работы Пестеля над своими сочинениями и сделана попытка объяснить причины, под влиянием которых он вносил исправления и изменения в текст.

При подготовке к печати «Русской Правды» и других сочинений Пестеля, вошедших в издание, ответственный редактор и публикаторы столкнулись с большими трудностями. Необходимо было прежде всего решить вопрос о методе передачи текста. Наличие многочисленных вариантов, черновиков, обильной правки в рукописях Пестеля заставили редакцию отказаться от обычного описательного метода передачи текста, так как при применении его пришлось бы давать примечания чуть ли не к каждому слову, что крайне затруднило бы пользование памятником. Внимание читателя постоянно отвлекалось бы от главного смысла источника в сторону разночтений, иногда очень мелких и не имеющих существенного значения. Редакция положила в основу издания другую систему подачи разночтений, а именно: «метод последовательных редакций». Этот метод сосредоточен «на раскрытии внутреннего значения рассматриваемого исправления и на самом процессе его последовательного изменения, отчасти помогая уяснять и причины, вызвавшие эти изменения»⁸.

В содержательной статье, предвещающей том, М. В. Нечкина подробно рассмотрела эволюцию общественно-политических взглядов П. И. Пестеля, тщательно исследовала основные этапы творческой истории «Русской Правды», начиная от ранних ее набросков, в тесной связи с развитием движения декабристов в целом. Она показала, какое громадное влияние оказала «Русская Правда» на революционную деятельность декабристов. Давая общую оценку этому памятнику, М. В. Нечкина пишет: «„Русская Правда“ является революционным проектом буржуазного переустройства феодально-крепостной России... Это был самый решитель-

⁸ «Восстание декабристов», т. VII, стр. 103.

ный, радикальный из конституционных проектов, созданных революционерами-дворянами»⁹.

В томе помещена также обстоятельная статья А. А. Покровского (в связи со смертью автора в 1954 г. статья была окончательно подготовлена к печати М. В. Нечкиной), в которой дан археографический анализ «Русской Правды». Автор уделил большое внимание палеографическому описанию и датировке различных вариантов памятника.

Публикация «Русской Правды», весьма сложного по своему составу памятника, — результат огромного и коллективного труда историков и архивистов. По своей тщательности и продуманности, высокому научному уровню и завершенности это издание, использовавшее весь богатый опыт советских публикаторов, в свою очередь, является замечательным достижением советской археографии. Следует еще раз отметить, что работа по изданию «Русской Правды», затянувшаяся на долгие годы, была успешно доведена до конца благодаря энергии и усилиям М. В. Нечкиной.

Следственные дела и «Русская Правда» не являются единственными материалами по истории движения декабристов, в издании которых принимала участие М. В. Нечкина. Она подготовила к печати мемуары Н. И. Лорера¹⁰, письма П. И. Борисова¹¹, написала вступительные статьи к публикации писем М. Ф. Орлова П. А. Вяземскому¹², под ее редакцией вышли в свет воспоминания И. Д. Якушкина¹³.

М. В. Нечкина остановилась на мемуарах Лорера не случайно. Члены Южного общества декабристов вообще оставили мало воспоминаний. Наиболее выдающиеся его деятели — П. И. Пестель, С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин — были казнены. Записки Н. В. Басаргина и С. Г. Волконского, по мнению М. В. Нечкиной, не представляют такого интереса, как воспоминания Лорера, потому что авторы их «стояли гораздо дальше от дел тайного общества», чем Лорер, который был ближайшим другом и соратником Пестеля и участвовал во всех важнейших делах Южного общества¹⁴. Кроме того, «Записки» Лорера никогда не выходили отдельным изданием, а публиковавшиеся в разное время части этих «Записок» были сильно искажены главным образом по цензурным соображениям¹⁵.

В новом издании «Записок» Лорера в приложении были помещены не публиковавшиеся ранее следственное дело декабриста, несколько его произведений и 18 писем. Был опубликован также список важнейших цензурных купюр в тексте «Записок». Издание было сопровождено вступительной статьей и комментариями, для написания которых был использован и архивный материал. В результате определился тип издания воспоминаний декабристов, характерным признаком которого было включение в него всех наиболее важных материалов, дошедших от мемуариста. Эти материалы не только дополняли текст мемуаров, но в известной степени позволяли проверить их достоверность. Такого типа издания, как нельзя более отвечающего научным требованиям, придерживались в большинстве случаев и последующие публикации воспоминаний декабристов (впрочем, не только декабристов).

⁹ Там же, стр. 72.

¹⁰ «Записки декабриста Н. И. Лорера». Под ред. М. Н. Покровского. Приготовила к печати и комментировала М. В. Нечкина. М., 1931.

¹¹ «Три письма декабриста Петра Борисова». — «Каторга и ссылка», 1926, № 6, стр. 57—64.

¹² «Литературное наследство», т. 59. М., 1954, стр. 557—564; т. 60, кн. 1. М., 1956, стр. 13—46.

¹³ «Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина». М., 1951.

¹⁴ «Записки декабриста Н. И. Лорера», стр. 8—9.

¹⁵ Начало «Записок» Лорера было напечатано в «Русском богатстве» (1904, кн. III, VI, VII), а конец — в «Русском архиве» (1874, кн. II, IX). Сличив эти издания с подлинником, М. В. Нечкина обнаружила свыше 1800 купюр и разночтений.

Публикация «Записок» Лорера выполнена с большой тщательностью. В издании четко и ясно изложен принцип воспроизведения текста. «Записки» изданы по рукописи, собственноручно выправленной Лорером (оригинал был переписан переписчиком по заказу Лорера). Все исправления, сделанные мемуаристом, учтены и оговорены в примечаниях. Таким образом, читатель имеет возможность проследить ход работы автора над текстом. В подстрочных примечаниях приводятся замечания М. В. Юзефовича, Д. И. Свербева, П. И. Бартенева и декабриста П. Н. Свистунова, сделанные ими на полях рукописи, с указанием в каждом случае, кому они принадлежат. Некоторые замечания редакционных работников «Русского архива» (на полях «Записок»), представляющие интерес, даны в примечаниях позади текста. Вступительная статья М. В. Нечкиной к публикации посвящена политическим взглядам Лорера, его участию в делах Южного общества, значению «Записок» как источника для изучения движения декабристов вообще и Южного общества в особенности.

М. В. Нечкина уделила большое внимание источниковедческому анализу мемуарного наследия декабристов. Отмечая значение мемуаров как одного из важных источников по истории движения декабристов, М. В. Нечкина подчеркивает необходимость строго критического к ним отношения. «Время, естественные ошибки памяти, а подчас и тенденциозность автора, — пишет она, — заставляют с большой осторожностью подходить к мемуарной литературе и проверять ее данные более достоверным материалом, но было бы неправильно поэтому игнорировать мемуары»¹⁶. Воспоминания декабристов по своей идейной направленности М. В. Нечкина подразделяет на две группы. Одна из них дает революционную концепцию движения, другая — его либеральную версию. В первом случае авторы, сохранившие верность революционным идеям, «стремятся в своих воспоминаниях выявить закономерность возникновения декабристского движения, вскрыть его исторические корни и раскрыть его смысл». В мемуарах другой группы, как правило, дается «неполная, а иногда и искаженная картина действительности»¹⁷. Используя мемуары декабристов, необходимо иметь в виду и то обстоятельство, указывает М. В. Нечкина, что преобладающая их часть написана с учетом царской цензуры и далеко не полно раскрывает революционную деятельность тайного общества. Характерная особенность многих декабристских мемуаров состоит также в том, что в них обычно значительное место занимает описание следствия и суда, и значительно меньше внимания уделяется истории самого движения, его идеологии, программе и тактике¹⁸.

Такова общая характеристика декабристских мемуаров, данная М. В. Нечкиной. Вместе с тем в ее работах содержится ряд ценных замечаний о полноте и достоверности мемуаров того или иного декабриста, много конкретных примеров критического использования этого источника при освещении различных проблем движения декабристов.

М. В. Нечкина посвятила специальную статью выяснению вопроса об авторстве «Записок» об Обществе соединенных славян¹⁹. Полностью соглашаясь с высокой оценкой этого замечательного памятника, а также с тем, что он представляет собой не мемуары в собственном смысле слова, а скорее историю Общества, написанную на основании воспоминаний не одного лица, а многих членов этой организации, постоянно общавшихся во время пребывания в Сибири, М. В. Нечкина возражает против того, что автором их был, как это принято считать, И. И. Горбачевский. Путем

¹⁶ «Записки декабриста Н. И. Лорера», стр. 7.

¹⁷ М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. 1. М., 1955, стр. 10.

¹⁸ Там же, стр. 46—47.

¹⁹ М. В. Нечкина. Кто автор «Записок И. И. Горбачевского»? — «Исторические записки», т. 54, 1955.

анализа текста «Записок», сопоставления их со следственными делами, тщательного изучения переписки, связанной с поступлением и публикацией рукописи «Записок» в «Русском архиве», и других материалов М. В. Нечкина приходит к выводу, что автором их, вероятно всего, был П. И. Борисов, один из основателей Общества соединенных славян. В связи с выходом нового издания «Записок», подготовленного Б. Е. Сыроечковским, Л. А. Сокольским и И. В. Порохом²⁰, М. В. Нечкина выступила с развернутой рецензией²¹. Отметив ряд существенных недостатков в подготовке рукописи «Записок» к печати и выразив свое несогласие с общим пониманием этого источника, изложенным в послесловии и комментариях, М. В. Нечкина еще раз рассмотрела вопрос об авторстве «Записок». Она подвергла критике аргументацию публикаторов, выступивших против ее гипотезы, что автором «Записок» был П. И. Борисов, и высказала ряд дополнительных соображений в поддержку своей точки зрения.

В заключении рецензии М. В. Нечкина пишет, что, по-видимому, начало рукописи «Записок» не дошло до нас, потому что в ней «нет никакого „зачина“, пояснений взятой темы, цели изложения, определения его рамок». Очевидно, все это пояснялось в первых главах. «Вопрос этот, — замечает она, — до дальнейших архивных изысканий и находок остается, разумеется, открытым»²².

* * *

Второй крупной проблемой истории революционного движения России в XIX в., которая наряду с движением декабристов издавна была в центре исследовательской и публикаторской деятельности М. В. Нечкиной, была проблема революционной ситуации в конце 50-х—начале 60-х годов XIX в. Еще в 1929 г. М. В. Нечкина опубликовала документальные материалы, посвященные выступлению русского крестьянства против грабительской реформы 1861 г.²³

В 1940—1950-х годах М. В. Нечкина выступила с рядом статей, имевших принципиальное значение для исследования эпохи первого демократического подъема в России²⁴. Эти работы были в значительной степени основаны на материалах «Пражской коллекции» А. И. Герцена и Н. П. Огарева.

Коллекция включает в себя ценнейшие документы, освещающие такие вопросы, как создание революционной организации, подготовка открытого вооруженного выступления против самодержавия, конспиративная деятельность революционеров на рубеже 1850—1860-х годов в России, т. е. вопросы, которые были менее всего изучены. Значительная часть этих документов в настоящее время опубликована²⁵ и широко используется в исследовательской литературе. М. В. Нечкина опубликовала из этой коллекции шесть документов Огарева и письмо А. П. Шапова П. П. Вяземскому. Первые пять огаревских документов [1] «Идеалы» (Цель, методы и организация общества), 2) Цель русского общества, 3) Загранич-

²⁰ И. И. Горбачевский. Записки и письма. М., 1963.

²¹ М. В. Нечкина. Новое издание «Записок» об Обществе соединенных славян. — «История СССР», 1964, № 6.

²² Там же, стр. 156.

²³ М. В. Нечкина. Восстание в Бездне. — «Красный архив», 1929, т. 4, стр. 176—208; она же. Из истории крестьянских восстаний против «воли» 1861 г. — Там же, 1929, т. 5, стр. 201—204.

²⁴ М. В. Нечкина. Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации. — «Исторические записки», т. 10, 1941; она же. Н. П. Огарев в годы революционной ситуации. — «Известия АН СССР. Серия истории и философии», т. IV, № 2, 1947; она же. Н. Г. Чернышевский в борьбе за сплочение сил русского демократического движения в годы революционной ситуации (1859—1861). — «Вопросы истории», 1953, № 7.

²⁵ «Литературное наследство», т. 61—63. М., 1953—1956.

ные общества, 4) Список офицеров — членов революционной организации, 5) Три вопроса^{26]} содержат первостепенной важности сведения о конспиративной деятельности русских революционеров в конце 50-х — начале 60-х годов. Вступительная статья М. В. Нечкиной — «Вопрос о русской революционной организации и планах открытого выступления в конце 50-х — начале 60-х годов» — посвящена подробной характеристике значения документов, обоснованию их датировки. Здесь же поставлены основные исследовательские вопросы, вытекающие из содержания новых материалов.

Шестой документ — «Моя исповедь»²⁷ — представляет собой две большие главы автобиографического произведения Огарева, в которых рассказывается о детских и юношеских годах автора до поступления в Московский университет. Основное внимание в «Исповеди» Огарев уделяет истории формирования своего мировоззрения. Отмечая значение этого произведения Огарева, М. В. Нечкина пишет, что оно является необходимым дополнением к «Былому и думам» Герцена и представляет несомненный интерес для освещения истории пробуждения общественного сознания в первые годы после восстания декабристов²⁸.

Опубликованное М. В. Нечкиной письмо А. П. Шапова попечителю Казанского учебного округа П. П. Вяземскому (сыну известного поэта П. А. Вяземского) не носит характера частного письма²⁹. В нем автор излагает свои взгляды на современную ему жизнь, на историю русского крестьянства, разоблачает паразитический характер дворянского сословия, выступает за уничтожение ненавистного народу социального строя и предлагает заменить его общинным «народосоветием». М. В. Нечкина рассмотрела это письмо в комплексе с другими материалами Шапова, относящимися к 1860—1861 гг.³⁰, и показала эволюцию мировоззрения автора. Письмо — один из важнейших источников для освещения взглядов Шапова в годы революционной ситуации, отмечает М. В. Нечкина. «Оно представляет интерес как для историков русского общественного движения, так и для изучения русской исторической мысли»³¹.

В 1960-х годах под руководством М. В. Нечкиной было осуществлено издание большого комплекса источников по истории революционного движения в России середины прошлого столетия. Речь идет о факсимильных изданиях двух основных периодических изданий Вольной русской типографии Герцена и Огарева — газеты «Колокол» за 1857—1867 гг. (вып. I—XI. М., 1962—1964) и журнала «Полярная звезда» (вып. I—IX. М., 1966—1968). Необходимость публикации этих важнейших памятников русской бесцензурной печати, сыгравших крупную роль в развитии революционного движения, диктовалась тем, что они давно стали библиографической редкостью. Малая доступность «Колокола» и «Полярной звезды» была одной из причин, тормозивших изучение важнейших проблем эпохи первого демократического подъема в России, а также значения самих этих памятников как существенного фактора этого подъема.

Вся работа по подготовке изданий «Полярной звезды» и «Колокола» была выполнена Группой по изучению революционной ситуации в Рос-

²⁶ «Новые материалы о революционной ситуации в России (1859—1861 гг.)». Статья и публикация М. В. Нечкиной. — «Литературное наследство», т. 61. М., 1953, стр. 459—492. Заголовки документов даны публикатором.

²⁷ Там же, стр. 659—700.

²⁸ Там же, стр. 671—672.

²⁹ Там же, т. 67. М., 1959, стр. 645—666.

³⁰ Имеются в виду легально изданные в свое время работы Шапова, его лекция «О конституции», прочитанная в 1860 г. казанскому студенчеству, нелегальная речь на Куртинской панихиде (апрель 1861 г.) в память крестьян, расстрелянных во время Безднинского восстания, письмо Александру II, написанное под арестом в мае 1861 г.

³¹ «Литературное наследство», т. 67, стр. 656.

сии конца 1850-х—начала 1860-х годов, созданной в Институте истории АН СССР по инициативе и под руководством М. В. Нечкиной в 1958 г.

Приступая к изданию «Колокола», необходимо было решить два вопроса. Какое издание «Колокола», первое или второе, положить в основу? Публиковать этот памятник без предисловия и указателей, сохраняя подобие подлинника, или с таковыми? Ответ на второй вопрос был очевиден. Речь могла идти только о научном издании, которое немислимо без обстоятельного справочного аппарата, облегчающего пользование источником и обогащающим все издание в целом. Первый вопрос можно было решить, лишь проведя большую работу по выявлению сохранившихся номеров второго издания «Колокола» (оно начало выходить с июня 1859 г.) и сличению его с первым. Такая работа была проделана публикаторами.

В археографическом введении Е. Л. Рудницкая указывает, что из вышедших 245 листов «Колокола» было выявлено всего 52 номера второго издания, что оно менее исправно (больше орфографических ошибок и опечаток), а главное — изменения в нем принадлежат не Герцену и Огареву, а Н. А. Тучковой-Огаревой. Поэтому предпочтение было отдано первому изданию³².

В факсимильное издание вошли 245 номеров «Колокола» (вып. I—IX), а также прибавления и оглавления, составляющие неотъемлемую часть газеты. Кроме «Колокола», перепечатываются 13 номеров листка «Под суд!» (1858—1862 гг.) и 29 номеров «Общего веча» (1861—1864 гг.), составляющие вып. X. Эти издания, хотя и являлись приложением к «Колоколу», имели самостоятельные задачи и четко очерченную тематику.

В листке «Под суд!» публиковались материалы частного характера, разоблачавшие произвол властей и другие уродливые явления социально-политической жизни России. Характеризуя задачи «Общего веча», Герцен писал, что цель его — «уяснить общее земское дело и служить выражением мнений, жалоб и общественных потребностей людей всех религиозных толков и согласий и всех сословий, крестьян и разночинцев»³³. Таким образом, в публикацию вошли все издания, тесно связанные с «Колоколом». Полнота факсимильного издания — одно из его несомненных достоинств.

Большой и разносторонний справочный аппарат, составляющий вып. XI издания, состоит из 11 указателей: содержания, названия статей, статей с редакционной обработкой Герцена, нераскрытых псевдонимов, именного и географического, книг, газет, журналов и альманахов, листовок, прокламаций и литературных персонажей. Идя навстречу пожеланиям читателей, составители подготовили и выпустили отдельно предметный указатель.

Система указателей в издании тщательно продумана, они составлены со знанием дела, в них в основном учтены новейшие исследования. Указатели к факсимильному изданию полнее, разнообразнее и богаче ранее вышедших справочных изданий к «Колоколу». Разумеется, справочный том, как и подобные ему издания, не лишен определенных недостатков, но в целом он является удачным опытом составления справочного аппарата к такому сложному изданию, как «Колокол».

В предисловии М. В. Нечкиной кратко охарактеризовано значение «Колокола» как исторического источника, рассмотрена историография вопроса и намечены первоочередные проблемы его изучения. Несмотря на то что огромное историческое значение «Колокола» общепризнано и прошло более 100 лет со дня выхода в свет первого номера, он «удиви-

³² «Колокол», вып. I. М., 1962, стр. XXII.

³³ А. И. Герцен. Собр. соч. в тридцати томах, т. 16. М., 1959, стр. 290.

тельно мало изучен». «Колокол», подчеркивается в предисловии, как правило, не был «предметом самостоятельного исторического изыскания», а рассматривался как частная тема в работах о Герцене или в трудах по истории русской журналистики. В имеющихся исследованиях, пишет М. В. Нечкина, «отсутствует широкая постановка общеисторической задачи, „Колокол“ не изучается во всех его связях с эпохой, нет подробного анализа фактической ткани изложения „Колокола“, не подняты нужные архивы, недостаточно исследована его корреспондентская сеть, не показано отражение на его страницах лица страны, движущегося многогранного исторического процесса. В них нет „Колокола“ и как зеркала реальной русской жизни»³⁴.

«Колокол» и революционная ситуация конца 1850-х—начала 1860-х годов, его связи с русским революционным движением в период первого демократического подъема и после его спада, отношение к «Колоколу» различных революционных течений, «Колокол» и русский либерализм в последующие годы — таков далеко не полный круг проблем, которые, по мнению М. В. Нечкиной, должны быть поставлены и исследованы в процессе изучения «Колокола»³⁵.

Факсимильное издание «Полярной звезды» основано на тех же принципах, что и издание «Колокола». Оно состоит из восьми книжек «Полярной звезды» и справочного тома (кн. IX), в который вошли комментарии и указатели. В основу факсимильного воспроизведения положено первое издание памятника. Вторым изданием вышли только первые четыре книжки «Полярной звезды» (I—III в 1858 г., IV в 1861 г.). Различия между первым и вторым изданиями в целом незначительны и связаны главным образом с редакционной правкой и исправлением опечаток. Эти различия приведены в справочном томе.

«Полярная звезда» снабжена примерно таким же составом указателей, как и «Колокол». Большой интерес и ценность представляют комментарии к «Полярной звезде». В них рассматриваются прежде всего вопросы, связанные с публикацией материалов, помещенных в «Полярной звезде», и их значением в истории освободительного движения в России. Работа по написанию комментариев, потребовавшая мобилизации огромного фактического материала, была выполнена Н. Я. Эйдельманом — автором получившей признание книги «Тайные корреспонденты „Полярной звезды“» (М., 1966). В составлении комментариев участвовали также Е. Л. Рудницкая и Ю. Н. Емельянов.

В статье М. В. Нечкиной «„Полярная Звезда“ и ее факсимильное издание», открывающей справочный том, дается общая оценка памятника, отмечается роль «Полярной звезды» в развитии русского революционного движения. «Полярная звезда», писал В. И. Ленин, «подняла традицию декабристов»³⁶. Но выдвинутые движением декабристов лозунги — уничтожение крепостного права и свержение самодержавия — не были осуществлены. «Полярная звезда», провозглашая связь революционных поколений, укрепляя традицию революционной борьбы в России, подчер-

³⁴ «Колокол», вып. I, стр. XV.

³⁵ В последние годы вышел ряд монографий и сборников статей, посвященных революционному движению России 50—60-х годов XIX в., в которых отчасти разрабатывается проблематика, намеченная М. В. Нечкиной (*Я. И. Линков*. Революционная борьба А. И. Герцена и Н. П. Огарева и «Земля и воля» 1860-х годов. М., 1964; *В. А. Дьяков, И. С. Миллер*. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1964; *Н. Н. Повикова*. Революционеры 1861 года. «Великорусс» и его комитет в революционной борьбе 1861 г. М., 1968; *Е. Л. Рудницкая*. Н. П. Огарев в русском революционном движении. М., 1969; «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» Сб. статей [вып. I—V]. М., 1960—1970; и др.). Однако мы до сих пор не располагаем монографией о «Колоколе», в которой бы в полной мере были реализованы широкие задачи, выдвинутые М. В. Нечкиной.

³⁶ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 258.

кивала, что исторические задачи, поставленные первым поколением революционеров, продолжают оставаться насущными и в середине XIX в. Но заслуга «Полярной звезды» заключается не только в том, что она неустанно пропагандировала жизненность дела декабристов, а и в том, что она поставила новые вопросы, касающиеся средств и способов борьбы, провозгласила новые позитивные цели движения — необходимость борьбы за социализм. Иначе и быть не могло. «... Движение не повторяло себя, а шло вперед, работало над своим временем и на свое время, преображалось, поднимаясь на более высокую ступень», — пишет М. В. Нечкина³⁷. В статье подчеркивается, что вопрос об объективном значении «Полярной звезды» до сих пор не раскрыт в исторической литературе.

Факсимильные издания «Полярной звезды» и «Колокола» сделали доступными эти памятники для широкого круга читателей и значительно расширили источниковую базу для изучения революционного движения России 50—60-х годов XIX столетия. Нельзя не признать необычайно плодотворной самую идею фототипического воспроизведения текста. Выдвигая ее, М. В. Нечкина исходила как из потребностей читателя в подобном издании, так и возможностей современного уровня полиграфической техники. Перепечатка текста средствами наборной техники, во-первых, заняла бы больше времени, во-вторых, значительно повысила бы стоимость издания, сделав его менее доступным, в-третьих, не сохранила бы полного ощущения подлинности памятника. Факсимильное издание несомненно сохраняет аромат эпохи и повышает чисто эмоциональное воздействие памятника на читателя.

Новое издание «Колокола» и «Полярной звезды» было встречено с живейшим интересом у нас и за рубежом, получило высокую оценку и признание у читателей. Так, тираж фототипического издания «Колокола» составлял 6700 экземпляров, а «Полярной звезды» — 11000. Оно широко используется в исследовательской литературе, а также в вузах при проведении семинарских занятий и подготовке курсовых и дипломных работ. Опыт этого факсимильного издания должен получить более широкое распространение, его можно с успехом применить при публикации других источников, в том числе и памятников средневековой России. Об этом свидетельствуют фототипические издания таких памятников, как «Мерило Праведное» (М., 1961) и «Новгородская харатейная летопись» (М., 1964), вышедшие под редакцией М. Н. Тихомирова.

Группой по изучению революционной ситуации в России в 1971 г. под руководством М. В. Нечкиной было осуществлено факсимильное издание двух томов «Исторического сборника Вольной русской типографии в Лондоне». В т. III этого издания вошли комментарии и указатели (именной и географической). Две книги «Исторического сборника», опубликованные впервые в 1859 и 1861 гг., несмотря на свою специфику, по характеру материалов и идейному замыслу тесно связаны с «Полярной звездой» и другими изданиями Герцена и Огарева.

В сборнике помещены различного рода материалы по истории России второй половины XVIII в. и особенно первой четверти XIX в. Здесь напечатаны письма и «мнения» А. П. Ермолова, Н. С. Мордвинова, ряд записок о царствовании Павла, в том числе несколько записок о драматических событиях 11 марта 1801 г., сочинения декабристов и другие материалы по истории 14 декабря 1825 г., доклад генерал-аудиториата о петрашевцах, разоблачительные данные о правлении Николая I и др.

Все эти материалы, которые не могли быть обнародованы в России, отвечали требованиям времени, несли большую идейную нагрузку и должны были, по словам Герцена, послужить уликами для «уголовного следствия» над петербургским, императорским периодом русской исто-

³⁷ «Полярная звезда», кн. IX. М., 1968, стр. 10.

ри³⁸. «Исторический сборник» знакомил читателей с ранее недоступными данными по истории России нового времени, проливавшими свет на мрачную и неприглядную историю царской династии, на факты, связанные с дворцовыми переворотами 1762 и 1801 гг., событиями 1825 г. «Разоблачение правящей династии и ее закулисных тайн, — отмечается в предисловии к публикации, — было для Герцена и Огарева актуальнейшей проблемой, одной из важнейших форм идеологической борьбы с русским самодержавием»³⁹. Материалы сборника содержали сведения, обличающие произвол и всевластие чиновничества, и показывали пагубные для России последствия господства самодержавия и крепостничества. В известной мере они должны были помочь читателю понять исторические корни и предпосылки декабристского движения в России.

Примечания, составленные И. А. Желваковой и Н. Я. Эйдельманом, содержат богатый фактический и справочно-библиографический материал. В них выясняется история возникновения и публикации текстов, помещенных в «Историческом сборнике», выявлены списки с указанием архивных шифров, в ряде случаев приводятся разночтения и не вошедшие в лондонское издание тексты, рассматривается вопрос об авторстве, сообщаются подробные сведения о всех последующих публикациях в России материалов «Исторического сборника».

Можно полагать, что «Исторический сборник», давно ставший библиографической редкостью и не подвергавшийся изучению, теперь, благодаря новому изданию, привлечет внимание исследователей.

Занимаясь много в исследовательском плане первой революционной ситуацией в России и публикацией документальных материалов по этой проблеме, М. В. Нечкина, естественно, не могла пройти мимо такого замечательного памятника эпохи, как «Былое и думы» Герцена. В историко-ведческом плане мемуары Герцена по существу не изучались. М. В. Нечкина посвятила этому специальную статью, остановившись лишь на одной проблеме: как освещалась на страницах «Былого и дум» конспиративная тема русской освободительной борьбы конца 50-х — начала 60-х годов XIX в. В исторической литературе было принято считать само собой разумеющимся, что, поскольку над Герценом не довлела цензура, он мог обо всем писать свободно и достаточно полно.

Хотя произведения Вольной русской печати были свободны от царской цензуры, «но цензура внутренняя, герценовская, не могла быть полностью снята для многих тем», — пишет М. В. Нечкина⁴⁰. Это с полной очевидностью проявляется на примере отражения в «Былом и думах» конспиративных тем русского революционного движения в конце 50-х — начале 60-х годов.

Для выявления и исследования конспиративной темы у Герцена М. В. Нечкина сравнила страницы «Былого и дум» с другими материалами Герцена и Огарева, относящимися к тому времени, которое описано в «Былом и думах». В этих материалах (письма Герцена и Огарева, их статьи и заметки, переписка с ними друзей и др.), а также в мемуарах современников отразилась, как отмечает М. В. Нечкина, «реальная осведомленность Герцена о фактах русского революционного движения». На основании этого сопоставления М. В. Нечкина пришла к следующему выводу: «Герцен не писал и не мог писать в „Былом и думах“ обо всем, что было ему известно о революционном движении в России своего времени, и, в частности, не мог охарактеризовать во всей полноте и свое участие»⁴¹. Необходимо иметь в виду и то обстоятельство, указывает

³⁸ «Исторический сборник...», кн. II, стр. V.

³⁹ Там же, кн. III, стр. 16.

⁴⁰ М. В. Нечкина. Конспиративная тема в «Былом и думах» А. И. Герцена. — В кн.: «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» М., 1963, стр. 277.

⁴¹ Там же, стр. 278.

М. В. Нечкина, что о событиях конца 50-х—начала 60-х годов Герцен писал позднее, в период «тяжелого разочарования и сомнений в правильности прежних решений», вызванных спадом революционной волны в России.

Основной вывод, к которому пришла М. В. Нечкина в результате изучения мемуаров Герцена, формулируется ею так: «Источниковедческий анализ „Былого и дум“ как конспиративного документа помогает выяснить некоторые стороны истинной позиции заграничных главарей русского движения по отношению к подпольной, скрытой практике революционной борьбы в России в годы революционной ситуации»⁴².

* * *

С самого начала своей научной деятельности М. В. Нечкина проявила огромный интерес к проблемам отечественной историографии. И в этой области она с присущей ей целеустремленностью и энергией развернула многостороннюю деятельность, выступив и как исследователь, и как организатор, и как публикатор. Сектор истории исторической науки в СССР Института истории СССР и Научный совет по проблемам истории исторической науки под руководством М. В. Нечкиной подготовили к печати многотомный обобщающий труд по отечественной историографии. Первые четыре тома этого издания уже опубликованы⁴³.

В исследовательском плане М. В. Нечкина много сделала для разработки основных принципов периодизации истории советской исторической науки, советской историографии революционного движения России в XIX в., ленинской концепции истории революционного движения в России.

Наконец, еще одним объектом ее изучения, ее историографической страсти является В. О. Ключевский. Уже первые печатные работы исследовательницы были посвящены этому выдающемуся буржуазному историку России. В последние годы она вновь вернулась к этой теме и в настоящее время готовит к печати монографию «Василий Осипович Ключевский», отдельные главы которой полностью или частично уже опубликованы в периодических изданиях. Но М. В. Нечкина не ограничилась только исследованием творчества Ключевского. Одновременно она организовала и возглавила работу по изданию рукописного наследия Ключевского.

Разумеется, основным первоисточником для историографии служат прежде всего труды историков. Вместе с тем большое значение для истории исторической науки, отмечает М. В. Нечкина, имеют личные архивы историков, в которых отложились материалы, отражающие творческий процесс работы ученого, его лабораторию. В них имеются также разнообразные документы и материалы биографического характера, представляющие интерес для изучения жизни и деятельности историка⁴⁴.

В 1968 г. вышел первый из намеченных и отчасти подготовленных к печати сборников⁴⁵. В сборник вошли 120 писем историка (к родным и друзьям, главным же образом к различным представителям научного мира)⁴⁶, охватывающих период с 1861 по 1911 г., дневники и дневнико-

⁴² Там же, стр. 297.

⁴³ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I—IV. М., 1956—1966. Ответственным редактором т. I издания был М. Н. Тихомиров.

⁴⁴ М. В. Нечкина. История истории (некоторые методологические вопросы исторической науки). — «История и историки. Историография истории СССР». Сб. статей. М., 1965, стр. 10.

⁴⁵ В. О. Ключевский. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. Отв. ред. М. В. Нечкина. Составители Р. А. Киреева и А. А. Зимин. М., 1968.

⁴⁶ Кроме того, 8 писем помещены в Приложении.

вые записи (Ключевский вел их с большими перерывами) за то же время и афоризмы. В подавляющей части сборник состоит из неопубликованных материалов, ранее были изданы только письма Ключевского 1860-х годов к другу его юности П. П. Гвоздеву и небольшие подборки афоризмов. Дневники и дневниковые записи публикуются полностью, из писем, выявленных составителями, даются наиболее значительные по своему содержанию. Что касается афоризмов, то не печатается только небольшая их часть.

Материалы сборника имеют первостепенное значение для изучения личности, мировоззрения и жизни Ключевского, его политических взглядов и отношения к окружающей действительности, в том числе к многим общественно-политическим событиям эпохи. Довольно полно представлены также материалы, характеризующие научные и общественные связи историка, его научные интересы и в известной мере творческую лабораторию. В сборнике раскрываются самые тайники души историка (ведь многие публикуемые материалы не предназначались Ключевским для печати), и он предстает перед читателями со своими терзаниями и сомнениями, противоречивым отношением к людям и эпохе, своими мыслями об исторической науке и закономерностях ее развития, со своими раздумьями о прошлом, настоящем и будущем России.

Нельзя не согласиться с общей оценкой сборника, данной М. В. Нечкиной: «Можно с уверенностью сказать, что изучение Ключевского без материалов, опубликованных в этом томе, теперь просто невозможно»⁴⁷.

* * *

Научная деятельность М. В. Нечкиной необычайно многогранна и неразрывно связана со становлением и развитием советской исторической науки. Мы кратко остановились лишь на некоторых сторонах того, что сделано ею в области изучения и публикации источников.

Марксистско-ленинская разработка ряда крупных проблем научной критики источников, издание обширного комплекса документов и материалов по истории революционного движения России в XIX в. и отечественной историографии — таков конкретный вклад М. В. Нечкиной в развитие источниковедения и археографии. Осуществление ею своих творческих планов, завершение в дальнейшем под ее руководством публикации серии «Восстание декабристов», литературного наследия В. О. Ключевского и факсимильного издания других, еще не переиздававшихся памятников Вольной русской печати, послужит дальнейшему развитию советской исторической науки.

⁴⁷ М. В. Нечкина. История изучения В. О. Ключевского. — «Исторические записки», т. 84, 1969, стр. 250.

ТИХОМИРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 1971 Г.

Г. А. Белов

О РАБОТЕ АРХИВНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И ВВЕДЕНИЮ ЕЕ В НАУЧНЫЙ ОБОРОТ

Работа историка немыслима без архивов. С другой стороны, и работу архивов нельзя себе представить без историков. Сотрудничество историков и архивистов началось с первых дней существования советского архивного дела, когда в архивы пришли М. Н. Покровский, В. В. Адоратский и другие советские ученые, отдавшие много сил и времени архивному строительству. Много внимания оказывали архивам видные советские историки Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, А. М. Панкратова, С. К. Богоявленский, С. В. Бахрушин, В. И. Шунков, А. Л. Сидоров, А. А. Новосельский, В. К. Яцунский. В настоящее время постоянно связаны с архивами и оказывают им значительную помощь Н. М. Дружинин, П. Н. Поспелов, М. В. Нечкина, И. И. Минц, П. А. Жилин, П. В. Волобуев, Л. А. Нарочницкий, Л. В. Черепнин, С. О. Шмидт, Б. Г. Литвак, С. М. Каштанов и многие другие. И не только исторической науке служат архивы. Нет такой науки, которая на данном этапе обходилась бы без соответствующей информации, т. е. без архивов.

За последние годы государственные архивы СССР значительно выросли в количественном и качественном отношениях и являются в настоящее время передовыми научно-исследовательскими учреждениями, которые видят свою задачу в активном формировании источниковой базы советской науки. Коренным образом изменились принципы комплектования Государственного архивного фонда СССР и экспертизы ценности документальных материалов. Перестройка работы советских архивных учреждений в этом направлении, проходившая в 1960—1970 гг. и вызвавшая оживленные дискуссии на страницах печати, полностью себя оправдала. Разработка советскими архивистами вопросов комплектования и экспертизы явилась значительным вкладом в теорию архивоведения и в настоящее время получила мировое признание. В утверждении и развитии этих принципов сыграли положительную роль советские историки, которые принимали активное участие в их разработке и обсуждении, начиная с совместного заседания Археографической комиссии при Отделении истории АН СССР и Научного совета Главного архивного управления при Совете Министров СССР в 1962 г. под председательством покойного академика М. Н. Тихомирова. Принципы отбора на хранение исторически ценных документов, нашедшие выражение в разработанных архивистами критериях экспертизы ценности документальных материалов, в настоящее время обеспечивают полноценное пополнение Государственного архивного фонда СССР историческими источниками в интересах государства и науки.

Существенные успехи достигнуты и на других участках работы архивов. За последние годы улучшилось качество научно-справочного аппарата к документальным материалам. Чрезвычайно активизировалось использование документальных материалов в государственных, политических, народнохозяйственных, научных целях, особенно в связи с празднованием 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции и 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. По материалам советских архивов организовано большое количество документальных выставок, радио- и телевизионных передач, снято кинофильмов, написано статей и подготовлено публикаций. Резко возросло количество исследователей, работающих с документами в читальных залах государственных архивов. За последние годы советскими архивистами при непосредственном и активном участии историков подготовлен и издан целый ряд документальных сборников. О некоторых из них будет идти речь ниже.

Архивные учреждения страны активизировали научную разработку актуальных вопросов архивоведения и документоведения, особенно с созданием в 1966 г. Всесоюзного научно-исследовательского института документоведения и архивного дела. Существенно улучшилась техническая оснащённость архивов. Только за последние годы введен в эксплуатацию ряд первоклассных архивных зданий.

Хотелось бы акцентировать внимание на некоторых вопросах собирательской деятельности, развертывание которой стало возможным особенно в связи с развитием и укреплением международных связей советских архивных учреждений, — поиске документов по истории нашей Родины за рубежом. Эта работа началась сравнительно недавно — со второй половины 1950-х годов. Но за прошедшее время она дала хорошие результаты.

Из Финляндии было получено около 250 тыс. кадров микрофотокопий документов. Эти документы содержат разнообразные сведения по истории городов Выборга, Кексгольма, Сортавалы, Ниеншанца, их торговых связей с Петербургом, Ригой, Ревелем и Нарвой. Многие документы характеризуют историю русско-шведских отношений в XVII—XIX вв. В материалах фонда Буксгевдена есть сведения о деятельности русских полководцев М. И. Кутузова, М. Б. Барклая де Толли, П. И. Багратиона. Получены также ценные источники по истории революционных выступлений финских и русских рабочих в начале XX в., в том числе по истории Свеаборгского восстания 1906 г.

Из архивов и библиотек Стокгольма, а также Упсальского университета привезены в СССР более 20 тыс. кадров микрофотокопий документов. Большой интерес представляют копии донесений шведских послов и резидентов в России, хранящихся в коллекции «Мусковитика» Государственного архива Швеции и охватывающих период с 1536 по 1919 г., а также писем русских послов и уполномоченных на посольских съездах А. Л. Ордина-Нащокина, И. С. Прозоровского, И. А. Прончищева, Я. В. Брюса, А. И. Остермана. Важные сведения содержат письма и донесения, которые направляли из России своему правительству шведские резиденты и послы К. Андерсон, Б. Классон (1536—1537 гг.), Г. Горн, Я. Деллагарди, А. Тенессон (1612—1617 гг.), Г. Бьелке, А. фон Эссен, Ф. фон Крузенштерн (1655—1658 гг.) и др. В копиях представлены протоколы конференций шведских властей с русскими посольствами в Швеции 1633—1791 гг.

В 1964 и 1968 гг. в архивах Швеции активно выявлялись архивные документы, связанные с жизнью и деятельностью В. И. Ленина. Как известно, он часто бывал в Стокгольме и работал в Королевской библиотеке. В Стокгольме проходил IV (объединительный) съезд РСДРП, на котором В. И. Ленин выступал с докладом. Здесь он жил и в 1910 г., через этот город он возвращался в 1917 г. из Швейцарии, из своей послед-

ней эмиграции. Сейчас выявлено большое количество документов, связанных с именем В. И. Ленина, и многие из них к 100-летию со дня его рождения экспонировались на специально организованной выставке; часть копий поступила в Советский Союз.

В Швейцарии удалось выявить ряд ценных документов, относящихся к пребыванию В. И. Ленина в этой стране: анкеты, заполненные В. И. Лениным в цюрихской полиции, его официальные заявления, адресованные местным учреждениям, заказы на книги из швейцарских библиотек. В общей сложности выявлено и передано в Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС более 30 фотокопий различных ленинских автографов. Были взяты на учет также документы по истории России, хранящиеся в архивах и библиотеках Швейцарии. В 1969 г. советские архивисты вновь посетили архивы Швейцарии и добились принципиального согласия на получение многих весьма ценных ленинских документов. В связи со 100-летием со дня рождения В. И. Ленина правительство Швейцарской Конфедерации приняло решение о передаче Советскому Союзу ряда документов из швейцарских архивов, относящихся к периоду жизни и деятельности В. И. Ленина в Швейцарии. 14 ноября 1969 г. посол Швейцарии посетил министра иностранных дел СССР А. А. Громыко и по поручению своего Правительства передал упомянутые документы в дар Советскому Союзу.

Из Швейцарии удалось также получить переписку А. И. Герцена с К. Фогтом, письма П. А. Вяземского, И. Каподистрии, К. В. Нессельроде, М. М. Сперанского к различным ученым и общественным деятелям и другие документы.

Из Англии получены весьма ценные копии грамот русских царей английским королям, материалы о пребывании Петра I в этой стране, копии его писем, а также другие материалы о традиционных дружественных связях между народами обеих стран. Кроме того, были получены некоторые ранее неизвестные материалы о декабристах.

В архивах Югославии выявлено много важных документов. Сейчас мы располагаем микрофильмами материалов по истории политических, экономических, научных и культурных связей России с южными славянами в XVIII и XIX вв., в том числе копиями дипломатической переписки России с городом Дубровником в начале XVIII столетия. Одним из ранних свидетельств дружественных связей народов Югославии и России является письмо Петра I к сенату Дубровника от 2 мая 1711 г. с призывом сотрудничать в войне против общих врагов.

В болгарских архивах были выявлены новые материалы о поддержке болгарским населением русской армии в период войны за освобождение Болгарии 1877—1878 гг., об экономических и культурных связях России и Болгарии в конце XIX и первой половине XX в., о выступлениях болгарских трудящихся в защиту Советской России в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны, о деятельности «Союза друзей СССР» в Болгарии в 30-х годах, о совместных военных действиях болгарской и советской армий на завершающем этапе Великой Отечественной войны, о дружественных связях между СССР и Болгарией после установления в Болгарии народной власти. Микрофильмы этих документов поступили в СССР.

Из Румынии получены микрофотокопии материалов о пребывании в Румынии команды броненосца «Потемкин», об участии революционных румынских солдат в гражданской войне в Советской России на стороне Красной Армии. Большой интерес представляют документы великого русского полководца А. В. Суворова, полученные из Румынии.

В Чехословакии большое количество автографов деятелей русской литературы и искусства было обнаружено в Литературном архиве Музея чешской письменности и Музее Б. Сметаны. Главное архивное управ-

ление получило микрофильм переписки директора Чешского национального музея Б. Каленского с русскими композиторами, дирижерами, музыкальными критиками и музыкальными издателями. В микрофильм включены письма М. А. Балакирева, Н. А. Римского-Корсакова, С. М. Ляпунова, А. К. Глазунова, Ц. А. Кюи, П. И. Чайковского, известных русских музыкальных издателей М. П. Беляева, П. И. Юргенсона, музыкального критика Н. Д. Капкина и многих других. Интересен фонд Д. П. Маковицкого, являвшегося в течение долгого времени врачом семьи Л. Н. Толстого. Из Чехословакии получены также многочисленные документы о пребывании русских революционеров в Чехии в XIX в., в частности об участии М. А. Бакунина в революционном движении в Праге в 1848 г.

Микрофильмы, поступившие из Венгрии, содержат материалы с середины XVII в. до конца второй мировой войны. Так, в составе фонда семьи Недецки имеются письма трансильванского князя Ференца Ракоци к Петру I, копии некоторых русско-венгерских договоров, датированных началом XVIII в., а также переписка Ракоци с послом в России Шандором Недецки. Внешняя политика России середины XVIII в. нашла отражение в материалах Миклоша Эстерхази, занимавшего в тот период пост посла в России. О внутренней политике России, русской культуре и театре XIX в. пишет в своих записках эрцгерцог Альбрехт. Источником по изучению Крымской войны 1853—1856 гг. могут служить донесения австрийского представителя в Константинополе Шандора Гала, который регулярно сообщал о ходе военных действий, о дислокации войск и политике держав, участвовавших в войне. Интересны материалы об А. В. Суворове: документы о действиях русских войск в 1799 г., переписка императора Франца и эрцгерцога Карла с А. В. Суворовым. Документы XX в. содержат сведения о пребывании русских военнопленных в Венгрии и поддержке ими венгерской пролетарской революции. Более тысячи кадров насчитывается в микрофильме протоколов заседаний Совета министров Венгрии. Они охватывают 1921—1944 гг. и освещают широкий круг вопросов — переговоры об обмене военнопленными между Венгрией и Советской Россией в 1921 г., в которых с советской стороны принимал участие М. М. Литвинов, подготовку торгового договора с Советским Союзом и др.

Во Франции обнаружены материалы о франко-русских экономических связях, о французских займах царскому правительству, об участии французского капитала в железнодорожном строительстве в России. В фондах французской полиции были выявлены документы о деятельности русской политической эмиграции, а также социал-демократических организаций Франции накануне первой мировой войны. В архиве Исторического отдела французской армии удалось обнаружить большое количество неопубликованных материалов по истории Отечественной войны 1812 г., а также сведений о состоянии русской армии на протяжении XIX и начала XX в. В результате достигнутого с Дирекцией архивов Франции соглашения об обмене микрофотокопиями документов уже получены весьма интересные микрофильмы. Один из них содержит письма поверенного в делах Франции в России Дугласа к своему варшавскому коллеге Юрану. В письмах излагаются взгляды окружения императрицы Елизаветы Петровны на возможность заключения договора между Францией и Россией накануне Семилетней войны, даются характеристики русским политическим деятелям (С. Ф. Апраксину, И. И. и П. И. Шуваловым, М. И. Воронцову, А. П. Бестужеву-Рюмину), сообщаются сведения о численном составе и боеспособности русских войск. Другой полученный из Франции микрофильм содержит материалы из фонда Императорского секретариата Наполеона I, относящиеся к истории войны 1812 г. и франко-русских дипломатических отношений накануне

этой кампании. На значение этих материалов в свое время указывал Е. В. Тарле, однако сам он, по-видимому, не успел ни скопировать, ни сколько-нибудь широко использовать их в своих работах.

Выявленные в Индии материалы характеризуют главным образом экономические связи России, Хивы и Бухары с Индией в XVIII—XIX вв., а также русско-английские противоречия в Средней Азии. Ряд документов, связанных с именами Г. С. Лебедева, В. В. Верещагина, И. П. Минаева, касается также научных и культурных связей России с Индией.

Из Италии получены микрофотокопии документов, выявленных сотрудниками Главного архивного управления; среди них донесения итальянских представителей в Петербурге, рапорты о наблюдении за русской эмиграцией в Италии. Недавно из Италии получены копии документов, отражающих творческий путь великого русского певца Ф. И. Шаляпина, в частности о постановке с его участием оперы «Борис Годунов» в театре «Ла Скала» в 1909 г.

В порядке обмена получен ряд микрофильмов ценных документов из стран, в которых советским архивистам побывать не удалось. Из США в нашу страну присланы микрофильмы материалов Российско-Американской компании за 1802—1867 гг. (свыше 40 тыс. кадров), донесений американских дипломатических представителей в России (декабрь 1904 г. — октябрь 1905 г.); из Нидерландов — микрофильмы писем М. А. Бакунина, из Австралии — микрофильм личных документов Н. Н. Миклухо-Маклая. Всего к 1965 г. было получено около 450 тыс. кадров микрофотокопий. Сейчас уже в хранилище микрофотокопий ЦГАОР СССР сосредоточено около миллиона кадров микрофильмов, поступивших из 30 зарубежных стран.

Тесный контакт с архивистами ряда стран способствовал получению из-за рубежа подлинных материалов организаций и отдельных лиц, чья деятельность была тесно связана с Россией, а также документов русского происхождения.

Значительный интерес представляют материалы, полученные из Франции. Здесь рукописи литературных произведений и писем Л. Н. Андреева, подаренные Советскому государству его сыновьями Вадимом и Валентином Леонидовичами, приезжавшими в Москву в качестве гостей Главного архивного управления. В архиве Л. Н. Андреева 35 рукописей рассказов и других произведений, несколько тетрадей с черновиками и 70 писем. Из Франции поступили также материалы личного фонда бывшего министра Временного правительства, лидера кадетской партии, а позже русской контрреволюционной эмиграции П. Н. Милюкова. Эти материалы, относящиеся к 20-м и 30-м годам, представляют интерес как источники по истории борьбы контрреволюции с Советской республикой, политической борьбы на Западе вокруг так называемого «русского вопроса», а также внутренней жизни и деятельности русской эмиграции. Из Франции, кроме того, получены рукописи З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского.

Из Чехословакии были получены письма П. А. Кропоткина и материалы, связанные с его жизнью и деятельностью. В 1964 г. из ЧССР поступили документы немецкой полиции и жандармерии, действовавшей на оккупированной территории Украины (1943 г.), материалы Украинского комитета в Лондоне за 1913—1914 гг. и др.

В 1965 г. были получены личные архивы драматурга, режиссера и театроведа Н. Н. Евреинова, инженера-кораблестроителя В. И. Юркевича. В обширном архиве Н. Н. Евреинова представлены его работы, посвященные театру, — «История русского театра», «Откровение искусства», цикл лекций по истории театра. Здесь же материалы о постановках Евреиновым пьес, опер, балетов в театрах различных стран мира, тексты

передач по парижскому радио об А. М. Горьком, А. Н. Толстом, В. В. Маяковском, К. С. Станиславском, А. Я. Таирове. Значительное место занимает переписка Н. Н. Евреинова с писателями, переводчиками, деятелями искусства. Эти материалы переданы в ЦГАЛИ СССР.

Особенно плодотворными в области зарубежных документальных приобретений были последние годы, когда многие зарубежные граждане русского происхождения, главным образом из Франции, передали Главному архивному управлению большое количество интереснейших документальных материалов, относящихся к истории нашей Родины. Так, от В. С. Познера, писателя и общественного деятеля, из Парижа, была получена значительная часть архива его отца, видного публициста.

Начиная с 1965 г. Т. А. Осоргина, вдова писателя М. А. Осоргина, безвозмездно передавала отдельные материалы архив своего мужа, который включает рукописи произведений, письма, биографические документы, фотографии и др. От Г. А. Смирдина получен архив писателя А. Т. Аверченко; в составе архива рукописи произведений, переписка с А. И. Куприным, Вас. И. Немировичем-Данченко, Н. А. Теффи и другие материалы, в том числе значительная коллекция фотографий.

От Н. В. Кодрянской поступили материалы А. М. Ремизова, писателя-декадента, автора рассказов и повестей, стилизованных под русскую старину. Особое значение имеет альбом со 109 рисунками Ремизова, сделанными им в годы фашистской оккупации Парижа. Рисунки носят очень своеобразный характер со свойственными для творчества А. М. Ремизова полумистическими, сумбурными ощущениями.

Дочь И. Я. Павловского, писателя, книгоиздателя и друга И. С. Тургенева, Н. И. де Биндер, передала по завещанию архив своего отца, в составе которого рукопись его романа «Эмигранты», рукописи других произведений, письма.

Коллекционер А. Г. Савченко передал собранную им за многие годы коллекцию вырезок из зарубежных газет и журналов с произведениями русских писателей (И. А. Бунина, К. Д. Бальмонта, И. С. Шмелева и др.).

Л. Д. Леонидов передал много акварелей, эстампов, декораций и эскизов костюмов М. В. Добужинского.

Вдова А. В. Руманова, журналиста, одного из редакторов газеты «Русское слово», Л. Е. Руманова, передала рукописи его статей, воспоминаний и другие материалы.

Сыновья С. К. Маковского — И. С. и С. С. Маковские — передали архив своего отца, редактора журнала «Аполлон», в составе которого имеются рукописи статей, докладов, воспоминаний, стихов, переписка с И. А. Буниным, М. В. Добужинским, Н. Н. Евреиновым, артисткой Е. Н. Рощиной-Инсаровой.

От В. А. Верещагина, племянника художника В. В. Верещагина, и его жены получен архив писательницы Н. А. Теффи.

Вдова А. П. Шполянская (Дон Аминадо) Н. М. Шполянская передала архив своего мужа, писателя-сатирика, очеркиста, автора фельетонов времен эмиграции, который содержит его произведения, фотографии, переписку, в том числе письма Л. Н. Толстого, А. И. Куприна и др.

А. А. Черкесова, дочь художника А. Н. Бенуа, уступила Главному архивному управлению 44 иллюстрации своего отца к «Капитанской дочке». Затем она безвозмездно передала партию акварельных иллюстраций А. Н. Бенуа к произведениям А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. Моруа, А. Ренье, а также эскизы театральных костюмов, изготовленные для Ф. И. Шаляпина, эскизы декораций и костюмов для спектакля «Идиот» по роману Ф. М. Достоевского и др.

К. А. Мозжухина передала архив своего мужа, певца А. И. Мозжухина и его брата И. И. Мозжухина, известного киноактера, в котором свыше

6 тыс. документов (киносценарии, переписка). Среди материалов, собранных А. И. Можухиным, уникальные потные автографы композитора М. П. Мусоргского, альбомы с рисунками.

Библиограф М. Л. Бернштейн передал часть архива поэта Ю. К. Балтрушайтиса, а также отдельные материалы о деятельности русской эмиграции за 1910—1914 гг. во Франции. Всего получено от него более 400 документов, в том числе воспоминания о первых шагах революционной деятельности Ф. Э. Дзержинского, о рефератах В. И. Ленина и А. В. Луначарского и др.

Фотографии из коллекции Я. Ф. Сахара, петербургского нотариуса, любителя литературы и театра, передала в ЦГАЛИ СССР его дочь Нора Яковлевна. Среди них фотографии с автографами В. Н. Давыдова, К. А. Варламова, Сары Бернар, Томмазо Сальвини, Эрнесто Росси и др.

От известного антиквара Л. А. Гринберга было получено 70 писем художника Н. К. Рериха. Л. А. Гринберг передал также в советские архивы автографы известных русских деятелей культуры, в том числе И. А. Бунина, А. Н. Бенуа и др. Из Франции получен также большой и весьма содержательный архив композитора А. Т. Гречанинова, содержащий значительное количество музыкальных произведений.

Французская гражданка Ж. Гупиль и ее муж передали нам документальные материалы ее деда Луи Поме, французского художника, поэта и переводчика. В составе переданных материалов 15 писем И. С. Тургенева, которые содержат существенные дополнения к биографии писателя, письма Полины Виардо, в которых часто упоминается И. С. Тургенев, а также отдельные письма Марианны Дювернуа и Луи Виардо, уникальные фотографии.

Недавно от Н. Д. Лобанова-Ростовского из США была получена большая архивная коллекция, насчитывающая свыше 2 тыс. единиц хранения, главным образом архив художника С. Ю. Судейкина, состоящий из его рисунков (акварель, тушь, карандаш, цветной карандаш), эскизов театральных декораций и костюмов, записных книжек, писем, фотографий, контрактов, каталогов художественных выставок, театральных программ. В коллекции имеются также автографы и фотографии из личного архива Лобанова-Ростовского и материалы других деятелей культуры.

Среди отдельных, более мелких поступлений следует упомянуть рукописи романа «Ошибка» и других произведений Шолом-Алейхема, полученные из США от Э. И. Кац. Роман «Ошибка» был написан в 1915 г. и является острой сатирой на американский образ жизни.

М. Пиз из Англии передал в дар 37 писем С. М. Степняка-Кравчинского к Э. Пизу. Искусствовед С. А. Белиц передал письма художников Д. Д. Бурлюка, А. Н. Бенуа, С. А. Виноградова и др. Из личного архива Б. К. Зайцева получены рукописи его произведений «Царь Давид», «Дина» и др.

Только за последние годы советскими архивами получено более 300 тыс. документов, а всего в государственные архивы СССР поступило из других стран почти 600 тыс. подлинных документов.

С 1963 г. при Главном архивном управлении работает Междудомственный научно-методический совет по приобретению документальных материалов в собственность государства. Одной из его задач является организация приобретения документальных материалов, находящихся в распоряжении учреждений и частных лиц за рубежом. На своих заседаниях совет заслушивает информации об имеющихся за границей материалах, обсуждает формы работы по комплектованию государственных хранилищ документальными материалами личного происхождения. На заседаниях Совета делятся опытом работы представители ЦГАЛИ СССР, Института русской литературы (Пушкинского Дома), Государ-

ственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Института мировой литературы им. А. М. Горького и других организаций. Началось также изучение международного рынка антиквариата, специально существующих бюро и аукционов по продаже автографов с целью выявления и приобретения документов русских политических деятелей, деятелей науки, культуры и искусства. Систематическое пополнение Государственного архивного фонда подлинниками и копиями зарубежных архивных материалов позволяет обогатить источниковую базу советской исторической науки, способствует решению стоящей перед государственными архивами задачи — активизации использования архивных материалов в интересах Советского государства.

В настоящее время эта работа приобретает особое значение в связи с тем, что ряд организаций в капиталистических странах Запада, особенно в США, не жалеют усилий и средств на приобретение документальных материалов по истории СССР.

В деле дальнейшего розыска за рубежом исторических документов, существенно дополняющих Государственный архивный фонд, немалую помощь нам могут оказать также историки, выявляя такие документы при своих поездках за рубеж или хотя бы информируя Главное архивное управление о возможностях этого рода для последующего принятия мер (очень много сделал в этом плане известный литературовед и искусствовед И. С. Зильберштейн, уже передавший в ЦГАЛИ СССР около 12 тыс. документов, полученных им из-за границы). Подобное сотрудничество оказалось бы весьма полезным для исторической науки, поскольку найденные документы рано или поздно будут введены в научный оборот.

* * *

Среди различных аспектов работы архивных учреждений особое внимание научной общественности обращают на себя вопросы введения документальных богатств в научный оборот.

Чтобы хорошо ориентироваться в составе и содержании Государственного архивного фонда СССР и наиболее эффективно его использовать, особое значение приобретает публикация научно-справочного аппарата к документальным материалам. Более 20 лет назад был издан ряд путеводителей по центральным государственным архивам СССР. Сейчас они в значительной мере устарели, не считая, конечно, таких архивов, как ЦГАДА. Поэтому работа по подготовке путеводителей и справочников по важнейшим комплексуемым архивам будет продолжена и в будущем. В частности, к 1973 г. предполагается издать т. 4 Путеводителя по ЦГАЛИ, из которого историки, литературоведы и искусствоведы получают информацию о многих новых поступлениях в архив, в частности, о тех, о которых говорилось выше. А всего в предстоящем пятилетии к изданию будет подготовлено 46 путеводителей и справочников по различным архивам страны.

Что касается каталогов, то вскоре будет закончена работа по подготовке к изданию первого выпуска научного описания рукописей А. А. Блока, раскрывающего эпистолярное наследие великого русского поэта. Большой интерес должен вызвать каталог пергаменных грамот Центрального государственного исторического архива УССР в г. Львове, тем более, что древние документы этого архива сравнительно мало известны.

Для лучшей постановки информации о содержании наиболее важных фондов большое значение имеет издание описей к документальным материалам. В этой связи остановимся подробнее на программе работ ЦГАДА.

В целях информации исследователей о ценнейших комплексах исторических источников ЦГАДА ведет подготовку к изданию ряда описей документальных материалов. Выход в свет некоторых из описей приурочен к VII Международному конгрессу архивов. Это подготовленные на современном научном уровне опись фонда Государственного древлехранилища хартий и рукописей и опись книг московских приказов. Предполагается также издать первый выпуск описи фонда Кабинета Петра I.

Большое значение для советской исторической науки имеет готовящаяся к изданию опись второго отделения фонда Кабинета Петра I. В настоящее время к этому ценнейшему комплексу документальных материалов ЦГАДА имеется лишь опись, составленная в конце XVIII в. М. М. Щербатовым. Старая опись не может удовлетворить ни исследователей, ни архивистов, поскольку она не раскрывает содержания материалов фонда.

Материалы второго отделения Кабинета Петра I (входящие документы) — это письма, донесения, реляции, адресованные Петру I и кабинет-секретарю А. В. Макарову различными корреспондентами, крупнейшими государственными деятелями России и иностранных государств, учеными, военачальниками и т. д. В качестве приложений к письмам присылалось огромное количество различных перечней, списков, курантов, ведомостей, чертежей и планов. Некоторые документы имеют резолюции и пометы Петра I.

Эти документы, вместе взятые, являются исключительно важным материалом для изучения истории России времени Петра I. Без преувеличения можно сказать, что все сферы жизни Русского государства первой четверти XVIII в. нашли отражение в материалах данного фонда. Эти материалы являются ценнейшими источниками для изучения внутренней и внешней политики России. Многочисленные документы рассказывают о классовой борьбе народных масс против своих угнетателей (например, об известном Астраханском восстании 1705—1706 гг.), истории войн (в первую очередь, конечно, огромное количество материалов по истории Северной войны). Нашли отражение в материалах фонда и такие вопросы, как история науки и техники, организация армии и флота, литература и искусство, торговля. История городов, фортификации (зачастую имеются чертежи и планы) также отражены в материалах фонда.

Материалы фонда Кабинета Петра I совершенно необходимы для изучения истории государственных учреждений этого периода. Они дают возможность проследить деятельность крупнейших сподвижников Петра I — Ф. А. Головина, Б. П. Шереметева, Ф. М. Апраксина, Г. И. Головкина, А. Д. Меншикова, П. П. Шафирова и других, — установить их роль в событиях первой четверти XVIII в. Материалы фонда содержат сведения биографического характера об этих и многих других государственных деятелях. Ценность документов фонда заключается также в том, что они, как правило, дают возможность проследить за развитием того или иного события, в деталях воссоздать его от начала до конца.

Трудно перечислить все вопросы, затрагиваемые в рассматриваемых документальных материалах. Именно поэтому его материалы давно и широко используются исследователями. Издание новой описи позволит облегчить работу исследователей и архивистов над материалами данного фонда и ввести в научный оборот более широкий круг источников.

В связи с тем, что описание материалов фонда еще не завершено, а объем описи довольно значителен (около 60 печатных листов), архив предполагает издавать эту опись четырьмя выпусками. Подготовку к изданию первого выпуска намечено завершить в 1972 г.

Выходит в свет подготовленная архивом под редакцией Л. В. Черепнина опись фонда-коллекции «Государственное древлехранилище

хартий и рукописей», в состав которого вошли документы московского великокняжеского архива, архивов удельных князей, Царского архива, архива Посольского приказа. Материалы этого фонда насчитывают 470 единиц хранения за XIII—XVIII вв. и составляют древнейшую часть материалов ЦГАДА. Это духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, жалованные грамоты, акты об утверждении царской власти, крестоцеловальные и поручные записи князей и бояр, дела о царских коронациях и бракосочетаниях. В опись включены важнейшие законодательные памятники — Устав князя Ярослава о мостах в Новгороде, Русская Правда, судебники Ивана III 1497 г. и Ивана IV 1550 г., Соборное уложение 1649 г. и материалы по составлению нового Уложения 1767 г., а также небольшая группа рукописных книг — отдельные летописи, Титулярник и царские родословия.

Несмотря на широкую известность этого собрания, ряд документов еще ждет своего исследователя и публикатора.

Разработка истории экономического развития феодальной России является одной из ведущих проблем советской исторической науки. В целях введения в научный оборот новых источников по социально-экономической истории феодализма и информации исследователей об этих источниках ЦГАДА предпринимает издание описей двух больших комплексов документов.

Архивом подготовлена под редакцией Л. В. Черепнина и сдана в печать опись книг московских приказов за 1495—1718 гг. В эту опись включены книги пяти фондов ЦГАДА — «Боярские и городовые книги», «Дела о Посольском приказе и служивших в нем», «Приказные дела старых лет», приказа Великого княжества Литовского и приказа княжества Смоленского. Объединение книг в одну опись оправдано единством их происхождения — они были созданы или присланы с мест в Посольский приказ и приказы, подведомственные ему, — Владимирскую, Галицкую, Новгородскую и Устюжскую четверти, Малороссийский приказ, приказ княжества Смоленского и приказ Великого княжества Литовского.

Включенные в эту опись книги можно объединить в пять больших групп: писцовые и переписные книги; приходные окладные книги денежных сборов; расходные книги денежных сборов; приказные сметные списки и окладные росписи; записные книги входящих и исходящих документов.

Эти книги являются источниками для изучения экономики, внутренней и внешней политики, торговли, городского ремесла, финансовой и таможенной политики, налоговой системы, государственных расходов на содержание вооруженных сил, центрального и местного управления. Они также характеризуют феодальное землевладение и процесс закрепощения крестьян. Столь разнообразное содержание этих источников делает необходимым их использование при разработке всех сторон истории России конца XV—начала XVIII в.

Другим важным комплексом источников по социально-экономической истории России является фонд «Ландратские книги и ревизские сказки I—III ревизий». Подготовка к изданию описи этого фонда уже началась.

Материалы фонда за первую половину XVIII в., как и писцовые и переписные книги конца XV—начала XVIII в., включенные в опись книг московских приказов, являются результатом регулярно проводившихся в России переписей населения.

В фонде содержатся как первичные материалы, например ревизские сказки, так и материалы, являющиеся результатом их обработки, — переписные и перечневые книги трех подушных описей. Эти переписи проводились на основании указа от 26 ноября 1718 г., заменившего подворное обложение подушным. Кроме того, для выяснения возможностей расквартирования полков проводились описания населенных пунктов,

заводов и мельниц, материалы которых также имеются в составе фонда.

Массовость и систематичность этих источников, охват переписями почти всей Европейской России, сравнительная точность приводимых данных делает их особенно ценными для изучения истории народонаселения. Вместе с тем эти источники необходимы при изучении ряда других проблем социально-экономической истории России первой половины XVIII в. — положения крестьянства по его категориям, организации помещичьего хозяйства, промышленности, торговли, формирования рынка рабочей силы и т. п.

Кроме подготовки к изданию современных описей документальных материалов, ЦГАДА совместно с Археографической комиссией при Отделении истории АН СССР готовит к изданию хранящуюся в ЦГАДА опись архива Посольского приказа 1626 г. Издание этой описи явится как бы продолжением уже вышедшей публикации «Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года».

Огромное научное значение издаваемой описи не подлежит сомнению. В этой описи перечислены сохранившиеся после пожара 1626 г. в Москве важнейшие документы Российского государства — духовные, договорные и уставные грамоты великих и удельных князей и русских царей, договорные грамоты и дипломатическая переписка с иностранными государствами, а также Грузией, Бухарой, народами Поволжья, Северного Кавказа.

Опись документов архива Посольского приказа сама является ценнейшим историческим источником, поскольку в ней нашли отражение и не дошедшие до наших дней документы. Она является также важным источником для изучения истории архивного дела в России в начале XVII в., в частности методов описания документов. Включение в опись архива действующего учреждения комплекса документов «старых лет», представлявших историческую ценность, наглядно свидетельствует о наличии в России в XVII в. исторического архива, документы которого регулярно описывались.

И, наконец, об одном из важнейших аспектов работы архивных учреждений по включению в научный оборот исторически ценных документов — о публикационной деятельности.

Публикация исторических источников в нашей стране (в советский период), начавшаяся буквально с первых дней существования Советского государства, прошла большую и сложную историю. К сожалению, эта история изучена еще весьма поверхностно. На сегодняшний день уже изданы тысячи документальных сборников, многие из которых широко известны и интенсивно используются. Развитие публикационной деятельности вызвало возникновение новых форм, в частности серийных публикаций, среди которых в первую очередь следует назвать хорошо известную серию «Великая Октябрьская социалистическая революция».

Хотелось бы подробнее остановиться еще на одной новой форме публикационной деятельности. Имеется в виду издание совместных советско-зарубежных сборников документальных материалов.

Практика совместных изданий документов архивными и научными учреждениями СССР и зарубежных, прежде всего социалистических, стран сложилась в 50-х годах. Первым таким изданием был сборник документов и материалов «Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», подготовленный Министерством иностранных дел СССР и ЧССР. Сборник вышел в свет в 1960 г. С тех пор вышло до 30 томов совместных изданий, включающих 10 тыс. документов, из которых примерно 6—7 тыс. документов впервые введено в научный оборот (не считая документов, использованных в комментариях).

В 1961—1967 гг. вышло в свет трехтомное издание документов и материалов «Освобождение Болгарии от турецкого ига (1875—1879 гг.)», осуществленное научными и архивными учреждениями СССР и НРБ. В это издание вошло около 1500 документов, из них 80% опубликованы впервые. Сборник получил высокую оценку научной общественности.

По соглашению Академии наук СССР и Польской Академии наук с 1959 г. осуществляется совместное десяти томное издание серии «Документы и материалы по истории советско-польских отношений» (1917—1960 гг.). В подготовке этой серии участвуют Институт славяноведения и балканистики АН СССР, Министерство иностранных дел СССР, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Главное архивное управление, с польской стороны — Польская Академия наук, МИД ПНР, Институт истории партии при ЦК ПОРП, Генеральная дирекция госархивов Польши. Вышло в свет уже 6 томов, 60% из всех включенных в их состав документов публикуется впервые. Документы сборника освещают все аспекты советско-польских отношений на протяжении полувека и составляют солидную базу источников для историков.

При тесном сотрудничестве советских и польских историков и архивистов, их совместными усилиями подготовлено и издано 12 томов документов по истории польского восстания 1863—1864 гг.

Изданы сборники документов, освещающие отношения народов СССР с народами зарубежных стран в годы Великой Отечественной войны, неоценимую помощь народов СССР народам Европы в освобождении от фашистского гнета, а также характеризующие формирование межгосударственных связей нового типа.

В 1969 г. изданы сборники документов «Советско-болгарские отношения», «Советско-венгерские отношения».

Совместными усилиями советских и германских архивистов и историков издан на русском и немецком языках сборник документов «За антифашистскую демократическую Германию 1945—1949 гг.». В нем опубликовано 180 немецких и 102 советских документов (30 — из архивов МИД СССР и 72 — из государственных архивов). Впервые введено в научный оборот около 200 новых документов.

Двумя изданиями, в 1963 и 1968 гг., на трех языках — русском, французском и немецком — был издан сборник документов «Преступные цели — преступные средства», разоблачающий фашистские преступления против мира и человечности. Сборник был подготовлен Главным архивным управлением и Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Несмотря на то, что данное издание было предпринято только советской стороной, перевод его на ряд иностранных языков говорит о большом международном значении.

В настоящее время Главное архивное управление вместе с советскими и зарубежными научными и архивными учреждениями работает над подготовкой 12 сборников документов. Девять из этих сборников готовятся в сотрудничестве с социалистическими и три — с капиталистическими странами (Англией, Швецией и Италией).

Основными направлениями тематики сборников, издаваемых совместно с европейскими социалистическими странами, является показ формирования и развития межгосударственных связей и отношений нового типа, крепнущей дружбы народов социалистических стран с народами Советского Союза.

В вышедших в свет и готовящихся к печати сборниках подавляющее большинство документов (до 70—80%) публикуется впервые, и таким образом вводится в научный оборот огромное количество ранее неизвестных документов.

В процессе подготовки совместных советско-зарубежных сборников была выработана новая форма научного сотрудничества архивистов и

ученых различных стран. Нелегким был этот путь. Много разногласий пришлось преодолеть, но сейчас можно с уверенностью сказать, что за этой формой научного сотрудничества будущее.

Публикационная деятельность архивных учреждений ведется по всем периодам истории СССР. В ближайшем будущем по-прежнему в центре внимания советских архивов будет стоять тема «Великая Октябрьская социалистическая революция и борьба за установление и упрочение Советской власти». Это сборники «Октябрь на фронте», «Военно-революционные комитеты действующей армии», «Военно-морской революционный комитет» и др. Важнейшим видовым изданием, которое составит капитальную базу источников по истории гражданской войны, явится четырехтомник «Директивы командования Красной Армии». Не меньший интерес вызовут видовые сборники «Протоколы Президиума ВСНХ» и «Протоколы Президиума Госплана», которые явятся богатейшим источником по истории становления социалистической экономики. Следует заметить, что при подготовке двух последних сборников был применен метод сокращенной передачи текста.

К 50-летию создания СССР будет приурочено издание сборника «Образование Советского союзного государства». Начата работа по подготовке фундаментальной многотомной публикации «Великая Отечественная война Советского Союза».

Публикации документов запланированы по всем этапам истории советского общества, включая послевоенный период. Продолжается работа по внешнеполитической тематике, в частности, по многотомным изданиям «Внешняя политика СССР», «Документы и материалы по истории советско-польских отношений». Продолжается работа над публикацией важных серий сборников документальных материалов об индустриализации и коллективизации сельского хозяйства в СССР. Будет опубликовано большое количество документов по истории культуры и искусства — сводные материалы серийного издания «Культурное строительство в СССР», продолжение изданий «Советский театр», «История советской кинематографии в документах».

Местные архивные учреждения готовят ряд документальных публикаций по истории городов, фабрик, заводов и колхозов.

Из публикаций дореволюционных документов следует отметить завершение многотомного издания «Рабочее движение в России». Вызвет интерес публикация «Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (1914—1917 гг.)», которые являются ценным источником, отражающим состояние экономики предреволюционной России.

По более раннему периоду готовится т. 4 публикации «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. 12 и 13 известной многотомной публикации «Письма и бумаги Петра I», а также двухтомник «Северная война» и дневники одного из видных сподвижников Петра I в ранний период его деятельности генерала Патрика Гордона, которые представляют чуть ли не подневную хронику событий второй половины XVII в.

Всего в ближайшие несколько лет будет подготовлено к изданию свыше 200 сборников. В научный оборот будут введены десятки тысяч новых документов.

ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

А. А. Амосов

КОПИЙНАЯ КНИГА АНТОНИЕВА-СИЙСКОГО МОНАСТЫРЯ

В настоящее время является общепризнанным большое значение копейных книг как источников отечественной истории периода феодализма. По разным причинам многие документы дошли до нас лишь в сборниках копей. Нет нужды касаться историографии копейных книг; она обстоятельно охарактеризована Л. В. Черепниным¹. Отметим лишь, что после исследования Л. В. Черепнина, давшего общий обзор известных в то время актов сборников и наметившего основы методики их изучения, — с середины 50-х годов начался новый период в развитии дипломатической кодикологии, характерной чертой которого является детальный анализ одной или нескольких копейных книг, объединяемых общностью происхождения из одного архива. В работах С. М. Каштанова² и Л. И. Ивиной³ копейные книги изучаются преимущественно в том плане, как намечал Л. В. Черепнин, т. е. каждая книга связывается с определенными социально-политическими событиями внутри государства. Можно считать, что сейчас уже достаточно оформилась и методика анализа копейных книг. Принципы и задачи изучения их недавно сформулированы С. М. Каштановым⁴.

Не лишено интереса обстоятельство, что до настоящего времени детальному анализу подверглись лишь копейные книги крупнейших духовных корпораций — Троице-Сергиева, Симонова, отчасти Кирилло-Белозерского⁵ и Соловецкого⁶ монастырей и митрополичьей кафедры⁷. Естественно, что наиболее крупные духовные феодалы (архивы которых, кстати, сохранились сравнительно хорошо), оказывавшие порой неопосредственное влияние на политику в масштабах всего государства, раньше привлекают внимание исследователя. Копейные книги менее значительных корпораций, если и были известны (ряд сборников упоминается Л. В. Черепниным), не удостоились, однако, детального изучения. Между тем в некоторых случаях широкое привлечение документации «малых» монастырей позволяет вносить заметные коррективы в историю того или иного региона (что в особенности относится к Европейскому Северу).

Актовые сборники Антониева-Сийского монастыря не изучались кодикологически, не упоминались в литературе. Нами в архивах СССР выявлены две сийские копейные книги⁸. Особый интерес при кодикологическом изучении сийских сборников заключается в том, что монахи уделяли большое внимание своему архиву, регулярно описывая и систематизируя его. В описи монастырского архива внесены подлинные акты

¹ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 2. М., 1951, гл. 1.

² С. М. Каштанов. Копейные книги Троице-Сергиева монастыря XVI в. — «Записки Отдела рукописей» ГБЛ, вып. 18. М., 1956.

³ Л. И. Ивина. Копейные книги Троице-Сергиева монастыря XVII в. — «Записки Отдела рукописей» ГБЛ, вып. 24. М., 1961; она же. Копейная книга актов Симонова монастыря XVII в. — «Проблемы источниковедения», вып. X. М., 1962; она же. Троицкий сборник материалов по истории землевладения Русского государства XVI—XVII вв. — «Записки Отдела рукописей» ГБЛ, вып. 27. М., 1965.

⁴ С. М. Каштанов. Очерки русской дипломатики. М., 1970, стр. 218—340. Им исследован в этой книге сборник копей XVI в. с грамот Троице-Сергиева монастыря (ГПБ, Собр. Погодина, № 1905).

⁵ Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2, гл. 1, § 4.

⁶ Н. С. Чаев. Северные грамоты XV в. — ЛЗАК, вып. 35. Л., 1929.

⁷ Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 2. См. также публикацию древнейшего митрополичьего сборника актов в АФЗиХ, т. I. М., 1951.

⁸ Государственный архив Архангельской области, Библиотека, № 2 р. с.; ЦГАДА, ф. 1196, оп. 3, д. 4а.

публично-правового характера, а в ряде случаев и списки важнейших грамот⁹. Сравнивая состав копийной книги с примерно синхронной ей описью, можно уточнить степень полноты книги относительно с архивом (на принципиальную возможность такого приема в изучении копийных книг указывал еще Н. С. Чаев¹⁰), наметить причины возникновения сборника определенного состава.

Для исследования выбрана копийная книга, хранящаяся в ЦГАДА, ф. 1196, оп. 3, д. 4а. Объем сборника — 312 лл. Формат — 210×320 мм. Сохранились остатки картонного переплета, когда-то оклеенного бумагой. На верхней крышке переплета этикетка, на которой почерком XIX в. написано «№ 419» (цифра 9 исправлена из 7); «Отписная книга владений Антониева-Сийского монастыря и грамот царских писца А. Толстого 1624 года». Переплет пострадал от времени, края осыпались, корешок утрачен, оклеен крафтовой бумагой. Рукопись, видимо уже в советское время, подверглась некачественной реставрации. Обветшали несколько первых листов, сохранность остальных листов и текстов хорошая. Филигрانی в сборнике двух видов — «Герб города Амстердама» и «Голова шута» (см. табл. 1). Текст во всем сборнике в один столбец, на обеих

Т а б л и ц а 1

№ п/п	Эмблематичное изображение	Литерное сопровождение	№ тетрадей	Примечание
1	Герб Амстердама	GK	A	Сходных датированных не найдено
2	То же	—	1—3	То же
3	» »	PM	4—6, 36—37	Датирован С. А. Клепиковым 1686 г. ¹
4	» »	CA	6	Сходных датированных не найдено.
5	» »	MC	7—10	Датирован С. А. Клепиковым 1676 г. ²
6	» »	IV	11—13, 15	Распространен в 1654—1685 гг. ³
7	Шут, 2 рога, 4 бубенца	Семизначный шифр	11—14	Распространен в 1674—1681 гг. ⁴
8	Герб Амстердама и AI	—	13—14	Сходных датированных не найдено
9	Герб и шифр «AMSTER-DAM»	IV	14	То же
10	Герб Амстердама	MPV	17—24	Распространен в 1667—1671 гг. ⁵
11	Шут, 3 рога, 7 бубенцов	—	20, 26, 27, 29—32	У А. А. Гераклитова сходные датированы 1678 г. ⁶
12	Сходен с № 7	ID в рамке	23, 25, 28	Обнаружен сходный в рукописи 1673 г. ⁷
13	Сходен с № 11	ID	33	Сходных датированных не найдено
14	Сходен с № 7 и 12	RPR	34—35	То же
15	Герб Амстердама	IM	38—39	Датирован С. А. Клепиковым 1719—1742 гг. ⁸

¹ С. А. Клепиков. Бумага с филигранью «Герб города Амстердама» (далее — С. А. Клепиков. «Герб города Амстердама»). — «Записки Отдела рукописей» ГБЛ, вып. 20. М., 1958, № 233.

² Там же, № 181а.

³ Там же, № 115.

⁴ С. А. Клепиков. Бумага с филигранью «Голова шута Foolschap». — «Записки Отдела рукописей» ГБЛ, вып. 26. М., 1963, № 265. А. А. Гераклитов относит такой тип шута ко второй половине 70-х—началу 80-х годов XVII в. (А. А. Гераклитов. Филигрانی XVII века на бумаге рукописных и печатных документов. М., 1963).

⁵ С. А. Клепиков. «Герб города Амстердама», № 190—193.

⁶ А. А. Гераклитов. Указ. соч., № 1373, 1374.

⁷ ЦГАДА, ф. 1196, оп. 4, д. 389.

⁸ С. А. Клепиков. «Герб города Амстердама», № 140.

сторонах листа. Число строк в полной странице от 24 до 30, преимущественно 27—28. Тип письма: скоропись второй половины — конца XVII в. Нумерация и расположение почерков даны в табл. 2.

⁹ Нами выявлено в архивах Москвы и Ленинграда 13 архивных описей XVII—XVIII вв. В настоящее время готовится сообщение об описях Сийского архива как разновидности источника.

¹⁰ Н. С. Чаев. Указ. соч., стр. 125—128.

№ тетради	Лл., составляющие их	№ почерка	Лл., заполненные этим почерком	№ тетради	Лл., составляющие их	№ почерка	Лл., заполненные этим почерком
A	2—5	I	2—4 об.	25	192—200	V	192—196
1—16	6—126	II	6—125 об.			VI	196
17—22	127—171	III	127 об.—147	26—27	201—215	VII	196 об.—200
		IIIa	147—171 об.			IIIb	201—211
23	172—183	IV	172—177 об.			III	211 об.—214 об.
+4л.	178—181	V	178—179 об.	28—35	216—278	Va	215—215 об.
		IV	182—183			V6	216—260
24	184—191	III6	183—184 об.	+2л.	279—280	VI	260—275
		IV	184 об.			VIII	275—277 об.
		IVa?	185—185 об.	36—37	281—290	IX	278—280
		III6	186—186 об.	38—39	291—310	X	281—289 об.
		V	187—191 об.				Несколько схожих почерков конца XVII—начала XVIII в.

Некоторые тетради писаны одним почерком, другие — несколькими. Граница употребления почерков в основном совпадает с границами тетрадей. Номерами с литерами обозначены почерки, отличия которых можно отнести за счет смены пера или начала письма после некоторого перерыва.

Большинство копий актов начинается с заголовка (отсутствующего в единичных случаях; всего же в книге 141 копия). В целом заголовки довольно хорошо передают содержание акта, указывая объект действия его, иногда дату (год). Как правило, начинаются заголовки словом «Список», далее идет обозначение разновидности документа (грамота, государева грамота, жалованная грамота и т. п.). Одни заголовки краткие, как, например: «Список з грамоты на речку Ширшему» (л. 138 об.); другие — весьма пространные. Исключение составляют заголовки: № 7¹¹ — «154-го да 155-го году в Двинских переписных книгах Ивана Философова да подьячего Козмы Патрикеева написано, что за Сийским монастырем сел и деревень» (л. 81 об.); № 8, начинающийся словом «Копия» (л. 96 об.); № 9 — «И выписано из Двинских переписных книг столыника Афанасия Фавизина да подьячего Федора Замятнина 186 года» (л. 97 об.); № 10 и 11 — «Копия» (лл. 123 и 124); № 13 — «И по той жалованной грамоте выпись отводная» (л. 129); № 22 — «Снимок с оброчной» (л. 139); № 23 и 27, где не раскрывается содержание, а приведена формула «слово в слово» (лл. 139 и 142 об.), № 91 и 93, где указан лишь объект действия, без обозначения признака копияности (лл. 255 об. и 259); № 94—106, в которых не раскрывается содержание.

По времени написания заголовки можно разделить на несколько групп. Первые 11 текстов были озаглавлены непосредственно перед копированием документов, что подтверждается как идентичностью почерка заголовков и текстов, так и расположением текстов и в некоторых случаях формой заголовка. Одновременно с копированием текстов составлялись и заголовки № 64—66, 94—106, 111, 112, написанные теми же чернилами и почерком, что и тексты (причина этого будет ясна из дальнейшего изложения).

Большая часть заголовков составлена позднее, при правке текстов. Книга правилась дважды. Первый раз сверку и правку производили писцы, копировавшие документы, отмечая пропуски и восстанавливая их на полях; это происходило сразу же после переписки текста или заполнения тетради, так как чернила правки писцов идентичны чернилам текстов, а особенности начертания букв свидетельствуют, что не менялось, даже не зачинивалось вновь перо. Вторая правка, окончательная, производилась несколькими лицами, видимо, ответственными за архив; начертания второй правки имеют некоторые параллели с почерками составителей описей архива 1673, 1680 и 1682 гг. — через некоторый промежуток времени — следы правки оставлены чернилами других оттенков. В процессе вторичной правки и было составлено большинство заголовков, для которых переписчики оставляли свободное место между текстами. Эти заголовки вписаны несколькими почерками. Какой-либо закономерности в смене почерков заголовков не наблюдается. Можно отметить лишь, что почерк первого вида, имеющий элементы почерков I и III основных текстов с преобладанием элементов почерка I (почерком этого вида написано оглавление), сконцентрирован преимущественно в первой части книги. Почерк второго вида можно идентифицировать с почерком VII основных текстов; этим почерком написано наибольшее количество заголовков. Редакторская работа над сборником происходила и позднее, однако она уже не имела вида сплошной правки с целью улучшения точности передачи текста.

¹¹ Нумерации документов в сборнике нет. Номера заголовков даны нами согласно порядку расположения текстов.

Имеется лишь одна скрепа по нижнему полю лл. 292—310, на которых скопированы закладные письма: «Троицкого /Анто/ни/ева/ Сий/ска/го /ма/на/стыря/ на/ме/стник /иеро/мо/нах/ Ири/ней/ Кутей/ников/, эконом монах Иоаким Золотухин». Почерки скрепы и текстов писем схожи, но с уверенностью идентифицировать их нельзя.

В книге две нумерации тетрадей. Первая проходит в середине нижнего поля листов, почерком, сходным с почерком II основных текстов. Вторая — в правом нижнем углу, некоторые номера сохранились фрагментарно, так как были срезаны при переплете книги, имеют сходство с почерками III и V основных текстов. Номера буквенные — от 2 до 15 (правая нумерация) и от 1 до 17 (вторая).

Имеется четыре нумерации листов — две чернильные и две карандашные. Первая карандашная идет параллельно чернильной старой буквенной от л. 1 до л. 10. Вторая карандашная — основная, — с л. 1 по л. 311, почерк XX в., сделана при архивной обработке книги в правом верхнем углу листов. Первая чернильная нумерация — буквенная — проставлена при окончательном формировании сборника почерком конца XVII в., идет с л. 1 (по основной — л. 6) до л. 272 (по основной — л. 278), затем два листа пронумерованы другими чернилами; после чего сразу лл. 302—311 (по основной — 281—290). Вторая чернильная нумерация — в левом верхнем углу арабскими цифрами, почерком первой трети XVIII в. с л. 1 до л. 19 (по основной — 292—310), т. е. ею пронумерованы листы с копиями закладных писем.

* * *

Основываясь на общей манере начертания букв и датированных филигранных, сборник можно отнести к последней четверти XVII в., за исключением, разумеется, последних 19 лл., заполненных явно в конце первой четверти XVIII в. и вклеенных значительно позднее. В целом верная, такая датировка слишком широка и никоим образом не способствует ответу на вопрос о причинах происхождения книги. Попытаемся поэтому более точно установить время составления сборника.

Исходя из палеографических и кодикологических наблюдений, в сборнике можно выделить ряд пластов, разделяемых границами тетрадей и почерков (см. табл. 3).

Т а б л и ц а 3

№ пласта	Лл. по старой нумерации	Лл. по основной нумерации	№ почерка	№№ тетрадей старые	№№ тетрадей по порядку	Хронологические рамки документов пласта	№ филигранный пласта
A	—	2—5	I	—	A	Оглавление	1
I	1—121	6—126	II	[1]—15	1—16	1578—1679	1—9
II	121—165	127—171	III	1—6	17—22	1543—1618	10, 11
III	166—171	172—177	+IIIa	7, 8	23, 24	1618—1625	10
	+176—181	+182—186	+IIIб				
IIIa	172—175	178—181	IV	8, 9	23, 24	1619—1628	12, 10
	+182—190	+187—196	IVa				
IIIб	190	196	V	9	25	1627	12
IIIв	190—194	196—200	VI	9	25	1627—1683	12
IV	195—207	201—214	VII	[10—11]	26—27	1621—1630	11
V	208—253	215—260	IIIв	[12]—17	27—33	1630—1658	11, 13
VI	253—269	260—275	Vб		33—35	1649—1677	13—14
VIa	269—272	275—278	VI	—	35	1678	14
VIб	272—274	278—280	VIII	—	35	1682	14
VII	302—310	281—289	IX	—	36—37	1688—1689	3
VIII	—	290—310	X	—	38—39	1683—1689	15
			. . .				

11 текстов, составляющих пласт I, представляют выписи из писцовых и переписных книг Двины 1587, 1622—1624, 1645—1646 и 1678 гг., фиксирующие территорию и размеры монастырской вотчины; описание монастырской вотчины, произведенное в 1578 г. Андреем Толстым, ранее неизвестное и сохранившееся лишь в составе копийных книг¹²; список с тарханной грамоты Ивана IV декабря 8 1578 г.; указанные грамоты об

¹² А. А. Амосов. Сотные грамоты Антонию-Сийскому монастырю 1578 и 1593 гг. — «Материалы по истории Европейского Севера СССР.» Северный археографический сборник», вып. 2. Вологда, 1972, стр. 207—223.

отмежевании земельных угодий монастырю, межевые росписи XVI—XVII вв. Тексты расположены в хронологической последовательности, были скопированы по заранее данному плану без существенных перерывов в работе. Первоначально пласт составляли 9 документов, заполнявших 15 тетрадей (15-я из 6 лл.). Затем было решено включить две грамоты — о поновлении межи монастырских земель 1622 г. и межевую запись М. Вельяминова 1624 г.; они были переписаны в тетрадь 16 (из 4 лл.). Переписчик писал более размашисто и с большими интервалами между строками, чем ранее, заголовки состоят из одного лишь слова «кошия». Если б эти документы предполагалось включить в состав пласта с самого начала (где они заняли бы № 6 и 7), все тексты смогли бы быть размещены на 15 восьмиллистных тетрадях (так как последний лист тетради 16 — л. 126 — чистый). План составления этого пласта не мог появиться ранее 1680 г.: дата самого позднего документа — ноябрь 1679 г. в монастыре он мог быть получен лишь около января 1680 г., ибо адресован был не прямо игумену, а двинскому воеводе.

Не заполнена лицевая сторона л. 127. Пласт II с л. 127 об. до л. 171 об. содержит 38 копий актов 1543—1618 гг., предоставлявших податной, таможенный и судебный иммунитет монастырю. В их числе несудимая Ивана IV от 6 февраля 1545 г., льготная на соляной колодец от 15 февраля 1546 г., общая грамота на льготу всей вотчине до 1603 г. от 15 декабря 1593 г., ряд грамот Михаила Федоровича о приписании к Сийскому Кривецкого и Покровского монастырей и т. д. Тексты расположены по хронологическому признаку, списаны одним писцом, так как некоторое изменение почерка с середины пласта, видимо, можно отнести за счет смены пера.

Непосредственным продолжением пласта II является пласт III, имеющий сложный состав. Во-первых, это четыре акта 1618—1620 гг. о приписных к Сийскому монастырях и проезжих льготах (лл. 172—177 об.) и грамота на Вагу 1621 г., подтверждающая данные ранее проезжие льготы (л. 182), скопированные одним писцом (почерк IV). Тем же писцом начато копирование текста № 57 (лл. 182—184 об. — грамота 1621 г. о беспощинном провозе 16 тыс. пудов соли), но с нижней половины л. 183 этот почерк сменяется почерком IIIб; еще раз сменившись, эти почерки идут до л. 186 об. (кроме названной, ими переписана грамота 1625 г. на сенные покосы, принадлежавшие ранее гостю Кобелеву и перекупленные у его вдовы монастырем). Уже после копирования актов 1621 и 1625 гг. заметили пропуск двух грамот 1619 и 1620 гг. о приписании к Сийскому Троицкой Черевковской пустыни и грамоты 1622 г. об отводе монастырю Кобелевских соляных промыслов. Чтобы не нарушать сильно хронологический принцип размещения актов, Черевковские грамоты занесли на отдельные листы, составившие дополнительную тетрадь, и вставили ее между лл. 6 и 7 тетради 23 (по старой нумерации — 8), а грамоту 1622 г. поместили на лл. 187—190 об. — это было сделано третьим писцом (почерк V), продолжившим дальнейшее копирование актов; тексты, переписанные им, составляют пласт IIIа. После копирования документа № 62 (грамота 1628 г. о праве монастыря выплачивать оброк непосредственно в Москве, а не местным сборщикам) в тетради 25 оставались незаполненными 4 листа.

Пласт IV данной книги составлялся через некоторый временной интервал (однако небольшой, так как сохранилась единая нумерация тетрадей). Три очень важные для монастыря грамоты (общая жалованная на всю вотчину Михаила Федоровича от 3 февраля 1621 г.; оброчная на принадлежавшие ранее гостю Кобелеву сенные покосы от 29 апреля 1629 г.; жалованная на беспощинный провоз и продажу 20 тыс. пудов соли, данная в феврале 1630 г.) были скопированы двумя почерками (IIIв и III).

Пласт V содержит 24 текста 1630—1638 гг., расположенные по хронологическому признаку. Среди них серия грамот 1635—1636 гг. о подтверждении права на владение Кривецким монастырем; ряд актов, подтверждающих проезжие льготы монастыря; льготная на право беспощинной продажи 30 тыс. пудов соли в течение трех лет от 1644 г. и др. Пласт, завершаясь на л. 260, оставал незаполненными три последних листа тетради 17 (по старой нумерации).

Пласты II, III, IIIа, IV, V данной книги составлялись сравнительно одновременно; пласт V, видимо, составлялся тем же лицом, что и IIIа, о чем свидетельствует сходство почерков. Филиграни и некоторые особенности почерка на листах, составляющих эти пласты, позволяют ограничить время их составления первой половиной 70-х годов XVII в. (Филигрань 11 по Гераклитову относится к 1678 г., но при недостаточной изученности филиграней XVII в. нельзя утверждать невозможность появления ее в более ранние годы). Вероятно, первоначально были образованы два комплекса: 1) тетради 1—9 по старой нумерации, 2) тетради 10—17. Не исключено, что копирование проходило параллельно, сразу в два комплекса тетрадей, или же работы были возобновлены после небольшого перерыва снятием списка с жалованной грамоты 1621 г., пропущенной при составлении первого комплекса, так как следующие за ней тексты прямо продолжают хронологическую последовательность тетрадей 1—9.

Оба комплекса были оформлены в единый сборник. Тетрадь 1 (по старой нумерации) состоит сейчас из 6 лл.; два первых листа утрачены. На них, видимо, были размещены заголовки и предисловие или оглавление книги. Думается, можно связать оформление сборника копий с жалованных и указных грамот со смертью Алексея Михайловича. В последние годы его царствования монастырь имел частые утеснения со стороны местных властей, нарушавших таможенные и податные его привилегии. Правда, прави-

тельство исправно выдавало указанные грамоты, предписывая местным властям «не руть старых грамот», однако по истечении некоторого времени инцидент повторялся. С другой стороны, активизировалось черное крестьянство, все более угнетаемое ростом государственных налогов и повинностей. Видя рядом монастырские владения, освобожденные от многих податей, черные крестьяне стремились добиться привлечения в земское тягло и монастырских земель, достигая в некоторых случаях успеха. При смене высшей власти естественно было ожидать и некоторого изменения политики, тем более что новый царь не торопился подтвердить старые монастырские привилегии (общая жалованная грамота Михаила Федоровича от 3 февраля 1621 г., подтвержденная Алексеем Михайловичем 29 января 1646 г., была подтверждена Федором Алексеевичем 28 февраля 1677 г.; текст подтверждения был подклеен к нижнему полю л. 211, на котором заканчивался текст грамоты и содержалось подтверждение Алексея Михайловича). Это является дополнительным свидетельством того, что сборник иммунитетных грамот был оформлен не позднее 1676 г. (при этом почерк подклеенного листа резко отличается от почерка, каким писан текст грамоты и подтверждение Алексея Михайловича, имея сходство с почерком II).

Так нам рисуется первый этап складывания исследуемого сборника. Интересно, что незадолго перед тем, в 1673 г., было произведено очередное описание архива монастыря. До нас дошло два экземпляра архивной описи этого года — черновик, или предварительная инвентарная опись¹³, и заверенный беловой подлинник¹⁴. Экземпляры описи не имеют существенных различий; экземпляр ЦГАДА содержит заголовки нескольких грамот Алексея Михайловича, не внесенных в черновик, и заголовки царских грамот даны более подробно, в списке ЛОИИ более детально и дифференцированно описаны частные акты монастыря.

В сборник 1675—1676 гг. включено 78 копий актов 1543—1658 гг. В описи 1673 г. зафиксировано 117 грамот этого периода. 12 грамот, скопированных в книге, не внесены в опись 1673 г., однако зафиксированы в предыдущих (1641¹⁵, 1652 гг.¹⁶) или последующих (1680¹⁷, 1682¹⁸, 1688¹⁹ гг. и др.) описаниях. Подавляющее большинство грамот было получено монастырем до издания Соборного уложения 1649 г. (из 78 текстов лишь 4 относятся к 50-годам). В сборник включены почти все акты, свидетельствующие о праве монастыря на владение определенной территорией или дающие какие-либо привилегии монастырской вотчине. Не были скопированы некоторые малозначащие грамоты Федора Ивановича, Бориса Годунова, Михаила Федоровича; за небольшим исключением, не копировались акты, содержащие подтверждение прав, данных ранее. Видимо, из политических соображений не включены в сборник общая тарханная Лжедмитрия и тарханно-проезжая Владислава, но списаны две указные грамоты Лжедмитрия о праве на получение руги приписным Ивановским монастырем и обмене земельных участков. Систематически пропускались при копировании грамоты, каким-либо образом ограничивающие монастырские права и привилегии (к примеру, грамоты об окладе старцев пятой деньгой и запросе денег на жалование ратным людям). Объяснимо игнорирование грамот, данных после 1649 г. (хотя в описи 1673 г. зафиксировано 28 актов, полученных с 1650 г.): Соборное уложение 1649 г. стало основным документом, регулирующим правоотношения монастыря и местных властей, закрепившим связи и отношения, сложившиеся ко времени его издания. Поэтому в сборник включили лишь важнейшие «послеуложные» грамоты — грамоту 1652 г. о праве монастыря на поиженную торговую пошлину, две подтвердительные грамоты 1653 г. о праве управления Кривецким и Лявленским приписными монастырями и грамоту 1658 г. об освобождении монастыря от уплаты денег на содержание конного войска.

Второй этап складывания книги начался, видимо, в конце 70-х годов путем дополнения сборника другими грамотами. На оставшемся чистым л. 196 (по основной нумерации) был скопирован текст указной грамоты 1627 г., ранее пропущенной или намеренно отставленной (судная с Николо-Корельским монастырем о рыбных тонях). На последних листах тетради 17 (лл. 260—262 по основной нумерации) помещены тексты грамот 1656 и 1649 гг. о невзимании пошлин с монастырских товаров и снятии копий с грамот на монастырские владения для присылки их в Москву (тексты перечислены почерком VI); после чего к сборнику были подшиты две тетради (№ 34 и 35 изучаемой книги), в которых тем же почерком скопированы 16 актов 1649—1677 гг., расположенные в произвольном порядке. Акты, внесенные в дополнительные тетради (они составляют около 1/3 от всех полученных монастырем за этот период), относятся преимущественно к двум вопросам — подтверждению проезжих и таможенных льгот монастыря и сыску, возвращению и наказанию беглых монастырских крестьян. После этой операции в дополненной сборнике оставалось 3 1/2 чистых листа в тетради 9 и 3 1/2 во второй дополнительной тетради.

¹³ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, оп. 2, № 34.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 1196, оп. 4, д. 389.

¹⁵ Там же, оп. 3, д. 1547.

¹⁶ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, оп. 2, № 9а.

¹⁷ ЦГАДА, ф. 1196, оп. 4, д. 615.

¹⁸ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, оп. 2, № 53.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 1196, оп. 4, д. 773.

Заполнение этих листов произошло, вероятно, в начале 80-х годов. На листах тетради 9 были размещены тексты актов 1627, 1683 и 1682 гг. о владениях монастыря в Важском уезде (почерк VII). На листах второй дополнительной тетради — две грамоты 1678 г. о таможенных льготах (почерк VIII). Выше приводились соображения о времени составления пласта 1. Этот пласт создавался в дополнение к существовавшему сборнику жалованных и указанных грамот как сборник копий с сотниц, выписей из переписных книг и документов межевания в начале 80-х годов. Возможно, составление его можно соотнести со смертью Федора Алексеевича. Сборник сотниц не был оформлен как самостоятельная книга, но приложен к сборнику грамот, в котором тексты, не имевшие заголовков, подружили их. К образованному таким путем конволюту было составлено оглавление, подшитое в начале; к этому же времени относится и проставление старой чернильной нумерации листов. Позднее к л. 278 были подклеены еще два листа, содержащие текст грамоты 1682 г. о проезжих и таможенных льготах (пласт VIб, почерк IX). Заголовок этой грамоты внесен в оглавление почерком и чернилами, отличными от основного почерка и чернил оглавления.

Таким путем сложились основной состав книги. Уже после оформления ее, видимо в начале 90-х годов XVII в., было подшито еще пять тетрадей, на которых была продолжена буквенная нумерация сборника (лл. 273—310). Содержание этих тетрадей в оглавление книги не вносилось. Сохранившиеся из их состава лл. 302—310 (по основной нумерации — 281—289) содержат перечни оброчных угодий монастыря. Наконец, уже в следующем веке был составлен комплекс закладных писем 1683—1689 гг. на сенные покосы в Шиленском прилуке. Филиграни и особенности оформления ведут нас к концу первой четверти XVIII в. Этот комплекс закладных, чуждый по содержанию всему сборнику, по-видимому, был подшит к нему при реставрации уже в советское время, образовав в книге пласт VIII.

* * *

Рассмотренная копия книга, как уже упоминалось, не единственный сборник копий актов, составленный в Сийском монастыре. Кроме данной книги и книги ГААО, в хранилищах СССР (ЦГАДА, ГААО, Архив ЛОИИ, РО БАН) есть и другие, менее значительные сборники копий актов и сотниц, составившиеся в XVII—XVIII вв.²¹ Антониев-Сийский монастырь — корпорация, значительно уступающая таким гигантам, как Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский, Соловецкий монастыри, — тем не менее был крупнейшим вотчинником Двины. Сложная социально-политическая атмосфера, окружавшая монастырь буквально с начала его существования, активная борьба крестьянства против колонизационной деятельности монахов, усиливающаяся экспансия в Поморье Кириллова, Троице-Сергиева, Новоспасского и ряда других монастырей, конкуренция с местными северными монастырями — все это, несмотря на неизменную благосклонность к Сийской обители со стороны держателей высшей власти (от Ивана IV до Алексея Михайловича), вынуждало монахов особенно внимательно относиться к документам, подтверждающим права и привилегии монастыря. В середине XVII в. пристальный интерес к документам Сийского архива проявляло и правительство. Описание монастыря (в том числе и архива) в 1641 г. было произведено по прямому указанию Михаила Федоровича. Во второй половине 40-х годов в Емецкой вотчине монастыря разгорелась борьба монастырских крестьян за земли, истоки которой восходят еще к 70-м годам XVI в. Эта борьба, казалось бы уже давно потухшая, находилась в связи с движением, охватившим в 1648 г. многие районы России, движением, в известной мере вызвавшим составление Уложения 1649 г. Уложение было подписано в январе, в январе же в Новгородской чети рассматривалось дело о правах монастыря на владение землями в Емецком стане. Дело решили в пользу монастыря, и в конце апреля — мае оформили это решение серией указных подтвердительных грамот. Однако решение это не давало гарантии, что в будущем вновь не разгорятся тяжбы между монастырем и крестьянами; видимо, поэтому 21 августа того же года двинскому воеводе В. Г. Ромодановскому было предписано снять копии с монастырских документов и прислать их в Москву для сведения на будущее (одновременно этим достигалась цель проверки и уточнения территории монастырской вотчины, сложившейся к моменту подписания Уложения, ставившего, как известно, серьезные ограничения на дальнейший рост земельных владений церкви). На основании сказанного нам представляется правомерным предположить, что результатом подобного интереса правительства к монастырскому архиву явилось создание сборника грамот. По-видимому, именно сборник Сийских грамот в редакции 1649 г. был прототипом сборника 1675—1676 гг. (пласты II, III, IIIа, IV, V изучаемой книги); разумеется, в редакции сборника, состав-

²⁰ Это преимущественно копии с сотных выписей и документов межевания, или же подборки документов тематического характера, составившиеся для какого-либо судебного дела, в середине XVIII в. — в связи с секуляризацией. Наиболее интересные из подобных сборников, заслуживающие внимания, хранятся в составе Архангельского собрания РО БАН (в частности, №№ Д. 376, Д. 377, Д. 384, Д. 385, Д. 623 и др.).

ленной в 1649 г., не было грамот, полученных в 50-х годах, не содержались, возможно, и тексты лл. 178—179 данной книги. . .

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что копиянная книга Антониева-Сийского монастыря, составленная в последней четверти XVII в., была отнюдь не результатом простого переписывания документов в целях обеспечения сохранности и удобства пользования. Книга, составленная в несколько приемов, не отражает всю полноту монастырского архива, но является выборкой документов, подборкой, имеющей определенную тенденцию — подтверждение прав монастыря на владение вотчиной в противовес антимонастырской борьбе черносошного крестьянства, укрепление позиций в конкурентной борьбе с другими духовными феодалами за промысловые угодья, обоснование древности монастырских привилегий, противостоящих ограничительной деятельности земских и государственных властей. Сопоставление содержания копиянных книг с описями монастырских архивов позволяет не только решать вопросы о степени полноты конкретных сборников, но, в известной мере, и намечать причины появления сборников определенного состава, а возможно, и пути реконструкции состава несохранившихся сборников, что представляет немалый интерес, так как факт составления в монастыре копиянной книги всегда некоторым образом связан с социально-политической ситуацией, сложившейся в данном регионе.

С. Н. Искюль

ВЕСТФАЛЬСКИЙ АРХИВ
В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ
им. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Среди рукописей богатейшего собрания инженер-генерала Петра Корнильевича Сухтелена (1751—1836) в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ) имеется Вестфальский архив. Он насчитывает 22 картона, в которых заключено свыше 13 тыс. единиц хранения. На каждом из картонов вытеснена надпись «Коллекция документов, относящихся к администрации королевства Вестфальского» («Collection de papiers concernant d'administration du Royaume de Westphalie») и ошибочно проставлена дата «1805—1814».

Известно, что королевство было образовано Наполеоном из территории бывшего герцогства Брауншвейг, Гессен-Касселя, южной части Ганновера и других земель в 1807 г. Младший брат Наполеона Жером Бонапарт (Жером-Наполеон) царствовал в Вестфалии до тех пор, пока это королевство не было занято союзными войсками в 1813 г. За этот короткий промежуток времени в Вестфалии, как составной части Рейнского союза, произошли большие перемены в политическом и экономическом отношении. В это королевство были перенесены все французские государственные учреждения, введены кодекс Наполеона, равноправие всех сословий перед законом, были уничтожены крепостная зависимость, цехи и т. д. Но в то же время «это была какая-то спешная импровизация, плохо удавшийся черновой набросок, жизнеспособность которого могла проявиться только при условии дальнейших изменений»¹. Вестфальское королевство было неоднократно ареной военных действий. В 1809 г. войска прусского майора Ф. Шилля и герцога Брауншвейгского — Эльса проходили через королевство, пытаясь поднять всеобщее восстание в помощь австрийской армии. Вестфальские войска участвовали в испанской войне, а также в кампании 1812 г. в России. На протяжении семи лет Вестфалия служила орудием внешней политики Франции в Германии. После вторичного бегства короля Жерома из своей столицы г. Касселя королевство прекратило существование. «Большая часть документов, вероятно, была уничтожена во время крушения Вестфальского королевства»².

Подробности, которые могли бы объяснить наличие Вестфальского архива в собрании П. К. Сухтелена, неизвестны. А. Н. Нарцов в своем обзоре³ лишь упоминает о Вестфальских материалах, «преимущественно политических». Не имея сведений о передаче, дарении или продаже архива П. К. Сухтелену, можно лишь предположить следующее.

В 1813 г., когда через Вестфалию был произведен рейд русских казаков на Кассель, инженер-генерал П. К. Сухтелен находился в свите шведского наследного принца Бернадотта, который был «в коротких сношениях с ученым и достопочтенным библиофилом»⁴. Сухтелен сопровождал его в качестве русского посла в Швеции, будучи таковым с 1809 г. Казацья части, совершавшие этот рейд под командой генерала А. И. Чернышева, подчинялись бывшему маршалу Франции. По приказу самого Бернадотта они и произвели стремительный набег на столицу Вестфалии. «Большая часть актов, прежде всего из фонда вестфальской главной полиции, которые должны были быть отправлены во Францию, были захвачены казаками. . .»⁵. Возможно, что генерал Чернышев,

¹ «История XIX века». Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо, т. II. М., 1938, стр. 12.

² H. Heitzer. Insurrectionen zwischen Weser und Elbe. Volksbewegungen gegen die französische Fremdherrschaft im Königreich Westfalen (1806—1813). Berlin, Rütten und Loening, 1956, S. 11.

³ А. Н. Нарцов. Архив графов Канкриных—Ламберт—Сухтелен (Общий обзор документов). Тамбов, 1910, стр. 4, 44.

⁴ Ф. Ф. Вигель. Записки, т. II, ч. 4. М., 1866, стр. 128.

⁵ H. Heitzer. Op. cit., S. 11—12.

после того как его казаки вывезли часть королевских архивов из Касселя, передал ее П. К. Сухтелену, которого, без сомнения, знал лично и который уже в то время слыл за «библиомана», страстного коллекционера старинных рукописей, книг, гравюр, медалей и т. п. Вот все, что можно сказать о том, как мог попасть Вестфальский архив в собрание инженер-генерала П. К. Сухтелена. Надо полагать, что казаки вывезли королевские архивы на следующий день после капитуляции 30 сентября 1813 г., так как согласно договоренности можно было эвакуировать королевское имущество в течение одного дня; утром оно уже считалось трофеем⁶.

После того как Вестфальские трофеи были вывезены, часть их была передана в собрание Эрмитажа, но рукописи — Вестфальский архив — попали в коллекцию П. К. Сухтелена⁷. После его смерти «богатейшая коллекция на военном корабле была доставлена в Петербург»⁸ из Швеции, где П. К. Сухтелен до последних дней своих был русским послом. В 1836 г., уникальное собрание его было приобретено в казну, а затем передано в Публичную библиотеку⁹.

Хотя некоторая часть документов Вестфальского королевства находится в филиале Германского центрального архива (Мерзебург) в ГДР, а незначительное количество их — в архивах Западной Германии, можно смело сказать, что вестфальские акты Сухтеленского собрания — один из крупнейших и интереснейших архивных фондов в СССР по истории Западной Европы. Научная ценность его заключается в том, что этот комплекс документов отражает в значительной своей степени деятельность органов главной полиции Вестфалии за период с 1812 по 1813 г. Именно это и отличает данный фонд от мерзебургского собрания, где документы такого характера представлены в меньшей степени, чем акты других министерств и ведомств Вестфалии.

Все материалы Вестфальского архива в ГПБ можно приблизительно разделить на 4 группы. К первой будут отнесены документы главной полиции (*haut police*) и жандармерии. Во второй группе преобладают материалы королевской гвардии и армии вообще. Дипломатические документы Вестфальского королевства составляют третью группу. Четвертая группа документов архива характеризует административно-хозяйственную деятельность вестфальских властей. Большое количество актов относится к 1812—1813 гг. Документы, датированные ранним временем, имеются в значительно меньшем количестве. Большая часть материалов архива на французском языке, меньшая же — на немецком.

Первая, самая большая группа документов освещает деятельность вестфальской главной полиции. Она включает в себя следующие виды документов:

- 1) доклады начальника полиции королю,
- 2) рапорты генеральных полицейских комиссаров и комиссаров полиции начальнику полиции,
- 3) донесения префектов и подпрефектов полиции,
- 4) донесения тайных агентов,
- 5) протоколы обысков и допросов,
- 6) документы, заключающие в себе сведения о составе высших полицейских органов,
- 7) конфискованные материалы.

Многие рапорты, кроме донесений тайных агентов, написаны на служебных бланках, сопровождаются исходящим и входящим номерами, кратким резюме и резолюцией. При большинстве из них приложен отпуск ответа. Некоторые рапорты начальнику полиции и ответы на них писаны на немецком языке. В отпуске ответа обязательно указан или исходящий номер полученного рапорта, или его дата. При некоторых донесениях часто имеется конфискованный документ или рапорт другого полицейского чиновника, имеющие отношение к затронутому вопросу.

Копии докладов начальника вестфальской главной полиции генерала графа Бонгара (*Bongars*) королю Жерому составляют три тетради. Копии и черновики докладов встречаются также в разрозненном виде. По ним можно установить, насколько сложна была ситуация в Вестфалии в 1811—1813 гг., на что обращалось внимание короля, как трактовались те или иные события в сравнении с фактическим материалом и оценками, содержащимися в рапортах его подчиненных. Материалы фонда подтверждают хорошую осведомленность Жерома о настроениях в своей стране. Вот почему он мог в таких выражениях писать письма Наполеону: «Брожение достигло последнего предела; здесь с энтузиазмом лелеют самые безрассудные надежды. Мечтают последовать примеру Испании, и если только разразится война, вся страна от Одера до Рейна станет очагом обширного и мощного восстания»¹⁰ (1811 г., декабрь 5).

⁶ Ф. А. К. Шпехт. Королевство Вестфальское и разрушение его генерал-адъютантом Чернышевым. СПб., 1852, стр. 170.

⁷ А. Фелькерзам. Реликвии Александровского времени в Императорском Эрмитаже. [СПб.], б. г., стр. 5—6.

⁸ А. Д. Люблинская, И. С. Шаркова. Шведские материалы в собрании П. К. Сухтелена в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде. В сб.: «Исторические связи Скандинавии и России в XI—XX вв.» Л., 1970, стр. 357.

⁹ Императорская Публичная библиотека за 100 лет. 1814—1914». СПб., 1914, стр. 110.

¹⁰ «Mémoires et correspondance du roi Jerome», т. V. Paris, 1865, p. 247—248.

Имеется несколько черновиков рапортов генерала Бонгара министру полиции Франции герцогу Ровиго. Это свидетельствует о том, что между Францией и Вестфалией существовали не только экономические и военные связи.

В рапортах на имя начальника полиции, в рапортах поразительно осведомленных тайных агентов Эскухена Г. (Eskuchen G.) и др., в донесениях генеральных комиссаров и их подчиненных содержатся интереснейшие сведения и суждения о самых различных аспектах внутренней жизни Вестфальского королевства, начиная с сообщений о передвижении французских войск в сторону России и кончая слухами о высадке английского десанта и событиях в Испании. «В этом городе, — писал в своем донесении от 15 февраля 1812 г. генеральный комиссар Вольф (Wolff), — возникают самые нелепые слухи о высадке английского десанта близ Данцига, поражении гарнизона и возвращении вестфальских солдат. . . Так как эти слухи могут между тем сильно повлиять на конскриптов, которые находятся большей частью в этом городе, я дал поручение найти их распространителей».

Часть документов такого рода относится к студенческому движению в вестфальских университетах в Геттингене, Марбурге, Галле. Имеются списки студентов, профессоров с указанием их благонадежности. В этих списках встречаются и русские имена. Волнения среди студентов в 1812—1813 гг. приняли серьезные формы. Тайная полиция усилила наблюдение за студенческими обществами, членами Тугендбунда, разогнала демонстрации и собрания студентов, поддерживала тесный контакт с королевским почт-директором Потау (Pothau), который регулярно сообщал в полицию о переписке студентов, в особенности русских. Несколько протоколов допросов участников студенческих выступлений приложено к донесениям полицейских комиссаров. Все протоколы допросов велись исключительно на немецком языке.

Во многих документах 1812—1813 гг. можно найти упоминания о событиях, происходивших некоторое время назад: 1806 год и особенно 1809 год в Вестфалии постоянно напоминали о себе. Полиция непрерывно разыскивала участников антифранцузских выступлений. Агенты довольно часто посылали своим начальникам донесения о появлении или сообщали слухи о появлении в различных местах то вождя восстания 1809 г. прусского офицера Дернберга (Dörnberg), то неуловимого Шазо (Chasot, Chazot). Несмотря на все инструкции генерала Бонгара, обоим удалось в конце концов скрыться. Дернберг впоследствии даже был одним из тех, кто принимал капитуляцию Касселя.

В Вестфальском архиве имеется ряд документов, отражающих усилия полиции, направленные на ликвидацию нежелательных слухов, связанных в первую очередь с войной в России. Отсутствие правильной информации с театра военных действий и письма солдат вестфальского корпуса Большой армии порождали враждебные настроения в стране. На это неоднократно обращалось внимание начальника полиции в рапортах генеральных комиссаров. Несколько солдатских писем, перехваченных при пересылке или изъятых у родственников, имеется в архиве. Судя по количеству документов, борьба со слухами, отыскание их источников имели для полиции такое же значение, как, например, пресечение растущего недовольства среди населения постоянными французскими солдатами. Протоколы допросов, очных ставок обвиняемых в распространении слухов о поражении французов, о будущей войне с Россией, о количестве потерь и т. п. — все эти документы представлены в архиве.

В качестве иллюстрации приведем выдержку из донесения генерального комиссара в Марбурге Вольфа генералу Бонгару от 19 февраля 1812 г.:

«Общественный дух в этом департаменте подобен спавшей кошке, которую разбудили слухи о войне. Со всех сторон ползут самые абсурдные слухи, так что невозможно определить, кто их автор.

Время, в которое мы живем, слишком критическое, чтобы не использовать все средства погасить искру возмущения. . .»

То же можно сказать и о так называемых «нескромных словах», произнесенных в толпе о короле, французах, Наполеоне. Сообщениями о шутках, двусмысленностях и даже ругани в адрес Жерома, вестфальской администрации полны многие донесения комиссаров и агентов полиции.

Вот как описано генеральным комиссаром Хальберштадта Муазэ (Moisez) одно из самых серьезных происшествий в рапорте от 16 июля 1813 г.:

«Жена портного Брандта кричала громким голосом на улице, что, если придут русские, надо будет сразу схватить мэра и секретаря мэрии».

В донесении от 11 июля 1812 г. генеральный комиссар Вольф писал: «Я только что арестовал здешнего мельника Урфа, который осмелился вчера вечером, в 10—11 часов, кричать громким голосом разного рода проклятия по адресу правительства, а также французов. . .»

В этом отношении наиболее интересны дела Эберта (Ebert), Хайдемана (Heidemann), Конрада (Congrad), Рихтера (Richter) и др.

Многие рапорты к генеральным комиссарам и начальнику полиции за 1813 г. пестрят сообщениями о передвижениях войск, о появлении то там, то здесь отдельных отрядов пруссаков, переходивших Эльбу. В этой связи подробные рапорты имеют особую ценность, так как в них заключены сведения об отношении населения восточных департаментов (Эльбы, Заалы, Окера) к восставшей Пруссии, к тем, которые называли себя их освободителями от чужеземного ига. К этим материалам примыкают документы,

повествующие о реакции полицейских органов на случаи недовольности королю, и прежде всего дело Галльского университета, часть учащихся которого ушла в прусскую армию.

Континентальная система, как известно, затронула и Вестфалию. На полицию совместно с французскими комиссарами была возложена обязанность прештатовать появлению товаров английского производства в королевстве. В фонде представлены протоколы обысков, производившихся у вестфальских купцов, решения полицейских комиссий относительно обнаруженных товаров.

Борьба с Францией была безуспешной для Великобритании в течение длительного времени. Только на море Англия была полным хозяином. Поэтому английские агенты пытались изнутри, так сказать идеологически, подорвать могущество Наполеона. По полицейским данным, они выбрасывали на побережье Германии огромное количество брошюр, листовок, газет. Англичане распространяли через своих агентов в германских государствах воззвания герцога Брауншвейгского — Эльса к немцам. Несколько таких листовок имеется в архиве. Англичане распространяли также бюллетени британского Военного министерства о победах английской армии в Испании. Эти бюллетени написаны и напечатаны в большинстве своем на немецком языке, но в архиве встречаются и французские экземпляры. В качестве приложения к этим реляциям британского министерства фигурирует напечатанное письмо маркиза Веллингтона графу Матерфту о своей победе над французами при Виттории.

Большое число документов посвящено борьбе вестфальских властей с дезертирством среди солдат немногочисленной королевской армии, с отрядами, организованными дезертирами, с укрывателями бежавших солдат. Эта борьба была постоянным делом не только полиции, но и командного состава королевской гвардии и армии вообще. Поэтому материалы о дезертирстве встречаются и во второй группе документов архива, но уже в большем количестве.

В фонде имеется особое дело, состоящее из материалов, посвященных деятельности полиции, осуществившейся против распространителей так называемых «русских прокламаций» в 1813 г. Под этим названием подразумевалось обращение фельдмаршала М. И. Кутузова к русским солдатам в Ковно и воззвание генерала П. Х. Витгенштейна к пруссакам. К донесениям полицейских комиссаров приложено несколько экземпляров таких воззваний, писанных от руки на немецком и французском языках.

Среди конфискованных материалов находится большое количество календарей, выпускавшихся в различных городах Вестфалии на немецком языке. Это объясняется тем, что в этих календарях имеются упоминания о герцогской династии Брауншвейгов. Комиссары полиции получали особые предписания конфисковывать эти издания из типографий и книжных лавок. В рапортах на имя начальника полиции есть сведения о больших размерах таких операций. При рапорте генерального комиссара полиции Мертенса от 15 августа 1812 г. приложены присланные ему две конфискованные гравюры. Они представляют собой ярко раскрашенные лубочные картинки, изображающие зверства и грабежи французских солдат в Италии. Под каждой из них подпись по-итальянски и по-немецки. Вероятно, они попали в это время в полицию случайно, так как каждая из картинок датируется августом 1796 г.

В некоторых делах, особенно в делах обвиняемых в распространении слухов, дезертирстве, приложены паспорта. Они могут быть интересны не только с точки зрения выяснения личности подозреваемого, но и как источник для изучения делопроизводства в местных органах вестфальской администрации. Паспорта напечатаны на листе бумаги на французском и немецком языках, имеют подробное описание внешних данных владельца и рода его занятий, а также отметки, которые ставились в полицию по приезде или выезде из данного пункта.

Важным источником для изучения положения в стране служат, без сомнения, рапорты коменданта кассельской тюрьмы Кауфмана (Kauffmann) начальнику полиции, списки заключенных тюрьмы за каждые 15 дней 1812 г. Списки представляют собой таблицы, в которых указана дата помещения заключенного в тюрьму, его имя, место рождения, состав преступления и заметки о его поведении в тюрьме. Интересно, что политических заключенных, судя по спискам, было гораздо больше, чем уголовных. Важные данные можно почерпнуть также в бюджетах и годовых отчетах префектур полиции, штатных расписаниях некоторых полицейских учреждений. Следует указать на сравнительно большое количество таблиц, содержащих данные о личном составе высших полицейских инстанций Вестфалии. Имеются списки префектов и подпрефектов, генеральных комиссаров и инспекторов полиции всех 8 департаментов. В этих списках указаны не только личные данные, послужной список, заслуги, но и степень благонадежности.

Во второй группе материалов Вестфальского архива относятся документы, касающиеся службы в королевской гвардии и кассельском гарнизоне. Их можно примерно разделить на следующие части:

- 1) доклады начальника королевской гвардии генерала Шабера (Chabert) королю,
- 2) донесения командиров командующему о состоянии своих частей,
- 3) донесения о ходе боевых действий в 1812—1813 гг.,
- 4) приказы военного министра графа Хёне (Höne) и начальника кассельского гарнизона генерала Алликса (Allix),

5) таблицы, содержащие сведения об офицерском составе отдельных частей королевской гвардии (гренадеров, шевалеров, егерей, фузилеров),

6) прошения генералу Шаберу об отпуске, о переводе в гвардию,

7) прошения административных советов гвардейских частей начальнику гвардии по вопросам внутренней жизни гвардии.

Большая часть этих документов может быть важной только для военного историка, которого интересуют вопросы организации и делопроизводства в армии королевства Вестфальского. Однако среди документов этой группы есть немало таких, где имеются сведения о размерах дезертирства, о неповиновении солдат командирам, о переходе целых частей с оружием на сторону союзных войск. В некоторых донесениях указывается точное число бежавших солдат, приводятся списки дезертиров. В ряде рапортов командиры докладывали о своих усилиях по прекращению все увеличивающегося бегства солдат. Интересны некоторые дневные приказы временного губернатора Касселя генерала Алликса о мерах против дезертирства. То же можно сказать и об отдельных донесениях генерала Бастиnellера (Bastineller) и майора Бодикера (Boedicker) о состоянии своих частей. В этом отношении ценность материалов королевской гвардии бесспорна.

В третьей группе, как уже говорилось, присутствуют документы внешнеполитического характера. Прежде всего здесь надо назвать ряд документов, в которых затронут вопрос об упорядочении границ между Вестфалией и Францией, которые менялись в зависимости от изменений очертаний вестфальских территорий. Среди таких материалов имеется, например, заверенная копия договора между Вестфалией и Францией от 10 мая 1811 г. об уступке Ганноверской провинции.

Необходимо отметить, как особо интересные, около сотни депеш Омштеда (Omsted), вестфальского посла в Дармштадте и Франкфурте, министру иностранных дел графу Фюрстенштейну (Fürstenstein) в 1812—1813 гг. В них содержатся сведения о продвижении французских войск на восток, слухах среди населения о назревающей войне. В депешах Омштеда затронуты некоторые вопросы межгерманских отношений, а также описывается ситуация во время конгресса в Праге, перемирия в Плейсвице и впечатление, произведенное в Европе битвами под Дрезденом и Лейпцигом. Не меньшего интереса заслуживают донесения вестфальского посла в Париже графа Винцингероде (Wintzingerode) министру иностранных дел. В его депешах — а их свыше 200 — содержатся сообщения о последних политических новостях в Париже, о приемах дипломатического корпуса Наполеоном. В своих донесениях Винцингероде дал характеристики отдельных послов. Испанские события подробно излагаются вестфальским послом, это неудивительно, так как 7 тысяч вестфальских солдат сражались в Испании.

Примером осведомленности вестфальского посла может служить следующее его донесение от 16 сентября 1813 г.:

«Дела на границах Испании улучшаются, скорее — они не ухудшаются. Маршал герцог Альбуфера удерживается в Каталонии, а герцог Далмацкий нашел средство снабжения через порт Сан-Себастьян. Гарнизон Памплоны почетно отступил и захватил значительный обоз провианта, предназначавшегося для армии лорда Веллингтона...»

В депешах Винцингероде содержатся также сообщения о переговорах между отдельными государствами, о своей деятельности в качестве посла. В ответах министра иностранных дел Фюрстенштейна содержатся инструкции и оценка положения в стране. К документам, касающимся внешней политики, относятся также донесения посла Вестфалии в Дармштадте Шлотгейма (Schlotheim), барона Линдена (Linden) — посла в Берлине. Особенно интересными являются депеши последнего, так как барон Линден доносил о настроениях в Пруссии, стране, в противовес которой и было создано Вестфальское королевство в Германии.

В архиве имеется незначительное число донесений французских дипломатов Монтолона де Семонвилля (Montolon de Semonville), посла в Вюрцбурге, Сен-Эньяна (Saint-Aignan), посла в Веймаре. В некоторых из них имеются сведения, например, о волнениях в Саксонии. Вероятно, эти донесения французские дипломаты посылали в порядке обмена информацией.

Последнюю, четвертую группу материалов Вестфальского архива составляют документы, относящиеся к межминистерской переписке, к хозяйственно-административной жизни королевства не только последних двух лет существования, но и более раннего времени (1809—1811 гг.). Таких документов значительно меньше, чем актов первой или второй групп. Сюда относится служебная переписка между министерствами юстиции, внутренних дел, финансов по вопросам налогового обложения, страхования, секуляризации церковных земель, о порядке передачи аренды и по многим другим проблемам. Имеются документы, отражающие недовольство населения налоговым бременем и порядком взимания налогов: петиции, жалобы королю на самоуправство префектов, судебных органов, тяжбы между отдельными коммунами. Внутреннюю организацию и управление коммун характеризуют документы о дроблении земельных наделов при наследовании, о выделе из общины и разделе общинных угодий, о бюджете коммун, о взыскании арендной недоимки. В большинстве своем это памятные записки и докладные.

Таково содержание в самой общей форме документов Вестфальского архива из собрания П. К. Сухтелена, документов, которые длительное время считались безвозвратной потерей для исторической науки¹¹. Материалы Вестфальского архива ни разу не публиковались. За то время, пока архив находится в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, он только дважды становился объектом изучения. Работа по описанию документов фонда была начата Ю. И. Бронштейном, сотрудником Публичной библиотеки. Им было описано около 5 тысяч единиц хранения, составлена аннотированная опись на карточках. Часть описи (машинописная) снабжена именным и хронологическим указателями.

Впервые материалы фонда были использованы в небольшой работе К. Раткевич¹². В своей работе автор сослалась на более чем 60 единиц документов. Второй раз с архивом частично познакомился немецкий историк Х. Хайтцер (ГДР). Результатом его работы в филиале Германского центрального архива (Мерзебург) и в Рукописном отделе Публичной библиотеки была книга «Восстания между Везером и Эльбой»¹³, в которой он процитировал более 30 документов. Из этого видно, что фонд использован еще в очень небольшой степени. В настоящее время Вестфальский архив находится в стадии обработки и поэтому не может быть в полной мере доступен исследователю. Однако уже сейчас можно с уверенностью говорить о большой научной ценности заключенных в нем материалов. Вестфальский архив может стать солидной документальной базой исторических трудов по истории Германии начала XIX в., не говоря уже о специальных исследованиях по истории Вестфальского королевства.

¹¹ Fr. Thimme. Die inneren Zustände des Kurfürstentums Hannover unter französisch-westfälischen Herrschaft 1806—1813, Bd. II. Hannover und Leipzig, 1895, S. IV.

¹² К. Раткевич. Война 1812 года и общественное мнение в Вестфальском королевстве. — «Ученые записки ЛГУ», 1938, № 19, Серия исторических наук.

¹³ H. Heitzer. Op. cit.

Э. С. Паина

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ (обзор материалов ЦГИА СССР)¹

Накануне первой русской революции — 22 декабря 1904 г. (4 января 1905 г.) в Женеве вышел первый номер большевистской газеты «Вперед», организатором и непосредственным руководителем которой был В. И. Ленин². В этой газете было опубликовано более 60 статей и заметок В. И. Ленина. Она нелегально переправлялась в Россию, где местные комитеты РСДРП нередко издавали ленинские статьи отдельными оттисками. Зимой 1905 г. была особенно популярна напечатанная в № 4 этой газеты статья В. И. Ленина «Начало революции». Многие местные комитеты РСДРП издали названную статью большими тиражами. Например, Одесский комитет РСДРП отпечатал в январе в своей типографии 8000 экземпляров этой статьи, которая в начале февраля 1905 г. распространялась в Одессе³.

В начале августа 1905 г. в Женеве вышла работа В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Объявление об этом было опубликовано в большевистской газете «Пролетарий» 27 июля (9 августа) того же года. Работа «Две тактики социал-демократии в демократической революции» была широко известна в России⁴. В том же году она была легально издана Центральным комитетом РСДРП в Петербурге и Московским комитетом РСДРП. С наступлением реакции цензура усилила репрессии и против ленинских работ. 19 и 22 февраля 1907 г. на оба русских издания книги был наложен арест, о чем в марте 1907 г. Главное управление по делам печати циркулярно сообщило губернаторам⁵. Мотивом запрещения цензурой этого произведения послужило то, что автор «доказывает необходимость уничтожения самодержавия, уничтожения „царского правительства“ и замены его революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства, опирающейся на вооруженные массы, на восстание, а не на те или иные „легальный“ и „мирным путем“ созданные учреждения». Лишь в декабре 1907 г., т. е. спустя два года после выхода в свет, Петербургская судебная палата вынесла приговор об уничтожении ленинского произведения, изданного ЦК РСДРП. В связи с тем, что цензура не сразу разобралась, кто является автором данной книги, Петербургский комитет по делам печати обратился к прокурору Петербургского окружного суда с просьбой возбудить судебное преследование «против автора брошюры Н. Ленина (имя, отчество, звание и место жительства его Комитету неизвестны)»⁶ — ленинское произведение свободно распространялось в России⁷. В период революции также распространялась брошюра, изданная Центральным коми-

¹ Окончание. Начало см.: «Археографический ежегодник за 1970 год». М., 1971, стр. 264—276.

² «Большевистская периодическая печать. (Декабрь 1900—октябрь 1917)». Библиографический указатель. М., 1964, стр. 23.

³ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 530, д. 194, лл. 48—49; на хранящемся в этом деле экземпляре оттиска статьи В. И. Ленина «Начало революции» имеется овальная печать Одесского комитета РСДРП.

⁴ «Распространение произведений В. И. Ленина в дореволюционной России (1894—1905 гг.)». — «Красный архив», 1941, № 1 (104), стр. 47, 48, 52, 53.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 10, 1907 г., д. 49, л. 6; ф. 776, оп. 16, ч. 1, д. 1375, л. 4; «Алфавитный указатель книгам и брошюрам, арест на которые утвержден судебными установлениями по 1 января 1908 года». [СПб.], 1908, стр. 22; И. Ф. Ковалев, Л. И. Полянская. Борьба царской цензуры с произведениями В. И. Ленина. — «Вопросы архивоведения», 1965, № 1, стр. 69.

⁶ ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 10, 1907 г., д. 49, лл. 3, 4, 7.

⁷ Там же, ф. 1328, оп. 2 (дополнительная), д. 43, л. 31; ф. 1363, оп. 7, д. 931, л. 2—2 об.

тетом РСДРП в Женеве в 1905 г., «Третий очередной съезд. Полный текст протоколов» где были опубликованы и выступления В. И. Ленина на этом съезде. Брошюра была обнаружена в Петербурге в 1910 г. «у наиболее активных деятелей петербургской организации РСДРП» вместе с «Зарей» № 2—3, 4 и «Докладом делегации РСДРП Амстердамскому социалистическому конгрессу»⁸.

Интересна история распространения легальной брошюры В. И. Ленина «Доклад об Объединительном съезде Российской социал-демократической рабочей партии (Письмо к петербургским рабочим)». Брошюра была отпечатана в Петербурге, в электропечатне «Дело» издательства «Вперед», руководимого большевиками, в количестве 8000 экземпляров⁹. 3 июня 1906 г. в этой типографии был произведен обыск, при котором было обнаружено 40 пудов заключительной части брошюры. В типографию были вызваны жандармский офицер и товарищ прокурора. 22 июня 1906 г. в Петербургский комитет по делам печати был представлен полный текст брошюры. В тот же день вечером брошюра была сдана заказчику Багрееву¹⁰. По свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича, когда брошюра была отпечатана, «вечером того же дня... весь Невский огласился пронзительным криком мальчишек, которые носились повсюду и кричали „Доклад Ленина царю“». Найти склад, который был временно организован в одном из дворов Николаевской улицы, и сарай, из которого была устроена продажа этого доклада, полиции не удалось¹¹. В 1912 г. прокурор Петербургской судебной палаты уведомил начальника Главного управления по делам печати, что приговором названной палаты постановлено брошюру уничтожить. 30 января 1913 г. захваченное полицией незначительное количество экземпляров (из 8000) было уничтожено в типографии Петербургского градоначальства. В этом случае, как и в ряде других, несмотря на наложение ареста (в списке Главного управления по делам печати «Книг, брошюр и листов, изъятых из обращения» эта брошюра указана под № 22), фактически весь тираж ленинской работы «Доклад об Объединительном съезде РСДРП (Письмо к петербургским рабочим)» был скрыт от полиции и распространен¹².

Цензура и на этот раз еще не знала, кто скрывается под псевдонимом «Н. Ленин»¹³. Только в 1908 г. при рассмотрении в Петербургской судебной палате дела о привлечении к ответственности автора брошюры «Пересмотр аграрной программы рабочей партии» было установлено, что под псевдонимом «Н. Ленин» скрывается «Владимир Ильич Ульянов»¹⁴. Брошюра вышла в свет в Петербурге в марте 1906 г. 31 мая 1906 г. николаевский градоначальник сообщил в Главное управление по делам печати, что «членами николаевской полиции отобран от одного из местных книжных торговцев полученный им на пароходной пристани небольшой тючок различного наименования книг и брошюр в количестве 127 экземпляров, высланных фирмой книжное дело „Мысль“ в Одессе». В списке отобранных книг под № 9 указана ленинская брошюра¹⁵. В сентябре того же года на нее был наложен арест. Эту ленинскую работу обнаружили в Тифлисе, на складе нелегальной литературы местной библиотеки¹⁶.

Изданный в мае 1906 г. листок «Обращение к партии делегатов Объединительного съезда, принадлежавших к бывшей фракции „большевиков“», написанный В. И. Лениным, в том же месяце был задержан у члена военной организации РСДРП в Петербурге Я. Д. Таурина¹⁷.

Широко распространялась ленинская работа «Победа кадетов и задачи рабочей партии» (1906 г.)¹⁸. Весь тираж изданных в 1906 г. ленинских работ «Государственная Дума и социал-демократическая тактика», «Как рассуждает т. Плеханов о тактике социал-демократии?» и «Выступление Мартова и Череванина в буржуазной печати»

⁸ ЦГИА СССР, ф. 1328, оп. 2, д. 58, лл. 163 об. — 164.

⁹ *Н. Ленин*. Доклад об Объединительном съезде Российской социал-демократической рабочей партии (Письмо к петербургским рабочим). Цена 25 коп. М., 1906. Электропечатня «Дело». СПб., Фонтанка 96 (Библиотека ЦГИА СССР, № 10953); ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 7, 1906 г., д. 162, л. 4; *И. Ф. Ковалев, Л. И. Полянская*. Указ. соч., стр. 69.

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 7, 1906 г., д. 162, л. 7; ф. 776, оп. 9, д. 544, лл. 12—13; ф. 1328, оп. 2 (дополнительная), д. 51, л. 131.

¹¹ *Вл. Бонч-Бруевич*. Некоторые сведения о В. В. Воровском. — «Звезда», 1930, № 9—10, стр. 238.

¹² ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 9, д. 544, лл. 6, 10; оп. 16, ч. 1, д. 16, л. 292; ф. 1363, оп. 4, д. 284, л. 2.

¹³ Там же, ф. 777, оп. 7, 1906 г., д. 162, л. 2.

¹⁴ Там же, ф. 1405, оп. 530, д. 726, л. 28—28 об.

¹⁵ Там же, ф. 776, оп. 16, ч. 1, д. 16, лл. 205—206.

¹⁶ Там же, оп. 9, д. 590, л. 1; оп. 21, ч. 2, 1911 г., д. 264, л. 86; *И. Ф. Ковалев, Л. И. Полянская*. Указ. соч., стр. 74.

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 1328, оп. 2 (дополнительная), д. 51, л. 125.

¹⁸ Там же, ф. 776, оп. 21, ч. 2, 1911 г., д. 264, л. 86; ф. 1405, оп. 530, д. 726, л. 31—31 об.; *И. Ф. Ковалев, Л. И. Полянская*. Указ. соч., стр. 74.

был полностью распространён ко времени наложения ареста (на первую брошюру — через 9 лет¹⁹, на вторую — через 5²⁰ и на третью — через 7 лет²¹).

Возросший в годы революции интерес к революционной литературе своеобразно отразился на книжном рынке, где на нее имелся громадный спрос. Вот что писал по этому поводу в отчете за 1906 г. в Главное управление по делам печати старший инспектор по книжной торговле в Москве: «Общественные движения последних лет и вызванный ими громадный спрос на политико-экономическую литературу обусловил[и] сильный прилив капиталов к делу книжной торговли. . . Наблюдение за книжной торговлей ложится тяжелым . . . бременем на слишком малочисленный состав инспекторского надзора. Приходится делать частые подробные ревизии книжных магазинов, выбирая из них, главным образом, торгующие политико-экономической литературой. . . К сожалению, — продолжал инспектор, — нужно признать, что некоторые книготорговцы крайне легкомысленно, а иные и преступно относятся к этим обязанностям. Следуя только экономическому расчету, они на революционный спрос отвечают таким же предложением, так что инспекции приходится вести упорную и беспощадную борьбу с нарушителями закона». В приложенном к этому отчету списке книг, подлежащих, по мнению инспектора, изъятию с книжного рынка административным путем, названа брошюра В. И. Ленина «Роспуск Думы и задачи пролетариата»²².

В августе 1906 г. подольский губернатор уведомил Главное управление по делам печати о том, что в губернии «стали обращаться брошюры крайне революционного содержания, а некоторые открыто призывающие к вооруженному восстанию, как, например, . . . брошюра „Роспуск Думы и задачи пролетариата“ Н. Ленина (Москва, книгоиздательство „Новая волна“, 1906 г.; типография не обозначена). При этом губернатор указал, что брошюра прислана в книжный магазин г. Каменца петербургским книготорговцем²³. 27—28 августа 1908 г. работа В. И. Ленина была обнаружена в наборных мастерских типографии Министерства путей сообщения²⁴. Лишь через два года после напечатания был вынесен приговор об уничтожении брошюры В. И. Ленина «Роспуск Думы и задачи пролетариата»²⁵. 24 ноября 1911 г. начальник Тифлисского губернского жандармского управления сообщил в Главное управление по делам печати, что на складе изданий городской библиотеки в Тифлисе хранилась работа В. И. Ленина «Роспуск Думы и задачи пролетариата»²⁶.

Несмотря на наложение ареста на авторский сборник В. И. Ленина (Вл. Ильин) «За 12 лет» (тираж 1600 экземпляров), куда были включены важнейшие работы — «Задачи русских социал-демократов», «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад», «Две тактики социал-демократии в демократической революции» и др., — он был в каталогах некоторых библиотек²⁷.

По-видимому, разошелся и тираж изданной в Петербурге брошюры В. И. Ленина «Услышишь суд глушца». . . (Из заметок с.-д. публициста), так как, по сообщению петербургского градоначальника в Главное управление по делам печати от 21 сентября 1913 г., хотя судебная палата и вынесла приговор об ее уничтожении, ни один экземпляр этой брошюры не был арестован²⁸. Не удалась царской цензуре воспрепятствовать распространению большевистского сборника II «Вопросы тактики» (тираж 2000 экземпляров), в котором в 1907 г. были опубликованы написанные В. И. Лениным «Проекты резолюций к Пятому съезду РСДРП», а также статьи «Как не следует писать резолюций» и «Сердитая растерянность (К вопросу о рабочем съезде)»²⁹. Этот сборник, по сообщению петербургского градоначальника в Главное управление по делам печати от 23 сентября 1913 г., также не был арестован³⁰.

Таким образом, при рассмотрении вопроса о распространении ряда легальных изданий ленинских работ в дореволюционной России, запрещенных к обращению,

¹⁹ И. Ф. Ковалев, Л. И. Полянская. Указ. соч., стр. 68.

²⁰ Там же, стр. 71; «Алфавитный указатель книгам и брошюрам, а также номерам повременных изданий, арест на которые утвержден судебными установлениями по 1 января 1912 года». [СПб.], 1912, стр. 66, 189.

²¹ И. Ф. Ковалев, Л. И. Полянская. Указ. соч., стр. 68.

²² ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 23, 1907 г., д. 1, лл. 103 об. — 106.

²³ Там же, оп. 16, ч. 1, д. 16, л. 260—260 об.; «Архивные документы к биографии В. И. Ленина». — «Красный архив», 1934, № 1 (62), стр. 195—196.

²⁴ ЦГИА СССР, ф. 1328, оп. 2 (дополнительная), д. 58, л. 79 об.

²⁵ И. Ф. Ковалев, Л. И. Полянская. Указ. соч., стр. 76; «Алфавитный указатель книгам и брошюрам, а также номерам повременных изданий, арест на которые утвержден судебными установлениями по 1 января 1912 года», стр. 66.

²⁶ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 21, ч. 2, 1911 г., д. 264, л. 86.

²⁷ И. Ф. Ковалев, Л. И. Полянская. Указ. соч., стр. 70; «Алфавитный указатель книгам и брошюрам, арест на которые утвержден судебными установлениями по 1 января 1908 года», стр. 15; см. также стр. 297—298 настоящего обзора.

²⁸ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 10, д. 218, л. 9; И. Ф. Ковалев, Л. И. Полянская. Указ. соч., стр. 77.

²⁹ ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 10. 1907 г., д. 118, лл. 4—8; И. Ф. Ковалев, Л. И. Полянская. Указ. соч., стр. 71, 76.

³⁰ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 9, д. 1084, л. 8.

видно, что запрет на них зачастую налагался значительно позднее их выхода в свет. Это обеспечивало, несмотря на запрещение, фактически почти полное их распространение.

В числе разысканных работ В. И. Ленина указывается «Доклад о V съезде РСДРП», прочитанный им в конце мая — не позднее 3 (16) июня 1907 г. в Териоках перед рабочими, приехавшими из Петербурга³¹. Как явствует из докладов начальника Отделения по охране общественной безопасности и порядка в столице полковника Герасимова от 7 и 10 июля 1907 г., 6 июля того же года в Петербурге в типографии И. Я. Лурье (Гороховая ул., д. 48) при обыске был обнаружен ряд рукописей — Н. А. Рожкова «Государственная дума и деятельность социал-демократической думской фракции», М. Н. Лядова «Лондонский съезд в цифрах» и др., а также «Общий очерк работы Лондонского съезда» или «Общий очерк работы делегатов в Лондоне», автор которого — «известный Ленин». Вместе с ленинской рукописью было обнаружено 6 оттисков названной работы³².

В «Датах жизни и деятельности» В. И. Ленина (Полн. собр. соч., т. 15, стр. 577) написание им очерка о V съезде не оговорено, упоминается лишь речь, произнесенная им в Териоках. В списке же разысканных работ говорится о докладе в Териоках. Возможно, что арестованная жандармами ленинская рукопись «Общий очерк работы Лондонского съезда» и есть текст разыскиваемого доклада. Вместе с тем допустимо, что В. И. Ленин на основе выступления в Териоках написал для печати новую работу. Если после тщательных дополнительных изысканий последнее положение подтвердится, «Общий очерк работы Лондонского съезда» может быть включен в «Список работ В. И. Ленина, до настоящего времени не разысканных».

С наступлением реакции в целях успешного распространения ленинских работ большевистские издательства прибегали к некоторым уловкам. Например, на обложке оглубикованной нелегально в Петербурге в июле 1907 г. брошюры «О бойкоте третьей Думы» со статьями В. И. Ленина «Против бойкота» было выставлено вымышленное название типографии в Москве. На этом основании 7 января 1908 г. председатель Московского комитета по делам печати сообщил прокурору Московской судебной палаты, что названная брошюра «должна быть признана изданием подпольным, так как фирма типографии, обозначенная на ее обложке, не существует и сама брошюра своевременно в Комитет представлена не была. По содержанию названная брошюра носит прокламационный характер»³³.

Как и в предыдущие годы, В. И. Ленин редактировал много произведений социал-демократической классики, писал к ним предисловия.

Часто эти издания запрещались к обращению. Однако ко времени вынесения приговора об их аресте они, обычно, уже давно были распроданы. Так, 16 января 1913 г. петербургский градоначальник сообщил в Главное управление по делам печати о том, что ни одного экземпляра брошюры В. Либкнехта «Никаких компромиссов, никаких избирательных соглашений» (СПб., 1907) арестовано не было, хотя в циркуляре начальника Главного управления по делам печати губернаторам от 3 мая 1911 г. среди книг, на которые наложен был арест, указана также и эта работа В. Либкнехта «с предисловием Н. Ленина»³⁴. Попадали в списки арестованных изданий и переводы произведений классиков марксизма, выходившие под редакцией В. И. Ленина. Как правило, их тоже успевали распространить до вынесения приговора об аресте. Например, в циркуляре начальника Главного управления по делам печати от 18 октября 1911 г. губернаторам указано, что наложен арест на книгу К. Маркса «„Гражданская война во Франции“». С предисловием Ф. Энгельса. Перевод с немецкого под редакцией Н. Ленина. Книгоиздательство „Буревестник“. Второе издание. Одесса 1905 г.»³⁵ Между изданием книги и составлением циркуляра о наложении на нее ареста прошло 6 лет. Ко времени рассылки упомянутого циркуляра книга К. Маркса «Гражданская война во Франции», перевод которой на русский язык был отредактирован В. И. Лениным, давно разошлась.

Одним из обстоятельств, способствовавших быстрому распространению ленинских произведений, была их вполне доступная цена — от 4 коп. и выше³⁶. На популярность этих дешевых изданий в массах обратил внимание в 1906 г. волынский губернатор, который писал, что после манифеста 17 октября 1905 г. и указа 26 апреля 1906 г. о печати и отмене предварительной цензуры «местные книжные рынки наводнились массой дешевых брошюр, ценою всего в несколько копеек, по разного рода политическим вопросам. Брошюры эти, — далее писал губернатор, — будучи доступны по своей деше-

³¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 392; «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 1. М., 1968, стр. 323.

³² ЦГИА СССР, ф. 1328, оп. 2 (дополнительная), д. 43, лл. 124—125.

³³ Там же, ф. 776, оп. 9, д. 1462, л. 3; оп. 16, ч. 1, д. 1720, л. 2.

³⁴ Там же, д. 2196, л. 34; И. Ф. Ковалев, Л. И. Полянская. Указ. соч., стр. 75.

³⁵ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 9, д. 2196, л. 102—102 об.; «Алфавитный указатель книгам и брошюрам, а также номерам повременных изданий, арест на которые утвержден судебными установлениями по 15 апреля 1914 года» [СПб.], 1915, стр. 40.

³⁶ «Алфавитный указатель... по 15 апреля 1914 года», стр. 36—37.

визне всем. . . Читатель не может разобраться как следует в отвлеченных и туманных идеях социализма, сводящихся почти всегда к порицанию существующего порядка управления и жизни страны, почему обращение такого рода литературы в народе весьма вредно отражается на общественном спокойствии в настоящее тревожное время»³⁷.

Значительное количество произведений В. И. Ленина в эти годы увидели свет на страницах большевистских газет и журналов. Поэтому рассмотрение вопроса успешного распространения большевистских периодических изданий одновременно является и рассмотрением вопроса о распространении произведений В. И. Ленина.

В советской историографии хорошо изучен вопрос о преследовании большевистских легальных газет царской цензурой. Между тем цензурные документы дают представление не только о налагаемых на эти издания репрессиях, но также и о том, как удавалось рабочим типографиям уберечь тиражи большевистских газет и журналов от ареста и уничтожения их. Одним из таких важных свидетельств являются данные годовых отчетов старших инспекторов типографий в Главное управление по делам печати о распроданных экземплярах большевистских газет уличными разносчиками.

Большое количество большевистских легальных газет и журналов вышли в свет в период первой русской революции³⁸. Однако существование каждой из этих газет было недолгим — царская цензура закрывала их одну за другой. Но вместо закрытой газеты большевики выпускали ее под новым названием. Вот почему в период первой революции так часто менялись названия легальных большевистских органов печати.

Первая легальная большевистская газета «Новая жизнь» вышла в свет в Петербурге 27 октября 1905 г. Всего было издано 27 номеров, а последний, 28-й номер, вышел уже нелегально. Тираж каждого номера газеты составлял 60 000—80 000 экземпляров. С девятого номера газету возглавил В. И. Ленин. На страницах этой газеты он опубликовал ряд своих работ, такие, как «О реорганизации партии», «Пролетариат и крестьянство», «Партийная организация и партийная литература», «Войско и революция», «Социализм и анархизм», «Социализм и религия» и др. Первая большевистская газета, несмотря на систематические цензурные преследования, широко распространялась в Петербурге и других городах России. Свообразным показателем популярности «Новой жизни» является опубликованное в № 17 газеты от 19 ноября 1905 г. «объявление» от редакции, в котором разоблачены незаконные действия местных властей, пытавшихся всеми способами приостановить продажу и рассылку газеты. В этом «объявлении» сообщалось, что в редакцию поступают многочисленные письма от подписчиков и читателей по поводу тех рогаков, «которые полиция и почтовое ведомство ставят распространению „Новой жизни“». В некоторых городах жандармы и полицейские разных рангов, — говорится в «объявлении», — отбирают номера нашей газеты у обывателей и запрещают продажу ее в киосках и магазинах. Почтовое начальство соперничает в этом деле с царской опричниной: оно истребляет попадающие в его руки номера, задерживает рассылку их подписчикам, иногда отказывается принимать денежные переводы в нашу контору»³⁹. Однако, несмотря на все чинимые препятствия и цензурные преследования, по официальным данным, в Петербурге лишь через уличных артельных разносчиков было продано 133 253 экземпляра газеты «Новая жизнь». 19 декабря 1905 г. и. д. казанского губернатора препроводил в Главное управление по делам печати номера арестованных им в Казани газет, среди которых было 39 экземпляров «Новой жизни». Рабочие самоотверженно защищали большевистские газеты от арестов. Для спасения тиража того или иного номера этих газет они смело вступали в схватку с полицией⁴⁰.

С начала 1906 г. в России выходил ряд большевистских газет: «Волна», «Вперед», «Эхо», «Северная земля», «Пролетарий», «Партийные известия» и др., на страницах которых были опубликованы многие ленинские произведения, такие, как «Борьба за свободу и борьба за власть», «Новый подъем», «К итогам съезда», «Кадеты, трудовики и рабочая партия», «Дума и народ», «Рабочая группа в Государственной думе», «Плохие советы», «Вопрос о земле в Думе», «Правительство, Дума и народ», «Толки и слухи о роспуске Государственной думы», «Как рассуждает г. Плеханов о тактике социал-демократии?», «Тактика пролетариата и задачи момента», «Реакция начинает вооруженную борьбу», «По поводу декларации нашей думской фракции», «Помощь голодающим и думская тактика», «Кадетские подголоски», «Армия и народ», «Политический кризис и провал оппортунистической тактики», «Уроки московского восстания», «Политика правительства и грядущая борьба» и др.⁴¹

Большевистская газета «Волна» выходила с 26 апреля по 24 мая 1906 г. С девятого номера от 5 мая 1906 г. газетой фактически руководил В. И. Ленин, и в каждом из ее

³⁷ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 16, ч. 1, д. 16, л. 294.

³⁸ «Большевистская периодическая печать. . .», стр. 29—88.

³⁹ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 8, д. 1993, л. 52 (цензурный экземпляр газеты); оп. 9, д. 65, л. 141; оп. 23, 1907 г., д. 1, лл. 127 об.—128.

⁴⁰ Там же, ф. 776, оп. 29, д. 29, л. 4; оп. 8, д. 1993, л. 92; Л. Полянская. Из истории первых большевистских легальных газет (Репрессии царской цензуры против большевистских газет в 1905—1906 гг.). — «Борьба пролетариата», № 1, [Л.], 1940, стр. 194—195.

⁴¹ «Большевистская периодическая печать. . .», стр. 47—49, 56, 62, 68—69.

номеров печатались его статьи и заметки. Несмотря на наложение ареста на № 10, 18, 19, 22—25 газеты, по сообщению начальника Главного управления по делам печати от 8 ноября 1913 г. прокурору Петербургского окружного суда, ни один из этих номеров не был задержан. О широком распространении этой газеты свидетельствует факт значительного количества продажи ее уличными разносчиками: за время существования газеты на улицах Петербурга был продан 144 601 экземпляр⁴². По сведениям, полученным дворцовым комендантом в конце мая 1906 г., 23—25 того же месяца газета «Волна» была обнаружена у членов военной организации Объединенного комитета социал-демократической партии и у лиц, занимавшихся устной пропагандой среди войск Петербургского гарнизона⁴³.

24 мая 1906 г. газета «Волна» была закрыта, но вместо нее 26 мая начал выходить в Петербурге новый легальный орган большевистской печати — «Вперед». Всего вышло 17 номеров. В ней было опубликовано 16 ленинских статей. Помимо Петербурга, газеты эти распространялись конторами и агентствами, находившимися в Киеве, Одессе, Харькове, Риге, Костроме, Казани, Лодзи. 28 мая 1906 г. газета «Вперед» была обнаружена на станции Мариинск Сибирской железной дороги⁴⁴. 12 сентября 1906 г. старший инспектор по типографиям в Петербурге уведомил Главное управление по делам печати, что № 1 и 2 газеты «Вперед» (в них были опубликованы статьи В. И. Ленина «Как рассуждает г. Плеханов о тактике социал-демократии?» и «О лозунге думского министерства») получили полное распространение, так как при наложении ареста в типографии, где они печатались, ни одного экземпляра не оказалось. 15 октября 1906 г. у крестьянина Василия Дудака в селе Макаров Яр Славяно-Сербского уезда (Екатеринославская губерния) читали привезенные его братом из Луганска прокламации Донецкого союза РСДРП; при обыске обнаружен был № 2 газеты «Вперед». 5 июня 1907 г. в Петербурге на Большой Пушкарской ул. (д. 36, кв. 43) было задержано 148 экземпляров этой газеты. В августе того же года сотни экземпляров газет «Вперед» и «Пролетарий» были обнаружены в Петербурге на Николаевском вокзале, предназначенные к отправке в Москву и Красноярск⁴⁵.

Закрытую цензурой газету «Вперед» сменила «Эхо». Всего вышло 14 номеров этой газеты с 22 июня по 7 июля 1906 г. В ней было напечатано Лениным 25 статей и заметок. Несмотря на всеяческие репрессии, 56 317 экземпляров этой газеты было распродано в Петербурге уличными разносчиками⁴⁶.

В № 1 легальной газеты «Северная земля» (вышло всего 5 номеров за время 23—28 июня) была опубликована статья В. И. Ленина «Проект думской декларации, предложенный бывшими большевиками». Несмотря на то, что все 5 номеров были запрещены, разносчиками было продано ее в Петербурге 34 098 экземпляров⁴⁷.

В 1907 г. с 14 по 30 января в Петербурге вышло 3 номера легальной большевистской газеты «Простые речи», в каждом из которых были опубликованы статьи В. И. Ленина. Тираж первого номера газеты составлял 20 000 экземпляров, последующих — по 10 000 экземпляров. Из тиража первого номера было конфисковано всего 150 экземпляров. Из тиража второго номера не был задержан ни один экземпляр. Уличными газетчиками было продано 662 экземпляра этого номера. Третий номер газеты был конфискован лишь в количестве 150 экземпляров. Таким образом, фактически почти весь тираж запрещенной газеты дошел до читателя⁴⁸.

С 20 по 27 февраля 1907 г. в Петербурге под руководством В. И. Ленина выходила легальная большевистская газета «Новый луч». В каждом из семи выпущенных номеров печатались ленинские статьи. Тираж газеты доходил до 25 000 экземпляров. Но наступавшая реакция затруднила распространение большевистских газет. Трудно приходилось большевистским издательствам. Они старались вывозить тиражи газет из типографии до налета полиции. Так удалось спасти весь тираж пятого номера этой газеты. Из 20 000 отпечатанных экземпляров в типографии было конфисковано лишь 103 экземпляра, а в газетной конторе — 119 экземпляров. Однако из тиража следующего номера газеты (18 000 экземпляров) полиции удалось захватить 11 000 экземпляров. Несмотря на столь жестокие преследования этой газеты, 6924 экземпляра были распроданы в Петербурге уличными разносчиками. 11 января 1908 г. 11 000 экземпляров № 6 газеты «Новый луч» и 354 экземпляра № 7 ее были уничтожены в типографии Петербургского градоначальства в присутствии комиссии «посредством разрывания на части»⁴⁹.

⁴² ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 9, д. 119, л. 61; оп. 29, д. 30, л. 4; *И. Ф. Ковалев, Л. И. Полянская*. Указ. соч., стр. 71—74.

⁴³ ЦГИА СССР, ф. 1328, оп. 2 (дополнительная), д. 15, л. 79; д. 16, лл. 8—9.

⁴⁴ Там же, ф. 777, оп. 7, 1906 г., д. 407, лл. 27, 29 (цензурный экземпляр газеты).

⁴⁵ Там же, ф. 776, оп. 9, д. 140, лл. 56—57; ф. 1405, оп. 530, д. 1010, л. 118 об.; ф. 1328, оп. 2 (дополнительная), д. 43, л. 111—111 об.; д. 44, л. 41—41 об.

⁴⁶ Там же, ф. 776, оп. 29, д. 30, л. 4 об.

⁴⁷ Там же; «Большевистская периодическая печать. . .», стр. 62. Проект был приведен Лениным в его статье «По поводу декларации нашей думской фракции» (см. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 223—228, 568).

⁴⁸ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 9, д. 764, лл. 15, 19, 29, 32.

⁴⁹ Там же, д. 783, лл. 27—39, 46.

1 марта 1907 г. вместо закрытой газеты «Новый луч» вышел в свет № 1 (единственный) большевистской газеты «Рабочая молва», в которой была опубликована статья В. И. Ленина «Кадеты и трудовики». Газета была отпечатана в количестве 18 000 экземпляров. При наложении ареста было конфисковано 7600 экземпляров, 6235 экземпляров было продано в Петербурге уличными разносчиками. В октябре 1908 г. конфискованные экземпляры газеты «Рабочая молва» были уничтожены в типографии Петербургского градоначальства также «посредством разрывания на части»⁵⁰.

С февраля 1908 г. по 31 января 1917 г. выходил нелегально в России, а затем за границей Центральный орган РСДРП «Социал-демократ», в котором было опубликовано более 90 статей и заметок В. И. Ленина. С декабря 1911 г. газета редактировалась Лениным. Первый номер этой газеты удалось с большим трудом отпечатать в Петербурге 29 февраля в количестве 20 000 экземпляров — докладывал 7 марта того же года начальник Отделения по охранению безопасности и порядка в столице дворцовому коменданту, но «все без исключения отпечатанные экземпляры упомянутой газеты были арестованы» в различных тайных складах в Петербурге⁵¹. В этом номере газеты была напечатана статья В. И. Ленина «К дебатам о расширении бюджетных прав Думы». 14 апреля 1910 г. одновременно по четырем адресам в Петербурге жандармами были произведены обыски и обнаружены разные номера газет «Социал-демократ» и «Пролетарий» со статьями В. И. Ленина. 3 августа 1910 г. объездчиками Ковенской корчемной стражи у пограничного местечка Юрбург (Юрбаркас) Россиенского (Рассейнского) уезда было задержано три тюка с 2193 экземплярами газеты «Социал-демократ», № 11, 12 и 13⁵², в которых также были опубликованы статьи В. И. Ленина.

Основная роль в пропаганде ленинских идей и распространении произведений В. И. Ленина в период нового подъема революционного движения накануне первой мировой войны принадлежит легальным большевистским органам — газетам «Звезда» и «Правда». Партийные организации принимали все меры к тому, чтобы весь тираж доходил до читателя. Вот что об этом писал М. И. Калинин: «Я тогда работал на заводе „Айваз“ и хорошо помню, какое изменение внес выход „Правды“ в нашу внутрипартийную жизнь. Заводская организация сразу же получила огромную нагрузку практической революционной работы. Часть партийцев занялась доставкой газеты. Это очень трудная работа. Как правило, с часу ночи надо было быть в типографии и прямо с машины нести газету на завод. Цензура часто конфисковала номера газеты, и наши товарищи должны были захватывать первые оттиски. Это делалось так: первый отпечатанный лист шел в цензуру, машина же продолжала печатать, не дожидаясь разрешения, а пришедшие за газетой люди забирали и уносили ее к себе. Когда приходил приказ о конфискации номера, часть тиража газеты уже была на квартирах у разносчиков».

Утром, бывало, читаешь сообщение о конфискации номера и одновременно видишь его в руках рабочих. И для наших товарищей было делом чести доставить на завод именно конфискованный номер»⁵³.

Очень быстро разошлись 20 000 экземпляров номера «Звезды» от 18 ноября 1911 г., и редакция, воспользовавшись тем, что гранки этого номера в типографии не были разобраны, отпечатала вторично большое количество экземпляров⁵⁴. Как доносил в Главное управление по делам печати екатеринславский губернатор, конфискованные номера «Звезды» распространялись в провинции местными продавцами газет, которые получали их багажом «или в день получения извещения об аресте их, или же еще ранее . . . некоторые редакции столичных газет выпускают свои издания для распространения в провинции несколькими днями ранее указанного на них числа»⁵⁵.

Массовое распространение имел Центральный орган большевиков «Правда» под всеми его наименованиями, в котором было опубликовано до 300 статей и заметок В. И. Ленина. Газета подвергалась постоянным цензурным репрессиям⁵⁶. Уже 6 мая

⁵⁰ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 9, д. 794, лл. 5—12, 19.

⁵¹ Там же, ф. 1328, оп. 2 (дополнительная), д. 58, л. 21—21 об. Другие источники указывают, что часть тиража удалось спасти (*И. Кузнецов, С. Матвеевко*. Газета «Социал-демократ». М., 1960, стр. 16).

⁵² ЦГИА СССР, ф. 1328, оп. 2 (дополнительная), д. 58, лл. 164—166; ф. 1405, оп. 530, д. 770, л. 138. 19 сентября 1908 г. начальник жандармского управления Северо-Западных железных дорог издал приказ о недопущении приема к перевозке грузов под наименованием «печатные произведения» («Приказы по жандармскому полицейскому управлению Северо-Западных железных дорог» [1908]. — Библиотека ЦГИА СССР, № 50902).

⁵³ «Большевистская печать в тисках царской цензуры. 1910—1914. Газеты „Звезда“ и „Правда“». Сборник документов. Составители М. А. Лурье и Л. И. Полянская. [Л.], 1939, стр. 21.

⁵⁴ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 9, д. 2188, л. 77; «Большевистская печать в тисках царской цензуры. . .», стр. 32.

⁵⁵ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 9, д. 2188, л. 225—225 об. Разрядка наша. — Э. П.

⁵⁶ «Большевистская печать в тисках царской цензуры. . .».

1912 г. и. д. начальника Главного управления по делам печати в письме к петербургскому градоначальнику просил принять меры против виновных в распространении экземпляров арестованного № 1 газеты «Правды». Градоначальник ответил, что артельщики продавали газету, не зная о наложении на нее ареста⁵⁷. Основанием для запрещения того или иного номера «Правды» служило обычно помещение статей, призывающих «пролетариат к революционной борьбе с государственной властью для ниспровержения существующего в государстве общественного строя»⁵⁸.

18 апреля 1913 г. во время обыска в помещении редакции и типографии газеты «Правда» были обнаружены рукописи «с ярко выраженной социал-демократической тенденцией; среди них, — отметил начальник Отделения по охранению безопасности и порядка в столице, — встречаются рукописи резолютивного характера, выражающие одобрение принятому газетой „Правда“ большевистскому направлению и порицание вносимому меньшевиками раздору [в] единой Российской социал-демократической рабочей партии»⁵⁹.

Запрещение первых номеров «Правды» повлекло за собой ряд запросов в Государственной думе. 28 апреля 1912 г. группа депутатов подала запрос на имя министра внутренних дел по поводу ночного вторжения в типографию «Правды» жандармского офицера, не допустившего вывезти напечатанные экземпляры газеты⁶⁰. Вступаясь за свою газету, рабочие объявляли забастовки. Так, в докладе от 2 июля 1913 г. начальник Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице указывает, что «1 июля с утра, а в некоторых местах после обеденного перерыва прекратили работы 8195 рабочих на 26 фабрично-заводских предприятиях. Рабочие, покидая места работ, никаких требований и заявлений не предъявляли, и лишь на нескольких заводах, приостановивших работы, стало известным, что истинною причиною забастовки рабочих является протест против частого применения административных мер воздействия по отношению органов рабочей печати — газет „Правда“ и „Луч“»⁶¹.

Газета «Правда» доходила до своего читателя. Об этом свидетельствует массовость ее продажи уличными разносчиками — в течение 1913 г., как сообщил в отчете старший инспектор типографий в столице в Главное управление по делам печати, было продано этими разносчиками 360 735 экземпляров «Правды» и 64 267 экземпляров — «Путь Правды»⁶².

Ценный материал о распространении произведений В. И. Ленина дают дореволюционные каталоги различных библиотек, книжных магазинов и библиографические справочники.

Известный прогрессивный деятель, собиратель знаменитой библиотеки Н. А. Рубакин в своем фундаментальном труде «Среди книг»⁶³ широко популяризировал ленинские произведения. Особенность этого популярного справочника заключается в том, что, наряду с разрешенными цензурой изданиями, в него также включены и конфискованные. Кроме того, оговорены и те случаи, когда книги на книжном рынке ко времени составления библиографического справочника были распроданы. В составленную Н. А. Рубакиным библиографию включены (петитом) также женевские издания ленинских работ.

Несмотря на то что большинство произведений В. И. Ленина преследовалось цензурой, книготорговцы охотно продавали их — это было доходно, о чем свидетельствует письмо заведующего политической частью Департамента полиции к начальнику Главного управления по делам печати от 16 сентября 1905 г., в котором сообщалось, что «книгоиздательские фирмы выпускают в обращение легальным путем сочинения, соответствующие по своему направлению революционной прессе, предлагают организовать в широких размерах продажу этих изданий в разных городах, чрез местных легальных книготорговцев на коммиссионных началах»⁶⁴. Дореволюционные каталоги некоторых книжных магазинов содержат описания находившихся в продаже ленинских произведений. Даже такой известный своими реакционными взглядами книготорговец и издатель газеты «Новое время», как А. С. Суворин, продавал в своем магазине ряд ленинских работ, не только легальные, но и конфискованные («Пересмотр аграрной программы рабочей партии», сборник «За 12 лет»)»⁶⁵.

⁵⁷ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 10, д. 203, л. 29.

⁵⁸ Там же, ф. 1405, оп. 530, д. 860, л. 33; д. 861, л. 28.

⁵⁹ Там же, д. 726, л. 19.

⁶⁰ Там же, ф. 1278, оп. 2, д. 2657, л. 3—3 об.

⁶¹ Там же, ф. 1328, оп. 2 (дополнительная), д. 58, л. 324.

⁶² Там же, ф. 776, оп. 29, д. 36, л. 3.

⁶³ Н. А. Рубакин. Среди книг. Изд. 2-е дополненное и переработанное, т. I. М., 1911; т. II. М., 1913; М. В. Машкова. История русской библиографии начала XX века (до октября 1917 года). М., 1969, стр. 127, 192—198.

⁶⁴ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 21, ч. 1, д. 781, л. 96.

⁶⁵ «Каталог книжного магазина „Нового времени“ А. С. Суворина». СПб., 1902, стр. 561; «Книжный магазин А. С. Суворина. Каталог юридического отдела». СПб., 1907, стр. 85; то же. СПб., 1908, стр. 86, 96, 97, 104; «Книжный магазин А. С. Суворина». СПб., 1911, стр. 52.

Велик был научный авторитет В. И. Ленина. Зная о политической «неблагонадежности» автора, библиотеки центральных учреждений и ведомств все же приобретали ленинские работы, особенно по аграрному вопросу. Так, в библиотеке Государственного совета были оба издания «Развития капитализма в России»⁶⁶. Библиотека Государственной думы располагала значительно большим количеством произведений В. И. Ленина: «Нужды деревни (К деревенской бедноте)». СПб., 1905, второе издание «Развития капитализма в России», «Аграрный вопрос», ч. 1, «За 12 лет»⁶⁷. В библиотеке Ученого комитета Главного управления землеустройства и земледелия были работы В. И. Ленина «Аграрный вопрос», ч. 1. СПб., 1908, «Аграрный вопрос и „критики“ Маркса». Одесса, 1905, «Нужды деревни (К деревенской бедноте)». СПб., 1905⁶⁸. Естественно, что наиболее полный комплект произведений В. И. Ленина, в первую очередь запрещенных цензурой, хранился в библиотеке Петербургского жандармского управления⁶⁹. Некоторые работы В. И. Ленина проникали даже в библиотеки для служащих государственных учреждений⁷⁰, в рекомендательный указатель литературы по сельскому хозяйству⁷¹.

Представленный обзор мало использованных документальных материалов, а также изданий и дореволюционных каталогов, хранящихся в ЦГИА СССР и его научно-справочной библиотеке, дополняет, а в некоторых случаях содержит новые данные по вопросу о распространении произведений В. И. Ленина в России до первой мировой войны.

⁶⁶ «Каталог библиотеки Государственного совета», т. I. Пг., 1914, стр. 128.

⁶⁷ «Каталог книг библиотеки Государственной думы». СПб., 1907, стр. 95; то же, т. I, ч. 1. СПб., 1914, стр. 228, 236, 304, 324.

⁶⁸ «Каталог библиотеки Ученого комитета Главного управления землеустройства и земледелия». Третье дополнение. СПб., 1913, стр. 443, 451, 453.

⁶⁹ «Систематический каталог библиотеки С.-Петербургского губернского жандармского управления». СПб., 1911, в оглавлении каталога в отделе I «Литература социал-демократов»; см. также *М. В. Машкова*. Указ. соч., стр. 123.

⁷⁰ «Каталог библиотеки для служащих в Государственном банке». Пг., 1915, стр. 143.

⁷¹ «Указатель книг, журнальных и газетных статей по сельскому хозяйству за 1908 год». СПб., 1910, стр. 343.

И. Е. Тамм

МАТЕРИАЛЫ ЦК ПРОФСОЮЗА СОВРАБОТНИКОВ ПО ИСТОРИИ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Профсоюз совработников¹ наряду с ВСНХ, НК РКИ² сыграл значительную роль в процессе становления и практической организации делопроизводства в советских учреждениях в первые годы Советской власти. Его деятельность, в ходе которой обозначилась тенденция к сближению с РКИ, установились контакты с ВЦСПС и ЦИТ, создалась совместная опытная станция при Центросоюзе, была положительно оценена на первой Московской конференции по нормализации техники управления³.

Приветствуя президиум V Всероссийского съезда профсоюза совработников, 22 ноября 1922 г. В. И. Ленин писал:

«Дорогие товарищи! Главнейшей очередной задачей нашего времени, и на ближайшие годы — важнейшей, является систематическое уменьшение и удешевление советского аппарата путем сокращения его, более совершенной организации, уничтожения волокиты, бюрократизма и уменьшения непроизводительных расходов. Вашему союзу предстоит в этом направлении большая работа.

Желаю V Всероссийскому съезду профсоюза совработников успеха и плодотворной работы, я выражаю надежду, что он специально обсудит вопрос о советском аппарате»⁴.

Материалы хранящегося в ЦГАОР СССР фонда ЦК Профсоюза совработников (№ 5468) свидетельствуют о попытках поставить и решить трудные проблемы рационализации делопроизводства. Они освещают несколько сторон в истории становления советского делопроизводства: 1) общие задачи и методы работы профсоюза в области улучшения и упрощения советского госаппарата и делопроизводства⁵; 2) налаживание делопроизводства в самом ЦК профсоюза, его отделах и на местах; 3) организация производственной пропаганды и профобразования, в частности, курсов по делопроизводству; 4) развитие научно-профессиональных интересов — комплектование библиотек при ЦК и ряде местных органов союза; 5) определение функций и норм выработки конторских и канцелярских служащих, попытки введения научной организации труда.

Период 1918—1921 гг. представлен примерно 500 единицами хранения, причем почти все это время продолжалось организационное оформление профсоюза, закончившееся в основном в 1920 г.⁶ Естественно поэтому, что документы 1918—1920 гг. содержат мало интересующих нас сведений, но и среди них имеются инструкция и переписка ЦК по ведению делопроизводства, планы организации делопроизводства и создания центрального архива при ЦК, а также статья «Опыты научной постановки

¹ Всероссийский профессиональный союз работников советских, общественных и торговых учреждений и предприятий; это название получил на II съезде в мае 1919 г.; оформился в 1918—1920 гг. путем объединения различных союзов.

² Я. З. Лившиц. Из истории стандартизации и унификации административных документов в советских учреждениях. — «Вопросы архивоведения», 1964, № 3, стр. 85—94; Д. И. Сольский. Движение за научную организацию управленческого труда (К истории НОТ в СССР). 1918—1925 гг. Автореф. канд. дисс. М., 1970, стр. 15—17.

³ «Первая Московская инициативная конференция по нормализации техники управления. 21—23 сентября 1922 г.». М., 1922, стр. 1, 18—19, 26 и др.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 310.

⁵ ЦГАОР СССР, ф. 5468, оп. 4, д. 7, л. 71; д. 144, лл. 1, 2а, 2б, 3—4, 14; д. 145, лл. 8—11.

⁶ В отчетах ЦК о работе за июль 1920 г. — сентябрь 1921 г. отмечалось, что процесс организационного строительства на местах еще не закончился к 1 августа 1921 г. (там же, оп. 4, д. 105, л. 20).

конторского и канцелярского труда»⁷. Основная масса разрозненных сведений заключена в протоколах, планах, отчетах, тезисах, переписке с местными органами профсоюза за 1920—1921 гг.

Документы показывают, что в методах работы профсоюза постепенно усиливается тенденция к сближению с РКИ, проявившаяся в процессе обследований советских учреждений⁸. Эта тенденция очень скоро стала ведущей; осуществление широких задач союза мыслилось уже в едином государственном органе взамен экономотделов и расплывчатых многочисленных комиссий и совещаний, действовавших при органах союза. Сохранились документы, в которых намечались структура, план и методы работы (в частности, проведение опытов) будущего отдела нормализации НК РКИ, созданного в 1922 г.⁹

Представляют интерес материалы о постановке делопроизводства как в самом ЦК совработников, так и на местах — в органах профсоюза и в советских учреждениях¹⁰.

В них содержатся сведения о выработке классификаторов, форм протоколов, докладов и отчетов, организации справочной работы, о внимании к вопросам усиления оперативности, повышения персональной ответственности, учета работы. В ряде документов подчеркивалась необходимость принятия «срочных мер» по упорядочению делопроизводства¹¹. Высказывались предложения об объединении работы канцелярии, а также регистратуры, архива, о налаживании рассылки руководящих и информационных материалов и др.¹² Есть данные о введении единообразной печати для комитетов служащих («комслужей») в Киеве, об утверждении еще в начале сентября 1919 г. печати и углового штампа Вологодского губотдела «Всероссийского союза работников советских, общественных и торговых учреждений и предприятий»¹³.

Наибольшую ценность, на наш взгляд, представляют документы, посвященные вопросам развития профессионального образования. За период с июля 1920 г. по сентябрь 1921 г. налаживание работы профтехкурсов при губотделах было признано ударным участком деятельности профсоюза; подготовку к созданию всероссийской сети краткосрочных курсов для совработников намечалось закончить к осени 1920 г.; были определены типы курсов, разработаны в основном планы и программы. Предполагалось составить программы: «конторской практики и делопроизводства» и «специально широкого курса делопроизводства» (попытка определить прикладной и теоретический аспекты знаний по делопроизводству), причем отмечалась возможность «оригинальных и компилятивных программ»¹⁴. Срок занятий устанавливался 4—6 месяцев; обучение было обязательно для всех совработников¹⁵. Делопроизводство не только входило в программу общих курсов; намечалось и создание специальных курсов по делопроизводству¹⁶. Характер курсов был весьма различен, иногда это были объединенные курсы счетоводства, делопроизводства и машинописи, другие имели в своей программе делопроизводство и торговую корреспонденцию¹⁷. По отчетным данным ЦК профсоюза, на 1 сентября 1921 г. курсы были открыты при 53 губотделах в 114 географических пунктах с общим числом 334 группы с 9956 слушателями, из них делопроизводственных групп 60 с числом слушателей 1750¹⁸.

Документы фонда создают некоторое представление о развитии научно-производственных интересов членов профсоюза: о сборе специальной литературы при ЦК и на местах, снабжении ею губернских и уездных органов профсоюза, охране уже имеющихся в губерниях и уездах библиотек, а также снабжении делегатов съезда профсоюза новейшей литературой¹⁹. Делались попытки сбора и реферирования материалов за-

⁷ ЦГАОР СССР, ф. 5468, оп. 2, д. 45; оп. 3, д. 69, 70.

⁸ Там же, оп. 4, д. 145, лл. 5—7, 12—14, 16, 17—17 об. Первоначально обследования проводились силами созданных в конце 1920 г. экономотделов при ЦК и местных органах союза (там же, оп. 3, д. 21, лл. 78, 88; оп. 4, д. 105, лл. 6—8, 17). С этой же целью на местах иногда создавались комиссии, совещания.

⁹ Там же, оп. 4, д. 144, лл. 14 об., 15; д. 149, лл. 1—3.

¹⁰ Там же, оп. 2, д. 24, лл. 57—58; оп. 3, д. 21, лл. 40, 64, 67, 69—69 об.; оп. 4, д. 105, лл. 69 об. —70; см. также оп. 4, д. 104, 109; д. 108, лл. 4 об., 140, 155—155 об.

¹¹ Там же, оп. 3, д. 21, лл. 25—25 об., 28, 32—32 об., 33, 36 и др.

¹² Там же, оп. 4, д. 108, лл. 6, 8, 29, 72 об. (данные об Одесском, Самарском, Иркутском губотделах профсоюза).

¹³ Там же, оп. 3, д. 108, лл. 102, 103 об.; оп. 2, д. 24, л. 49.

¹⁴ Там же, оп. 3, д. 21, лл. 94, 96 об.

¹⁵ Там же, л. 31. Документы отмечают недостаток организаторов этой работы, например, даже в Москве, где в 1921 г. предполагалось открыть 10 курсов (там же, лл. 60 об.—61, 84; см. также оп. 4, д. 108, лл. 15, 19, 24, 77 об.).

¹⁶ Например, в Туле, Кременчуге, Коврове (там же, оп. 3, д. 21, лл. 86 об., 97; оп. 4, д. 105, л. 117; д. 108, лл. 159 об., 161).

¹⁷ Там же, оп. 4, д. 108, л. 151; д. 109, л. 9.

¹⁸ Там же, д. 7, л. 58.

¹⁹ Там же, оп. 3, д. 21, лл. 9 об., 14, 22 об., 25 об., 31 об., 33 об., 53 об.

падноевропейской печати²⁰, в Кременчуге осуществлялся перевод библиотеки губотдела на десятичную систему классификации (сентябрь 1921 г.)²¹.

В плане научной организации труда интерес представляют сведения о выработке норм конторско-канцелярского труда²², например, машинисток; о попытках определения круга обязанностей, квалификации основных категорий канцелярских сотрудников²³.

Документы показывают, как деятельность профсоюза способствовала развитию принципов организации делопроизводства. Петроградский губотдел союза (точнее, его отдел организации труда) обсуждал проект механизации, учета и упрощения конторско-канцелярского труда. Имеются документы, непосредственно связанные с проектом: формы учета производительности труда (контрольная ведомость, журнал работ — «американка», ведомость результата работ и др.) и штатная ведомость специального контрольно-учетного бюро²⁴. Специальная комиссия, рассмотрев проект, пришла к выводу, что в нем есть новизна, причем «настолько широкая, что требует коренной ломки существующих методов, следовательно, изучения до введения в жизнь и подготовки специальных кадров, механических приборов». Комиссия признала полезным организовать дискуссию специалистов, которая будет сдвигом в условиях «застоя существующих ныне систем счетоводства и делопроизводства»²⁵.

В этом же плане представляют интерес материалы о проведении конкурса на лучшее руководство по делопроизводству. Возросшие задачи подготовки кадров, расширения сети профобразования предполагали использование специальной литературы, требовали установления определенных критериев ее оценки, ставили вопрос о состоянии делопроизводства как особой отрасли знаний²⁶. Первое заседание специальной комиссии по изданию учебников по делопроизводству и машинописи для курсов подготовки соработников состоялось 28 февраля 1921 г. В нем приняли участие заведующие культотделом, экономотделом, подотделами профобразования и нормирования труда, а также специалисты по делопроизводству и машинописи²⁷. Детально обсудив существо вопроса, комиссия пришла к выводу, «что при отсутствии практически проверенных основных положений по делопроизводству. . . в настоящее время нет достаточных данных для составления „учебников“ . . . трактующих делопроизводство как строго определившуюся систему». Поэтому комиссия сочла целесообразным издание не учебника, а руководства, содержащего «указания по рациональному ведению делопроизводства»²⁸, «общее положение по делопроизводству и способы практического разрешения его применительно ко всем типам советских учреждений, как центральных, так и местных»²⁹. Комиссия утвердила программу руководства. Было решено использовать два пути: заказ специалистам и объявление открытого конкурса (март 1921 г.)³⁰. В тексте объявления о конкурсе указывалось на составление двух самостоятельных работ: 1) руководства для профтехкурсов; 2) описания существующей постановки делопроизводства в центральных и местных учреждениях для выработки его рациональной системы³¹. Таким образом, конкурсные работы должны были иметь в основном прикладной характер, однако намечалась и следующая ступень — создание рациональной системы делопроизводства.

²⁰ Там же, л. 65.

²¹ Там же, оп. 4, д. 108, л. 161.

²² Там же, д. 7, л. 39—39 об. Союз принимал участие в подготовке схемы нормирования, предложенной на тарифной конференции 1921 г. и предусматривающей широкую дифференциацию на местах, в зависимости от практики.

²³ Там же, оп. 3, д. 21, л. 73; оп. 4, д. 109, лл. 101 об., 102 об.

²⁴ Там же, оп. 4, д. 152, лл. 27—30.

²⁵ Там же, д. 129, л. 28.

²⁶ Там же, д. 7, л. 57.

²⁷ Н. Н. Икономов, Р. С. Майзельс, Н. Н. Дмитриевский. Протоколы заседаний см. там же, д. 151, лл. 4—20.

²⁸ Там же, л. 11—11 об. При решении вопроса о характере издания мнения разделились. Наряду с оптимальными предложениями разработать «общие положения» с иллюстративным описанием наиболее характерных существующих правил ведения делопроизводства была предложена и «разработка проекта новой системы делопроизводства на предмет последующего декретирования этой системы» (там же, лл. 18—19).

²⁹ Там же, л. 20.

³⁰ Там же, лл. 7, 21. Специалистам — членам комиссии поручалось разработать самостоятельные проекты программы. В сохранившейся «программе лекции» предлагается карточная система регистрации, объединение регистратуры, отделение ее от исполнения и создание при ней справочной части, но в то же время излагаются правила ведения журналов — входящего, исходящего и справочного. Констатируя наличие «разных систем делопроизводства, пригодных для современных учреждений», автор настаивал на необходимости «единой системы», понимая под ней карточную систему регистрации (там же, л. 8).

³¹ Там же, л. 6; см. также л. 21.

Протоколов заседаний о завершении и результатах конкурса не удалось обнаружить. Однако, как явствует из других документов, всего была представлена 31 работа, а конкурс фактически закончился в декабре 1921 г.³²

Результаты конкурса не удовлетворили чл. руководства профсоюза³³, отстаивавшую необходимость «выработки точных систем делопроизводства и соответствующих учебников»³⁴. Президиум ЦК профсоюза вновь планировал подготовку и издание учебника и поручил культотделу совместно с производственно-тарифным разработать вопрос о «единой системе делопроизводства»³⁵. Отчетные материалы культотдела свидетельствуют о постепенном осознании этих задач: «При попытке восполнить почти полное отсутствие учебников . . . оказалось, что делопроизводства как особой отрасли науки до сих пор не было. . .»³⁶. В целом документы о конкурсе отражают основные исходные позиции в процессе становления делопроизводства как специальной отрасли знаний: постановку проблемы и поиск путей исследования (правда, пока еще без систематизации знаний, без опытов, дающих основу для обобщений). Анализируя опыт работы советского аппарата в статье «Лучше меньше, да лучше», В. И. Ленин подчеркивал действенную роль конкурсов: «Объявить конкурсы сейчас же на составление двух или больше учебников по организации труда вообще и специально труда управленческого»³⁷.

Заслуживает рассмотрения группа документов о деятельности научно-технических (научно-производственных, или профессиональных) секций³⁸, в том числе и делопроизводственных, которые стали создаваться при экономотделах местных органов профсоюза в конце 1920 г. — первой половине 1921 г.³⁹ В Кременчуге, как и в Гомеле, эти секции фактически были созданы на предварительном совещании секретарей, управляющих делами, заведующих канцеляриями, делопроизводителей (в мае—июне 1921 г.)⁴⁰. Задачи кременчугской секции были весьма широки: от изыскания и проведения в жизнь упрощенных и улучшенных способов делопроизводства, обследования учреждений⁴¹ с целью определения необходимых отделов, штатов, наблюдения за ними (даже экспертизы канцелярских сотрудников, как находящихся на работе, так и кандидатов на должности), участия в создании курсов для подготовки канцелярских работников до отмены обязательного просмотра всех бумаг руководителем учреждения (функция управделами) и параллельной регистрации бумаг в отделах, организации на профтехкурсах лекций по каллиграфии⁴².

По существу материалы кременчугской секции о «выработке системы делопроизводства»⁴³ касаются основных принципов, правил его постановки. В них делается попытка учесть специфику структуры учреждений, выделить основные моменты делопроизводства (регистрацию документов, их просмотр, оформление исходящей документации, формирование дел, архива и др.), предлагаются отдельные элементы рационализации, дается характеристика некоторых видов современной документации. Так, в результате обследования постановки регистратуры ряда учреждений было решено «взять в основу принцип концентрации регистратуры»; одновременно выдвигалась схема деления учреждений на три категории в зависимости «от степени развития их аппарата»⁴⁴.

³² ЦГАОР СССР, ф. 5468, оп. 4, д. 151, лл. 2, 3 об.; д. 43, л. 31. Премию получила работа И. Ю. и Н. В. Петкевичей (*К. Г. Митяев. История и организация делопроизводства в СССР. М., 1959, стр. 101*); было решено приобрести в собственность ЦК 7 работ, не премированных, но рекомендованных жюри (ЦГАОР СССР, ф. 5468, оп. 4, д. 43, л. 126).

³³ «Первая Московская инициативная конференция по нормализации техники управления», стр. 18.

³⁴ ЦГАОР СССР, ф. 5468, оп. 4, д. 43, л. 124. Протокол совещания при культотделе по вопросу о типе профтехкурсов информирует о том, чтобы «времененно, до издания учебников. . . и выработки упрощенной системы делопроизводства специальных курсов. . . не создавать» (там же, л. 125).

³⁵ Там же; см. также план работы культотдела на январь—февраль 1922 г. (там же, л. 150). Наряду с этим, намечалась разработка программы «экзамена» на звание счетовода, делопроизводителя, секретаря и т. п.

³⁶ Там же, д. 7, л. 57.

³⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 395.

³⁸ Впоследствии работа отдела нормализации НК РКИ также строилась по секциям.

³⁹ Например, в Азербайджане и городах Владикавказе, Бобруйске, Туле (ЦГАОР СССР, ф. 5468, оп. 4, д. 144, лл. 19—21, 22—24, 31; д. 150, л. 9).

⁴⁰ Там же, д. 144, л. 32; д. 129, л. 34.

⁴¹ Акты обследований должны были обсуждаться в секции и служить основой для выработки «определенной системы постановки делопроизводства» (там же, д. 129, л. 2).

⁴² Там же, лл. 1, 4, 6, 34; д. 108, лл. 158 об.—160.

⁴³ Обращают на себя внимание краткие сроки «выработки» системы: протоколы заседаний по этому вопросу охватывают период с 14 июня по 28 июля 1921 г.

⁴⁴ Там же, д. 129, л. 8. К первой относились учреждения, «представляющие одно целое», ко второй — «учреждения крупные, не состоящие из автономных самостоя-

При определении порядка просмотра бумаг был поднят вопрос о том, везде ли необходима должность управделами, и сделана попытка решить вопросы оформления исходящих бумаг (о числе подписей, их соответствии штампу, наличии в каждом учреждении одной гербовой печати и негербовых — по отделам)⁴⁵. Предусматривалось также ограничение внутренних сношений устной формой, оставление только одной копии с исходящих бумаг, изготовление трафаретных бумаг без отпусков, формирование дел по предметно-тематическому принципу (специальные дела заводятся и для учреждений, с которыми имеется постоянная переписка); определялся порядок фиксации внутренних распоряжений, совместное хранение исполнительной документации по исходящим, заведение единого архива для всего учреждения, независимо от группы, порядок сдачи дел в архив, ведение документации по личному составу⁴⁶. В специальный пункт «О письмоводстве» включены разделы «Порядок изложения письма», «О теме», «О телеграммах», «О составлении протоколов», «Об актах», где содержатся краткие и весьма рациональные характеристики, близкие к современному пониманию и нынешним правилам оформления подобной документации⁴⁷. Определение углового штампа, хотя и верно указывает место его расположения, но дается без учета Постановления СНК РСФСР от 2 марта 1918 г. «О форме бланков государственных учреждений»⁴⁸.

Параллельно секция составила и утвердила программу курса по делопроизводству, в первой части которой предполагалось осветить следующие вопросы: 1) краткие исторические причины возникновения делопроизводства как науки; 2) цель науки; 3) ее средства; 4) типы современных учреждений и делопроизводства в них⁴⁹.

В процессе работы делалась попытка определить, что следует подразумевать под системой делопроизводства, какими мерами проводить ее в жизнь. Сохранилось постановление: считать системой «собрание правил по ведению делопроизводства, выработанных секцией. . . и пополненных недостающими правилами, образцами и инструкциями»⁵⁰. Осуществлять эти правила предполагалось в первую очередь в учреждениях, где в канцеляриях сотрудничают члены секции; намечалось проводить их и в губернском масштабе. В заключительных решениях секции отразились весьма оптимистические, реалистические тенденции наряду с предполагавшимся «декретированием» результатов работы губисполкомом: выработанные ею «положения и инструкции» (уже не «система») должны были до декрета проводиться в жизнь членами секции «в виде опыта», по специальному заданию союза⁵¹.

Стремление к выработке «системы» делопроизводства, как и к «декретированию» этой системы, с одной стороны, было продиктовано попыткой ввести делопроизводство в определенные рамки, придать ему единообразные формы, а с другой — предполагало ограничить эти рамки опытом весьма узкого круга составителей подобных проектов. Плодотворным и перспективным должно было стать широкое изучение и обобщение постановки делопроизводства, проведение опытов, основанных на взаимодействии теории и практики. Документы фонда отражают сложный процесс осознания профсоюзом совместных целей, задач и поиска методов работы в области усовершенствования делопроизводства. Одновременно это был объективный процесс развития постановки делопроизводства в советских учреждениях, накопления опыта, создания предпосылок для дальнейшей деятельности профсоюза. В 1922 г. В. И. Ленин назвал «Цена союза совслужащих» в числе головных учреждений, занятых вопросами организации труда и управления⁵².

тельных частей», к третьей — учреждения, имеющие отделы с самостоятельными функциями или территориально обособленные. Соответственно предусматривалась одна общая регистратура для учреждений первой группы, а для второй и третьей — общая регистратура и подсобные в отделах.

⁴⁵ Там же, лл. 9—10.

⁴⁶ Там же, лл. 11—15, 20. Определялось также место и функции экспедиции, курьеров, подчеркивалась необходимость правильного внутреннего распорядка (указатели отделов и номеров помещений) и организованной выдачи справок с обязательным оповещением на видном месте о времени приема посетителей.

⁴⁷ Там же, л. 16.

⁴⁸ «В штампе главное место должно занимать учреждение или отдел, из которого исходит бумага, но не ведомство или центральное учреждение, коему местное подчинено» (там же; ср. «Декреты Советской власти», т. 1. М., 1957, стр. 514—515).

⁴⁹ ЦГАОР СССР, ф. 5468, оп. 4, д. 129, лл. 18—20. Дополнительных материалов по этим вопросам, а также второй части программы в делах фонда обнаружить не удалось.

⁵⁰ Там же, л. 21.

⁵¹ Там же, лл. 23, 25, 26.

⁵² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 154.

В. Ю. Афиани

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ Ф. И. БУСЛАЕВА В МОСКОВСКИХ ХРАНИЛИЩАХ

Академик Федор Иванович Буслаев (1818—1897) внес значительный вклад в развитие многих областей науки. Разносторонность интересов и энциклопедизм знаний позволили ученому создать непреходящие научные ценности.

Современники высоко оценивали научную и педагогическую деятельность ученого¹. В настоящее время к наследию Буслаева проявляется все более возрастающий интерес². Особое значение имеет, по словам М. В. Алпатова, «синтетический метод» ученого. Ф. И. Буслаев стремился изучать данные славяно-русских письменных и изобразительных источников в возможной полноте их связей между собой, в их историческом развитии, в сравнении с аналогичными данными западноевропейских источников, предвосхищая, — на ином, конечно, уровне развития научных знаний, — интерес современных исследователей к тем же проблемам.

В этой связи встает задача углубленного изучения наследия Ф. И. Буслаева, в том числе архивных материалов. Основная часть их находится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ, ф. 42), в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ, ф. 69) и в Государственном литературном музее (ГЛМ, ф. 348). В фондах Ф. И. Буслаева сохранились не только черновики статей и заметок, беловая рукопись монографии «Свод изображений из лицевых апокалипсисов по русским рукописям с XVI в. по XIX в.» (СПб., 1884), рукописи лекций по истории языка и литературы, дневники, неопубликованная часть «Дополнений» к «Моим воспоминаниям»³, но и большое эпистолярное наследие. Некоторые письма были опубликованы⁴.

В статье делается попытка объединить сведения о выявленных к настоящему времени в хранилищах Москвы письмах Буслаева и его корреспондентов⁵.

Письма находятся в вышеуказанных фондах Буслаева, а также в составе других фондов Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Центрального государственного архива литературы и искусства, Отдела письменных источ-

¹ С. А. Венгеров. Источники словаря русских писателей, т. I. СПб., 1900, стр. 391—395.

² М. В. Алпатов. Ф. Буслаев и русская наука об искусстве. — «Искусство», 1961, № 8, стр. 61—67; Н. Кузьмина, Е. Немченко, А. Толкачев. Буслаев как лингвист. — В кн.: Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика. М., 1959, стр. 5—16; Н. К. Гудзий. О русском литературоведческом наследии. — «Вестник МГУ», Историко-филологическая серия, 1957, № 1, стр. 128—140.

³ О «Дополнениях» см.: А. В. Померанцева. Новые страницы воспоминаний Ф. И. Буслаева. — «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», вып. III. М., 1965, стр. 145—161.

⁴ «Из переписки деятелей Академии наук». Пригот. к печ. Д. И. Абрамович. Л., 1925, стр. 7—31 («Государственная публичная библиотека в Ленинграде», Серия II. «Материалы по истории русской науки, литературы и общественности») — письма к К. С. Веселовскому (1863), С. С. Дудышкину (1861—1862), А. А. Котляревскому (1870), А. А. Краевскому (1855—1868), А. Н. Пышину (1883—1887), В. В. Стасову (1863—1888), А. С. Суворину (1882—1888), А. Н. Чудинову (1872), С. П. Шевыреву (1840 и б. д.). Письма к А. Д. Галахову 1857—1877 гг. были использованы в извлечениях П. Н. Сакулиным: П. Н. Сакулин. В поисках научной методологии. I. Ф. И. Буслаев. — «Голос минувшего», 1919, № 1—4, стр. 5—23.

⁵ Краткие сведения о письмах см.: В. Ю. Афиани. Письма Ф. И. Буслаева в московских архивах. — В сб.: «Материалы научной студенческой конференции [Московского государственного историко-архивного института]. Май 1970 г.», вып. II. «Источниковедение историографии». М., 1970, стр. 35—39 (ротапринт).

ников Государственного исторического музея, Центрального государственного архива древних актов. Обнаружено 329 писем и записок Буслаева 55 адресатам и 531 письмо к нему от 164 корреспондентов. Ниже приводятся сведения о письмах в алфавитном порядке адресатов и корреспондентов.

Письма Ф. И. Буслаева: А. А. Андреевой — ЦГАЛИ, ф. 2110, оп. 1, ед. хр. 3 (1892), 1 письмо; Е. В. Барсову — ГИМ, ф. 450, оп. 1, ед. хр. 8 (1872), 3 записки; ф. 445, оп. 1, ед. хр. 255 (1880), 1 записка; Н. П. Барсукову — ЦГАЛИ, ф. 87, оп. 1, ед. хр. 69, 70, 71, 72 (1879—1884), 10 писем; П. И. Бартеневу — ЦГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 576, 577, 578 (1884—1886), 4 письма; И. Д. Беляеву — ГИМ, ф. 450, оп. 1, ед. хр. 845 (1865), 1 записка; М. Л. Боденко-Колычеву — ГБЛ, ф. 35, карт. 1, ед. хр. 13 (1839—1886), 8 писем⁶; А. В. Буслаевой — ЦГАЛИ, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 25 (1884—1886), 4 письма; Л. Я. Буслаев — там же ([1867]—1872), 20 писем; А. Н. Веселовскому — ГБЛ, ф. 42, карт. 11, ед. хр. 45 (б. д.), 1 письмо (черновик); А. Е. Викторову — там же, ед. хр. 13 (1874), 1 письмо (копия); ф. 51, карт. 14, ед. хр. 29; карт. 16, ед. хр. 76, 77; карт. 17, ед. хр. 1, 2, 3 (1858—1883), 50 писем, 59 записок⁷; П. П. Вяземскому — ГИМ, ф. 348, оп. 1, папка 37 (1882), 1 письмо; папки 4, 5 [1882—1884], 2 письма (черновики); В. И. Герье — ГБЛ, ф. 70, карт. 38, ед. хр. 38 ([1874], б. д.), 1 письмо, 1 записка; Е. И. Герье — там же, ед. хр. 39 (1888), 1 письмо; В. И. Григоровичу — ГБЛ, ф. 86, карт. 4, ед. хр. 28 (1852, 1885), 3 письма; А. де Губернату (A. de Gubernatis) — ГБЛ, ф. 42, карт. 11, ед. хр. 14 (1874), 1 письмо (черновик, итал. яз.; отклик из журн. «Revista Egitorea»); ЦГАЛИ, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 26 (1883), 1 письмо (черновик, русск., итал. яз.); И. Е. Забелину — ГИМ, ф. 440, оп. 1, ед. хр. 39, 864 (1857—1892, б. д.), 6 записок; Н. В. Исакову — ГБЛ, ф. 51, карт. 17, ед. хр. 5 (1861), 1 письмо; М. Н. Каткову — ГБЛ, ф. 120, карт. 1, ед. хр. 50 (1860—1880), 6 писем; А. И. Кирпичникову — ГБЛ, ф. 484, № 7555/6 (1879—1893), 12 писем (копии)⁸; Ю. П. Кирпичниковой — ЦГАЛИ, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 27 (1890), 1 письмо; В. О. Ключевскому — ГБЛ, ф. 131, карт. 31, ед. хр. 34 (1893), 1 письмо; Е. Ф. Коршу⁹ — ГБЛ, ф. 51, карт. 17, ед. хр. 6 (1869), 1 письмо; А. Лангу — ГИМ, ф. 440, оп. 1, ед. хр. 777 (1879), 1 записка; В. А. Лебедеву — ГИМ, ф. 130, оп. 1, ед. хр. 3 (1880—1889), 15 записок; ф. 445, оп. 1, ед. хр. 255 (1893), 1 записка; П. М. Леонтьеву — ГБЛ, ф. 120, карт. 1, ед. хр. 50а ([1864], 1872), 2 письма; П. К. Любарской — ГИМ, ф. 315, ед. хр. 1 (1885), 1 письмо; Л. Н. Майкову — ГИМ, ф. 445, оп. 1, ед. хр. 229 (1883), 1 письмо (черновик); В. Ф. Миллеру — ЦГАЛИ, ф. 323, оп. 1, ед. хр. 63 (1884), 2 письма; О. Ф. Миллеру — ГБЛ, ф. 93, карт. 1, ед. хр. 129 (1870, 1882), 2 письма; Ф. Б. Миллеру — ЦГАЛИ, ф. 323, оп. 1, ед. хр. 560 (б. д.), 1 письмо; А. И. Новикову — ЦГАЛИ, ф. 205, оп. 1, ед. хр. 1 (б. д.), 1 письмо; К. П. Победоносцеву — ГБЛ, ф. 230 (М. 10802), ед. хр. 14 (1884—1889), 2 письма; М. П. Погодину — ГБЛ, ф. 231, карт. 5, ед. хр. 119 ([1847]—1863), 5 писем, 3 записки; ЦГАЛИ, ф. 373, оп. 1, ед. хр. 95 ([1865], б. д.), 1 письмо, 2 записки; А. Н. Попову — ГБЛ, ф. 42, карт. 11, ед. хр. 15 ([1843]—1844), 1 письмо; ЦГАЛИ, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 29 (1846), 1 письмо; Н. А. Попову — ГБЛ, ф. 239, карт. 5, ед. хр. 43 (1868—[1875]), 7 записок; А. Н. Пышину — ЦГАЛИ, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 266 (1854—1855), 3 письма; Д. В. Разумовскому — ГБЛ, ф. 380, карт. 14, ед. хр. 41 (1877), 1 письмо; Д. А. Ровинскому — ГБЛ, ф. 218, карт. 1312, ед. хр. 18 (1888), 1 письмо; В. Е. Румянцеву — ГИМ, ф. 450, оп. 1, ед. хр. 864 (б. д.), 1 письмо; архиепископу Савве (И. М. Тихомирову) — ГБЛ, ф. 262, карт. 29, ед. хр. 90 (1860—1892), 7 писем; В. А. Сиротинину — ГБЛ, ф. 42, карт. 11, ед. хр. 16 (1860), 1 письмо; Н. М. Соллогуб — ЦГАЛИ, ф. 453, оп. 1, ед. хр. 352 ([1893]), 1 письмо; С. М. Соловьеву — ГБЛ, ф. 285, карт. 1, ед. хр. 16 (1844), 1 письмо; С. Г. Строганову — ЦГАДА, ф. 1278, оп. 1, ед. хр. 259 (б. д.), 1 письмо; А. С. Суворину — ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 531 (1888), 2 письма¹⁰; Н. С. Тихонову — ГБЛ, ф. 51, карт. 17, ед. хр. 7 (1860—1869), 11 писем, 3 записки; С. С. Уварову — ГБЛ, ф. 42, карт. 11, ед. хр. 17 (1840), 1 письмо; А. И. Урусову — ГБЛ, ф. 311, карт. 15, ед. хр. 23 (1862, 1865), 2 письма; А. А. Хованскому — ЦГАЛИ, ф. 538, оп. 1, ед. хр. 26 (1861—1888), 8 писем, 1 записка; Д. Н. Цертелеву — ЦГАЛИ, ф. 542, оп. 1, ед. хр. 4 (1891), 1 письмо; С. Д. Шереметеву — ЦГАДА, ф. 1287, оп. 1, ч. 1, ед. хр. 215 (1884—1891), 5 писем, 20 записок; С. А. Юрьеву — ЦГАЛИ, ф. 636, оп. 1, ед. хр. 150 (1881), 1 письмо; неизвестному лицу — ГБЛ, ф. 42, карт. 11, ед. хр. 18 (б. д.), 1 письмо.

⁶ Опубликованы письма от 8 июня 1839 г., 20 июня 1839 г., 13 апреля 1840 г., 26 октября 1841 г. (Ф. И. Буслаев. Мои воспоминания. М., 1897, стр. 154—155, 206—207, 273).

⁷ Опубликовано письмо от 29 октября 1874 г. (там же, стр. 376—380).

⁸ Находятся в архиве С. О. Долгова, подготавливавшего к публикации переписку Ф. И. Буслаева и А. И. Кирпичникова.

⁹ В числе новых поступлений в ОР ГБЛ (ф. 465) отмечено 1 письмо 1864 г. («Записки Отдела рукописей» ГБЛ, вып. 32. М., 1971, стр. 114). К этому письму прибавлено письмо к Ф. Е. Коршу.

¹⁰ Опубликованы. — «Из переписки деятелей Академии наук». Пригот. к печ. Д. И. Абрамович. Л., 1925, стр. 28—29.

Письма Ф. И. Буслаева: его няни Авдотьи — ГБЛ, ф. 42, карт. 11, ед. хр. 19 (1837), 1 письмо; Д. В. Аверкиева — там же, ед. хр. 22 (1887), 1 письмо; А. Алянчикова — там же, ед. хр. 23 (1835, б. д.), 3 письма; архимандрита Амфилохия (П. И. Сергиевского) — ГБЛ, ф. 51, карт. 16, ед. хр. 12 (1867), 1 письмо; А. А. Андреевой — ГБЛ, ф. 42, карт. 11, ед. хр. 24 (1892), 1 письмо; А. С. Андреева — там же, ед. хр. 25 (1834, 1849, б. д.), 4 письма; П. В. Андреева — ЦГАЛИ, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 30 (1882), 1 письмо; А. С. Архангельского — ГБЛ, ф. 42, карт. 11, ед. хр. 26 (1886, 1888—1893), 4 письма; Н. П. Барсукова — там же, ед. хр. 27 (1892), 1 письмо; ЦГАЛИ, ф. 87, оп. 1, ед. хр. 69, лл. 529, 531; ед. хр. 70, лл. 290 об., 292, 293 об., 302, 365; ед. хр. 72, лл. 278 об., 558; ед. хр. 76, 585 (1879—1892), 10 писем (черновые); П. И. Бартенева — ГБЛ, ф. 42, карт. 11, ед. хр. 28 (1886, б. д.), 2 письма; А. Белкина — там же, ед. хр. 29 (1885), 1 письмо; Л. П. Бельского — там же, ед. хр. 30 (1880—1890), 5 писем; И. Е. Бецкого — там же, ед. хр. 32 (1875), 1 письмо; В. А. Бильбасова — ГИМ, ф. 445, оп. 1, ед. хр. 255 (1869), 1 письмо; К. Бликса — ГБЛ, ф. 42, карт. 11, ед. хр. 33 (1868, б. д.), 3 письма; В. [С.] Богословского — ЦГАЛИ, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 31 (1867), 2 письма; М. Л. Бодяко-Кольчева — ГБЛ, ф. 42, карт. 11, ед. хр. 34 (1883, б. д.), 2 письма; О. М. Бодянского — ГИМ, ф. 445, оп. 1, ед. хр. 255 (1868), 1 письмо; Н. Л. Борхарта — ГБЛ, ф. 42, карт. 11, ед. хр. 35 (б. д.), 1 письмо; К. А. Бротеруса — там же, ед. хр. 36 (1887), 1 письмо; Бруно дельла Винченцо (B. della Vincenzo) — там же, ед. хр. 37 (1864), 1 письмо (итал. яз.); Н. Н. Булича — там же, ед. хр. 38 (1879, 1887), 2 письма; Л. Я. Буслаевой — ЦГАЛИ, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 32 (1868—1872), 32 письма; В. И. Бутовского — ГБЛ, ф. 42, карт. 11, ед. хр. 39 (1869), 1 письмо; А. Ф. Бычкова — там же, ед. хр. 40 (1881, 1889—1892), 4 письма; ЦГАЛИ, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 33 (1879), 1 письмо; М. И. Ванькиной — ГБЛ, ф. 42, карт. 11, ед. хр. 41 (1834—1836), 10 писем; С. И. Ванькиной — там же, ед. хр. 43 (1835), 5 писем; Е. В. Васильчиковой — ЦГАЛИ, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 34 (б. д.), 1 письмо; Р. Вейгеля (R. Weigel) — ГБЛ, ф. 42, карт. 11, ед. хр. 44 (1865), 1 письмо (нем. яз.); А. Н. Веселовского — там же, ед. хр. 45 (б. д.), 5 писем; А. Е. Викторова — там же, ед. хр. 47 (1872—1883), 10 писем; ф. 51, карт. 14, ед. хр. 28 (1868—[1880-е]), 4 письма; ЦГАЛИ, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 35 (1880), 1 письмо; А. Вильбуа (A. Wilbois) — ГБЛ, ф. 42, карт. 11, ед. хр. 48 (1878), 1 письмо (франц. яз.); Г. Виммера (H. Wimmer) — там же, ед. хр. 49 (1846), 1 письмо (нем. яз.); Л. Воеводского — там же, ед. хр. 50 (1881), 1 письмо; [Н.] Войцеховского — там же, ед. хр. 51 (1843, б. д.), 3 письма; М. О. Вольфа — там же, ед. хр. 52 (1882), 1 письмо; К. А. Вяземского — там же, ед. хр. 53 (1891—1892), 3 письма; П. П. Вяземского — там же, ед. хр. 54 (1880—1881), 2 письма; Г. [Г.] Гагарина — там же, ед. хр. 55 (1863, б. д.), 2 письма; О. Гагариной — там же, ед. хр. 56 (1861), 2 письма; А. Д. Галахова — там же, ед. хр. 57 (1859), 1 письмо; ЦГАЛИ, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 36 (1867), 1 письмо; Р. Гарднера — ГБЛ, ф. 42, карт. 11, ед. хр. 58 (1886), 1 письмо; Е. М. Гаршина — там же, ед. хр. 59 (1890-е гг.), 1 письмо; Н. Д. Гельбиг — там же, ед. хр. 60 (1871), 1 письмо; А. И. Георгиевского — ГБЛ, ф. 70, карт. 39, ед. хр. 96 (1866), 1 письмо; ГИМ, ф. 445, оп. 1, ед. хр. 255 (1870), 1 письмо; Е. И. Герье — ГБЛ, ф. 42, карт. 11, ед. хр. 61 (1890), 1 письмо; Ф. А. Гилярова — там же, ед. хр. 62, 63 (1875, 1892, б. д.), 12 писем, 1 письмо; С. П. Голубкова — там же, ед. хр. 64 (1894), 1 письмо; Ю. Городецкого — ЦГАЛИ, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 37 (1871, б. д.), 2 письма; М. Горбова — ГБЛ, ф. 42, карт. 11, ед. хр. 65 (1888—1889), 4 письма; В. И. Григоровича — ГБЛ, ф. 86, карт. 1, ед. хр. 16 (1850-е гг.), 2 письма (черновые); Б. Григорьева — ГБЛ, ф. 42, карт. 11, ед. хр. 66, 67 (1892), 2 письма; С. Я. Григорьева — ЦГАЛИ, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 38 (1868), 3 письма; А. Ф. Гримм (A. F. Grimm) — ГБЛ, ф. 42, карт. 11, ед. хр. 68 (1859), 1 письмо (франц. яз.); Я. К. Грота — там же, ед. хр. 69 (1886, 1889, 1893), 3 письма; А. де Губернатиса (A. de Gubernatis) — там же, ед. хр. 70 (1874—1878), 9 писем (итал. яз.); ЦГАЛИ, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 39 (1883), 1 письмо; А. М. Гусева — ГБЛ, ф. 42, карт. 11, ед. хр. 71 (1848), 1 письмо; И. И. Давыдова — там же, ед. хр. 72 (1848), 1 письмо; В. А. Дашкова — там же, ед. хр. 73 (1876), 1 письмо (писарское); И. Д. Делянова — там же, ед. хр. 74 (1870), 1 письмо; А. М. Диоптрова — там же, ед. хр. 75 (б. д.), 1 письмо; А. Л. Долгорукой — там же, ед. хр. 76 (1888—1891, 1894, б. д.), 8 писем; К. Е. Долгорукой — ЦГАЛИ, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 40 (б. д.), 1 письмо; Ю. Дошпельмейера — ГБЛ, ф. 42, карт. 11, ед. хр. 77 (1892, б. д.), 2 письма; П. [П.] Дубровского — там же, ед. хр. 78 (1874), 1 письмо; В. [А.] Елагина — там же, ед. хр. 79 (б. д.), 1 письмо; И. Е. Забелина — там же, ед. хр. 80 (1883, 1892), 2 письма; А. Звенигородского — там же, ед. хр. 81 (1893), 1 письмо; Н. Илларионова — там же, карт. 12, ед. хр. 1 (1872, 1882), 2 письма; Н. В. Исакова — ГБЛ, ф. 51, карт. 18, ед. хр. 39 (1861), 1 письмо; К. В. — ГБЛ, ф. 42, карт. 12, ед. хр. 3 (б. д.), 1 письмо; Н. И. Кареева — там же, ед. хр. 4 (1881), 1 письмо; В. Кашкадамова — там же, ед. хр. 5 (1872—1879, б. д.), 7 писем; А. И. Кирпичникова — там же, ед. хр. 6 (1871—1893, б. д.), 32 письма; Н. П. Кондакова — там же, ед. хр. 7 (1885—1886, 1891, б. д.), 8 писем; ЦГАЛИ, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 41 (1884), 1 письмо; А. А. Котляревского — ГБЛ, ф. 42, карт. 12, ед. хр. 8 (1859), 1 письмо; ГИМ, ф. 445, оп. 1, ед. хр. 255 (1870), 1 письмо; В. Крузе — ГБЛ, ф. 42, карт. 12, ед. хр. 9 (1859), 1 письмо; П. А. Лаврова — ГИМ, ф. 445, оп. 1, ед. хр. 255 (1872), 1 письмо; А. Лебедева — ГБЛ, ф. 42, карт. 12, ед. хр. 10 (б. д.), 1 письмо; В. А. Лебедева — там же, ед. хр. 11 (1878, 1885), 2 письма; Д. П. Лебедева — там же, ед. хр. 12 (1884), 2 письма; Э. Б. Левина — там же,

ед. хр. 14 (1875), 1 письмо; Г. Лейбмана — ЦГАЛИ, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 42 (1885), 1 письмо; Н. С. Лескова — там же, ед. хр. 43 (1877), 1 письмо; Ф. Либрехта (F. Librecht) — ГБЛ, ф. 42, карт. 12, ед. хр. 15 (1874—1875), 5 писем (нем. яз.); Х. А. Линовской — ЦГАЛИ, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 44 (б. д.), 1 письмо; Дж. Линьяна (G. Lignana) — ГБЛ, ф. 42, карт. 12, ед. хр. 16 (1874), 2 письма (итал. яз.); М. Львовой — ЦГАЛИ, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 45 (б. д.), 1 письмо; В. Львова — ГБЛ, ф. 42, карт. 12, ед. хр. 30 (б. д.), 1 письмо; Д. Львова — там же, ед. хр. 18 (1835, б. д.), 2 письма; Л. Н. Майкова — там же, ед. хр. 19 (1886, 1892), 2 письма; ГИМ, ф. 445, оп. 1, ед. хр. 255, 229 (1883—1884, б. д.), 3 письма; вел. кн. Марии Николаевны — ГБЛ, ф. 42, карт. 12, ед. хр. 20 (1860-е гг.), телеграмма; Б. М. Маркевича — там же, ед. хр. 21 (1882), 1 письмо; И. [М.] Мартынова — там же, ед. хр. 22 (1875—1880), 4 письма; А. Медовикова — там же, ед. хр. 23 (1888, 1889), 2 письма; Я. Мерперта — ЦГАЛИ, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 47 (1897, б. д.), 3 письма; Е. С. Мещерской — ГБЛ, ф. 42, ед. хр. 24 (1847), 2 письма; ЦГАЛИ, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 48 (1877), 1 письмо; К. Мещерского — ГБЛ, ф. 42, карт. 12, ед. хр. 25 (б. д.), 1 письмо; С. П. Микучного — там же, ед. хр. 26 (1863—1885), 16 писем; О. Ф. Миллера — там же, ед. хр. 27 (1871), 1 письмо; Д. И. Минаева — ГИМ, ф. 445, оп. 1, ед. хр. 255 (1868), 1 письмо; И. Мнюдушевского — ГБЛ, ф. 42, карт. 12, ед. хр. 28 (1875), 1 письмо; П. [А.] Монтеверди — там же, ед. хр. 29 (б. д.), 1 письмо; П. М. — ГИМ, ф. 445, оп. 1, ед. хр. 255 (1869), 1 письмо; Н. П. Некрасова — ГБЛ, ф. 42, карт. 12, ед. хр. 30 (1886), 1 письмо; вел. кн. Николая Александровича — там же, ед. хр. 31 (1863), 1 письмо (писарское); И. Новосильцева — ЦГАЛИ, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 49 (б. д.), 1 письмо; А. Л. Оболенской — ГБЛ, ф. 42, карт. 12, ед. хр. 33 (1889), 1 письмо; Ф. Оденци (F. Odenzi) — там же, ед. хр. 35 (1871), 1 письмо (итал. яз.); В. Ф. Одоевского — там же, ед. хр. 36 (1867), 1 письмо; Ф. А. Оома — там же, ед. хр. 37 (1861), 1 письмо; М. Орлова — там же, ед. хр. 38 (1835), 1 письмо; М. Н. Орлова — там же, ед. хр. 39 (1887), 1 письмо; И. Н. Ошепкова — ЦГАЛИ, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 50 (1861), 1 письмо; В. А. Панова — там же, ед. хр. 51 (б. д.), 4 письма; Ф. Пипера (F. Piper) — ГБЛ, ф. 42, карт. 12, ед. хр. 40 (1871—1874), 3 письма (нем. яз.); А. Ф. Писемского — там же, ед. хр. 41 (1877), 2 письма¹¹; К. П. Победоносцева — там же, ед. хр. 42, (1889, 1895), 4 письма; Н. В. Покровского — там же, ед. хр. 43 (1885, 1892), 3 письма; А. [Н.] Попова — там же, ед. хр. 44 (1842—1848), 4 письма; [Попова] — там же, ед. хр. 45 (1877), 1 письмо; архимандрита Порфирия (Г. И. Попова) — там же, ед. хр. 46 (1865), 1 письмо; А. А. Потební — ЦГАЛИ, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 52 (1879), 1 письмо; В. Примы — ГБЛ, ф. 42, карт. 12, ед. хр. 47 (б. д.), 1 письмо; А. Н. Пыпина — там же, ед. хр. 48 (1883—1886), 4 письма; П. М. Равевского — там же, ед. хр. 49 (1881), 1 письмо; В. Рольстона (W. Rolston) — ГИМ, ф. 445, оп. 1, ед. хр. 255 (1872), 1 письмо (англ. яз.); Ж.-П. Рихтера (J. P. Richter) — ГБЛ, ф. 42, карт. 12, ед. хр. 50 (1875—1881), 11 писем (нем. яз.); Ж.-Б. де Росси (J.-B. de Rossi) — там же, ед. хр. 51 (1867), 1 письмо (франц. яз.); П. Н. Рыбникова — там же, ед. хр. 52 (1864), 1 письмо; архиепископа Саввы (И. М. Тихомирова) — там же, ед. хр. 53 (1882, 1890), 2 письма; Ф. Г. Савенко — там же, ед. хр. 54 (1888), 1 письмо; Ф. Садокова — там же, ед. хр. 55 (1884), 1 письмо; Е. А. Салиаса де Турнемира — там же, ед. хр. 56 (1886, б. д.), 2 письма; Е. В. Салиас де Турнемир (Евгений Тур) — там же, ед. хр. 57 (1883), 1 письмо; А. Сергеева — там же, ед. хр. 58 (1834—1837), 3 письма; А. Скворцова — там же, ед. хр. 59 [после 1847], 2 письма; С. А. Смирнова — там же, ед. хр. 60 (1883), 1 письмо; В. В. Стасова — там же, ед. хр. 61 (1868—1889), 14 писем¹²; Н. Н. Страхова — ГИМ, ф. 445, оп. 1, ед. хр. 255 (1869), 1 письмо; М. Б. Стремоухова — ГБЛ, ф. 42, карт. 12, ед. хр. 62 (1888, б. д.), 2 письма; Г. С. Строганова — ЦГАЛИ, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 53 (б. д.), 1 письмо; ГБЛ, ф. 42, карт. 12, ед. хр. 63 (б. д.), 1 письмо; П. С. Строганова — ГБЛ, ф. 42, карт. 12, ед. хр. 64 (1858—1872), 2 письма; С. Г. Строганова — там же, ед. хр. 65 (1843—1856), 9 писем; ед. хр. 66 (1858—1879), 22 письма (спiski писарские); А. С. Суворина — там же, ед. хр. 67 (1886), 1 письмо; Е. В. Судовщикова — там же, ед. хр. 68 (1867), 1 письмо; В. [И.] Танеева — там же, ед. хр. 69 (1890), 1 письмо; А. Тимофеева — там же, карт. 13, ед. хр. 1 (1885, б. д.), 2 письма; Н. С. Тихонравова — там же, ед. хр. 2 (б. д.), 2 письма; И. И. Толстого — там же, ед. хр. 3 (1891, б. д.), 2 письма; И. Т. Троицкого — ЦГАЛИ, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 54 (1875), 1 письмо; Я. А. Тронова — там же, ед. хр. 55 [1868], 2 письма; М. Троновой — там же, ед. хр. 56 (1868), 1 письмо; П. С. Уваровой — ГБЛ, ф. 42, карт. 13, ед. хр. 4 (1891, 1896, б. д.), 5 писем; ЦГАЛИ, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 57 (1879), 1 письмо; В. М. Ундольского — ГБЛ, ф. 42, карт. 13, ед. хр. 5 (1860), 1 письмо; В. Флерова — там же, ед. хр. 6 (1850, б. д.), 2 письма; В. Л. Филипова — ГИМ, ф. 445, оп. 1, ед. хр. 255 (1886), 1 письмо; А. А. Хованского — ГБЛ, ф. 42, карт. 13, ед. хр. 7 (1884—1890), 2 письма; ГИМ, ф. 445, оп. 1, ед. хр. 255 (б. д.), 1 письмо; А. [Н.] Ходзько — ГБЛ, ф. 42, карт. 13, ед. хр. 8 (1874), 1 письмо; А. Н. Чудинова —

¹¹ Опубликованы по черновым отпускам. — А. Ф. Писемский. Материалы и исследования. М.—Л., 1936, стр. 364—367, 373.

¹² Опубликованы письма от 20 августа 1863 г., 28 декабря 1868 г., 18 января 1881 г., 19 октября 1886 г., 5 апреля 1887 г., 24 мая 1888 г., 2 января 1889 г. (В. В. Стасов. Письма к деятелям русской культуры. т. I. М., 1962, стр. 206—215).

там же, ед. хр. 9 (1888, 1890), 5 писем; Н. Шаховской — там же, ед. хр. 10 (1866), 1 письмо; [С. П. Шевырева] — там же, ед. хр. 11 ([1838]), 1 письмо; С. Д. Шереметева — там же, ед. хр. 12 (1882, 1886), 31 письмо; И. В. Ягича — там же, ед. хр. 13 (1886), 1 письмо; ЦГАЛИ, ф. 63, оп. 1 ед. хр. 59 (1879), 1 письмо.

Сохранившаяся переписка Буслаева относится к периоду с 30-х годов до конца XIX в. Письма содержат не только материалы, важные для изучения жизни и деятельности ученого, но и богатые сведения по истории культуры, науки и общественной жизни.

Ценность писем Буслаева была известна уже его современникам, особенно писем, в которых ученый формулировал свое отношение к научным трудам, тем или иным идеям. Очевидно, обсуждение научных взглядов и проблем в письмах, до их печатного изложения, было традицией в отношениях между учеными того времени. В своем письме к Буслаеву от 1 марта 1869 г. В. В. Стасов пишет: «Я почти в тот же день, как получил Ваше письмо, дал его сначала прочитать некоторым лицам, кому оно могло быть любопытно, а потом послал его к Стасюлевичу, *во-первых* — потому, что там было несколько строк, лично до него относящихся. . . , а *во-вторых* — потому, что ему было в высшей степени интересно знать Ваше мнение о моем исследовании. И действительно, он прочитал ваше письмо с большим интересом и показал его многим здешним ученым. Но вообразите, в настоящее время это письмо — *пропало*. . . Я считаю эту утрату очень для себя большою. Ваше письмо кажется мне просто *историческим* в настоящем вопросе. Все здесь (в том числе большинство Академии наук) постоянно обращались к Вам мыслью и спрашивали: „Что-то скажет Буслаев? В который вступит лагерь?“ Оно и понятно, Вы по этой части у нас решительно *первый*, занимались народною поэзиею всего более и всего основательнее. Значит: Ваше согласие или Ваше несогласие с моею новою теориею должно было придать очень много веса той чашке весов, куда Вы положили бы свое мнение. Признаюсь, я необыкновенно рад, что и Вы. . . нашли возможным признать мое основание правильным, вероятным и имеющим будущность. Как я слышу, многие другие примечательные из наших лучших ученых (как-то: Соловьев, Лавровский и др.) также со мною согласны. . . , хотя, без сомнения, Ваше мнение тут — самое существенное и решительное»¹³.

Эпистолярное наследие Буслаева можно разделить на две группы, различающиеся по содержанию и по внешним признакам: собственно письма и письма-записки. Письма написаны чернилами на почтовой бумаге (встречаются штампы или водяные знаки фабрик Рейнер, Bath и др.). Письма-записки писались Буслаевым в Москве или в летний период за городом (адресатам, находившимся в Москве) чернилами или карандашом. Они отправлялись не по почте, а с посыльным (на сохранившихся конвертах нет почтовых штампов, но имеются сургучные оттиски печаток Буслаева). По содержанию это чаще всего краткие сообщения или поручения срочного характера о напечатании трудов ученого, заседаниях различных обществ, приглашения, рекомендации и др.

Ниже приводятся краткие сведения о содержании писем и некоторых записок Буслаева, объединенные по нескольким темам: работа ученого над источниками, история напечатания его трудов, его взгляды, оценки и пр. Деление это, конечно, условно, так как факты, сообщаемые в письмах, имеют многоплановый характер. Они служат источником для характеристики не только взглядов самого ученого, но и оцениваемых им явлений. Важные дополнительные сведения имеются и в письмах к Буслаеву.

В письмах близкому другу, археографу Алексею Егоровичу Викторову (1827—1883), содержатся многочисленные сообщения о работе Буслаева над рукописями в России и в иностранных библиотеках. Будучи в Италии¹⁴, он изучал в Парме и Болонье греческие, сербские, болгарские рукописи X—XV вв.¹⁵, в Германии — в Бамберге, Нюрнберге, Мюнхене — англосаксонские¹⁶, посвятив им «критический очерк»¹⁷.

В письме к языковеду В. И. Григоровичу (1815—1876) Буслаев отмечает ценность библиотеки Соловецкого монастыря¹⁸.

В письмах Буслаева имеются ценные высказывания по вопросам разыскания и публикации источников, издания исторических трудов. Так, он писал Викторову: «Академия наук собирается издавать Византийскую историю. Думаю начать с Амартола и писем императорских и других документов. Граф Блудов поручил мне снестись по этому поводу с отцом Саввою, с А. В. Горским, К. Н. Невоструевым и В. Н. Ун-

¹³ ГБЛ, ф. 42, карт. 12, ед. хр. 61, лл. 1—2 об. Здесь и далее в цитатах сохранены подчёркивания авторов. — В. А. Речь идет, видимо, о статье В. В. Стасова «Происхождение русских былин», опубликованной в журнале «Вестник Европы», 1868. кн. 1—4, 6—7.

¹⁴ ГБЛ, ф. 51, карт. 16, ед. хр. 76, письмо 25 февраля (8 марта) 1864 г., Милан. Здесь и далее сохранена авторская датировка писем.

¹⁵ Там же, карт. 17, ед. хр. 1, письмо 6 (18) мая 1875 г., л. 1 об.—2, Генуя.

¹⁶ Там же, ед. хр. 2, письмо 5 (17) июня 1880 г., л. 2, Дрезден.

¹⁷ Там же, ед. хр. 2, письмо 25 июля (7 августа) 1880 г., Инсбрук.

¹⁸ Там же, ф. 86, карт. 4, ед. хр. 28, письмо 23 ноября 1885 г., л. 2, [Москва].

дольским. К отцу Савве я уже писал. Пожалуйста, со своей стороны побудите его поскорее за это дело взяться, а все дело состоит в указании того, что есть в Синодальной библиотеке по этому поводу. Прошу также и Вас, если что имеете в виду по этому предпринимаемому изданию, соберите разные заметки. . .»¹⁹ В письме к С. М. Соловьеву Буслаев по поручению попечителя Московского учебного округа С. Г. Строганова просит Соловьева обратить внимание на подлинник рукописи Григория Амартола в Парижской публичной библиотеке: «Вы знаете, как важно для критики Несторовой летописи открытие перевода Амартола Строевым: в подлиннике, может быть, Вы найдете еще несколько статей, заимствованных Нестором или объясняющих его летопись. Если Ваше исследование наградится полнейшим успехом, почему бы Вам не издать эту рукопись или, по крайней мере, замечательнейшие из нее места?»²⁰

Важное значение имеют оценки, даваемые Буслаевым публикациями русских источников, предпринятым в 40-х годах XIX в. В том же письме Соловьеву он писал: «Остромирово Евангелие, наконец-то, напечатано Востоковым. К сожалению, ожидания мои не вполне оправдались: грамматики и словарь, приложенные Востоковым к Евангелию, весьма недостаточны, сработаны наскоро. Впрочем, текст издан прекрасно, а это главное. Археографич[еская] Комиссия издала Волынскую летопись: так она интересна и красноречива, что я не могу вдоволь начитаться»²¹.

Часто встречаются просьбы Буслаева прислать выписки из древнерусских рукописей; в ряде писем Буслаев пересылал выписки, сделанные им по просьбе других ученых. Примером тому может служить переписка с А. Н. Пыпиным 1854—1855 гг.²²

Много внимания Буслаев уделял лицевым рукописям, особенно апокалипсисам, в связи с работой над известной монографией. Отмечая большое значение апокалипсиса X в. императрицы Кунигунды из Бамберга, он пишет Викторову: «Все мои выводы из русских редакций, основывавшиеся доселе на скромных предположениях, документально подтверждены этим Бамбергским сокровищем»²³. В письмах археографу, ректору Московской духовной академии архиепископу Савве (И. М. Тихомирову, 1819—1896) и своему ученику, историку литературы А. И. Киричникову (1845—1903) Буслаев снова подчеркивает значение для своего исследования Бамбергского апокалипсиса, который «стал краеугольным камнем»²⁴, «настоящим венцом. . . апокалипсической работы»²⁵. К этому Буслаев добавляет: «Я нашел в нем оправдание и подтверждение моим самым смелым и оригинальным предположениям, на которые постоянно наводило меня изучение мною славяно-русского материала»²⁶.

История написания и издания монографии об апокалипсисах также отразилась в письмах ученого²⁷. Говоря о практическом ее применении, в письме к историку литературы Н. С. Тихомирову (1832—1893) ученый обращает внимание на миниатюры рукописных апокалипсисов: «Известие, сообщаемое Вами о приобретении рукописи XVIII в. с миниатюрами и орнаментами моего Юсового Апокалипсиса, мне дорого и, скажу, лестно вдвойне. Оно дает знать мне, что моя книга приносит пользу при определении случавшейся рукописи апокалипсиса, и потом убеждает меня, что эти замечательные во всех отношениях иллюстрации были оценены нашими предками в течение XVI—XVIII столетий, и не только на Северо-Востоке в Двинской рукописи, но и на Юго-Западе, где ее отличали виршами»²⁸.

¹⁹ Там же, ф. 51, карт. 16, ед. хр. 76, письмо 1 марта [1860 г.], л. 1—1 об., СПб.

²⁰ Там же, ф. 285, карт. 1, ед. хр. 16, письмо 21 января 1844 г., л. 1—1 об., Москва. В этом же письме имеется вопрос и на другую тему: «. . . С нетерпением ожидаю, что Вы скажете о преподавании в низших и средних учебных заведениях во Франции» (л. 2).

²¹ Там же, л. 2—2 об. В письме А. Н. Попову имеется замечание о том, что Волынская летопись «бросает свет на древние периоды Руси» (ГБЛ, ф. 42, оп. 1, карт. 11, ед. хр. 15 [1843—1844], л. 2 об.).

²² 28 сентября 1854 г. [Москва] Буслаев просит прислать точные списки с листов жития Кондрата (X—XI вв.) и одного из псалмов Евангельской или Погодинской псалтыри. В письме от 3 марта 1855 г. просит выписки из двух списков Евангелия (хранящегося в Румянцевском музее), обозначенных Востоковым под №№ 103 и 105. В письме от 8 марта 1855 г. благодарит за выписку из псалтыри, присланные отписки статьи Пыпина, а также сообщает нужные Пыпину сведения о рукописи из Архива Министерства иностранных дел № 25 — скорописной, конца XVIII в., содержащей пословицы, «силлабические вирши» и др. (ЦГАЛИ, ф. 396, оп. 1, ед. хр. 266).

²³ ГБЛ, ф. 51, карт. 17, ед. хр. 2, письмо 25 июля (6 августа) 1880 г., л. 1 об., Инсбрук.

²⁴ Там же, ф. 262, карт. 29, ед. хр. 90, письмо 15 (27) июля 1880 г., л. 2, Инсбрук.

²⁵ Там же, ф. 484, № 7555/6, копия письма 2 (14) июля 1880 г., л. 1 об., Нюрнберг.

²⁶ Там же.

²⁷ Письма Н. П. Барсукову: ЦГАЛИ, ф. 87, оп. 1, ед. хр. 70, 18 декабря 1881 г. [Москва], 4 августа 1882 г. [Москва]. В письме А. Е. Викторову Буслаев сообщает, что сначала предполагал ограничить введение четырьмя главами, но вышло 7 глав (ГБЛ, ф. 51, карт. 17, ед. хр. 2, письмо 10 июля 1882 г. [Москва]). См. также письмо П. П. Вяземскому — ГЛМ, ф. 348, оп. 1, папка 37, 14 августа 1882 г., [Богородское].

²⁸ ГБЛ, ф. 51, карт. 17, ед. хр. 7, письмо 8 июня 1869 г., лл. 1 об.—2, [Ахтырка].

Замечания о миниатюрах есть и в других письмах.²⁹ например в письме из Венеции А. Е. Викторову ученый сопоставляет византийские заставки и детали базилики св. Марка³⁰.

Сведения о напечатании работ Буслаева особенно многочисленны в письмах-записках А. Е. Викторову, который принимал участие в издании ряда трудов Буслаева, следя за набором, просматривая корректуры (в частности, «Исторической хрестоматии церковнославянского и древнерусского языков». М., 1861)³¹. В письме к А. И. Кирпичникову Буслаев касается исправления и переиздания этой работы, а также «Исторической грамматики русского языка»³². Интересна переписка с издателем «Филологических записок» А. А. Хованским (1814—1899). Буслаев поддерживал его издательские начинания, в частности намерение издать «по доступной цене» сравнительную грамматику Бошпа³³. В письме Хованскому от 2 мая 1862 г. Буслаев отвечает согласием на предложение переиздать его работу «О преподавании отечественного языка» (М., 1844), не перерабатывая ее: «Если Вы согласны на это, то и я не прочь. Тогда Вы должны сделать критическое предисловие, в котором и скажите, что эта книга, дескать, может быть интересна потому *только*, что излагает педагогику и грамматику в том виде, как они были 20 лет тому назад, и что, издавая ее, Вы предлагаете материал для „Истории педагогики“ в нашем отечестве. . . Чем строже отзоветесь о ней в предисловии, тем для Вас и для меня будет лучше»³⁴. В письме от 2 августа 1862 г. он прибавляет: «Это здание (работа „О преподавании отечественного языка“. — В. А.) чересчур ветхое. Столбы подгнили, и крыша течет». Поэтому, считает Буслаев, нужно издавать ее или целиком, или заново перерабатывать, чего сам он сделать не может, так как за минувшие годы наука ушла вперед, а он стал заниматься другими проблемами³⁵.

Во многих письмах Буслаев касается вопросов публикации своей корреспонденции из-за границы, статей и заметок в «Московских ведомостях» и других газетах и журналах³⁶.

В письмах Савве (И. М. Тихомирову) Буслаев сообщает, что при написании своих мемуаров он не пользовался никакими печатными источниками, а только своей памятью³⁷, и отмечает: «. . . все невзрачное и постыдное, что случилось мне встречать в людях, я решительно забывал»³⁸.

Интересны некоторые высказывания, добавляющие новые штрихи к биографии ученого, характеризующие его общественные взгляды. Так, в письме поэту и переводчику Ф. Б. Миллеру (1818—1881) Буслаев пишет по поводу преследования цензурой произведений Ф. Б. Миллера: «. . . Благодарю Вас, Федор Богданович, за сообщение мне Ваших оштрафованных стихов и № „Развлечения“³⁹, где они оправданы перед судом. . . но особенно благодарю за *тиснение и свободу*. Ваш аксромт вполне убедил меня, что тиснение и свобода — два понятия несовместимые и что всякий раз, как свобода отправляется в гости через типографию, непременно поплатится своими ребрами в тисках. Да хранит Аполлон Вашего Пегаса от всех бед и напастей»⁴⁰. Свообразная характеристика печати своего времени дается в письме к сыну Ф. Б. Миллера — В. Ф. Миллеру (1848—1913), ученику Ф. И. Буслаева: «В силу этой симпатии (к Ф. Б. Миллеру. — В. А.) я люблю Вашу „фамильную газету“, которая более чем „развлекала“ меня, она всегда „отвлекала“ от докучливой злости дня разных Ведомостей, Курьеров, Скороходов, Голосов и прочего гавера и гвалта российской прессы»⁴¹.

Много фактических данных по истории образования в России содержит переписка с С. Д. Шереметевым — об организации в Москве женского дворянского института и о его программе. Предполагалось, что в институте история будет, по словам Буслаева,

²⁹ ГБЛ, ф. 51, карт. 17, ед. хр. 1, письмо А. Е. Викторову 10 (22) января [1875 г., Рим]; ф. 218, карт. 1312, ед. хр. 18, письмо Д. А. Ровинскому 16 декабря 1888 г., [Москва].

³⁰ Там же, ф. 51, карт. 16, ед. хр. 77, письмо 5(17) сентября 1870 г., л. 21а, [Венеция].

³¹ Там же, ед. хр. 76, письмо 7 января 1860 г., [СПб]. Записки: 5, 7, 13 апреля, 2 мая [1861 г., Москва], 7 июня 1861 г., [Кунцево].

³² ГБЛ, ф. 484, № 7555/б, копия письма от 5 июля 1888 г., л. 1—1 об., [Ахтырка].

³³ ЦГАЛИ, ф. 538, оп. 1, ед. хр. 26, письмо 21 октября 1861 г., л. 1—1 об., [Москва].

³⁴ Там же, письмо 2 мая 1862 г., лл. 1—2.

³⁵ Там же, письмо 2 августа 1862 г., л. 1 об.

³⁶ Письма А. Е. Викторову: ГБЛ, ф. 51, карт. 17, ед. хр. 1, 14 (26) июля 1874 г., Париж; 8 (20) декабря 1874 г., Рим; 10 (22) января [1875 г.], Рим; там же, карт. 16, ед. хр. 76, записка 14 мая [1862 г., Москва]; М. Н. Каткову: ГБЛ, ф. 120, карт. 1, ед. хр. 50, вся переписка — 6 писем (1860—1880 и б. д.); П. М. Леонтьеву: ГБЛ, ф. 120, карт. 1, ед. хр. 50а, письмо [1864], Флоренция; М. П. Погодину: ГБЛ, ф. 231, карт. 5, ед. хр. 119 ([1847]—1863); ЦГАЛИ, ф. 373, оп. 1, ед. хр. 95, 1 письмо [1865], 2 записки (б. д.).

³⁷ ГБЛ, ф. 262, карт. 29, ед. хр. 90, 14 ноября 1890 г., л. 1 об., [Москва].

³⁸ Там же, 2 ноября 1892 г., л. 2, [Москва].

³⁹ Журнал, издаваемый Ф. Б. Миллером в 1859—1881 гг.

⁴⁰ ЦГАЛИ, ф. 323, оп. 1, ед. хр. 560, письмо (б. д.), л. 1—1 об., [Москва].

⁴¹ Там же, ед. хр. 63, письмо [1884 г.], л. 1 об., [Москва].

«главную наукою и центром, к которому должны сходиться прочие предметы преподавания». Далее Буслаев продолжал: «Эта наука есть сокровищница всего, что, будучи наслояемо в течение веков, наконец окрепло и утвердилось в составе современной образованности»⁴².

Переписка ученого, связанная с избранием его в 1874 г. Председателем Общества любителей российской словесности, характеризует его отношение к славянофильству. Буслаев сообщает Викторову: «В письме Иловайскому. . . я выразил свое уважение к солидарности корпоративной, которой всегда отличалось это Общество, благодаря той энергии, которую ему дали те, прежние, славянофилы. При этом называю братьев Киреевских, Хомякова и имя Константина Аксакова, о которых я и скажу слова два, самых сочувственных. Я думаю, мое сочувствие к *прежним, настоящим* славянофилам не только не может быть обидно для тех, кто избрал меня в председатели, но должно выставить в настоящем свете и немощных потомков, которые тщетно павильяются славою этих стариков, этих богатырей. Я полагал, что в минуту перелома в обществе, когда славянофильство должно было, наконец, уступить место более разумному современному течению идей, приличнее всего было отнестись беспристрастно к заслугам тех достойных прежних славянофилов, которые когда-то спасли общество от конечной его гибели и дали ему новое бытие. . . лежачего не бьют, и если славянофильство отошло в вечность, то я помянул его добрым словом, имея на то право, в качестве председателя, избранного враждебной ему партией»⁴³.

В письмах Буслаева к его будущей жене Л. Я. Троновой сообщается об интересных фактах из жизни Московского университета, в частности об «университетской истории»⁴⁴. 20 января 1868 г. он пишет, что посылает номера «Москвитянина», «Русских ведомостей» и две вырезки из газет: «Все это о нашей университетской истории. . . Вы увидите, что в Москве праздник 12 января не удался»⁴⁵. В письме от 24 февраля 1868 г. говорится: «Интрига университетская разгорелась с вящей, как говорят, силою. В № 38 „Московских ведомостей“ (21 февраля), вероятно, по желанию министра просвещения⁴⁶ за ректора и против партии Чичерина помещены официальные документы об университетских беспорядках. Статья коварная и лживая, которая вызовет в других газетах, особенно в петербургских, сильную оппозицию потому, что Каткова никто не любит»⁴⁷.

Значительное место в письмах Буслаева занимают вопросы истории искусства и культуры. Например, в письме Викторову имеются сведения об организации Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. Буслаев положительно оценивает его Устав, в котором подчеркивалась тесная связь с Румянцевским музеем. Отмечая важное значение взаимодействия, «общения» искусств, Буслаев писал: «Очень хорошо также и то, что это общество не одной иконописи, но и музыки, и архитектуры — и, разумеется, скульптуры (хотя она и плохо у нас развивалась, но все же была в прилепах). Это общение искусств дает больше интересу занятиям общества и лучшее и более правильное направление иконописной теории и практики. Именно я имею несколько соображений о том, сколько последнее будет для успеха иконописи и восстановления древних скульптурных школ, следы которых сохранились в прилепах и украшениях алтаря»⁴⁸. Далее в связи с идеями возрождения монументально-религиозной живописи в России Буслаев говорит о необходимости пропаганды памятников искусства и предлагает снять копии с фресок крупнейших памятников Италии, организовать продажу фотографий с рисунков и картин итальянских мастеров⁴⁹.

Несомненный интерес представляет письмо к В. И. Герье, в котором Буслаев, отвечая на предложение читать на Высших женских курсах лекции по истории древнехристианского и средневекового искусства, включая византийское и русское, затра-

⁴² «Предварительная записка», составленная Буслаевым. — См. ЦГАДА, ф. 1287, оп. 1, ч. 1, ед. хр. 215, письмо 20 августа 1886 г., л. 12 об., [Ахтырка].

⁴³ ГБЛ, ф. 42, карт. 11, ед. хр. 13, письмо 21 февраля (4 марта) 1875 г., лл. 1—2, [Рим]. Интересные данные о борьбе на этих выборах сообщаются в письмах Викторова и слависта Ф. А. Гилярова (1841—1895). — Там же, ф. 51, карт. 17, ед. хр. 46, письмо 29 декабря 1874 г., лл. 1—2, [Москва]; ф. 42, карт. 11, ед. хр. 62, письмо 6 января [1875 г.], л. 1—1 об., [Москва].

⁴⁴ Имеется в виду незаконное назначение министром народного просвещения Д. А. Толстым на должность профессора В. Н. Лешкова, не получившего $\frac{2}{3}$ голосов на выборах в университете. Ректор С. И. Баршев поддержал министра и в нарушение устава 1863 г. пытался заставить членов Совета университета Ф. М. Дмитриева и Б. Н. Чичерина согласиться с назначением Лешкова. Протестуя против этого, из университета ушли И. К. Бабст, Ф. М. Дмитриев, М. Н. Капустин, С. М. Соловьев и Б. Н. Чичерин.

⁴⁵ ЦГАЛИ, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 25, л. 1 [25], [Москва].

⁴⁶ Д. А. Толстого.

⁴⁷ ЦГАЛИ, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 25, л. 1 [108], [Москва].

⁴⁸ ГБЛ, ф. 51, карт. 16, ед. хр. 76, письмо 8 (20) мая 1864 г., лл. 1—2 об., [Париж].

⁴⁹ Там же.

гивает проблемы сложности восприятия византийского и древнерусского искусства и, как он считает, неподготовленности к этому широкой аудитории. Его взгляды говорят и об уровне развития историко-искусствоведческой науки того времени. Буслаев пишет: «Византийское искусство стоит на распутье, между древнехристианским, с примесью восточного элемента, и эпохой средневекового христианского воодушевления, образцы которого оставили нам великие мастера от Джотто до Беато Анжелико, Филиппо Липпи, братья Ван-Эйки и мн. др.»⁵⁰. На Руси древнехристианские художественные формы подверглись изменению, «которое на Западе слышет стилем романским (точнее, варварским)». Ученый так оценивает современное ему отношение к византийскому искусству: «У нас визан[тийское] искусство может иметь для публики интерес только по содержанию (а не по форме) и даже высокое значение церковное, как дополнение к урокам законоучения, в объяснении церковной утвари и особенно иконографического цикла, составляющего весь месяцеслов в лицах»⁵¹. По мнению ученого, древнехристианское искусство уступает в эстетическом отношении искусству античности и Возрождения, считавшемуся тогда образцом. Буслаев утверждает, что для понимания «эстетического» в этих произведениях нужно себя «воспитать на образцах лучшего стиля», отыскивая в «очерке русского иконописца» отражение оригинала (византийского искусства. — В. А.), подобно тому как «в старых нюрнбергских игрушках виден смелый разум, доставшийся по наследству из мастерской Вейта Штосса или Адама Крафта»⁵². Касаясь вопроса подготовленности будущей аудитории к восприятию его курса, Буслаев отмечает: «... Чтобы постигнуть искусство (хотя бы и византийское, или лучше сказать — особенно византийское), надобно приобрести, так сказать, чувство формы, для чего необходимы условия, которых не было и доселе нет в нашем отечестве. . . Мои эстетические увлечения слушательницы приняли бы за галлюцинации святоши или, что еще хуже, — за изощрение ханжи»⁵³.

Для характеристики «синтетического метода» работы ученого с различного вида источниками служат, например, его сообщения из Германии. А. И. Кирпичникову он пишет: «Теперь в Нюрнберге опять гуляю и отгуливаюсь после усиленной и срочной работы, но гуляю производительно, потому что весь Нюрнберг со своими улицами и домами, стенами, башнями предлагает самую последовательную книгу для изучения быта, истории правов и искусства.

Архитектура нюрнбергская, начинающаяся XII веком и во всем блеске являющаяся в XIV, XV и XVI вв., дала мне несколько важных данных по вопросу о западном влиянии на нашу миниатюру не только XVII в., но и особенно XVI в.»⁵⁴ О Регенсбурге он замечает: «У иных домов остались входные двери из старинных церковных порталов с орнаментами звериного стиля, как в наших заставках XIII и XIV вв., так что некоторые из них я заметил и рисовал в своей записной книжке»⁵⁵.

О внимании Буслаева к современному русскому народному творчеству и активной его поддержке свидетельствует записка собирателю и исследователю народного творчества Е. В. Барсову (1836—1917). В ней сообщается об устройстве П. А. Безсоновым, И. Е. Забелиным и Ф. И. Буслаевым⁵⁶ вечера «Олонецкого Бояна» (И. А. Касьянова) в Московском университете, который был назначен на 30 апреля 1872 г.⁵⁷

Большое место в письмах Буслаева занимают сведения о научных контактах с учеными, в том числе и зарубежными, оценки их взглядов. К историку М. Л. Боденко-Колычеву (1824—1888) Буслаев обращается «как к самому любимому, к самому первому из . . . учеников по времени и по симпатиям», давая высокую оценку его коллекции и архиву, которые Буслаев осмотрел в усадьбе Лукино, а также его работе «Боярский род Колычевых» (М., 1886)⁵⁸.

В письме Викторову Буслаев так отзываясь о диссертации А. Н. Веселовского «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине»: «Диссертация Веселовского заинтересовала меня в высокой степени и по свежести взглядов и приемов, и по легкости и смелости в постановке вопросов. . . Чтобы идти вперед, именно так и надобно направо и налево рубить сплеча. Пусть иные его догадки и не оправдаются критикой, но вся важность в его методе и взгляде, так что бездна необъяснимых доселе подробностей в нашей русской народной поэзии, былинной, летописной, благодаря этому методу, могут быть объяснены как нельзя более

⁵⁰ ГБЛ, ф. 70, карт. 38, ед. хр. 38, письмо 30 августа [1874 г.], л. 1, [Париж].

⁵¹ Там же, л. 1—1 об.

⁵² Там же, лл. 1 об.—2.

⁵³ Там же, л. 2—2 об.

⁵⁴ Там же, ф. 484, № 7555/6, письмо 2 (14) июля 1880 г., л. 2, [Нюрнберг].

⁵⁵ Там же, письмо 14 (26) июля 1880 г., л. 1.

⁵⁶ ГИМ, ф. 450, оп. 1, ед. хр. 83, записка 13 апреля 1872 г., [Москва].

⁵⁷ Там же записка 24 апреля [1872 г., Москва]. О. Ф. Миллер писал Буслаеву также об организации подобного вечера по предложению А. Ф. Гильфердинга: «Отделение этнографии Географического общества решило выписать в Петербург лучшего из олонецких певцов Т. Т. Рябинина, он будет, кажется, в декабре. Не вздумаете ли приехать послушать?» (ГБЛ, ф. 42, карт. 12, ед. хр. 27, письмо 24 сентября 1871 г., лл. 1 об.—2, [СПб.]).

⁵⁸ ГБЛ, ф. 35, карт. 1, ед. хр. 13, письмо 15 октября 1885 г., лл. 1—2 об., [Москва].

удовлетворительнее. . . »⁵⁹ В письме самому Веселовскому Буслаев пишет о расхождении между ними во взглядах: «. . . Что же касается до Вашей уверенности, что я отнесусь отрицательно к некоторым из Ваших взглядов, то она, как видите, вполне осуществилась, потому что я решительно убежден, что гипотеза о еретической пропаганде апокрифов, так настойчиво проводимая в Вашей книге⁶⁰, есть не что иное, как очень ловкая выдумка, удачно найденная Вами для диспута»⁶¹.

Заслуживающие внимания сведения о жизни М. П. Погодина есть в письме из Петербурга Викторову: «Погодин приехал сюда как фокусник. У него всегда есть наготове в кармане статья об Алексее Петровиче, о цензуре, о князе Барятинском и еще несколько подобных памфлетов. И куда ни явится — читает. Он читал здесь, и в Академии, и Пассаже, и на . . . обеде, и вечером. . . »⁶² В этом же письме сообщается: «Вчера в Университете был диспут или дуэль Погодина и Костомарова о происхождении Руси. Народу была тьма-тьмущая, крику и хлопанья в ладоши до беснованья. Обоих единоборцев по окончании дуэли вынесли на руках через ступля, которых до ста переломали, в этой страшной давке Костомаров даже упал в обморок, когда его в триумфе вознесли на руках. В этой ученой или, лучше сказать, неученой дуэли назначались в секунданты Калачев, Кавелин и я, но судьба спасла нас»⁶³.

В другом письме Викторову своеобразна краткая оценка характера Н. С. Тихонова: его «китайской замкнутости», «схожей с характером древнерусского искусства»⁶⁴.

Известны резкие оценки, высказанные Буслаевым в печати по поводу взглядов Н. И. Костомарова на историю России. Критика Буслаевым националистических взглядов Костомарова и его произвольного обращения с фактами сыграла определенную роль, но Буслаев не увидел того положительного, что внес Костомаров в изучение истории и словесности. Поэтому некоторые его оценки, особенно в письмах, грешат бездоказательностью и голым отрицанием: «Удивляет меня наш Костомаров. Что его угораздило опять примазывать к народной поэзии! Он, кажется, того мнения, что писать о мужицких песнях — то же, что их самому сочинять, т. е. надобно знать из науки столько же, сколько знали ее те простаки, которые когда-то сложили эти песни. Наивность, поистине достойная всякого историка разных исторических скандалов»⁶⁵.

Буслаев был знаком и переписывался со многими видными западноевропейскими учеными, с которыми встречался во время зарубежных поездок, где, по его же словам, своей задачей он ставил «не уронить в своем лице русского имени и сколько возможно способствовать к его прославлению»⁶⁶. Наибольший интерес в этой связи представляют письма Викторову. В письме от 29 октября (10 ноября) 1874 г. сообщается о знакомстве с итальянским ученым А. де Губертатисом (A. de Gubernatis) и знатоком и издателем Данте Микеланжелло де Каетани (M. de Caetani)⁶⁷. В письме от 14 (26) июля 1874 г. из Парижа — о встречах с Феликсом Либрехтом (F. Librecht), французскими учеными Полем Дюраном (P. Duran), аббатом Кайе (Cayet), издававшим журнал «Melange archéologique». Кайе и Буслаев познакомили друг друга со своими работами. Буслаев сообщает, что слушал лекции Бреала (M. Breal) по сравнительной грамматике и Гастона Пари (G. Paris), посвященные разбору древнефранцузских памятников, что издатель французских народных песен Пюимегр (T.-J. Boudet de Puymaigre) снабдил его журналами по сравнительному изучению народной поэзии⁶⁸.

В письме 5 (17) июня 1880 г. из Дрездена Буслаев рассказывает о своем посещении христианского музея, созданного немецким ученым Ф. Пипером, где имеются русские иконы, оттиск статьи Буслаева о миниатюрах из «Исторических очерков русской народной словесности и искусства» (СПб., 1861), литографированное издание «Жития Сергия» из Троицкой лавры. Буслаев считает необходимым пополнить музей «русской иконописной стариною» и материалами по истории иконографии, изданиями «Изборника Святослава», «Жития митрополита Алексия» и др.⁶⁹

⁵⁹ ГБЛ, ф. 51, карт. 17, ед. хр. 1, письмо [1872 г.], л. 2 об., [Палкино близ Волоколамска].

⁶⁰ А. Н. Веселовский. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872.

⁶¹ ГБЛ, ф. 42, карт. 11, ед. хр. 45, черновик на обороте письма А. Н. Веселовского, (б. д.), л. 2 об.

⁶² Там же, ф. 51, карт. 16, ед. хр. 76, письмо 1 марта [1860 г.], л. 2 об., [СПб.].

⁶³ Там же, л. 2.

⁶⁴ Там же, письмо 8 (20) мая 1864 г., л. 1 об., [Париж].

⁶⁵ Там же, карт. 17, ед. хр. 1, письмо [лето 1872 г.], л. 2 об., [Палкино].

⁶⁶ Там же, письмо 2 (14) сентября 1874 г., л. 1, [Шамберг].

⁶⁷ Там же, лл. 4 об.—5.

⁶⁸ Там же, л. 2—2 об.

⁶⁹ Там же, ф. 51, карт. 17, ед. хр. 2, л. 1—1 об. Буслаев пишет, что «Пипер в восторге от множества открывшихся сокровищ в наших русских апокалипсисах», и сообщает, что передал ему, в переводе на немецкий язык, свою критическую статью о Виолле ле Дюке, которую Пипер рекомендовал студентам как «образец этого рода сочинений» (там же, л. 1 об.).

История собирания известной коллекции древнерусских рукописей ⁷⁰ также освещается в письмах Буслаева. Например, в записке Викторову от 11 апреля 1879 г. ученый сообщает о покупке в лавке Силина рукописного апокалипсиса — «Большого юсового с миниатюрами, предположительно XVI в.» ⁷¹. Есть данные и о приобретении гравюр: из Милана Буслаев сообщает о покупке гравюр А. Дюрера, Кранаха, Августа Венецианского, Сальваторе Роза ⁷². В непосредственной связи с коллекцией стоит вопрос об организации Викторовым выставки старопечатных книг при печатном отделе Политехнической выставки. Для этой цели было отобрано 20—40 изданий из коллекции Буслаева, в том числе: Иоанна Лествичника, апокалипсис конца XVII в., Синодик, Слово о женских злобах, Брюсов календарь и др. ⁷³

Переписка Буслаева представляет большой научный интерес не только благодаря ценным сведениям о биографиях самого ученого и лиц, писавших ему. В ней содержатся данные о научных общественных событиях того времени, оценки их, дополняющие и уточняющие известные ранее факты. Это позволяет использовать эпистолярное наследие Буслаева как ценный источник по истории науки, культуры и общественной жизни России второй половины прошлого столетия.

⁷⁰ Коллекция Буслаева частью находится в Отделе рукописей ГБЛ (Москва), частью — в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) (*И. А. Бичков*. Каталог Собрания рукописей Ф. И. Буслаева, ныне принадлежащих императорской Публичной библиотеке. СПб., 1891).

⁷¹ ГБЛ, ф. 51, карт. 17, ед. хр. 2, л. 1.

⁷² Там же, карт. 16, ед. хр. 76, письмо 25 февраля (8 марта) 1864 г., л. 4.

⁷³ ГБЛ, ф. 42, карт. 11, ед. хр. 46, письмо Викторову 19 июля 1872 г., л. 1—1 об., [Москва]. В этом же письме Викторов писал: «. . .меня интересует задача устроить выставку старопечатной книги из источников, для публики недоступных, — библиотек частных и церковных, и в то же время устроить так, чтобы она могла конкурировать с Музеем и даже с Публичной библиотекой. По проекту у меня будут книги из библиотеки Царского. . ., Общества истории, Моск[овской], Киевск[ой] и С[анкт]-П[етербургской] духовных академий, Киевской и Троицкой лавры, Новоиерусалимского, Чудова монастырей и др.» (там же, л. 2).

К. А. Уваров

НЕИЗДАННЫЙ ТРУД Г. З. КУНЦЕВИЧА (обзор гранок второго тома «Сочинений князя Курбского»)

В архиве ЛОИИ хранятся гранки неизданного второго тома «Сочинений князя Курбского», подготовленного к печати Г. З. Кунцевичем¹. Этот труд должен был явиться продолжением первого тома² академического издания оригинальных и переводных сочинений князя А. М. Курбского. Гранки — формата РИБ, бумага — 1915 г.; первая часть второго тома напечатана в два столбца, аналогично изданию текстов в первом томе; гранки второй части — страницы. Последние страницы гранок в двух экземплярах. Первую часть гранок (стлб. 1—140) составляют «Предисловия» Курбского к сделанным им переводам творений отцов церкви, извлечения из этих переводов и «Сказы» Курбского; вторую часть (стр. 141—230) — неполностью сверстанное «Описание рукописей сочинений кн. Курбского». Именно это описание — тема настоящего обзора.

Во второй части тома содержится описание 43 рукописей, включающих списки оригинальных произведений Курбского, опубликованных в первом томе его сочинений³. Приводим краткие археографические данные этих рукописей, сохраняя последовательность описания Г. З. Кунцевича и указывая в скобках страницы гранок: ГПБ, Собр. Погодина, № 1492—XVIII в. (стр. 143—144), № 1493—XVIII в. (стр. 144—145), № 1494 — XVII в. (стр. 145—158), № 1567 — XVII в. (стр. 158—160), № 1573 — XVII в. (стр. 160), № 1615 — XVII в. (стр. 160—161); Основное собр., F.IV.135 — XVIII в. (стр. 161—164), F.IV.165 — XVII в. (стр. 164—166), F.IV.337 — XIX в. (стр. 166—168), F.IV.597 — XVIII в. (стр. 168—169), F.IV.598 — XVII в. (стр. 169), F.XVII.11 — XVIII в. (стр. 169—170), Q.IV.54 — XVIII в. (стр. 171—172); БАН, Основное собр., 16.9.12 — XVIII в. (стр. 172—173), 32.5.23 — XVIII в. (стр. 173); ГИМ, Музейское собр., № 2782 — XVIII в. (стр. 173, 193, 195); ЦГАДА, Портфели Миллера, портф. 127, № 17 — XVII—XVIII вв. (стр. 173—174); ГПБ, Собр. СПб. Д. А., А.1.91 — XVII—XVIII вв. (стр. 174—175), № 309 — XVII—XVIII вв. (стр. 175—176); ЦГАДА, Кабинет Екатерины II, № 365 — XVIII в. (стр. 176—177); ГПБ, Собр. Археологического общества, № 43 — XVII в. (стр. 177—178); ГБЛ, Собр. Румянцева, № 240 — XIX в. (стр. 178—180), № 241 — XIX в. (стр. 180—182); Собр. Ундольского, № 603 — XVII в. (стр. 182), № 720 — XVI в. (стр. 182—183), № 779 — XVIII в. (стр. 183—187), № 780 — XVIII в. (стр. 183, 187—188); Собр. Беляева, № 55 (М. 1549)—XVII в. (стр. 188—189); Собр. Тихонравова, № 357 — XVIII в. (стр. 189—192), № 639 — XVII в. (стр. 192—193); Собр. Лукашевича и Маркевича, № 14 (М. 1131) — XVIII в. (стр. 193—194); Музейное собр., № 2211 — XIX в. (стр. 194—195), № 2212 — XVIII в. (стр. 195—196); ЦГАДА, Собр. МГА МИД, № 60/82 — XVII в. (стр. 196—208), № 82/108 — XVII в. (стр. 208—209), № 282/661 — XVIII в. (стр. 209—214), № 352/801 — XVII в. (стр. 214—215), № 461/929 — XVII в. (стр. 215—216), № 558/1059—

¹ ЛОИИ, Русская секция, ф. 276, оп. 1, № 30. Гранки Г. З. Кунцевича были указаны мне С. О. Шмидтом (впервые выявившим эти материалы в архиве), которому приношу сердечную благодарность.

² РИБ, т. XXXI. «Сочинения князя Курбского», т. I. «Сочинения оригинальные». СПб., 1914 (публикация Г. З. Кунцевича).

³ Об изучении и описании Г. З. Кунцевичем 27 из них см.: К. А. Уваров. «История о великом князе Московском» А. М. Курбского в русской рукописной традиции XVII—XIX вв. (Археографический обзор списков памятника). — В сб.: «Вопросы русской литературы. К 70-летию Н. В. Водовозова». «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», т. 455. М., 1971, стр. 61—78. Описание Г. З. Кунцевича использовал Ю. Д. Рыков (Ю. Д. Рыков. Редакция «История» князя Курбского. — «Археографический ежегодник за 1970 год». М., 1971, стр. 129, прим. 1; стр. 133, прим. 31).

XVII в. (стр. 216—217); ГИМ, Синодальное собр., № 136 — XVII в. (стр. 217—221), № 483 — XVII в. (стр. 221—222); Собр. Черткова, № 80 — XIX в. (стр. 222—224); Музейское собр., № 2524 — XVII в. (стр. 224—230). Описание последней из указанных здесь рукописей не завершено, так как гранки обрываются.

В своем исследовании Г. З. Кунцевич не ограничивается описанием только того или иного списка произведений Курбского, а дает поштатейное описание сборников, сравнивает рукописи по их составу. Списки сочинений Курбского изучаются им в связи с их литературным окружением. Каждое отдельное описание рукописи представляет собой самостоятельное научное текстолого-археографическое исследование, объем которого в ряде случаев превышает авторский лист (например, описания сборников ЦГАДА, Собр. МГА МИД, № 60/82, № 282/661; ГПБ, Собр. Погодина, № 1494). При описании списков их текст был сверен с изданным в РИБ, отмечены отклонения от публикации с указанием на столбцы издания. В гранках обнаруживаются примечательные текстологические наблюдения, замечания о неоднородности списков памятников (стр. 169—170, 173, 189—192, 195—196, 221—222), сведения о владельцах и читателях рукописей сочинений Курбского, даются указания на имеющиеся печатные описания сборников, труды, в которых данная рукопись упоминается, в отдельных случаях — отсылки к архивным материалам. Например, к сб. ГПБ, Основное собр., Ф. XVII.11; ЦГАДА, Собр. МГА МИД, № 60/82; ГИМ, Синодальное собр., № 483 приведена библиография, состоящая из трех названий (стр. 169, 196, 221), а к сб. ГИМ, Синодальное собр., № 136 — из пяти (стр. 217).

Печатание книги приостановилось в 1916 г.⁴ К началу 1923 г. Г. З. Кунцевич составил продолжение к незавершенному второму тому⁵ с учетом вновь обнаруженных им списков сочинений Курбского. Этот труд не был опубликован, и в настоящее время местонахождение его неизвестно.

На основании текстолого-археографических разысканий и печатных материалов⁶ нам удалось установить, что в данную, не дошедшую до нас работу (дополнительно к гранкам) вошло описание следующих 24 рукописей оригинальных сочинений Курбского: ГБЛ, Музейное собр., № 8991 (Варшавского университета, № 1116) — XVIII в.; Собр. ОИДР, № 119 — XVIII в., № 197 — XVII в., № 255 — XVIII в., № 645 — XIX в.; ГИМ, Собр. Хлудова, № 246 — XVII в.; Музейское собр., № 2782 — XVIII в. (частичное описание имеется и в гранках); Собр. Уварова, № 168 — XVII в., № 242 — XVIII в., № 301 — XVII в., № 302 — XVIII в., № 330 — XVII в., № 346 — XVIII в.; ЦГАДА, Собр. Паниных-Блудовых, № 3026 — XVIII в.; ГПБ, Соловецкое собр.,

№ 852/962 — XVII в.; ГПБ АН УССР, Киево-Софийское собр., № $\frac{327}{561c}$ — XIX в.,

№ $\frac{328}{562c}$ — XVIII в., № $\frac{329}{563c}$ — XIX в.; ЦГИА УССР, Собр. книг Владимирского

городского суда (ф. 28), № 8 — XVI в., № 12 — XVI в., № 16 — XVI в.; Дрвлекранилище Псковского областного историко-художественного музея-заповедника, № 142 — XVIII в. (в настоящее время данный сборник перенесен заведующим Дрвлекранилищем Л. А. Твороговым в фонд библиотеки его прежнего владельца В. И. Шарина); Государственный архив Ярославской области, Коллекция рукописей, № 10 (950) — XVIII в. (старый шифр — Собр. бывшей Ярославской губернской ученой архивной комиссии (ф. 582), оп. 1, № 522); Рукописное собрание Смоленского городского историко-археологического музея, № 7 — XVII—XIX вв.⁷

Всего Г. З. Кунцевич выявил и изучил 66 рукописей оригинальных сочинений Курбского. В рукописном продолжении к гранкам исследователь описывал, кроме списков оригинальных сочинений Курбского, списки его переводов, например: ГИМ, Собр. Хлудова, № 60 — XVI в.⁸; ФРГ, Вольфенбюттель, Библиотека герцога Августа,

⁴ См. в сопоставлении с гранками письмо Г. З. Кунцевича к А. И. Яцимирскому от 19. I. 1916 г. (ЦГАЛИ, ф. 584, оп. 1, № 124, л. 6—6 об.).

⁵ См. письмо Г. З. Кунцевича к А. И. Соболевскому от 3.IV.1923 г. (ЦГАЛИ, ф. 449, оп. 1, № 224, л. 33); ЛЗАК за 1923—1925 гг., вып. XXXIII. Л., 1926, стр. 6.

⁶ Отчеты ОЛДП за 1909—1910 гг. — ПДПИ, вып. CLXXXVI. СПб., 1911, стр. 31—33 (материалы сообщения Г. З. Кунцевича о рукописях оригинальных сочинений князя А. М. Курбского на заседании ОЛДП 19.III.1910 г.); РИБ, т. XXXI, стр. VI—VII; П. В. Вильковский. К вопросу о редакциях первого послания Ивана Грозного к князю А. М. Курбскому. — ЛЗАК за 1923—1925 гг., вып. XXXIII, стр. 75, прим. 1 и 76 (автором статьи использовано «описание рукописей сочинений Курбского и Грозного, составленное пр. Г. З. Кунцевичем и находящееся в Археографической Комиссии» — гранки и их рукописное продолжение).

⁷ Эта рукопись была вывезена в Германию в 1941—1943 гг. во время оккупации немецко-фашистскими захватчиками Смоленска. В библиотеках и дрвлекранилищах ГДР и ФРГ, по имеющимся у нас сведениям (переписка с сотрудниками хранилищ, изучение описаний и обзоров), указанная рукопись не отмечена.

⁸ Рукопись указана в письменном запросе Г. З. Кунцевича в Археографическую комиссию от 13.IX.1911 г. (ЛЗАК за 1911 г., вып. XXIV. СПб., 1912, стр. 18).

Ф.64.43. Extravagantium. — XVI в.⁹ и др. Г. З. Кунцевич привлек к изучению и изданию сочинений Курбского основной корпус известных тогда списков его произведений, в частности, рукописи XVI в. Он готовил к печати и третий том — «Исследование сочинений Курбского»¹⁰, также неопубликованный.

Нами обнаружен ряд неопубликованных писем, связанных с жизнью и научной деятельностью Георгия Захаровича Кунцевича (1872—1925 гг.)¹¹. Приводим перечень их: В. Г. Дружинин—Кунцевичу, 9.I.1904 г. — ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 1, № 25; Кунцевич — Дружинину, 12.I.1904 г., 31.I.1904 г., 27.I.1911 г. — там же, № 296; Н. П. Попов — Кунцевичу, 7.IX.1907 г. — ЛОИИ, ф. 276, оп. 1, № 30, стр. 217; Кунцевич — И. В. Власову, 27.IX.1909 г. — ГБЛ, ф. 218, картон 191, № 13; Кунцевич — П. П. Шибанову, 13.X.1909 г. — ГБЛ, ф. 342, картон 26, № 45; Кунцевич — А. И. Яцимирскому, 4.V.1915 г., 12.V.1915 г., 19.XI.1915 г., 23.XI.1915 г., 24.XI.1915 г., 19.I.1916 г., 25.I.1916 г., 29.II.1916 г., 19.V.1916 г., 20.V.1916 г. — ЦГАЛИ, ф. 584, оп. 1, № 124; Кунцевич — А. И. Соболевскому, 14.XII.1915 г., 31.III.1920 г., 25.IV.1920 г., 3.V.1921 г., 9.VI.1921 г., 7.VII.1921 г., 15.VII.1921 г., 1.XI.1921 г., 6.XI.1921 г., 17.XII.1921 г., 10.II.1922 г., 19.VIII.1922 г., 20.XI.1922 г., 3.IV.1923 г. — ЦГАЛИ, ф. 449, оп. 1, № 224.

Изучение этих материалов оказывается полезным и для выяснения истории почти двадцатилетней работы Г. З. Кунцевича над трехтомным академическим изданием и исследованием сочинений Курбского.

⁹ Г. З. Кунцевич. Перечень русских рукописей Герцогской библиотеки в Вольфенбюттеле. СПб., 1912, стр. 3.

¹⁰ См. письмо Г. З. Кунцевича к А. И. Яцимирскому от 19.I.1916 г. (ЦГАЛИ, ф. 584, оп. 1, № 124, л. 6 об.).

¹¹ О его научной деятельности по 1911 г. см.: ЛЗАК за 1911 г., вып. XXIV, стр. 29, 34, там же, стр. 30—31 — список научных трудов Г. З. Кунцевича (включая и подготовленные к печати) по 1911 г.; краткий очерк жизни и деятельности, библиография трудов даны в некрологе: С. П. Розанов. Памяти проф. Георгия Захарьевича Кунцевича. — «Изв. ОРЯС АН СССР за 1925 г.», т. XXX. Л., 1926, стр. 430—433.

С. Б. Филимонов

ОБЗОР АРХИВА М. И. СМИРНОВА

Архив Михаила Ивановича Смирнова (1868—1949), одного из старейших советских историков-краеведов, хранится в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ) и Государственном архиве Ярославской области (ГАЯО). Документальные материалы архива, благодаря обилию сохранившихся неопубликованных работ, представляют несомненный историко-культурный и историографический интерес, являются ценным источником по истории краеведения.

Архив историка можно разделить на группы материалов: 1) рукописи опубликованных и неопубликованных работ; 2) подготовительные материалы к ним; 3) книги М. И. Смирнова, газеты с его статьями; 4) автобиографические записки; 5) личные и служебные документы; 6) переписка. Эти материалы помогают уточнить биографические сведения, проследить творческий путь ученого, дополнить известные библиографические данные¹.

М. И. Смирнов родился 28 сентября 1868 г. в селе Большая Брембола Переславль-Залесского уезда Владимирской губернии. В 1889 г. он окончил Вифанскую духовную семинарию и до 1897 г. учительствовал в начальных школах Владимирской и Московской губерний, затем был чиновником Киевского губернского акцизного управления. Продолжая служить по ведомству Министерства финансов, М. И. Смирнов в 1905 г. переехал в Нижний Новгород, где с 1911 г. стал слушателем открывшегося отделения Московского археологического института. В 1914 г. он окончил его с золотой медалью, получив звание ученого архивиста.

Начало научно-краеведческой деятельности М. И. Смирнова относится к 1885 г., когда он сделал первые записи по истории своей родины — села Большая Брембола, а в 1900 г. появилась его первая работа «Владимирские уроженцы — воспитанники Вифанской духовной семинарии. 1797—1897 гг.»². Изданная в 1911 г. книга «Переславль-Залесский. Его прошлое и настоящее» была написана, по мнению Ю. В. Готье, «с громадной любовью к делу» и давала «почти исчерпывающие сведения о прошлом родного края»³.

В 1917 г. М. И. Смирнов переехал в Переславль-Залесский, а в следующем году стал организатором и руководителем открывшегося здесь Историко-художественного и краеведного музея. Одновременно им было организовано Переславль-Залесское научно-просветительное общество по изучению Переславского края⁴. Музей и общество работали в тесном контакте, осуществляя публикацию научных исследований в «Трудах» музея и «Докладах Пезанпроба».

Имя М. И. Смирнова как «глубокого знатока прошлого и настоящего Переславщины, энтузиаста и подвижника местного краеведения»⁵ получило известность далеко за пределами края. Его работы постоянно привлекали к себе внимание, рецензировались (среди рецензентов встречаются имена таких крупных ученых, как Ю. В. Готье,

¹ См., например: *О. И. Шведова. Историки СССР (Указатель печатных списков их трудов)*. М., 1941, стр. 104; *В. Е. Елховский. К 25-летию краеведной деятельности М. И. Смирнова (1900—1925)*. — «Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного общества (Пезанпроб)», № 13. Переславль-Залесский, 1925 (далее — «Доклады Пезанпроба»).

² «Доклады Пезанпроба», № 13, стр. 45. См. также список опубликованных работ М. И. Смирнова, приложенный к настоящему обзору (стр. 322—324).

³ Там же, стр. 50.

⁴ Среди его членов были художник Д. Н. Кардовский, писатель М. М. Припывин, археолог А. А. Спичин и др.

⁵ «Наука и ее работники», 1922, № 1, стр. 45.

С. Ф. Ольденбург, В. И. Пичета, А. А. Спицын, А. И. Яковлев) и в своем большинстве заслуживали высокой оценки. В 1925 г. в постановлении Центрального Бюро краеведения по поводу деятельности Переславль-Залесского научно-просветительного общества подчеркивалось: «Выразить особое удовлетворение широко развивающейся краеведческой деятельностью общества. Сообщить, что Переславль-Залесское общество по энергичной работе, им проводимой, стоит в первых рядах уездных краеведных учреждений СССР . . . Отметить выдающуюся в этом отношении деятельность председателя общества М. И. Смирнова, имя которого ныне пользуется почетной известностью среди имен русских краеведов. . .»⁶ Важнейшее значение работ историка отмечал и Ю. В. Готье: «Труды М. И. Смирнова по изучению Переславского уезда следует считать выдающимся явлением в области нарождающегося русского краеведения. Они начались очень давно, и за М. И. Смирновым стоит долголетняя и очень плодотворная деятельность, посвященная исследованию родного края. . . Московское Бюро краеведения должно с особым вниманием отнестись к ученой деятельности М. И. Смирнова и отметить как блистательный пример для всех работников в области краеведения»⁷. В 1927 г. специальная комиссия Наркомпроса премировала М. И. Смирнова за научные труды по краеведению⁸, в 1929 г. Государственным географическим обществом за совокушность этнографических работ ему была присуждена малая серебряная медаль⁹.

В 1930 г. М. И. Смирнов покинул Переславль-Залесский, затем работал по договору в издательстве «Academia» в Москве (1934 г.), продолжая писать монографию «Переславль-Залесский». В 1935 г. он сотрудничал в музее «Коломенское» (где организовал отдел о царской соколиной охоте), в 1936 г. работал в музее П. А. Кропоткина, в 1937 г. стал старшим научным сотрудником и заместителем директора по научной части Загорского историко-художественного музея. Последние годы жизни историк провел в Черкизовском инвалидном доме Коломенского района Московской области. Но и здесь он не оставлял творческую работу — изучал прошлое Коломны, Переславля-Залесского. Умер М. И. Смирнов 2 ноября 1949 г.

ОПИ ГИМ (ф. 191) содержит в основном научный архив историка. Сюда материалы поступали по частям: большая часть сдана самим фондообразователем в 1938 г., остальные — в 1957 г. были переданы вдовой М. И. Смирнова, Натальей Викторовной, в Отдел рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина, откуда они поступили в ОПИ ГИМ. Фонд насчитывает 61 ед. хр.; хронологические его рамки — 1908—1953 гг. (копии документов в подготовительных материалах — 1420—1890 гг.)^{9а}.

Вторая часть архива М. И. Смирнова, отличающаяся богатством личных и служебных документов, была сдана Н. В. Смирновой в Отдел редкой книги Государственной публичной исторической библиотеки в 1951 г., откуда в 1971 г. они поступили в Государственный архив Ярославской области (ф. Р—913). В фонде 28 ед. хр.; хронологические рамки этих материалов — 1907—1947 гг.

В ОПИ ГИМ имеются рукописи нескольких изданных работ: «Забятая „потеха“ (Из истории Переславской флотилии Петра Великого), 1919 г.; «Петровская усадьба „Ботик“ близ Переславля-Залесского (исторический очерк)», 1927 г.; статья «Изучайте историю своего села», 1945 г. (опубликована частично). В фонде хранятся и книги М. И. Смирнова: «Переславль-Залесский. Его прошлое и настоящее», «Нижегородские казенные кабаки и кружечные двory XVII столетия» с авторскими дополнениями и изменениями.

Однако большинство материалов этого фонда составляют рукописи неопубликованных работ. Наиболее ранней из них является рукопись «Князя Мещерские. Историко-генеалогический очерк с приложением родословной росписи» (423 лл.), законченная в Нижнем Новгороде в 1908 г. М. И. Смирновым и раньше разрабатывалась история этого «выезжего» русского дворянского рода, ведущего свое начало от владетельных князей древней Мещеры¹⁰. Работа 1908 г. была написана, по словам историка, с целью указать в общих чертах главные и выдающиеся моменты родословной хроники князей Мещерских за время существования их рода (XIII—XX вв.).

Основной темой научного творчества М. И. Смирнова была история Переславля-Залесского. К 1920-м годам относится набросок работы «Переславль-Залесский» (4 лл.), где дается исторический очерк города и уезда XII—XVIII вв., приводится список историко-художественных памятников города. В 1927 г. были написаны небольшие популярные исторические очерки: «Переславль-Залесский» (8 лл.) и «Переславская Рыбная слобода на Плещееве озере» (8 лл.).

К 1929 г. относится очерк «Нерльское ополье в начальной истории Великороссии (IX—XIII вв.)» (11 лл.). Не соглашаясь со взглядами С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, М. В. Довнар-Запольского, считавших между речью Оки — Волги краем с небла-

⁶ «Доклады Пезанпроба», № 13, стр. 42.

⁷ Там же, стр. 50.

⁸ «Известия», 21 января 1927 г., стр. 5.

⁹ См. трудовой список М. И. Смирнова в ГАЯО.

^{9а} В мае 1971 г. родственницей М. И. Смирнова Л. С. Китициной были переданы в ОПИ ГИМ 5 общих тетрадей с его автобиографическими и дневниковыми записями по 1929 г. включительно и семейная переписка 1931—1933 гг.

¹⁰ См. ниже список опубликованных работ М. И. Смирнова.

гоприятной почвой, сырым и холодным климатом и поэтому редко заселенным, М. И. Смирнов доказывает, что Нерльское ополье по своим природным условиям было вполне пригодно для занятия сельским хозяйством. Давая исторический и экономический экскурс жизни Нерльского ополья в IX—XIII вв., М. И. Смирнов делает вывод, что на его тучных полях зародилось первое ядро великорусской народности», что благоприятные почвенные условия и экономические преимущества «поставили Ополье в челе русской исторической жизни, сделав его ранней ареной классовых расхождений, классовых битв»¹¹. К рукописи приложены письмо почвоведца проф. А. А. Красюка к М. И. Смирнову от 29 января 1923 г. с сообщением о характере почвы Нерльского ополья в IX—XII вв. и почвенная карта Владимирской губернии, составленная А. П. Черновым в 1906—1907 гг.

Сохранилась рукопись работы «Переславль-Залесский» (1934 г., 495 лл.)¹², начавшаяся автором к публикации в издательстве «Academia» в серии «История городов СССР». Монография состоит из введения, послесловия, приложений и 17 глав: «В глубь веков», «Клещин», «Великий град Переславль», «Борьба за Переславль в условиях татарской неволи», «В союзе с Москвой», «Во владении Москвы», «В „опришнине“», «В „бурю—грозу“ XVII в.», «Замосковский уездный город», «Начальная база русского флота», «Провинциальный город Московской губернии», «Снова уездный город», «В захолустье», «Историческая подпольная типография», «Отголоски революции 1905 г.», «В Октябрьскую революцию», «Советский районный город Ивановской промышленной области». Особый интерес представляет глава «Историческая подпольная типография», подводящая итог многолетним изысканиям М. И. Смирнова по истории пребывания В. И. Ленина в усадьбе А. А. Ганшина Переславские Горки, где в 1894 г. конспиративно копировались и сброшюровывались в знаменитые «желтые тетради» I и II выпуски книги «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?»¹³. Ценные сведения о работе М. И. Смирнова в этом направлении содержатся в отчете Пезанпроба за 1926 г. и в автобиографических записках историка-краеведа¹⁴.

Ранней истории Переславля-Залесского и его политическому значению в XII—XIV вв. посвящены: статья «Родина Москвы» (1946 г.; 27 лл.)¹⁵ и неоконченная рукопись «800-летие Переславля-Залесского» (1948 г., 8 лл.).

К 1948 г. относится последняя работа, посвященная Переславлю-Залесскому, — «На Клещине озере. От варварства до социализма» (74 лл.). Поскольку к этому времени о Переславле-Залесском накопилась значительная литература, автор решил дать ряд очерков, восполняющих пропуски и недомолвки других историков относительно прошлого Переславского края, исправить замеченные им неточности и ошибки и «предложить в общем научно-популярное чтение, увязанное с фольклором и художественной литературой, чтобы таким путем рельефнее воспроизвести подлинный облик края в минувшей его жизни на разных ступенях развития»¹⁶.

В фонде хранятся составленные историком в 1920-е годы переславль-залесские календари — «Переславские исторические дни» (6 лл.) и «Переславский календарь и краеведная памятная книжка на 1923 г.» (20 лл.), содержащие не только свденный по месяцам хронологический перечень важнейших событий государственного и местного значения, но и хронологический свод летописных и других исторических сведений о Переславле-Залесском.

Интересны картографические материалы, составленные М. И. Смирновым не ранее 1927 г.: карта с отмеченными бывшими монастырскими владениями в уезде и др.

Представляют интерес три альбома иллюстраций (493 фотоснимка и открытки), подготовленные в 1935 г. Историк собирал этот материал с 1917 г., составил к нему опись, раскрывающую историю и содержание изображений.

Материалы, хранящиеся в ОПИ ГИМ, раскрывают и тему о Переславле-Залесском как городе церковей и монастырей. К 1914 г. относится рукопись «Упраздненные монастыри Переславля-Залесского и их вотчинные акты» (в двух томах, 1031 лл.). М. И. Смирнов ставил своей задачей собрать по возможности полную серию актов, принадлежащих закрытым и запустевшим монастырям Переславля-Залесского и его уезда (по территории 1914 г.), и дать исторический очерк монастырей и их вотчин (прилагая копии неизданных вотчинных актов). Собранные монастырские акты охватывают XV—XVIII вв. и делятся историком на следующие категории: 1) царские гра-

¹¹ ОПИ ГИМ, ф. 191, д. 14, л. 20—20 об.

¹² Машинописный экземпляр этой работы находится в ГАЯО (579 лл.). См. С. Б. Филимонов. Неопубликованная рукопись М. И. Смирнова «Переславль-Залесский». — «Советские архивы», 1971, № 3, стр. 94.

¹³ М. И. Смирнов. Ленин в Горках на реке Шахе Переславль-Залесского уезда. — «Призыв», 29 августа 1926 г.; *он же*. Ленин в Переславских Горках. — «Красная нива», № 46, 1926, стр. 14—15.

¹⁴ Ю. Трихов. В. И. Ленин и Горки Переславские. — «Северный рабочий», 22 апреля 1971 г.

¹⁵ Другой вариант этой статьи находится в ГАЯО (26 лл.).

¹⁶ ОПИ ГИМ, ф. 191, д. 25, л. 5 об.

моты тарханне, жалованье, межевые и пр., указы; 2) грамоты патриархов и митрополитов жалованные, уставные, межевые и пр., указы; 3) выписи из писцовых, межевых, отказных, дозорных и прочих книг; 4) записи договорные, сделочные, любовные; 5) челобитные, сыски, выписи из исковых дел; 6) монастырские ведомости и описи.

Рукопись «Переславский Данилов монастырь в прошлом и настоящем» датирована 1929 г. (55 л.); это «опыт разработки монастырской истории», представлявшей собой «крупное явление в истории Переславского края»¹⁷.

К 1929—1930 гг. относятся небольшие работы историко-архитектурного характера: «Переславский Старый собор XII в.» (9 л.), «Переславские часовни» (8 л.), «Справка о приходских церквях г. Переславля-Залесского» (3 л.). В фонде имеются и два наброска, написанные не ранее 1920 г., — «Преображенский собор» (1 л.), «Сретенский собор» (1 л.).

Ряд рукописей, находящихся в ОПИ ГИМ, относится к самым различным областям историко-краеведного изучения Переславль-Залесского края. Среди них — две работы, посвященные топонимической номенклатуре: «Хорографическая номенклатура Переславского Залесья (опыт ее классификации)» (1921 г., 275 л.); «Хорографическая номенклатура как исторический источник» (1927 (?) г., 24 л.)¹⁸.

В очерке «Краеведная работа в Переславле-Залесском» (1925 г., 13 л.) рассказывается о развитии краеведения в Переславле в советское время (1918—1925 гг.), о работе, проводимой музеем и Пезанпробом. Этому же вопросу посвящена рукопись «Изучение производительных сил Переславль-Залесского края» (1928 г., 13 л.).

Работа «Материалы для археологической карты Переславль-Залесского уезда» (1929 г., 4 л.) представляет собой исторический очерк археологических изысканий в Переславле-Залесском и его уезде, предпринятых комиссией А. С. Уварова в 1853—1854 гг., переславским предводителем дворянства П. Е. Самсоновым в конце 80-х годов XIX в., М. И. Смирновым и членом Академии истории материальной культуры проф. А. А. Спицыным. Интересны предположения автора о районах будущих археологических находок и приложения: археологическая карта Переславль-Залесского уезда по данным 1929 г. и переписка Московской археологической комиссии с П. Е. Самсоновым 1890—1892 гг.

Рукопись «Переславская типография. Краткий обзор работы за 50 лет (1879—1929 гг.)», датированная 1929 г. (28 л.), раскрывает историю создания местной типографии и содержит полный список ее изданий с 1917 г., «когда прежний хозяйский типографский станок заговорил совершенно новым языком и стал рупором революции»¹⁹. Перечень листовок, газет, журналов, книг, брошюр и т. д. доведен до 1929 г. включительно.

Этнографическим наблюдениям посвящены работы «Переславская ярмарка — Купальница» (набросок, 1930-е годы, 4 л.), «Культ и народное пьянство в деревне (анкета)», написанная не ранее 1923 г. (8 л.).

Фонд М. И. Смирнова, находящийся в ОПИ ГИМ, богат подготовительными материалами, представляющими собой копии архивных документов (имеется и небольшое число подлинников), составленные в своем большинстве самим историком в начале XX в. Это писцовые, межевые и сотенные книги XVI—XVII вв. Переславль-Залесского уезда (в том числе писцовая книга князя Михаила Волконского и подьячего Василия Толмачева); дозорные книги XVII в. (среди них — дозорная книга 1614 г. письма Ивана Воейкова на вотчины Троице-Сергиева монастыря), отказные книги и сметные росписи Переславля-Залесского XVII в., переписные книги XVII в., жалованные грамоты, царские и патриаршие указы, челобитные. Сохранились копии актов по истории монастырей и монастырского землевладения XV—XVIII вв., документов о феодальных властях Переславль-Залесского уезда XVII—начала XVIII в. (воеводах, губных старостах и подьячих), о создании Петровской флотилии на Переславском озере. Имеются и копии документов о моровых повергиях на людей и скот в Переславле-Залесском XVII в., быте и правах и др.

В последние годы жизни Смирнов работал над историей Коломны. Наиболее значительной из рукописей по этой теме, хранящихся в ОПИ ГИМ, является «Коломна. Путеводитель по городу и его окрестностям» (1946 г., 59 л.). Это первый специальный путеводитель по Коломне (сведения о ней ранее включались только в общие путеводители и описания Московской губернии и области). К работе приложен список источников и литературы по истории города, план Коломенского кремля. В фонде хранятся работы 1947 г. «Коломна в ее прошлом (по XVI в. включительно)», «Коломна в 70-х годах XVI в.» (обе по 22 л.), а также научно-популярные исторические

¹⁷ Там же, д. 15, л. 5—5 об.

¹⁸ См. об этих работах: С. Б. Филимонов. Топонимика на службе краеведения (По материалам фонда историко-краеведа М. И. Смирнова). — «Материалы научной студенческой конференции [Московского государственного историко-архивного института]. Май 1970 г.», вып. II. «Источниковедение историографии». М., 1970, стр. 60—65 (ротапринт).

¹⁹ ОПИ ГИМ, ф. 191, д. 14, л. 69 об.

очерки «Коломенская ямская слобода в XVI в.» (6 л.), «Коломенская крепость в XVII—XX вв.» (11 л.).

В ГАЯО находятся неизданные работы Смирнова, в своем большинстве посвященные истории села Коломенского. Среди них выделяется монография «Подмосковное Коломенское» (1936 г., 172 л.), где впервые делается попытка цельного изложения истории Коломенского, т. е. не одной только феодальной усадьбы с ее архитектурными памятниками, но и истории жизни основного населения — крестьян в XVII—XX вв. Начиная рукопись с рассмотрения топонимических легенд, археологических данных и письменных источников о селе Коломенском XIV—XV вв., М. И. Смирнов доводит историю Коломенского до 1935 г. Интересны приложения к рукописи, где автор приводит список архивных и рукописных материалов о Коломенском.

В 1936—1937 гг., продолжая разработку истории Коломенского, историк пишет статьи: «Коломенская дворцовая волость в XVII—XVIII вв.» (24 л.), «Савкин овраг» (14 л.), «Коломенские дворцовые сады в XVII—XX вв.» (7 л.), «Алексей Михайлович в селе Коломенском» (10 л.), «Челобитный столб» (4 л.), «Музей „Коломенское“ или музей в Коломенском?» (4 л.).

В ГАЯО хранится значительное количество подготовительных материалов по истории Коломенского, использованных автором в перечисленных работах: выписи из писцовых и межевых книг 1675—1677 гг.; экономические примечания 1773 и 1800 гг.; статистические таблицы о населении и угодьях Коломенской дворцовой волости; выписки разного рода из архива Московской дворцовой канторы XVIII—XIX вв. и из Архива Московского удельного округа XIX в.; варианты планов организации музейного отдела «Царская соколиная охота XVII в. в селе Коломенском».

Среди материалов М. И. Смирнова, находящихся в ГАЯО, несколько особняком стоит работа «Радонежские легенды и были. Исторический очерк» (1939 г., 623 л.). Основной темой этого очерка, по словам историка, «служит сам Сергей (Радонежский. — С. Ф.) как историческое лицо, а затем как религиозный миф в процессе его последовательного развития на фоне Троице-Сергиева монастыря и политико-экономических переживаний страны с XIV в.» М. И. Смирнов рассматривает личность основателя Лавры как крупную политическую фигуру XIV в., разбирает связанные с ним легенды и их происхождение. Логическим дополнением этого исследования служат тезисы, составленные в 1937 г.: «Троице-Сергиев монастырь в 1337—1447 гг.» (1 л.) и «К характеристике Сергея» (3 л.).

В фонде М. И. Смирнова находятся материалы о советских писателях, с которыми историк был лично знаком: статья «М. М. Пришвин в Переславле-Залесском» (1939 г., 33 л.), а также небольшие заметки «Н. И. Колоколов» (1928 г.), «О писателе С. П. Бородине» (1947 г.).

Из многочисленных личных и служебных документов М. И. Смирнова, находящихся в ГАЯО, несомненный интерес представляют его записки автобиографического характера «Как я стал краеведом» (1926 г., 122 л.), «Хроника моей жизни» (1922 г., около 100 л.) и дневниковые записи 1930—1931 и 1941—1942 гг.

Материалы архива М. И. Смирнова существенно дополняют наше представление о его научном наследии.

Список опубликованных работ М. И. Смирнова*

- Владимирские уроженцы — воспитанники Вифанской духовной семинарии. 1797—1897 гг. — «Владимирские епархиальные ведомости», 1900, № 21, стр. 716—725; № 22, стр. 762—768; № 23, стр. 803—813; № 24, стр. 850—858.
- О князьях Мещерских XIII—XV вв. — «Труды Рязанской ученой архивной комиссии», т. XVIII, вып. 2. Рязань, 1903, стр. 1—37.
- К родословной князей Мещерских. — «Летопись Историко-родословного общества в Москве», вып. 4. М., 1906, стр. 1—12.
- Село Большая Брембола. — «Труды Владимирской ученой архивной комиссии», кн. IX. Владимир, 1908, стр. 1—109.
- «Справка» о Переславской флотилии Петра I. — «Труды Владимирской ученой архивной комиссии», кн. XII. Владимир, 1910, стр. 1—14.
- Переславль-Залесский. Его прошлое и настоящее. М., 1911, 242 стр.; Сергиев Посад, 1913, 242 стр.
- Переславские соколы помытки. — «Труды Владимирской ученой архивной комиссии», кн. XIII. Владимир, 1911, стр. 1—66.
- Больше-Брембольский дьякон Михаил Михайлов (Страничка из быта духовенства XVIII столетия). — «Труды Владимирской ученой архивной комиссии», кн. XV. Владимир, 1913, стр. 1—39 (собств. пагинация).

* Составлен М. И. Смирновым не ранее 1947 г. и сохранился в нескольких машинописных экземплярах. Список проверен de visu; исправления внесены в соответствии с современными правилами библиографического оформления. Названия работ расположены в хронологическом порядке.

- К истории Переславского Федоровского монастыря. — Там же, стр. 1—12 (собств. пагинация).
- Справка о нижегородских платежниках. — «Действия Нижегородской ученой архивной комиссии», т. XVI, вып. 1. Нижний Новгород, 1913, стр. 26—27.
- Нижегородские казенные кабаки и кружечные дворы XVII столетия. — «Действия Нижегородской ученой архивной комиссии», т. XVI, вып. 2. Нижний Новгород, 1913, стр. 1—196.
- Смутные годы XVII столетия в Переславле-Залесском. — «Труды Владимирской ученой архивной комиссии», кн. XVII. Владимир, 1915, стр. 1—28 (собств. пагинация).
- Соль Переславская — «Труды Владимирской ученой архивной комиссии», кн. XVII. Владимир, 1915, стр. 1—85 (собств. пагинация).
- Костромские вотчины Переславского Горницкого монастыря. — «Труды Костромского научного общества по изучению местного края», вып. VII. Кострома, 1917, стр. 1—46.
- Забытая «потеха» (Из истории Переславской флотилии Петра Великого). — «Доклады Пезанпроба», № 4, 1919, стр. 9—12.
- Залесский город Клецин. — Там же, стр. 1—6.
- Старые боги. — Там же, стр. 7—8.
- Александрова гора. — «Доклады Пезанпроба», № 6, 1919, стр. 9—13.
- «Воровские письма» (Из быта и нравов XVII столетия). — Там же, стр. 14—20.
- Переславская ямская дорога. — Там же, стр. 1—8.
- Познай самого себя (Краткая анкета по родноведению). — «Известия Переславль-Залесского Совета», 26 июля 1919 г.
- Краткий физико-географический очерк Переславль-Залесского уезда. Переславль-Залесский, 1920, 12 стр.
- Переславщина. Источники и материалы для краеведения, их систематизация и обзор. — «Доклады Пезанпроба», № 9, 1921, стр. 1—78.
- Переславль-Залесский уезд. Краткий краеведный очерк. — «Доклады Пезанпроба», № 10, 1922, стр. 1—74.
- Частушки Переславль-Залесского уезда. — «Отчеты по обследованию придорожных районов Сев. ж. д.», вып. 13. М., 1922, стр. 5—151.
- Этнографические материалы по Переславль-Залесскому уезду Владимирской губернии. Свадебные обряды и песни. Песни круговые и проходные, игры. Легенды и сказки. — «Отчеты по обследованию придорожных районов Сев. ж. д.», вып. 14. М., 1922, стр. 11—98.
- Из практики Переславль-Залесского научно-просветительного общества. (К вопросу о собирании краеведных материалов анкетным путем). — «Краеведение», 1923, № 2, стр. 150—151.
- Из этнографических записей по Переславль-Залесскому уезду. — «Доклады Пезанпроба», № 11, 1923, стр. 22—26.
- Провинциализмы Переславль-Залесского края. — Там же, стр. 18—22.
- Указатель рукописных и изданных документов Переславль-Залесского края. — «Доклады Пезанпроба», № 12, 1924, стр. 1—50.
- Памяти декабриста М. М. Спиридова (1825—1925). — «Доклады Пезанпроба», № 13, 1925, стр. 1—12.
- Ленин в Горках на реке Шахе Переславль-Залесского уезда. — «Призыв», 29 августа 1926 г.
- Ленин в Переславских Горках. — «Красная нива», № 46, 1926, стр. 14—15.
- По забытым путям Залесья. (Историко-этнографический очерк). — «Доклады Пезанпроба», № 15, 1926, стр. 35—72.
- Куль и крестьянское хозяйство в Переславль-Залесском уезде. — «Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведного музея» (далее — «Труды музея»), вып. I. Переславль-Залесский, 1927, стр. 1—68.
- О сельском хозяйстве Переславль-Залесского уезда XV—XVIII вв. — Там же, стр. 69—149.
- Наставление к изучению местной историко-географической номенклатуры. Кострома, 1927, 12 стр.
- Актография Переславль-Залесского уезда XVII в. — «Труды музея», вып. V. Переславль-Залесский, 1928, стр. 1—130.
- Переславль-Залесский. Путеводитель и справочник. С 25 иллюстрациями и планом города. Переславль-Залесский, 1928, 106 стр.
- Феодалные владения Троице-Сергиева монастыря в Переславль-Залесском уезде XV—XVIII вв. — «Труды музея», вып. VI—VII. Переславль-Залесский, 1928, стр. 1—165.
- Историческая усадьба «Ботик» близ Переславля-Залесского (К 125-летию находящегося в ней Петровского музея). — «Труды музея», вып. IX. Переславль-Залесский, 1928, стр. 1—77 [совместно с Б. В. Иваненко].
- Краткая сводка историко-эпиграфических материалов Переславля-Залесского. — «Труды музея», вып. X. Переславль-Залесский, 1929, стр. 70—92.
- Справка о переславских архивах. — Там же, стр. 55—69.

- Указатель рукописных и изданных документов (актография) Переславль-Залесского края XVIII в. — Там же, стр. 1—54.
- Историко-географическая номенклатура Переславль-Залесского края (материалы для ее изучения). — «Труды музея», вып. XI. Переславль-Залесский, 1929, стр. 1—139.
- Музейная находка [керамика неолита]. — «Переславский рабочий», 1 марта 1929 г.
- Очерки: «О типах крестьянских жилых построек Переславль-Залесского уезда»; «Этнологическое изучение Переславль-Залесского уезда». — В кн.: «Культура и быт населения центральной промышленной области». Под ред. В. В. Богданова и С. П. Толстова. М., 1929, стр. 93—97; 172—173.
- Феодальные владения переславских и иногородних монастырей в Переславль-Залесском уезде XIV—XVIII вв. — «Труды музея», вып. XII. Переславль-Залесский, 1929, стр. 1—116.
- Хулиганство, его рост и вред, причиняемый им (анкета). Иваново — Кострома, 1929, 8 стр.
- Село Черкизово. — «Коломенский рабочий», 11, 23, 30 сентября 1945 г.
- Изучайте историю своего села. — «Коломенский колхозник», 12 июля 1947 г.
- Коломна в XVI в. (I. Кремль. II. Посад). — «Коломенский рабочий», 2 августа 1947 г.
- Северское. — «Коломенский колхозник», 15 июля 1947 г.¹

¹ Выявлены также печатные труды М. И. Смирнова, не вошедшие в составленный им список: 1) Переславль-Залесское научно-просветительное общество [перечень собранных фольклорных материалов]. — «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 285—286; 2) О Дубровском. — «Советское краеведение», 1936, № 2, стр. 69; 3) Культ Сергия Радонежского. — «Антирелигиозник», 1940, № 5—6, стр. 32—39; 4) «Судное дело» вяземских монахов. — «Безбожник», 27 октября 1940 г.; 5) Языческие обряды в православии. — «Безбожник», 22 декабря 1940 г.; 6) Можайский «пророк». — «Безбожник», 5 января 1941 г.; 7) «Коровий святой». — «Безбожник», 9 февраля 1941 г.; 8) «Необычайные явления». — «Безбожник», 16 марта 1941 г.; 9) «Куриные боги». — «Безбожник», 1 июня 1941 г.; 10) История одной канонизации. — «Безбожник», 22 июня 1941 г.

М. Я. Ржевникова

ОБЗОР ЛИЧНОГО ФОНДА АКАДЕМИКА Е. А. КОСМИНСКОГО

Материалы академика Евгения Алексеевича Косминского (1886—1959), выдающегося советского историка-медиевиста, заслуженного деятеля науки РСФСР¹, были получены Архивом АН СССР в 1965 г.

В фонде (№ 1514) 387 ед. хр. за [1890]—1959 гг.: ими представлены научные труды ученого и материалы к ним (170 ед. хр. за 1916—1959 гг.), его научно-организационная деятельность (60 ед. хр.), переписка.

Документальное наследие Е. А. Косминского богато иллюстрирует творческий путь ученого в последние 12—15 лет его жизни. Из сохранившихся в рукописях исследований только шесть относятся к довоенному и военному периоду; некоторые из них не опубликованы: «Черная смерть в аграрной истории Англии» (конспект доклада, прочитанного в секции истории средних веков Института истории при МГУ 23 марта 1923 г., автограф, 9 л.); «Из истории культурных связей России и Англии» ([1942 г.], автограф, 57 л.); «Византия и Запад» (тезисы доклада на сессии в Отделении истории и философии АН СССР 3—6 мая 1944 г., машинопись, 2 л.)².

Большинство исследований ученого относится к концу 40-х и к 50-м годам и связано с изучением аграрной истории Англии XI—XV вв. В плане на 1947 г. он писал: «Я приступил к изучению материалов для новой работы, внесенной в план работ Академии наук СССР: „Кризис феодализма в Англии XIV—XV вв.“ Результаты моих предварительных изысканий и наметки основных проблем, подлежащих дальнейшему изучению, доложены мною на заседании Сектора истории средних веков»³. Помимо самого доклада (машинопись с правкой, 32 л.)⁴, в фонде имеется переработанный для печати его вариант⁵.

Развитие творческих замыслов ученого позволяют проследить материалы, собранные им самим в папку под названием «Английское крестьянство. Проблемы и наброски» за 1947—[1952] гг. (автограф, 165 л.)⁶. На первых четырех листах, датированных 13 апреля 1947 г., находим набросок плана монографии «Аграрная история Англии до XVI в.» и следующую запись: «Вчера. . . впервые отчетливо выдвинулся план работы, которая должна завершить мою „ученую“ жизнь, — см. заглавие. Та история XV в., которая стоит в моем плане, — новая и сомнительная тема, совершенно неясно, удастся ли ее разработать. Поздно пускаться в это неизведанное плавание, и нет уже свежих сил, необходимых для массовой черной работы. Уже не под силу рубить и корчевать лес, не зная заранее, к чему это приведет. Но пройти еще раз и расширить пройденный путь, привести в систему и поставить на свое место все, что удалось разворотить, — эта дорога по мне, и никто в мире не сумеет сделать ее лучше меня. Здесь не существенно даже то преимущество, которое имеет передо мной всякий англичанин при работе над специальными архивными материалами. К тому же и это стоит в моем плане. Итак, за работу, за последнюю, завершающую работу моей жизни»⁷. Далее приводится план книги из пяти глав: I — «Англосаксонский период. Формирование

¹ Библиографию статей о Е. А. Косминском, а также список его опубликованных работ см. в кн.: *Е. А. Косминский. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. Сб. статей. М., 1963, стр. 434—455.*

² Оп. 1, ед. хр. 4, 18, 24. Вторая из указанных работ датирована по помете автора на деле с черновиками и выписками по той же теме: «. . . материалы собирались в Казани и Ташкенте в 1941—1942 гг.» (там же, ед. хр. 17, л. 1).

³ Оп. 2, ед. хр. 7, л. 1.

⁴ Оп. 1, ед. хр. 28.

⁵ Опубликовано в «Вопросах истории» (1948, № 1, стр. 59—76) под названием «Вопросы аграрной истории Англии в XV в.»

⁶ Оп. 1, ед. хр. 32.

⁷ Там же, л. 1.

феодалной вотчины»; II — «Норманское завоевание и книга Страшного Суда. Основная проблема — феодалная вотчина»; III — «Классическая вотчина. XIII век. Обобщение моей работы»; IV — «XIV в. Разложение манориальной системы Черная смерть. Восстание Уота Тайлера»; V — «XV в. Крестьянская Англия позади феодалной. Подготовка новых событий. Можно отчасти зайти в XVI в.» Объем книги 25 п. л.; намечен срок выполнения — 5 лет. В плане предусматривались непрерывность и каждодневность работы (хотя бы по 2 часа в день), а также порядок написания глав — III, II, IV, V, I. «Задание на ближайшее время: „Новая“ литература по периоду XI—XIII в. (новая — для меня). „Очерк аграрной истории XI—XIII вв.“ (тезисный или конспективный). Пересмотр англосаксонских материалов»⁸.

Евгений Алексеевич Косминский

Материалы фонда дают возможность проследить претворение в жизнь этого плана и, в частности, историю работы Е. А. Косминского по историографии, намеченную им как первый этап и реализованную в статье «Классовая борьба в английской деревне XIII—XIV вв. (Очерки новейшей историографии)»⁹. Хотя рукопись статьи не сохранилась, в фонде имеются первоначальные варианты и черновые наброски: «Против фальсификации в области экономической истории Европы» — критическая статья на издание «The Cambridge Economic History of Europe», vol. I. Cambridge, 1942 (2 варианта¹⁰, автограф, 45 л.); «Легендарная история Англии. Англия XI—XV вв.» (тезисы доклада, машинопись, 6 л.); «Очередные вопросы аграрной истории Англии (К историографии аграрной истории Англии)» (машинопись и автограф, 25 л.); «К историографии английской средневековой деревни» (машинопись, 23 л.); «Классовая борьба в английской деревне XIII—XVI вв.» (автограф, 12 л.)¹¹.

В плане «дел на 1949—1950 гг.» в качестве главной задачи записано: «Развернуть главу „Борьба за ренту“. Основная идея — уровень феодалной ренты определяется

⁸ Оп. 1, ед. хр. 32, лл. 2—3.

⁹ «Средние века», вып. III, 1951, стр. 269—286.

¹⁰ Название одного варианта — «Задачи советских медиевистов и I том Кембриджской экономической истории».

¹¹ Оп. 1, ед. хр. 36, 34, 35, 38, 48.

силою внеэкономического давления. . .¹² Результатам разработки этой проблемы посвящена статья «Эволюция [форм] феодальной ренты в Англии в XI—XV вв.»¹³, сохранившаяся в трех редакциях (машинопись с правкой автора)¹⁴. Ни одна из редакций не датирована. Но по письму Я. А. Левицкому от 30 сентября 1954 г., в котором Е. А. Косминский сообщает, что «отправил в „Вопросы истории“ статью „Эволюция форм. . .“¹⁵, можно установить приблизительную дату окончания работы. Помимо статьи, фонд располагает первоначальными набросками: «Борьба за феодальную ренту в средневековой Англии» [1951—1954 гг.] (автограф, 10 л.); «О процессе коммутации» — заметки с критическим разбором взглядов М. Постана на феодальную ренту [1953—1954 гг.] (автограф, 31 л.); «Вопрос о коммутации в средневековой Англии» (не ранее 1953 г., автограф, 63 л.); «Смена форм феодальной ренты в Англии в XII—XV вв.» [1953—1954 гг.] (тезисы доклада, машинопись, 4 л.)¹⁶.

В 1955 г. Е. А. Косминский продолжил изучение истории английского крестьянства в XI—XV вв. В отчете за этот год он писал: «Мною написана глава теоретического характера „О некоторых основных вопросах феодальной экономики“, которая должна стать вступительной главой подготовляемой мною монографии»¹⁷. Сохранился черновик неопубликованной статьи «Несколько основных вопросов экономической истории средних веков» (автограф, 33 л.) с примечанием о том, что она представляет собой сокращенное изложение некоторых частей введения к книге «Из истории английского крестьянства в XI—XV вв.» Имеется также неопубликованная статья (в двух редакциях) под названием «Проблемы истории крестьянства в средние века» (машинопись с правкой автора, 27 л.)¹⁸. Вероятно, обе статьи относятся к 1954—1955 гг. и непосредственно связаны с работой над монографией.

С дальнейшим изучением аграрной истории и проблемами историографии Англии XIV—XV вв. связаны материалы, относящиеся к X. Международному конгрессу историков в Риме. Это варианты выступления Е. А. Косминского по коллективному докладу М. Молла, М. Постана, П. Иогансена, А. Сапори, Ш. Верлиндена «Европейская экономика в течение двух последних столетий средневековья: «Экономика Европы в последние столетия средневековья» (автограф, 7 л.); «Кризис феодализма в Англии XIV—XV вв.» (машинопись с правкой, 10 л.); «Были ли XIV—XV вв. в истории Европы временем экономического упадка?» (машинопись с правкой, 6 л.)¹⁹ и статья «Были ли XIV и XV века временем упадка европейской экономики?»²⁰ (машинопись с авторской правкой, 32 л.)²¹, связанной с ее английским изданием²². Сохранились также план и черновые наброски этой работы: «Экономика Европы в два последние столетия средневековья. Историографический обзор» (не ранее 1955 г., автограф, 39 л.); «Некоторые вопросы экономической истории средних веков» (автограф, 4 л.); «О европейской экономике в последние столетия средневековья» (автограф, 19 л.)²³. Кроме того, в фонде имеются неопубликованные выступления: «Почему английский парламент пережил эпоху абсолютизма?» (автограф и машинопись, 4 л.) — на I секции конгресса; «Некоторые замечания по „Modus Tenendi Parliamentum“» (автограф, 6 л.) — в комиссии по изучению представительных учреждений²⁴; и статья «Советские историки на X конгрессе исторических наук»²⁵.

Рукописные материалы Е. А. Косминского позволяют датировать последнюю известную работу историка: статья «О некоторых характерных чертах английского феодализма»²⁶ была завершена им 13 июня 1959 г.²⁷ В основу статьи легло выступление на англо-советской конференции историков в Лондоне (сентябрь 1958 г.) по докладу

¹² Оп. 1, ед. хр. 32, л. 39.

¹³ «Вопросы истории», 1955, № 2, стр. 44—60.

¹⁴ Оп. 1, ед. хр. 58. Деление на редакции дано Е. А. Косминским. Вторая редакция в фонде не сохранилась, последняя — авторского номера не имеет. I редакция — «Смена форм феодальной ренты в Англии в XII—XV вв.» (28 л.); III редакция — «К вопросу о смене форм феодальной ренты в Англии» (29 л.); последняя редакция — «Эволюция форм феодальной ренты в Англии в XI—XV вв.» (41 л., имеется карандашная помета автора к заголовку — «и не только форм»).

¹⁵ Оп. 3, ед. хр. 12, л. 8.

¹⁶ Оп. 1, ед. хр. 46, 59, 60, 57.

¹⁷ Оп. 2, ед. хр. 7, л. 7.

¹⁸ Оп. 1, ед. хр. 76, 60. Черновые материалы в виде набросков, заметок на эту же тему — там же, ед. хр. 65, 64, автографы, 50 л., 84 л.

¹⁹ Оп. 1, ед. хр. 75, 74, 72.

²⁰ «Средние века», вып. X, 1957, стр. 257—271.

²¹ Оп. 1, ед. хр. 85.

²² «Peut-on considérer le XIV-e et XV-e siècles comme l'époque de la décadence de l'économie européenne». — In: «Studi in onore di Armando Sapori». Milano, 1957.

²³ Оп. 1, ед. хр. 77, 73, 84.

²⁴ Там же, ед. хр. 76, 71.

²⁵ «Soviet Scholars the Tenth Congress of Historians». — «News», 1955, N 20.

²⁶ «Средние века», вып. XVII, 1960, стр. 31—43.

²⁷ Оп. 1, ед. хр. 104, 27 л.

Э. Кэм. Помимо окончательного текста, сохранились и первые варианты выступления²⁸.

В отдельную папку собраны Е. А. Косминским материалы и наброски по истории английского крестьянства (автограф, 101 лл.). В нее вложена записка: «Здесь часть моих заметок, планов стенограмм, связанных с замышлявшейся книгой „История Англии в XI—XV вв.“ Пришлось бросить; то, что есть, к печати не годится. Не уничтожаю, хотя и не надеюсь вернуться. Сакраментальное воспоминание»²⁹. Ни записка, ни документы, вошедшие в дело, не датированы. Около 20 дел составляют подготовительные материалы к работам по этой же теме [1950-е годы] — в виде карточек, отдельных листов с набросками и выписками, краткими записями вопросов, которые предстоит выяснить, и т. п.

Параллельно с разработкой основной темы — аграрной истории Англии — Е. А. Косминский принимал активное участие в коллективных трудах: «История английской революции» (редактирование книги и авторство двух разделов), «Всемирная история», а также в работе международных конгрессов и конференций. В конце декабря 1951 г. — начале января 1952 г. в составе советской делегации он был приглашен на конференцию польских историков в Отвоцке. Сохранились его доклад «Очередные вопросы марксистско-ленинской медиевистики»³⁰, а также неопубликованная лекция об идейно-политическом воспитании на уроках истории, прочитанная в Варшавском университете для учителей и студентов (автограф, 28 лл.; машинопись с правкой, 24 лл.)³¹.

Материалы фонда дают возможность проследить этапы работы ученого над статьей об английском историке А. Тойнби, подготовленной первоначально в 1954 г. (различные варианты датируются 1954, 1956 и 1958 гг.)³².

В фонде сохранилась также неопубликованная статья «Основные направления в историографии английской буржуазной революции» (машинопись с правкой автора, 58 лл.)³³ — результат переработки более ранней статьи с тем же названием³⁴.

Более 40 лет продолжалась преподавательская деятельность Е. А. Косминского в Московском университете и других высших учебных заведениях. Он явился создателем первого в нашей стране курса по историографии средних веков, прочитанного в МГУ в 1938—1940 гг. (автограф, 454 лл.; машинопись, 453 лл.)³⁵. Е. А. Косминский предполагал сам опубликовать лекции («... я хотел бы приступить к доработке для печати читавшегося мною в МГУ курса под заглавием „Очерки по историографии западного средневековья“»³⁶), но эта работа была позднее выполнена его коллегами и учениками³⁷. В фонде сохранились и неопубликованные лекции: курс «История Англии XI—XV вв.» (17 марта — 25 октября 1940 г., машинопись, 251 лл.); «Лекции о Грановском, включенные в курс историографии» (1940 г., автограф, 59 лл.); вводная лекция к курсу историографии, прочитанная в Ташкентском университете, — «Задачи историографии как особой отрасли исторической науки» (7 октября 1943 г., автограф, 9 лл.); лекции, планы, заметки по курсу «История средневековой Англии» (1943—1944 гг., автограф, 112 лл.); лекции по истории СССР (8 июля 1945 г., автограф на англ. яз., 221 лл.)³⁸.

Материалы фонда далеко не в полной мере отражают огромную работу Е. А. Косминского над школьным учебником по истории средних веков 1949 г. и его переизданиями. Имеются варианты учебника [1954, 1957—1958 гг.] (машинопись с правкой автора, 164 лл.; машинопись, 361 лл.); планы, замечания, заметки [1954—1955 гг.] (автограф, 112 лл.)³⁹.

²⁸ Оп. 1, ед. хр. 99.

²⁹ Там же, ед. хр. 37, л. 1.

³⁰ «Pierwsza konferencja metodologiczna historyków polskich. Przemówienia. Referaty. Dyskusja», t. I. Warszawa, 1953, s. 349—366.

³¹ Оп. 1, ед. хр. 44, 50.

³² О завершении статьи Е. А. Косминский сообщил Я. А. Левицкому в письме от 5 ноября 1954 г.: «... Написал совсем новую статью „Реакционная историософия Арнольда Тойнби“ (для сборника в честь В. П. Волгина)» (оп. 3, ед. хр. 12, л. 9). Статья опубликована в «Вопросах истории», 1957, № 1, стр. 130—140; «Против фальсификации истории». Сб. статей. М., 1959, стр. 67—139.

³³ Оп. 1, ед. хр. 101. В отчете Е. А. Косминского за 1958 г. эта работа значится в числе завершенных (оп. 2, ед. хр. 7, л. 14).

³⁴ «Английская буржуазная революция XVII в.», т. II. М., 1954, стр. 217—238.

³⁵ Оп. 1, ед. хр. 11, 12.

³⁶ Оп. 2, ед. хр. 7, л. 10.

³⁷ «Историография средних веков. V в.—середина XIX в. Лекции». Под ред. С. Д. Сказкина, Е. В. Гутновой, Я. А. Левицкого, Ю. М. Сапрыкина. М., 1963, 430 стр.

³⁸ Оп. 1, ед. хр. 15, 16, 20, 23, 27. К последнему делу приложена любопытная записка Е. А. Косминского: «Очень легковесный курс по истории СССР, предназначавшийся для Лондонского университета и, по счастью, не состоявшийся, на небрежном и плохом английском языке. В печку!»

³⁹ Оп. 1, ед. хр. 69, 93, 68.

В фонде хранятся 16 неопубликованных отзывов и рецензий Е. А. Косминского на монографии, статьи, диссертации отечественных и зарубежных ученых: С. И. Архангельской, С. А. Асиновской, М. А. Барга, О. Л. Вайнштейна, В. Голосова, Н. Гонсеровской (Польша), Е. В. Гутновой, А. И. Данилова, Л. А. Кавердиной, Я. А. Левицкого, Б. Г. Могильницкого, Б. Ф. Поршнева, М. Постана (Англия), А. С. Самойло, Н. Самохиной, В. В. Стоклицкой-Терешкович.

Имеются отзывы и рецензии на труды Е. А. Косминского, их всего 7 (Араб-Оглы, И. А. Бах, Б. Г. Вебера, Е. В. Гутновой, И. С. Завича, В. М. Лавровского, [З. В. Удальцовой]).

Значительное число документов фонда посвящено пропаганде миролюбивой политики СССР, установлению научных связей с прогрессивными учеными других стран. Это статьи, тексты выступлений по радио (33 ед. хр.), большая часть которых опубликована в журнале «News» (Е. А. Косминский был его главным редактором с октября 1952 г.).

Почти все материалы о научно-организационной деятельности ученого (60 ед. хр.) относятся к послевоенному периоду и отражают лишь некоторые стороны его деятельности в Институте истории АН СССР. Это отчеты о работе за 1942—1958 гг. (автограф и машинопись, 15 лл.)⁴⁰; докладные записки о планах работ Сектора истории средних веков, замечания на проект перечня основных проблем в области исторических наук, письма вице-президенту АН СССР К. В. Островитянову и директору Института истории А. Л. Сидорову о разрешении ежегодного издания сборников «Византийский временник» и «Средние века» и т. п. (1944—1956 гг., 1959 г. — автограф и машинопись, 12 лл.; автограф и машинопись, 34 лл.; машинопись, 14 лл.)⁴¹.

Интерес представляют документы об участии Е. А. Косминского в работе международных конгрессов, конференций и научных организаций. Сохранились три документа о конференции польских историков в Отвоцке: краткие записи выступлений участников, 28 декабря 1951 г.—4 января 1952 г. (автограф, 48 лл.), сообщение «На конференции польских историков»⁴², отчет о работе на конференции (автограф, 9 лл.), а также удостоверение участника X Международного конгресса историков (подлинник, 1 л.), отчет о командировке в Англию с 10 мая по 24 июля 1956 г. (автограф, 4 лл.), переписка за 1957—1959 гг. с Национальным комитетом историков СССР о подготовке к англо-советской конференции и XI Международному конгрессу историков (автограф, подлинники и копии, 34 лл.)⁴³ и др.

Значительную группу (10 ед. хр.) составляют письма советских и зарубежных издательств, редакций и журналов об опубликовании трудов Е. А. Косминского, с приглашениями принять участие в работе и т. п. Среди них есть письма немецкого издательства «VEB deutscher Verlag der Wissenschaften» с поздравлением по случаю 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции, с сообщением о выходе в свет немецкого издания I и II томов «Истории средних веков» под ред. Е. А. Косминского (1955—1958 гг., 6 писем на нем. яз.); издательства «Rütten and Loening» (ГДР) о переводе «Английской революции» (1957 г., 1 письмо на нем. яз.); итальянского института (Istituto editoriale Cisalpino) по поводу статьи для сборника в честь Армандо Сапори (1956 г., 1 письмо на франц. яз.); международного издательства «Europa Publication Limited» с просьбой прислать сведения для биографического справочника «The international Who's Who» (1959 г., 1 письмо на англ. яз.)⁴⁴ и др.

Интересен иллюстративный раздел фонда; в нем собрано около 40 фотографий самого Е. А. Косминского за период с 90-х годов XIX в. до 50-х годов XX в., а также фотографий Е. А. Косминского с близкими, учениками, коллегами и др.

Е. А. Косминский обладал незаурядным талантом художника-портретиста. Фонд располагает 59 рисунками, исполненными акварелью и тушью. Около половины из них представляют собой иллюстрации к роману А. Франса «Остров пингвинов»⁴⁵.

Большой интерес представляет переписка, хотя она сохранилась далеко не полностью. Имеются письма самого Е. А. Косминского, в основном относящиеся к 50-м годам, когда он много работал на даче в Мозжинке, поддерживая контакты с друзьями и коллегами. Из писем видно, с каким напряжением работал Е. А. Косминский в последние годы жизни, и до некоторой степени объясняют, почему ему не удалось завершить задуманную книгу по истории английского крестьянства. «... Я знал, что из отдыха у меня ничего не выйдет. Но вышло много хуже, чем я думал. Я просто задавлен числом рукописей, которые необходимо прочитать. А хотел поработать и над своими темами — хоть выполнить годовой план. Что-то неладно. Что-то надо предпринять...»⁴⁶; «... Книгу Самойло я прочитал и отзыв прилагаю... Я очень виноват перед ним, что так долго ее задержал. Но ведь меня все время заваливали другой работой. Если я

⁴⁰ Оп. 2, ед. хр. 7.

⁴¹ Там же, ед. хр. 5, 8, 10.

⁴² «Известия АН СССР», Серия истории и философии, т. IX, 1952, № 3, стр. 273—279.

⁴³ Оп. 2, ед. хр. 11, 14, 19, 15, 25.

⁴⁴ Там же, ед. хр. 31, 40, 30, 36.

⁴⁵ Оп. 2, ед. хр. 68.

⁴⁶ Е. А. Косминский — Я. А. Левицкому, [сентябрь 1951 г.]. — Оп. 3, ед. хр. 12, л. 6.

виноват перед ним, то не менее виноват и перед собой — ведь моя основная работа все время задвигалась на задний план. . . »⁴⁷; «. . . И когда можно будет — не говорю отдохнуть, а хотя бы подумать о выполнении своего плана. Как будто все складывается так, чтобы поставить на мне крест как на ученом и исследователе. Какую работу я мог бы написать, если бы не убил весь этот год на „сверхплановые“ статьи и бесконечные рецензии. А сил не так много»⁴⁸.

Полнее сохранилась переписка с иностранными учеными. Она касается главным образом изданий и переводов трудов Е. А. Косминского за границей, его участия в международных встречах, вопросов налаживания книгообмена. Большая часть корреспондентов — английские ученые: президент Исторической ассоциации Г. Баттерфильд (H. Butterfeld); профессора Лондонского университета Р. Браунинг (R. Browning) и В. Ф. Минорский (V. Minorsky), Э. Ж. Хобсбоум (E. J. Hobsbawm), проф. Кембриджского университета М. Добб (M. Dobb), проф., член Британской Академии Элен Кэм (H. Cam); проф. Бирмингемского университета Р. Хилтон (R. Hilton); проф. Оксфордского университета К. Хилл (C. Hill). Имеются письма польских ученых: А. Бромберга, Ю. Кульчицкого, директора Института истории Польской Академии наук Т. Мантейфеля (T. Manteuffel); японских ученых: проф. Токийского университета Такахаси Кохачиро (Takahashi Kohachiro); К. Хата (Stengun Hata); индийского ученого проф. Университета в гор. Патна Р. С. Шарма (R. S. Sharma) и др. Наиболее обширна переписка с Р. Хилтоном: сохранилось 32 черновика писем Е. А. Косминского и 63 письма Р. Хилтона. По ним (а также и по подготовительным материалам⁴⁹) можно проследить ход подготовки английского издания монографии Е. А. Косминского «Исследования по аграрной истории Англии XIII в.»⁵⁰ и перевода на русский язык книги Р. Хилтона⁵¹.

Переписка Е. А. Косминского служит источником и для изучения более ранних периодов его жизни. В этом отношении особый интерес представляет письмо Р. Ю. Виппера от 2 ноября 1946 г. в связи с 60-летием Е. А. Косминского: «Я невольно возвращаюсь к воспоминанию о прекрасном времени первых наших встреч в Московском университете в 1906—1908 гг., когда Вы уже были учеником Дмитрия Моисеевича Петрушевского и когда он поведал мне о надеждах, возлагаемых на Вас как начинающего ученого, надеждах, блестяще потом оправдавшихся».

В эту пору в научно-просветительной работе Московского университета дружно встретились и соединились два поколения. Это воспоминание служит мне верной поддержкой искренности моего приветствия и моих Вам пожеланий»⁵².

Документальный фонд Е. А. Косминского в Архиве АН СССР является ценнейшим источником, дополняющим и обогащающим наше представление о творческом пути и наследии этого крупнейшего советского историка.

В то время, когда печатался этот том «Археографического ежегодника», фонд пополнился новыми материалами: о Бедфордширской деревне — реферат от 1916 г. и таблицы о составе и структуре вотчины; черновые материалы книги «Английская деревня в XIII в.», некоторые личные документы, письма.

⁴⁷ Е. А. Косминский — Я. А. Левицкому, 9 октября 1951 г. — Там же, л. 4.

⁴⁸ Е. А. Косминский — Я. А. Левицкому, [1952 г.]. — Там же, л. 5.

⁴⁹ Оп. 1, ед. хр. 51, 86, 87.

⁵⁰ «Studies in the Agrarian History of England in the Thirteenth Century by E. A. Kosminsky». Ed. by R. H. Hilton. Transl. from Russian by R. Kisch. Oxford. Blackwell, 1956, XXVII, 370 p.

⁵¹ Р. Хилтон и Г. Фаган. Восстание английского народа в 1381 г. Перев. с англ. Ф. А. Коган-Бернштейн. Под ред. Е. А. Косминского. М., 1952.

⁵² Оп. 3, ед. хр. 37, л. 1.

Л. В. Тюренкова

ОБЗОР АРХИВА ИСТОРИКА-КРАЕВЕДА Б. А. ШЛЯЕВА

В 1968 г. в Историко-краеведческий музей г. Геленджика поступил ценный архив (50 ед. хр.) замечательного труженика-краеведа Бориса Александровича Шляева, бывшего научного сотрудника Краеведческого музея г. Темрюка (с 1951 по 1954 г.). Архив передала в музей его вдова Зинаида Николаевна Синявина.

Б. А. Шляев родился в 1900 г. в Короча Харьковской губернии в семье учителя. Вскоре семья переехала в Приуралье. Среднее образование Борис Александрович получил в реальном училище г. Бирска Уфимской губернии, которое окончил в 1918 г. В дальнейшем, после трехлетней службы в РККА, с 1921 по 1950 г. Борис Александрович работал в различных культурно-просветительных учреждениях Бирска и городов Сибири — Томска, Новосибирска, Кемерово и др. В 1950 г., по состоянию здоровья, он переехал в г. Темрюк Краснодарского края. И будучи сотрудником местного музея, и после ухода в 1954 г. на пенсию Борис Александрович с увлечением изучал ряд вопросов истории края. Он скончался 8 марта 1962 г.

Б. А. Шляев собирал материалы для двух книг: «История Таманского полуострова» (успел написать 4 главы из 14-ти — «Замечательный край памятников древности», «Природные особенности и богатства Таманского полуострова», «В глубине минувших веков», «Меотские племена скифов и дандариев» — и собрать богатый иллюстративный материал — 74 фотолиста); «Выдающиеся люди Родины на Тамани» (собрал материал о пребывании на Тамани киевского князя Святослава, летописца Никона, Суворова, Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Одоевского, Успенского, Горького, Павленко и др.).

Он постоянно выписывал необходимые ему книги из библиотек Москвы, Ленинграда, Еревана и неоднократно выезжал на свои средства для работы в архивах страны. Встречи с археологами, приезжающими на Таманский полуостров на раскопки, беседы с ними на сессиях Отделения истории АН СССР, переписка с литераторами, искусствоведами, археологами и историками, музейными работниками других мест края обогащали его новыми сведениями.

В Темрюке и районе Б. А. Шляев часто выступал с лекциями на краеведческие, искусствоведческие и литературные темы, работал со школьниками.

В газете «Красный таманец» (г. Темрюк) опубликованы следующие его статьи¹: «Облик Таманского полуострова в древности» (3 февраля 1957 г.), «Историческое прошлое Темрюка» (29, 30, 31 марта 1957 г.), «Тмутараканское княжество» (17 сентября 1952 г.), «Героический эпизод из прошлого русских моряков» (29 июля 1959 г.), «Новоселье (из истории заселения Тамани казачеством)» (11 марта 1962 г.), «Памятник славным предкам» (24 июня 1956 г.), «Слуги желтого дьявола» (21 октября 1959 г.), «Суворов на Кубани» (11 марта 1953 г.), «Суворовские места на Тамани» (23 ноября 1955 г.), «История в названиях» (25 июля 1954 г.).

В газетах «Красное знамя» (Абинск) за 1958, 1959, 1961 гг., «Красное знамя» (Геленджик) за 1957, 1958, 1960, 1961 гг., «Советская Кубань» (г. Краснодар) за 1953—1955, 1961 гг. помещены его статьи о выдающихся людях, побывавших на Кавказе и Кубани.

Б. А. Шляев сотрудничал в следующих крупных журналах: «Вестник древней истории» (1955, № 2 — «Стела Гокона»); «Дон» (1960, № 6 — «Грязевые вулканы»), «Кубань» (1962, № 5 — «Живописец Кавказского побережья»).

Б. А. Шляевым собран интересный материал о писателях (например, о В. Г. Короленко — 8 тетрадей статей и заметок) и художниках на Кубани и в Крыму (6 тетрадей).

¹ Статьи даются в порядке хронологии описываемых в них событий.

Б. А. Шляев много внимания уделял методике проведения экскурсий школьников к историческим и археологическим памятникам. В архиве сохранилась статья с методическими указаниями для проведения экскурсий.

Выписки из сочинений иностранных путешественников о Тамани занимают 11 тетрадей. Обширен собранный материал о Тмутараканском княжестве.

Б. А. Шляев составил ценную библиографию «От Боспорского царства до XV в.». Кроме того, в архиве имеются библиографические указатели и подборки выписок по ряду тем: 1) великие люди о значении знаний, о чтении, о книге и отношении к ней (сюда включены работы Маркса, Энгельса, Ленина, Герцена, Горького и др.); 2) о крылатых словах; 3) о Тмутаракани (более 100 названий); 4) о генуэзских колониях Кубани и побережья Северного Кавказа; 5) о связях Российского государства с Кабардой и о продвижении его на Северный Кавказ.

Б. А. Шляев занимался и вопросами эстетики и искусства.

Архив Б. А. Шляева содержит обширный материал, представляющий интерес для историков, сотрудников музеев, студентов, учащихся, экскурсоводов.

В. Н. Гинев

ОБЗОР ЛИЧНОГО АРХИВА Ш. М. ЛЕВИНА *

Доктор исторических наук Шнеер Менделевич Левин (1897—1969) был одним из крупнейших советских историков революционного движения, общественной мысли и культуры России второй половины XIX—начала XX в.

Еще с конца 20-х годов за ним установилась репутация весьма сведущего специалиста в области народнического движения и начального периода русской социал-демократии. Позднее, в связи с участием в ряде коллективных трудов, Ш. М. серьезно занялся и разработкой истории русской культуры.

С 1934 г. до последних дней жизни Ш. М. работал в Ленинградском отделении Института истории АН СССР. Здесь им были написаны обширные разделы в «Истории Москвы», «Очерках истории Ленинграда», «Всемирной истории», «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» (т. V), «Краткой истории СССР» и др. В 1958 г. вышла его монография «Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX в.» Особое место в трудах Ш. М. занимает исследование взглядов В. И. Ленина на общественное движение России второй половины XIX в.

Материалы личного архива, оставшиеся после Шнеера Менделевича, довольно полно отражают различные стороны его деятельности. Творческий путь Ш. М. — это часть истории советской историографии общественного движения в России, и в этом смысле многие документы его архива имеют не только биографическое (что само по себе тоже важно), но и более общее значение.

В списке трудов Ш. М. значится более ста опубликованных работ. Часть из них представлена в архиве в виде различных рукописных или напечатанных на машинке вариантов. В их числе рукопись последнего труда Ш. М. — двух глав в книге «В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX—начала XX в.», рукописи разделов по истории общественной мысли, революционному движению и культуре для «Очерков истории Ленинграда», многотомной и краткой истории СССР, «Краткой истории русской культуры», «Всемирной истории», первого и второго изданий учебника по истории СССР и других коллективных трудов. Сохранились также рукописи некоторых важных статей Ш. М.: «Г. В. Плеханов как историк революционно-народнического движения 70-х годов», «„Черный передел“ и проблема политической борьбы», «В. И. Ленин в Петербурге в 1905 г.», «Революционное народничество 70-х годов в освещении В. И. Ленина» и др. Пометки на рукописях, следы авторской и редакторской правки, сокращения и вставки позволяют восстановить историю печатных текстов, проследить как развитие мысли автора, так и его взаимоотношения с рецензентами, что часто представляет немалый историографический интерес.

В архиве Ш. М. хранятся также и неопубликованные рукописи. Их сравнительно немного — около десятка. Но среди них почти готовые части двух незавершенных монографий. Над первой из них — «Крымская война и русское общество» — Ш. М. начал работать в конце 40-х годов. Предполагалось, что книга будет посвящена анализу политических и общественных течений в России в середине 50-х годов прошлого века. Ш. М. успел написать разделы об отношении к войне на разных ее этапах славянофилов, Погодина, Чаадаева, Грановского, Чичерина, Кавелина, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, крестьянства (всего около 13 а. л.). На этом работу над монографией пришлось прервать, так как началась подготовка капитальных трудов по истории Москвы и Ленинграда. Из перечисленного только глава о Герцене в переработанном виде была напечатана в 1949 г. в т. 29 «Исторических записок».

* Вдовой покойного Розой Григорьевной Левиной проведена первичная обработка архива Ш. М. и составлен черновой вариант картотеки, который использовал при составлении настоящего обзора.

Вторая монография — «Разночинский период русского освободительного движения в освещении дореволюционной и советской историографии» была запланирована в начале 60-х годов. Сам Шнейер Менделевич так определял задачу своего исследования: «В советской науке отсутствует работа, которая подводила бы итог тому, что сделано в области изучения и истолкования истории освободительного движения в России как в дореволюционное время, так и в советскую эпоху. Между тем анализ и оценка трудов и старых историков (всех основных идейно-общественных направлений), и историков советских, создавших огромное число различного масштаба произведений о втором этапе русского освободительного движения, имеет важное значение для оценки уже выполненного и определения дальнейших путей историко-революционных исследований».

По второй монографии Ш. М. закончил раздел о дореволюционной историографии разночинского движения 60-х годов и написал ряд глав о дореволюционной историографии движения 70-х годов (всего 23 а. л.). Работа над этой монографией также была прервана в связи со срочными заданиями дирекции Института истории по коллективным трудам.

Ш. М. известен главным образом как историк народнического движения и русской культуры второй половины XIX — начала XX в. Но первые печатные работы Ш. М. были посвящены истории российской социал-демократии. Ш. М. является также одним из основных авторов вышедших томов «Биобиблиографического словаря социал-демократов». От этого периода осталась рукопись большого библиографического труда Ш. М. — «Библиографическое описание русской социал-демократической и рабочей печати периода 1-й мировой войны» (25 а. л.). Работа велась в 1924—1926 гг. по заданию Истпарта и в настоящем виде представляет собой обстоятельный аннотированный перечень наиболее существенных заметок и статей в более чем четырех десятках периодических изданий за 1914—февраль 1917 гг.

Из работ 20-х годов, кроме того, не был напечатан большой раздел по народническому движению для предполагавшейся двухтомной «Истории революционного движения». Эту объемистую рукопись (10 а. л.) можно рассматривать как первый опыт Ш. М. по созданию обобщающего очерка по революционному движению 70-х годов XIX в.

В начале 30-х годов к несостоявшемуся второму изданию воспоминаний видного семидесятника Н. А. Чарушина Ш. М. была написана вступительная статья и обширный комментарий. Вступительная статья — «К характеристике идеологии чайковцев» — тесно связана с сохранившимися в архиве Ш. М. письмами Н. А. Чарушина. Она как бы подводит итог завязавшемуся в 20-х годах спору между Ш. М. и Чарушиным о взглядах чайковцев на роль политической борьбы.

Остались неопубликованными ряд рукописей военных и послевоенных лет («Биография М. В. Фрунзе», «Октябрь в Узбекистане», статья «Путь Плеханова от народничества к марксизму», большие разделы (около 18 а. л.) по истории культуры второй половины XIX в. для готовившейся в начале 50-х годов многотомной «Истории СССР» и др.).

Наиболее значительное место в архиве занимают многочисленные подготовительные материалы к печатным трудам Ш. М. — выписки, копии архивных документов, вырезки из газет и журналов, заметки, наброски, планы работ — собственно говоря, здесь представлена вся творческая лаборатория ученого. Большая часть этих подготовительных материалов может быть очень полезна всем занимающимся общественной мыслью и культурой России второй половины XIX — начала XX в., так как здесь много тематических подборок. Например: «Петрашевцы», «Писарев», «Маркс, Энгельс, народничество 70—80-х гг.», «„Земля и воля“ 60-х гг.», «„Земля и воля“ 70-х гг.», «Хождение в народ», «Чайковцы», «Долгушинцы», «Особенности русского утопического социализма», «Народничество и вопрос об общине», «Славянофильство», «Славянофильство и народничество», «Запад и Россия в 60—80-х гг.», «Кавелин», «Дворянство и либерализм», «Пыпин и Костомаров», «Михайловский», «Герцен и Огарев», «Парижская Коммуна и русское движение», «Лавров и лавристы», «Бакунин и бакунизм», «Ткачев», «Земство», «Н. В. Шелгунов», «Русская музыка», «Композиторы», «Исполнительское искусство», «Театр XIX—XX вв.», «Советская музыкальная жизнь 1920—30-х гг.», «Малый театр», «Александринский театр», «МХАТ», «Станиславский и Немирович-Данченко», «Комиссаржевская», «Мейерхольд», «Стасов», «Истории балета XIX—XX вв.» и др. Кроме того, имеется большая тематическая библиографическая карто-тека.

Среди подготовительных материалов имеются также тезисы выступлений и докладов, заметки, наброски и планы различных работ. Например, тезисы доклада «Маркс и революционное движение 70-х гг.», план второй части книги «Разночинский период русского освободительного движения в освещении дореволюционной и советской историографии» (советская историография). Сохранилась развернутая заявка Ш. М. на книгу «Очерк истории общественной мысли в период второй революционной ситуации в России», которую Ш. М. хотел написать в 1971—1973 гг. Из плана монографии видно, что Ш. М. думал исследовать проблему зарождения марксизма в России на широком фоне развития русской общественной мысли в конце 70-х — начале 80-х годов.

Значительный интерес представляют материалы к «Биобиблиографическому словарю социал-демократов». Сохранились выписки из дел Департамента полиции и Министерства юстиции, различные библиографические сведения, печатные некрологи, переписка. Известно, что «Словарь социал-демократов» был доведен только до слова «Гмырев». Тем большую ценность приобретают имеющиеся в архиве Ш. М. биографические материалы на неопубликованную часть буквы «г» (например, подробная биография и библиография о С. И. Гопнер).

Шнеер Менделевич, видимо, редко оставлял у себя копии не предназначенных к печати рецензий. Вероятно, только этим можно объяснить малочисленность найденных в его бумагах написанных им отзывов, ибо известно, что с просьбой процензировать ту или иную работу к нему обращались довольно часто и он почти никогда в этом не отказывал. Ш. М. был весьма внимательным рецензентом. Не ограничиваясь отдельными замечаниями, он нередко затрагивал в своих отзывах важные проблемы общественного движения в России. Об этом свидетельствуют его рецензии на первую часть второго тома «Истории русской экономической мысли», на книгу Б. С. Итенберга «Движение революционного народничества», на статью «Народничество» для «Философской энциклопедии», на рукопись Б. П. Козьмина «Русская секция I Интернационала», на главы VI, VII, VIII к «Grundriss der Geschichte Russlands von den Anfängen bis 1917», написанные по просьбе Германской Академии наук в Берлине, и др.

Внимание историков, очевидно, привлекут сохранившиеся в бумагах Ш. М. отзывы на его работы, особенно отзывы на рукопись «Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX в.», рецензии на рукопись первого издания вузовского учебника, стенограммы обсуждения глав для «Истории Москвы», «Истории русской литературы», многотомной «Истории СССР» (в том числе выступление самого Ш. М.), отзывы на III том «Очерков истории Ленинграда» и др. Знакомство с материалами обсуждений работ Ш. М. во многом объясняет его позицию в тех или иных вопросах истории освободительного движения 60—70-х годов.

Отдельную группу материалов составляют рукописи других лиц с пометками Ш. М., иногда с замечаниями на полях. Среди них статья Г. И. Ионовой и А. Ф. Смирнова «Революционные демократы и народники» и глава А. Ф. Смирнова «Первый демократический подъем в России и крестьянская реформа 1861 г.» для т. V «Истории СССР», доклады П. С. Ткаченко, А. Г. Седова, Ю. З. Полевого на Секторе истории СССР периода капитализма в 1957 г., раздел В. С. Кружкова и В. А. Твардовской для первого тома «Истории КПСС», работа А. В. Предтеченского «Русская культура (1725—1794)».

В архиве Ш. М. хранится несколько историко-революционных документов. Это письма к нему Н. А. Чарушина, затрагивающие некоторые вопросы истории кружка чайковцев, и дополнения Чарушина к подготавливавшемуся второму изданию его воспоминаний, по одному письму О. В. Аштемана, Л. Г. Дейча и Р. М. Плехановой, А. И. Елизаровой, письма, присланные во время подготовки «Биобиблиографического словаря социал-демократов», подлинник письма благоевца В. А. Кугушева В. Г. Харитонову (1924 г.), подлинник воспоминаний И. Е. Деникера, опубликованных Шнеером Менделевичем в № 4 «Каторги и ссылки» за 1924 г., подлинник воспоминаний А. Редько — члена военно-революционного кружка в Петербурге, связанного с группой Благоева, отдельные собственноручно написанные автобиографии (в том числе напечатанные на машинке автобиографии В. Д. Бонч-Бруевича и его жены В. М. Величкиной с правой Бонч-Бруевича, краткая биография М. Л. Вельтмана (Павловича) с его вставками).

К такого рода материалам можно отнести и корректуру двух невышедших номеров журнала «Былое», в котором Ш. М. в 1925—1926 гг. работал помощником редактора. Имеется полная корректура № 3 (37) за 1926 г. и неполная № 2.

Ш. М. бережно относился к получаемой им корреспонденции. Поэтому, очевидно, сохранилось большинство присланных ему писем. Часто письма лежат вместе с другими материалами, касающимися подготовки различных научных трудов. Ш. М. активно переписывался с Н. М. Дружининым, М. В. Нечкиной, В. К. Ядунским, Е. Н. Кушевой, М. К. Рожковой. Есть письма М. Я. Гефтера, Б. М. Кочакова, С. Н. Валка, Е. А. Мороховца, А. Ф. Смирнова, А. С. Нифонтова, Б. С. Итенберга и др. В основном это деловая переписка, касающаяся подготовки различных статей или разделов в коллективных трудах, но иногда в письмах затрагиваются и отдельные вопросы тех областей истории, которыми занимался Ш. М. Так, ряд вопросов истории народничества поднимается в письмах Б. С. Итенберга, М. Я. Гефтера и др. Письма М. В. Нечкиной и Е. А. Мороховца дают много интересных сведений о подготовке нескольких изданий вузовского учебника по истории СССР, письма В. Д. Мочалова — о работе над V томом многотомной «Истории СССР», в письмах Л. М. Иванова сообщаются некоторые факты из истории организации в институте в конце 50-х — начале 60-х годов группы по изучению народничества, переписка с редакцией журнала «История СССР» раскрывает некоторые штрихи переговоров о публикации статьи Ш. М. «Революционное народничество 70-х годов в освещении В. И. Ленина». Многие письма, в которых содержатся просьбы к Ш. М. дать отзыв на ту или иную работу или высказать свое мнение по какому-либо вопросу, лишней раз свидетельствуют о необычайно большом научном авторитете Ш. М. Естественно, в архиве нет писем самого Ш. М.

Они у его адресатов. Исключение представляют лишь письма Ш. М. военных лет из блокированного Ленинграда Розе Григорьевне Левиной и черновик письма Л. М. Иванову по поводу доклада Б. П. Козьмина (опубликованного впоследствии в т. 65 «Исторических записок» за 1959 г.).

Наконец, последнюю группу документов составляют биографические материалы — трудовая книжка, свидетельства, стенограмма защиты докторской диссертации, аттестаты, различные справки, договоры с издательствами и т. п.

Шнеер Менделевич Левин всю свою жизнь отдал науке. Его авторитет как знатока русского освободительного движения признавался всеми исследователями истории пореформенной России, независимо от того, разделяли они или нет его взгляды по тем или иным вопросам. Архивное наследие ученого такого масштаба, как Ш. М. Левин, несомненно, следует взять на хранение в один из государственных архивов, и после соответствующей обработки оно должно быть доступно для всех занимающихся историей общественной мысли, революционного движения и культуры СССР.

СПИСОК ТРУДОВ Е. Э. ГРАНСТРЕМ

(К 60-летию со дня рождения)

Обзор греческих материалов. — В кн.: «ГПБ. Краткий отчет Рукописного отдела за 1914—1938 гг.» Л., 1940, стр. 239—241.

Сост.: Указатели личных имен и географических названий. — В кн.: Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III. М.—Л., 1948, стр. 818—856.

О связи кирилловского устава с византийским унциалом. — «Византийский временник», т. III, 1950, стр. 218—229.

Краткие описания собраний: Волковского старообрядческого молитвенного дома в Петербурге; Петербургского общества старообрядцев поморского согласия. — В кн.: «ГПБ. Отдел рукописей. Краткий отчет о новых поступлениях за 1939—1946 гг.» Л., 1951, стр. 45—47, 49.

Краткая опись древнерусских грамот, хранящихся в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. 1613—1629 гг., вып. 3. — В кн.: «ГПБ. Труды Отдела рукописей. Краткий отчет о новых поступлениях 1947—1949 гг.» Л., 1952. Приложение, стр. 81—130 (совместно с В. Г. Гейманом).

Краткое описание собрания А. Ф. Бычкова. — В кн.: «ГПБ. Труды Отдела рукописей. Краткий отчет о новых поступлениях 1947—1949 гг.» Л., 1952, стр. 24—25.

Краткая опись древнерусских грамот, хранящихся в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. 1630—1646 гг., вып. 4. — В кн.: «ГПБ. Труды Отдела рукописей. Краткий отчет о новых поступлениях 1950—1951 гг.» Л., 1953. Приложение, стр. 85—126 (совместно с В. Г. Гейманом).

К вопросу о происхождении глаголической азбуки. — ТОДРЛ, т. IX, 1953, стр. 427—442.

Сост.: Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Рукописи русские, болгарские, молдавлахийские, сербские. Под ред. Д. С. Лихачева. Л., 1953, 130 стр. («ГПБ. Труды Отдела рукописей»).

Инструкция по каталогизации русских грамот XVII в. (в порядке обсуждения). — В кн.: «ГПБ. Сборник II». Л., 1954, стр. 272—286.

Сокращения древнейших славяно-русских рукописей. — ТОДРЛ, т. X, 1954, стр. 427—434.

О происхождении глаголической азбуки. — ТОДРЛ, т. XI, 1955, стр. 300—313.

Обзор источников по истории Византии. — В кн.: А. Д. Люблинская. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955, стр. 20—26, 29—34, 99—103, 263—277, 341, 350, 357.

Греческие рукописи в собраниях Советского Союза (Дополнительные сведения). — «Византийский временник», т. XI, 1956, стр. 285—291.

То же, автореферат — «Bibliotheca classica orientalis», Berlin, 1958, Hf. 3, S. 131—132.

Греческие средневековые рукописи в Ленинграде. — «Византийский временник», т. VIII, 1956, стр. 192—207.

То же, автореферат — «Bibliotheca classica orientalis», Berlin, 1958, Hf. 3, S. 130—131.

Отрывок медицинского трактата Аэция из Амиды в списке X—XI вв. — «Византийский временник», т. IX, 1956, стр. 159—169.

То же, автореферат — «Bibliotheca classica orientalis», Berlin, 1958, Hf. 3, S. 187—188.

Греческие рукописи Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — В кн.: «ГПБ. Труды», т. II (V). Л., 1957, стр. 211—237.

То же, автореферат — «Bibliotheca classica orientalis», Berlin, 1962, Hf. 6, S. 326—327.

Греческие рукописи Библиотеки Академии наук. — В кн.: «Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук», вып. II. XIX—XX века. М.—Л., 1958, стр. 272—284.

К вопросу о византийском минускуле. — «Византийский временник», т. XIII, 1958, стр. 222—245.

То же, автореферат — «Bibliotheca classica orientalis», Berlin, 1962, Hf. 3, S. 326.

О подготовке сводного каталога славянских рукописей (Доклад на IV Международном съезде славистов. М., 1958). Л., 1958, 30 стр.; в кн.: «Славянская филология. Сборник статей», вып. II. М., 1958, стр. 397—418.

О подготовке сводного каталога славянских рукописей (в порядке обсуждения). — «Slavia», Praha, t. XXVII, 1958, N 1, стр. 120—121.

О происхождении кириллицы и глаголицы (ответ на вопрос: Какой из славянских алфавитов древнее — глаголица или кириллица; какой из этих алфавитов создан Кириллом и Мефодием?). — В кн.: «Сборник ответов на вопросы по языкознанию (к IV Международному съезду славистов)». М., 1958, стр. 316—318.

Отрывки славяно-русских пергаменных рукописей в собрании Матенадарана в Ереване. — ТОДРЛ, т. XIV, 1958, стр. 619—623.

Рец. на кн.: Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956. — «История СССР», 1958, № 2, стр. 160—163.

Греческие рукописи Государственного музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа. — «Вестник Государственного музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа», т. XX—В. Тбилиси, 1959, стр. 191—194.

История русской культуры XI—XVII вв. в памятниках письменности. Каталог выставки. М., 1959, 85 стр.; 11 л. илл. (совместно с И. М. Кудрявцевым, Н. Н. Розовым и др.).

Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ, вып. 1. Рукописи IV—IX вв. — «Византийский временник», т. XVI, 1959, стр. 216—243.

Каталог древнерусских грамот, хранящихся в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, вып. 5. 1647—1660 гг. Л., 1960, 247 стр., ротатор (совместно с В. Г. Гейманом).

Новые материалы из архива М. И. Глинка. — «Советская музыка», 1960, № 10, стр. 84—87 (совместно с А. С. Лягуновой).

О некоторых приемах оформления византийских рукописей (Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960). М., 1960, 18 стр. (на рус. и англ. яз.).

Палимпсесты Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — «Византийский временник», т. XVII, 1960, стр. 78—84.

За развитие вспомогательных исторических дисциплин в области изучения западноевропейского и византийского феодализма. — «Вопросы истории», 1961, № 4, стр. 69—79 (совместно с акад. С. Д. Сказкиным, Н. А. Сидоровой, А. Д. Люблинской, А. И. Неусыхиным, З. В. Удальцовой, В. Л. Романовой, З. Г. Самодуровой).

Инструкция по описанию древнерусской рукописной книги XI—XVII вв. Л., 1961, 40 стр., ротатор (совместно с Д. Н. Альшицем).

Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ, вып. 2. Рукописи X в.; вып. 3. Рукописи XI в. — «Византийский временник», т. XVIII, 1961, стр. 254—274; т. XIX, 1961, стр. 194—239.

Рец. на кн.: Н. В. Пигулевская. Каталог сирийских рукописей Ленинграда. М.—Л., 1960 («Палестинский сборник», вып. 6 (69)). — «Народы Азии и Африки», 1961, № 6, стр. 192—195 (совместно с К. Б. Старковой).

Рец. на кн.: V. G r u m e l. La chronologie. Paris, 1958. — «Византийский временник», т. XVIII, 1961, стр. 289—291.

Рец. на кн.: M. R i c h a r d. Répertoire des bibliothèques et des catalogues de manuscrits grecs. 2-me éd. Paris, 1958. — «Византийский временник», т. XVIII, 1961, стр. 287—289.

Материалы к истории древнерусской библиографии. — ТОДРЛ, т. XVIII, 1962, стр. 409—411.

Современное состояние византийской палеографии. — «Археографический ежегодник за 1961 год». М., 1962, стр. 158—173.

Рец. на кн.: «Bibliothèque Nationale. Département des manuscrits. Catalogue des manuscrits grecs. 3-me partie. Le supplément grec. III. NN 901—1371». Par Ch. Astruc et M.-L. Concasty. Paris, 1960. — «Византийский временник», т. XXI, 1962, стр. 230—233.

Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ, вып. 4. Рукописи XII в. — «Византийский временник», т. XXIII, 1963, стр. 166—204.

Чернец Малахия Философ. — «Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1963, стр. 69—70.

Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ, вып. 5. Рукописи XIII в. — «Византийский временник», т. XXIV, 1964, стр. 166—197; т. XXV, 1964, стр. 184—211.

Палимпсесты в греческих рукописях Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (Доклад на XII Международном кон-

грессе византистов). — «Actes du XII-e congrès international des Études Byzantines», II. Beograd, 1964, p. 545—549.

Славяно-русские палимпсесты. — «Археографический ежегодник за 1963 год». М., 1964, стр. 218—222.

Греческая и латинская палеография в СССР за 50 лет (Тезисы доклада на III Всесоюзной конференции по классической филологии. Киев, 1966). Киев, 1966, 3 стр. (ротатор).

Византийская наука и просвещение в IV—VII вв. — «История Византии», т. I. М., 1967, стр. 379—394 (гл. 17. Совместно с З. В. Удальцовой).

Два неопубликованных средневековых каталога (Материалы для истории библиотек в Византии). — В сб.: «Эллинистический Восток, Византия и Иран». М., 1967, стр. 88—96.

Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ, вып. 6. Рукописи XIV в. — «Византийский временник», т. XXVII, 1967, стр. 273—294.

Краткая неопубликованная хроника о турках из собрания Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. — «Палестинский сборник», вып. 17 (80). Л., 1967, стр. 148—159 (совместно с В. С. Шандровской).

Очерки: «Наука и образование», «Система образования», «Наука» (кон. VII—первая пол. IX в.; XI—XII вв.) — «История Византии», т. II. М., 1967, стр. 82—87, 354—364.

Петр Викторович Ернштедт (Некролог). — «Известия АН СССР», Серия литературы и языка, т. XXVI, вып. 3, 1967, май—июнь, стр. 294—295.

Статья «Палеография греческая». — «Советская историческая энциклопедия», т. 10. М., 1967, стр. 742—743.

Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ, вып. 6. Рукописи XIV в. — «Византийский временник», т. XXVIII, 1968, стр. 238—255.

Конференция молодых специалистов — «Вопросы изучения славянского и греческого рукописного наследия». — «Византийский временник», т. XXVIII, 1968, стр. 314—318 (совместно с Н. А. Дворецкой).

Петр Викторович Ернштедт (Некролог). — «Византийский временник», т. XXVIII, 1968, стр. 319—323 (совместно с В. С. Шандровской).

Греческая палеография в России. — «Вспомогательные исторические дисциплины», сб. II. Л., 1969, стр. 121—134. *То же, англ. перевод*: Greek Palaeography in Russia. — «University of London. Institute of Classical Studies», Bulletin, N 17, 1970, p. 124—135.

Греческие средневековые рукописи ленинградских хранилищ и проблемы истории письма и книги в Византии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Л., 1969, 27 стр.

Греческий оригинал отреченной книги «Путник». — ТОДРЛ, т. XXIV, 1969, стр. 72—74.

Стефанит и Ихнилат. Пер. греч. текста. — В кн.: «Стефанит и Ихнилат. Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII вв.» Л., 1969, стр. 105—157 (совместно с В. С. Шандровской).

Унциальный период византийской письменности. — «Византийский временник», т. XXIX, 1969, стр. 232—243.

Рец. на кн.: N. ' Ελεόπουλος. 'Η βιβλιοθήκη και τὸ βιβλιογραφικὸν ἔργαστήριον τῆς μονῆς τῶν Στουδίου Ἀθήναι, 1967. — «Палестинский сборник», вып. 19(82). Л., 1969, стр. 196—199.

Византийское рукописное наследие и древняя славяно-русская литература. — Сб. статей «Пути изучения древнерусской литературы и письменности». Л., 1970, стр. 141—148.

Рукописные материалы по аграрной истории Византии в собраниях Ленинграда. — «Археографический ежегодник за 1968 год». М., 1970, стр. 337—348 (совместно с И. П. Медведевым).

Почему митрополита Климента Смолятича называли философом? — ТОДРЛ, т. XXV, 1970, стр. 20—28.

Греческие параллели к гимнографическим текстам «Минеи Дубровского». — Сб.: «Русский язык. Источники для его изучения». М., 1971, стр. 24—43.

Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ, вып. 7. Рукописи XV в.; вып. 8. Добавления, поправки и указатели. — «Византийский временник», т. XXXI, 1971, стр. 132—144; т. XXXII, 1971, стр. 109—130.

Неизвестный греческий сборник бесед Василия Великого. — «Магне» («Вестник АН ГрузССР»). Серия языка и литературы. Тбилиси, 1971, № 1, стр. 173—178.

Нина Викторовна Пигулевская. Некролог. — «Археографический ежегодник за 1970 год». М., 1971, стр. 400—403.

Рукописи из библиотеки византийских императоров в Ленинграде (Материалы для истории библиотек в Византии, II). — «Палестинский сборник», вып. 23 (86). Л., 1971, стр. 17—25.

Рец. на кн.: Э. Д. Фролов. Русская историография античности (до середины XIX в.). Л., изд-во ЛГУ, 1967, 144 стр. — «Византийский временник», т. XXXI, 1971, стр. 199—201.

Аннотация на кн.: Армянская миниатюра (20 репродукций). Составил и оформил

А. Тонилян. Предисловие Э. Корхмазян. Изд. Дома художника Армении и Комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом. Ереван, 1967. — «Византийский временник», т. XXXI, 1971, стр. 225.

Аннотация на кн.: Б. Ст. Ангелов. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, издание на Българската Академия на науките. Т. I, 1958, 238 стр. + VIII табл.; т. II, 1967, 279 стр. — «Византийский временник», т. XXXI, 1971, стр. 212—213.

Новые издания двух ценных справочников. *Аннотации на кн.:* 1) T r o m p i n' s watermark album. A facsimile of the Moscow 1844 édition. With additional materials by S. A. Klepikov. Edited, translated and adopted for publication in English by J. S. G. Simmons. Hilversum, Holland. The Paper Publications Society, 1965; 2) C. M. B r i q u e t. Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600. A facsimile of the 1907 edition with supplementary material contributed by a number of scholars. Ed. by Allan Stevenson. Amsterdam, the Paper Publications Society (Labarre Foundation), 1968. — «Византийский временник», т. XXXI, 1971, стр. 223—225.

III. ПУБЛИКАЦИИ

БИБЛИОТЕКА СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ В XVI В.¹

Опись Соловецкого монастыря 1549 г.²

... да с ним старце...

листрату, да и ...

да старцу Савелью — в церквах иконы и ... и книги, и ризы, и сосуды, и свечи, и колоколы, и всякое строение церковное и монастырское, и в казне денги и кабалы, и суда серебряные и оловяные, и медяные, и хлеб, и лошади, и волю, и всякой запас монастырской ...*

Церковь боголешного Преображения господа нашего Иисуса Христа. А в церкви икон местных. На правой стороне. Икона Преображение Спасово на золоте семи пядей, а на ней одиннатцать венцов серебряны золочены да две гривны серебряны скан, да цата серебряна золочена. Да икона живоначальная Троица семи пядей на золоте, а на ней венцов пять серебряны золочены да две гривны серебряны скан, да три цаты серебряны скан. Да икона О тебе радуется семи пядей, а на ней венцов дватцать серебряны золочены. Да икона Совета премудросте божии семи пядей, а на ней венцов одиннатцать серебряны золочены да две гривны серебряны скан, да две цаты серебряны. Да икона Чюдотворцы Соловецкие в деянии, обложена серебром, а в венцах у чюдотворцов по три жемчюги да по два камышка, да две цаты серебряны золочены, а в них по два жемчюга да по камышку, да по две гривны у чюдотворца серебряны золочены да по два золотых; да над чюдотворцы на той же иконе — Троица, а венцев у нее пять, серебряны золочены. Да икона Благовещение на золоте семи пядей. Да на другой стороне. Икона Пречистая Одигитрие облачная шти пядей, а на ней два венца серебряны золочены да две гривны скан, да цата серебряна золочена. Да икона Успение Пречистые семи пядей, а на ней венцов трицать да шесть серебряны золочены, да гривна серебряна скан. Да икона Пречистая Одигитрие пяти пядей, а на ней два венца серебряны золочены да две гривны серебряны скан, да две цаты серебряны золочены. Да икона Никола чюдотворец в деянии на золоте семи пядей. Да икона Преображение на беле семи пядей. Да перед теми иконами восемь свеч болших. Да Деисус болшей в трехнатцати иконах на золоте, а венцы у Спаса да у Пречистые, да у Предотечи серебряны золочены; да у Спаса цата се-

¹ Введение к публикации и опись 1514 г. см.: «Археографический ежегодник за 1970 год». М., 1971, стр. 357—372.

² Опись печатается по копии, составленной студентом петроградской Духовной академии Елеазаровским, а частично Н. К. Никольским. Подробно см. введение к публикации.

* Так в копии, ибо подлинный столбец был дефектным.

ребрына золочена. Да праздников над Деисусом четырнадцать. Да пророков четырнадцать, а среди пророков Пречистая. Все на золоте семи пядей. Да старого Деисуса шесть икон сторонних осталось от пожара семи пядей на золоте. Да Деисус резан рыба кость, поменши пяди. Да икона выносная, а на ней Деисус с праздники, а на другой стороне Деисус с преподобными, обе стороны на золоте, а киот резан и золочен, а пелена бархат на золоте. Да икона Пречистая выносная воплощение трех пядей, в киоте, серебром обложена, а киот рез золочена, а у Пречистые венцы, убрус жемчюгом сажен да гривна серебряна, а на другой стороне у Пречистые — Троица да Никола чудотворец, да три святители, а у них венцы четыре серебряны золочены да шесть гривн серебряны скан, да у Пречистые пелена — отлас рудожелт, а у чудотворцев пелена тафта дволична. Да икона выносная Пречистая воплощение полутретьей пяди на золоте, а на другой стороне Спасов образ на беле да праздники наложные в шестере, двенадцать месяц, писаны на обе стороны пядницы. Да икона праздники осмнадцать писаны на обе стороны пядницы. Да икона девяти пядей на беле Сергиево видение. Да икона Страшный суд на золоте десяти пядей. Да икона Иоан Предтеча в крилах пяти пядей на золоте. Да икона Иван Богослов на золоте пяти пядей. Да икона Никола чудотворец на беле пяти пядей. Да икона О тебе радуется на золоте полуторы пяди. Да икона Шестоднев на золоте полуторы пяди. Да Шестоднев же на золоте пядница. Да три образа Спасовы на золоте пядницы. Да образ Николина слова пядница на золоте. Да три образа Пречистые Одигитрие на золоте пядница. Да в киоте пять икон — Преображение Спасово да Страсти, да О тебе радуется, да Пречистая в раю, да Страсти Христовы с святителями — все на золоте пядницы. Да икона Недреманное око пядница на золоте, да икона Три святители на золоте — обе пядницы. Да икона втроем складная Спасов образ да Пречистая Одигитрие, да икона Никола — менши пяди, в киоте, рез золочена. Да икона Пречистая складная да два апостола, Иван Богослов да Лука, на золоте пядницы. Да икона Страсти пядница на золоте, киот резан золочен. Да два образа — Пречистые Одигитрие на золоте да образ Спасов на золоте. Да Пречистая акафист на золоте пядница. Да икона Никола на золоте, да икона Андрей Критик на золоте, а край на лазоре, да образ Спасов на беле, да икона распятие Христово на лазоре, да Кирил Белозерский на беле — пядницы все пять. Да Деисус в одинацати иконах на золоте пядницы с праздники и с пророки; а у всех киоты резаны золочены; а в праздниках нет трех праздников, а в пророчех нет дву пророков. Да Пречистая умиление пядница на золоте, а на полах святители. Да пять икон пядниц в киотех и кисты резаны на золоте: да икона Пречистая во обладе на золоте, да Воскресение Христово на беле, да икона Троица на беле, да икона Софья премудрость божия на золоте, да Деисус пядница на золоте в киоте в затворе. Да икона Спас в силах со святители на золоте, да икона акафист на золоте, да икона образ Спасов нерукотворенный на золоте — все три пядницы. Да икона Воздвижение на беле, да икона Святители на беле, да икона Пречистая облачная умиление на золоте, да икона образ Николин на золоте — а все четыре пядницы. А двери царские и столпцы, и сень над дверми — все рез золочена. Да крест болшей местной — резна кость рыба зубу. Деисус с праздники и с пророки — на обе стороны резан вес и позолочен. Да крест воздвизалной, обложен серебром на обе стороны золочен, а в нем сем камышков да полтретья цат жемчюшков. Да крест воздвизалной сиолоен, а в нем врезывано кость рыба зубу с праздники и страсти да по углом серебром обложен и позолочен, а в нем восемь достаканцев. Да крест воздвизалной медной обложен, а в нем камышки простые. Да паникадило медное о девяти шанданех, да яблоко золоченое с кистью с шелковою. Да два паникадила медяные по осми шанданов, да у них по яблоку,

древянные золочены, а кисти шелковые. Да потир серебрян, а Деисус на нем золочен. Да сосуды серебряны. Да другие сосуды — потиры серебряны ж невелики. Да два покровца шиты золотом и серебром, и шелком на тафте. Да панагия Причистая воплощение серебряна. Да икона*... Сшествие святого духа серебряна золочена, в головке жемчюжинка вставлена; гойтан у нее — чепочка серебряна золочена. Да икона воротная Воскресение Христово серебряна золочена, а в головке у нее камышок лазорев. Да панагия на раковине Пречистые воплощение обложена серебром, головка золочена, а в ней пять жемчюшков да четыре камышки. Да панагия серебряна золочена невелика, а в ней три жемчюшки. Да икона воротная синолоина резана с праздники и с пророки, и со святители. Да панагия серебряна, верхняя тцка золочена невелика с мощьми, а на ней крест, а в головке камышек. Да панагия синолоина невелика, серебром обложена золочена. Да икона воротная синолоина, а на ней резан Никола чудотворец, серебром обложена золочена, а в ней девять камышков простых. Да крест аспиден серебром обложен, а в нем шесть жемчюжин. Да осмь икон налоиных на полотенцах Страсти. Да Никола чудотворец в деянии на золоте семи пядей. Да Деисус на золоте в девяти иконах пядницы в киотех, а киоты резаны золочены, да в том числе три иконы писаны на обе стороны чудотворцы. Да Деисус на золоте в одиннадцати иконах пядницы. Да три иконы — Страсти, да Распятие, да Снятие и положение — пядницы на красках. Да икона Страшной суд полуторная на золоте. Да Пречистая облачная со апостолы на престоле и страстотерпцы на золоте пядницы. Да икона Пречистая серебром обложена золочена Одигитрие пядница, а у нее гривна серебряна. Да икона Егорей да Дмитрей на золоте пядница. Да Пречистая Одигитрие серебром обложена золочена пядница, а в ней шесть камышков простые. Да чудотворцы Зосима и Саватие серебром обложена пядница золочена. Да три иконы — образ Спасов, Распятие и Воскресение — на золоте пядницы. Да Пречистая Одигитрие на красках, а на ней вверху Троица да преподобных два, локотница. Да икона Покров святой богородицы полуторная. Да два образа Николины пядницы. Да икона Пречистая воплощение, а под нею Флор и Лавер на золоте пядницы. Да две иконы, а на них преподобные на золоте пядницы. Да две иконы, а на них пророк Самоил да Екатерина. Да Еуфимей преподобный на золоте пядница. Да икона на полотенцы страстотерпцы на золоте пядницы, киот резан золочен. Да кадило серебряно, и чепочка, и колце серебряно ж. Да два кадила медяные.

Да церковь Успенье Пречистая теплая. А в церкви икон. Деисус на золоте в пятнадцати иконах пяти пядей. Да икон местных на золоте: Успение Пречистые шти пядей да икона Преображенее господне шти пядей, да икона О тебе радуется четырех пядей, да икона Пречистая Одигитрие во пророцех шти пядей, да икона Никола чудотворец. Да Зосима и Саватей на золоте шти пядей. А двери царьские и столпцы на золоте. А северские двери — Даниил пророк на беле. Да в олтари Пречистая умиление на золоте полуторы пяди. Да икона чудотворцы Зосима и Саватие на золоте пядница. Да сосуды серебряны малые. Да две плащаницы: одна шита на зелене тафте золотом и серебром, и шелки, а другая писана с красками на полотне. Да два блюда серебряны дорные. Да в трапезе Деисус на беле в одиннадцати иконах шти пядей. Да икона Спасов образ Еммануил на золоте пядница. Да Николин образ на золоте четырех пядей. Да икона Принесение мощей Ивана Златоустаго. Да икона Воскресение на золоте дву пядей. Да Пречистая Одигитрие на золоте пядница, а на полех чудотворцы Зосима и Саватей. Да икона Пречистая со апостолы, преломление хлеба, на золоте дву пядей.

* Далее в копии неразобранный слог.

Да икона Троица на золоте пядницы. Да Пречистая Одигитрие на беле пядница, а на полех у нее писаны святые. Да в келарской в киоте три иконы — Спас да Пречистая, да чудотворцы Никола да Зосима и Саватей — и на празелене пядницы. Да икона пред трапезои местная Спас на престоле, а писан на красках.

Да церковь чудотворец Никола. А в церкви икон. Деисус на беле, а венцы на золоте в трехнацати иконах шти пядей. Да праздники на золоте в пятнадцати иконах полутора пяди. Да икона Никола чудотворец на золоте шти пядей. Да икона акафист на золоте шти пядей. Да икона Пречистая Одигитрие на золоте шти пядей. А двери царские и столпцы на золоте. Да паникадило железное. Да свеча местная в трицат гривенок. Да в олтари шестодневец пядница на золоте. Да икона Покров святой Богородицы на золоте, локотница. Да двери северские, а на них разбойник на беле. Да икона Никола чудотворец в деянии семи пядей на золоте, а на нем три венцы серебряны золочены да гривна, да цата серебряны золочены.

Да у Зосимы чудотворца на гробнице икона на золоте Зосима чудотворец — венець серебрян золочен да цата, да две гривны серебряны золочены. Да старая икона Зосима чудотворец на золоте — венець серебрян золочен. Да покров на Зосиме чудотворце камчат. Да Деисус на золоте в одинацати иконах полуторы пяди. Да икона Благовещение складная с святители и с преподобными на золоте, а у неи три гривны серебряны. Да Деисус на бели — дватцат одна икона, а венцы все на золоте. Да икона в кисте болшая Чюдотворцы в деянии осми пядей на золоте, а венцы серебряны золочены да и цаты серебряны ж золочены, да гривны серебряны ж золочены, да пред нею свеча местная. Да в сенех пред чудотворцы образ Пречистые Одигитрие, да по сторон ее чудотворцы стоят в киоте четырех пядей. Да на раке у чудотворца покров дороги, а около кушак з золотом.

Да у Саватея у чудотворца на раке. Образ Саватея чудотворца на золоте осми пядей, а венець да цата серебряны золочены, да гривна серебряна ж золочена. Да покров на неи дороги. Да икона местная Чюдотворцы в деянии осми пядей на золоте, а венцы и цаты, и гривны золочены, а стоит в киоте. Да икона Пречистая Одигитрие на золоте полторная. Да Спас на красках шти пядей. Да Деисус на беле полторной, а венцы на золоте. Да икона Пречистая воплощение. Да чудотворцы Соловецкые Саватей да Василие * на золоте четырех пядей. Да перед чудотворцы в деяние свеча болшая. Да в сенех у Саватея чудотворца икона в киоте Пречистая на красках четырех пядей, а по сторон ея чудотворцы Соловецкие **.

Да книг во церквах. Евангелие апракос в десть, а в нем десят камышков достоканцы, а застешки и спни медяны. Да еуангелие тетр на бумаге в десть, а на нем бархат лазорев, кресты и застешки, и еуангелисты серебряны золочены. Да еуангелие в десть тетр на бумаге, а на нем кресты и еуангелисты медяны. Да еуангелие тетр в десть под зуфию, а на нем еуангелисты и застешки серебряны золочены. Да еуангелие тетр в полдест, а на нем бархат червьчат з золотом, еуангелисты и застешки и гвоздь серебряно. Да еуангелие тетр в полдесть, а на нем камка да страсти серебряны. Да еуангелие тетр в полдесть с камкою, а на нем крест серебрян. Да еуангелие тетр в полдесть, а на нем камочка, да на нем страсти серебряны золочены. Да еуангелие тетр в полдесть, а на нем бархат червьчат, а застешки и спни серебряны. Да еуангелие тетр в полдесть, а на нем бархат червьчат. Да два еуангелия тетры. Да еуангелие тетр в четверть. Да апостол апракос в десть. Да апостол

* Вероятно, ошибка в копии; должно быть: Зосима.

** Далее печатается по копии Н. К. Никольского.

тетр в десть. Да восемь апостолов тетров в полдесть, а на одном камочка зелена. Да две псалтыри в десть з следованием. Да двои псалмы в десть. Да осмеры псалмы Давидовы в полдесть. Да дватцать псалтыр без дву з следованием в полдесть. Да восемь псалтыр в четверть с следованьем. Да три еуангелия воскресных толковые в десть. Да два еуангелия толковые в десть. Да апостол толковой в десть. Да апостол толковой в полдесть, недописан. Да два устава: один в десть, а другой в полдесть. Да двои минеи месячны. Да охтайк в десть на осм гласов. Да два охтайка в десть, а в них по четыре гласы. Два два охтайка в полдесть, а в них по два гласа. Да четыре треди: две постных, а две цветных. Да пол треди цветная в полдесть. Да трои прологи — в семи книгах в десть. Да три часословцы в полдесть. Да стихарал. Да пят ермоное в четверть. Да двои апокалипси в четверть. Да потребник в десть. Да шесть потребников в полдесть. Да шесть служебников в полдесть. Да книга Никон преподобный в десть. Да книга послание Никонское в десть. Да двои правила в десть. Да правило в полдесть. Да дияконник в четверть. Да два торжественика праздничные в десть. Да три торжественика постные в десть. Да два маргарита в десть. Да книга Григорей Богослов в десть. Да книга Ефрем в десть. Да книга лествица в десть. Да книга главник в десть. Да книга Ефрем съ Ваном с Лествечником в десть*. Да книга Феодор в десть. Да книга креница в десть. Да книга Ареопагит в десть. Да книга лапсаик в десть. Да пятьдесят книг с книгою четьи в полдесть. Да книга соборник. Да книга соборник Исаин. Да книга житья преподобных отец. Да книга деяние толковое. Да книга Григорей Богослов. Да шесть книг лествицы в полдесть, а в одной книге Дорофеи. Да лествица книга в четверть. Да две книги Дорофеи. Да четыре книги Исака Сирьянина. Да книга житье Златоустаго. Да две книги Василья Кесарийского. Да книга Сава Серпской. Да книга Феодора Студийского. Да книга Варлам со Асафом. Да книга Григорей Беседовник. Да книга главы Феодора Едесскаго. Да книга Антиох. Да книга Семион с новым Богословом. Да четыре патерика. Да книга патерик печерской. Да книга соборник, а в ней житье Кирила Белозерского и Паисея Великаго. Да книга Сергия преподобнаго. Да книга бытъе. Да книга Исуса Навгина. Да книга палея. Да книга пророчества. Да книга пчела. Книга шестодневик Васильев. Книга летописецъ. Да книга чепь золотая. Книга тител. Книга еклисияст. Книга синоксар. Книга зеркало. Книга Ерван. Книга Андреи. Книга Иван Дамаскин. Книга Кирил Иеросалимский. Книга Афонасей Великой. Книга Козма прозвитер. Книга Селивестр, папа римский. Книга Иван Ексарх. Книга Анастасея горы Синайския. Книга Петр Дамаскин. Книга Ияков Жидовин. Книга соборник, а в нем вопрос и ответ. Книга житие преподобных Зосимы и Саватей. Да книга соборник избранные Иосифа Волотцаго. Да книга два Василья новых в четверть. Два странника в полдесть. Да два священника церковных в полдесть. Да дватцать и две книги старые, говорити по них не мочно, отложены в казну**.

Да риз. Ризы камка бела з золотом, ожерелье камка з золотом на синей земли, а круживо по подолу тафта черна с фараузом, а на них Спасов образ серебрян позолочен. Да ризы камка бела на золоте, а ожерелье бархат на черне земле, а по подолу круживо тафта черна с фараузом, а на них образ Спасов серебрян золочен. Да ризы камка бела крестьята, ожерелье бархат на золоте на черне земле, а на них Пречистая воплощение в дробницах, а около ея убрус да четыре камышка простые. Да ризы бела камка, ожерелье бархат червьчат на золоте земли с золотом,

* Эта фраза вставлена под строкой с указанием, что она имеется в списке Ф. И. [видимо, Ф. И. Покровского].

** Здесь обрывается копия Н. К. Никольского.

а крест на них жемчугом сажен, да ризы бела камка, ожерелье бархат на золоте на черне земли, а на них Спас на престоле золочен. Да ризы постные камчаты черны, ожерелье бархатное. Да стихар дияконской, ожерелье камка червьчята з золотом, а на нем Спас на престоле золочен. Да стихар дияконской ветцан, ожерелье отласно. Да трои ризы безинны с камками. Да ризы хамовы, ожерелье камка на золоте. Да патрахел камка на золоте. Да пятеры ризы полотняны. Да стихар полотнян дияконской. Да сем стихарей поповских: четыре полотняны, а три безинны. Да потрахел камка з золотом, а на ней пятнатцат пугвиц серебряны золочены сеньчясты. Да патрахел бархат на золоте, а на нем двенадцат пугвиць серебряны золочены. Да патрахел шиты святители розными шелки на тафте, а венцы шиты золотом, а у пяти венцы жемчугом сажены, а на нем семнацат пугвиц медяны золочены. Да патрахел камка з золотом, а на нем пятнацат пугвиц серебряны золочены. Да три патрахели камчаты. Да патрахел бархат червьчат. Да два патрахеля пестрядинные полущелковица, а у всех пугвицы медяны золочены. Да две патрахели ветшаные камчаты. Да поручи бархат зелен з золотом, а на них пугвицы серебряны золочены. Да поручи шиты розными шелки, а на них восемь пугвиць серебряны золочены. Да поручи шиты святители на отласе золотом и серебром и розными шолкы, а на них пугвицы медяны золочены. Да трои поручи камчаты. Да поручи бархат червьчат, а у всех пугвицы медяны золочены. Да два пояса тканы шелковые крестчяты с кистьми; у одного ворворки з золотом и з серебром, а у другою пояса ворворки шелковы. Да пояс червьчат, ворворки з золотом. Да пояс шелков крестчят с кистьми. Да два пояса полущелковица с кистьми. Да два пояса санитарных с кистьми. Да две ширинки шелковы. Да шесть шеринок бумажных. Да четыре ширинки шелком шиты подкищены. Да шесть ширинок шелком шиты простые. Да улар шит на тафте золотом, а подложен тафтою двоеличною, а опушен фараузом, а на нем сто и сем шипов серебряны. Да два уларя крашенинны крестчяты. Да риза бела камка, а ожерелье бархат з золотом; а на них икона Пречистая воплощение серебряна золочена. Да патрахел и поручи того же бархату. Да стихар дияконской камка бела, ожерелье бархат на золоте. Да улар бархат черн. Да другой уларь бархат черн з золотом. Да ризы безинны, ожерелье бархат червьчат на рудожелте земли, а на них икона Пречистая воплощение. Да патрахел камка рудожолта, а поручи тое ж камки. Да ризы безинны, ожерелье бархат черн на рудожелте земли, а воплощение серебряно золочено. Да патрахел бархат червьчат на зелене земли. Да поручи двои того же бархату. Да стихар полотнян. Да стихар дияконской безинен, ожерелье дороги. Да уларь дороги ж. Да ризы камка бела, ожерелье бархат з золотом на червьчате земле, а на них икона Пречистая воплощение серебряна золочена, да патрахел того же бархату. Да ризы безинны, ожерелье бархат черн на рудожелте земли з золотом, а на них Пречистая воплощение серебряна золочена, да патрахел камчат. Да двои ризы безинны, ожерелье у них бархат червьчат, а иконы на них Пречистая воплощение. Да ризы безинны, ожерелье камчато, а икона на них Пречистая воплощение. Да стихар безинной, а ожерелье камчато. Да улар камчат. Да ризы постные мухояр черн, а ожерелье камчато. Да стихар постной мухояр черн, а ожерелье камчато. Да улар камчат. Да две ширинки подкищены, шиты шолком и золотом. Да сулок тафтян подкищен, а концы шиты золотом и серебром. А колоколов восемь, а в них весу: в болшем восемьдесят два пуда, а в другом тритцат пудов, да три колоколы по дватцати пудов, да два колокола по десяти пудов. Да клепало железное. Да часы болшие, а колокол у часов того же числа. Да чясы малые да получаьсе.

А в казне денег. Что отписано игумену Алексею — тысяча четыреста рублей да по кабалам взяти тритцат пят рублей, да прибыли четыреста

рублев в московское число. И всех денег в казне тысяча восемь сот тридцат пять рублей. И с теми, кои по кабалам взяти. Да судов серебряных: две стопы, да ковшик питеи, да блюдечко ложчято, да шесть ложек. Да запасу в казне. Дватцат пудов воску. Десят гривенок ладону. Четыре шатры рукавчатых. Да сукон простых андомских две тысячи локот. Да холстов тысяча локот. Да сермяжных сукон тысяча локот. Да полотен две тысячи локот. Да шуба лисья. Да двесте овчин. Да шуб бараньих сорок. Да пятьдесят копкаков. Да кож: красных десят да дублянных дватцат, да сырых седьмьдесят кож, да ворваньих восьмьдесят. Да железа полиць два црена. А в келарской судов: ковш серебрян выносной да здонка булатная, да кандейка оловяная, да двои судки столовые — одни оловяные, а другие медяные, да двенатцать солониць оловяных, да и чеп [?] медяна полпуда. Да яндова медяна в ведро. Да три лохани медяных. Да девят рукомоиников медяных. Да пят шанданов медяных. Да сем свещников медяных. Да пят сковородок медяных белых луженых. Да две скатерти шитых, да скатерть брана ветшана, да дватцат скатертей простых клетчатых. Да три оловяники ведерных да три полуведерные, да три третники, да три четвертники, да три крушки. А в поварных судов. Котел медян тритцат ведер. Да другой полтретьятцат ведер. Да восьмь котлов естовных по четыре ведра и по три ведра, а в средних котлов по два ведра и по полтора ведра, а менших котлов по ведру и по полуведро — семнацат. Да котел треножек. Да две сковоротки медяных.

И всех котлов в монастыре болших и менших, и средних, и по службам шездесят.

Да в житницах хлеба ржи и муки ржаныи, и солоду ржаново — полшесты тысячи четвертеи, да пшеницы пятдесят четвертеи, да круп пятдесят четвертеи, да масла сто пудов, да меду пятдесят пудов, да гороху дватцат четвертеи, да семяни конопляного дватцать четвертеи. Да лошадеи в монастыре тритцать да волов полтретьятцат. Да морьских судов монастырских: четыре лодки со всем запасом — съ якори и с парусы, да карбасов болших и малых пятнацат. Да на Соловетцком же острове три варницы с цренами, да три мелницы водяных, да толчя. Да в Пияле црен. А по тоням дватцать и сем неводов. А тонь монастырских в Анзерах и на Золотицком берегу, и на Варзуском — тритцать, да в Кимбоострове ловля монастырская — ловят сетми у прилуков, а на Выгу ловят езом да трема поезды. Да невод волче у Золотца.

Да в Вирме реки на берегу монастырская церковь во имя святых апостол Петра и Павла. А в церкви икон. Деисус на бели в девяти иконах пяти пядей, а венцы на золоте. Да икона местная святых апостол Петра и Павла на золоте трех пядей. Да икона Воскресение Христово местная четырех пядей, а венцы на золоте. Да икона Николин образ на беле четырех пядей. Да икона Пречистая Одигитрие на беле полоторная. Да икона Зосима и Саватеи на бели пядница. Да икона Климент, папа римский, на беле четырех пядей. А риз в церкви — ризы полотняны, ожерелье камка ветшана. А книг в церкви: еуангелие, да апостол, да псалтыр, да шестодневец с минеею со опщею, да пролог, да торжественник.

Да колокол. А у церкви двор монастырской, а во дворе дватцатеро лошадеи да пят котлов — два по два ведра, а два по полтора, а котел в ведро, да црен. А дан дают с црена в великого князя казну. А жилцов в Вирме тринатцать, а варят со четырма црены, а дан дают с цренов в великого князя казну. А земли монастырской два лука, а сено косят четьреста копен. И того идет в монастыр половина, а з жилцов оброку идет в монастырь сорок алтын.

Да в Суме четьре луки, да двор монастырской, да две мелницы водяные, да четьре жилцы. А промышляют цреном, а дан дают с цренов в великого князя казну. А жита сеют на лук по коробье, а сена косят

двесте копен, а оброку с них идет в монастыр два рубля московская. А в Шижнине, в Сухом Наволоке, и в острову тринадцатъ луков, а жилцев на тех луках дватцать человек, а оброку с них идет в монастыр с лука по рублю.

Да на Двине монастырской земли тритцат веревок, а жилцев на той земли шесть, а оброку с них идет в монастыр рубль московской. И всего оброку идет из Вирмы и из Сумы, и из Шижнемы, и з Сухонаволока, и з Двины семнатцать рублей и сем алтын без дву денег в московское число.

Да из монастыря ездят на Вологду солью торговати в дву насадех. А на конце Ольшь Григорьев руку приписал. Дьяк Дмитрии Пивов.
БАН РО, Собр. автор. мат., № 46.

Опись книг Соловецкого монастыря 1570 г.

- л. 1 Пета 7079-го сентября в 21 день по государеве царе и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии грамоте и по наказу государевых царевых и великого князя дьяков Данила Микулина сына Бортенева, да Никиты Юрьева сына Щелепина Стефан Калитин да Скорята Дмитриев описали на Соловках монастыр игумену Варламу да строителю Меркурью, да с ними лутчим старцом: келарю Мисаилу Назимову, да казначею Роману Двинянину, да старцу Гарасиму Шестернину, да старцу Иасафу Важанину, да старцу Исаие Гуцину — в церквах образы и образов кузнь, и ризы, и сосуды, и свечи, и колоколы, и всякое строенье церковное и монастырское, и в казне денги и сосуды серебряные и оловяные, и медяные, и всякой запас монастырской по сему списку.
- л. 25 || А книг. Еуангелеи толковых воскресных пят. Да еуангелие же толковое воскресное в десть. Все те в десть. Да еуангелиа четыре в десть, по два еуангелисты в книге. Да пят апостолов в полдесть. Да вьсмь апостолов в полдесть. Да три уставы: один в десть, а два в полдесть. Да два апостола толковых в десть, да третей апостол в полдесть недописан в тетратех. Да еуангелие в десть в тетратех. || Да четырнадцат ермолов: пят ермолов в полдесть, а девят ермолов в четверть. Да стихарал в полдесть. Да стихеры вьскресные и дневные и степенно в полдесть в затылок сплетено. Да Никон великий. Да златоструи. Да Козма Индикоплов. А все три книги в десть. Да книга палея. Да книга Исус Навгин. Те книги в полдесть. Да четыре треоди постных в десть. Да пятая треодь посная в дву книгах в полдесть. Да три треоди цветных в десть. Да пол треоди цветные в полдесть. Да шесть прологов в десть. Да пять || торжественников в десть. Два маргарита в десть. Да три Ефрема. Да книга лествица. Да книга главник. Да книга Феодорит. Да книга креница. Да книга Деонисеи Ареопагит. Да книга лапсаик. А все те девят книг в десть. Да двой правила в десть, а третие в полдесть. Да книга Никонское послание. Да книга потребник. Да книга Григорей Богослов. Все те три книги в десть. Да две псалтыри толковые: одна в десть, а другая в полдесть. Да книга на латинскую ересь и на иные ереси на многие
- л. 26 об. в десть. || Да книга тител в полдесть. Да книга Афанасий Александрский в полдесть. Да книга предста царица одесную, сборник, в десть. Да книга Семион Дивногорца и житья преподобных Ивосимы и Саватей в десть. Да книга деянье апостолское. Да книга Григорей Богослов. Те книги обе в полдесть. Да девять лествиц: восьмь в полдесть, а девятая в четверть. Да два Дорофея в полдесть. Да четыре Исака Сирины в полдесть. Да две апакалписи в четверть. Да дватцать шесть псалтыр с следованьем в полдесть. Да две псалтыри с следованьем
- л. 27. в десть. Да четыре псалтыри в четверть, три следо|ванье. Да четверы псалмов, двой без следованья в десть. Да одиннатцат псалмов без сле-

дованья в полдесть. Да четыре книги беседы еуангельские Иванны Зла-
тоустаго в десть. Да книга Григорей, папа римский, в десть. Да двенацат
минеи месячных четых в девяти книгах. Да две минеи четых старых:
сентябрь да октябрь в полдесть. Да книга Спас кормьчи в десть. Да пят
соборников четых в полдесть. Да трефолой старинной с каноны и жития
святых отец в полдесть. Да три трефолой в полдесть, || Спиридонова л. 27 об.
письма. Да пят трефолоев новым чудотворцом в полдесть. Да две менеи
месячные: девят месяцев в трех книгах. Да шестнадцат месяцев во шти-
натцати книгах. Да три минеи новых, Спиридонова письма. Да шесть
книг четых в четверть. Да книга в четверть Василей Новой ветчаяная.
Да соборник в четверть. Да книга Селиверст в полдесть. Да книга Яков
Жидовин. Да книга Иван Ексарх. Да книга Иван Дамаскин. Да книга
Козма прозвигер. Да книга Анастасеи. Да книга чеп золотая. Да книга
Афо||насеи Александрьский. Да книга Кирил Ерусалимский. Да книга л. 28
измарагд. Да книга пророчества. Да книга еклисияст. Да книга пчела.
Да книга зеркало. Да книга Ерван. Да книга Андреи Уродивыи. Да книга
шестодневник Васильев. Да книга Петр Дамаскин. Да книга приточник.
Да книга Златауст. Да книга житие Златаустово. Да книга Василей Ве-
ликий. Да книга Сава Серпъский. Да книга Феодор Студит. Да книга
Варлам и Асаф. Да книга Григорей Беседовник старого Рима. Да книга
главы || Феодор Едесский. Да книга Антиох. Да книга с Семионом з Бо- л. 28 об.
гословом с Новым. Да шесть патериков, два печерских. Да книга собор-
ник — Кирилово житие Белозерского и Паисеино. Книга бытия. Две
книги Иосифа Волотцкаго. Да две книги жития Соловетцких чудотвор-
цов и с каноны. Да две книги ахтаица, а в них 5 гласов. А все те книги
в полдесть. Да книга шестодневец в полдесть. Да ахтаец на восемь глас-
ов в десть. Да ахтаец ж пятого гласу в десть. Да книга канунник
с ыкосы в полдесть. Да два канунника: || один в четверть, а другой л. 29
в полдесть. Да пят потребников в полдесть. Да семь служебников в пол-
десть, да семои харатеинои. Да книга Синоксар в полдесть. Да три бого-
родичники в полдесть; четвертой в полдесть же в тетратех. Да одинна-
цат часословцов в полдесть. Да два часословца в полдесть. Да житья
святых отец в десть. Да книга лествица в десть. Да книга соборник
в десть. Да книга измарагд в десть. Да книги два часовника.

Да прибыло же книг после отписки подьячего Олеша Григорьева.
Книга еуангелие тетр в десть писано на бумаге, || крыто бархатом, бар- л. 29 об.
хат червьчат на золоте; а верхняя дска обложена серебром сканью золо-
чена, а на ней распятие господне да Пречистыя, да Иван Предтеча, да
еуангелисты серебряны золочены, да десят камешков красных; да на
другой стороне дски жючки серебряны и застешки серебряны. Да еуанге-
лие апракос в десть писано на харатьи; верхняя дска обложена серебром
золочена, а на ней Спасов образ, а около его сем жемчюжия да четыре
еуангелисты серебряны золочены, а крыто бархатом черным, да на нем
десят камешков. || Да еуангелъе в десть, крыто сатынью червьчатою, на л. 30
нем распятие господне серебряно золочено и еуангелисты. Да еуангелъе
в десть, сатынью же обложено писано на бумаге, а на верхней дски рас-
пятие господне да Пречистая, да Иван Предтеча, да четыре еуангелисты
серебряны золочены и застешки серебряны золочены. Да еуангелъе
в десть писано на бумаге опракос; а верхняя дска вся серебром обложена
золочена, а на ней распятие господне да Пречистая, да Иван Предтеча,
да по сторон Зосима и Саватеи на серебре писано чернилы, да четыре
еуангелисты, да восемь камешков, застешки серебряны; || да на другой л. 30 об.
цки жючки серебряны, а покрыто камкою червьчатою. Да еуангелие
в десть, письмо на бумаге, крыто камкою таусинною; на верхней цки
распятие господне да Пречистая, да Иван Предтеча и четыре еуангелисты
серебренны золочены. Да еуангелъе в полдесть, крыто бархатом червьча-
тым золотным распятие господне и еуангелисты серебряны золочены ма-

лые круглые. Да еуангелъе в полдестъ, крыто камкою червьчятою. Да два еуангелъя в полдестъ. Да восьмъ еуангелееи в полдестъ. Да еуангелееи в четверть. Да еуангелъе в дестъ, || покрыто кожею чорною. А всех еуангелееи дватцат.

Архив ЛОИИ СССР, Колл. акт. кн. 2, № 121.

Опись книг Соловецкого монастыря 1582 г.

- л. 2 || Лета 7090-го майя в 5 день по государеве цареве и великого князя Ивана Васильевича всея Руси грамоте игумен Ияков, приехав в Соловецкой монастырь, да з бывшим Рязанским епископом Филофеем, да с старцы соборными: с старцом з Галахтионом, да с казначеем с старцом с Мисаилом Назимовым, да с келарем с старцом с Акакием, да с старцом Романом з Двинянином, да с старцом с Ысаком Шаховым, да с старцом Ефросимом Назимовым, да с старцом Иасафом Кашкиным, да с старцом с Павлом, да с старцом Исидором, да с старцом Максимом, л. 2 об. да с старцом Арьсением, || да с старцом Кондратием — созрили в церквах образы и сосуды, и у образов кузнь, и ризы, и свечи, и книги, и колоколы, и всякое строение монастырское, и в казне деньги, и сосуды серебряные и оловяные, и медяные, и хлеба, и всякой обиход монастырской по сим книгам.
- ...
л. 48 || Еуангелія престолные.
л. 48 об. Книга еуангеліе тетр в дестъ писано на бумаге, крыто бархатом червьчятым || золотным; а верхняя цка обложена серебром сканью золочена, а на ней распятие Господне да Пречистая, да Иван Предтеця, да четыре еуангелисты серебряны золочены, да десять вставочек простых; да на другой стране жучки серебряны, да застежки серебряны; а прокладки шелк з золотом и с серебром. Да еуангеліе апрокос в дестъ писано на хараты; а верхняя цка обложена серебром золочена, а на ней Спасов образ, а около его восьмъ жемчюжин, да четыре еуангелисты серебряны золочены, а крыто бархатом черным, да || на нем 12 камышков, л. 49 да прокладка шелкова. Да еуангеліе в дестъ крыто сатынью червьчятою, а на нем распятие Господне серебряно золочено, и еуангелисты серебряны ж золочены. Да еуангеліе в дестъ крыто сатынью же, писано на бумаге, а на верхней цки распятие господне да Пречистая, да Иван Предтеця, да четыре еуангелисты серебряны золочены и застежки серебряны ж золочены. Да еуангеліе в дестъ писано на бумаги апракос; а верхняя цка вся серебром обложена золочена, а на ней распятие господне да Пречистая, да Иван Предтеця, да по сторон Зосима и Саватии на серебре писаны чернилы, да четыре еуангелисты, да херувимы, л. 49 об. да Герман || на серебре ж писаны чернила, да восьмъ камешьков и застежки серебряны; да и на другой цки жучки серебряны; а покрыто камкою червьчятою; да прокладки шелк з золотом и с серебром ткан. Да еуангеліе в дестъ писано на бумаге, а крыто камкою таусинною; а на верхъной цки распятие господне да Пречистая, да Иван Предтеця, да четыре еуангелисты серебряны золочены. Да еуангеліе в полдестъ, крыто бархатом червьчятым золотным; а на нем распятие господне и еуангелисты серебряны золочены малые круглые. Да еуангеліе в полдестъ, крыто л. 50 камкою червочятою. || Да еуангеліе в полдестъ, крыто дороги полосаты; а на нем еуангелисты серебряны золочены и застежки серебряны. Да еуангеліе печатное в дестъ, крыто камкою зеленою; верхняя дцка обложена серебром золочена: посреди распятие господне да по сторон Пречистая, а по другую страну Иван Предтеця со еуангелисты. Да осмъ еуангелееи в полдестъ, что по кельям держат. Да еуангеліе в четверть. Да еуангеліе в дестъ, крыто кожею чорною.
- ...

|| Да книг. Еуангелеи толковых воскресных пят. Да еуангелие же л. 61 об.
 толковое въскресное. А все писаны в десть. Да четыре еуангелия в десть,
 по два еуангелиста в книге. Да пят апостолов в полдесть. Да восьмь
 апостолов в полдесть. Да три уставы: один в десть, а два в полдесть.
 Да два апостола толковых || в десть, да третей апостол в полдесть, не- л. 62
 дописан, в тетратех. Да еуангелие в десть в тетратех. Да четырнатцат
 ирмолоев: пят ирмолоев в полдесть, а девят ирмолоев в четверть.
 Да стихарал в полдесть. Да стихеры въскресные и дневные и степенно
 в полдесть, в затылок сплетено. Да Никон великий. Да златоструй.
 Да Козма Иньдикоплов. А все три книги в десть. Да книга палея.
 Да книга Исус Наввин. Те книги в полдесть. Да четыре треоди постных
 в десть. Да пятая книга треод же постная в дву книгах в полдесть.
 Да три тре||оди цветных в десть. Да шесть прологов в десть. Да пять л. 62 об.
 торжественников в десть. Да два маргарита в десть. Да три Ефремы.
 Да книга лествица. Да книга главник. Да книга Феодорит. Да книга
 креница. Да книга Деонисии Ареопагит. Да книга лапсаик. А все те девят
 книг в десть. Да двои правила в десть, а третии в полдесть. Да книга
 Никонское послание. Да книга потребник. Да книга Григорей Богослов.
 Все те книги в десть. Да две псалтыри тольковые: одна в десть, а другая
 в полдесть. Да книга на латынскую ересь и на иные ереси многие в десть.
 Да книга тител || в полдесть. Да книга Афонасей Александръский в пол- л. 63
 десть. Да книга предста царица одесную тебе, соборник в десть.
 Да книга Симиона Дивногорца и жития преподобных Зосимы и Саватия
 в десть. Да книга деяния апостольская. Да книга Григорей Богослов.
 Те книги обе в полдесть. Да девят лествиц: осмь в полдесть, а девятая
 в четверть. Да два Дорофея в полдесть. Да четыре Исака Сирина в пол-
 десть. Да два апокалипси в четверть. Да дватцат шесть псалтыр с сле-
 дованием в полдесть. Да две псалтыри с следованием в десть.
 Да четы||ре псалтыри в четверть, три с следованием. Да четверы л. 63 об.
 псалмы, двои без следования в десть. Да одиннатцатеры псалмы без
 следования в полдесть. Да четыре книги беседы еуангельские Иванны
 Златоустаго в десть. Да книга Григорей, папа римский, в десть. Да две-
 натцат миней месячных четьих в девяти книгах. Да две миней четьих
 старых: сентябрь да октябрь в полдесть. Да книга Спас кормчии в десть.
 Да пят соборников четьих в полдесть. Да трефолои старинной — каноны
 и жития святых отец в полдесть. Да три трефолоя в полдесть, Спиридо-
 нова писма. Да пят трефолоев новым чюдотворцам в полдесть.
 Архив ЛОИИ, Колл. акт. кн. № 2, № 124.

Опись книг Соловецкого монастыря 1597 г.

Переписные книги игумена Исидора 105-го году

||Лета 7105-го мая 2 дня по государеве цареве и великого князя
 Федора Ивановича всеа Русии грамоте игумен Исидор, приехав в Соло-
 вецкой монастырь, да с келарем с старцом с Ысаком, да с казначем
 с старцом Архишпом, да с соборными старцы: с старцом священником
 з Геронтьем, да с старцом священником с Феодосьем, да с старцом
 Кирьяком, да с старцом Протасием, да с старцом Филаретом, да с стар-
 цом Флавьяном, да с старцом Иевом; да с старцом Кондратием,
 да с старцом Трифоном — созрили в церквах образы и у образов кузнь, и л. 2 об.
 сосуды, и ризы, и свечи, и книги, || и колокола, и всяко строение мона-
 стырское, и в казне денги, и сосуды серебряные и оловяные, и медяные,
 и хлеб, и всякой обиход монастырской по книгам бывшего игумена
 Иякова, что ему был монастырь отведен и всякое монастырское строение.

...
 || Да у Спаса же в церкви...
 ...

л. 57

- л. 67 об. || Еуангелия престолные. Книга еуангелие тетр в десть, писано на бумаги, крыто бархатом черчятым золотным; а верхняя цка обложена серебром с сканью золочена, а на ней распятие господне да Пречистая, да Иван Предтеча, да четыре еуангелисты серебряны золочены, да десять вьставочек простых, да на другой стране жучки и застешки серебряны, а прокладки шолк з золотом и серебром. Да еуангелие апракос в десть, писано на хараты, поволочено бархатом черчятым, а верхняя цка обложена серебром золочена, а на ней Спас на престоле да четыре еуангелисты серебряны же золочены. || Да еуангелие писмяное в десть на бумаги, поволочено бархатом зеленым, а верхняя цка обложена серебром золочена, а на ней и Спасов образ да четыре еуангелисты серебряны золочены, а около еуангелия восьми жемчюшков да двенатцать камышков, а прокладка шелкова. Да еуангелие печятное в десть, покрыто бархатом черным, а верхняя цка обложена серебром золочена, а на ней распятие господне да четыре еуангелисты чеканены серебряны ж золочены, да четыре вставки: два сердолика черчаты, да два достоканца зелены. ||
- л. 68 об. Да еуангелие печятное в десть, крыто камкою зеленою, верхняя цка обложена серебром золочена, а на ней распятие господне со еуангелисты. Да еуангелие в десть, крыто сатынью черчятою, а на нем Спас на престоле да четыре еуангелисты серебряны золочены. Да еуангелие в десть, крыто сатынью черчятою же, писано на бумаги; а на верхние цки распятие господне да Пречистая, да Иван Предтеча, да четыре еуангелиста серебряны золочены, застешки серебряны же. Да еуангелие апракос в десть писано на бумаги; а верхняя цка обложена сребром золочена, а на ней распятие господне, да Пречистая, да Иван Предтеча, да по сторон Зосима и Саватеи на серебре ж писаны черню, да четыре еуангелисты, да херувими, да Герман на серебре ж писаны чернилы, да осм камышков, застешки и жучки серебряны, а покрыто камкою черчятою, прокладки шолк з золотом и серебром ткан. Да еуангелие в десть писано на бумаги, а крыто камкою таусинною; а на верхнеи цки распятие господне да Пречистая, да Иван Предтеча, да четыре еуангелисты серебряны золочены. Да еуангелие в полдесть, крыто бархатом || черчятым золотным; а на нем распятие господне и еуангелисты малые серебряны золочены. Да еуангелие в полдесть, крыто камкою черчятою. Да еуангелие в полдесть писмяное, поволочено камкою голубою; а на нем четыре еуангелисты серебряны золочены. Да восьми еуангелей в полдесть, что по кельям держат. Да еуангелие в четверть. Да еуангелие в десть, крыто кожею черною.
- л. 94 об. || Книги. Шесть еуангелей воскресных толковые в десть. Да четыре еуангелия четьи вседневные в десть, по два еуангелиста в книги. Да восьми еуангелей в полдесть. Да еуангеле в четверть. Да в тетратех написан Матфеи еуангелист. Да пять апостолов в десть. Да восьми апостолов в полдесть. || Да два апостола толковых в десть. Да апостол в полдесть, недописан, в тетратех. Да три устава: один в десть, а два в полдесть. Да пять ирмолов в полдесть. А девять ирмолов в четверть. Да стихорал в полдесть. Да стихеры воскресные и дневные и степенно в полдесть, сплетено в затылок. Да книга Никон Великий. Да книга златоструи. Да книга Козма Индикоплов. А все три книги в десть. Да книга палея. Да книга Исус Наввин. Обе в полдесть. Да четыре треоди постных в десть: три писмяные, а четвертая печатная. Да треод постная же в дву книгах || в полдесть. Да две треоди цветных в десть. Да шесть прологов в десть, все писмяные. Да пять книг торжественников в десть. Да два маргарита в десть. Да три книги Ефремы в десть писмяные. Да книга лествица, да в той же книге написан в начале Ефрем. Да книга главник. Да книга Феодорит. Да книга креница. Да книга Дионисии Ареопагит. Да книга лапсаик. А все те книги девять в десть. Да двои правила

в десть, а третья книга правила же в полдесть. Да книга Никонские послания. Да потребник. Да книга Григорей Богослов. Все три в дес||ть. л. 96
 Да две книги псалтыри толковые: одна в десть, а другая в полдесть. Да книга на латынскую ересь и на иные ереси многие в десть. Да книга тител в полдесть. Да книга Афонасеи Александръский в полдесть. Да книга предста царица одесную тебе, сборник в десть. Да книга Семиона Дивногорца и жития преподобных Зосимы и Саватея в десть. Да книга деяния апостольская. Да книга Григорей Богослов. Обе в полдесть. Да книга лествица в десть. Да сем книг лествиц в полдесть. Да лествица в четверть. Да две книги Дорофея в полдесть. Да четыре книги || Исака Сирина в полдесть. Да две апокалипси в четверть. Да псалтыр чудотворца Зосимы с следованием в полдесть. Да псалтырь государева жалованья с следованием в полдесть. Да псалтырь с следованием митрополита Филиппа в полдесть. Да псалтырь с следованием в полдесть, данье старца Селивестра Благовещенского. Да псалтырь с следованием, данье старца Ионы Шамина в полдесть. Да псалтырь с следованием в полдесть, данье игумена Еуфимия. Да псалтырь с следованием в полдесть, Кашинская. Да три псалтыри в четверть: Гуревская, да Паламоновская, да Некта||рьевская, и всех десять. Да шестнатцать псалтырь с следовани- л. 97
 ем в полдесть. Да две псалтыри с следованием в десть. Да три псалтыри с следованием в четверть. Да псалмы Давидовы в четверть. Да четверы псалмы Давидовы в десть. Да одинатцатеры псалмы в полдесть. Да четыре книги беседы еуангельские Ивана Златоустаго в десть. Да книга Григория, папы римскаго, в десть. Да двенатцать миней месечных в десяти книгах четых в десть. Да две миней четых старых: сентябрь да октябрь в полдесть. Да книга Спас кормьчий в десть. Да пят книг|| собор- л. 97 об.
 ником четых в полдесть. Да трефолой старой с каноны и жития святых отец в полдесть. Да три трефолоя в полдесть, Спиридонова писма. Да пять трефолоев новым чудотворцам в полдесть. Да десять книг миней месечных в десть. Да восминатцат миней в полдесть. Да шесть книг четых в четверть. Да книга четья в четверть Василей Новыи, ветчана. Да книга сборник в четверть. Да книга Селивестр в полдесть. Да книга Яков Жидовин. Да книга Иван Ексарх. Да книга Иван Дамаскин. Да книга Козма прозвигер. Да книга чеп золатая. Да книга Анастасии. || Да книга Афонасеи Александръски. Да книга Кирил Иерусалимский. л. 98
 Да книга измарагд. Да книга пророчества. Да книга еклисияст. Да книга пчела. Да книга зеркало. Да книга Герван. Да книга Андреи Уродивый. Да книга шестодневник Васильев. Да книга Петр Дамаскин. Да книга приточник. Да книга Златауст. Да книга житие Златаустово. Да книга Василей Великий. Да книга Сава Сербъский. Да книга Феодор Студит. Да книга Варлам и Асаф. Да книга Григорей Беседовник старого Рима. Да книга главы Феодор Едеский. Да кни||га Антиох. Да книга Семион л. 98 об.
 новыи Богослов. Да четыре патерика скитцких. Да два патерика печерских в полдесть. Да книга Кирилово житие Белозерскаго и Паисеино. Да книга бытъя. Да две книги Иосифа Волоцкаго. Да две книги жития Соловецких чудотворцов и с каноны. Да две книги охтайца, а в них пять гласов. А все книги в полдесть. Да книга шестодневец в полдесть. Да охтаец на восм гласов в десть. Да две книги охтайца в десть на восм гласов. Да охтаец пятого гласа в десть. Да два канонника: один в четверть, а другой в полдесть. Да книга кано||нник с ыкосы в полдесть. Да четыре л. 99
 потребника в полдесть. Да сем служебников в полдесть, а седмой харатеинои. Да книга Синоксар в полдесть. Да три богородичника в полдесть. Да тринатцать часословцов в полдесть. Да книга жития святых отец в десть. Да книга лествица в десть. Да книга измарагд в десть. Да два часовника в четверть. Да книга Сергия чудотворца житие, в затылок плетена. Да книга сборник верую во единого Бога. Да книга сборник

Исака Рушанина. Да книга Пахомии Великии и иные жития. Да книга Григорей Синаискии. Те все книги в полдесть. ||

а. 99 об. Да книги Филиппа игумена Колычева: еуангелье в десть, сплетено в затылок, во цках, да еуангелье в полдесть в досках, сплетено в затылок, да апостол в полдесть, да псалмы Давидовы в полдесть, да чясословец в полдесть, да книги житие чудотворцов в полдесть, в кожи сплетено.

а. 100 Да книги дание священника Арсения: книги апостол в полдесть, да книга лествица, да Исак Сирий в полдесть, да книга потребник в полдесть, да книга Анастасеи Синаискии в полдесть, да книга златоуст в четверть, да книга бытъя в четверть, да книга патерик египецкии и з Герваном в четверть, да книга соборник || з главником в четверть, да книга чясословец в четверть. Да книга данье старца Измаила Новгородца апостол в полдесть.

Да книга данье священноинока Иева: еуангелье под бархатом зеленым в полдесть, да книга потребник в полдесть, да книга на иноверные еретики в полдесть.

а. 100 об. Да книги старца Исака Шахова дание: еуангелье в десть печатное, да еуангелье тетр в полдесть, поволочено камкою черною, а у еуангелья застешки серебряные, а на застешках вырезано имя Исаково, да книга от правил в десть, поволочено в затылок, да служебник в полдесть, да книга || апостол печатной в десть, да псалмы Давидовы, тростью писаны, в полдесть.

Да книги данье старца Феодосья игумена Вяжицкого: еуангелье да апостол, обе в полдесть, тетры.

Да книги данье старца Венямина Топоркова: еуангелье в полдесть, да апостол в десть, да книга еуангелье тетр, писан в полдесть.

Да книги данье старца Варлама Синеицы: псалмы Давидовы в полдесть, да соборник в полдесть. Да псалтырь с следованием в полдесть в затылок, а данье старца Елиазара.

а. 101 Да книга данье священноинока Николы — псалтырь с следованием в полдесть. Да книга псалтырь толковая в полдесть — || данье старца Исаи Устюжанина. Да ирмолой в четверть, данье старца Исака диякона. Да ирмолой в четверть, данье старца диякона Павла. Да книга зеркало, данье Алексея Иванова сына Ившеева в полдесть. Да книга апокалипсис и хожение богослове в полдесть. Да книга лапсаик в десть. Да апостол печатной в десть, данье старца Еуфимия товарища Серебряника. Да псалмы Давидовы в полдесть, данье старца Тихона Крылошанина. Да книга трефолай в полдесть, писаны каноны, поволочена нерпою черною.

а. 101 об. Да книги данье старца Герасима Шестерни: псалтырь || с следованием в полдесть, да канонник в полдесть в тетратех, да чясовник в полдесть в тетратех. Да евангилье тетр в полдесть болшой бумаги, поволочено камкою зеленою, данье Антония крылошанина. Да святцы в четверть. Да трефолай в красной коже в полдесть, и постное не введено. Да чясословец в полдесть. Да канонник с святцы и с тропари, и с кодаки в полдесть, данье старца Митрофана турчясовца.

а. 102 Да книги данье старца Паисеи Картмазова: еуангелье в десть печатное, да псалтырь в полдесть с следованием, да псалтырь с следованием в четверть, || да книга четъя в восмину.

а. 102 об. Да книги дияка Богдана Дементьева данье: еуангелье в полдесть, да апостол в десть, да апостол в полдесть, да псалтырь с следованием в полдесть, да богородичен в полдесть, да ирмолой в полдесть, да зеркало в полдесть, да бытъя ветчяная, да книга в четверть, а в ней писаны каноны толковые, да книга Максим Грек в полдесть, да книга Григорей Богослов в десть восмислов. Да апостол печатной в десть, данье подьяка митрополичья Ивана Кафтанникова. Да патерик печерьский в полдесть.

Да соборник в полдесть || о шестом псалме. Да канонник в четверть,

данье священника Тарасия. Да псалмы Давидовы в полдесть с тропари и с молитвами, данье старца Аврамия Устюжанина. Да половина треоди постные, в затылок сплетено. Да другая половина треоди постные в кожи. Да книга Василии Великой в полдесть. Да книга половина треоди цветные в полдесть, в затылок. Да книга минея вопщая. Да книги новоприбыльные, что при игумене Иякове прибыли, государево жалование и хри-
столубцов дание, и мона||стырское писмо.

л. 103

Благодарный царь государь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси пожаловал три книги: книга Иосифа Маттафея Евреянина в полдесть, да книга Сава Сербский в десть, да книга сборник в десть. Да еуангелъ в десть тетр, печать литовская, данье священника Саватея с Муезера. Да еуангелъ в десть тетр, данье священника Касьяна, поволочено бархатом червьчатыйм золотным.

Да книги: еуангелъ, да апостол, литовская печать, данье старца Феодосья с Кожеозера. Да псалмы Давидовы в полдесть, данье старца Ферапонта. Да псал||мы Давидовы в четверть. Да устав в полдесть, данье старца Ефросима Назимова. Да книга библия в десть, данье Ивана Григорьева Шашина. Да книга, старца Исака Шахова данье, — Иван Лествичник в полдесть. Да книга, данье старца Гедеона уставщика, — псалмы в десть, московская печать. Да книга Максим Грек скорописная, в кожицы переплетена. Да книги, священника Геласеи данье, — псалмы Давидовы с каноны в полдесть; да псалмы в полдесть, да чясовник печятной в полдесть. Да еуангелъ толковое воскресное печятное, данье Ивана смолянина Болтаева. Да книга еуангелъ в десть. Да книга || еуангелъ толковое — Иван Богослов, един еуангелист. Да чясовник печятной, литовская печать, в полдесть, поволочен кожею белою. Да псалмы в полдесть, печать литовская. Да книга в полдесть под черною кожею, а в ней писан чясовник, да псалмы Давидовы, да каноны, данье старца Алимпия. Да два охтая новы в десть. Да чясовник, печать литовская, в полдесть, данье священника Иева.

л. 103 об.

л. 104

Да книги данье старца Созонта: книга златауст в полдесть, да книга сборник в полдесть, да книга житие Кирила Белозерскаго. Да книга гранограф в десть. Да книга в десть Григорей || Богослов, первая половина восм слов. Да две треоди печятные в десть: одна треод постная, а другая цветная. Да книшка библия в четверть, печать литовская.

л. 104 об.

Да книги данье старца Ефтихия: апостол ветчян в красной кожи, да псалмы Давидовы печатные, обе в полдесть, да чясословец в четверть, да канонник в четверть, да сборник в десть Ивана Златаустаго.

Да книги данье старца Венедикта: книга летописец степенной в десть, да книга в полдесть, писано в ней царские вопросы и соборные ответы от многоразличных церковных чинов. || Да книга главник в полдесть, данье старца Мисаила кириловскаго Кривого клобука. Да книга в десть житие Ивана Златаустаго. Да книга Максим Грек в полдесть. Да книга библия в четверть печятная. Да две книги в полдесть, а в них писана треод цветная. Да книга в полдесть, а в ней писано половина охтая четьре гласа, в затылок поволочена кожею.

л. 105

Да книги бывшего владыки Филофея данье: еуангелъ печятное в десть, да еуангелъ воскресное толковое, да устав в десть, да минея месячная в десть месяц сентябрь, да стихорал в полдесть. || Да книшка певчая в четверть, писано в ней под знамя стихеры и славники. Да псалмы Давидовы в десть, печатные. Да две книги в десть — еуангелисты толковые Марко да Лука. Да восм книг охтаев печятных в десть, по четьре гласы в книге, четьре книги переплетены, а четьре в тетратех не переплетены.

л. 105 об.

Да книги данье старца Никандры: книга библия в десть, да стихарал в полдесть, держан.

Да бывшего игумена Иякова данья книг: книга еуангелие толковое

- л. 106 воскресное печатное в десть, да апостол писмяной в полдесть, да псалтырь с следованием || в четверть, да еуангелъе, московская печать, в десть под камкою таусинною, да апостол печатной в десть, да псалтыр с следованием в полдесть, да псалмы, московская печат, в десть, да чясословец в полдесть, да книга цветки — правила святых отец в полдесть, да книга четья — цветки в полдесть, да книга Дорофеи в полдесть, да книга Исак Сирия в полдесть, да книга минея вопщая в полдесть, да книга чясословец с каноны в четверть, да ирмолой в четверть, да книга каноны в четверть, да две книги в полдесть: еуангелъе да апостол, поволочено камкою вишневою. || Да еуангелъе печатное в десть, да еуангелъе в полдесть, да книга устав в полдесть, поволочен тимом красным. Да книга потребник, да книга Иван Лествичник, обе в полдесть, поволочены тимом красным. Да книга служебник. Да книга патерик печерской, обе в полдесть, поволочены тимом красным. Да псалмы Давидовы, поволочены нерпою черною.

Архив ЛОИИ, Колл. акт. кн. № 2, № 127.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПАМЯТНИК ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

«Грамота государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси к Степану, королю польскому» *

В рукописном сборнике Государственного исторического музея (Музейское собрание, № 1551) мною был обнаружен доныне неизвестный памятник древнерусской литературы под названием «Грамота государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси к Степану, королю польскому»¹. Рукопись № 1551 включает также два первых послания «переписки Ивана IV с князем Курбским» и связанные с ним послания, но она не была использована при издании этих текстов².

Публикуемый памятник, содержание которого я пока не пытаюсь анализировать, интересен в нескольких отношениях. Текст гласит, что послание было написано 1 октября 1579 г. во Пскове. Иван IV действительно был тогда во Пскове³, но в источниках нет упоминаний о таком письме⁴. 28 сентября 1579 г. царь послал грамоту от имени бояр виленскому воеводе Николаю Радзивиллу и троцкому каштеляну Евстафию Воловичу. Но этот ответ на объявление войны Баторием и взятие им Полоцка и Сокола совершенно другого содержания и характера⁵.

В тексте нашего памятника некоторые места сходны с местами в других текстах, опубликованных в «Посланиях Ивана Грозного». В послании Грозного Стефану Баторию от 1581 г. действия польского короля с осуждением сравниваются с поведением мусульманских правителей, и Баторий даже обвиняется в том, что принял «бесермен-

* Автор приносит глубокую благодарность М. А. Толмачевой за помощь в подготовке статьи.

¹ На существование данного текста я указал в описании рукописи № 1551 Музейского собрания для книги: *E. L. Keenan. The Kurbskii — Groznyĭ Aposcrypha: The Seventeenth-Century Genesis of the «Correspondence» Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV.* Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1971, p. 113—114. Во время подготовки описания я не располагал полным текстом, и включенные в книгу комментарии нуждаются в поправках.

² См. «Сочинения князя Курбского», т. I. «Сочинения оригинальные». Под ред. Г. З. Кунцевича. СПб., 1914 («Русская историческая библиотека», т. XXXI); «Послания Ивана Грозного». Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951.

³ См. письмо Ивана IV Стефану Баторию от 21 ноября 1579 г.: «... нам ведомо учинилося про твоего гонца месяца октября в первый день, а мы в ту пору были в своей отчине во Пскове» («Книга посольская метрика Великого Княжества Литовского», т. II. М., 1843, стр. 50).

⁴ Этого послания нет в «Польских делах», хранящихся теперь в ЦГАДА (*Н. Н. Бантыш-Каменский. Переписка между Россиею и Польшею по 1700 год, ч. I. 1487—1584.* — ЧОИДР, 1860, кн. 4, отд. 2, стр. 157—158). С. О. Шмидт любезно проверил, что данного текста нет в «Польских делах». Его нет и в сборнике (конца XVII—начала XVIII в.) документов, относящихся к русско-польской войне 1570-х годов (ГБЛ, ф. 304, Троицкое II собр., № 17), указанном мне Ю. Д. Рыковым; с грамот именно этого сборника А. Н. Попов снял копии, известные редакторам «Посланий Ивана Грозного» (ГБЛ, ф. 236, Бумаги Попова, № 47). В сочинениях современных писателей — М. Бельского, М. Стрыйковского, Р. Гейденштейна, — которые были осведомлены о дипломатической переписке между Польшей и Москвой, сведений о данном тексте также нет. Послание 1579 г. не было известно автору подробнейшего исследования событий того времени В. Новодворскому (*В. Новодворский. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570—1582).* СПб., 1904, стр. 117—118).

⁵ Об этом см.: *В. Новодворский. Указ. соч., стр. 117—118.*

ский обычай»⁶. В нашем послании Баторий в несколько иных словах подозревается в заражении исламом, и его дипломатическая практика представлена худшей в сравнении с практикой мусульманских правителей («А жил еси в державе бесерменской; а такія есмь укоризны. . . не слышали ни от турецкова. . . ни от иных государей»). В послании Баторию 1581 г. и в «посланиях от имени бояр» 1567 г., условно приписываемых перу Ивана IV, есть фразы и цитаты, которые встречаются и в публикуемом памятнике («и помяни же пророческое слово „аще възграеши, яко орел. . .“»; «али всю Рускую землю, яко птицу, рукою своею возмеши. . .»; «не в силе констей благоволит господь, ни в лытках мужеских»)⁷. Наконец, отметим в нашем тексте фразу «и мы его (Курбского. — Д. У.) сыскав изряду, хотели ево казнити», которая напоминает фразу в инструкции Ивана IV его послу в Польшу от 1565 г.⁸ Все эти места наводят на мысль, что автор данного текста или был автором других упомянутых текстов, или имел их в своем распоряжении.

Публикация и исследование истории текстов, приписываемых Ивану IV и князю Курбскому (посланий и «Истории о великом князе Московском»), не могут уже удовлетворить исследователей. В свете новейших изысканий даже традиционная атрибуция «переписки Ивана IV с князем Курбским», возможно, оказывается неточной. Поэтому, мне кажется, что, прежде чем определить публикуемый текст как «новое сочинение Грозного», необходимо исследовать его тщательно и всесторонне, считаясь с возможностью его написания не только в 1579 г., но и позже, в XVII в., приблизительно во время возникновения нашей рукописи.

* * *

В рукописи № 1551 Музейского собрания⁹ 71 лист. Рукопись в четвертку; написана одним скорописным почерком первой половины XVII в. с киноварными заголовками, без переплета. По филиграммам датируется приблизительно 1630-м годом. Начиная с л. 1, кувшинчик с одной ручкой, буквами ОО/МС и полумесяцем над крышкой — близок к № 567 (1628—1630, с вариантами до 1633) у Гераклитова¹⁰; начиная с л. 66, кувшинчик с двумя ручками, буквами ИВ, над крышкой розетка, на основании маленький кружок — близок к № 782 (1628—1630, с вариантами до 1633) у Гераклитова. Обе филиграммы находятся в «Триоди постной», напечатанной в Москве в 1630 г. Пагинация включает арабские цифры, л. 6=65, л. 7=66 и т. д. Так как последний лист рукописи очень грязный и сильно поврежден, можно предположить, что рукопись когда-то находилась в конце сборника большего объема. Не ясно, кончается или обрывается сочинение на л. 71 об.

Содержание сборника следующее.

Лл. 1—4 об. — Прощальное послание митрополита Киприана, текст которого несколько отличается от опубликованного в «Полном собрании русских летописей»¹¹.

Лл. 4 об. — 5 об. — «Приложение» к предыдущему: «По конец же таковыя грамоты писано философскии». Окончание отличается от напечатанного¹²: «но, о многомилостиве Христе Боже наш, благодатию своею в мире и в покоянии исправи живот наш и помилуй нас. Аминь». Далее следует послесловие «По отшествии же сего митрополита. . .», как в опубликованном тексте.

Лл. 6—9 об. — «Грамота князя Андрея Курбского к царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии». По определению Э. Кинана¹³, это текст первой редакции. Варианты частично совпадают с чтениями в рукописи ГПБ, Собрание Погодина, № 1573. Текст «А писанейцо. . . богу ми помогающе» переставлен в самый конец послания. Почти такая же перестановка текста есть и в другом списке первого послания Курбского, не привлеченном в изданиях текста¹⁴. Другой важный вариант окончания первого послания Курбского находится в рукописи, также не привлечен-

⁶ «Послания Ивана Грозного», стр. 217, 219, 221, 223, 230, 232, 235; см. также комментарии Я. С. Лурье, стр. 659—660.

⁷ «Послания Ивана Грозного», стр. 236, 263, 271.

⁸ Сб. РИО, т. 71, стр. 321; ср. стр. 468 (1567 г.).

⁹ Единственное известное мне упоминание об этой рукописи см.: М. Д. Казан. Повесть о двух посольствах. — «Сочинения Ивана Пересветова». Подготовка текста и комментарии А. А. Зимина. Под ред. Д. С. Лихачева. М.—Л., 1956. Приложение, стр. 369.

¹⁰ А. А. Гераклитов. Филиграммы XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963.

¹¹ ПСРЛ, т. XI. СПб., 1897, стр. 195—197.

¹² Там же, стр. 197.

¹³ E. L. Keenan. Op. cit., p. 163—170.

¹⁴ ГПБ, Ф, XVII, 15, лл. 56 об.—57; рукопись середины XVII в., связанная по месту и времени написания с рукописью, известной по прежним изданиям, — ГПБ, Собрание Погодина, № 1573.

ной в изданиях текста ¹⁵. О первоначальном окончании текста см. в упомянутой работе Э. Кинапа ¹⁶.

Лл. 10—30 об. — «Лета 7072-го, цареву, государеву послание во все его Росийское царство на изменников его, на князя Андрея Курбского с товарищи, о их изменах». Это самый ранний список краткой редакции. Многие чтения этого списка отсутствуют в других известных списках краткой, но встречаются в пространной редакции послания. Например: в опубликованном тексте краткой редакции читается «также князем» ¹⁷ «Гучкин» ¹⁸, «обратися» ¹⁹, «убожествовал» ²⁰, а в соответствующих местах нашей редакции — «также и отец твой князь Михайло с великим князем з», «Гучки», «обретаяся», «убожества». Все последние чтения находятся в пространной редакции ²¹. Это значит, что данный список занимает переходное место между известными списками краткой и пространной редакций, хотя в других случаях он уступает известным спискам краткой редакции.

Лл. 31—33 об. — «Лета 7072-го, список с грамоты князя Ондreja Курбского из Литвы в Печеры к старцу Васьяну Муромцову». Начало: «В пречестную обитель. . .» Список важен тем, что называет фамилию адресата. В вариантах он совпадает со списком в рукописи ГПБ, Собрание Погодина, № 1567 ²². В тексте два пробела: «Но о себе. . . лишенному» ²³; «еще. . . хотящися» ²⁴.

Лл. 34—35 об. — «Лета 7072-го, Тимохи Тетерина из Литвы». Начало: «Господину Михайлу Яковлевичу Тимоха Тетерин да Макарко Сарыгозин челом бью. . .» Чтения те же, что в рукописи ГПБ, Собрание Погодина, № 1567 ²⁵.

Лл. 35 об. — 41 — публикуемое послание.

Лл. 41 об. — 59, — «Повесть о двух посольствах» в так называемой «переходной редакции» с полным титулом Максимилиана, но без перефразировок, встречающихся во второй редакции ²⁶.

Лл. 59—70. — «Послание некоего инока к своим родителям». Начало: «Из пресловущия и богом снабдимыя, честныя и великия обители имярек сущее во богоспасаемом граде имярек. . .»

Лл. 70—71 об. — «Словеса воставлятельна к покаянию», сочинение, приписываемое Максиму Греку ²⁷. Начало: «По что во злых пребываем и презираем доброе. . .»

Д. К. Уо (D. C. Waugh)

Грамота государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии к Степану, королю польскому

л. 35 об.

Бог наш троица, иже преже век сый отец и сын и святыи дух ни начала имый ниже конца имать быти и пребывая ныне и присно и во веки веком в три лица славимый и во единстве покланяемый, иже вся от небытия в бытие приведеый, о нем же живем и движемся есмы, сый бог наш подарова нам смиренным содержати скифетр Росийскаго царствия и по его милосердию содержим власть Росийскаго царствия. Мы, великий государь, царь || и великий князь Иван Васильевич, всеа Русии самодержец, Стефану, божиею милостию великому государю, королю полскому и великому князю литовскому, рускому, прускому, жемоитскому, музовецкому, княжате седмиградскому.

л. 36

Мы твою грамоту вычли и вразумели гораздо и взял еси велеречивые уста и зияция * неподобию христианскому, а такая есмя укоризны и

¹⁵ ГБЛ, Собрание Ундольского, № 720 (1630-х годов), лл. 135—136 об. (любезно указано мне Я. С. Лурье). За исключением заголовка и окончания, список Ундольского ближе всего к списку послания в рукописи ГБЛ, Музейное собрание, № 4469.

¹⁶ E. L. Keenan. Op. cit., p. 28—29, 72—74.

¹⁷ РИБ, т. XXXI, стб. 30, строка 12.

¹⁸ Там же, строка 17.

¹⁹ Там же, строки 28—29.

²⁰ Там же, строки 30—31.

²¹ «Послания Ивана Грозного», стр. 29.

²² См., например, прим. 3, 4, 6, 7, 8, 11 и др. в РИБ, т. XXXI, стб. 407.

²³ РИБ, т. XXXI, стб. 408, строки 15—27.

²⁴ Там же, стб. 410, строки 2—4.

²⁵ См., например, прим. 7, 8, 10, 13, 15, 18, 22 и др. в РИБ, т. XXXI, стб. 489—490.

²⁶ «Сочинения Ивана Пересветова», стр. 369.

²⁷ А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека: характеристика, атрибуции, библиография. Л., 1969, стр. 134.

* Из-за грязи плохо читается.

похвалы не слышали ни от турецково, ни от дысаря, ни от иных государей, а где ты в которой земли был, и в тех землях болши тово тебе ведомо и нигде того, чтоб государь ко государю так писал, как ты к нам писал. А жил еси в державе бесерменской, а вера латынская полухристианство, а паны твои || веруют иконоборную ересь люторскую. А ныне слышим, что в твоей земли ариянская вера начинается явно, а где ариянская вера, тут и Христово имя не вмещается, понеже Арий Христову имени истовый враг, и где ариева вера и тут, и Христос ни в кою пользу есть, и не подобает христианством звати и христианы тех людей именovati и о христианской крови тем людем не о чем тужити. Мы же смиренныи во Христа крестихомся, во Христа облекохомся, во Христа веруем, в смерть его крестихомся и христианым по Христовым священным заповедем свойственно есть беды терпети.

И твоя высокая высь к чему приложити? Сам то можешь разумети. И Олександр, царь || македонский, к Дарию царю таковыи высоти не писал. И помяни же пророческое слово «аще възграеши, яко орел, и свеши гнездо свое постреди звезд небесных», и тамо рече пророк, сам конец тому прочти. И паче или иная харанская* пещь на ны възгореся, аз же ти противу тричисленнаго божества тривещанною цевницею. Есть бог силен на небеси, иже может нас взяти от всякия гордыни хвалящися разорению вдати. Тем же помысли и всех хвалащихся Сенахирима и Хоздрю и в недавных летех Темир Аксака и Витовта. Или убо тако речеши: «Не се ли есть град мой великий Вавилон, не рука ли моя сотвори сия вся». Али всю Рускую землю, яко птицу, рукою своею || возмещи или по Курбсково думе нас, яко мщицу, потребиши, которой нас израдил, что хотел нашей смерти, и мы его сыскав изряду**, хотели ево казнити. А то его умышление было и хотел нас извести и иного государя учинити, и нас от того бог поберег, и он от нас отбежал, да и тамо будучи, на нашу голову крымского подымал, и от тово нас бог сохранил, и ныне он подастривает тебя, и ты пишешься благочестив и побожен, и ты не слушай же злочестивых разуму, и себя благочестием и побожеством прослави, а напрасно христианской крови не проливай.

Разумей же сие, к чему тебя Курбской претворил, чтоб нас погубити. Мы со смирением тебе воспоминаем по христианскому обычаю, веть тебя Курбской || напол нам губителя, и ты державою помысла благочестива его злочестия не слушай и тово на себя неподобнаго имени не возводи, но паче украсил благочестивым государем и благочестием.

И коли тебе бог благоволил от таковаго княжества в таком великом государстве быти, и ты по такому государству такия и обычаи христианския поведи, что которые х такому великому государству пригоди. А учнешь с нами и вперед такими укоризны бранитися, ино то знатно, какова еси отечества, таково зделаешь и пишешь. А мы как есть христиане по христианскому обычаю со смирением напоминаем и бранитися с тобою не хотим, занеже тебе со мною бранитися честь, а мене с тобою бранитися безчестье. Тем же, яко Изекея, царь иудин, ко асирискому царю Сенахириму «се раб твой, господи, Изекея», тако же и аз к тебе к Стефану вещаю: «Се раб твой, господи, Иван. Се раб твой, господи, Иван. Се аз раб твой, господи, Иван». Уже ли есмя тебя утешил покорением?

Прочее же господь бысть мене помощник и не убоюся, что сотворит мне человек, и той поставляет царя и князя и властеля во вся страны и дает власть ему же хочет. И никто же приемлет честь о себе, токмо званый от бога приемлет. Яко же хочет бог, тако и сотворит о мене, недостоинном рабе своем, и прославит имя свое святое и рождышая его и всех

* Так в рукописи; быть может, ханаанская?

** Так в рукописи.

святых, благоугодивших ему, иже в Серомсийском * остро||ве, молбами и дароношением и молитвами, приношаемыми по вся часы в славу имени своего святого. л. 39

И ты потому ли нам велик хочешь быти, что нас отчитаешь от Августа кесаря, и ты потому разсуди свое отечество, а нашу низость нам всемогий бог благоволил во всем роду: государствуем от великаго Рюрика 717 лет, а ты вчера на таком великом государстве. В своем роду первое тебя по божей милости обрали народи и станы королевства Польскаго да посадили тебя на те государства устраивати их, а не владети ими. А они люди во свое повольности, а ты им на манстате все земли присягаешь, а нам всемогущая десница божия дала государство, а от человек никто же, || и божиею десницею и милостию владеем своим л. 39 об. государством сами, а не от человек приемлем государство. Разве сын ото отца отеческое наследие по благословию приемлет самовластно и самодержавно? А своим людем креста не целуем, и на что еси прародителей наших на божье суде укорил, и тому тебе будет судитель бог и противник твоей гордости, и они создателю милость умолят и достоянии своего господь бог не оставит, и прародителей наших державы тебе не предаст, и лук твой сокрушитца, и стрелы твои внидут в сердце твое по пророческому словеси. А мы положилися есмя на божию волю, как господь бог воззовет, тако и будет. ||Всии языцы обыдоша мя и именем л. 40 господним противляхся им, обыдоша мя, яко пчелы сот, и разгорешася, яко огонь в терни, и именем господним противляхся им крепость моя и пенie мое, господь бысть мене во спасение.

А ты тако гордынею хвалишися, кабы уже пред собою связана меня видиши, ино в том воля господня, как господь благоволит, тако и будет. А что на мя на одно вооружаешься, крови моей по Курбскаго совету ищешь, и ты первое разсуди то, на что тебя Курбской приводит и в какое безчестие тебя сводит своим советом, но и всемогий бог как воззовет, так и сотворит и свое стадо сохранит от всех полк *, губящих их. Яко же рече пророк: «Слышите убо, || царие, и разумеите, накажитесь вси судящей л. 40 об. земли и гордящейся о народех язык, яко дана бысть вам держава и сила от вышняго».

Сего ради мы, уповая на божью всецедрую милость, ждем и чаем от его всемогущия десницы милость, и державу, и силу, и победу прияти на вся видимыя и невидимыя враги своя. Яко же господь воззовет, тако свое достояние икру благочестия истиннаго христианства, в Росийском царстве сохранит и державу нашу утвердит от всяких лвов, пыхающих на ны. А ты на что уповаешь? Как хочешь, так и живы, понеже бо не в силе констей благоволит господь, ни в лыстках мужеских. Благоволит л. 41 господь на боящихся его || и на уповающих на милость его, а мы надежу свою и волю и живот свой положили на всемогущаго бога. Яко же святей его воли о нас недостойных, тако и будет, яко от него держава, и сила, и власть, и область. Буди имя господне благословено отныне и до века, буди, господи, милость твоя на нас, яко же уповахом на тя.

Писан в нашей отчине во граде Пскове лета от создания миру 7088-го октября в 1 день, индикта 8-го, государства нашего 45-го, а царств наших росийскаго 32-го, казанскаго 28-го, астраханскаго 25-го.

ГИМ, Музейское собр., № 1551, лл. 35 об. — 41.

* Так в рукописи.

СТАТЬЯ В. Г. КОРОЛЕНКО «О СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ» (1906 г.)

Статья «О современном положении» заметно выделяется среди публицистических произведений, созданных выдающимся русским писателем В. Г. Короленко в эпоху революции 1905—1907 гг. От множества очерков, корреспонденций и заметок, напечатанных им тогда в журнале «Русское богатство», в газетах «Полтавщина», «Русские ведомости», «Киевские вести» и др., ее отличает необычная для подобных работ писателя концентрация мыслей и суждений о русской действительности и исторических судьбах страны. Не случайно к ней проявляли особый интерес исследователи¹. Некоторые не ограничивались упоминанием и даже цитировали ее, хотя доньше она была доступна для изучения лишь в рукописи².

В этом произведении, как и в других работах 1905—начала 1906 г., В. Г. Короленко стремится вскрыть исторические корни кризиса российской государственной системы. Этот характерный подход к современной проблематике неоднократно давал ему возможность ярко подчеркнуть значение революционных событий для будущего. Суждения писателя о значении революционных сдвигов в жизни страны тесно переплетены с его верой в неизбежную гибель царизма. «Перед русским обществом и перед русским народом все явственней встает загадка его существования, и возврата уже нет и быть не может», — писал он в статье «Девятое января в Петербурге»³. Приветствуя революцию, В. Г. Короленко высоко ставил «развивающееся сознание народных масс», восставших против самодержавия. И после декабрьского поражения революции В. Г. Короленко продолжал верить в ее будущий успех. Его публицистика этого периода — важный материал для глубокого изучения оценки передовой русской интеллигенцией революционных событий 1905—1906 гг.⁴

Статья «О современном положении», принадлежащая к этой части публицистического наследия В. Г. Короленко, содержит своеобразный экскурс в историю России, освободительного движения XIX в. Можно проследить, как тесно смыкаются в нем некоторые излюбленные мысли писателя, развитые им в других работах этого периода: биографии народника И. Н. Мышкина⁵, в статье «Роковой путь»⁶, в неопубликованной статье «Аграрный вопрос»⁷, в речи на Всероссийском съезде журналистов, напечатанной под заголовком «Современное положение и печать»⁸. Одной из основных является мысль о борьбе с беззаконием, которую В. Г. Короленко усиленно проводил в прессе начиная с 90-х годов. «Законного порядка не будет, пока фактически будет существовать самодержавие», — такой ясный вывод писатель делает и в статье «О современном положении».

¹ Г. А. Бялый. В. Г. Короленко. М.—Л., 1949, стр. 272—273; Р. П. Маторина. Архив В. Г. Короленко. — «Записки Отдела рукописей» ГБЛ, вып. 11. М., 1950, стр. 34—35; П. С. Карасев. Общественно-политические взгляды В. Г. Короленко в эпоху первой русской революции и его публицистика. — «Ученые записки ЛГУ», 1960, № 284, вып. 57, стр. 41—43; и др.

² Хранится в личном фонде писателя (ГБЛ, ф. 135, раздел I, к. 15, ед. хр. 849, 10 л.).

³ «Русское богатство», 1905, № 1, стр. 166.

⁴ П. С. Карасев. Указ. соч., стр. 28—52.

⁵ В. Г. Короленко. И. Н. Мышкин (К биографии и характеристике). Публ. и комм. Н. Н. Митрофанова. — «Дон», 1967, № 9, стр. 170—189.

⁶ Впервые напечатана в газете «Неделя», 10—16 января 1965 г., № 3, стр. 6—7 под заголовком «Царь стреляет в народ». Перепечатана в парижской газ. «Русские новости» (на рус. яз.), 29 января 1965 г., № 1024 под заголовком «Ширрова победа».

⁷ ГБЛ, ф. 135, раздел I, к. 15, ед. хр. 850.

⁸ «Право», еженедельная юридическая газета. [СПб.], 10 апреля 1905 г., № 14.

В архиве писателя не обнаружено сведений об отсылке или передаче статьи какому-либо печатному органу. Судя по тому, что о С. Ю. Витте как главе правительства упоминается в прошедшем времени и одновременно сказано лишь об «исходе первых выборов», но еще не о заседаниях I Государственной думы, следует отнести создание рукописи на дни с 23 по 26 апреля 1906 г.⁹

Такая датировка существенно отличается от датировки, предложенной Р. П. Маториной, — лето 1906 г.¹⁰ Определенным основанием для этого, по-видимому, послужила телеграмма из Вены, полученная писателем 12 июля 1906 г. от сотрудника газеты «Neue Freie Presse» Н. Голанта, просившего срочно прислать статью о «взгляде на развитие России после роспуска Думы»¹¹. Однако невозможно представить, чтобы Короленко, взявшись выполнить эту просьбу, не уделил ни слова событию, ради которого следовало писать. Сама концовка статьи невозможна для лета 1906 г., когда после разгона Думы мысли о «мирной реформе», о «близком к обновлению строе» не могло оставаться даже у самых прекрасодушных представителей либеральной оппозиции.

Некоторые текстуальные и смысловые соответствия рукописи работам В. Г. Короленко, написанным весной 1906 г., говорят в пользу новой датировки. Так, в отчете для «Русского богатства» писатель связывает с «критическим днем» созыва Думы надежды на то, что история готова произвести «некую операцию», после которой «правительство, организованное по типу азиатских деспотий, должно отойти в вечность»¹². Соответствующие абзацы о деятельности Сперанского, первом Своде законов, поражениях под Ляояном и Цусимой, аналогичные встречающимся в статье, содержатся в корреспонденции, посланной в Полтаву 30 апреля 1906 г.¹³

Для кого же писалась статья «О современном положении»?

Начало текста содержит вопрос, заданный писателю, вопрос, стандартный для дней, предшествующих открытию «первого русского парламента», когда каждая газета интересовалась мнениями о современной России, «диагнозом» ее кризиса. Необычно то, что ответ построен, очевидно, в расчете на иностранного читателя. Об этом говорят аргументация и ссылки на факты, ярко и доходчиво представляющие исторические моменты развития страны, отсутствие понятий и слов, которые могли бы служить препятствием при переводе.

На мысль о том, что статья писалась для иностранной прессы, наводит сохранившийся в архиве писателя черновик его записки на французском языке корреспонденту английской газеты «Daily Mail» Лайонелу Дэклу (Lionel Declé)¹⁴. Ссылаясь на крайнюю занятость, Короленко тем не менее говорит о возможности встречи, во время которой следует обсудить «все интересующие вопросы». В конце письма писатель сообщает свой домашний адрес: Троицкая, д. 11, кв. 22. Это петербургский адрес близкого друга Короленко — Н. Ф. Анненского, у которого он жил в конце апреля 1906 г. К сожалению, текст записки не даёт оснований для определения темы беседы, которая должна была состояться между Короленко и Л. Дэклом. И хотя не исключено, что разговор мог касаться заказа данной статьи, вопрос о ее точном предназначении остается пока невыясненным из-за недостатка документальных свидетельств.

Автограф статьи В. Г. Короленко хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в виде тетради из 10 листов размером 21,0 × 13,0. Статья печатается без сокращений, текст передан в соответствии с правилами современной орфографии с устранением явных ошибок и описок. В квадратные скобки взяты места, установленные по смыслу.

Н. И. Митрофанов

⁹ 23 апреля 1906 г. был опубликован высочайший рескрипт от 22 апреля, официально возвестивший об отставке Витте («Русские ведомости», 23 апреля 1906 г., № 109). Другая граница предлагаемой датировки — 27 апреля 1906 г. — день открытия I Государственной думы. Это событие оставило большой след в статьях и письмах писателя; о начале работы думы Короленко написал восемь корреспонденций для газеты «Полтавщина» (напечатаны 26 апреля, 3, 4, 9, 14, 16, 17, 25 мая. Подпись: «Полтавец») и статью для «Русского богатства» (1906, № 5, отд. II, стр. 138—152).

¹⁰ Р. П. Маторина. Указ. соч., стр. 35.

¹¹ ГБЛ, ф. 135, разд. II, к. 21, ед. хр. 16, л. 4. Текст на немецком языке.

¹² «Русское богатство», 1906, № 5, отд. II, стр. 139.

¹³ «Полтавщина», 4 мая 1906 г., № 40. На некоторые текстовые совпадения, подтверждающие новую датировку, указано в примечаниях к данной публикации.

¹⁴ ГБЛ, ф. 135, разд. II, к. 2, ед. хр. 39, л. 1. Записка рукой неизвестного лица, датирована В. М. Федоровой весной 1906 г. («Описание писем В. Г. Короленко». Сост. В. М. Федорова. М., 1961, стр. 132).

Вы желаете знать, каково мое мнение о настоящем положении России. Прежде всего должен сказать, что я не член партии и не считаю себя компетентным в вопросах активной политики. Я писатель и политический партизан, сражающийся при помощи пера в отдельных стычках за то, что считаю неоспоримым правом человека и гражданина¹.

Поэтому не ждите от меня предсказаний. Диагноз? Он довольно прост: русский народ — народ живой и способный, живущий географически и исторически на рубеже Европы и Азии. Некоторые стороны его жизни давно проникнуты началами европейской гражданственности, но государство насковзь пропитано началами восточного деспотизма, отголосками времен Чингисханов и Тамерланов. Современный кризис есть борьба этих противоположных начал. Русское самодержавие в продолжение своей истории то делало шаг в направлении просвещенного абсолютизма, то возвращалось к азиатской деспотии. Реф[ормы] Петра, некоторые меры Екат[ерины] II, Свод законов, изданный при Алекс[андре] II², дали остоу монархии, управляемой якобы на точном основании законов, но все последующие русские цари, не исключая и Екат[ерины] и Александра II, под конец царствования склонялись решительно в сторону деспотии. Основной чертой этой тенденции является то, что верховная воля, источник законодательства признается отчуждаемой в пользу сатрапов, которые якобы олицетворяют «сильную власть»³.

Теперешние министры ссылаются перед Европой на необходимость исключительных мер, вызываемую волнениями. Это неверно: распространение исключит[ельных] положений началось уже при Александре II, росло при Алекс[андре] III, при нынешнем государе охватило всю Россию и стало общим правилом еще задолго до войны и революции. И направлены эти исключительные меры не против крайних действующих партий, а против всякой оппозиции. Во времена спокойствия и подавленного настроения общества оно расширялось потому, что самое спокойствие приписывалось режиму репрессий. Во времена волнений оно признавалось необходимым для их подавления. Это вечный заколдованный круг деспотического режима.

В 1891 году император Алекс[андр] III посетил Москву, где обратился с речью к дворянству. Эту речь можно и теперь прочитать в официальной передаче в сотнях тысяч тогдашних газет. Она начиналась словами: «Слава богу, десять лет прошли благополучно». 1891 и 1892 годы отмечены страшным голодом, описания которого потрясали людские сердца во всем мире. За голодом пришла холера с холерными бунтами, во время которых темная толпа убивала и сжигала живьем докторов и сиделок, а в нее стреляли, а затем десятки бунтовщиков были закрытыми судами приговорены к смертной казни.

И именно в это время русский самодержец провозгласил *urbi et orbi* *, что в его стране все благополучно⁴. Это значит, что между центром управления и народной жизнью порвались чувствительные нервы; благополучие государства превратилось в благополучие полицейского участка: голоса недовольных подавлены, покушений нет, протестанты разосланы в Сибирь. Народ голодает, умирает массаами от холеры...

Все благополучно!

Нет сомнения, что только такого «благополучия» может добиться и теперешнее правительство. Исключительные законы нужны ему затем, чтобы подавить революцию. Потом они будут нужны, чтобы революция не возобновилась. И всегда — будут применяться потому, что таково орга-

* *urbi et orbi* — городу и миру; ко всеобщему сведению (*лат.*).

ническое свойство русской деспотии: она умеет бороться только при помощи беззаконий. Потребуйте строгого, но всестороннего применения закона, и русское правительство объявляет, что оно бессильно. Законного порядка не будет, пока фактически будет существовать самодержавие. А пока не будет законного порядка, до тех пор под покровом произвола будет расти то благополучие, которое в 1891—[9]2 году провозгласил русский государь, уверенный, конечно, что говорит правду...

Разница лишь в том, что теперь терпение благополучного народа истощилось и уже невозможно поддерживать в стране даже внешний вид спокойствия...

Что будет дальше? Не знаю. Если не закрывать глаза на уроки недавнего прошлого, то придется признать следующее: огромное большинство народа против существующего режима. Это не подлежит никакому сомнению ввиду исхода первых выборов⁵. Но у народа еще нет привычки для согласных и планомерных действий, что понятно, если принять в соображение, что самые лояльные по целям общества в России обставлялись самыми невозможными условиями.

Ничтожное меньшинство народа — за старый порядок, и притом это меньшинство поддерживается всем еще не вполне расстроившимся аппаратом государства. В союзе эти две силы оказались пока достаточны, чтобы подавить активные выступления оппозиции. Теперь, не довольствуясь подавлением активных восстаний, они идут походом на всякую оппозицию, даже самую умеренную и лояльную. Чтобы ни говорили гг. министры, смысл этого похода несомненен. Это есть тяготение русской монархии к началам азиатской деспотии. Жизнь не допускает застоя, то, что не движется вперед, идет назад. Между конституцией и деспотией середины нет, а если она и была, то время для нее упущено.

Возможна ли победа и хотя бы сколько-нибудь продолжительное торжество деспотии? Сомневаюсь. Русская жизнь давно раздвоилась: то, что было вверху, идет вниз. То, что едва виднелось внизу, поднимается кверху.

Это деспотия и народовластие.

«Европейская» оппозиция была очень слаба, когда выступила с декабристами в 1825 году против Николая I, еще незаметнее была она в 1848 году, выступая с петрашевцами, и только суеверным предчувствием неизбежной гибели можно объяснить трусливую жестокость, с какой этот лепет русского бунта подавлялся могущественным правительством (напр[имер], смертный приговор Достоевскому). Реформы Алекс[андра] II на время дали легальный исход накопившимся силам. Среди реакции семидесятих годов молодое русское просвещение на свой страх и риск дало правительству большую битву и было побеждено, так как за ним не было народных масс. Теперь массы уже в движении, и чашки весов, на которых взвешиваются судьбы азиатской деспотии и европейского демократичес[еского] строя в России, уже стали и теперь стоят ровень, вздрагивая и колеблясь во временном равновесии...

Которой суждено подняться кверху и которой скрыться в темноте и забвении? То, что падало столько времени, что упало до Ляояна⁶ и Цусимы⁷, до позора японской войны и небывалых поражений, то, очевидно, уже осуждено историей. То, что поднималось, будет подниматься. Это не подлежит сомнению, и наши дети скоро вздохнут воздухом свободы.

Вопрос только в ближайших судьбах борющегося поколения. Подавлять спорадически вооруж[енные] восстания русское правительство еще может. Править оно не может давно. А в этом все решение вопроса. Что бы ни ждало нас в ближайшем будущем, какими бы ужасами ни ознаменовал себя уходящий строй, нет сомнения, что еще год-два такой дезорганизации, как теперь, и судьба самодержавия совершится.

Идеальный исход, конечно, в том, чтобы из среды правительства еще раз, как во времена Петра и двух Александров, выделились хоть на время люди, способные понять положение вещей и пойти навстречу общественным стремлениям и исторической неизбежности. Первым отличительным признаком такого провиденциального правительственного человека было бы категорическое признание, что закон должен ограждать не только «власть» от нападений со стороны общества, но и общество от посягательств представителей власти. И не только платоническое признание (это было у Свят[ополка]-Мирского⁸ и Витте⁹), но и действия в этом направлении. Нужна железная рука, чтобы обуздать распущенные и развращенные безответственностью бюрократические кадры, нужна железная воля и обаяние, чтобы овладеть изменчивыми настроениями двора. Нужна, одним словом, частичная революция вверху, которая одна могла бы еще спасти весь этот «верх» от крушения.

Такой исход мыслим, но маловероятен. Самодержавие, некогда выдвигавшее людей с чутьем и талантом, теперь поражено бессилием, и нигде на правит[ельственном] горизонте не видно ни одной могучей фигуры с сознанием истинного положения вещей и с достаточной силой для проведения этого сознания в жизнь...¹⁰

А между тем это единственный теперь шанс для более или менее мирной реформы, для того чтобы скристаллизовать близкий к обновлению строй около монархии.

ГБЛ, ф. 135, разд. I, к. 15, ед. хр. 849, лл. 1—10.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В. Г. Короленко неоднократно подчеркивал в печати и переписке свою внепартийность, связывая с ней возможность в любой момент независимо выступить в защиту гражданских прав человека. Возникновение автохарактеристики, приводимой в статье, относится к 1885 г. (*В. Г. Короленко. История моего современника. Подготовка текста и примечания А. В. Храбровицкого. М., 1965, стр. 1018*). В марте 1906 г. В. Г. Короленко обратился с письмом в редакцию газеты «Русские ведомости», в котором следующим образом комментировал известие о выдвижении партией кадетов его кандидатуры в выборщики в Государственную думу: «К партии к.-д. я не принадлежу, как не принадлежу ни к какой другой из действующих ныне политических партий. По многим причинам я уже ранее решил не выставлять свою кандидатуру в нынешней избирательной кампании, оставаясь внепартийным писателем того направления, которому служу уже много лет» («Русские ведомости», 22 марта 1906 г., № 79; то же в кн.: *В. Г. Короленко. Избранные письма, т. 2. М., 1932, стр. 245*).
- ² Первое издание «Свода законов Российской империи» вышло в свет в 1832 г., т. е. в царствование Николая I.
- ³ «Сильную власть у нас никогда не понимали иначе, как силу произвола», — писал В. Г. Короленко в дни открытия первой Государственной думы, припоминая деятельность М. Т. Лорис-Меликова, который с согласия Александра II разрабатывал проекты ряда экономических реформ и одновременно расширял применение «административного порядка» и наказаний без суда («Русское богатство», 1906, № 5, отд. II, стр. 141).
- ⁴ Оценивая стихийные движения начала 90-х годов XIX в. с исторической точки зрения, В. Г. Короленко сделал в дневнике сходную запись 19 декабря 1894 г.: «... Число отдельных бунтов, вспышек и беспорядков возросло до таких размеров, каких не бывало в конце крепостного права. Бунт военных поселений — шутка перед нашими холерными беспорядками 92 года, — ничего подобного Россия не видала со времен Пугачева и волжской вольницы. И что всего хуже, — в этих холерных бунтах проглянуло огромное массовое инстинктивное недоверие к власти. . . А непонимание обстоятельств в дубовом царе доходило до того, что тотчас после голода, во время самой холеры — он говорил в Москве дворянам — и все газеты перепечатали эти ужасные слова: «Слава богу, десять лет прошли благополучно!»» (*В. Г. Короленко. Дневник, т. 2. Полтава, 1926, стр. 319*).
- ⁵ Выборы в I Думу проходили в феврале—марте 1906 г. в обстановке правительственных репрессий. Отмечая это, Короленко писал: «... Бесправные до сих пор массы горожан и крестьян, несмотря на давление администрации, полиции, земских начальников, усмирителей всякого ранга, сумели все-таки высказать независимое мнение: в лице этих людей, избранных в разных концах страны, во дворец екате-

- рининского фаворита (Таврический дворец. — *Н. М.*) вступает единодушная русская оппозиция. И чем несовершенней была система выборов, чем более было приложено стараний для того, чтобы исказить народное мнение, чем более устранились сознательные и решительные группы населения, тем все-таки выразительнее этот результат: Россия не хочет больше жить под азиатским произволом. . .» («Русское богатство», 1906, № 5, отд. II, стр. 139—140).
- ⁶ Ляоянское сражение 11—21 августа (24 августа—3 сентября) 1904 г., в результате которого русская армия под командованием генерала А. Н. Куропаткина отступила к Мукдену, вызвало рост революционных настроений в стране и усиление оппозиции либеральной буржуазии. Личности командующего был посвящен очерк В. Г. Короленко «Возвращение генерала Куропаткина» («Современность», 1906, № 1, март, отд. II, стр. 141—147; то же в кн.: *В. Г. Короленко. Собрание сочинений*, т. 9. М., 1955, стр. 696—703).
- ⁷ Цусимское сражение 14—15 (27—28) мая 1905 г. у острова Цусимы в Корейском проливе между русской эскадрой под командованием вице-адмирала З. П. Рожественского и японским флотом.
- ⁸ Святополк - Мирский П. Д. (1857—1914) — с августа 1904 по январь 1905 г. — министр внутренних дел. Стремясь ослабить нарастающий революционный кризис, привлечь на сторону царизма буржуазную оппозицию, проводил политику заигрываний с либералами. Политика Святополка-Мирского («эпоха доверия») потерпела провал.
- ⁹ Витте С. Ю. (1849—1915) — с октября 1905 по апрель 1906 г. — председатель Совета министров. Вел переговоры с лидерами либеральной буржуазии с целью привлечения их в правительство; одновременно организовывал все реакционные силы для борьбы с революцией.
- ¹⁰ Об этом же В. Г. Короленко писал в январе 1906 г. в статье «Наши „государственные люди“ и новый гульский инцидент», начинающейся словами: «Официальная Россия поражает теперь полным отсутствием государственных умов» («Современные записки», 1906, № 1, отд. II, стр. 142; то же в кн.: *В. Г. Короленко. Собрание сочинений*. Изд. А. Ф. Маркса. Т. VI. Пб., 1914, стр. 366).

ДОКЛАД М. Н. ТИХОМИРОВА 1960 Г. О СОСТАВЛЕНИИ СВОДНОГО КАТАЛОГА ДРЕВНИХ РУКОПИСЕЙ

В личном фонде академика Михаила Николаевича Тихомирова в Архиве АН СССР имеется текст его выступления на общем собрании Археографической комиссии 25 октября 1960 г. о составлении Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Это машинопись со значительной авторской правкой чернилами, с характерными для стиля М. Н. Тихомирова элементами разговорной речи.

М. Н. Тихомиров выступил инициатором составления «Сводного каталога древних рукописей», обосновал основные принципы и практические приемы этой большой работы, ощутимые результаты которой в настоящее время уже достаточно заметны. Дело это привлекло серьезное внимание историков, филологов, искусствоведов, работников научно-исследовательских институтов, архивов, музеев, библиотек, преподавателей и учащихся вузов¹. В настоящее время под руководством Археографической комиссии ведется работа по составлению «Сводного каталога рукописей до конца XV в. (включительно)» (выпуски славянский, греческий, латинский). Некоторые первоначальные рекомендации в ходе работы изменены и дополнены в соответствии с практическим опытом описания рукописей в различных хранилищах, но основные положения, сформулированные М. Н. Тихомировым, сохраняют свою несомненную научную ценность. Включение в Сводный каталог рукописей XV в. сделано также по предложению М. Н. Тихомирова, высказанному им незадолго до кончины.

Публикуемый материал — значительная страница отечественной истории археографии.

Рукопись подготовлена к печати И. П. Старовойтовой.

М. Н. Тихомиров

О Сводном каталоге уникальных рукописей

В архивах, библиотеках и музеях СССР сосредоточены обширные богатства письменности на языках различных народов. Среди них прежде всего должны быть отмечены рукописи и печатные книги по истории России, Украины и Белоруссии, а также по истории южных и западных славянских стран и их соседей, в частности Молдавии и Румынии. Но этим не ограничиваются богатства письменности, сосредоточенные в хранилищах СССР. В них имеются замечательные собрания армянских, грузинских, таджикских, узбекских и других рукописей. Особо следует отметить собрания греческих и западноевропейских манускриптов. СССР вправе гордиться своими архивными богатствами, накопленными и сохраненными для науки, своей мировой сокровищницей письменности.

¹ См. Н. Б. Шеламанова. Составление «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР». — «Археографический ежегодник за 1968 год». М., 1969, стр. 447; она же. Сопровождение по составлению Сводного каталога славяно-русских рукописей XI—XIV вв. — Настоящий том, стр. 384—391.

По богатству и разнообразию памятников, хранящихся в СССР, наша страна стоит на одном из первых мест на земном шаре.

Однако эти рукописные богатства требуют внимания и недоступны без соответствующей обработки. Многие рукописи сделались уже достоянием науки, но сведения о них разбросаны в различных печатных изданиях, а также в рукописных каталогах. Общего сводного каталога даже древнейших уникальных рукописей, хранящихся в СССР, пока же не существует. Это порождает множество неудобств для научной работы историков, лингвистов и историков литературы. Всякий раз исследователь должен заново выяснять по литературе и каталогам, где хранится та или иная рукописная книга, какая существует о ней литература и т. д. В силу этого нередко происходит недооценка значения той или иной рукописи; порой даже издаются памятники менее ценные, по сравнению с теми, которые можно было бы издать при полном знакомстве с рукописным фондом страны; научные выводы также иногда оказываются неполными и неточными.

К тому же за последние десятилетия некоторые ценнейшие рукописи переменили свое местожительство. Иногда их передавали из одного хранилища в другое под новыми названиями, меняли библиотечные номера и т. д. Только недавно, например, было установлено место, где хранится роскошный экземпляр «Елисаветградского» евангелия, получившего свое название от города, известного теперь под иным названием. Даже количество древнейших рукописей, хранящихся в архивах, библиотеках и музеях, до сих пор не установлено с точностью. Помочь выявлению письменных богатств народов СССР и призван Сводный каталог рукописей.

Составление такого каталога не только поможет научному изучению рукописей, но и имеет охранные цели, примерно такие же, какие преследует список выдающихся архитектурных памятников, взятых под государственную охрану. Внесенные в каталог рукописи тем самым становятся на общий государственный учет, что должно обеспечить тщательность их хранения в безопасных от пожара и порчи условиях.

К сожалению, случаи утери рукописей уникального характера до сих пор еще имеют место. Так, только недавно установлено, что уникальная рукопись XV столетия, в которой помещено замечательное произведение XIII в. «Слово о погибели Русской земли», хранится в Псковском областном архиве. До этого времени рукопись «Слова» считалась утерянной. Недавно только было установлено и место хранения другой уникальной рукописи XV в., содержащей «Слово» инока Фомы о тверских великих князьях. Одно время даже Остромирово евангелие 1057 г., первый датированный русский памятник, подверглось опасности уничтожения.

Случаи эти показывают, что с хранением рукописей дело обстоит не везде благополучно. Это, в первую очередь, объясняется тем, что в библиотеках, архивах и музеях не всегда должное внимание обращается на особо тщательное хранение единственных и ценнейших экземпляров. Замечательные и драгоценные рукописи иногда бесхозяйственно хранятся в деревянных шкафах, на открытых полках, даже в подвалах.

В связи с этим следует сказать несколько слов об одном спорном вопросе, волнующем работников архивов и библиотек. Некоторые работники архивов и библиотек считают, что наилучшим способом хранения рукописей было бы их сосредоточение в одном надежном месте. Но с такой постановкой вопроса нельзя согласиться по двум причинам.

Во-первых, сосредоточение всех рукописных богатств в одном месте крайне опасно, так как самые лучшие системы охраны не могут спасти хранилище от внезапных стихийных бедствий (например, землетрясение, взрыв и пр.). Такое бедствие явилось бы настоящей катастрофой для письменных богатств.

Во-вторых, нельзя согласиться с проектами сосредоточения рукописей только в центре и по деловым соображениям. Это решительно противоре-

чит заботам партии и правительства о поднятии культуры местных центров. Нельзя же всю научную работу над рукописями свести только к немногим центрам, лишив научных работников больших городов возможности изучать рукописное наследие, сделать его достоянием только больших центров. Дорогостоящие командировки в Москву и другие города для просмотра рукописей фактически сделают наши письменные богатства недоступными для всех научных работников, за исключением столичных ученых.

При общем повышении культуры и создании крупнейших научных центров в союзных республиках и больших городах (Ленинград, Свердловск, Новосибирск и др.) задача состоит в том, чтобы организовать правильное и надежное хранение письменных богатств на местах, так, как это делается во всех странах мира. Ссылки же на то, что только в центрах можно хорошо и безопасно хранить рукописи, опровергаются хотя бы фактами знаменитых краж в картинных галереях Англии и Франции (похищение «Джоконды», портрета герцога Веллингтона и пр.).

К тому же скопление научных работников в центральных учреждениях приводит к нежелательной тесноте в читальных залах. Некоторые музеи в связи с этим сокращают время часов занятий, сводя его до минимума. Составление Сводного каталога уникальных рукописей позволит наладить хранение их на местах в должном порядке, предотвратит ненужные траты на командировки и стимулирует работу историков и лингвистов на местах.

Конечно, составление каталога может быть выполнено только при помощи работников рукописных хранилищ, общую же организацию такой работы и выработку типа описания рукописей должны взять на себя учреждения Отделения исторических наук АН СССР. Пока этим вопросом занимается только Археографическая комиссия при Отделении, но естественно, что такая объемная работа, как составление Сводного каталога, не может быть выполнена силами небольшого коллектива этой Комиссии, а потребует участия в ней и других учреждений. Согласие оказать помощь Комиссии дали учреждения Отделения исторических наук: Институт истории, Институт славяноведения, Институт народов Азии и др. Но основная работа будет производиться учреждениями, хранящими рукописи. В настоящее время к составлению Сводного каталога рукописей приступают такие учреждения: Институт истории АН УССР (Киев), Академия наук Узбекской ССР (Ташкент), Матенадаран — дом древней книги (Ереван), Центральный государственный архив древних актов — ЦГАДА (Москва), Государственный исторический музей (Москва), Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва), Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) и др.

Наибольшую трудность на первом этапе работы по составлению Сводного каталога представляет собой выработка типа описания каждой рукописи.

Такое описание, естественно, должно давать понятие о рукописи в целом и в то же время сообщать сведения в возможно коротком, прямо сказать, лапидарном виде. Между тем рукописи совсем не единообразны и по своей внешности и по содержанию. Отсюда проистекает большое разнообразие в требованиях, предъявляемых к описанию рукописей на различных языках в зависимости от их происхождения и времени написания.

Возьмем хотя бы такой с виду простой вопрос, как название рукописи. Славянские рукописи часто имеют определенные названия (летопись, минея и пр.), хотя во многих случаях и славянские рукописи состоят из нескольких произведений. В этих случаях рукопись обычно условно обозначают названием «Сборник», иногда с уточнением его содержания (Сборник поучений, повестей и пр.).

Для восточных рукописей такого рода обозначения оказываются не вполне удобными. По словам Р. Н. Набиева (Академия наук Узбекской ССР), «названия восточных рукописей, которые во многих случаях не дают представления о содержании, должны сопровождаться кратким указанием на содержание рукописи (история, география, медицина, мемуары и т. д.), сначала арабским письмом и повторением на общепринятой транскрипции и последующим переводом на русский язык».

Подобного рода вопросы возникают и возникнут при составлении описаний рукописей для Сводного каталога и на других языках. Это дело специалистов.

Конечно, работа над составлением Сводного каталога рукописей — дело сложное и долгое. Начать эту работу сразу по всему рукописному фонду затруднительно.

Поэтому на первых порах предполагается организовать работу по составлению Сводного каталога славянских рукописей, написанных до 1400 г. (славянские рукописи X—XIV вв.). Возможно, удастся одновременно начать работу и по составлению Сводного каталога греческих, латинских, восточных (на арабском алфавите), армянских и грузинских рукописей.

Конечно, дата 1400 г. является абсолютно условной и может быть изменена для рукописей на других языках. Для русских же, украинских и белорусских рукописей эта дата является наиболее удобной по той причине, что количество рукописного материала по истории России, Украины и Белоруссии для XV в. несравненно большее, чем для всех предыдущих столетий. В описании рукописей, помещенных в Сводном каталоге, следует дать ответ на следующие вопросы.

Во-первых, надо отметить дату, когда написана рукопись. Эта дата выставляется впереди других показателей, как прямая (например, 1236 г.), так и общая (например, XII в.).

Название рукописи дается кратко с сохранением традиционного названия (например: Евангелие Остромирово, Коран и пр.). Обязательно указывается тот язык, на котором написан данный памятник (русский, армянский и пр.). Для каждой рукописи отмечается ее формат и количество листов, а также материал, на котором она написана (пергамен, бумага и пр.). Почерк рукописей обозначается общепринятыми терминами (например, для славянских рукописей: устав, полуустав, скоропись); отмечаются и записи, если они дают особые указания о времени и обстоятельствах написания рукописи. Отмечаются украшения рукописи (орнамент, миниатюры и пр.), а также переплет и его особенности (доски в коже и пр.). В заключение сообщаются краткие библиографические сведения о данной рукописи, ее шифр и условия ее хранения (в сейфах, на полках и пр.). Конечно, эти краткие сведения об описании рукописи в Сводном каталоге имеют только информирующее значение. Для составления карточек Сводного каталога в настоящее время подготовляются правила их составления.

В настоящее время трудно представить себе все размеры работы, связанной с составлением Сводного каталога даже древнейших славянских рукописей. Но такую работу пора начать и вести параллельно с составлением Сводного каталога славянских, восточных, греческих, латинских и других рукописей. Конечно, эту работу лучше всего координировать по соглашению с учреждениями союзных академий, организовав в центре небольшой орган при Отделении исторических наук, временно поручив руководство работой Археографической комиссии как инициатору всего начинания. В конечном итоге не потребуется и большого количества затрат для создания, выработки и напечатания соответствующих карточек и инструкций; ведь это давно уже делается крупными библиотеками и музеями.

Опаснее всего в этом деле было бы с самого начала заниматься раздуванием штатов, создавать подобие какого-либо института и [ли] сектора, хотя для координации работы и для командировок на места все-таки понадобится небольшой штат, на первых порах из нескольких сотрудников.

Очень ценным явился бы также созыв совещания заинтересованных ученых всех союзных учреждений, занимающихся хранением и описанием рукописных богатств. Это могло бы помочь развертыванию работ по охране, собиранию и хранению мировых письменных богатств нашего Союза на местах. Начало работ по составлению Сводного каталога рукописей имеет большое культурное значение как крупное мероприятие, касающееся всех народов нашей безбрежной Родины, как начало трудов по приведению в порядок великих богатств письменности, хранящихся в СССР.

Конечно, все сказанное выше дает только некоторое понятие о тех трудностях, которые возникнут при составлении Сводного каталога, пока только каталога древнейших рукописей, но сейчас, может быть, не лишне было бы приступить к выяснению того, что надо считать уникальной рукописью или книгой и для более поздних времен, вплоть до нашего времени. В частности, историкам пора поставить вопрос о привлечении к вопросам хранения и воспроизведения рукописей и книг наших крупнейших специалистов: химиков, оптиков и т. д. Пока делом консервации и восстановления рукописей и книг занимается только небольшая лаборатория при О[тделении] и [сторических] н[аук], существующая в Ленинграде и несколько лет тому назад подвергавшаяся угрозе закрытия.

Между тем эксперименты над рукописями иногда производятся без глубокого изучения тех последствий, которые может оказать на рукописи действие теплоты при съемках и при изменении условий хранения.

Во второй половине прошлого столетия для прочтения некоторых записей древних рукописей употребляли какой-то химический состав, окончательно сделавший эти записи не читаемыми. Есть ли какая-либо гарантия того, что и некоторые наши средства «оживления» текстов будут безвредными. Невольно ставишь этот вопрос. А что сделать с хранением документов времен гражданской войны, написанных на очень плохой бумаге, но содержащих порой сведения о героической борьбе советского народа под руководством В. И. Ленина. Ведь их надо сохранить для потомства.

Вопросы хранения и консервации письменных материалов вообще должны привлечь к себе значительно большее внимание, чем им уделяется в настоящее время. Многие тексты с течением времени делаются уже не восстанавливаемыми и не поддающимися прочтению. Так, духовные и договорные грамоты великих князей XIV—XV вв. еще относительно хорошо прочитывались полтора века тому назад, когда они были впервые напечатаны. Теперь некоторые слова этих грамот уже невозможно разобрать. Например, в завещании великого князя Симеона Гордого совсем нельзя прочесть одного слова из 3 или 4 букв, а между тем от правильного прочтения этого короткого слова зависит понимание политической обстановки в России середины XIV в.

Вопросы, связанные с хранением и изучением наших письменных богатств, очень разнообразны и требуют пристального внимания Отделения исторических наук и Отделения литературы и языка. Архив и институты Академии наук СССР обладают большими письменными сокровищами, только частично приведенными в известность. Сохранение и изучение письменных и книжных богатств СССР, несомненно, важная и актуальная задача, требующая особого внимания наших учреждений и общественности.

Архив АН СССР, ф. 693, оп. 1, д. 91, лл. 1—10.

ХРОНИКА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 1971 Г.

Тихомировские чтения 1971 г. проходили 17 июня¹. Их темой было формирование архивного информационного фонда и его использование исследователями. Основной доклад «О работе архивных учреждений по формированию источниковой базы советской исторической науки и введению ее в научный оборот»² сделал Г. А. Белов.

В. А. Дьяков (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) выразил пожелание о большей целенаправленности поисков архивных документов за рубежом, отметил целесообразность сбора материалов по всеобщей истории и важность улучшения информации о новых поступлениях. Полезной и продуктивной оказывается подготовка изданий совместно с зарубежными специалистами.

С информацией о работе Архива АН СССР по сбору материалов ученых, в том числе историков, выступил *Б. В. Левшин*.

К. И. Рудельсон (МГИАИ) подчеркнула, что при разработке теории экспертизы, комплектования и организации документальных материалов необходимо принимать во внимание как традиционные текстовые источники, так и новые виды документации. Проблема архивного фонда здесь должна ставиться по-новому, хотя и с преобладанием по возможности исторического подхода над логическим. Взаимосвязь науки управления, документоведения и архивоведения очевидна; это делает возможным рациональное документирование.

Н. Б. Волкова (ЦГАЛИ) осветила вопросы комплектования архива материалами деятелей литературы и искусства. Она отметила, что личные фонды впервые стали в большом объеме поступать на государственное хранение в нашей стране. За рубежом этой проблеме почти не уделяют внимания, как показала рассылка вопросника при подготовке к VII Международному конгрессу архивов. Архив, созданный в 1941 г., комплектуется материалами личного происхождения наряду с документами учреждений и организаций, связанных с областью культуры, что, само по себе являясь новшеством в архивном деле, дает возможность значительно расширить и обогатить источниковую базу.

Н. Б. Волкова рассказала о характере поступлений в архив в виде отдельных документов, целых фондов и коллекций. В составе коллекций собирателей в последние годы получены материалы многих выдающихся русских писателей, композиторов, артистов: И. С. Тургенева, А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского, В. Г. Короленко, А. А. Алябьева, М. А. Балакирева, М. Н. Ермоловой и др. Большое место среди поступлений занимают фонды деятелей культуры более позднего периода: А. В. Луначарского, В. В. Вишневского, А. П. Довженко, И. Г. Эренбурга, А. А. Ахматовой, Ю. А. Шапорина и др.

В процессе комплектования вырабатывается определенная методика выявления и сбора материалов деятелей культуры. В круг деятельности архива включается обращение к наследникам, к нашим современникам — хранителям многих ценнейших источников и владельцам личных архивов. В ЦГАЛИ сдают свои личные архивы *В. Панова*, *Н. Тихонов*, *К. Симонов*, *Д. Шостакович*, *Д. Кабалевский* и др. Особенностью работы по комплектованию является и установление тесных контактов с творческими союзами, писательскими и другими организациями. За последние пять лет архив совместно с ними устроил более 150 выставок, встреч, вечеров, в большой степени способствовавших популяризации деятельности архива, направленной на выявление и сбор источников по истории культуры. Значительному росту авторитета архива помогают и издания, предпринимаемые им совместно с творческими союзами и организациями (собрания сочинений *С. М. Эйзенштейна*, *А. П. Довженко*, периодические сборники «Из истории советского кино»). Большую роль в решении проблемы комплек-

¹ *А. А. Курнос*. Тихомировские чтения 1971 года. — «Советские архивы», 1971, № 5, стр. 111—114.

² См. стр. 263—275 настоящего тома.

тования архива играет информация о составе и содержании его фондов: издания путеводителей, описаний и др.

Если ранее в архив ежегодно поступало 20—30 тыс. документов, то сейчас — 70—80 тыс. документов. В связи с этим важное значение приобретают вопросы экспертизы (первичный отбор личных материалов, как правило, проводят сами лица, сдающие их в архив). При экспертизе ценности архивом учитываются автографичность, подлинность, дата и содержание документа. Практика показывает необходимость выработки четких и правильных критериев отбора материалов, что поможет сохранить наиболее ценные источники.

М. Т. Белявский (МГУ) отметил важность архивоведения как специальной отрасли исторической науки. Задачи ее обширны и могут быть решены совместными усилиями историков и архивистов. Особого внимания требует отбор материалов на хранение. Критерии экспертизы должны быть четкими и в то же время гибкими, чтобы сохранить наряду с комплексами документов и массовые источники, а также важные нетипичные документы эпохи. Нуждается в усовершенствовании научно-справочный аппарат, в частности ЦГАДА. Современные методы обработки документов могут применяться лишь при условии унификации документации в общегосударственном масштабе. Следует уделять больше внимания выбору тем серийных изданий, объединять усилия к их скорейшему выпуску.

Л. П. Жуковская (Институт русского языка АН СССР) сообщила о публикациях, подготовленных лингвистами (материалы деловой и бытовой письменности, газета «Куранты» XVII в. и др.), и выразила пожелания об ускорении публикации, подготовленных совместно с историками (например, хозяйственная переписка Безобразова), о приобретении государственными хранилищами фондов ряда ученых — выходцев из России (например, В. Погорелова, проф. Мошина и проф. Дылевского), работающих и работавших в славянских странах.

М. И. Автократова (ЦГАДА) рассказала о большой работе архива, являющегося основным и давно сложившимся хранилищем источников по истории феодализма. В настоящее время в архиве уже более 3 млн. дел, но отдельные фонды и микрофильмы продолжают поступать из ряда хранилищ нашей страны и из-за рубежа. Получен ценный фонд Кирилло-Белозерского монастыря из ЛГИА, Артиллерийский музей передает в ЦГАДА фонд Пушкинского приказа, Угличский областной архив — фонды местных учреждений. Однако комплектование, по сравнению с другими архивами, не является основной сферой деятельности ЦГАДА. Главное внимание уделяется информационной работе, созданию исчерпывающего научно-справочного аппарата, подготовке публикаций, тем более что в последние годы значительно расширился круг исследователей, работающих по материалам архива. Это историки, лингвисты, экономисты, искусствоведы, архитекторы-реставраторы, краеведы. К сожалению, архив располагает весьма устаревшим научно-справочным аппаратом (80% описей были составлены еще в дореволюционное время). Поэтому основное направление деятельности ЦГАДА — подготовка к изданию описей, требующих весьма существенной переработки³. В связи с этим особенно остро встают вопросы методики подготовки описей к изданию, до сих пор недостаточно глубоко разработанные. Необходимо критически использовать опыт дореволюционных архивистов, издавших «обозрения» и «описания» фондов Сибирского, Разрядного и Поместного приказов.

Важными и плодотворными являются тесные творческие контакты с учеными-историками — членами Научного совета архива: Л. В. Черепниним, С. О. Шмидтом, А. А. Зиминим, Е. П. Подъяпольской и др. Образцом многолетнего творческого контакта с архивом была деятельность М. Н. Тихомирова, придавшего первостепенное значение документальным богатствам ЦГАДА. Большинство его исследований было основано на материалах архива, многие ценные источники были им впервые опубликованы; под его редакцией вышел в 1954 г. «Обзор документальных материалов ЦГАДА», составленный В. Н. Шумиловым. Над изданием документов архива много работают Л. В. Черепнин, Н. И. Павленко, В. И. Буганов, П. А. Колесников, В. И. Корецкий и др. Совместно с Археографической комиссией организуется издание отдельных источников в серии «Памятники отечественной истории». Архив работает над рядом капитальных сборников совместно с Институтом истории СССР, Белорусским государственным университетом, принимает участие в подготовке многотомного издания документов о внешней политике России XIX—начала XX в. совместно с МИД СССР.

М. И. Автократова выразила пожелание о составлении совместного плана-прогноза научно-издательской работы ГАУ и Археографической комиссии, чтобы скоординировать публикационную деятельность, избежать дублирования, более четко определить тематику публикаций, обеспечить издательскую базу.

В. В. Цаплин (ЦГАНХ) остановился на новых принципах комплектования, применяемых в архиве. Первоначально массив документальных материалов был значительно засорен, ценные же виды документации зачастую отсутствовали, как и некоторые фонды. Благодаря выделению в макулатуру ряда дел, а также целенаправленности поиска и приема, удалось создать полноценную базу для информации по истории народного хозяйства (были получены и ценные личные материалы руководящих работ-

³ О подготовке описей ЦГАДА к изданию см. стр. 271—273 настоящего тома.

ников). В. В. Цаплин подчеркнул выросший уровень квалификации архивистов. Фонды формируются в процессе их создания; экспертиза в учреждениях проводится по окончании делопроизводственного года. Архив занят проблемами «дублетности» и «поглощенности», так как информация документов ряда учреждений отражается в документации вышестоящих организаций.

Е. Н. Лукьянова (Пермский гос. университет) сделала сообщение о работе по выявлению, учету и упорядочению источников в музеях и библиотеках Урала.

Рост научного руководства архивами отметил в своем выступлении *Б. Г. Литвак* (Институт истории СССР АН СССР). Архивоведение в большей степени, чем другие вспомогательные исторические дисциплины, обратилось к достижениям научно-технического прогресса, в чем ему должны помочь историки. Б. Г. Литвак предложил изъять из перечня материалов, подлежащих государственному хранению, то, что печатается типографским способом и попадает в библиотеки. Он поддержал практику регестов в публикациях, особенно серийных — для введения в научный оборот массовых местных источников.

В заключение *С. О. Шмидт* отметил, что состоявшееся заседание — свидетельство высокого уровня архивоведения. Имеется серьезная база для дальнейшей разработки ряда важных вопросов: научные основы экспертизы, принципы фондирования, новые формы источников в архивном фонде, методы создания научно-справочного аппарата и публикационной работы. По этим проблемам целесообразно осуществить ряд сборников объединенными силами ГАУ при СМ СССР, АН СССР, МГИАИ, МГУ и др. Хотя борьба с пополнением архивов исторически малоценными документами является научно обоснованной и практически целесообразной, С. О. Шмидт высказал мнение о желательности сохранить образцы всех типических фондов, которые могут представить в будущем интерес как источники для воссоздания облика наших современников. Это связано с проблемой репрезентативности как отдельных разновидностей документов, так и всего многообразия архивных фондов. С. О. Шмидт подчеркнул большое общекультурное и политическое значение сбора документальных материалов за рубежом и подготовки публикаций совместными силами советских и иностранных архивистов.

* * *

Археографической комиссией были организованы две научные конференции. Ленинградская конференция по составлению Сводного каталога славяно-русских рукописей XI—XIV вв., проведенная совместно с БАН, состоялась 1—4 февраля⁴. Она была посвящена обсуждению общих принципов описания рукописей и выработке конкретных инструкций.

Вопросам методики идентификации почерков в древнерусской рукописной книге была посвящена специальная конференция, организованная совместно с Институтом истории искусств Министерства культуры СССР (26—27 апреля)⁵.

* * *

На заседаниях Археографической комиссии был заслушан ряд научных докладов. 10 февраля состоялся доклад *Н. Я. Эйдельмана* (ССП) «Пушкиниана. (Новые находки. Неразысканные материалы)», посвященный значению пушкинской тематики для современных исторических исследований. В последние годы весьма вырос интерес к научно-исследовательской и научно-популярной литературе о Пушкине, многое сделано для публикации его наследия, например эпистолярного («Письма последних лет», изданные Пушкинским Домом). Однако повременных научных изданий сейчас, к сожалению, меньше, чем было в 1920—1930-х годах. Историки должны пополнить Пушкиниану серьезными исследованиями; примером тому служат работы С. С. Ланды, Р. В. Овчинникова, В. В. Пугачева и др. История революционного движения и общественной мысли, культуры, экономики и политики (даже внешней) так или иначе связана с именем поэта; поэтому каждое частное открытие в его биографии и творчестве может быть очень плодотворным в сочетании или в связи с уже накопленным материалом. Важным является обращение к тематике, некогда занимавшей Пушкина (Россия на рубеже XVI—XVII вв., Екатерина II, Пугачев, декабристы, Наполеон и др.), и, следовательно, — к его материалам, записям. Работы И. Л. Фейнберга, посвященные теме «Пушкин и Петр I», — свидетельство плодотворности обращения к подобным сюжетам. Докладчик, изучавший публикации секретных и запретных историко-литературных материалов в «Колоколе», «Полярной звезде», неоднократно прибегал к выяснению того, был ли известен поэту тот или иной сюжет и что он о нем думал. Больших результатов следует ожидать и от прямых розысков творческих и биографических материалов. М. А. и Т. Г. Цявловскими и К. П. Богаевской было установлено, что утрачено более 200 автографов Пушкина (в том числе «Пиковой дамы», «Гавриилиады»); кроме того, не разыскано несколько сот его сочинений и писем. Однако находки не прекращаются. За время, прошедшее после гибели Пушкина, было опубликовано около

⁴ См. стр. 384—391 настоящего тома.

⁵ См. стр. 393—398 настоящего тома.

2 тыс. сочинений, писем, отрывков, не печатавшихся при жизни поэта. Недавно в Калининской обл. был найден экземпляр «Айвенго» с записями Пушкина, открыты интересные пометы его рукой на полях рукописи Вяземского о Фонвизине, опубликованы письма поэта и его жены к брату Н. Н. Гончаровой.

Суммируя опыт пушкинистов, Н. Я. Эйдельман кратко охарактеризовал некоторые комплексы пушкинских материалов, поиски которых особенно перспективны. Это архивы лицейстов 1-го курса, например М. А. Корфа (материалы П. И. Миллера), так называемые «Тетради Милорадовича», а также южные материалы. Удалось найти неопубликованные фрагменты воспоминаний И. П. Липранди, часть архива Н. С. Алексеева, но пока не обнаружены две молдавские повести Пушкина из архива Липранди, богатейшее собрание запрещенных сочинений поэта в бумагах Алексеева и В. П. Горчакова. Следует выявить кишиневские и одесские дружеские связи Пушкина, в том числе из круга декабристов. В этом плане важен подготовленный Л. А. Черейским словарь знакомых Пушкина (содержит более 3 тыс. имен); сохраняют свое значение и косвенные биографические материалы (например, одесские документы из архива А. С. Сомова и Н. М. Еропкиной).

Тщательный и многосторонний источниковедческий анализ воспоминаний И. И. Пуцина, переписки поэта с А. А. Бестужевым и К. Ф. Рылевым могут пролить свет на многие вопросы, связанные с отношением поэта к декабристам в период михайловской ссылки.

Последнее десятилетие жизни поэта сейчас особенно пристально изучается, и здесь свое слово должны сказать историки. Безусловного внимания заслуживают такие темы, как эволюция внутренней политики Николая I, Польское восстание 1830—1831 гг.

В заключение докладчик рассказал о собственных разысканиях, посвященных вопросам дуэли и смерти поэта, приведших к находкам писем нидерландского принца Вильгельма Оранского Николаю I и позволивших установить контакты с нидерландскими архивами.

Н. Я. Эйдельман остановился на некоторых частных моментах поиска. Например, уточняя историю появления стихотворения «Саранча летела — летела и села», он обнаружил дневник А. А. Сомова 1920-х годов, где сохранилась запись (со слов А. С. Сомова) нескольких писем графа М. С. Воронцова, в свое время подаренных А. С. Сомову, впоследствии сгоревших и восстановленных по памяти. Ознакомление со стилем и содержанием этих писем приводит к выводу о вероятном авторстве Воронцова и подтверждает историю написания А. С. Пушкиным своеобразного «рапорта в стихах». Связь семьи Сомовых с Пушкиным вполне достоверна. (Убедительность реконструкции писем Воронцова подчеркнул и выступавший в прениях И. Л. Фейнберг.)

Докладчик подчеркнул большую и ценную работу многих коллекционеров; в то же время существует вероятность сокрытия важных материалов об А. С. Пушкине и его гибели.

Выступавший в прениях И. Л. Фейнберг (СССР) отметил важность приведенных докладчиком данных о П. И. Миллере (возможно, последний был связан с Данзасом — другом поэта). И. Л. Фейнберг подробно остановился на проблеме поиска материалов, относящихся к пушкинской «Истории Петра I», так как до настоящего времени этот труд известен не полностью (из 31 тетради сохранилось только 22). И. Л. Фейнберг высказал сомнение в вероятности сожжения Пушкиным своих записок, дневников из конспиративных соображений и предложил продолжить поиски в Михайловском, Тригорском, а также среди материалов друзей поэта. Возможно, сохранились копии пушкинских дневников и их удастся обнаружить. И. Л. Фейнберг не исключает вероятности сокрытия дневников поэта его потомками, живущими за границей.

И. А. Энгельгардт (ИНИБОН) высказал пожелание усилить пропаганду поиска пушкинского наследия, четко определить пути и направления поиска.

В заключительном слове Н. Я. Эйдельман остановился на важности розыска материалов П. И. Миллера, который многие годы был секретарем Бенкендорфа, имел доступ к пушкинским материалам. Он опубликовал ряд документов, связанных с именем поэта, память которого, несомненно, глубоко чтит (Миллер был впоследствии членом комиссии по установлению памятника поэту). Ценные сведения могут дать и письма Н. Н. Пушкиной мужу, которые до сих пор не найдены.

С. О. Шмидт отметил, что тема «Пушкин» всегда занимала историков: о Пушкине писали такие видные советские историки, как Б. Д. Греков, К. В. Базилевич, С. Б. Веселовский, М. В. Нечкина и др. Особенно важны поиски дневников поэта. Необходимо привлекать широкий круг источников, в том числе и косвенных: переписку лиц, близких к Пушкину, архивы исторических журналов, коллекции и отдельные фонды, например П. И. Бартенева, в кн. Николая Михайловича. С. О. Шмидт подержал мысль о важности поиска архива П. И. Миллера, а также предложение о публикации списка неразысканных пушкинских произведений и в связи с этим высказал пожелание о публикации автографов выдающихся людей, связанных с Пушкиным.

19 февраля с докладом «Новые находки произведений крестьянской литературы Урала и Сибири в XVIII в.» выступил Н. И. Покровский (Институт истории, филологии и философии СО АН СССР). Он отметил, что одной из причин неизученности этой литературы являлось отсутствие ее основных произведений в государственных хранилищах. Археографические экспедиции СО АН СССР обнаружили исторические сочи-

нения XIX в., в которых использовались неизвестные произведения XVIII в., а также исторический сборник (на 148 лл., полуустав середины XX в.), содержащий ряд произведений крестьянской старообрядческой литературы XVIII и XIX вв. (два из них затем были обнаружены в ЦГИА СССР и ГАТО). Материалы этого сборника, других старообрядческих произведений, а также судебно-следственных дел, сохранившихся в архивах, показывают многообразие крестьянской старообрядческой литературы Урала и Сибири XVIII в. Ее произведения бережно сохранялись, несмотря на преследования, и были известны в конце XIX в.

Среди крестьянских писателей второй половины XVIII в., активно выступавших против официальной церкви и государственной власти, выделяется фигура М. И. Галанина, пользовавшегося огромной популярностью в крестьянской среде, — организатора массовых протестов крестьян-старообрядцев Тюменского уезда, а затем ялуторовских. Ему принадлежит обширное историческое сочинение, дошедшее до нас в виде выборочных цитат и пересказа в «Родословии часовенного согласия» (XIX в.) и использованное в тобольской редакции «Рукописи о древних отцах» (историческое сочинение XVIII в.). Особый интерес представляет послание М. И. Галанина некоему С. И. Тюменскому от 2 октября 1774 г. (сохранилось в Енисейском сборнике), написанное близким к разговорному повествовательным слогом и одновременно очень эмоциональное; в нем наблюдения автора умело сочетаются с документальным материалом. Вместе с тем ненависть к церковным властям и правительству в этом документе не исключает монархических иллюзий, от которых Галанин спустя несколько лет решительно отказался.

Два документа рассказывают о трагическом самоожжении 172 крестьян близ Чаусского острога в 1756 г.; в одном обличаются податные притеснения, другой («Изложение») обличает социальное зло вообще, духовную и светскую власть (оба были направлены властям). Чрезвычайно сильные обличения и эсхатологические мотивы в полемическом сочинении Г. С. Украинцева, крестьянина, одного из руководителей Выговского старообрядческого центра. Он действовал на Урале в середине XVIII в., пользовался покровительством А. Демидова, был организатором сопротивления официальной церкви (в ОР ГИМ, Увар. № 479 имеется запись его полемики с управляющим Кольвано-Воскресенскими заводами), хотя, возможно, представлял умеренное направление урало-сибирского старообрядчества. Представителем этого направления был и Максим (из беглых холопов); однако в одном из своих догматических сочинений он выступает с позиций крайнего крестьянского радикализма, вплоть до отрицания священства.

Обнаруженные произведения дают новый интересный материал о противоречивой и сложной борьбе различных направлений урало-сибирского старообрядчества и помогут правильной оценке этой области крестьянской психологии XVIII в.

Касаясь частных вопросов, докладчик подчеркнул, что следует разграничивать время оформления согласия бегунов и широкое распространение бегунских взглядов, популярности среди крестьянства задолго до этого. Вопросы крестьянской психологии тесно связаны с проблемой освоения Сибири. По мнению Н. Н. Покровского, был этап «нестационарного» освоения (когда существовали скиты-займки, различие здесь провести трудно), имевший свои особенности. В XVIII в., по свидетельству многих источников, в скитах скрывались сотни крестьян. В заводских районах Сибири и Алтая старообрядчество в основном опиралось на пришлых. Однако Мирон Галанин — потомственный сибирский крестьянин (его «послания» предполагается издать). Н. Н. Покровский указал на существование и важность использования в археографических поисках своего рода «дорожников», списков пристанищ, подобных «Путешествнику Марка Топозерского»; именно таким образом был обнаружен Судный список Максима Грека. Прослеживаются связи с другими центрами старообрядчества (Москвой, Выговской пустыней, Яиком).

П. Г. Рындюнский (Институт истории СССР АН СССР) указал на ценность проведенной работы, отметив, что во многих трудах крестьянское движение резко разграничивается со старообрядчеством, что весьма сужает представление об идеологических стремлениях крестьянства. В старообрядческой идеологии сталкивались и развивались различные противоположные течения, и их следует изучать. По его мнению, специфика бегунства XVIII в. состоит в обличении бывших единомышленников.

И. В. Поздеева (Истфак МГУ) подчеркнула новизну материала и важность постановки докладчиком ряда проблем. Вновь найденные источники очень ценны, они дополняют наши представления о духовно-литературной жизни России XVIII в., дают возможность проследить во времени использование определенной части древнейшей литературы, уходящей своими истоками даже в XV в., восстанавливать духовные и литературные традиции. И. В. Поздеева обратила внимание на новизну методики, предпринятой Н. Н. Покровским, — наложения материалов находок на материалы архивов. Важно провести сравнение сибирских памятников с литературой других центров старообрядчества. Публикация новых находок необходима для дальнейшей работы по установлению преемственной связи между произведениями, начиная с XVI—XVII и кончая XIX в.

С. О. Шмидт отметил ценность методических и общ исторических положений доклада и высказал ряд соображений о влиянии идей раскола в XVIII в. на представителей социальных верхов, о раскольнических сочинениях как элементе народной

культуры, о том значении, какое имело старообрядчество как резерв демократического движения. Развитие межтерриториальных связей, прослеживаемое в старообрядчестве XVIII в., — еще одно свидетельство общности национальной культуры, вместе с тем проливающее свет на идеологическое «питание» рабочих людей. С. О. Шмидт подчеркнул важность и перспективность для исследователей многих фактических данных, приведенных докладчиком (разрушение формы жития, доступ М. И. Галашина к архиву и др.), а также использованных им методов работы (например, синтеза полевой практики с архивными изысканиями).

В заключение *Н. Н. Покровский* подчеркнул, что обсуждение выявило две центральные проблемы: 1) изучение идеологии крестьянских войн; 2) изучение широких национальных связей. Важно рассматривать во взаимосвязи идеологию крестьянских восстаний и старообрядчества (например, в следственных материалах булавинские дела подведены под рубрику раскола; большую роль в период перед реформой 1861 г. сыграли подложные указы — по форме старообрядческие). Очевидны различные направления в расколе. Литература старообрядческих центров отражает развитие языковых традиций и широких контактов в связи с процессом формирования русской народности.

29 марта слушался доклад *М. Н. Воробьева* (Истфак МГУ) «Старопечатные книги Владимиро-Суздальского музея-заповедника». Это был отчет об археографической практике студентов 4-го курса Исторического факультета МГУ (кафедры феодализма и источниковедения), проведенной летом 1970 г. с целью описания старопечатных книг, хранящихся в музее. Группа состояла из 10 человек и работала под руководством А. И. Рогова.

Собрание старопечатных книг Владимиро-Суздальского музея сформировалось на базе монастырских, церковных и частных библиотек; оно включает и книги, некогда принадлежавшие приходским церквам Суздаля и его округи. Ныне собрание насчитывает около 300 старопечатных книг, большинство которых в весьма плохой сохранности. Собрание не имеет систематического описания (краткая выборочная опись на карточках была составлена в середине 60-х годов сотрудником музея *Н. Н. Покровским*).

Нынешнее описание охватило 98 книг⁶, из которых к XVI в. относится только одна — «Книга о постничестве» Василия Великого, изданная в 1594 г. в Остроге, к XVII в. — 47 книг, к XVIII в. — 50. Почти все книги напечатаны в Москве, 8 — в Киеве, 1 — в Рахманове, 1 — в Остроге. На карточки записывались выходные данные книги, сведения о формате, пагинации, переплете, сохранности и об имеющихся записях (тип записи и дата); сама запись фиксировалась отдельно. Проводилась обязательная сверка со справочниками *И. П. Каратаева* («Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами 1441—1730 гг.» СПб., 1861) и *А. С. Зерновой* («Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII вв.» М., 1952), что особенно важно при отсутствии выходных данных. Было описано несколько книг, не отмеченных *Каратаевым* («Пролог» 1677 г., «Пролог» 1696 г., «Минеи служебные» 1691 г.) и *А. С. Зерновой* («Книга о постничестве» Василия Великого 1594 г., Евангелие напрестольное 1662 г.); в некоторых случаях выявились и новые места издания, неизвестные по этим справочникам.

Для выяснения истории книг большое значение имели записи на них. Удалось выявить, что 12 книг принадлежало Спасо-Ефимьевскому монастырю, 6 — Покровскому, 3 — Рязоположенскому, 16 — Собору Рождества богородицы, 8 — различным посадским церквам, 6 — церквам и монастырям суздальской округи. С этой же целью были использованы ценные сведения о монастырских библиотеках, содержащиеся в опубликованных описях, например в описи имущества Спасо-Ефимьевского монастыря 1660 г. («Временник МОИДР», 1850, кн. 5, отд. 3). Книга «Суздаль и его достопамятности» (Владимир, 1912) содержит упоминания о «Книге о постничестве» Василия Великого и «Евхологоне» Петра Могилы, сохранившихся в Суздальском музее и включенных в описание. Некоторые данные были почерпнуты из книги «Монастыря, соборы и приходские церкви Владимирской епархии». Под ред. В. С. Касаткина (Владимир, 1906).

Значительное внимание было уделено фиксации и анализу записей на книгах; среди них имеется запись XVI в., 19 записей относятся к XVII в., 44 — к XVIII в., 22 — к XIX в. Наибольшее число падает на владельческие записи, затем идут вкладные, купчие и пр. Основными вкладчиками были духовные лица, но имеются записи и светских вкладчиков. Из описанных книг отметим шесть «Прологов» (три — М., 1696, два — М., 1702 и один — М., 1718), служебные Минеи XVII и XVIII вв. (М., 1689, 1691, 1692, 1693, 1704, 1724 гг. и др.). Представляет интерес «Обед душевный» Симеона Полоцкого — сборник из 109 проповедей, напечатанный в типографии, основанной самим С. Полоцким (М., 1681). Запись на книге свидетельствует о том, что она была приобретена священником Суздальского Покровского монастыря Иоанном Нижегородцем (вероятно, библиотекарем монастыря), наряду с многими другими книгами, в числе которых были «Вечера душевная» Симеона Полоцкого (М., 1683), два Пролога (М., 1696) и Минеи-четыри Дм. Туптало (впоследствии митрополита Дмитрия Ростов-

⁶ Текст описания находится в Археографической комиссии.

ского). Оба пролога и Миней-четыре были обнаружены в процессе работы и включены в описание. Любопытна подклейка переплета служебной Миней на октябрь (М., 1689) рукописной азбукой XVI в.; встретились и другие книги, переплеты которых подклеены листами старопечатных книг XVI и XVII вв.

Среди записей в книгах имеются очень обширные, например перечень «сказок» в Октоихе (М., 1666). Самые интересные записи на двух книгах (Требник, ч. I. Киев, 1646 и Иоанн Златоуст. Беседы на деяния святых апостолов. Киев, 1624) свидетельствуют о вкладе этих книг Суздальскому Спасо-Ефимьеву монастырю Д. М. Пожарским. Впрочем, вклад первой книги сомнителен, так как Пожарский умер в 1642 г., но по описи 1660 г. значится много книг, пожертвованных им монастырю. Ряд записей свидетельствует, видимо, о проводившейся по указанию архимандрита Ефрема в Спасо-Ефимьевом монастыре описи книг (1758—1764 гг.). Некоторые записи носят светский характер: выписка из перепиной книги, подсчет расходов приказной избы, купчая на книгу, просто отрывок из шуточной песни. В конце книги «Бароний. Деяния церковные и гражданские» (М., 1719) помещены два листа со списком опечаток.

Сообщение М. Н. Воробьева вызвало ряд вопросов общего характера, на которые ответил руководитель студенческой практики А. И. Рогов. Он заметил, что ценность подобной практики заключается в сочетании поиска с элементом исследования и чисто практической деятельностью по описанию книги, что является подготовкой к археографическим экспедициям. Одновременно эта большая помощь местным учреждениям — хранителям книг. А. И. Рогов сказал, что планируется описание всех книжных фондов музея, в том числе и рукописных, но, к сожалению, пока на активную практику студентов отводится очень мало времени. Проведение практики под Москвой связано с традицией осмотра как можно большего числа памятников старины, изучение книги при этом связывается с изучением памятников искусства. Намечаются поездки по украинским городам. Предварительные наблюдения над описанными книгами: особого внимания заслуживают касающиеся исторических лиц записи на них, которые могут быть использованы как источники. А. И. Рогов выразил пожелание о выявлении и публикации данных о рукописях и старопечатных книгах всех провинциальных музеев и сообщил о создании при Историческом факультете МГУ Археографической группы.

Заведующий Рукописным отделом Владимиро-Суздальского музея С. П. Мартынов сказал, что работа отдела состоит в проведении экскурсий и экспедиций по комплектованию. Только в 1970 г. удалось обследовать фонды, выявить все книги XVIII в., просмотрев около 20 тыс. томов, составить каталог книг XVIII в. (свыше 300). Сейчас делаются фотокопии с документов XV в. и фрагментов XIV в.

В заключение председательствовавший Б. В. Левшин (Архив АН СССР) подчеркнул ценность проводимой в МГУ работы, в том числе по изучению студентами старопечатной книги, приобретению ими палеографических навыков. Б. В. Левшин предложил осуществить публикацию результатов этой практики.

19 ноября с докладом «О предварительных результатах археографической экспедиции МГУ 1970 и 1971 гг. в Брянскую и Гомельскую области» выступила И. В. Поздеева (Истфак МГУ). Ее доклад сопровождался демонстрацией диапозитивов.

Районы обследования ранее никем не изучались и были избраны для проведения комплекса работ, связанных как с приобретением и изучением древних рукописей и книг, так и с всесторонним изучением современной старообрядческой письменной и устной традиции, истории старообрядчества, социально-психологических процессов, завершающихся или происходящих сегодня.

Многочисленные слободы древнего Стародубья и Ветки не только возникли (конец XVII—начало XVIII в.) как поселения беглого русского старообрядческого населения, но и на протяжении всего XVIII и большей части XIX столетия сохраняли значение одного из центров старообрядчества. Разведывательные работы 1970 г. показали, что здесь может быть обнаружен ценный научный материал.

В результате полевых работ в августе 1970 г. и августе 1971 г. в фонды Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ поступило 139 рукописных книг XV—XX вв. (XV в. датируется 1, XVI в. — 3 и XVII в. — 8 книг) и 202 издания XVI—XVIII вв. (в том числе 12 — XVI в. и 150 — XVII в.).

Наибольший интерес представляет четвероевангелие конца XV в. с записью писца Стефана и попа Федора, поновившего книгу в начале XVI в.; сборник (вторая половина XVI в.), содержащий толковый Апокалипсис Андрея Кесарийского и список Диоптры; Апостол-апракос на бумаге 40—60-х годов XVI в.

Для изучения исторических связей района и особенностей его рукописной традиции важен комплекс рукописей XVII в.; в их числе три списка Евангелия, Апостол, Устав и Толковое Евангелие Иоанна. Из рукописей XVIII в. интересен сборник, составленный в Москве во втором десятилетии XVIII в. и принадлежавший известному стороннику старообрядчества С. Ф. Моховикову — сторожу Московского Благовещенского собора. В нем ряд списков новгородских повестей, отрывки из летописца Солигалицкого монастыря, а также «Сказание известно вкратце... о чудотворных иконах различными явлениями и образами...» Это произведение украшено 84 гравюрами, из которых, очевидно, около 60 принадлежат руке московского гравера Г. П. Тепчегорского и были выпущены в 1713 и 1714 гг. (Ровинскому были известны только 32

гравюры 1713 г.). Для истории старообрядчества представляет ценность сборник полемических произведений, направленных против федосеевцев, дяконовцев, сторонников Епифания и др., авторами которых были известные ветковские старцы. XVIII веком датируются: список иконописных толковых святцев, сборник поморских сочинений, связанных с Выго-Лексинским общежитием, «Звезда пресветлая», где имеется обширный текст о явлении и чудесах Тобольской иконы богородицы. Среди поздних находок интересными оказались певческие книги на крюках, особенно сборники с различными вариантами распево, и книга XX в., названная «Краткое начертание истории Ветковской церкви», содержащая подробный ее устав.

Старопечатные книги представлены несколькими редчайшими изданиями: так называемым «узкошрифтовым» московским Евангелием (ок. 1559 г.), московским и львовским Апостолами Ивана Федорова (1564 и 1574 гг.), так называемой «Псалтырью с красными точками» (издана Петром Мстиславцем в 1576 г. в типографии Мамоничей) и «Псалтырью с черными точками» (та же типография, 1600 г.), Апостолом, напечатанным у Мамоничей в 1591 г., и др. Уникальной находкой является Часовник, напечатанный Московским печатным двором 1 октября 1650 г., единственный ранее известный экземпляр которого хранится в Бодлейанской библиотеке Оксфорда. На большинстве старопечатных книг имеются интересные записи XVII в., содержащие ценные исторические сведения, связанные с Д. М. Пожарским, родом Мирославских, царем Михаилом Федоровичем, патриархом Никоном, а также многими крестьянами и посадскими людьми. Для истории старообрядчества важной является находка большого числа изданий Клинецкой старообрядческой типографии (среди них есть книги, не учтенные в библиографиях).

И. В. Поздеева сообщила о начатом в 1971 г. участницей экспедиции О. А. Князевской исследовании сохранившихся в современном литургическом произношении старообрядцев явлений, связанных с древнерусской системой произношения, и подчеркнула необходимость сбора и тщательного изучения материалов современной письменной традиции. Экспедиции удалось также выявить и записать сохранившиеся в старообрядческой среде музыкальные произведения. Две такие записи были воспроизведены после доклада.

И. В. Поздеева подчеркнула необходимость подготовки специалистов-археографов, специалистов по истории книги и другим «вымирающим» сейчас профессиям, а также организации активной практики для студентов.

В выступлении О. А. Князевской (Институт русского языка АН СССР) отмечалось важнейшее значение экспедиции для диалектолога, так как получен значительный материал о сохранении особенностей старообрядческого произношения (систематических и спорадических). Интересно взаимодействие традиции и современности: в книгах употребляется современная орфография, но иногда, например, сохраняется «ять».

А. И. Рогов (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) подчеркнул плодотворность экспедиции, показавшей прекрасную подготовку ее участников и умение работать с людьми. Ценнейшими находками являются издания Ивана Федорова, безвыходное Евангелие. Совокупность рукописного, книжного и «живого» материала, как изученного, так и представленного в докладе, очень интересна и важна для изучения истории русской культуры. Находка гравюры богородицы Ченстоховской — свидетельство интенсивного культурного русско-польского обмена в конце XVII в. А. И. Рогов коснулся общего вопроса об участниках экспедиций: число их должно быть небольшим, подготовка — основательной (студенты должны пройти предварительную практику, проэкзаменоваться и лишь затем участвовать в экспедиции).

Выступление Т. Н. Каменевой (Отдел рукописей ГБЛ) также касалось острой проблемы подготовки специалистов по истории редкой книги, недостаток которых ощущается даже такими крупными хранилищами, как ОР ГБЛ.

М. И. Соколовская (Истфак МГУ) отметила ценность спецкурса А. И. Рогова в МГУ, сопровождающегося серьезными семинарскими занятиями, а также остановилась на частном вопросе о складывании старообрядческого иконостаза и влиянии старообрядческой изографии.

Проблеме подготовки филологов, участие которых необходимо для комплексного исследования, предпринятой экспедицией МГУ, посвятила свое выступление Р. В. Горшкова (МГУ). Она высказала соображение о внесении в программу филологического факультета специальных исторических курсов.

В ответном выступлении И. В. Поздеева выразила удовлетворение широким обсуждением вопроса о кадрах, так как нигде, даже в МГУ, не готовят специалистов по истории книги. При комплексном исследовании важно также наличие практических навыков в работе с людьми. И. В. Поздеева подчеркнула, что живая связь с прошлым (в письме и речи, живописи и музыке), столь ценная для историков культуры, еще существует в современности. Это старообрядческие традиции, которые требуют комплексного исследования.

С. О. Шмидт, подводя итоги заседания, отметил широту задачи сбора, сохранения и популяризации памятников культуры прошлого, которые донесли до нас самобытность древнерусского искусства. Здесь происходит стык наук: истории, филологии, искусствоведения, библиотекведения и др. С. О. Шмидт подчеркнул ценность комплексного исследования. Сохранение памятников культуры связано с необходимостью

готовить людей, не просто любящих историю культуры, но и имеющих специальные знания. Вопрос о состоянии вспомогательных исторических дисциплин стоит достаточно остро, появляются «вымирающие профессии». Необходимо ввести археографическую полевую практику для студентов МГИАИ.

С. О. Шмидт особо остановился на вопросах координации и подготовки экспедиций и предложил созвать совещание о подготовке специалистов по истории рукописной и старопечатной книги (с участием вузов и других учреждений).

Пленарное заседание Археографической комиссии состоялось 23 декабря на тему: «Система информации исследователей о содержании фондов деятелей науки, литературы и искусства»⁷. С сообщениями о существующих видах информации и методах ее совершенствования выступили: *В. А. Черных* (ЦГАЛИ), *С. В. Житомирская* (Отдел рукописей ГБЛ), *А. С. Мильников* (Отдел рукописей и редких книг ГПБ), *Б. В. Левшин* (Архив АН СССР).

В прениях приняли участие *Л. И. Арапова* (Центральный музей революции СССР), *А. В. Елпатьевский* (ВНИИДАД), *Т. Н. Долгорукова* (ВНИИДАД), *И. В. Дистлер* (Архив А. М. Горького), *Р. Ф. Хозлов* (Дмитровский краеведческий музей). Материалы заседания подготовлены к опубликованию в «Археографическом ежегоднике за 1972 год».

Издаия Археографической комиссии и ее отделений

В начале 1971 г. научная общественность получила возможность ознакомиться с ротационным изданием «Тихомировские чтения 1970 года. Материалы научной конференции, посвященной опыту организации археографических экспедиций в РСФСР», вышедшим в свет в конце 1970 г. В него включены краткие резюме трех докладов: *И. Л. Андроникова* «О современных коммуникациях в сфере археографических поисков», *Н. Н. Покровского* «Методика комплексных археографических экспедиций. (Опыт экспедиций СО АН СССР)»; *В. Б. Павлова-Сильванского* «М. Н. Тихомиров — организатор археографических экспедиций»⁸, а также в сокращенном изложении материалы прений по докладам (23 выступления).

Тихомировские чтения проходили 1—2 июня 1970 г.⁹ и ставили своей задачей обсуждение опыта археографических поисков, методики разыскания, фиксации, хранения, описания, а также популяризации обнаруженных источников. Они выявили необходимость обобщения накопленного опыта информации об экспедициях, планирования экспедиционных маршрутов, подготовки специалистов.

И. Л. Андроников посвятил свой доклад современности, специфике поиска в больших городах, роли печати, радио и телевидения в информации о поисках и находках. Он привел ряд интересных фактов о сборе древних рукописей Пушкинским Домом, комплектовании личными фондами ЦГАЛИ, рассказал о предпринятых им самим в нашей стране и за рубежом поисках второй части работы *В. И. Ленина* «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?»

Н. Н. Покровский охарактеризовал специфику экспедиционной работы в старообрядческих районах, начатой в 1965 г. историками и филологами СО АН СССР и Новосибирского университета. Для подобной работы необходимы специальные знания по истории старообрядчества и старообрядческой литературы, важна детальная разведка для определения маршрутов предстоящих экспедиций. Участие специалистов разных областей гуманитарных наук позволяет экспедициям выдвигать задачи комплексного характера. Экспедиции стараются как можно полнее зафиксировать различные стороны материальной и духовной культуры, изучить традицию переписки книг, пути миграции населения, проследить генеалогию крестьянских семей. Полезным оказывается применение современных социологических методов для изучения традиционных черт сознания в их сложном взаимодействии с современными средствами информации (газеты, кино, радио). Большое значение придается установлению стационарных связей в районах обследования. *Н. Н. Покровский* подчеркнул важность подготовленности и специализации участников экспедиций, необходимость составления общего плана и определения перспективных районов, координации экспедиционных планов и разграничения районов поисков.

В докладе *В. Б. Павлова-Сильванского*, основанном на печатных материалах и архивных данных, прослеживался путь *М. Н. Тихомирова* с первых послереволюционных лет (организация Дмитровского музея, спасение ряда архивных фондов в Самаре) до послевоенного периода, когда он стал инициатором движения по выявлению, сбору, охране и популяризации рукописных богатств нашей страны. С именем *М. Н. Тихомирова* связано участие Академии наук СССР в этом важнейшем деле; он возглавлял археографическую деятельность в чисто академическом плане и практически планиро-

⁷ См. «Советские архивы», 1972, № 2, стр. 124—126.

⁸ Тексты докладов *И. Л. Андроникова* и *В. Б. Павлова-Сильванского* опубликованы в «Археографическом ежегоднике за 1970 год». М., 1971, стр. 232—243, 244—261.

⁹ См. хроникальные заметки: *В. В. Альтман* — «Вестник АН СССР», 1970, сентябрь, стр. 140—142; [*М. Б. Булгаков*] — «Советские архивы», 1970, № 6, стр. 116; а также «Вопросы истории», 1970, № 8, стр. 173—174.

вал экспедиции, обследования музеев и библиотек, разрабатывал их методику и маршруты.

О результатах и методах своей экспедиционной деятельности, перспективах археографической работы рассказали *М. В. Кукушкина* (БАН), *А. Х. Горфункель* (Научная библиотека им. Горького при ЛГУ), *И. В. Поздеева* (Научная библиотека им. Горького при МГУ), *В. В. Лукьянов* (Ярославский краеведческий музей), *Н. С. Демкова* (ЛГУ), *О. А. Белоброва* (ИРЛИ — Пушкинский Дом), *Н. Н. Розов* (ГПБ), *Т. В. Николаева* (Институт археологии АН СССР), *Н. Б. Тихомиров* (ГБЛ), *М. А. Усманов* (Казанский гос. университет), *В. А. Кондратьев* (МГИАИ), *П. А. Колесников* (Северное отделение Археографической комиссии, Вологда), *И. А. Кочетков* (Музей древнерусского искусства им. А. Рублева), *Н. В. Полярко* (Институт истории, филологии и философии СО АН СССР), *В. Д. Димитриев* (Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР), *Е. Н. Лукьянова* (Пермский гос. университет), *Ю. О. Бем* (Археографическая комиссия), *А. И. Рогов* (Институт славяноведения и балканистики АН СССР), *Л. И. Арапова* (Центральный музей революции СССР), *Г. Т. Хорошилов* (Институт военной истории СССР), *А. Л. Никитин* (Комитет литераторов при изд-ве «Советский писатель»), *А. И. Копанев* (Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР), *Е. И. Дергачева-Скоп* (Новосибирский гос. университет).

Конференция приняла резолюцию «Об археографических экспедициях по выявлению древних рукописей и старопечатных книг». В ней отмечался рост на территории РСФСР экспедиционной работы, в которую наряду с традиционными научными центрами (ИРЛИ, БАН, ГБЛ) в последние годы включаются новые учреждения, уже добившиеся немалых успехов (Московский, Ленинградский, Новосибирский, Казанский университеты). В особенности это относится к экспедициям Сибирского отделения, начатым по инициативе акад. М. Н. Тихомирова. Преодоление еще имеющихся организационных и координационных недочетов должно сыграть большую роль в борьбе государственных учреждений с растущей спекуляцией русскими древностями, в том числе рукописями и книгами.

С целью ликвидации беспорядочной разработки одних и тех же районов разными учреждениями (что разрушает территориальные коллекции) было предложено считать необходимой порайонную координацию экспедиций Археографической комиссией и ее отделениями: Ленинградским, Северным, Сибирским и др.

При этом, говорилось в резолюции, археографические экспедиции научных учреждений Москвы и Ленинграда имеют преимущественное влияние в районах традиционных поисков: Поморье, Коми АССР, Карелия, Кольский полуостров, Кировская, Псковская, Новгородская области и Прибалтика (Ленинград), Среднее и Нижнее Поволжье, включая Горьковскую обл., Нечерноземный центр, Брянская область (Москва).

В резолюции подчеркивалась необходимость составления перспективных планов, проведения регулярных конференций по итогам экспедиций, концентрации в Археографической комиссии отчетов об экспедициях, а также регулярной публикации материалов об экспедициях и обследованиях музейных и библиотечных собраний рукописей. Конференция просила Археографическую комиссию войти с ходатайством в соответствующие учреждения с целью выработки законодательных актов для устранения имеющихся недостатков в организации археографических работ в нашей стране. Было признано целесообразным создать при Археографической комиссии и ее отделениях специальную группу, тождественную по своим функциям и правам Полевому комитету Института археологии АН СССР. Эта группа должна разрешать (или запрещать) все археографические экспедиции независимо от их ведомственной принадлежности, осуществлять координацию (в том числе с экспедициями других гуманитарных профилей) и перспективное планирование экспедиций, проверять их методику и отчетность, помогать повышению квалификации археографов.

Как уже сообщалось¹⁰, Северное отделение Археографической комиссии выпустило в свет «*Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный Археографический сборник*», вып. I (Вологда, 1970). Редколл.: П. А. Колесников (ответственный редактор), А. С. Бланк, Я. Н. Безносиков, В. А. Дмитриева, В. М. Малков, Н. Е. Носов, Г. Г. Фруменков, С. О. Шмидт.

В 1971 г. вышли в свет «*Археографический ежегодник за 1969 год*» и «*Археографический ежегодник за 1970 год*».

«*Удные списки Максима Грека и Исаака Собака*». Подгот. Н. Н. Покровский. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1971, 189 стр. (ротاپринт). Издание предпринято совместно с Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР и Главным архивным управлением при Совете Министров СССР.

П. А. Колесников. *Северная Русь (Архивные источники по истории крестьянства и сельского хозяйства XVII в.)*. Вологда, 1971, 208 стр. (издана совместно с Вологодским гос. педагогическим институтом и Северным отделением Археографической комиссии).

¹⁰ «Археографический ежегодник за 1970 год», стр. 383—384.

«Уральский Археографический ежегодник за 1970 г.» Пермь, 1971, 389 стр. Издание предпринято Уральским отделением Археографической комиссии и Пермским государственным университетом им. А. М. Горького. Редколл.: Ф. С. Горовой (гл. редактор), М. А. Иванова, И. С. Капцугович, Е. Н. Лукьянова, К. С. Маханек, В. В. Мухин (зам. гл. редактора), С. М. Томсинский (зам. гл. редактора), Л. А. Трефилова, В. Г. Черемных, С. О. Шмидт. В составе книги:

От редакции.

Постановление Бюро Отделения истории АН СССР от 22 сентября 1970 г. об организации Уральского отделения Археографической комиссии.

I. Статьи и сообщения

А. А. Преображенский. Об источниках по истории крестьянства Урала и Западной Сибири XVII—начала XVIII веков; *А. С. Терезин, Г. Д. Канторович.* Памятники каменной архитектуры XVII—начала XVIII веков в Соликамске; *С. М. Томсинский.* Новые материалы об эксплуатации детского труда на заводах Урала XVIII века; *А. С. Черкасова.* Ревизские сказки как источник по истории формирования горнозаводского населения; *Е. Д. Харитонова.* Ведомости о рабочих людях как источник для характеристики рабочей силы соляных промыслов Прикамья середины XVIII века; *Ф. С. Горовой.* О дате основания города Перми (К вопросу о датах основания городов как исторических памятниках); *В. Я. Кривоногов.* Источники о развитии найма рабочей силы в горнозаводской промышленности Урала дореформенного периода; *Б. Г. Плющевский.* Материалы центральных архивов о крестьянских отхожих промыслах в предреформенной русской деревне (1830—1850 гг.); *Л. П. Вахотова.* «Дела» землеустроительных комиссий Пермской губернии по ходатайствам крестьян о переселении; *В. Г. Черемных.* Некоторые источники о численности и составе рабочего класса Урала в период реконструкции народного хозяйства СССР (1926—1937 гг.).

II. Обзор и описания

В. В. Мухин. Материалы архива вотчины Всеволожских как источник по истории горнозаводской промышленности Урала конца XVIII—первой половины XIX веков; *В. А. Оборин.* Археографическая деятельность А. А. Дмитриева; *Л. А. Трефилова.* Обзор семейного фонда Теплоуховых; *Л. С. Кашигин.* Виктор Александрович Весновский. (К истории уральского краеведения); *Л. В. Коротяева.* Участие пермской комсомольской организации в борьбе за построение социализма в СССР (Обзор фонда Пермского окружного комитета ВЛКСМ).

III. Публикации

Е. Н. Полякова. Соликамские рукописи XVII—XVIII веков как источник изучения топонимии; *В. В. Мухин.* Волнения крестьян пермской вотчины Всеволожских в 1796—1797 годах; *А. В. Шилов.* Ценное свидетельство о положении вотчинных крестьян на золотых промыслах Пермской губернии в конце 30-х годов XIX века; *К. С. Маханек.* К истории крупного помещичьего хозяйства на Урале 40—50-х годов XIX века; *Н. Д. Аленчикова.* Документы о Петре Сцегенном в Государственном архиве Пермской области; *Я. Б. Рабинович.* К истории бесцензурной демократической печати на Урале; *Э. М. Мильман.* Новые материалы о первой стачке на строительстве уральских железных дорог; *Н. А. Аликина.* Новые листовки Пермской организации РСДРП; *М. А. Киприянова.* Из истории возрождения Мотовилихинской большевистской организации в годы нового революционного подъема (1910—1912 гг.); *М. Н. Царт.* Лениным призванный; *А. Г. Будрина, Г. А. Поликарпова.* Из неопубликованных писем И. Э. Грабаря.

IV. Воспоминания

М. А. Бобков. Совет Ильича (Воспоминания о встрече с В. И. Лениным); *А. Г. Наумова.* Встречи с Клавдией Ивановной Кирсановой-Ярославской.

V. Библиография

Работы членов кафедр истории КПСС, истории СССР досоветского периода и советского общества Пермского государственного университета за 1965—1969 годы.

VI. Хроника

Г. Деринг. Книги Пермского издательства к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина; *Н. И. Корсаков.* Научно-методическая конференция «Памятники истории и культуры Пермской области»; *Л. Г. Дворсон.* Пермский передвижной краеведческий музей; *Е. Д. Харитонова.* Первый филиал областного краеведческого музея в Перми.

Сведения об авторах.

Список сокращений.

И. Е. Тамм

СОВЕЩАНИЕ ПО СОСТАВЛЕНИЮ СВОДНОГО КАТАЛОГА СЛАВЯНО-РУССКИХ РУКОПИСЕЙ XI—XIV ВВ.

1—4 февраля 1971 г. Археографическая комиссия совместно с Библиотекой Академии наук СССР провела в Ленинграде (в БАН) совещание, посвященное выработке общих принципов и рекомендаций по описанию славяно-русских рукописей XI—XIV вв. для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР.

В совещании приняли участие крупнейшие специалисты по изучению и описанию славянских рукописей — представители крупнейших хранилищ рукописей страны (БАН, ГБЛ, ГИМ, ГПБ, ЦГАДА, ЦГИА СССР) и научных учреждений — Института истории СССР АН СССР (и его Ленинградского отделения), Института русского языка АН СССР, Института языкознания АН СССР (Московского и Ленинградского отделений), Института славяноведения и балканистики АН СССР, Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом), Сибирского филиала АН СССР, Центральной библиотеки АН Лит. ССР, Ленинградского и Новосибирского университетов, Северного отделения Археографической комиссии в Вологде, Института истории искусств Министерства культуры СССР, Института живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина Академии художеств СССР, Ленинградской консерватории.

На совещании были заслушаны: вступительное слово председателя Археографической комиссии С. О. Шмидта, сообщения сотрудников Археографической комиссии Н. Б. Шеламановой «О работе Археографической комиссии по составлению Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР» и М. Б. Булгакова «О подготовке Предварительного списка славяно-русских рукописей XV в., хранящихся в СССР» и доклад руководителя работы по составлению славянского выпуска Сводного каталога Л. П. Жуковской «О задачах совещания».

Археографической комиссией были подготовлены к совещанию материалы, в которых поставлены основные вопросы описания славянских рукописей, требующие разработки и выяснения. Эти материалы (подготовленные под руководством Л. П. Жуковской) включали: общие принципы построения Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР (до конца XV в. включительно); вопросы терминологии (единица описания; понятия «сборник», «конволют», «отрывок»; «точно и неточно датированная рукопись»); списки сокращений; возможные указатели; проект списка названий памятников с вариантами, предлагаемыми Комиссией, и nereкомендуемыми вариантами; обобщающие практику работы по описанию рукописей в БАН, ГБЛ, ГИМ, ГПБ и в Предварительном списке таблицы: последовательность элементов описания в основных хранилищах; последовательность элементов наименования памятников вообще и памятников, имеющих действительного или гипотетического автора; показ даты; описание флигранжей; обозначение формата и размера рукописей; показ количества листов и сохранности текста; передача шифров; определение типа письма и количества писцов; указания на писчий материал; сведения о переплете; описание украшений; указания на записи в рукописях; библиография рукописи; сведения о содержании рукописи.

Прения дневного заседания 1 февраля были посвящены обсуждению общих принципов построения и задач Сводного каталога. На последующих заседаниях обсуждались по всем составным элементам проблемы описания славяно-русских рукописей XI—XIV вв. и структура каталога.

* * *

Во вступительном слове С. О. Шмидт напомнил собравшимся о целях создания Сводного каталога. Археографическая комиссия начала работу по составлению Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, по инициативе и под руководством ее первого председателя академика М. Н. Тихомирова в 1960 г. Каталог был задуман как свод нарративных памятников письменности до конца XIV в. включительно (впо-

следствии Комиссия решила включить в каталог рукописные книги и XV в.), рукописей на языках народов нашей страны и рукописей на языках зарубежных народов, находящихся в хранилищах СССР. По объему сведений о рукописях каталог планировался кратким. Создание Сводного каталога призвано служить двум большим целям: введению в научный оборот всего древнейшего рукописного наследия нашей страны и сохранению этого рукописного богатства путем учета и обеспечения для рукописей необходимых условий хранения.

К настоящему времени Археографической комиссией издан «Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР»¹, ведется учет славяно-русских рукописей XV в.; созданы группы по составлению греческого и латинского выпусков Сводного каталога, возглавляемые Е. Э. Гранстром (ГПБ) и А. Д. Люблинской (ЛЮИИ СССР). Руководителем славянского выпуска каталога утверждена Л. П. Жуковская (Институт русского языка АН СССР).

С. О. Шмидт подчеркнул, что в работу по составлению Сводного каталога уже включилось много специалистов по изучению рукописей — историков, филологов, палеографов, историков литературы, искусствоведов. Описание рукописей для каталога поставлено в планы работы крупнейших хранилищ. Очень многие ученые, сотрудники научных учреждений — академических институтов, университетов, библиотек, музеев (в их числе и руководители выпусков Сводного каталога) — работают для каталога на общественных началах. Именно энтузиазм научной общественности является реальной гарантией создания Сводного каталога. С. О. Шмидт отметил, что Ленинград не случайно стал местом совещания: традиции русской науки в области изучения рукописей достойно продолжают здесь наши современники.

Н. Б. Шеламанова осветила работу Археографической комиссии по составлению Сводного каталога. Путем консультаций со специалистами по изучению рукописей из основных хранилищ страны и научных учреждений Комиссия, взявшая на себя общее руководство созданием каталога, выработала общие принципы и инструкцию (карточку) по описанию славянских рукописей, установила постоянные связи с хранилищами, в которых имеются древнейшие рукописи, привлекла к изучению рукописей большой актив научной общественности, установила контакты с Главным архивным управлением, Министерством культуры РСФСР, Институтом культуры РСФСР и другими руководящими организациями.

Н. Б. Шеламанова подробно остановилась на результатах учета славяно-русских рукописей XI—XIV вв., нашедших отражение в опубликованном «Предварительном списке славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР». Учет 1494 славяно-русских рукописей², а главное, их сосредоточение в подавляющем большинстве (более 1300) в пяти основных хранилищах страны — БАН, ГБЛ, ГИМ, ГПБ, ЦГАДА, где есть специалисты и необходимые условия для описания рукописей собственными силами, — показали реальную возможность подготовить Сводный каталог древнейших славяно-русских рукописей в недалеком будущем. Поэтому в 1966 г. расширенное бюро Археографической комиссии под председательством члена-корреспондента АН СССР В. И. Шункова, учитывая предложение, высказанное академиком М. Н. Тихомировым незадолго до смерти, приняло решение об учете славяно-русских рукописей XV в.

Подготовка Предварительного списка показала необходимость уточнения общих принципов построения и инструкции по описанию рукописей для Сводного каталога. Встали вопросы о полноте описания рукописей (количество элементов описания, полнота описания отдельных элементов, полнота описаний сборников), о структуре Сводного каталога. Выявилась необходимость выработки терминологии, унификации названий рукописей, установления взаимосвязи славянского и других выпусков Сводного каталога. Для выяснения всех этих вопросов стала ясна необходимость созыва совещания специалистов — знатоков рукописей различных профилей.

В сообщении М. Б. Булгакова была показана работа Археографической комиссии по составлению Предварительного списка славяно-русских рукописей XV в. Учет этих рукописей в основном уже завершён по стране и дал интересные результаты. Количество обнаруженных в хранилищах славянских рукописей XV в. оказалось значительно меньшим, чем было известно по печатным описаниям: несколько более 3 тыс. вместо 5 тыс., зафиксированных в печати. Количественное уменьшение рукописей XV в. — это, с одной стороны, результат гибели рукописей от войн и стихийных бедствий, отчасти следствие передатировки рукописей, когда некоторые рукописи, ранее датированные XV в., относятся сейчас исследователями к предшествующему или последующим столетиям. Опросом Археографической комиссии были охвачены около 900 хранилищ страны — архивов, музеев, библиотек, куда было послано около 3 тыс. запросов (в некоторые хранилища запросы приходилось посылать по несколько раз).

¹ «Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966, стр. 177—272.

² В настоящее время в связи с перепроверкой фондов в некоторых местных хранилищах выявлено еще 10 рукописей XIV в. Но вместе с тем выяснилось, что дата некоторых рукописей неверна, и они должны быть исключены из каталога рукописей XI—XIV вв.

Славяно-русские рукописи XV в. обнаружены в 60 хранилищах страны. Как и для периода XI—XIV вв., подавляющее большинство их сосредоточено в основных хранилищах (в ГПБ — 800, ГБЛ — 750, ГИМ — 720). Рукописи XV в. имеются в хранилищах РСФСР, Укр. ССР, Лит. ССР, Эст. ССР, Арм. ССР, Каз. ССР. Как и для древнейших рукописей, местным хранилищам потребуется оказать помощь в описании рукописей XV в., что Археографическая комиссия частично уже делает.

Руководитель славянского выпуска Сводного каталога *Л. П. Жуковская* подчеркнула, что задачей совещания является выработка рекомендаций по идентичному описанию рукописей для Сводного каталога, описанию высокой научной ценности. В условиях, когда древние славянские рукописи находятся в сорока хранилищах страны, где существуют хорошие, проверенные временем, традиции описания рукописей, различные, однако, между собой (по количеству и порядку элементов описания, их полноте и пр.), добиться высококачественного и однотипного описания рукописей в хранилищах — цель нелегкая. Она усложняется тем, что в хранилищах мы встречаемся с людьми разной подготовки и опыта в деле изучения рукописей, с различным состоянием описания фондов, с различной обеспеченностью работников хранилищ необходимыми пособиями, с различными возможностями на местах получить консультации специалистов из научных учреждений. Участники совещания должны учесть эти различные условия описания рукописей в хранилищах и высказать свои авторитетные мнения по основным вопросам обсуждения: об элементах описания рукописей, по вопросам терминологии, наименований памятников, структуры Сводного каталога.

Докладчик подчеркнула важность вопроса об авторстве в будущем Сводном каталоге. Точно указанное авторство описания каждой рукописи — это не только почет для исполнителя, но и указание на ответственность лица, давшего сведения о рукописях. В то же время для читателя это гарантия доверия к научному качеству сведений. Авторами каталога должны считаться те специалисты, которые действительно описывали рукописи, а не должностные лица, администраторы хранилищ. Деятельность этих администраторов в помощь составлению Сводного каталога может быть отмечена как-либо иначе (выражение благодарности и пр.), но авторство должно быть признано только за непосредственными составителями описания рукописей, что должно повысить их ответственность за работу и авторитетность Сводного каталога. Это мнение *Л. П. Жуковской* встретило поддержку большинства выступающих в прениях по общим принципам построения Сводного каталога (акад. *Д. С. Лихачев*, *С. О. Шмидт*, *А. Д. Люблинская*, *А. И. Копанев*).

Академик *Д. С. Лихачев* в своем выступлении отметил, что такое грандиозное мероприятие, которое возглавила Археографическая комиссия, как Сводный каталог, имеет и то научное значение, что работа над ним может и должна вырастить не одного крупного специалиста. Он назвал эту работу по подготовке Сводного каталога «лучшим университетом» для специалистов по изучению рукописей. *Д. С. Лихачев* призвал составителей каталога к большой ответственности за те сведения о рукописях, которые они дадут в каталог. Ошибки или пропуски в Сводном каталоге — наиболее авторитетном издании — могут надолго закрыть некоторые рукописи для исследования. Поэтому, чтобы выдержать в Сводном каталоге «принцип надежности» сведений, предлагается ввести в нем «знак неуверенности», которым будут отмечаться данные, вызывающие сомнения у описателя. Это не должен быть знак вопроса, так как он многозначен, а следует выбрать какой-либо другой знак.

О. В. Теорогов (ИРЛИ) и *М. В. Кукушкина* (БАН) внесли предложение — в целях облегчения описания рукописей в хранилищах создать для составителей Сводного каталога методические указания как по описанию отдельных видов памятников письменности, так и элементов описания рукописей. Составление методических разработок следует поручить крупнейшим специалистам разных профилей. Археографическая комиссия может сплотить вокруг себя группу таких специалистов-консультантов и выработанные ими методические указания разослать в хранилища вместе с инструкцией по описанию рукописей.

О. И. Подобедова (Институт истории искусств Министерства культуры СССР) и *Ю. К. Бегунов* (ИРЛИ) высказались за возможно полный вариант Сводного каталога. Подобедова предложила включить в каталог сведения по истории рукописи, о месте написания, бытования, нахождения, связи ее с определенными культурными центрами, а также сведения о редакциях текста и типах книг. Бегунов настаивал на подробном описании рукописи по всем элементам и полном раскрытии содержания рукописи по статьям. По его мнению, описание рукописей нельзя доверять сотрудникам некоторых местных хранилищ. Эту работу должна выполнить своими силами Археографическая комиссия.

Я. С. Лурье (ИРЛИ) поддержал предложенный Комиссией выбор хронологических граней Сводного каталога — конец XV—начало XVI в.: для славянских рукописей здесь проходит граница в смене типа памятников (по Седельникову). Он приветствовал включение в Сводный каталог рукописей XV в.

Представитель Северного отделения Археографической комиссии в Вологде *Ю. С. Васильев* просил помощи Археографической комиссии в описании рукописей, которые выявляются местными археографическими экспедициями. Отделение обязуется оказывать материальное обеспечение посланным из центра специалистам.

А. И. Копанев (ЛОИИ СССР) считает правильной ориентацию Комиссии на краткий тип Сводного каталога, как реально осуществимый. Но сведения каталога должны быть предельно надежными и выверенными. Вопрос о взаимоотношении Сводного каталога и описаний рукописей в хранилищах, уже существующих или будущих, следует решать так, что они не должны подменять друг друга. Составление Сводного каталога не должно нарушать сложившихся традиций в описании рукописей в хранилищах. Сводный каталог должен взять из этих традиций лучшее. Но сам он должен дать единую, унифицированную форму описания для всех древнейших славянских рукописей страны, находящихся в разных хранилищах и описываемых в них по-разному. Археографическая комиссия является тем центром, который призван, учитывая богатый опыт описания славянских рукописей в нашей стране, выработать единые принципы описания рукописей для Сводного каталога. Эту мысль поддержали *А. С. Мьяльников* (ГПБ), *С. О. Шмидт*, *А. Д. Люблинская*.

В завершение общей дискуссии *М. В. Кукушкина* (БАН) также высказалась за краткий тип Сводного каталога и поставила вопрос о сроках его составления. Советствие должно определить тот минимум сведений, который необходим для Сводного каталога. По мнению *М. В. Кукушкиной*, в крупных хранилищах также могут отсутствовать специалисты по отдельным профилям, и этим хранилищам Археографическая комиссия должна оказать помощь присылкой специалистов. Так, в БАН нет своих искусствоведов и лингвистов, и ей нужна помощь в изучении языка и украшений рукописей.

Отвечая на вопрос *М. В. Кукушкиной*, *С. О. Шмидт* сказал, что по предварительным планам, Археографическая комиссия рассчитывает закончить составление славянского выпуска рукописей XI—XIV вв. к концу 1975 г., но основную работу (а это зависит от хранилищ) желательно завершить в 1974 г., в мелких хранилищах даже ранее.

* * *

Совещание одобрило предложенный Археографической комиссией выбор единицей описания в Сводном каталоге «исторически сложившуюся единицу хранения». В связи с этим части одной и той же рукописи, оказавшиеся разрозненными в нескольких хранилищах, описываются как самостоятельные единицы хранения; к их описаниям будут даны взаимные ссылки. За это высказались *Н. Б. Тихомиров* (ГБЛ), *Л. П. Жуковская*, *Д. Н. Альшиц* (ГПБ), *С. О. Шмидт*; против — *О. И. Подобедова*, предложившая давать целостное описание рукописи при большей ее части.

Обсуждение других вопросов, в том числе терминологических, вызвало живую дискуссию и не привело к единому решению. Не было согласовано понятие терминов «сборник», «конволют» и «отрывок» и способов их описания. Советствие избрало комиссию по выработке типа описания сборников во главе с *В. Ф. Покровской* (в составе *Л. М. Костюхиной* — ГИМ, *Н. Н. Розова* — ГПБ, *Н. Б. Тихомирова* — ГБЛ). Комиссии поручено представить свои рекомендации в Археографическую комиссию в виде методической разработки по описанию сборников, конволютов и отрывков.

По формальным элементам описания рукописи единодушно были приняты решения о показе шифров рукописей: шифр дается новый, действующий в хранилище, и в той форме, какая там принята. Название хранилища приводится в сокращенном виде. Сокращенные названия хранилищ и фондов с указанием местонахождения хранилища, номеров фондов и пояснениями системы шифров в хранилищах помещаются в списках сокращений, принятых для Сводного каталога, как это делалось в Предварительном списке. Советствие высказалось за необходимость приводить сведения о старых шифрах и подумать, где эти сведения поместить в каталоге. В отношении показа формата и размера рукописей было решено у рукописей пергаменных отмечать размер листа (а не переплета или текста) в сантиметрах (длина на ширину, целые и десятые доли см), у рукописей бумажных отмечать размер в см и формат в долях листа (1°, 4°, 8°). Относительно количества листов и сохранности текста решено показывать количество листов по новой нумерации, если рукопись перенумеровывалась. В ходе дискуссии осталось неясным, учитывать ли чистые листы старой бумаги, находящиеся в середине текста, неясны между переплетом и текстом (это должна подсказать практика работы в хранилищах). Решено отмечать все дефекты рукописи: утрату листов (отсутствие начала и конца рукописи и листов в середине), утрату текста на имеющихся листах (обрывы листа, выцветание чернил, порча писчего материала вредителями и грибами и пр.) и утрату художественных украшений, отмечать также случаи реставрации рукописи, если они имели место.

Писчий материал решено обозначать во всех случаях, т. е. и когда рукопись написана на пергамене, и когда на бумаге. В случае, если в рукописи употреблены оба этих писчих материала, должны указываться листы каждого из них и порядок их чередования.

В передаче записей совещание было едино во мнении, что текст их приводить не удастся. Поэтому следует ограничиться указанием на наличие записей (с приведением листов, на которых они находятся) и на характер записей по их содержанию. Но вопрос о полноте этих указаний вызвал споры. *Е. Э. Гранстрем* (зачитано было ее письмо)

предложила приводить сведения о наличии всех записей в рукописи, давая характеристику их содержания (владельческие, вкладные и пр.), называя всех лиц, которые причастны к записи, а также географические объекты, упоминаемые в записи, дату записи, прямую, указанную ее автором, или косвенную, определенную исследователем рукописи, и почерк автора записи. Другие выступавшие (*М. В. Кукушкина, Л. П. Жуковская, В. Ф. Покровская, Я. Н. Шапов (Институт истории СССР), С. О. Шмидт, Н. Н. Розов*) предложили ограничиться общей характеристикой незначительных записей, но отдельно отмечать записи, имеющие значение для истории рукописи: владельческие, вкладные, продажные и пр. В описании этих записей, кроме характеристики их содержания, обязательно должны приводиться имена писца и заказчика, место написания рукописи или приписки, дата записи.

Всестороннему обсуждению подвергся вопрос о названии рукописи, хотя на совещании и не был рассмотрен весь список наименований памятников, представленный Археографической комиссией (при участии Н. Б. Тихомирова), составленный на основе Предварительного списка славяно-русских рукописей XI—XIV вв. и Указателя памятников древней славяно-русской письменности, составленного Л. П. Жуковской³. Основной вопрос в раскрытии пункта «название» заключается в том, насколько полно и идентично отражается в нем содержание рукописей. Археографическая комиссия по рекомендации Н. Б. Тихомирова предложила для облегчения заголовка внести в описание самостоятельный пункт «содержание», где весь состав рукописи будет указан полностью (в том числе пропуски в памятниках традиционного содержания, прибавления к ним), состав сборников раскрывается здесь постатейно, указывается содержание отрывков. В пункте «название» предполагается указывать только наименование основной единичной рукописи или давать обобщающее название «сборник» (с характеристикой составляющих его статей). У отрывков будет даваться название того произведения или сборника, частью которых они являются, с пометой «отрывок». Это предложение было одобрено совещанием.

Совещание высказалось за то, чтобы для так называемых «авторских произведений» (имеющих действительного или гипотетического автора) первым в заглавии ставить наименование произведения, а потом имя автора, поскольку среди славянских рукописей авторских произведений вообще мало и для них важнее подчеркивать жанр (выступления *Н. А. Мещерского, Д. Н. Альшица, А. И. Рогова* (Институт славноведения и балканистики), *О. В. Творогова, Н. Б. Тихомирова, Н. Н. Розова, Л. М. Костюжиной* (ГИМ), *В. Ф. Покровской*). За вынесение вперед имени автора высказался *Ю. К. Бегунов*. Им же подчеркивалась необходимость унификации в написании имен авторов, их прозвищ, чинов и должностей.

Бегунов и *Альшиц* по-разному подошли к употреблению в заголовке самоназвания рукописи или отдельных статей сборников. *Альшиц* предложил пользоваться самоназваниями рукописей, *Бегунов* возражал против этого. Совещание рекомендовало не пользоваться самоназваниями рукописей, но проявлять осторожность в названиях рукописей, стараясь не нарушать традиции (предложения *О. В. Творогова, О. И. Подобедовой*).

Были высказаны конкретные рекомендации по наименованиям ряда памятников. *Н. А. Мещерский* говорил о ветхозаветных текстах и житийной литературе, *Ю. К. Бегунов* — о памятниках учительной литературы, *А. И. Рогов* и *Н. Б. Тихомиров* — о служебной литературе, *О. В. Творогов* — о памятниках исторического содержания, *Я. Н. Шапов* — о правовых памятниках.

Особое внимание привлек вопрос о передаче названий сборников. Совещание рекомендовало раскрывать весь состав в пункте «содержание» у сборников неустойчивого характера, указывая в названии характер таких сборников (богослужебный, сборник поучений и житий и пр.). У сборников устойчивого состава (прологи, минеи, чела, золотая цепь и т. п.) все статьи указывать не рекомендуется, отмечаются только статьи, не характерные для данного типа сборников, особенно русские статьи (предложения *О. В. Творогова, Ю. Н. Бубнова* — БАН).

Совещание обратилось с просьбой взять на себя составление методических указаний по описанию отдельных групп памятников к *Н. А. Мещерскому* (по ветхозаветным текстам), *О. В. Творогову* (рукописи исторического содержания), *Я. Н. Шапову* (правовые памятники), *Ю. Н. Бубнову* (прологи) и получило их согласие.

Мнения о раскрытии содержания сборников неустойчивого состава суммировала *В. Ф. Покровская*, и ее рекомендации были приняты совещанием. Согласно этим рекомендациям содержание сборников раскрывается все, постатейно, независимо от дат статей — в порядке их нахождения в сборнике, с указанием листов, даты и почерка каждой статьи. Указывается только название статей, подробно содержание их не раскрывается. Приводит начальные и конечные слова статей для Сводного каталога необязательно, но при описании сборников в хранилищах и в сведениях, присылаемых из хранилищ в Археографическую комиссию, эти данные следует давать, особенно в статьях, не имеющих начала или конца, для лучшего определения их содержания.

³ «Советское славноведение», 1969, № 1.

Не нужно бояться, если в Сводном каталоге проявится неравномерность в описании одинаковых по типу рукописей или памятников. Это неизбежно при существующем различии в изучении рукописей. Рукопись, хорошо изученная и описанная, имеющая большую библиографию, в Сводном каталоге в силу этого может получить небольшое описание с обширной библиографической справкой. Рукопись, мало известная или мало изученная, будет описана подробнее. На это следует указать в предисловии к каталогу. При описании сборников рекомендуется уделять большее внимание мало известным или неизвестным статьям, особенно русского происхождения.

О. В. Творогов предложил, в тех случаях, когда сборники имеют развернутые печатные описания с росписью статей, отмечать эти описания в библиографии. *Н. Б. Тихомиров*, *Н. Н. Розов* мотивировали обязательность указания при описании миней и прологов месяцев, на которые они рассчитаны.

Содержание отрывков предлагается описывать кратко, указав, какую часть рукописи они представляют (статью, главу и пр.), начальные и конечные слова отрывка в Сводном каталоге не приводятся (в описаниях, которые будут присылаться из хранилищ в Комиссию, их следует приводить — предложение *Н. Б. Тихомирова*). *Н. Б. Тихомиров* предложил обязательно отмечать в библиографии факты изменения названия (определения содержания) рукописи, если это имело место.

При обсуждении вопроса о дате рукописи совещание было едино во мнении, что рукопись вносится в каталог по той дате, какую определили у нее современные хранители, и что у разновременных рукописей (единых по содержанию и сборников) показываются сразу все даты составных частей; разновременные рукописи помещать в каталоге по древнейшей дате. Едино было мнение, что другие датировки рукописи, имеющиеся в научной литературе, но не принятые современными описателями, обязательно должны быть приведены в каталоге. Сведения о других датировках рукописи или ее частей помещаются в библиографии рядом с работами соответствующих исследователей (предложение *Н. Б. Тихомирова*).

Н. Б. Шеламанова добавила, что даты разновременных рукописей должны перечисляться сразу все в хронологическом порядке. Во избежание путаницы в показе дат рукописей, разновременных и датированных рубежом веков, рекомендуется в датировках рукописей разновременных употреблять две буквы «в» для обозначения веков, а у рукописей, датированных концом одного века и началом следующего, — одну букву «в»; цифры дат у разновременных рукописей разделяются запятой и союзом «и». Даты (с показом листов) разновременных частей рукописи отмечаются в пункте «содержание».

Сведения о филигранях сообщаются обязательно. Полноту их (давать ли описание сюжета филигранны или ограничиться ссылками на номер их по пособиям), а также место в каталоге определит редакция Сводного каталога.

Я. Н. Шапов предложил рядом с датой рукописи указывать место ее написания, если его можно определить.

В характеристике письма совещание рекомендовало ограничиться для славяно-русских рукописей XI—XIV вв. указаниями на основные его типы — устав, полуустав (для кириллицы), не отмечая их особенностей. Наличие глаголического письма отмечается.

О назначении библиографии как источника сведений об изученности рукописи и ее истории говорили *Н. Б. Тихомиров*, *Я. Н. Шапов*, *А. И. Розов*.

Совещание единодушно решило включать в библиографию три вида работ: публикации и фотографии рукописи; ее описания; исследования представителей разных наук. *Н. Б. Тихомиров* предложил хронологический принцип расположения литературы, не разделяя ее тематически по рубрикам, но с обязательной аннотацией работ в сокращенном виде в скобках (сним., публ., опис., исслед.). Он и *В. Ф. Покровская* рекомендовали обязательно указывать первые по времени издания (независимо от их качества) работы о рукописи для выяснения, когда рукопись вошла в научный оборот. *Тихомиров* и *Покровская* рекомендовали фиксировать издания не только всей рукописи в целом, но также снимки и публикацию ее отдельных частей или листов в различных изданиях (описаниях, палеографических альбомах, исследованиях и др.). *Я. Н. Шапов*, *А. И. Розов*, *Н. Б. Шеламанова* говорили о необходимости выработать критерий отбора литературы, указываемой в библиографии. Они подчеркивали, что в Сводном каталоге этим критерием должно быть качество описаний и исследований, а не время их издания.

Н. Б. Тихомиров предложил поместить в пункте «библиография» сведения об истории рукописи: старые сведения о шифрах, датировках, названии рукописи, которые не приняты современными описателями в хранилищах.

О. В. Творогов высказался за создание единого центра при каком-либо научном институте или в Археографической комиссии, который бы составил библиографию ко всем рукописям каталога, освободив от этого труда хранилища. Это предложение не встретило поддержки совещания, так как такой работой должен заниматься исследователь рукописи, а не библиограф. Но результатами работ по библиографии древнейшей славянской письменности, которая ведется в Москве в Институте русского языка (руководитель — *М. Г. Ижевская*) и в Ленинграде в ИРЛИ (руководитель — *А. Ф. Дробленкова*), составителям каталога нужно будет воспользоваться.

Н. Б. Шеламанова предложила давать все сведения о публикациях рукописи или ее частей, так как их немного. В отношении описаний и исследований в качестве исключения приводить сведения о рукописи и невысокого научного значения, если они единственные в печати (обзоры фондов, заметки в журналах или газетах и т. п.).

В. В. Колесов (ЛГУ) подчеркнул, что в библиографию должны войти работы, которые касаются рукописи как таковой: ее содержания, даты, языка, внешних признаков, истории. Специальные работы, посвященные вопросам истории древнерусского языка, искусства, в которых используются данные этой рукописи, в ее библиографию включать не следует.

Вопрос об определении языка рукописей вызвал большую дискуссию. *В. В. Колесов* высказался за обязательное определение извода рукописи, диалектных особенностей и языковых влияний, а также места написания рукописи по лингвистическим данным. Он рекомендовал обратить внимание на акцентуацию рукописей, так как, по его мнению, именно она позволяет выявить школы письма и их центры.

Н. Б. Тихомиров, Л. П. Жуковская, С. О. Шмидт указывали, что при сложности самих лингвистических проблем и при нехватке специалистов-лингвистов в хранилищах определение диалектов едва ли будет возможно в сроки, принятые для составления Сводного каталога, и, видимо, придется ограничиться только указанием на язык (извод) рукописи. Для определения языка рукописей даже в крупных хранилищах потребуются помощь специалистов. По предложению *Л. П. Жуковской*, совещание просило *В. В. Колесова* составить методические указания по определению языка рукописей и акцентуации и получило его согласие.

С развернутым сообщением о методике описания художественных украшений рукописной книги выступил *Ю. А. Неволин* (ГБЛ). Указав, что описание художественных украшений рукописей требует искусствоведческого подхода к нему, докладчик высказал мнение, что при наличии методических указаний, составленных специалистом-искусствоведом, описание украшений рукописей может сделать и неспециалист-искусствовед. Неволин дал классификацию художественных украшений рукописей (миниатюры, заставки, орнамент, инициалы, рамки на полях) и подробно остановился на методике описания миниатюр. О миниатюрах сообщается: количество их, листы, на которых они находятся, сюжет миниатюры, техника исполнения (в красках, чернилами, киноварью). Об орнаменте и заставках сообщается их тип, техника исполнения и указываются листы. Для инициалов указывается их тип и техника исполнения, листы не показываются. Для определения типа орнамента следует разработать методические указания, в которых были бы даны образцы всех типов орнамента славянских рукописей XI—XIV вв. (византийский, тератологический, балканский и неовизантийский, примитивный) с указанием времени их распространения. Описатель должен указывать, выполнено ли то или иное украшение чернилами или красками, но словесного описания цвета украшений, по мнению *Ю. А. Неволина*, давать не следует, так как тут оценка исследователей бывает очень субъективной. Не следует указывать и размеры украшений, так как практически для исследователя эти сведения бесполезны. Желательно, если возможно, определить художественную школу украшений. К Сводному каталогу необходимо составить указатель имеющихся в рукописях украшений по их типам. *Ю. А. Неволин* согласился составить методические указания по описанию художественных украшений в рукописях.

В. Д. Лихачева (Институт им. Репина), *О. В. Звягинцева* (ГПБ), *О. И. Белоброва* (ИРЛИ), *А. Д. Люблинская* поддержали мнение о необходимости давать в Сводном каталоге характеристику типов орнамента. *В. Д. Лихачева* выразила сомнение, что описание художественного оформления рукописей сможет выполнить неспециалист. *О. В. Звягинцева* подчеркнула необходимость выработки терминологии при описании художественных украшений рукописной книги. *О. И. Белоброва* высказалась за включение в библиографию искусствоведческих работ. Последние рекомендации были одобрены совещанием.

О. И. Подобедова познакомила совещание с планом и системой описания художественных элементов рукописной книги в Институте истории искусств Министерства культуры СССР, где к 1976 г. намечено издать Корпус художественного наследства Руси домонгольского периода.

М. В. Бражников (Ленинградская консерватория) высказался за обязательный учет в Сводном каталоге певческих рукописей. Описание рукописей, имеющих нотные знаки, — дело очень трудное, так как количество специалистов по древним певческим рукописям ограничено. Сейчас при Ленинградской консерватории начал работать семинар по древнерусской музыке и палеографии нотных рукописей. Людей, которые прослушали этот семинар, можно будет привлечь к описанию древних певческих рукописей. Появляется литература о древнерусской музыке. Певческие рукописи по конец XIV в. уже учтены *М. В. Бражниковым* в его докторской диссертации, но возможны находки певческих текстов среди непевческих рукописей. *М. В. Бражников* сообщил, что в 1966 г. в Польше состоялся Конгресс по изучению певческих рукописей, который принял решение создать Каталог певческих рукописей в европейском масштабе. Работа по составлению этого каталога уже начата, и именно с учета рукописей нашей страны, так как у нас оказалось 90% всех певческих рукописей Восточной Европы. Совещание получило согласие *М. В. Бражникова* составить методическую раз-

работку по описанию певческих рукописей. В настоящее же время можно использовать рекомендации опубликованной статьи М. В. Бражникова⁴.

Мнения об описании переплетов подытожили *Я. Н. Шапов* и *Л. П. Жуковская*. Рекомендуется указывать наличие переплета, определять его дату, обязательно оговаривая, если переплет современен рукописи, отмечать его художественное оформление и материал. *В. Ф. Покровская* предложила отмечать дефекты переплета.

Проект структуры Сводного каталога, расположения элементов описания, представила совещанию *Л. П. Жуковская*. Принцип построения Сводного каталога — хронологически-алфавитный. Порядок расположения элементов описания: дата (если она не внесена в заголовок раздела), название, шифр, язык, почерк, писчий материал, количество листов, формат (размер), количество строк, сведения о сохранности текста, нотные знаки, акцентирование, художественные украшения, переплет, записи, содержание, библиография. Со структурой описания рукописей в МГУ и ГИМ познакомили совещание *И. В. Поздеева* и *Л. М. Костюхина*. Они выдвигают на первое место шифр. *Н. Б. Тихомиров*, *О. В. Творогов*, *Л. П. Жуковская*, *М. В. Кукушкина*, *В. Ф. Покровская* настаивали на том, что первым элементом описания должно быть название, а потом шифр, так как главная характеристика рукописи — ее название.

Совещание поручило Археографической комиссии разработать структуру Сводного каталога, учтя пожелания совещания. Необходимо разработать также систему указателей (предложения *Н. Б. Тихомирова*, *О. В. Творогова*).

Одновременно с основным совещанием по описанию славянских рукописей проходили под руководством А. Д. Люблинской заседания группы по составлению латинского выпуска каталога. *А. И. Киселева* (БАН) сообщила совещанию о ходе работы над латинским выпуском и ознакомила с проектом схемы описания латинских рукописей для каталога. *И. Н. Лебедева* (БАН) рассказала о работе по подготовке греческого выпуска. *Д. Ю. Лабанускене* познакомила совещание с состоянием работы по описанию славянских рукописей в Центральной библиотеке АН Лит. ССР, где имеется известное собрание древнерусской книги, описанное Добрянским и учтенное в советских путеводителях по библиотеке. Однако библиотеке потребуется помощь специалистов в изучении древнеславянских рукописей. *Н. А. Мальцева* сообщила, что для описания славянских рукописей в ЦГИА СССР также необходима помощь специалистов.

Совещание прошло в обстановке деловой, оживленной и плодотворной дискуссии. Многие участники высказывались многократно по интересующим их вопросам. Особенно активно выступали представители хранилищ *Л. М. Костюхина*, *М. В. Кукушкина*, *В. Ф. Покровская*, *Н. Н. Розов*, *Н. Б. Тихомиров*.

Совещание одобрило деятельность Археографической комиссии по составлению Сводного каталога и приняло ряд рекомендаций. Оно одобрило общие принципы построения Сводного каталога, его краткий тип, единицу описания (единица хранения), количество и содержание элементов описания, структуру каталога — хронологически-алфавитный принцип построения, систему указателей. Совещание приняло конкретные рекомендации в отношении отдельных элементов описания. Совещание признало необходимым составление методических указаний по описанию славянских рукописей XI—XIV вв. для авторов — составителей описаний в хранилищах. Методические указания составляются как к отдельным элементам описания, так и к отдельным типам памятников.

Совещание поручило Археографической комиссии доработать с учетом рекомендаций и методических разработок, которые составят специалисты, инструкцию по описанию славяно-русских рукописей XI—XIV вв. и разослать ее в хранилища. Желательно напечатать методические указания и инструкцию ротационным способом. Совещание обратилось ко всем работникам хранилищ, которые будут описывать рукописи для Сводного каталога, к специалистам по изучению рукописей — историкам, палеографам, лингвистам, литературоведам, искусствоведам, а также к руководителям хранилищ и научных учреждений с просьбой оказать Археографической комиссии помощь в описании рукописей для Сводного каталога.

Совещание приняло также частные рекомендации: принять меры к переизданию в виде единой книги описание греческих рукописей *Е. Э. Гранстрем*, опубликованное частями в «Византийском временнике», а также содействовать изданию *М. В. Бражникова* Благовещенского кондакаря, *О. И. Подобедовой* и *М. В. Мещерским* — Хроники Георгия Амартола и *Т. В. Диановой* (ГИМ) — альбома флиграней.

Совещание послало приветствия крупнейшим специалистам — знатокам рукописей: чл.-корр. *В. П. Адриановой-Перетц*, *Е. Э. Гранстрем*, *И. М. Кудрявцеву*, *В. И. Малышеву*, *М. В. Щепкиной*, которые по состоянию здоровья не могли принять личного участия в совещании.

Н. Б. Шеламанова

⁴ «Вопросы архивоведения», 1965, № 2, стр. 50—59.

О РАБОТЕ НАД ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ СПИСКОМ СЛАВЯНО-РУССКИХ РУКОПИСЕЙ XV В., ХРАНЯЩИХСЯ В СССР

В 1971 г. в Археографической комиссии продолжалась работа над Предварительным списком славяно-русских рукописей XV в., хранящихся в СССР. Сотрудником Комиссии М. Б. Булгаковым собраны данные о рукописях XV в. в ЦГАДА по собраниям Ф. Ф. Мазурина, М. А. Оболенского, Рукописного отдела Библиотеки МГАМИД, фонда Библиотеки Московской Синодальной типографии и др. Всего просмотрено 350 рукописей, числившихся по архивным описаниям как рукописи XV и XVI вв., причем из 200 рукописей XVI в. оказались 32 рукописи XV в. (передатировка производилась на основании почерка и водяных знаков)¹.

Для проверки и уточнения сведений о рукописях XV в. М. Б. Булгаков обследовал архивы и краеведческие музеи Ленинграда (Научная библиотека ЛГУ, Архив ЛОИИ СССР АН СССР, ЦГИА СССР), Вологды (Областной историко-художественный музей-заповедник), Тотьмы (Районный краеведческий музей), Череповца (Районный краеведческий музей), Калязина (Районный краеведческий музей), Костромы (Областной историко-художественный музей-заповедник), Вязников (Районный краеведческий музей).

В результате были собраны все необходимые сведения о рукописях указанных хранилищ для Предварительного списка, причем в некоторых хранилищах уточнялась датировка отдельных рукописей в пределах XV в. и определялся извод почти всех рукописей XV в.

Помимо этого в отдельных хранилищах просматривались рукописи, числившиеся по внутренним описаниям хранилищ как рукописи XVI в. и более поздние; среди них были обнаружены рукописи XV и конца XV—начала XVI в. Так, в Архиве ЛОИИ СССР АН СССР из 80 рукописей, числившихся как рукописи XVI в. коллекции Н. П. Лихачева (Русская секция, ф. 238, оп. 1), 11 оказались относящимися к XV и концу XV—началу XVI в.: № 38 — Молитвослов (отрывок); № 53 — Минея служебная (октябрь, отрывок); № 55 — Минея праздничная; № 97 — Евангелие-тетр; № 100 — Евангелие-апракос; № 114 — Сборник житий отцов церкви; № 128 — Псалтырь; № 129 — Евангелие-апракос; № 161 — Сборник житий русских святых; № 271 — Лествица Иоанна Лествичника; № 368 — Евангелие-тетр. Из 20 рукописей Вологодского музея-заповедника, числившихся по общей инвентарной картотеке как рукописи XVI в. и как недатированные, 3 рукописи оказались конца XV—начала XVI в.: № 1989 — Минея служебная (ноябрь); № 2156 — Псалтырь с исследованием; № 7293 — Ирмологий и Октоих (на крюковых нотах). Из 14 разновременных рукописей (с XVI по XIX в.) Тотемского музея одна рукопись оказалась XV в.: № 14344 — Октоих (отрывок). Из 30 рукописей Череповецкого музея, числившихся как рукописи XVI и XVII вв., 9 рукописей оказались XV и конца XV—начала XVI в.: № 10 — Минея служебная (июль); № 35 — Минея служебная (август); № 16 — Минея служебная (май); № 9 — Минея служебная (сентябрь); № 48 — Ирмологий; № 67 — Минея служебная (июнь); № 76 — Минея служебная (ноябрь); № 77 — Минея служебная (январь); № 93 — Минея служебная (октябрь). Из 9 рукописей XVI в. Костромского музея 4 рукописи оказались XV и конца XV—начала XVI в.: № 783 — Евангелие-тетр; № 909 — Евангелие-апракос; № 938 — Евангелие-тетр; № 1020 — Евангелие-апракос. Из 17 рукописей Вязниковского музея XVI—XVII вв. 3 рукописи оказались XV в.: № 1004 — Сборник слов и поучений отцов церкви; № 1036 — Сборник слов и поучений отцов церкви; № 1039 — Сборник патериковых житий святых.

Сведения о передатированных рукописях находятся как в Археографической комиссии, так и в тех хранилищах, рукописи которых были просмотрены.

Такая конкретная научно-исследовательская работа Комиссии по проверке датировки рукописей намечена и на ближайшие годы.

¹ Об этой работе см.: М. Б. Булгаков. К датировке отдельных рукописей ЦГАДА. — «Советские архивы», 1972, № 4, стр. 59—64.

КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ МЕТОДИКЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПОЧЕРКОВ В ДРЕВНЕРУССКОЙ РУКОПИСНОЙ КНИГЕ

26—27 апреля 1971 г. состоялась научная конференция, организованная Институтом истории искусств Министерства культуры СССР совместно с Археографической комиссией. На утреннем заседании 26 апреля были заслушаны доклады М. В. Щепкиной (ГИМ) «Два случая отождествления почерков в новгородских пергаментных рукописях конца XIII в.» и Б. М. Клосса (Институт истории СССР АН СССР) «Задачи изучения монастырских рукописных мастерских».

Открывая заседание, С. О. Шмидт охарактеризовал основные задачи совещания и информировал об организационных мероприятиях, которые проводит в этом плане Археографическая комиссия, в частности, в связи с работой по составлению Сводного каталога древних рукописей¹.

Доклад М. В. Щепкиной был посвящен двум случаям отождествления почерков в древнерусских рукописях. Первый из них указан Ф. И. Буслаевым («Свод изображений из лицевых апокалипсисов». М., 1884). Давая описание Уваровского Апокалипсиса № 58 середины XVII в., Буслаев обратил внимание, что почерк в этой рукописи идентичен почерку Забелинской Александрии № 8 второй половины XVII в. Он указал, что текст Апокалипсиса скопирован с Киевского издания 1625 г. Захарии Копыстенского. Прецизионный полуустав, которым написаны обе рукописи, заимствован из типов греческих букв, употребленных в фронтисписах издания 1625 г. В довершение сходства обеих рукописей Буслаев отметил и принадлежность их иллюстраций одному и тому же мастеру. Миниатюры Апокалипсиса и Александрии объединяет особый тип горного пейзажа и характерная тональность окраски. Других рукописей с такими начертаниями букв и подобными приемами миниатюры до сих пор не встречено.

Второй случай касается двух пергаментных рукописей последней четверти XIII в., хранящихся в ГИМ. М. В. Щепкина рассказала о роскошной лицевой Псалтыри из Хлудовского собрания № 3, еще в 1870-х годах названной Амфилохием «Симоновской». В ней имеется в Деисусе изображение апостола Симона Зилота, а около одной из миниатюр — приписка с обращением к заказчику: «Отче Симоне. . .» Амфилохий предположил, что им является тот же знатный новгородский инок Симон из Юрьева монастыря, для которого написано Новгородское евангелие 1270 г., и, следовательно, Хлудовская псалтырь могла быть заказана между 1270-м и 1280-м годами. Другая рукопись — Псалтырь 1296 г. из Синодального собрания № 235. В послесловии писец Захария говорит, что она написана для княгини Марины и что он смолоду написал много церковных книг.

Обе рукописи написаны прекрасным уставом с высоко поднятыми перекладинами. В языке имеются новгородские особенности. Орфография и присущие писцу особенности (в частности, повторение гласных) одинаковы в обоих случаях. Правда, Симоновская псалтырь написана по особому заказу, богато иллюстрирована, и самый почерк ее дает ряд вычурных начертаний, рассчитанных на украшение письма, однако в своей основе почерки обеих рукописей идентичны. По мнению докладчика, их писал один и тот же опытный писец Захария. Промежуток между их написанием составляет от 20 до 25 лет.

В заключение М. В. Щепкина подчеркнула, что для отождествления двух почерков требуется сличение как характерных, так и обычных начертаний. Кроме того, необходимо учитывать особенности языка и правописания.

Б. М. Клосс в своем докладе охарактеризовал общие методы отождествления почерков и их особенности при работе с рукописями различных эпох. Это имеет значение

¹ См. стр. 384—391 настоящего тома.

для датировки и локализации рукописей (при отождествлении с почерком известного писца); в текстологических исследованиях (при установлении взаимоотношения памятников); в археографической работе (обозрение состава рукописи и обнаружение частей ее, находящихся в различных собраниях). Докладчиком были приведены данные, позволяющие отождествить Тимофея-пономаря (писца Лобковского Пролога 1282 г.) со вторым писцом Синаодального списка Новгородской I летописи; исследование его почерка показало, что первая часть Синаодального списка летописи написана позднее Лобковского Пролога и, следовательно, должна быть отнесена примерно к концу XIII в.

Особое внимание Б. М. Клосс уделил задачам изучения древнерусских книгописных центров XV—XVI вв. Он рассказал о предпринимаемых исследованиях деятельности великокняжеской и митрополичьей мастерских, выдающихся книгописцев, постановки книгописания в Иосифо-Волоколамском монастыре. Систематическое обследование рукописных собраний крупнейших монастырей с применением метода идентификации почерков позволит сделать научно обоснованные выводы по истории письма, об особенностях распространения бумаги, о развитии художественных вкусов. Одновременно это прольет свет на историю формирования самих рукописных собраний, тесно связанную с широким кругом проблем.

В прениях принимали участие Л. П. Жуковская (Институт русского языка АН СССР), В. А. Кучкин (Институт истории СССР АН СССР), Б. Л. Фонкич (Институт всеобщей истории АН СССР).

Выступая по докладу М. В. Щепкиной, Л. П. Жуковская выразила сомнение в том, что Хлудовская псалтырь и Псалтырь 1296 г. написаны одним и тем же лицом, и в подтверждение своей точки зрения указала на разное начертание букв *з*, *ж*, на манеру одного из писцов делать точку на строке и т. д. Говоря о докладе Б. М. Клосса, Л. П. Жуковская заметила, что первая его часть не кажется убедительной из-за своей описательности. Однако материал второй части доклада — о составе монастырских собраний — вызывает большой интерес. Л. П. Жуковская подчеркнула необходимость издать снимки датированных рукописей в размер оригинала.

В. А. Кучкин, выступая по докладу Б. М. Клосса, отметил, что основное рукописное наследие представляют монастырские собрания, расселение которых чрезвычайно важная и нужная задача. Ценной в методике работы Б. М. Клосса является попытка при характеристике памятников исходить из целого ряда моментов (тщательная текстология, кодикология и др.).

Б. Л. Фонкич подчеркнул перспективность методики отождествления почерков, позволяющей по-новому рассмотреть ряд уже исследованных ранее рукописей и целых фондов. Он отметил достаточную убедительность и взаимосвязанность изложенных Б. М. Клоссом фактов, однако, по его мнению, на данном этапе исследования было бы преждевременно говорить о выработанной докладчиком методике.

М. В. Щепкина пояснила, что не имела возможности привести достаточное число убедительных снимков для показа всех нюансов почерка. Что же касается особенностей пунктуации, то, по ее мнению, писец мог пользоваться образчиком.

Б. М. Клосс заметил, что не видел необходимости иллюстрировать свой доклад, так как все упомянутые материалы были полностью изданы. По поводу отождествления почерков он сообщил, что, помимо приведенных данных, существует дополнительное указание на принадлежность обеих рукописей Тимофею-пономарю — они связаны с церковью св. Якова.

Закljučая утреннее заседание, С. О. Шмидт указал на содержательность прослушанных докладов, основанных на большом материале личных наблюдений. Он отметил, что М. В. Щепкина нарисовала достаточно убедительную картину датировки рукописей, соотнесенных с определенной школой писцов. Ее доклад — блестящий образец перехода от характеристики миниатюр к тексту. С. О. Шмидт подчеркнул богатство примеров и наблюдений в докладе Б. М. Клосса, который, по его мнению, привел достаточно доказательства в подтверждение своей гипотезы.

На вечернем заседании 26 апреля выступили с докладами Л. П. Жуковская «Экслитеральные методы отождествления почерков» и Н. Н. Розов (ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) «Об идентификации почерков старейших русских рукописных книг».

Доклад Л. П. Жуковской был основан на большом материале однотипных и однотипных почерков в рукописях XI—XIV вв., исследованных разными учеными и автором доклада. На примере изучения Остромерова евангелия (1056—1057 гг.) она показала, что одни ученые (И. И. Срезневский, Н. В. Волков, Ф. Ф. Фортунатов, М. М. Козловский), пользуясь традиционными палеографическими методами, не видели работы разных писцов там, где другие (первый — Н. М. Каринский) все же выявили присущие отдельным писцам детали начерка некоторых букв. Этот пример показывает, что участие разных писцов в создании одной рукописной книги может быть в дальнейшем выявлено и для других широко известных рукописей. Признавая, что основой установления границ работы писцов древней книги, в котором заинтересованы разные специалисты, является традиционное, детальное изучение начертаний букв, Л. П. Жуковская уделила главное внимание трудным случаям, когда «письмо разных рук» не определяется этим методом. Основное содержание доклада и было посвящено экслитеральным, т. е. внебуквенным, данным письма. Л. П. Жуковская исходит из

того, что «механизмы письма каждого лица должны так или иначе проявиться в древней рукописи», написанной разными лицами, даже если они владеют одним стилем письма, при однотипном начертании букв или при совпадении их вариантов. Проведенный докладчиком палеографический анализ Галичского (Костромского) евангелия 1357 г. показал, что механизмы письма могут последовательно проявляться при сходстве начертаний букв в месте постановки разделительной точки, двоеточия и др., в характере зачинательных и концовочных знаков (если последнее не связано с влиянием оригинала), в закономерностях употребления и начертания надстрочных знаков, титл и дужек. Механизмы письма могут проявляться и в выборе графических средств, например, при употреблении букв, имеющих графические варианты: *ou* — *y*, *u* — *i* (и десятиричное) и др., а также в разном наборе лигатур на концах строк. При однотипных почерках основанием для постановки вопроса о возможном участии в создании книги нескольких писцов могут быть внешние особенности рукописи: наличие незаписанных листов или частей листа, разные способы нумерации и разлиновки тетрадей, разные цвета красок в заголовках и инициалах, писавшихся самими писцами, размеры больших инициалов и их размещение относительно текста, оформление заголовков и оборотов, относящихся к зачинам. Особенности языка, текста и художественных деталей разных частей книги также могут указать на границы работы писцов. По мнению Л. П. Жуковской, сложность отождествления и различения почерков делает целесообразным многократное обращение специалистов к этому вопросу на разных этапах исследования рукописи; вызывает необходимость взаимосвязи и взаимопроверки с позиций разных наук.

В докладе Н. Н. Розова речь шла главным образом об Остромировом евангелии 1056—1057 гг., Изборнике Святослава 1073 г., Изборнике 1076 г. При идентификации почерков письма рукописной книги в первую очередь должно учитываться функциональное значение того или иного отрывка. Встречаются случаи, когда в одной и той же книге один и тот же писец меняет свой почерк в зависимости от предназначения определенного текста. Так, в Остромировом евангелии текст, читавшийся вслух, писался крупными, каллиграфическими буквами; текст, указывавший, когда и что надо читать, писался иначе, более мелко и небрежно. При идентификации почерков, кроме функционального назначения каждой рукописной книги в целом и отдельных мест ее текста, необходимо учитывать и все сопутствующие подтверждающие признаки. Например, для двух старейших Изборников — сходные элементы оформления там, где они явно не принадлежат художнику. Сходство почерка, орнаментальных деталей и некоторых непрофессиональных рисунков дает основания для идентификации главного писца Изборника Святослава диакона Иоанна с составителем Изборника 1076 г. — «грешным Иоанном». При идентификации почерков старейших памятников письма следует учитывать как отдельные палеографические, так и все кодикологические признаки. Это особенно важно не столько для однотомных и роскошных, сколько для многотомных и «неукрашенных» книг. Подтверждением может служить комплект новгородских Минеи конца XI—начала XII в., хранящихся в ЦГАДА. При общности кодикологических признаков — одинаковые формат и площадь, занимаемая на странице текстом, однотипная разлиновка и шивка тетрадей — их палеографические особенности весьма разнообразны, в частности почерки и разрисовка инициалов. Докладчик высказал предположение о происхождении Минеи из одной мастерской, где объединились писцы различных школ и не было специальных художников-оформителей. Таким образом, кодикологический анализ многотомных и «неподносных» рукописных книг позволяет установить существование книгописных мастерских уже в XI в. — и не только в Киеве, о чем говорится в начальной русской летописи, но и в Новгороде.

В прениях Л. В. Милов (Институт истории СССР АН СССР) отметил, что предмет палеографии — один из самых консервативных с точки зрения темпов развития методических приемов исследования, в частности появление новых приемов датировки рукописей и почерков — событие чрезвычайно редкое. Он указал на большую разобщенность исследователей-палеографов, поэтому сам факт созыва конференции весьма знаменателен. Однако задача определения тождества почерков не должна означать попытки отвлечься от изучения общих канонов письма, от использования всех материалов, характеризующих признаки письма данной эпохи в целом. Говоря о докладе Л. П. Жуковской, Л. В. Милов подчеркнул важность комплексного подхода к рукописям, а не выделения каких-то отдельных черт его. Доклад Н. Н. Розова, по мнению Л. В. Милова, явился примером того, как много нового и интересного может дать тщательный анализ рукописей, давно известных. Однако вопрос о том, что каждый тип письма имеет свое предназначение, требует очень осторожного подхода, и попытка решить его на узком материале весьма рискованна. Л. В. Милов поддержал предложение об издании альбома с образцами датированных рукописей, а также подчеркнул необходимость в исследованиях по отождествлению почерков опираться на графический материал, систематизированный в виде таблиц со статистическими выборками буквенных написаний, которые должны стать органической частью всех подобных работ.

Н. В. Тихомиров (Отдел рукописей ГБЛ) заметил, что в докладе Л. П. Жуковской впервые заострена мысль о том, что при отождествлении почерков недостаточно обращаться только к начертанию букв, о комплексных методах исследования. Однако

сам термин «экслитеральные методы», требующий слишком многих оговорок, по его мнению, вводить не следует.

По мнению *Т. А. Сумниковой* (Институт русского языка АН СССР), доклад *Л. П. Жуковской* показал необходимость установления четкой терминологии для характеристики методики идентификации почерков.

Л. С. Костун (Ленинградское отделение Института языковедения АН СССР) отметила, что различия писцов и различия в почерке не обязательно адекватны; у одного человека может быть несколько почерков.

В. С. Гольщенко (Институт русского языка АН СССР) подчеркнула, что для исследователей, практически занимающихся анализом почерков, наблюдения *Л. П. Жуковской* очень важны.

На утреннем заседании 27 апреля были заслушаны доклады *О. А. Князевской* (Институт русского языка АН СССР) — «Определение почерков в одной из ростовских рукописей XIII в.», *Л. М. Костюхиной* (Государственный исторический музей) «О некоторых принципах типизации и отождествления почерков в русских рукописях рубежа XVI—XVII вв.» и *Н. В. Сяницыной* (Институт истории СССР АН СССР) «О книгописной деятельности Исака Бирева-Собаки».

Доклад *О. А. Князевской* был посвящен лицевой рукописи Евангелия-апракос, хранящейся в Научной библиотеке Московского университета за № 2 Ag80 (инв. 288). Она не изучена и почти не известна в литературе; в настоящее время не содержит каких-либо записей, указывающих на время и место ее создания (возможно, запись была утрачена). Своеобразие письма и языка, палеографические приметы почерка и орнамента позволили автору доклада датировать рукопись XIII веком; палеографический и лингвистический анализ доказывают ее северо-восточное происхождение. В рукописи можно выделить пять почерков. При сравнении их с другими северо-восточными рукописями (житием Нифонта 1219 г., хранящимся в ГБЛ, и Толковым Апостолом 1220 г., хранящимся в ГИМ) выявляется близость почерков и возникает предположение о создании рукописей в одной книгописной мастерской, имевшей многочисленный штат писцов и художника.

В докладе *Л. М. Костюхиной* подчеркивалось, что отождествление почерков неразрывно связано с их типизацией. Только зная типичные, наиболее характерные и распространенные в определенное время разновидности письма, можно выделить индивидуальные особенности отдельного почерка, необходимые для отождествления. Процесс отождествления и типизации почерков отчетливо прослеживается при палеографическом изучении комплекса одиннадцати точно датированных и локализованных рукописных книг Четых-Миней 1599—1600 гг. из Чудовского собрания ГИМ (№ 307—317). Три этапа палеографического исследования этих рукописей включали общий сквозной просмотр всех книг, детальный анализ индивидуальных почерков в каждой книге и сопоставление выявленных почерков с типами более раннего русского письма. Выяснилось, что все книги написаны на одинаковой бумаге, одинаковыми чернилами, украшены однотипными инициалами, выполненными двумя видами киновари. В написании книг принимали участие 22 писца. В их почерках наблюдается три пласта начертаний: 1) общерусские, идущие от устава, 2) полууставные, типичные для XVI в., 3) индивидуальные. Все почерки имеют непосредственную общую основу в виде лучших образцов русского письма середины XVI в. (например, почерки Макарьевских Четых-Миней), которые, как известно, легли в основу печатного шрифта Ивана Федорова. Не случайно и сходство чудовских почерков с литерами шрифта книг Ивана Федорова. Это позволяет назвать общий тип чудовского письма русским полууставом со старопечатной основой. Внутри общего типа выделяются стилистические группы, объединяющие по несколько наиболее сходных почерков чудовских писцов; в дальнейших исследованиях они служат опорными пунктами для датировки рукописей XVII в. При анализе и квалификации почерков применяются четкие определения форм начертаний и описательные, образные характеристики. Контроль за отождествлением и типизацией письма ведется на основе всей совокупности данных рукописной книги: записи на полях, пометы и др.

Н. В. Сяницына избрала темой своего доклада наиболее трудный (из известных ей) случай отождествления почерков рукописных книг конца XV—первой половины XVI в. — почерк Исака Собаки, характерной чертой которого является наличие нескольких, избираемых сознательно, стилей письма, значительно отличающихся по внешнему облику. *Н. В. Сяницына* отметила, что существует разница между процессом отождествления и доказательством истинности отождествления. Если практические навыки, позволяющие исследователю безошибочно делать вывод об идентичности или различии почерков, вырабатываются в ходе его каждодневной работы с рукописями, то принципы научного описания, вопросы классификации и терминологии требуют специальной разработки (существенной составной частью доказательства является четкое и лаконичное описание характерных признаков анализируемого почерка). В результате исследования к двум рукописям Исака Собаки, имеющим запись, присоединено около 20 рукописей, переписанных им полностью или частично. Стало известно, что Исаак Собака работал в книгописной мастерской Гурия Тушина, участвовал в московской книгописной и художественной мастерской совместно с Михаилом Медоварцевым (конец XV—начало XVI в.) в переписке рукописей, связанных с де-

ательностью митрополичьей мастерской при Данииле, выполнял заказы Троицкого монастыря.

В прениях *Н. Н. Розов* отметил великолепную форму доклада *Л. М. Костюхиной*. Показ фотографий сделал его максимально убедительным и легко воспринимаемым. *Л. В. Милов* также подчеркнул убедительность доклада; подобный метод работы должен быть основным при исследовании полууставов. По докладу *Н. В. Синецкой* *Л. В. Милов* заметил, что в нем не наша места демонстрации методики идентификации почерков. По его мнению, автор опирался в основном на интуитивные предположения, в то время как предмет палеографии основан на точной фиксации сходства основных элементов письма. *Л. В. Милов* подчеркнул необходимость внедрения в палеографические исследования статистических методов и ЭВМ. *Л. С. Костун* подчеркнула важность и необходимость комплексного метода исследования.

На вечернем заседании 27 апреля были заслушаны доклады *Б. Л. Фонкича* «Гипотеза „Максим Грек — Михаил Триволис“ в связи с проблемой отождествления по почерку» и *И. С. Филипповой* (Институт русского языка АН СССР) «Об идентификации писцов на основании письма скорописи XVI—XVII вв.»

Б. Л. Фонкич на основании анализа двух бесспорных греческих автографов Максима Грека (Соф. 78, Псалтырь 1540 г.; Кир.-Бел. 120/125, Апостол 40-х годов XVI в.) и доступных лишь по изданиям и отдельным снимкам Парижской и Афонской рукописей (Paris gr. 1994; Dionysioz, 282), а также двух писем (Vatic. lat. 4103) пришел к следующим выводам: 1) гипотеза *И. Денисова* «Максим Грек — Михаил Триволис» должна быть признана верной; 2) рукопись Дионисиева монастыря не является автографом Максима Грека; 3) письмо двух ленинградских автографов Максима Грека свидетельствует о том, что он прошел хорошую школу письма и имел немалую практику греческого книгописания; в будущем возможно открытие его новых греческих автографов.

И. С. Филиппова отметила, что изучение скорописи как особого типа древнерусского письма только начинается. Необходима работа по типизации почерков, для этого надо уехать по хранилищам скорописные рукописи прежде всего XV—XVI вв., а затем и XVII в. Существующие определения скорописи неудовлетворительны; в них не учитывается ее главный признак — безотрывное написание элементов, составляющих букву, или целиком всей буквы, а в поздней скорописи XVII в. — и нескольких рядом стоящих букв. Теоретическое осмысление скорописи как особого типа письма и адекватное определение типа письма, проводимое разными людьми, имеет большое значение для описания рукописей в каталогах и картотеках и при отождествлении писцов. Прежде всего необходимо сравнивать рукописи, где представлен один и тот же тип письма. Работа по отождествлению почерков различных рукописей состоит из нескольких этапов. Сначала определяется буквенный состав каждой рукописи, затем для каждой буквы определенной рукописи составляется таблица начертаний. Несколько близких начертаний отдельной буквы объединяются в графические варианты, которые сравниваются по рукописям. При их тождестве можно предполагать, что рукописи принадлежат перу одного и того же писца. Для окончательного решения вопроса следует сравнивать не только приемы написания и сами начертания букв, но и последовательность их употребления, а также рисунок, характер расположения и употребления строчных и надстрочных знаков и т. д., т. е. проводить всесторонний анализ рукописей. На примере исследования письма «Сказания о чудотворной казанской иконе пресвятой богородицы» (ГИМ, Синод. 982) было показано распределение листов рукописи по писцам, отличное от предложенного *А. И. Соболевским* во вступлении к фототипическому изданию 1912 г. *И. С. Филиппова* отметила, что работа по отождествлению почерков имеет большое значение при изучении деловых документов и частных писем.

Г. В. Вздорнов (Институт истории искусств), выступая от имени историков искусства рукописной книги, подчеркнул важность совместной работы палеографов и искусствоведов и привел примеры того, какое значение может иметь палеография для историка искусства рукописной книги. Речь шла о Троицком кондакаре XII в., первоначально опубликованном как владимирский памятник и перешедшем позднее, благодаря палеографическому анализу, в разряд ростовских; о пергаментном листе с миниатюрой (из фондов Государственного русского музея), который оказался вырезанным из Сийского евангелия; наконец, о Киевской псалтыри, происхождение которой, благодаря палеографическим исследованиям, стало связываться со школой письма, существовавшей при Успенском соборе Московского Кремля. *Г. В. Вздорнов* поддержал основной вывод *Б. М. Клосса* о принадлежности перу Тимофея-пономаря двух рукописей: Лобковской пролога и Синодального списка Новгородской I летописи. Обычно рукописи писались писцами, находившимися на более высоких ступенях церковной иерархии, и тот факт, что, кроме упомянутых, больше не сохранилось рукописей, написанных пономарями, тоже подтверждает мысль *Б. М. Клосса*.

М. В. Щепкина, возвращаясь к судьбе Тимофея-пономаря, высказала предположение, что он последовательно проходил все ступени церковной иерархии, но, овдовев, мог на всю жизнь остаться пономарем.

О. И. Подобедова в заключительном слове еще раз остановилась на значении методики идентификации почерков, на проблеме выявления мастеров, мастерских и крупных книгоделательных центров. Это важно в плане изучения собственно истории руко-

писной книги и дальнейшего развития кодикологии, а также в плане развития многих языковедческих, литературоведческих и искусствоведческих дисциплин, необходимых для комплексного изучения художественной культуры средневековой Руси.

Первоочередной задачей является выработка общих строгих принципов методики идентификации почерков. Плодотворность ряда уже сложившихся приемов этой методики была продемонстрирована в докладах конференции. Изучение графики (и собственно начерка) письма позволяет определить основные методические приемы идентификации почерка мастера или группы мастеров: 1) выделение основного графического пласта — характерных общих признаков типа почерка данной эпохи (устав, полуустав с их промежуточными производными, вплоть до полуустава, переходящего в скоропись); 2) выяснение характерных признаков начерка в пределах данной рукописи, ее части или же группы рукописей, с обязательным составлением статистических таблиц, служащих для установления частоты и закономерности повторения индивидуальных начертаний (не связанных с типическими временными признаками); 3) обязательное введение третьего компонента исследования — типического почерка эпохи (и уже — времени исполнения данной рукописи), заведомо не являющегося почерком данного писца (т. е. свободного от особенностей исследуемого индивидуального почерка).

При идентификации почерков, как и при атрибуции рукописи в целом, необходимо опираться на данные языкового анализа, способные порой опровергать (или подтверждать) самые точные и, казалось бы, неопровержимые наблюдения в области графики письма. Огромным подспорьем, а часто едва ли не единственным признаком идентификации может явиться комплекс «экслитеральных» наблюдений. К ним необходимо прибавить общие данные изучения определенного кодекса, которые должны быть дифференцированы на типические признаки, связанные с традицией создания книги данного жанра (типа), а когда речь идет о характере оформления, то и со стилем эпохи (орнаментика, миниатюры), а также на собственно индивидуальные признаки, присущие данному кодексу или группе книг.

Говоря о перспективах дальнейшего развития методики идентификации почерков, О. И. Подобедова указала на равную необходимость теоретических исследований (типа доклада Б. М. Кюсса) и практической разработки строгой схемы принципов идентификации, создания методов выявления сходства и различия почерков, наилучшим образом чего может являться доклад Л. М. Костюхиной. Необходимость тщательного анализа графики шрифта (в особенности выявления типических и индивидуальных признаков начерка каждой буквы, каждого знака) предполагает издание специальных таблиц, альбома образцов почерка датированных рукописей. Дальнейшему изучению экслитеральных признаков в совокупности с анализом почерка должно помочь издание известнейших рукописей средневековой Руси, а также сводное описание и исследование рукописей по феодальным центрам — местам их создания. О. И. Подобедова выразила надежду, что состоявшееся научное заседание — лишь первый шаг к объединению специалистов разных профилей в деле изучения средневековой рукописной книги.

М. А. Орлова

В СИБИРСКОМ ОТДЕЛЕНИИ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Экспедиционное лето 1971 г. в Сибири оказалось вновь продуктивным. Шесть разновеликих групп были командированы для работы в Туву, Восточный и Южный Алтай, Зауралье, на Енисей и в Васюганье. Результат — более 200 памятников древней письменности и печати, данные о новых регионах, о миграции книг, о путях пополнения рукописных запасов старообрядцами старых, обследованных ранее районов.

Экспедициям 1971 г. была посвящена первая совместная конференция Новосибирского государственного университета, Сибирского отделения Археографической комиссии и Отдела редких книг и рукописей Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения АН СССР. С вступительным словом выступил *Н. Н. Покровский*. Он подвел итоги седьмого археографического сезона, подчеркнув, что за эти годы накоплен достаточный опыт археографического поиска, подготовлены новые кадры и раскрыты перспективные для дальнейшей работы районы. Нынешний сезон как итог многолетней кропотливой разработки районов был одним из наиболее удачных. *Н. Н. Покровский* называет находки Томского отряда (руководители: *Е. И. Дергачева-Скоп* и *В. Н. Алексеев*) — Толковое Евангелие 70-х годов XVI в. с глоссами, Пролог XV в., сборник литературного содержания XVI в. с отрывком «Сказания о Мамаевом побоище», собрание рукописей *И. Вяткина*; отмечает особо ценную находку *Е. З. Журавлевой* — Торжественник XV в. с сочинениями Кирилла Туровского и Климента Охридского; приобретения *Е. К. Ромодановской* — Евангелие, напечатанное в Вильне в 1575 г. с записью *Никиты Строганова*, и др. Важной задачей сибирских археографов является описание рукописей государственных хранилищ Сибири. Заканчивается подготовка к печати описаний крупнейших коллекций региона — Тобольска и Иркутска. Порадовал археографов этим летом Минусинский краеведческий музей — *Е. К. Ромодановская* обнаружила здесь копию сибирской летописи XVII в. В своем сообщении *Н. Н. Покровский* указал также на необходимость выявления представляющих научный интерес памятников сибирской крестьянской письменности и местной крестьянской рукописной традиции. Найти древнюю книгу, сказал он, половина дела. Впереди самое трудное — научный анализ найденного. Опыт студенческих научных работ на гуманитарном факультете показывает, что участие в этом процессе под силу студентам.

На специфике и перспективах археографической работы в Сибири остановилась в своем выступлении *Е. И. Дергачева-Скоп*, подчеркнув, в частности, что студенческий археографический отряд предпочитает широкий поиск, включающий разведку и скрупулезную разработку небольших районов, отдельных заимок и скитов. Видимо, только самый многочисленный студенческий отряд может позволить себе иметь разведгруппу. Вслед за ней обычно идут более крупные поисковые группы, имея конкретные данные о районе работы. Такой метод вот уже пятый год дает хорошие результаты и с каждым годом открывает перед нами все более тонкие приметы книги.

О результатах и особенностях работы своей группы сообщила *Е. К. Ромодановская*, более подробно остановившись на описании рукописи Минусинского краеведческого музея и особенно на сибирской летописи с массой неизвестных ранее фактов по истории Сибири XVII в., представляющей собой особую линию сибирского летописания — домовую летопись тобольских архиереев.

Студенты-старшекурсники, руководители небольших археографических групп, рассказали о специфике своих маршрутов, подчеркивая острую необходимость более детальной разработки методики поиска. *О. Шаньшина*, *Л. Ситников*, руководители разведгрупп Томского отряда, еще раз обратили внимание на плодотворность и важность работы подобных групп внутри больших районов. *Л. Соболева*, *О. Донских*, *А. Шашков*, *В. Важенин* показали интересную серию находок, ожидающих научного изучения.

В заключение выступил *В. Н. Алексеев*. С началом экспедиционной работы археографов в Сибири появился новый вид комплектования Отдела редких книг и рукописей Библиотеки СО АН СССР. В настоящее время, кроме Тихомировского собрания, отдел имеет группу собраний, составленных из приобретенных в экспедициях рукописей и старопечатных книг (более 500 единиц). В. Н. Алексеев говорил о ценности новых коллекций и целесообразности планомерного комплектования фонда отдела собраниями, составляющимися в процессе многолетней работы археографов на территории Сибири.

* * *

В конце 1972 г. Отделом редких книг и рукописей Библиотеки СО АН СССР совместно с учеными и работниками библиотек Сибири и Дальнего Востока предполагается выпустить первый сборник, посвященный редким и рукописным книгам Сибири. Сборник входит в серию «Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока», издаваемую Библиотекой СО АН СССР. Статьи сборника посвящены целым собраниям и отдельным памятникам, найденным, хранящимся или созданным в Сибири или о Сибири, а также собраниям западноевропейских книг различных библиотек.

Е. И. Дергачева-Сков

ОБ ИЗУЧЕНИИ КНИЖНОЙ ОРНАМЕНТИКИ В ОТДЕЛЕ РУКОПИСЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

15 ноября 1971 г. состоялось заседание Ученого совета ГИМ, на котором обсуждалась коллективная работа сотрудников Отдела рукописей «Русский книжный орнамент XI—начала XVII в.»

С докладом выступила заведующая Отделом рукописей *М. В. Щепкина*, осветившая следующие проблемы: цель работы и ее назначение — раскрыть содержание книжной орнаментики в фондах отдела, история и литература вопроса, сущность книжного орнамента и композиция листа русской рукописной книги. *М. В. Щепкина* подробно остановилась на структуре работы в целом и распределении тем между ее исполнителями. В ходе доклада показывались диапозитивы с образцами орнамента.

В процессе работы в основных собраниях отдела просматривались и учитывались все орнаментированные рукописи, из которых отбирались памятники, содержащие наиболее яркие и характерные образцы стилей орнамента. На основе предварительно составленных каталогов *Т. Н. Протасевой*, *Л. М. Костюхиной*, *Э. В. Шульгиной* и *Т. В. Диановой* были написаны обзорные статьи. Они содержат характеристики того или иного стиля орнамента, определяют время его бытования, появление элементов нового стиля в рамках предыдущего, затем отмирание его и появление новых орнаментальных мотивов.

М. В. Щепкина указала на необходимость при издании сопроводить статьи возможно большим числом иллюстраций, что окажет значительную помощь специалистам-искусствоведам, работникам краеведческих музеев; они смогут применять подобное издание как методическое руководство при описании книжных фондов. Работа также предназначена для художников-прикладников разных профилей, художников-реставраторов, учащихся художественных школ и вузов. *М. В. Щепкина* отметила, что в дальнейшем, несомненно, учет орнаментированных рукописей будет продолжен и по другим собраниям.

В выступлениях высказывались пожелания о выявлении орнаментированных рукописей по всем собраниям отдела, об издании каталога подобных рукописей.

О. И. Подобедова (Институт истории искусств) отметила ценность работы для широкого круга специалистов по истории культуры. Составленные обзоры рукописей хотя и нуждаются в более единообразном построении, но благодаря делению рукописей на группы по стилям и подробному описанию характерных признаков стиля в каждой группе способствуют выявлению историко-культурной стороны орнамента книг и указывают на культурные связи древней Руси с другими странами.

Выступление *Е. С. Овчинниковой* (ГИМ) было посвящено связям книжного орнамента с орнаментом произведений древнерусской живописи и других памятников материальной культуры.

Т. Б. Ухова (Государственные музеи Московского Кремля) подчеркнула важность предпринятой работы. Исследование орнамента уже проводится в ведущих хранилищах СССР и, в частности, в Отделе рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина. Особого внимания заслуживает изучение орнаментики рядовых рукописей (наряду с выдающимися памятниками), так как в них часто встречаются ценные данные по семантике орнаментальных форм.

М. М. Постникова и *З. А. Огризко* (ГИМ) подчеркнули необходимость издания каталога орнаментированных рукописей и выработки руководства по их описанию для работников краеведческих музеев.

С. О. Шмидт (Археографическая комиссия) отметил большое научное значение проделанной работы. ГИМ является средоточием многих ценнейших памятников искусства рукописной книги и — после работ *В. Н. Щепкина* — важнейшей школой научного изучения палеографии, орнаментики и рукописной миниатюры. Обсуждаемые работы имеют большую самостоятельную ценность; они служат и предварительным этапом к составлению научного описания орнаментированных рукописей. Создание

каталога таких рукописей — сложная задача, которая потребует усилий большого коллектива. С. О. Шмидт поставил вопрос о желательности подготовки «Сводного каталога орнаментированных и украшенных миниатюрами рукописей» при участии сотрудников всех хранилищ. В отношении рукописей до XVI в. работа облегчается наличием материалов «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР». С. О. Шмидт призвал руководство ГИМ принять меры к скорейшему изданию подготовленных отделом второй части «Описания Синодального собрания рукописей» и альбома водяных знаков¹. Такие издания становятся не только свидетельством высокого развития культуры древности, но и показателем уровня культуры наших современников.

Т. В. Дианова

¹ Т. В. Дианова. «Альбом-указатель водяных знаков бумаги XVII в. по рукописям Государственного исторического музея». — «Археографический ежегодник за 1968 год». М., 1970, стр. 459.

В ИНСТИТУТЕ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО АН СССР

На расширенном заседании Отдела русской классической литературы и Группы древнерусской литературы Института мировой литературы им. А. М. Горького 23 июня 1971 г. отмечалось 70-летие доктора филологических наук О. А. Державиной. Во вступительном слове К. Н. Ломунов подчеркнул, что она принадлежит к числу наиболее известных специалистов по древнерусской литературе.

С докладом о научной деятельности юбиляра выступил А. Н. Робинсон. Основные работы О. А. Державиной посвящены исследованию и научной публикации русских литературных памятников XVII в., повестей периода так называемой «смуты», переводной новелле, изучению связей древнерусской литературы с инославянскими и западноевропейскими литературами. Между личностью О. А. Державиной и избранными ею темами, сказал докладчик, порой возникают психологически закономерные внутренние связи. Ее облику как ученого и как человека свойственна редкая цельность. Твердая убежденность и настойчивая последовательность во взглядах, критическая объективность и постоянное трудолюбие невольно связываются не только по внешнему характеру работ, но и по духу с теми двумя старинными писателями, изучение которых было предпринято исследовательницей в двух первых ее монографиях: «Временник Ивана Тимофеева» (1951) и «Сказание Авраамия Палицына» (1955). Ясность мироощущения, мягкий юмор и добродушная веселость в соединении с высоким чувством долга и нравственным идеалом — эти черты облика О. А. Державиной как нельзя лучше отвечают качественному своеобразию двух ее последующих книг: «Фаецнии» (1962) и «Великое Зерцало» (1965). О широте научных интересов ученого свидетельствуют самые названия многих ее статей, например: «Основные задачи сравнительно-исторического изучения славянских литератур», «К вопросу о художественном методе и поэтическом стиле русской исторической повести XVII в.», «Трагедия Пушкина „Борис Годунов“ и русские исторические повести начала XVII в.» О. А. Державина впервые (в 1946 г.) выдвинула мысль о том, что изображение характера человека начинает складываться у русских писателей в первой трети XVII в. В последние годы плодотворные труды исследовательницы были сосредоточены на изучении ранней русской драматургии («Русская драматургия последней четверти XVII — начала XVIII в.», 1972). О. А. Державина принимает активное участие в международной научной жизни: она выступала с докладами на международных съездах славистов в Софии («Работа русских переводчиков над сборником „Великое Зерцало“», 1963), в Праге («К вопросу сравнительно-исторического изучения европейской и русской драматургии XVII в. Традиции Средневековья и новые элементы в пьесах об Иосифе», 1968), в Белграде на V конгрессе по сравнительному литературоведению («К вопросу о русском литературном барокко», 1967). Под ее редакцией был издан второй выпуск трудов Группы древнерусской литературы («Древнерусская литература и ее связи с новым временем», 1967). В качестве бессменного ученого секретаря Группы древнерусской литературы О. А. Державина ведет большую работу по объединению вокруг группы научного актива, исследователей средневековой русской культуры, истории, литературы, искусства.

Юбиляра тепло приветствовали от дирекции Института мировой литературы им. А. М. Горького А. М. Ушаков, член-корр. АН СССР Д. Д. Благой, В. Я. Кирпичин (Литературный институт им. А. М. Горького ССП), Н. И. Прокофьев и В. И. Федоров (Московский государственный пединститут им. В. И. Ленина), Л. П. Жуковская (Институт русского языка АН СССР), С. О. Шмидт (Археологическая комиссия), Л. В. Тиганова (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина), Н. Б. Салько (Третьяковская галерея), М. А. Соколова и А. С. Елеонская (общественные организации Института мировой литературы). Многочисленные приветствия и телеграммы были получены: от академика Д. С. Лихачева, члена-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, члена-корр. АН СССР Р. И. Аванесова, О. И. Подобедовой, М. В. Щешкиной, В. М. Сидельникова, польских ученых Ю. Леваньского и П. Левиной, болгарских славистов академика П. Динекова и профессора В. Велчева, немецкого слависта К. Гюнтера (ГДР), английского ученого Г. Томсона и др.

Институт научной информации и Библиотека общественных наук АН СССР организовали выставку печатных трудов О. А. Державиной и других изданий Группы древнерусской литературы.

В. П. Гребенюк

РАБОТА ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ СМОЛЕНСКОЙ ДЕРЕВНИ

Основная масса источников по истории современной деревни образуется в процессе социально-экономической, политической и культурной деятельности колхозов и совхозов. Это документы планирования, отчетности, текущее делопроизводство во всех подразделениях (бригадах, отделениях, фермах), первичных партийных и общественных организациях, переписка. Однако углубленное изучение истории сельского хозяйства требует создания и привлечения ряда других источников.

Историки-исследователи, работающие в Смоленской области, и широкий актив краеведов уже давно собирают материалы по истории колхозов и совхозов. Они представлены в музеях или Уголках трудовой славы, созданных в школах, колхозах и совхозах; особенно широко известен музей колхоза им. В. И. Ленина Починковского района.

Около 15 лет назад началось составление Летописей и Хроник трудовой славы. На опыте «Летописи трудовой славы» колхоза «Красный партизан» Рудянского района в методическом кабинете Управления культуры Облисполкома была разработана специальная «Памятка», послужившая руководством для всех колхозов и совхозов области. «Летописи трудовой славы» являются важным источником; фиксируя в хронологической последовательности наиболее важные события, они воспроизводят тексты документов, подкрепляют записи диаграммами, таблицами, вырезками из газет, фотографиями.

Сравнительно новой формой источников явились «Родословные книги крестьянских династий». Первые такие книги стали составляться комсомольцами колхоза «Советская Россия» Хиславичского района. По инициативе и под руководством колхозного киномеханика И. Я. Туркова созданы «Родословные книги» семей Фроловых, Морозовых, Журовых, Спружей. Учащиеся Ленинской средней школы написали «Родословные книги» династий хлеборобов Савченковых, Мачанковых, Пшеничных; в Снегиревской восьмилетней школе Шумячского района создаются «Родословные книги» колхозников Хацковых и Акимовых. Собираются материалы о династиях механизаторов и животноводов в Мурыгинской, Каспьянской, Стабенской и других школах. Начинание молодежи поддержано смоленскими писателями: к созданию документальных повестей о крестьянских династиях приступил писатель Н. Павлов.

Известные историкам родословные дворянских династий доказывали знатность происхождения феодалов, их права на владение землей и эксплуатацию крестьян. Родословные книги и семейные хроники династий колхозников и рабочих совхозов — это повествования о поколениях борцов за свободу от эксплуатации, социалистическое переустройство деревни. Они хранятся как драгоценные реликвии и донесут до будущих поколений, как жили крестьяне до Великой Октябрьской социалистической революции, как устанавливали Советскую власть, громили белогвардейские банды, прокладывали первые борозды на колхозных полях, как труженики села защищали Родину в суровых боях с гитлеровскими полчищами, как восстанавливали разрушенные села и самоотверженно трудятся сегодня. Материалы «Семейных хроник» и «Родословных книг» имеют огромное политико-воспитательное значение, они используются в радиопередачах, местной и центральной печати, лекциях и докладах.

Значительный размах в последние годы приобрела деятельность по написанию истории колхозов и совхозов, например, в Гагаринском районе — колхоза им. Пушкина, совхоза «Родоманово». Ведется работа по изучению прошлого сел Васкаково, Бурково, Кикино, Карманово, Самуйлово, Темкино и др. Написана история колхоза им. А. М. Горького Ельнинского района, в Ярцевском районе изучена история четырех колхозов. Наиболее удачно написана история колхоза «Заря» Починковского района. Ее автор С. Г. Марченков в течение 14 лет был председателем этого колхоза, вел записные книжки, изучал прошлое сел и деревень, объединившихся в колхоз. В обстоятельном рассказе он шаг за шагом прослеживает историю создания, реорга-

низации и объединения коллективных хозяйств, раскрывает судьбы десятков и сотен простых тружеников и вожаков колхоза, анализирует экономические показатели. Под рубрикой «Заре навстречу» часть книги опубликована в 60 номерах (с 16 июля 1968 г. по 12 июля 1969 г.) районной газеты «Сельская новь».

В послевоенные годы осуществлен ряд мероприятий по изучению и развитию производительных сил края. Сейчас развертывается обследование сельских поселений, в котором наряду с кафедрой истории СССР Смоленского государственного педагогического института им. К. Маркса участвуют Управление культуры Облисполкома, местное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и Государственный архив Смоленской области.

Смоленская область является районом старого русского заселения с исторически обусловленным множеством мелких и мельчайших сельских поселений¹. Главной причиной такого явления было, видимо, господство мелкопоместного землевладения и стремление помещиков приблизить рабочие руки к господской запашке, а это вело к ограничению размеров крестьянских поселений. Развернувшиеся с победой Великой Октябрьской революции социалистические преобразования сельского хозяйства вызвали укрупнение поселков, но и сейчас в области насчитывается свыше 7 тыс. сел, деревень и хуторов, многие из которых, как и прежде, не превышают десяти дворов. Мелкие сельские поселения становятся тормозом дальнейшего социально-экономического развития колхозов и совхозов. Поэтому признано целесообразным выделить в ныне существующих 152 колхозах и 275 совхозах примерно 1500 населенных пунктов, с тем чтобы по мере переселения людей с хуторов и из мелких деревень они стали крупными селами на 1200—2000 жителей каждый. Это будут благоустроенные современные поселки городского типа; изменение облика сел и деревень уже началось и будет происходить очень интенсивно.

В то же время необходимо учитывать, что со многими смоленскими деревнями связаны выдающиеся военные, революционные и культурные события, что они стали своего рода историческими памятниками. С исчезновением мелких и мельчайших сел и деревень не должна быть утрачена и забыта их славная история; следует запечатлеть и их современный облик, еще сохранивший много традиционного.

Программа проводимого обследования предусматривает сплошное фотографирование и анкетирование всех сел и деревень, а также выборочное детальное описание перспективных поселений. Она предполагает создание в местном государственном архиве специального фонда новых массовых источников, где будут постоянно храниться негативы и фотографии общего вида каждого села или деревни, наиболее типичных традиционных и новых строений, памятников истории и культуры, знатных колхозников и рабочих совхозов.

Анкета включает сведения о местоположении каждого населенного пункта, его административном и производственном значении, населенности, благоустройстве, жилом фонде, учреждениях здравоохранения, культурно-просветительных, бытовых и т. п.

Работа по написанию истории колхозов и совхозов, «Летописей трудовой славы», «Родословных книг крестьянских династий», сбор материалов обследования — большое патриотическое дело, направленное на изучение и увековечение славных трудовых традиций нашего народа. В процессе этой работы выявляются и используются ценные документы и материалы, расширяющие источниковую базу для исследований по истории смоленской деревни.

Г. Т. Рябов

¹ В 1859 г. в общем числе 12 006 сел и деревень было учтено 1112 поселений с одним двором, 1011 — с двумя, 2863 — с тремя—пятью и 3464 — с шестью—десятью дворами. Лишь два сельских поселения имели свыше ста дворов каждое («Списки населенных мест Российской империи. Смоленская губерния». СПб., 1868, стр. 429).

АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ ГУБЕР

(1902—1971 гг.)

Кончина академика Александра Андреевича Губера — тяжелая утрата для науки. Закончил свой путь выдающийся ученый — историк и востоковед, председатель Национального комитета историков СССР, президент Международного комитета исторических наук. От нас ушел человек проницательного интеллекта и энциклопедической образованности, обаятельного жизнелюбия и остроумия.

Александр Андреевич совсем немного не дождал до своего семидесятилетия. Он принадлежал к тому поколению востоковедов, на долю которого выпала трудная задача заложить в развитии этой отрасли науки основы нового, послеоктябрьского этапа, отмеченного переходом на путь марксистской методологии и ориентацией на преимущественное внимание к социально-экономическим проблемам и к гражданской истории, особенно новейшей. Обширные знания и блестящий талант позволили А. А. Губеру выступить во многих сферах общественной науки ученым-новатором. Оставленное им наследие весьма велико. Оно включает капитальные труды по новой истории и социальному строю стран Юго-Восточной Азии, статьи и рецензии по многообразным проблемам ряда других стран Востока и Латинской Америки, работы по общим вопросам востоковедения и по теории национально-освободительного движения, обзоры по истории исторической и востоковедной науки в СССР, научно-популярные сочинения, общественно-публицистические выступления.

Эта короткая заметка не претендует, естественно, на освещение всей полнокровной 45-летней научной деятельности покойного. В настоящее время готовится к печати несколько статей, рассматривающих различные стороны научного наследия Александра Андреевича, они будут появляться и в будущем. Наша задача весьма ограничена: напомнить об одной из особенностей трудов А. А. Губера, определившей, в значительной мере, творческий облик ученого. Эта особенность состоит в том, что с первых шагов своей научной работы Александр Андреевич усвоил исключительно строгое отношение к источниковой базе исторического исследования, умение разыскать оригинальный источник, прочитать критическим взором, оценить его достоверность, извлечь и ввести в научный оборот максимум полезной информации.

Первое десятилетие научной деятельности А. А. Губера (с середины 20-х до середины 30-х годов), протекавшее в основном в рамках Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем, проходило под знаком преимущественного интереса к вопросам современного социального строя и экономических отношений у народов Востока. Это определило акцент на использование прежде всего такого источника, как статистика — экономическая, демографическая, социальная. Анализ зарубежных и отечественных статистических публикаций с разбором их

методики и оценкой объективности составляет специальное содержание целого десятка статей Александра Андреевича, появившихся в печати за указанные годы. Кроме этого, все его работы тех лет, посвященные отдельным проблемам социальной структуры в Афганистане, Индии, Индонезии, включая важнейший монографический труд этого периода — «Индонезия. Социально-экономические очерки» (М.—Л., 1932), — не только построены на основе тщательного отбора и обработки статистических и иных источников, но и содержат критический разбор соответствующих публикаций. Александр Андреевич вскрывает их научное значение, а подчас показывает ненадежность или прямую ошибочность сообщаемых данных.

Не удовлетворяясь наличными опубликованными материалами, Александр Андреевич использовал первую же предоставившуюся возможность для прямого сбора необходимых сведений: для изучения социальных отношений у некоторых кочевых племен Афганистана он предпринял летом 1930 г. полевое обследование нескольких племенных групп, перешедших с афганской территории в СССР. В ходе экспедиции Александру Андреевичу удалось установить дефектность ряда данных переписи в отношении этих групп, собрать разносторонние сведения о них, провести опросы среди разных слоев населения. Это позволило сделать интересные выводы в области состояния родовых отношений, развития социальной дифференциации и т. п. Результаты работы опубликованы в статье А. А. Губера «О приграничных племенах Кушкинского района» («Революционный Восток», 1930, № 8).

В целом комплекс социально-экономических работ А. А. Губера 1926—1935 гг. остается образцом источниковой скрупулезности и творческого отношения к материалу.

С середины 30-х годов интересы Александра Андреевича перемещаются в направлении исторических исследований. Соответственно меняется характер источниковой базы его работы. В центре внимания ученого оказываются исторические документы и свидетельства, а поиск новых, ранее не использованных источников естественно приводит его к обращению в архивы. Использование материалов из русских архивов для освещения истории зарубежных стран было в то время редким явлением в нашей исторической науке и в востоковедении. Александр Андреевич мастерски продемонстрировал возможность такого использования архивов в наиболее известном своем труде «Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм» (защитен в качестве докторской диссертации в 1943 г., опубликован первым изданием в 1948 г., вторым — в 1961 г.). В этой книге исследователь провел обстоятельный анализ всех внутренних и международных сил, приведших в столкновение на Филиппинах на рубеже XIX и XX вв., что позволило ему впервые в мировой литературе раскрыть объективное социальное содержание сложного узла исторических событий — победы демократической национально-освободительной революции, создания первой в Азии республики, поражения ее в войне с американскими интервентами. В Архиве внешней политики России Александр Андреевич сумел разыскать среди документов 1896—1902 гг. дипломатическую переписку, позволяющую по-новому осветить многие важные аспекты филиппинской истории: влияние соперничества держав на колониальную политику Испании и США, некоторые факты борьбы Филиппинской республики за международное признание, обстоятельства начала филиппино-американской войны (по этому последнему вопросу, как и по ряду других, материалы АВПР дали автору дополнительные доводы для опровержения предвзятых оценок, встречающихся в работах ряда американских историков).

Книга «Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм» дала толчок новому направлению археографического поиска в нашей стране: она впервые показала, что в русских архивах можно найти материалы не только по странам, сопредельным с Россией или входившим так или иначе в сферу ее интересов, но и по таким районам мира, где Россия не вела активной политики. Это навело ряд историков — учеников Александра Андреевича — на мысль начать широкие разыскания по полному выявлению в архивах СССР источников, относящихся к странам Юго-Восточной Азии. Естественно, что, когда такая работа была начата в 1959 г. группой сотрудников Института востоковедения АН СССР, А. А. Губер стал ее научным руководителем и повседневным наставником. Первые результаты работы были доведены до сведения советской и зарубежной научной общественности в совместном докладе А. А. Губера и трех его младших коллег на XXV Международном конгрессе востоковедов (Москва, 1960 г.). В докладе был дан краткий обзор выявленных документов и делался вывод, что они содержат богатую новую информацию, характеризующую колониальную политику держав и национально-освободительное движение в Юго-Восточной Азии. Обоснованность такого вывода была продемонстрирована, когда на протяжении 1962—1967 гг. выявленные архивные материалы увидели свет в виде трех обширных сборников, содержащих в общей сложности около девяти сот документов из АВПР, ЦГВИА и ЦГАВМФ («Политика европейских держав в Юго-Восточной Азии, 60-е гг. XVIII в. — 60-е гг. XIX в. Документы и материалы». М., 1962; «Политика капиталистических держав и национально-освободительное движение в Юго-Восточной Азии, 1871—1917. Документы и материалы», ч. I. М., 1965; то же, ч. II. М., 1967). Ответственным редактором публикаций и автором предисловий к каждому из сборников выступил А. А. Губер.

Предисловие ко всей серии Александр Андреевич начинает с того, что ставит данную публикацию в связь с традицией советской археографии по изданию дипломатических документов царской России. За этим следует весьма глубокое рассмотрение тех особенностей внешней политики России (и их корней в развитии общественных отношений), которые определили характер интереса русской дипломатии к региону Юго-Восточной Азии, а тем самым — характер и состав отложившихся в архивах документов на эту тему. Автор показывает, что ввиду отсутствия у России специфических колониальных интересов в странах Юго-Восточной Азии информация царских дипломатов по этим странам отличалась относительной беспристрастностью, трезвостью и дальновидностью. Не испытывая сочувствия к народной борьбе против колонизаторов, русские дипломаты, однако, как отмечает Александр Андреевич, зачастую проливают свет на события, о которых предпочитала умалчивать официальная иностранная печать и историография. Александр Андреевич проводит, в связи с этим, сопоставление научной ценности советской публикации с архивными публикациями на сходную тему, появившимися в Англии, США, Голландии и Испании.

Помимо этих общих соображений, относящихся к серии в целом, Александр Андреевич в предисловиях к каждому из сборников подвергает обстоятельному анализу все основные комплексы документов. При этом он дает развернутую оценку исторической обстановки для каждой страны и каждого периода ее развития, указывает степень достоверности и новизны важнейших сведений, сообщаемых в документах, а также в ряде случаев использует эти новые данные для полемики с ошибочными или пристрастными суждениями некоторых зарубежных востоковедов. В совокупности три предисловия к архивным сборникам являются, по существу, законченным оригинальным исследованием Александра Андреевича по истории колониальной политики и антиколониального движения в Юго-Восточной Азии с конца XVIII до начала XX в.

Интерес А. А. Губера к проблемам источниковедения и археографии далеко выходил за рамки его основной специальности. Многочисленные ученики Александра Андреевича навсегда запомнили наставления своего доброжелательного, но строгого учителя и прежде всего его неизменное требование тщательного разыскания источников, критического прочтения их и использования. Александр Андреевич всегда находил слова одобрения тем историкам-востоковедам разного профиля, труды которых отличались широким и умелым привлечением источников, особенно если это источники архивные. Такова, например, его рецензия на труд Г. Л. Бондаревского «Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива», в которой особо отмечается использование автором неопубликованных русских дипломатических донесений для освещения не только международного соперничества, но и внутриполитической борьбы в Турции и Иране («Народы Азии и Африки», 1969, № 1).

Известно, что А. А. Губер проявлял определенный интерес к истории Латинской Америки. Он посвятил этой теме несколько заметок и рецензий, выступил редактором ряда книг. Латинамериканская история находилась на периферии необычайно многосторонних научных занятий Александра Андреевича, но и в этой области можно отметить его первоочередное внимание к введению в оборот ранее не опубликованных архивных источников. Он высоко оценил использование русских архивных материалов и редких мемуарных изданий XVIII в. в книге В. Мирошевского «Освободительные движения в американских колониях Испании», которую рецензировал на страницах «Вопросов истории» (1946, № 8—9). В 1961 г. Александр Андреевич сопроводил интересное предисловием публикацию нескольких документов из Центрального государственного военно-исторического архива и Центрального государственного архива военно-морского флота, освещающих политику США в отношении Кубы в 1898—1912 гг. В кратком предисловии Александр Андреевич объективно оценил достоверность выявленных в архиве материалов, тонко отметил личные качества их авторов — русских офицеров, в рапортах которых меткость наблюдений сочеталась с наивностью политических суждений («Исторический архив», 1961, № 3).

А. А. Губер всегда считал, что сложному умению работать над первоисточником следует учиться начиная со студенческой скамьи — только так может быть взращен полноценный историк. Этот принцип Александр Андреевич настойчиво реализовал в своей многолетней преподавательской деятельности в стенах исторических факультетов Московского университета и Московского городского педагогического института, в Институте восточных языков. Преследуя ту же цель, Александр Андреевич выступил одним из редакторов первого тома «Хрестоматии по новой истории» (М., 1963), в которой собраны в учебных целях некоторые основные источники по истории XVII—начала XIX в.

Забота А. А. Губера об обеспечении надежной источниковой базой как исторических исследований, так и работ по современности хорошо выражена в его письме (написанном совместно с рядом коллег) в редакцию журнала «Международная жизнь» (1956, № 12). В этом письме с большой прямоотой было подвергнуто критике то обстоятельство, что «у нас нет биографических изданий, которые содержали бы справки о политических деятелях различных стран, нет научных и систематических публикаций документов иностранных государств, политических справочников о партиях и государственных органах». Как известно, положение в этой области ныне существенно

удушилось. Нет сомнения, что своим авторитетным голосом Александр Андреевич содействовал решению проблемы.

А. А. Губер достойно нес обязанности члена Археографической комиссии АН СССР с момента ее создания — он не только активно участвовал в работе комиссии, но и всей своей деятельностью талантливого ученого и выдающегося организатора науки внес важный вклад в развитие советской археографии, как он внес его и во многие другие области общественных наук.

Александр Андреевич ушел от нас в расцвете сил, полный творческих планов. Последние годы жизни он собирал материалы для задуманной им работы о Джеймсе Бруке, которая должна была сквозь призму яркой биографии этого авантюриста рассказать о перипетиях англо-голландской борьбы за Индонезию в первой половине XIX в. Теме англо-голландского соперничества в Юго-Восточной Азии в XVIII—XIX вв. он намеревался посвятить также специальное исследование. Незадолго до смерти Александр Андреевич получил возможность полгода посвятить розыскам в библиотеках Англии источников для этих книг. К глубочайшему сожалению, он успел лишь сделать наброски нескольких разделов той и другой работы, но и они представляют большой интерес. Рукописное научное наследие Александра Андреевича сейчас изучается. Не увидевшие свет фрагменты последних его сочинений предполагается включить в сборник его избранных произведений, который готовится к печати в Институте востоковедения АН СССР.

Трудам Александра Андреевича Губера суждена, несомненно, долгая жизнь. Он остается среди нас в своих книгах, в выпестованных им учениках и в учениках его учеников. Такова завидная судьба всякого истинного ученого.

Г. И. Левинсон

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и сообщения

<i>С. Н. Валк (г. Ленинград)</i> . Археографическая «легенда»	5
<i>В. И. Буганов</i> . Об издании русских летописей	17
<i>Р. П. Дмитриева (г. Ленинград)</i> . Монографические исследования — издания памятников древнерусской литературы	29
<i>Л. В. Черепнин</i> . Публикации русских актов XIV—XVI вв., осуществленные в советское время	36
<i>З. Г. Самодурова</i> . Об изучении греческого рукописного наследия в СССР (1945—1971 гг.)	50
<i>М. И. Автократова, К. И. Рудельсон, Л. И. Сесина</i> . Разработка основ Единой системы научно-справочного аппарата к документальным материалам в советском архивоведении	58
<i>А. В. Елпатьевский</i> . О документальных источниках современных историко-биографических и генеалогических исследований	72
<i>Н. В. Бржостовская</i> . Вопросы архивного дела на археологических съездах в России (1869—1911 гг.)	89
<i>М. И. Слуховский</i> . Термин «библиотека» в феодальной России	106
<i>Л. Л. Муравьева</i> . Заметки о первых московских летописных записях	113
<i>Я. С. Лурье (г. Ленинград)</i> . Источник «Сокращенных летописных сводов конца XV в.» и Устюжского летописца	120
<i>Н. В. Симицына</i> . Ранние рукописные сборники сочинений Максима Грека (кодикологическое исследование)	130
<i>Р. Г. Кузеев (г. Уфа)</i> . Шежере — письменные источники по средневековой истории башкирского народа	141
<i>Л. А. Никитина</i> . «Русские» источники и приемы их обработки в произведениях Т. Нэша	148
<i>Я. Н. Шапов</i> . Новый документ по истории Молдавии и молдавско-украинских связей XVII в. — «катастих» воеводы Семеона Могилы	154
<i>Н. Б. Шеламанова</i> . Документы государственных межеваний 30—40-х годов XVII в.	161
<i>М. Н. Ларченко</i> . Перечневая роспись оружейной казны царя Алексея Михайловича 1647 г.	173
<i>Б. Н. Комиссаров (г. Ленинград)</i> . Судьба архива первой русской экспедиции в Бразилию	182
<i>Л. Н. Петрова</i> . К истории издания листовки «К рабочим и работницам фабрики Торнтона»	191
<i>Н. Н. Розов (г. Ленинград)</i> . О возрождении традиций академика В. Н. Перетца в археографических экспедициях	195
<i>Н. М. Михайлова (г. Душанбе)</i> . М. С. Ольминский о собирании биографических материалов	201
✓ <i>Г. П. Махнова</i> . У истоков советского источниковедения (о научной деятельности Н. Н. Авдеева)	212
<i>Д. М. Эпштейн</i> . К истории преподавания археографии в Московском государственном историко-архивном институте	219

<i>Д. С. Лихачев (г. Ленинград)</i> . Н. И. Конрад как руководитель серии «Литературные памятники»	226
<i>Н. М. Дружинин</i> . Больше творчества и самостоятельности	231
<i>Э. С. Паина (г. Ленинград)</i> . Н. М. Дружинин-археограф	240
<i>И. А. Миронова, А. И. Юст</i> . О деятельности М. В. Нечкиной в области археографии и источниковедения	248

Тихомировские чтения 1971 г.

<i>Г. А. Белов</i> . О работе архивных учреждений по формированию источниковой базы советской исторической науки и введению ее в научный оборот	263
---	-----

II. Обзоры, описания, библиография

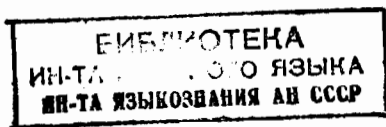
<i>А. А. Амосов</i> . Копийная книга Антониева-Сийского монастыря	276
<i>С. Н. Искюль (г. Ленинград)</i> . Вестфальский архив в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина	284
<i>Э. С. Паина (г. Ленинград)</i> . Распространение произведений В. И. Ленина в до-революционной России (обзор материалов ЦГИА СССР), ч. 2	290
<i>И. Е. Тамм</i> . Материалы ЦК профсоюза совработников по истории делопроизводства в первые годы Советской власти	299
<i>В. Ю. Афиани</i> . Эпистолярное наследие Ф. И. Буслаева в московских хранилищах	304
<i>К. А. Уваров</i> . Неизданный труд Г. З. Кунцевича (обзор гранок второго тома «Сочинений князя Курбского»)	315
<i>С. Б. Филимонов</i> . Обзор архива М. И. Смирнова	318
<i>М. Я. Ржезникова</i> . Обзор личного фонда академика Е. А. Косминского	325
<i>Л. В. Тюренкова (г. Геленджик)</i> . Обзор архива историка-краеведа Б. А. Шляева	331
<i>В. Н. Гинев (г. Ленинград)</i> . Обзор личного архива Ш. М. Левина	333
Список трудов Е. Э. Гранстрем (К 60-летию со дня рождения)	337

III. Публикации

Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в., ч. 2 (подготовила <i>М. В. Кукушкина</i> — Ленинград)	341
Неизвестный памятник древнерусской литературы: «Грамота государяцаря и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси к Степану, королю польскому» (подготовил <i>Д. К. Уо</i> — Гарвард, США)	357
Статья <i>В. Г. Короленко</i> «О современном положении» (1906 г.) (подготовил <i>Н. Н. Митрофанов</i>)	362
Доклад <i>М. Н. Тихомирова</i> 1960 г. о составлении Сводного каталога древних рукописей (подготовила <i>И. П. Староверова</i>)	368

IV. Хроника

<i>И. Е. Тамм</i> . Деятельность Археографической комиссии в 1971 г.	373
<i>Н. В. Шеламанова</i> . Сопещение по составлению Сводного каталога славяно-русских рукописей XI—XIV вв.	384
О работе над Предварительным списком славяно-русских рукописей XV в., хранящихся в СССР	392
<i>М. А. Орлова</i> . Конференция, посвященная методике идентификации почерков в древнерусской рукописной книге	393
<i>Е. И. Дергачева-Скоп (г. Новосибирск)</i> . В Сибирском отделении Археографической комиссии	399
<i>Т. В. Дианова</i> . Об изучении книжной орнаментики в Отделе рукописей Государственного исторического музея	401
<i>В. П. Гребенюк</i> . В Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР	403
<i>Г. Т. Рябков (г. Смоленск)</i> . Работа по изучению истории смоленской деревни	404
<i>Г. И. Левинсон</i> . Александр Андреевич Губер (1902—1971 гг.)	406

Археографический ежегодник за 1971 год

*Утверждено к печати
Отделением истории АН СССР*

Редактор издательства *С. А. Левина*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технические редакторы *Н. Н. Плохова, Т. И. Анурова*

Сдано в набор 21/VI 1972 г. Подписано к печати 25/X 1972 г.

Бумага № 2. Формат 70×108¹/₁₆.

Усл.-печ. л. 36,05. Уч.-изд. л. 41,0. Тираж 1600 экз.

Тип. зак. 1250. Т-16938. Цена 2 р. 81 к.

Издательство «Наука»
103717ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, 12

АРХЕОГРА-
ФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

1971